

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2023

Том 22. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2023

Volume 22. No. 1

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2023. Vol. 22. No. 1

Academic Periodical

First published in 1998

2 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included into the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);

V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);

N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);

E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);

A.N. Dyachenko (Volgograd)

N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);

V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Board by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal’s development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc. *A.M. Oblomskiy* (Moscow); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*, *N.M. Vishnyakova*,
M.V. Gayval, *A.A. Lagutina*, *Yu.I. Nedelkina*
Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Mar. 24, 2023.

Date of publication: , 2023. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 33.1. Published pages 33.4.

Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).

Order 68. «C» 13.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2023. Т. 22. № 1

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 2 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет
Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зилвинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мона-*

хов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргуно-*

ва (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский*

(г. Казань); д-р ист. наук *А.М. Обломский* (г. Москва);

д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН *Н.В. Полосьмак*

(г. Новосибирск); канд. ист. наук *Б.А. Раев* (г. Ростов-

на-Дону); д-р ист. наук *Н.Н. Серегин* (г. Барнаул); д-р

ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн, Германия); д-р ист.

наук, проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэдисон, США); д-р ист.

наук, проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*

Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, А.А. Лагутина,

Ю.И. Неделькина

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 24.03.2023 г.

Дата выхода в свет: . 2023 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 31,1.

Уч.-изд. л. 33,4. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).

Заказ 68. «С» 13.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Балабанова М.А. Междисциплинарные исследования в археологии в Волгоградском государственном университете 6

СТАТЬИ

Борисов А.В., Горошников А.А., Каширская Н.Н., Мимоход Р.А., Пинской В.Н., Потанова А.В., Смекалова Т.Н. Почвенно-микробиологические подходы к реконструкции назначения построек на древних поселениях 10

Каширская Н.Н., Хомутова Т.Э., Дуцанова К.С., Форназьер Ф., Ковалев Д.С. Реконструкция исходного содержимого ритуальных сосудов из курганных погребений на основе микробиологических и ферментативных показателей [На англ. яз.] 36

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. Амфоры Родоса III–II вв. до н.э. из коллекции Краснодарского музея 51

Чиркова А.Х. «Девиантные» захоронения ранних кочевников Южного Урала (вторая половина VI – IV в. до н.э.) 71

Берсенева Н.А. К реконструкции социальной структуры ранних кочевников Южного Урала (VI–III вв. до н.э.): детские погребения 85

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские сероглиняные кружки IV–III вв. до н.э. 100

Дьякова О.В. Культуры польцевского круга Приморья в контексте этнокультурных индикаторов 114

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Бирюлева К.В. Тонковаликовая керамика финала раннего железного века из могильника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье) 128

Гавритухин И.О. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) 139

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Своеобразное погребение эпохи Великого переселения народов некрополя Карбан-I (Северный Алтай) 203

Семькин Ю.А., Недашковский Л.Ф. Новые данные о технологии изготовления кузнечной продукции сельских поселений Золотой Орды по результатам металлографических анализов изделий с селищ Багаевское и Широкий Бурлак 222

ПУБЛИКАЦИИ

Коробов Д.С., Малашев В.Ю. Новые исследования Бесланского курганного катакомбного могильника ... 258

CONTENTS

Balabanova M.A. Interdisciplinary Research in Archeology at Volgograd State University 6

ARTICLES

Borisov A.V., Goroshnikov A.A., Kashirskaya N.N., Mimoskhod R.A., Pinsky V.N., Potanova A.V., Smekalova T.N. Soil Microbiological Approaches to Reconstruction of the Purpose of Ancient Settlements Construction 10

Kashirskaya N.N., Khomutova T.E., Dushchanova K.S., Fornasier F., Kovalev D.S. Reconstruction of Original Content of the Kurgan Funeral Vessels Based on Microbial and Enzymatic Parameters 36

Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V. Rhodian Amphorae of the 3rd – 2nd Centuries BC from the Krasnodar Museum Collection 51

Chirkova A.Kh. “Deviant” Burials of the Early Nomads in the Southern Urals (Second Half of 6th – 4th Centuries BC) 71

Berseneva N.A. Revisiting Reconstruction of the Early Nomadic Social Structure: Children’s Burials (Southern Urals, 6th – 3rd Centuries BC) 85

Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Maeotian Gray Clay Cups of the 4th – 3rd Centuries BC 100

Dyakova O.V. Poltsevskaya Cultures of Primorye in the Context of Ethnocultural Indicators 114

Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Biryuleva K.V. Thin Cordoned Ceramics of the End of the Early Iron Age from the Pinchuga-6 Burial Ground (Lower Angara Region) 128

Gavritukhin I.O. The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia) 139

Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S. Extraordinary Burial of the Great Migration Period from Karban-I Necropolis (Northern Altai) 203

Semykin Yu.A., Nedashkovsky L.F. New Data on the Technology of Manufacturing Blacksmith Products of the Golden Horde Rural Settlements Based on Metallographic Analyses Results of Items from Bagaevka and Shiroky Buerak Settlements 222

PUBLICATIONS

Korobov D.S., Malashev V.Yu. New Research on the Beslan Kurgan Catacomb Burial Mound 258

*Харинский А.В., Оргилбаяр С., Коростелев А.М.,
Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А.*
Могильник XI–XIII вв. Зуун хярын дэнж 1
на северном побережье озера Хубсугул
(Монголия) 289

КРИТИКА И ДИСКУССИИ

Засецкая И.П. По следам исследований. Часть I 308

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Кривошеев М.В., Ковалева К.С., Моисеев В.И.,
Дьяченко А.Н.* XI Всероссийская научная конференция
«Проблемы сарматской археологии и истории» 329

*Kharinskii A.V., Orgilbayar S., Korostelev A.M.,
Erdenebaatar D., Portniagin M.A.*
Zuun Hyaryn Denj 1 Burial Ground
of the 11th – 13th Centuries from the Northern Shore
of Lake Khubsugul (Mongolia) 289

CRITICISM AND DISCUSSION

Zasetskaya I.P. Following the Research. Part I 308

ACADEMIC LIFE

*Krivosheev M.V., Kovaleva K.S., Moiseev V.I.,
Dyachenko A.N.* 11th All-Russian Scientific Conference
“Problems of Sarmatian Archaeology and History” 329

INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN ARCHEOLOGY AT VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ В ВОЛГОГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Междисциплинарные исследования в современной науке отражают актуальные тенденции ее развития. Они ярко проявляются и в археологии, в которой ученый-исследователь вооружен не только шанцевым инструментом и «описательной» методикой, но пользуется широким спектром естественнонаучных методов. Еще в начале 90-х гг. XX столетия эти методы широко применялись в исследованиях по археологии учеными Волгоградского государственного университета, что отразилось на тематике уже первого выпуска Нижневолжского археологического вестника, опубликованного в 1998 г. [Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik]. В номере имеется совместная статья ученых ВолГУ А.Н. Порох и И.В. Сергацкова, которая была посвящена отдельным вопросам металлургического производства у сарматов и опиралась на методы металлографического анализа. В исследовании М.А. Балабановой кроме классических краниологических методов были применены методы мономерной и многомерной статистики. В статье В.А. Демкина и его сотрудников дается анализ палеопочв курганов Волго-Донского междуречья с опорой на методы археологического почвоведения.

Такая тенденция сохраняется и при публикации последующих выпусков, в каждом из которых содержалось как минимум 2–3 статьи, результаты которых были построены на использование междисциплинарного подхода. Следует отметить, что значительная часть работ данной тематики была написана учеными Волгоградского государственного университета с коллегами из различных научных центров.

Первым центром, с которым связано появление такого научного направления, как археологическое почвоведение, стал Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (ИФХиБПП РАН, г. Пушкино). Археологическое почвоведение возникло и методически было апробировано в совместных экспедициях под руководством доктора исторических наук, профессора ВолГУ А.С. Скрипкина и доктора биологических наук, заведующего лабораторией археологического почвоведения ИФХиБПП РАН В.А. Демкина [Demkin et al., 2012]. На протяжении нескольких десятилетий были проведены исследования палеопочв более 300 археологических памятников (курганов) IV тыс. до н.э. – XIV в. н.э. степей Нижнего Поволжья. Результаты исследований позволили разработать периодизацию и хронологию истории развития почв региона за последние 6 000 лет, позволяющие говорить о том, что смена засушливых условий почвообразования более гумидными приводило к увеличению археологических памятников, что свидетельствовало о повышении численности населения в Нижнем Поволжье. Пик увлажнения пришелся на XIII–XIV века. В связи с этим возникли более благоприятные условия не только для ведения кочевого скотоводства, но и для возникновения оседлости с центрами городской культуры Золотой Орды.

Большой вклад в изучение древних популяций внесли методы палеоантропологии. Исследования этого направления в Волгоградском госуниверситете проводятся с начала 90-х гг. XX в. под руководством профессора М.А. Балабановой. В процессе палеоантропологических исследований был изучен состав групп древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья; реконструированы этногенетические процессы; выявлены динамика изменчивости морфологического типа древнего и средневекового населения и связанные с ним процессы преемственности и миграций [Balabanova, Pererva, 2013; Balabanova et al., 2015].

Накопленный многочисленный палеоантропологический материал позволил определить демографические структуры древних и средневековых популяций, а результаты исследований позволили реконструировать условия их жизни [Balabanova et al, 2015].

Исследование палеопатологического состояния древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья с привлечением различных методов диагностики проводит сотрудник Волгоградского университета, кандидат исторических наук, доцент Е.В. Перерва. Результаты его работ позволили определить уровень состояния здоровья, распространенность заболеваний и их динамику во времени, уровень травматических повреждений, которые могут указывать на степень агрессии в группах или на участие в военных событиях и т. д. [Balabanova, Pererva, 2013].

Отдельное исследование проводилось на черепках со следами искусственной деформации, прижизненной и посмертной трепанации и т. д. [Balabanova, Pererva, 2019].

С начала 90-х гг. XX в. ученые Волгоградского госуниверситета совместно с сотрудниками сектора скифо-сарматской археологии Института археологии РАН начали работу над широкомасштабным проектом, посвященным статистической обработке сарматских памятников. По каждой культуре (савроматской, раннесарматской IV–III вв. до н.э., раннесарматской III–I вв. до н.э., среднесарматской и позднесарматской) были статистически обработаны массовые материалы (около 1 000 комплексов). В результате за 15 лет сотрудничества опубликовано 5 томов научных трудов [Moshkova, 2002].

В 2013 г. в рамках выполнения гранта РФФИ были проведены экспедиционные работы с использованием археогеофизических методов исследования. Работы проводились под руководством доктора исторических наук, профессора М.А. Балабановой с целью изучения межкурганного пространства. Цель проекта была направлена на поиски детских захоронений, которые практически отсутствуют в позднесарматских могильниках, не достает их и в среднесарматских.

Для детального комплексного изучения курганов и межкурганного пространства была проведена современная топографическая съемка крупных сарматских могильников, которая позволила определить участки межкурганного пространства, потенциально перспективные для поиска захоронений вне курганных насыпей. Дополнительными инструментами в исследовании стали магнитная и георадарная съемка межкурганного пространства с целью поиска древних захоронений. Результаты данного исследования показали отсутствие каких-либо захоронений в межкурганном пространстве, и в связи с этим остается открытым вопрос о том, где хоронило детей позднесарматское общество.

При реализации различных проектов использовались и радиологические методы исследования. Прежде всего, было проведено радиоуглеродное датирование святилища в окрестностях станицы Трехостровской, затем были получены даты погребений покровской и срубной культур эпохи бронзы [Skripkin, D'yachenko, 1999]. Интересными оказались и результаты радиоуглеродного датирования образцов предсавроматского времени, хронология которых укладывается в IX в. до н.э. [Balabanova, Pilipenko, 2023].

Модели жизнеобеспечения были реконструированы с использованием методов археозоологии, которые проводил бывший сотрудник ВолГУ, а сейчас сотрудник Института археологии РАН Л.В. Яворская [2016].

Еще в 90-х гг. XX столетия на базе Волгоградского государственного университета были начаты археометаллографические исследования, которые проводила А.Н. Порох. Ею была защищена диссертация на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Черная металлургия степных кочевников VII в. до н.э. – IV в. н.э. (на материалах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья)» [1995]. Результатом исследования явилось то, что несложные изделия могли изготавливать савроматы и сарматы VI–III вв. до н.э. по скифским образцам, а расцвет кузнечного производства черного металла приходится на раннесарматское время.

На современном этапе изучением металлических изделий золотоордынского времени занимается сотрудник археологической лаборатории ВолГУ К.С. Ковалева [2019]. Ею были изучены изделия из цветных металлов коллекций Царевского, Водянского и Мечетного городищ. Результаты исследования позволили сделать вывод о широком применении различных приемов и операций при изготовлении изделий, а также о простоте технологического процесса. Кроме того, золотоордынские ремесленники могли использовать и вторичное сырье.

С 2014 г. берет начало палеогенетическое исследование образцов различных культурно-хронологических групп населения Нижнего Поволжья, которое проводится на базе межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики Института цитологии и генетики СО РАН (г. Новосибирск). Работы ведутся под руководством доктора исторических наук, профессора М.А. Балабановой и кандидата биологических наук, заведующего лабораторией А.С. Пилипенко. Первые результаты позволили получить сведения о материнской (мтДНК) и отцовской (Y-хромосома) линиях сарматских популяций, которые свидетельствуют о южно-сибирских связях [Pilipenko et al., 2020].

Таким образом, на протяжении многих лет междисциплинарные исследования, проводимые учеными Волгоградского государственного университета совместно с учеными различных научных центров, позволили получить нетривиальные научные результаты, которые дополняют традиционные методы археологии и позволяют проводить более полные исторические реконструкции.

REFERENCES

- Balabanova M.A., Pererva E.V., 2013. Drevnee i srednevekovoe naselenie Volgogradskogo kraja po antropologicheskim dannym [Ancient and Medieval Population of the Volgograd Region According to Anthropological Data]. Skripkin A.S., ed. *Arheologicheskoe nasledie Volgogradskoj oblasti* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel' Publ., pp. 209-222.
- Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S., 2015. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya* [Sex and Age Structure of the Sarmatian Population of the Lower Volga: Funerary Rite and Physical Anthropology]. Volgograd, Volgograd Branch of RANEP. 272 p.
- Balabanova M.A., Pererva E.V., 2019. Special Rituals, Rites and Customs of Treatment of Human Bodies (A Case Study of Sarmatian Cultures). *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 18, no. 2, pp. 125-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.8>
- Balabanova M.A., Pilipenko A.S., 2023. Dva varianta kul'tury kimmerijskogo vremeni: antropologicheskij aspekt [Two Versions of the Cimmerian Time Culture: Anthropological Aspect]. *Regional'nye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskih kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii», posvyashch. pamyati A.S. Skripkina, g. Volgograd, 15–19 maya 2023 g.* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archaeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023, Volgograd]. Volgograd, VolSU, pp. 8-23.
- Demkin V.A., Skripkin A.S., El'cov M.V., Zolotareva B.N., Demkina T.S., Homutova T.E., Kuznecova T.V., Udal'cov S.N., Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., 2012. *Prirodnaya sreda volgouralskikh stepey v savromato-sarmatskuyu epokhu (VI v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Natural Environment of the Volga-Ural Steppes in the Sauromatian-Sarmatian Era (6th Century BC – 4th Century AD)]. Pushchino, ISSPPBC RAS. 216 p.
- Kovaleva K.S., 2019. The Results of Studying the Technique of Making Golden Horde Products Made of Non-Ferrous Metals (from the Collection of the Volgograd Regional Museum of Local Lore). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 1, pp. 61-74. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.5>
- Moshkova M.G., ed., 2002. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. 3. Srednesarmatskaya kultura* [Statistical Study of Funeral Antiquities of Asian Sarmatia. Iss. 3. Middle Sarmatian Culture]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 143 p.
- Nizhnevolzhskiy Arheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 1998, vol. 1. 135 p. URL: <https://nav.jvolsu.com>
- Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Tomilin M.A., Balabanova M.A., Pristyazhnyuk M.S., Zhuravlev A.A., 2020. On the Issue of the Sarmatian Population Genetic Composition in the Lower Volga Region (Paleogenetic Data). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 17-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.2>

Poroh V.N., 1995. *Chernaya metallurgiya stepnykh kochevnikov VII v. do n. e. – IV v. n. e. (na materialah Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.06* [Ferrous Metallurgy of Steppe Nomads of the VII Century BC – IV Century AD (Based on the Materials of the Lower Volga Region and the Southern Urals). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Volgograd. 20 p.

Skripkin A.S., D'yachenko A.N., 1999. Monumental'no-ritual'noe sooruzhenie v Volgogradskom Zadon'e [Monumental and Ritual Construction in the Volgograd Backwater]. *Kompleksnyye obshchestva Central'noy Evrazii v III–I tys. do n. e.: Regional'nye osobennosti v svete universal'nykh modeley: materialy Mezhdunar. konf., 25 avg. – 2 sent. 1999 g.* [Complex Societies of Central Eurasia in the III–I millennium BC: Regional Features in the Light of Universal Models. Materials of the International Conference, 25 Aug. – 2 Sep. 1999]. Chelyabinsk, Arkaim, pp. 264-267.

Yavorskaya L.V., 2015. Processy urbanizatsii i dinamika myasnogo potrebleniya v srednevekovykh gorodakh Povolzh'ya (po arheozoologicheskim materialam) [Urbanization Processes and Meat Consumption Trends in Medieval Towns in the Volga Area (by archaeozoological materials)]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Kishinev, Stratum Plus, pp. 197-207.

Главный редактор журнала М.А. Балабанова

Information About the Author

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Информация об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

www.volsu.ru

СТАТЬИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.2>

UDC 903*182.1(470.324)

LBC 63.442.6(235.4)-1

Submitted: 08.02.2023

Accepted: 17.04.2023

SOIL MICROBIOLOGICAL APPROACHES TO RECONSTRUCTION OF THE PURPOSE OF ANCIENT SETTLEMENTS CONSTRUCTION¹

Alexander V. Borisov

Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Andrey A. Goroshnikov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Natalia N. Kashirskaya

Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Roman A. Mimokhod

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Viktor N. Pinsky

Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Anastasia V. Potapova

Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Tatiana N. Smekalova

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is reconstruction of purpose of ancient settlements construction using a combination of chemical and microbiological indicators. The study object is the Bagai-1 settlement of the Late Bronze Age in the northwestern part of the Crimean Peninsula. The chemical and microbiological properties of the occupation layer within the buildings of various shapes and sizes in different parts of the site have been studied. It was established that the Bagai-1 settlement is a stationary settlement of pastoralists, or was intended for living in the winter. Traces of cattle manure were found everywhere, which is confirmed by the high values of such soil indicators of livestock keeping as urease activity, the number of keratinolytic fungi and thermophilic bacteria in the cultural layer. The results of the research showed that most of the buildings in the settlement were related to livestock keeping. We cannot exclude the joint stay in the premises of both animals and humans, especially in the cold season when livestock was used as a source of heat. However, according to the complex of natural scientific data, no buildings have been identified that could be called exclusively residential, and in all cases the traces of

livestock are much more pronounced than the traces of human habitation. At the same time, vast areas without traces of stone buildings were found at the settlement, but with a high content of mineral forms of phosphates in the cultural layer and high values of magnetic susceptibility, which indicates the entry into the soil of a large amount of ceramics, ash, and pyrogenic residues. The combination of these properties can be considered as an indicator of human habitation.

Key words: steppe, settlement, buried soils, livestock pens, Late Bronze Age, phosphorus, urease activity, keratinolytic fungi, thermophilic bacteria.

Citation. Borisov A. V., Goroshnikov A. A., Kashirskaya N. N., Mimokhod R. A., Pinsky V. N., Potapova A. V., Smekalova T. N., 2023. Pochvenno-mikrobiologicheskie podhody k rekonstruktsii naznacheniya postroek na drevnih poseleniyah [Soil Microbiological Approaches to Reconstruction of the Purpose of Ancient Settlements Construction]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 10-35. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.2>

УДК 903*182.1(470.324)
ББК 63.442.6(235.4)-1

Дата поступления статьи: 08.02.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023

ПОЧВЕННО-МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ НАЗНАЧЕНИЯ ПОСТРОЕК НА ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЯХ¹

Александр Владимирович Борисов

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Андрей Алексеевич Горошников

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Наталья Николаевна Каширская

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Роман Алексеевич Мимоход

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Виктор Николаевич Пинской

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Анастасия Владимировна Потапова

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Татьяна Николаевна Смекалова

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена реконструкции назначения построек на древних поселениях с использованием комплекса химических и микробиологических индикаторов. В качестве объекта исследований было выбрано поселение позднего бронзового века Багай-1 в северо-западной части Крымского полуострова. Исследованы химические и микробиологические свойства культурного в постройках разных форм и размеров в разных частях памятника. Установлено, что поселение Багай-1 представляет собой стационарный поселок скотоводов, либо предназначалось для проживания в зимний период. Повсеместно выявлены следы накопления навоза, что подтверждается высокими значениями таких почвенных индикаторов содержания скота, как активность уреазы, численность кератинолитических грибов и термофильных бактерий в культурном слое. Результаты исследований показали, что большая часть построек на поселении была связана с

содержанием скота. Нельзя исключать и совместное пребывание в помещениях и животных, и человека, особенно в холодное время года, когда скот использовался как источник тепла. Тем не менее построек, которые по комплексу естественнонаучных данных можно было бы назвать исключительно жилыми, не выявлено, и во всех случаях следы содержания скота выражены намного более ярко, чем следы проживания человека. При этом на территории поселения выявлены обширные участки без следов каменных построек, но с высоким содержанием в культурном слое минеральных форм фосфатов и высокими значениями магнитной восприимчивости, что указывает на поступление в почву большого количества керамики, золы и пироженных остатков. Сочетание таких свойств можно рассматривать как индикатор проживания человека.

Ключевые слова: степь, поселение, погребенные почвы, загоны для скота, эпоха поздней бронзы, фосфор, уреазная активность, кератинолитические грибы, термофильные бактерии.

Цитирование. Борисов А. В., Горошников А. А., Каширская Н. Н., Мимоход Р. А., Пинской В. Н., Потапова А. В., Смекалова Т. Н., 2023. Почвенно-микробиологические подходы к реконструкции назначения построек на древних поселениях // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 10–35. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.2>

Введение

Реконструкция назначения построек на древних поселениях остается одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем современного этапа развития археологической науки. Именно в этом вопросе отмечается наиболее низкий уровень аргументации выводов по сравнению с другими направлениями исследований. Причиной тому широкие пределы варьирования потенциального назначения построек и ограниченные возможности инструментальных методов исследования.

Предполагается, что постройки могли предназначаться для проживания людей, содержания скота, каких-то иных хозяйственных (хранение продуктов, кормов, инвентаря и др.) или сакральных целей. При этом возможность комбинирования функций построек многократно увеличивает неопределенность и делает реконструкции весьма уязвимыми и ненадежными. Но даже если исходить из заведомо упрощенной модели, предполагающей наличие двух типов построек «жилой дом – загон для скота», то и в ней остается много неопределенностей, решить которые археологическими методами сложно или невозможно. Так, например, и в том, и другом случае в культурном слое будут присутствовать артефакты. Да, возможно, в жилом доме их будет больше, но и в загонах для скота всегда присутствуют артефакты [Коробов и др., 2018; Смекалова и др., 2020], а их количество будет зависеть от длительности функционирования загона,

и потенциально может соответствовать культурному слою.

Пятна прокала и иные следы разведения огня, безусловно, важный атрибут жилой постройки, однако нельзя однозначно интерпретировать их как кухонные или отопительные элементы и на этом основании называть строение жилым. Прокалы и очаги в равной мере могут встречаться в любых постройках. Впрочем, как и за их пределами. И далеко не всегда удается доказать, что очаг был синхронен времени существования жилища.

Еще один важный показатель культурного слоя – содержание фосфатов – также будет высоким и в культурном слое жилого дома, и при длительном периоде функционирования в почве загона для скота [Eidt, 1977; Holliday, Gartner, 2007; Migliavacca et al., 2012; Коробов и др., 2018].

Более наукоемкие методические подходы к выявлению следов скотоводства, такие как анализ стероидов [Prost et al., 2017], 5 β -копростанола [Evershed et al., 1997; Locatelli et al., 2017], соединений липидной природы [Simpson et al., 1999; Evershed, 2008], анализ сферулитов [Canti, 1997; Freitas et al., 2003] и другие, пока используются крайне редко в силу ограниченности инструментальной базы, высокой стоимости, угрозы контаминации при отборе образцов и ряда других обстоятельств [Linseele et al., 2013].

В этом случае перспективным представляется использование методов почвенной микробиологии для выявления следов содержания скота. В отличие от перечисленных выше методических подходов, методы почвенной

микробиологии значительно более доступны, что позволяет выполнять массовые определения и получать статистически достоверные результаты. Такие показатели, как численность кератинолитических грибов [Peters et al., 2014; Kashirskaya et al., 2019; 2020], активность фермента уреазы [Chernysheva et al., 2015; Zhurbin et al., 2022], численность термофильных бактерий [Kashirskaya et al., 2019; Chernysheva et al., 2017; Чернышева и др., 2019], всегда бывают достоверно выше в почвах древних загонов, чем в культурном слое жилой зоны [Чернышева и др., 2016]. По этим признакам можно надежно диагностировать факт содержания скота и на основании этого реконструировать исходное назначение постройки.

В этой связи целью данной статьи была реконструкция назначения построек на поселении позднего бронзового века Багай-1 в Северо-Западном Крыму с использованием комплекса химических и микробиологических индикаторов.

1. Объект исследований

1.1. Общие сведения о поселении Багай-1

В качестве объекта исследований было выбрано поселение позднего бронзового века Багай-1 в северо-западной части Крымского полуострова. Памятник был обнаружен в 2012 г. Т.Н. Смекаловой по пятнам более темной и густой растительности на космических снимках, в ходе пеших разведок и последующей магнитной съемки (рис. 1, 1) [Смекалова и др., 2013, с. 143, 175–177]. К западу от поселения, на противоположном высоком и обрывистом берегу балки, на узком мысу (рис. 1, 2), также, вероятно, находилось поселение позднего бронзового века, выявленное по растительным маркерам и с помощью магнитной съемки. Возможно, обе части, лево- и правобережная, составляют единое поселение.

Поселение Багай-1 занимает низкий мыс на левом берегу средней не обводненной части Багайской балки, впадающей в озеро Сасык-Сиваш. Такое расположение поселка характерно для памятников поздней бронзы и раннего железного века Северо-западного Крыма [Смекалова и др., 2017; Смекалова

и др., 2020]. В настоящее время в этой части Таврики число открытых поселений позднего бронзового века достигло 66. Среди них выделяется класс поселений с двойными каменными загонами, число которых достигло 25 [Смекалова et al., 2021]. Предполагается, что приуроченность поселений к низким мысовым участкам в балках объясняется возможностью использования рельефа местности для укрытия людей и скота от ветра в холодный период года, особенно ранней весной, когда начинаются окоты у овец.

Магнитная съемка основной, левобережной, части поселения Багай-1 показала, что оно занимает большую площадь – около 4 га и состоит из не менее, чем 70 полуземлянок прямоугольной формы, сгруппированных в 4 кластера (рис. 2, 3). Под мощной магнитной аномалией от газовой трубы, маскирующей всю центральную часть поселения, возможно, находится еще не менее 10–20 жилых и хозяйственных комплексов. Таким образом, поселение Багай-1 является наиболее крупным поселением эпохи поздней бронзы в Багайской балочной системе.

В 2020 г. разведочным отрядом под руководством С.А. Мульда было проведено уточнение границ объекта, в том же году памятник получил статус выявленного объекта культурного наследия и был поставлен на учет. В 2021 и 2022 гг. экспедицией Института археологии РАН были проведены спасательные археологические раскопки в северной (периферийной) части памятника на общей площади свыше 1,4 га [Горошников, Горошникова, 2022а].

1.2. Основные результаты раскопок

В закрытых стратифицированных комплексах обнаружены находки, относящиеся как к позднему периоду сабашиновской культуры, так и раннему этапу белозерской культуры. В этом плане абсолютно уместной нам представляется точка зрения В.А. Колотухина, указывавшего на то, что «четкой грани между тремя этапами позднебронзового века Крыма провести невозможно. Сложение специфического материального комплекса каждой последующей ступени происходило постепенно на основе предшествующего, и ино-

культурные заимствования и новации органически вплетались в ткань традиционной культуры» [Колотухин, 2003]. Аналогичная ситуация наблюдается и на территории Таманского полуострова, яркий пример – поселение Панагия-1, наиболее масштабно исследованный на данный момент памятник эпохи поздней бронзы (позднесабатинское и белозерское время) на территории Северо-западного Причерноморья [Горошников, Горошникова, 2022б]. Приведенные примеры свидетельствуют о непрерывном культурно-историческом процессе и взаимодействии между собой носителей этих культурных традиций, освоивших сопредельные территории Крыма и Тамани.

В пределах исследованной площади поселения обнаружены объекты, характеризующие быт и религиозные представления его обитателей. К первой категории относятся хозяйственные ямы, отдельные каменные наброски, остатки сооружения квадратной формы, обложенного по периметру вертикально установленными плитами, а также постройки хозяйственного и жилого назначения.

Во вторую группу можно выделить жертвенник, расположенный внутри помещения, находку каменного алтаря со спиралевидными завитками на лицевой поверхности (происходящего из заполнения постройки), скопление наваленных друг на друга костей животных внутри жилого помещения, что, по нашему мнению, является обрядом оставления жилища [Мимоход, 2001], а также три погребения, одно из которых (№ 3), обнаруженное под камнями фундамента постройки, несомненно, является строительной жертвой [Горошников, Горошникова, 2022а, с. 203, 212–214, рис. 7–9]. В целом архитектура жилых и хозяйственных сооружений, открытых на поселении, находит аналогии среди подобных памятников этого периода, исследованных в Северо-Западном Крыму ранее [Колотухин, 2003].

1.3. Керамический комплекс и индивидуальные находки

Коллекция керамических сосудов (тарных, кухонных, столовых), каменных, металлических и костяных изделий составила свы-

ше 1 100 единиц. Также было обнаружено более 6 800 единиц массового статистического материала. На основе полученных в ходе исследований материалов была уточнена культурно-хронологическая атрибуция памятника – основной период существования поселения может быть определен по находкам-хроноиндикаторам (рис. 4) в пределах XIII–X вв. до н.э. Эту датировку подтверждают бронзовые изделия: орнаментированный топор-кельт с лобным ушком (рис. 4,19,22) и две округлые бляшки с обратной петлей (рис. 4,23,24). В составе металла превалирует лигатура олова, характерная для памятников второй половины II тыс. до н.э. [Горошников и др., 2023].

1.4. Архитектурные особенности

Для более удобного оперирования полученным материалом все выявленные инфраструктурные элементы поселения были разделены на три крупных блока, получивших условные обозначения Объект 19, Объект 21 и Объект 7. Было высказано предположение, что они образуют некую внутреннюю инфраструктуру поселка, что предполагает различный характер антропогенной деятельности.

Особенностью домостроительства на территории поселения Багай-1 было масштабное применение камня, выходы сарматских известняков находятся непосредственно напротив поселения на другом берегу балки. В этой связи весьма показательна система домостроительства и планировка сооружений на раскопанном участке поселения.

Безусловно, в случае с поселением Багай-1 мы имеем дело с развитой архитектурной традицией применения камня. Здесь представлены как цокольная, так и облицовочная техника. Основной диапазон существования памятника – это время белозерско-тудоровской культуры. Принято считать, что в ее материалах прослеживается деградация каменного домостроения [Горбов, 1997]. В большинстве случаев здесь представлены полуземлянки без каменных конструкций [Ванчугов, 1990], однако каменное домостроительство здесь тоже известно. Оно восходит к сабастиновским традициям [Отрощенко, 1986]. Для поселений Крыма так-

же отмечается и влияние восточной традиции сооружения построек, которая проявляется в элементах облицовки котлованов построек [Горбов, 1997]. Вероятно, это наблюдение справедливо и для Багая-1.

При взгляде на планиграфию поселения обращает на себя внимание наличие двух типов построек: блокирующихся построек небольших размеров и довольно обширных помещений, которые по площади значительно превосходят первую группу сооружений. Блокирующиеся структуры представлены в материалах сабашиновской, белозерской и позднесрубной или постсрубной культур [Черняков, 1985; Ванчугов, 1990; Горбов, 1997; Ромашко, 2013; Кияшко, 2020]. Они традиционно рассматривались как жилые. Обширные по площади постройки в качестве таковых, как правило, не рассматривались.

2. Методы исследований

2.1. Отбор образцов

Для установления особенностей хозяйственной деятельности древнего населения на разных участках памятника были исследованы свойства культурного слоя объектов 7, 19 и 21. В каждом конкретном случае выбирались наиболее типичные для данного объекта участки культурного слоя.

В объекте 19 проведено морфологическое описание и отбор образцов культурного слоя в почвенных разрезах, заложенных в секторах Н-17, Н-19 и Н-22. Место расположения разрезов показано на рисунке 6. Разрез Н-17 был заложен внутри округлой в плане постройки площадью около 100 м². Разрез Н-19 располагался в пределах обширной каменной постройки площадью свыше 500 м². Разрез Н-22 был заложен на участке без видимых остатков каменных построек, предположительно за пределами загона.

В пограничной зоне между объектами 21 и 29 были исследованы почвы в секторе У-18, где располагались остатки котлована заглубленного сооружения, и почвы в секторе У-16. На данном участке не было обнаружено остатков построек, но к западу от него был выявлен каменный развал от еще одного комп-

лекса построек. Предположительно культурный слой в разрезе У-16 соответствует «спокойному» культурному слою между постройками. Разрез Ф-15 располагался внутри большой постройки.

В пределах объекта 7 были исследованы свойства культурного слоя внутри трех построек. В секторе Ю-18 был исследован культурный слой внутри малой постройки (возможно, прохода между двумя постройками). В секторах Ю-20 и Я-16 исследован культурный слой обширной постройки, либо серии мелких заглубленных построек, четкие границы между которыми выявить не удалось.

2.2. Определение органических и минеральных форм фосфатов

В данной работе был использован метод отдельного определения органических и минеральных форм соединений фосфора [Saunders, Williams, 1955]. Использование такого подхода связано с тем, что при традиционном определении валового фосфора с помощью рентген-флуоресцентного анализа теряется информация о природе этого элемента в культурном слое. Так, например, одинаковые значения содержания фосфора могут оказаться в результате поступления в почву как золы, так и пищевых отходов, экскрементов, либо иных субстратов органического происхождения. Раздельное определение органических и минеральных форм фосфатов позволяет более детально реконструировать источник фосфора. При раздельном определении содержания фосфатов органической и минеральной природы на первом этапе оценивается содержание минерального фосфора путем его экстракции из почвы 0,2 Н раствором H₂SO₄ с последующим колориметрическим определением концентрации. Далее для оценки содержания органических фосфатов почву прокачивают в течение 3 часов при 900 °С. При этом происходит превращение фосфорорганических соединений в растворимые минеральные формы. По превышению значений содержания фосфатов после прокачивания определяют долю органического фосфора, перешедшего в вытяжку.

2.3. Определение магнитной восприимчивости

Магнитная восприимчивость почв определяется содержанием ферромагнетиков и всегда возрастает при воздействии огня. Возрастание значений магнитной восприимчивости связано с неосинтезом магнетита при прокаливании [Oldfield, Crowther, 2007; Fassbinder, Stanjek, 1993; Maher, 2007]. Магнитная восприимчивость почв измерялась с помощью кап-метра КТ-5.

2.4. Уреазная активность

Для оценки уреазной активности почвенных образцов был использован модифицированный индофенольный метод [Kandeler, Gerber, 1988]. Уреаза – это фермент, участвующий в разложении мочевины. Показано, что высокая активность фермента уреазы является индикатором поступления в почву мочевины и может использоваться для поиска мест содержания скота [Chernysheva et al., 2015; Каширская и др., 2017].

2.5. Численность микроорганизмов определенных трофических групп

Поступление в культурные слои археологических памятников неспецифических для почв органических субстратов приводит к изменению структуры почвенного микробного сообщества и возрастанию численности микроорганизмов, специализирующихся на разложении этих субстратов. Определение численности микроорганизмов различных трофических групп проводили методом посева почвенной суспензии на агаризованные среды [Звягинцев и др., 1980; Методы почвенной микробиологии ..., 1991]. Учет численности термофильных микроорганизмов проводили поверхностным посевом на универсальной глюкозо-пептонно-дрожжевой среде (ГПД). Подсчет термофильных микроорганизмов проводили через 2 дня инкубации при 60 или 70 °С. Численность кератинолитических грибов определяли путем посева почвенной суспензии на специальным образом подготовленные диски из шерстяной ткани [Каширская и др., 2021]. Статистическую обработку данных

проводили стандартными методами [Дмитриев, 1995].

3. Результаты

3.1. Общие характеристики культурного слоя в разных участках памятника

Поселение Багай-1 приурочено к ареалу распространения черноземов южных остаточнокорбонатных. Для этих почв характерно наличие темно-гумусового горизонта АU мощностью до 40 см, который переходит в ВСА с включениями мелких фрагментов карбонатного материала и редкими карбонатными новообразованиями в виде псевдомицелия и налета по трещинам и граням структурных отдельностей. На глубине 50–70 см залегает почвообразующая порода – элюво-делювий глин и песчаников.

Культурный слой на всей территории раскопа морфологически не обособлялся от вмещающей почвенной массы и выделялся лишь по включениям антропогенной природы [Александровский и др., 2015]. Вмещающим горизонтом для такого типа культурного слоя является срединный горизонт ВСА и в некоторых случаях нижняя часть гумусового горизонта АU современной почвы. Установить нижнюю границу культурного слоя удастся по уровню залегания развалов каменных конструкций. На большей части раскопа это глубина 25–40 см. Основание стен построек, как правило, заглублено на 40–50 см.

Цвет почвенно-грунтового материала культурного слоя заметно варьирует. На периферии поселка в окраске вмещающего слоя преобладают более светлые палево-серые тона. На участках скопления камней и во внутренней части предполагаемых построек цвет культурного слоя более темный за счет большего накопления и минерализации органических материалов в период функционирования памятника, а также за счет изменения условий почвообразования в последующий период.

3.2. Содержание фосфатов в культурном слое

Содержание фосфатов в культурном слое поселения значительно варьировало. Однако

при этом были выявлены определенные закономерности изменений этого показателя на разных объектах. Так, очевидно, максимальное обогащение фосфатами культурного слоя имело место в пределах объекта 7 (рис. 7,1). Здесь в нижних слоях культурного слоя в секторе Ю-20 содержание общего фосфора ($P_{\text{мин.}} + P_{\text{орг.}}$) достигало 10 мг/кг почвы. Близкие значения были выявлены и в секторе Ю-18. При этом профильное распределение содержания фосфатов было неоднородным: хорошо заметны явные пики этого показателя и снижения, что говорит об особенностях руинизации построек, когда имело место переслаивание материала собственно культурного слоя линзами материкового суглинка с низким содержанием фосфатов.

В пределах объекта 21 содержание общего фосфора было заметно ниже и не превышало 4 мг/г как внутри заглубленной постройки, так и за ее пределами. При этом профильная динамика этого показателя различалась. Так, если за пределами постройки в почве явно виден пик содержания фосфатов на глубине 30 см (что соответствует глубине залегания наиболее насыщенного артефактами культурного слоя), то внутри заглубленной постройки содержание фосфатов на этом уровне наблюдается по всему профилю. Это позволяет сделать вывод, что заполнение котлована постройки представляет собой грунт культурного слоя, затекавший в котлован с прилегающих участков. При этом не было каких-либо иных источников фосфатов, и, следовательно, не было специфических форм хозяйственной деятельности древнего населения на данном участке.

Весьма показательна динамика содержания фосфатов в пределах объекта 19. Здесь прослежено постепенное снижение содержания общего фосфора в секторах в ряду Н-17 → Н-19 → Н-22. Так, в пределах малой постройки (Н-17) содержание фосфатов составляло 2–3 мг/г, в пределах большой постройки (Н-19) этот показатель уже не превышал 2 мг/г, а за пределами комплекса построек находился на уровне 1–2 мг/г. Но, тем не менее, во всех случаях содержание фосфатов было выше, чем в разрезе фоновой почвы за пределами памятника.

Основной вклад в возрастание содержания фосфатов вносили минеральные формы

фосфора (рис. 7,2). Предположительно их источником являлась зола и разложившиеся кости животных, встречаемость которых в культурном слое была весьма заметной. Это наиболее характерно для объекта 7.

Что касается содержания органических форм фосфатов, то, как правило, этот показатель был значительно ниже (рис. 7,3).

Однако, если рассматривать вклад органических и минеральных форм фосфатов в общий пул фосфора (табл. 1), то можно сделать ряд весьма важных наблюдений. Так, в объектах 21 и 19 в подавляющем большинстве случаев вклад органических форм фосфора весьма значительный, и находится на уровне значений фоновых почв, а в ряде случаев превышает их, достигая 60–70 % и более. Это может говорить только о том, что причиной увеличения содержания фосфора на территории объектов 21 и 19 является поступление в культурный слой субстратов органической природы, прежде всего – растительных остатков.

3.3. Микробиологические свойства культурного слоя

Природа растительных остатков, которые обеспечили рост содержания органических форм фосфатов в почвах, по всей видимости, связана с содержанием скота и поступлением в почву навоза. На поступление в почву навоза указывают высокие значения уреазной активности (табл. 2). На территории объектов 19 и 21 активность уреазы достоверно выше, чем в пределах объекта 7. Также весьма показательным является наличие в профиле культурного слоя в этих двух объектах характерных пиков на глубине 30–50 см, что указывает на уровень наиболее интенсивного освоения территории. При этом в культурном слое объекта 7, напротив, этот показатель заметно ниже фоновых значений, что можно рассматривать как явный признак соблюдения особых санитарных условий, исключающих поступления мочи в почвы. Таким образом, сделанное ранее предположение о поступлении в почвы навоза, как основного источника накопления фосфатов, подтверждается и данными определения уреазной активности почв.

Еще одним показателем, свидетельствующим о содержании скота на территории объектов 21 и 19, является высокая численность кератинолитических грибов в почвах. Как было отмечено выше, кератин входит в состав шерсти, рогов, копыт скота и может в заметных количествах поступать в почву на территории загонов. В нашем случае максимальные значения численности кератинолитических грибов были выявлены в культурном слое объекта 21, где значения этого показателя составляли 15–20 тыс. колониеобразующих единиц (КОЕ) на грамм почвы (табл. 2). Причем высокие значения численности кератинолитических грибов были отмечены как в заполнении котлована заглубленной постройки (У-18), так и за ее пределами (У-16).

В культурном слое объекта 19 также были выявлены высокие значения численности КОЕ кератинолитических грибов (табл. 2). Пики значений этого показателя хорошо коррелируют с максимальными значениями уреазной активности, но выражены более четко. И так же, как и в случае с уреазной активностью, максимальные значения численности кератинолитических грибов были в культурном слое объекта 17, несколько меньше – в объекте 19, и минимальные – за пределами развала стен. В культурном слое сектора 7 численность кератинолитических грибов была на уровне фоновых значений.

Судя по численности термофильных микроорганизмов, навоз не просто участвовал в формировании культурного слоя памятника, но и накапливался в объемах, достаточных для того, чтобы начинались процессы его компостирования и саморазогрева. Это хорошо видно на графиках профильной динамики численности термофильных бактерий (табл. 2). Большие объемы навоза накапливались в заглубленной постройке в секторе У-18. В то же время за пределами постройки этого не наблюдалось. Максимальные значения численности термофильных бактерий были выявлены в пределах объекта 19. И, как и в случае с рассмотренными выше микробиологическими индикаторами присутствия скота, минимальное обилие термофильных бактерий было отмечено в культурном слое объекта 7.

Ранее было показано, что термофильные бактерии развиваются только в зимних заго-

нах для скота, когда скот длительное время содержится в стационарных условиях [Коробов и др., 2018]. В летний период пребывания скота в загонах не продолжительное, навоза накапливается мало, и в последующий осенне-зимний период навоз минерализовался. В этом случае обилие термофильных микроорганизмов можно рассматривать как показатель сезонности поселения: по всей видимости, поселение Багай-2 было зимним, либо круглогодичным.

Весьма показательно профильное изменение численности целлюлозолитических микроорганизмов в почвах поселения Багай-1 (табл. 2). Эта группа бактерий и грибов специализируется на разложении растительных остатков, прежде всего травы. Целлюлоза, которая поступает в пищеварительный тракт животных с кормом, лишь частично ферментируется; при этом большая ее часть поступает в почвы с навозом, что создает условия для увеличения численности микроорганизмов, участвующих в ее разложении. На поселении Багай-1 наибольшая численность целлюлозолитических микроорганизмов выявлена в объектах 21 и 19, при этом профильное распределение этого показателя практически полностью соответствует динамике других маркеров содержания скота. Что касается объекта 7, то и в этом случае численность целлюлозолитических микроорганизмов была минимальна.

3.4. Магнитная восприимчивость культурного слоя

На тот факт, что культурный слой объекта 7 формировался в иных условиях, отличных от объектов 19 и 22, указывают и высокие значения магнитной восприимчивости (рис. 8). Так, если на территории последних значения магнитной восприимчивости в целом соответствовали фоновому уровню, либо незначительно его превышали, то в культурном слое объекта 7 эти показатели были в 2–3 раза выше фоновых значений. Наиболее вероятной причиной этого является поступление в культурных слой керамики и пирогенных остатков. Оба эти фактора так или иначе связаны с непосредственным проживанием человека, и практически не изменяются при хозяйственном освоении территории.

3.5. Статистический анализ

Статистический анализ полученных данных проводили с помощью метода главных компонент по 7 показателям. На рисунке 9,А показано, как на факторной плоскости расположились векторы, указывающие направление смещения каждого почвенного показателя. На точечной диаграмме (рис. 9,Б) каждая точка отображает дисперсию данных по 7 почвенным свойствам, различие которых зависит от вклада переменных, связанной с данной осью.

Тесная корреляция таких почвенных свойств, как содержание органических фосфатов, численность термофильных микроорганизмов, активность фермента уреазы и численность кератинолитических грибов, была обнаружена в объектах 19 и 21. В целом по данным показателям эти два объекта значительно ближе к фоновой почве, чем к культурному слою объекта 7, но, тем не менее, достоверно отличаются.

Максимальный вклад в рассеивание показателей вносит содержание фосфатов (рис. 9,А). Известно, что валовый фосфор состоит из общей суммы минерального и органического фосфора. На рисунке 9,А видно, что вектор минеральных форм фосфора находится на одной плоскости с валовым, о чем свидетельствует высокая доля минеральной составляющей. Вектор магнитной восприимчивости почв указывает в том же направлении. На рисунке 9,Б эти 3 показателя задают направление точкам объекта 7. Очевидно, что именно эти два показателя – содержание фосфора и магнитная восприимчивость позволяют уверенно отделить объект 7 от других исследованных участков памятника.

Заключение

На основании полученных данных можно сделать некоторые предварительные заключения о свойствах культурного слоя поселения Багай-1, его инфраструктуре и особенностях использования построек на разных участках памятника.

Поселок имел четко выраженную инфраструктурную организацию: собственно жилая зона располагалась в южной части раскопа (объект 7), вокруг которой находилась об-

ширная хозяйственная периферия (объекты 19 и частично 21) с явно выраженными следами скотоводства (рис. 6). Культурный слой жилой зоны отличается высоким содержанием минеральных форм фосфатов и магнитной восприимчивостью, что указывает на поступление в почву больших объемов золы, керамики и пирогенного материала. При этом в почвы хозяйственной периферии памятника эти материалы практически не поступали, хотя отдельные очаги и проколы фиксируются и на этой части поселения. Следует отметить довольно высокие санитарные нормы, существовавшие в поселке, что практически полностью исключало поступление экскрементов животных и человека в почву жилой зоны.

Поселение Багай-1 является долговременным стационарным поселком скотоводов, либо поселением, предназначенным для проживания в зимний период. Этот вывод подтверждается результатами почвенных анализов: во время функционирования памятника на территории хозяйственной периферии поселения содержался скот, причем, очевидно, в большом количестве и длительное время. Это приводило к значительному накоплению навоза, что обусловило высокие значения таких почвенных индикаторов содержания скота, как активность уреазы, численность кератинолитических грибов и термофильных бактерий в культурном слое. Возрастание численности этой группы микроорганизмов можно связывать со стойловым содержанием скота и продолжительным накоплением навоза, что характерно для зимнего периода. Явные следы содержания скота фиксируются во всех точках отбора, кроме объекта 7, что позволяет рассматривать объекты 19 и 21 как загоны для скота.

Размер загонов, их форма и расположение очень сильно варьируются, но, тем не менее, можно обнаружить некоторые закономерности. Так, на территории поселения Багай-1 можно выделить по меньшей мере три разных типа загонов: обширные округлой или вытянутой формы загоны площадью от 50 м² до 100–200 м² (помещение 2, 3 в северной части объекта 19) и загоны подквадратной формы площадью до 20–30 м² (помещение 1 в объекте 19, помещение 6 в объекте 21 и др.).

Вероятно, такие решения были не случайными, и эти загоны использовались для разных целей, однако реконструировать назначения каждого типа загонов на данном этапе невозможно. Можно лишь предполагать, что обширные загоны предназначались для содержания общего стада в ночное время, либо в не выпасной период, в то время как малые загоны использовались для изоляции животных, содержание которых в общем стаде по тем или иным причинам было невозможно. Вероятно, существовали загоны для мелкого и крупного рогатого скота, загоны для лошадей. Возможно, в некоторых случаях возникла необходимость отдельно держать осеменителей. Но в большей степени многообразие размеров и форм загонов объясняется наличием сложной инфраструктуры, связанной с дойкой, кормлением и содержанием подсосного молодняка, а также, возможно, переработкой молочной продукции. Есть все основания ожидать, что такая инфраструктура имела место, учитывая стационарный характер поселения. Возможно, это было что-то похожее на описание Гомером инфраструктуры молочного производства в пещере циклопа Полифема:

...Все внимательно мы оглядели,
вошедши в пещеру.
Полны были корзины сыров; ягнята, козлята
В стойлах теснились;
по возрасту он разместил их отдельно:
Старших со старшими, средних со средними,
новорожденных
С новорожденными;
сывороткой были полны все сосуды,
Там же подойники, ведра стояли, готовые к дойке.
(Одиссея. 9:218–223).

Коз и овец подоил, как у всех это принято делать,
И подложил сосунка после этого к каждой из маток...
(Одиссея. 9:244–245).

Возникает вопрос, где же в таком случае располагались жилые постройки? Если исходить из того, что основными диагностическими признаками культурного слоя являются высокое содержание фосфатов (источник – зола, кости, остатки пищи, бытовые отходы) и высокие значения магнитной восприимчивости (источник – пирогенные остатки, мелкие фрагменты керамики), то из всех исследованных нами построек с наибольшей

вероятностью жилыми можно считать только маленькие постройки в квадратах Ю-17 и Ю-18. Но рядом с этими постройками располагаются обширные участки площадью 30–50 м², где каменных стен не было, но именно в таких местах без следов стен все признаки культурного слоя жилой зоны наиболее выражены (разрезы Я-16, Ю-20). Возможно, здесь имела место иная строительная техника, не предусматривающая использование камня. Не исключено, что именно эта другая техника строительства объясняет тот факт, что в этой части памятника мощность культурного слоя в полтора-два раза выше, чем в хозяйственной периферии. Либо здесь имел место иной тип хозяйственной деятельности, который обусловил формирование культурного слоя с такими характеристиками. Этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения с привлечением более широкого естественно-научного и археологического инструментария.

Отметим, что в тех квадратах, где признаки культурного слоя жилой зоны выражены в наибольшей степени, практически нет очагов и пятен прокалов. При этом почти во всех загонах были выявлены следы разведения огня. С какой целью разводили огонь – неизвестно, однако, судя по расположению прокалов, менее всего следует связывать их с приготовлением пищи и обогревом жилища. Так, например, была выявлена серия прокалов в огромном загоне площадью более 200 м² (помещение 3 объекта 19), который никак нельзя назвать жилым помещением. К тому же 13 из 32 выявленных прокалов располагались над слоем развалов построек, либо за их пределами. Все это позволяет сделать вывод, что прокалы и очаги можно лишь условно считать диагностическим признаком жилой постройки.

Так или иначе, абсолютное большинство построек на поселении Багай-1 было связано с содержанием скота. Результаты наших исследований не согласуются с имеющимися представлениями о типологии построек на памятниках культур эпохи поздней бронзы Крыма. Так, до недавнего времени считалось, что небольшие по площади постройки, примыкающие друг к другу (блокирующиеся), являются жилыми. Наши дан-

ные такую возможность не исключают, но показывают, тем не менее, что следы содержания скота здесь выражены намного более ярко, чем следы проживания человека. Вполне вероятным представляется использование большей части каменных построек для содержания скота (длительного или кратковременного), либо для дойки скота и последующей переработки молока. Нельзя исключать и совместное пребывание в помещениях и животных, и человека, особенно в холодное время года, когда скот использовался как источник тепла.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, грант 22-68-00010 «Палеоэкология и палеоэкономика древнего населения Крыма: хозяйственные модели в меняющихся природных условиях и вклад древней антропогенной деятельности в формирование современного почвенного покрова региона».

The work was supported by the Russian Science Foundation, grant 22-68-00010 “Paleoecology and paleoeconomics of the ancient population of Crimea: economic models in changing natural conditions and the contribution of ancient anthropogenic activity to the formation of the modern soil cover of the region”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Вклад органических форм фосфатов (%) в общий пул фосфора в культурном слое поселения Багай-1

Table 1. Contribution of organic forms of phosphates (%) to the total pool of phosphorus in the cultural layer of the Bagai-1 settlement

глубина, см	фон	Объект 21			Объект 19			Объект 7		
		Н-17	Н-19	Н-22	Ф-15	У-16	У-18	Ю-18	Я-16	Ю-20
0-10	48	43	75	28	46	35	40	6	12	11
10-20	54	44	51	57	38	34	35	4	8	26
20-30	44	37	38	70	35	33	31	1	7	8
30-40	43	34	43	65	28	13	32	3	5	13
40-50	44	22	59	75	23	16	31	9	6	26
50-60	31	28	58	65	33	28	25	11	11	18
60-70	5	20	60			37	28	10	17	7
70-80	13						27		17	10
80-90										11

Таблица 2. Биологическая активность культурного слоя в разных объектах поселения Багай-1

Table 2. Biological activity of the cultural layer in different objects of the Bagai-1 settlement

глубина, см	фон	Объект 21			Объект 19		Объект 7	
		Н-17	Н-19	Н-22	У-16	У-18	Ю-18	Ю-20
урезная активность (мкг NH ₄ /г/час)								
10	154,6	137,7	168,6	164,9	129,1	223,2	126,2	47,4
20	139,5	102,2	120,2	87,6	87,8	153,9	74,3	33,7
30	104,1	63,4	54,5	50,1	47,9	108,3	64,4	32,4
40	45,3	61,2	47,3	30,7	49,7	82,8	58,7	20,9
50	27,4	68,2	44,6	28,1	35,1	60,9	48,0	20,3
60	22,9	53,8	40,8	32,9	33,8	55,2	32,0	18,4
70	31,8	39,4	31,6		29,2	39,5		18,7
80	25,7	27,7						
численность кератинолитических грибов (тыс. КОЕ/г)								
10	10,8	14,3	16,7	9,9	10,1	2,6	2,1	2,5
20	3,1	6,9	10,6	10,2	18,6	7,2	1,8	1,4
30	1,4	1,8	3,7	1,8	5,2	1,6	3,8	1,8
40	2,8	2,7	3,4	1,8	2,4	2,7	2,7	1,1
50	1,1	3,3	4,1	1,6	1,6	6,9	5,1	2,2
60	1,4	10,2	2	0,9	2,9	1,8	2,4	1,1
70	1,7	0,9			1	2,6	1,4	1,5
80	1,6	1,3				1,2		0,2
численность термофильных микроорганизмов (тыс. КОЕ/г)								
10	20	22	477	888	62	360	314	295
20	54	943	539	850	20	559	44	30
30	30	60	896	38	10	274	79	10
40	20	20	263	10	10	50	20	10
50	10	10	30	10	10	10	10	10
60	10	10	10	0	10	10	10	10
70	10	10			10	10	10	72
80	10	10				10		10
численность целлюлозалитических микроорганизмов (тыс. КОЕ/г)								
10	149	111	60	89	57	97	138	121
20	101	45	50	66	164	30	24	61
30	185	61	28	72	106	18	34	17
40	132	144	91	85	22	63	90	88
50	88	218	174	101	291	185	77	31
60	43	155	31	30	141	72	34	71
70	113	277			164	143	69	65
80	229	145				115		73

Рис. 1. Расположение поселения Багай-1 (1) на космическом снимке;
2 – правобережная часть того же поселения

Fig. 1. Location of the Bagay-1 settlement (1) on a satellite image;
2 – right-bank part of the same settlement

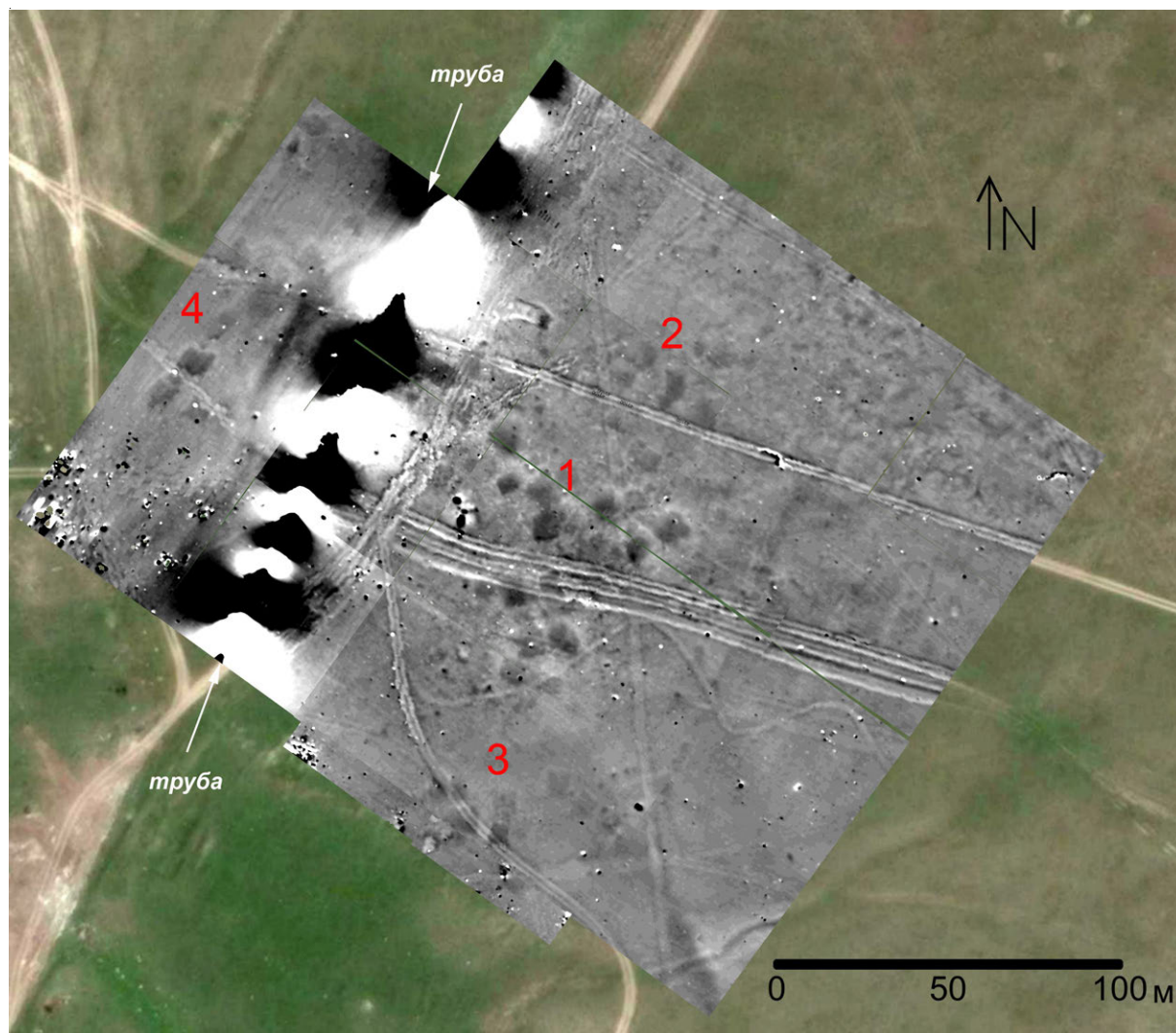

Рис. 2. Магнитная карта поселения Багай-1. Цифрами обозначены кластеры полуземлянок, проявившиеся в магнитном поле в виде локальных положительных аномалий (темный тон). Через все поселение проходит газовая труба, создавшая интенсивную знакопеременную аномалию

Fig. 2. Magnetic map of the Bagai-1 settlement. Numerals denote clusters of semi-dugouts that manifested themselves in the magnetic field as local positive anomalies (dark tone). A gas pipe runs through the entire settlement, creating an intense alternating anomaly

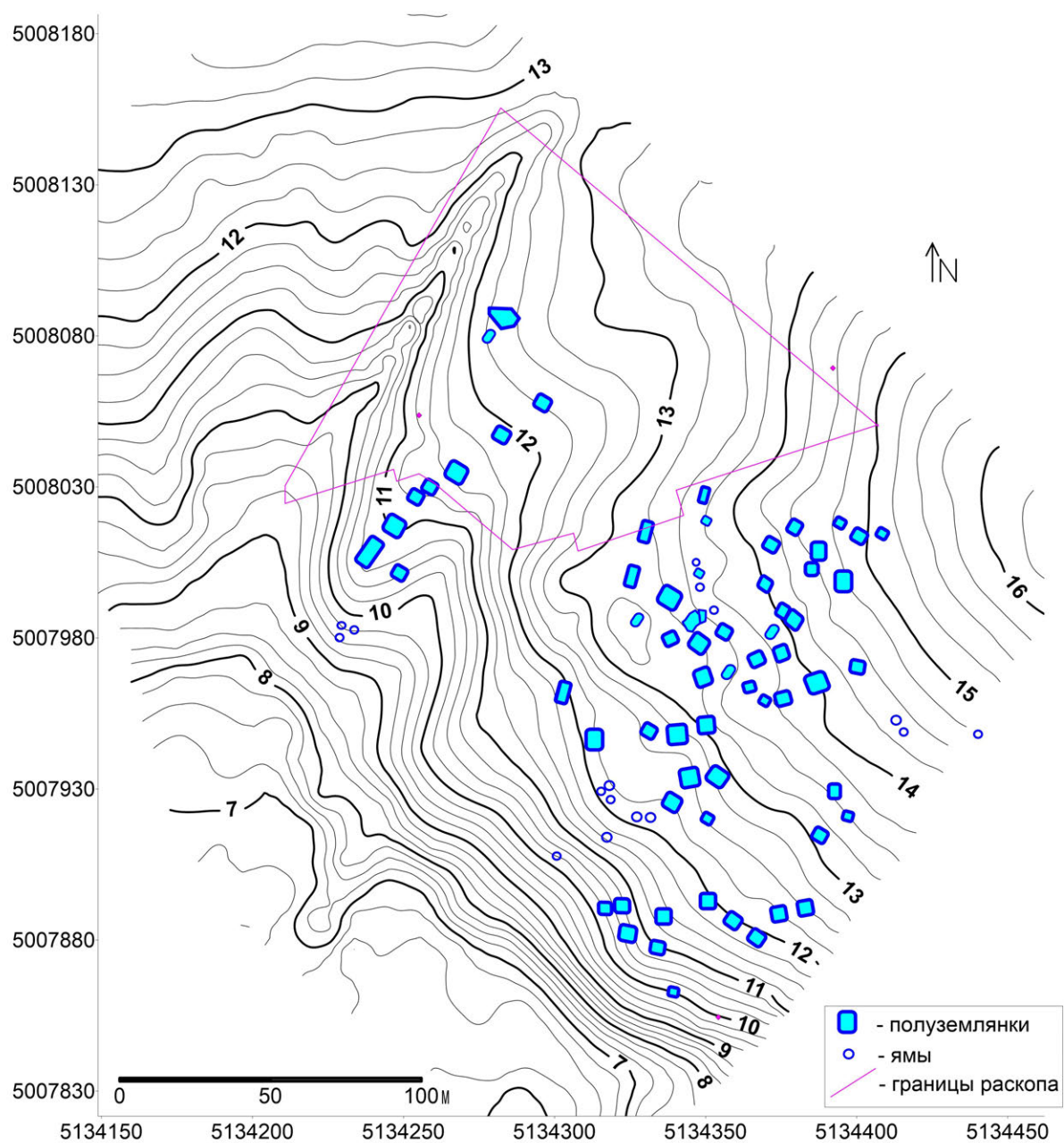

Рис. 3. План поселения Багай-1 по данным магнитной съемки на фоне топоплана в GPS-координатах (СК-63).
Красным показаны границы раскопа 2021–2022 гг.

Fig. 3. Plan of the settlement of Bagay-1 according to magnetic survey data against the background of a topographic plan in GPS-coordinates (SK-63).
Red shows the excavation boundaries of 2021–2022

Рис. 4. Керамика и металлические изделия из культурного слоя поселения Багай-1

Fig. 4. Ceramics and metal artifacts from the cultural layer of the Bagai-1 settlement

Рис. 5. Рабочий момент. Развалы стен построек в объекте 19
 Fig. 5. Working moment. Wall ruins of the buildings walls in object 19

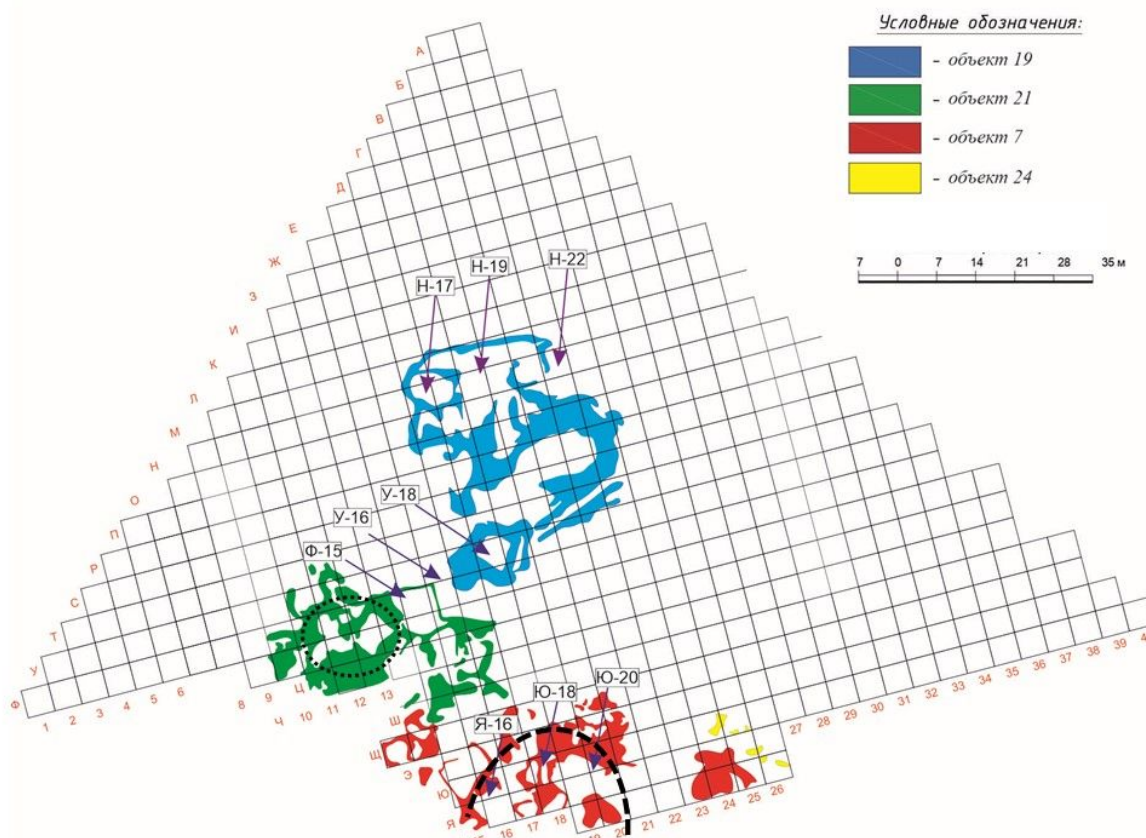

Рис. 6. Общая схема поселения Багай-1 и места отбора образцов для палеопочвенных исследований на территории памятника. Пунктиром показано расположение жилой зоны и скотоводческой периферии поселения

Fig. 6. General scheme of Bagai-1 settlement and of sampling sites for paleosol studies on the territory of the monument. The dotted line shows the location of the residential area and the cattle breeding periphery of the settlement

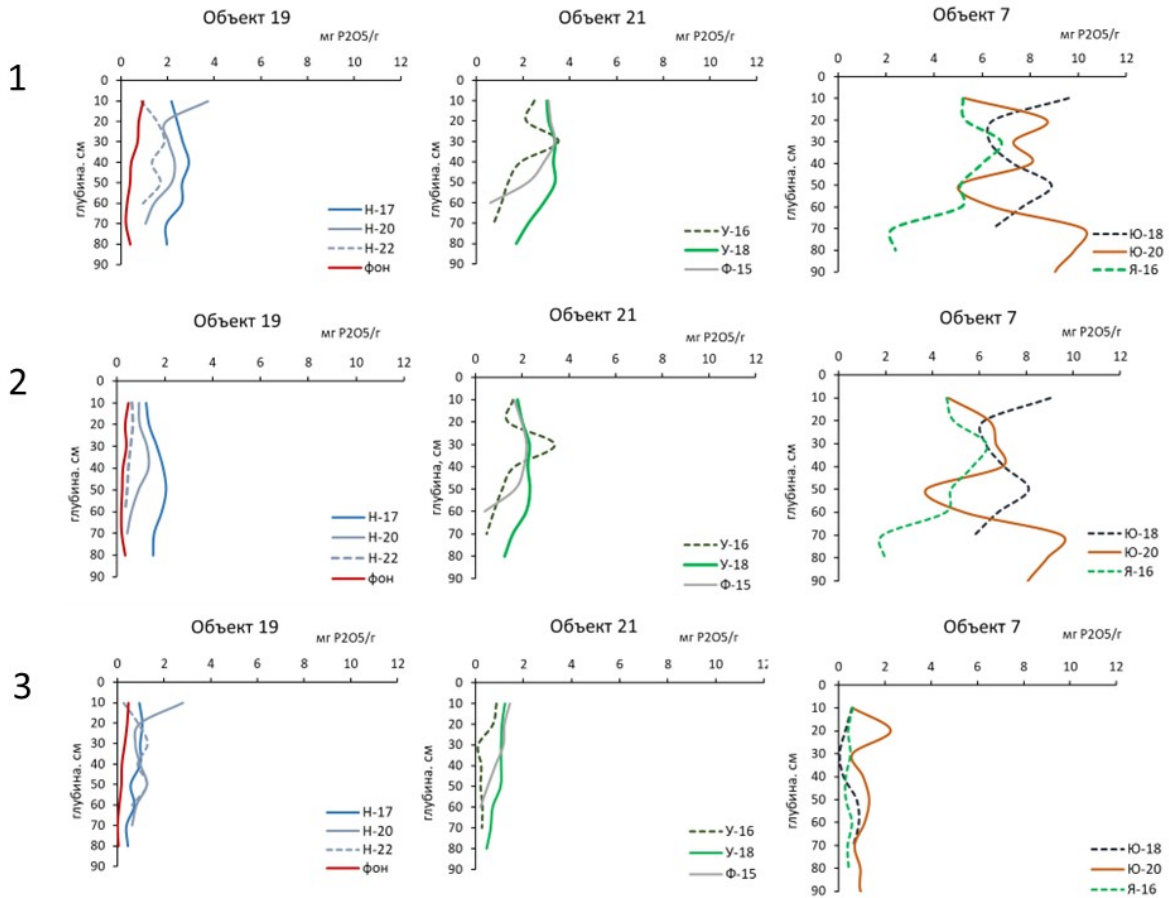

Рис. 7. Содержание разных форм фосфатов в культурном слое поселения Багай-1:
 1 – валовый фосфор ($P_{\text{орг.}} + P_{\text{мин.}}$); 2 – минеральные фосфаты ($P_{\text{мин.}}$); 3 – органические фосфаты ($P_{\text{орг.}}$)
 Fig. 7. The content of various forms of phosphates in the cultural layer of the Bagai-1 settlement:
 1 – total phosphorus ($P_{\text{орг.}} + P_{\text{мин.}}$); 2 – mineral phosphates ($P_{\text{мин.}}$); 3 – organic phosphates ($P_{\text{орг.}}$)

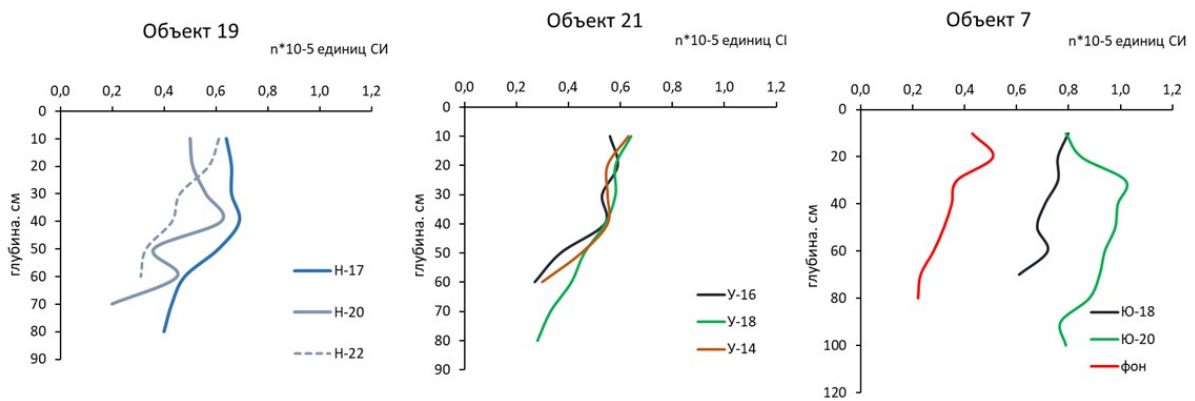

Рис. 8. Магнитная восприимчивость в почвах поселения Багай-1
 Fig. 8. Magnetic susceptibility in the soils of the Bagai-1 settlement

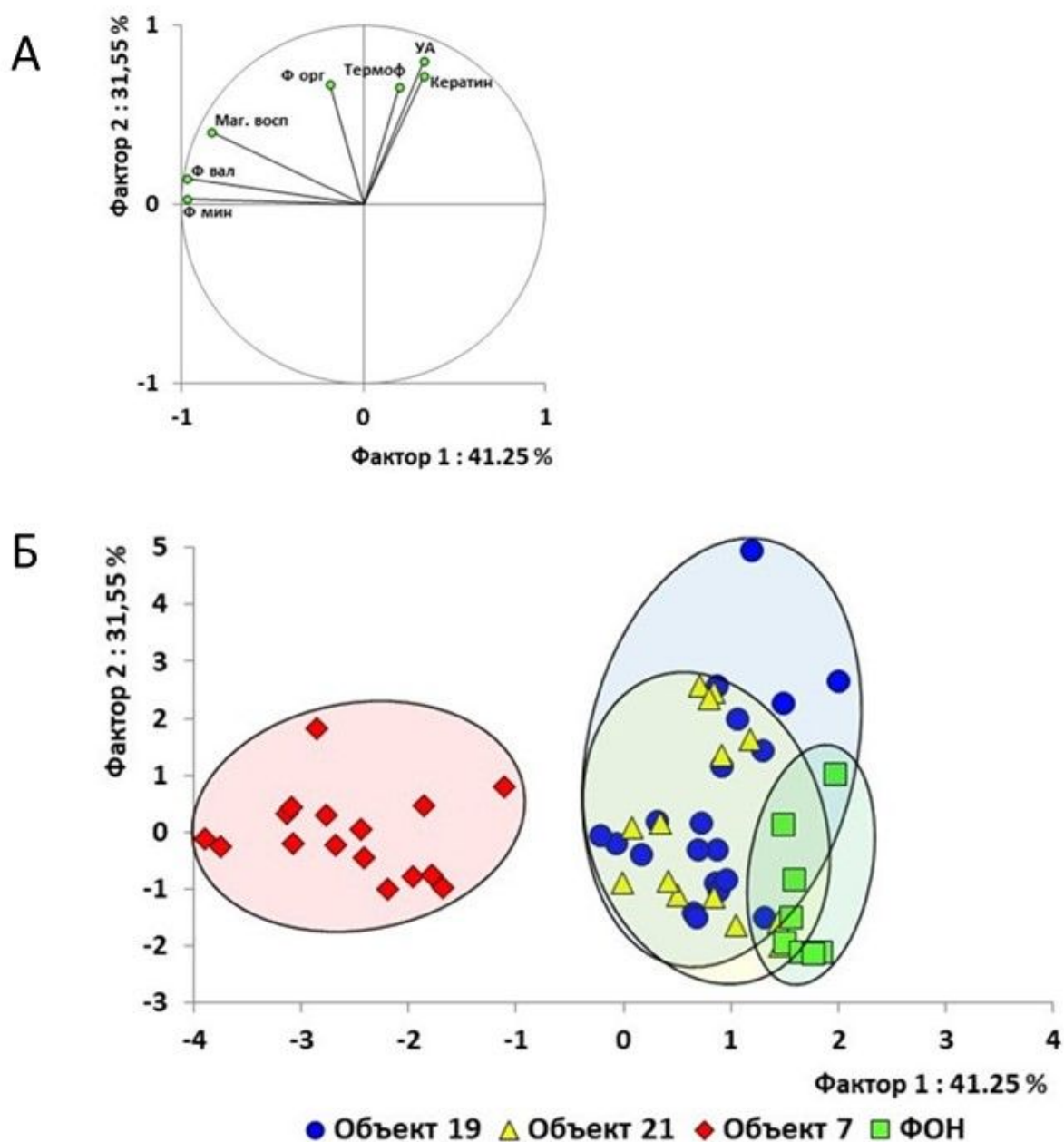

Рис. 9. Результаты статистической обработки данных методом главных компонент. Проекция химических и биологических свойств в факторной плоскости (А) и диаграмма рассеивания (Б)

Fig. 9. Results of statistical processing of data by the method of principal components. Projection of chemical and biological properties in the factorial plane (А) and scatterplot (Б)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А. Л., Александровская Е. И., Долгих А. В., Замотаев И. В., Курбатова А. Н., 2015. Почвы и культурные слои древних городов юга Европейской России // Почвоведение. № 11. С. 1201–1301.
- Ванчугов В. П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев : Наукова думка. 168 с.
- Горбов В. Н., 1997. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. Вып. 6. Донецк. С. 145–162.
- Горошников А. А., Горошникова З. В., 2022а. Предварительные результаты исследования поселения «Багай 1» в Северо-Западном Крыму в 2021 и 2022 гг. // Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь : ИТ «Ариал». С. 202–218.
- Горошников А. А., Горошникова З. В., 2022б. Изучение памятников эпохи поздней бронзы на юго-западе Таманского полуострова (по материалам поселения Панагия 1) // Научная конференция Национального музея истории Молдовы. Кишинев : Национальный музей истории Молдовы. С. 221–222.
- Горошников А. А., Горошникова З. В., Смекалова Т. Н., Антипенко А. В., 2023. Состав сплава металлических предметов из раскопок поселения позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму // Stratum Plus. № 2 (В печати).
- Дмитриев Е. А., 1995. Математическая статистика в почвоведении. М. : Изд-во МГУ. 320 с.
- Звягинцев Д. Г., Асеева И. В., Бабьева И. П., Мирчинк Т. Г., 1980. Методы почвенной микробиологии и биохимии. М. : Изд-во Моск. ун-та. 224 с.
- Каширская Н. Н., Плеханова Л. Н., Удальцов С. Н., Чернышева Е. В., Борисов А. В., 2017. Механизмы и временной фактор функционирования ферментативной организации палеопочв // Биофизика. Т. 62, вып. 6. С. 1235–1244.
- Каширская Н. Н., Чернышева Е. В., Хомутова Т. Э., Дуцанова К. С., Потапова А. В., Борисов А. В., 2021. Археологическая микробиология: теоретические основы, методы и результаты // Российская археология. № 2. С. 7–18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630010975-1>
- Кияшко А. В., 2020. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // Археологические вести. СПб. : ИИМК РАН. С. 207–222.
- Колотухин В. А., 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев : Сталос. 138 с.
- Коробов Д. С., Борисов А. В., Бабенко А. Н., Сергеев А. Ю., Чернышева Е. В., 2018. Комплексное исследование каменных загонов для скота в окрестностях Кисловодска // Российская археология. № 2. С. 113–129. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869606318020095>
- Методы почвенной микробиологии и биохимии, 1991. М. : Изд-во МГУ. 304 с.
- Мимоход Р. А., 2001. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1 : Археология. Донецк ; Макеевка. С. 94–105.
- Отрощенко В. В., 1986. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев : Наукова думка. С. 117–152.
- Ромашко В. А., 2013. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев : Скиф. 592 с.
- Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А., 2017. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность. СПб. : Алетей. 448 с.
- Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А., Чудин А. В., 2013. Археологическая карта окрестностей Керкинитиды // Материалы к археологической карте Крыма. Ортли. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Вып. XI, ч. 2. Симферополь : Феникс. С. 136–239.
- Смекалова Т. Н., Кашуба М. Т., Мульд С. А., Лисецкий Ф. Н., Борисов А. В., Соломонова М. Ю., Каширская Н. Н., Бэван Б. У., Кулькова М. А., Очередной А. К., 2020. Междисциплинарные исследования поселений эпохи бронзы Северо-Западного Крыма // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XIX. СПб. : Алетей. 204 с.
- Чернышева Е. В., Борисов А. В., Коробов Д. С., 2016. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. М. : ГЕОС. 240 с.

- Чернышева Е. В., Каширская Н. Н., Демкина Е. В., Коробов Д. С., Борисов А. В., 2019. Термофильные микроорганизмы в почвах как результат хозяйственной деятельности человека в древности // Микробиология. Т. 88, № 5. С. 624–626. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0026365619050045>
- Черняков И. Т., 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев : Наукова думка. 172 с.
- Canti M. G., 1997. An Investigation of Microscopic Calcareous Spherulites from Herbivore Dungs // Journal of Archaeological Science. Vol. 24 (3). P. 219–231.
- Chernysheva E. V., Korobov D. S., Borisov A. V., 2017. Thermophilic Microorganisms in Arable Land Around Medieval Archaeological Sites in Northern Caucasus, Russia: Novel Evidence of Past Manuring Practices // Geoarchaeology. Vol. 32. P. 494–501. DOI: <https://doi.org/10.1002/gea.21613>
- Chernysheva E. V., Korobov D. S., Khomutova T. E., Borisov A. V., 2015. Urease Activity in Cultural Layers at Archaeological Sites // Journal of Archaeological Science. Vol. 57. P. 24–31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.01.022>
- Eidt R. C., 1977. Detection and Examination of Anthrosols by Phosphate Analysis // Science. Sep. 30. № 197 (4311). P. 1327–1333. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.197.4311.1327>
- Evershed R. P., 2008. Organic Residue Analysis in Archaeology: The Archaeological Biomarker Revolution // Archaeometry. Vol. 50, № 6. P. 895–924. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00446.x>
- Evershed R., Bethell P., Reynolds P., Walsh N., 1997. 5β-Stigmastanol and Related 5β-Stanols as Biomarkers of Manuring: Analysis of Modern Experimental Material and Assessment of the Archaeological Potential // Journal of Archaeological Science. Vol. 24, iss. 6. P. 485–495. DOI: <https://doi.org/10.1006/jasc.1996.0132>
- Fassbinder J., Stanjek H., 1993. Occurrence of Biogenic Magnetite in Soils from Archaeological Sites // Archaeologia Polona. Vol. 3. P. 117–128.
- Freitas F., Martins P., 2003. Calcite Crystals Inside Archaeological Plant Tissues // Journal of Archaeological Science. Vol. 30. P. 1203–1208. DOI: <https://doi.org/10.1006/jasc.1999.0549>
- Holliday V., Gartner W., 2007. Methods of Soil P Analysis in Archeology // Journal of Archaeological Science. Vol. 34 (2). P. 301–333. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2006.05.004>
- Kandeler E., Gerber H., 1988. Short-Term Assay of Urease Activity Using Colorimetric Determination of Ammonium // Biology and Fertility of Soils. Vol. 6. P. 68–72. DOI: [10.1007/BF00257924](https://doi.org/10.1007/BF00257924)
- Kashirskaya N., Chernysheva E., Plekhanova L., Borisov A., 2019. Thermophilic Microorganisms as an Indicator of Soil Microbiological Contamination in Antiquity and at the Present Time // 19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019. Vol. 19. P. 569–574. DOI: <https://doi.org/10.5593/sgem2019/3.2/S13.074>
- Kashirskaya N., Kleshchenko A., Mimokhod R., Borisov A., 2020. Microbiological Approach for Identification of Wool Clothes in Ancient Burials // Journal of Archaeological Science. Vol. 31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102296>
- Linseele V., Riemer H., Baeten, J., De Vos D., Marinova E., Ottoni C., 2013. Species Identification of Archaeological Dung Remains: A Critical Review of Potential Methods // Environmental Archaeology. Vol. 18. P. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1179/1461410313Z.00000000019>
- Locatelli R., Lavrieux M., Guillemot T., Chassiot L., Le Milbeau C., Jacob J., 2017. Fecal Biomarker Imprints as Indicators of Past Human Land Uses: Source Distinction and Preservation Potential in Archaeological and Natural Archives // Journal of Archaeological Science. Vol. 81. P. 79–89. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2017.03.010>
- Maher B. A., 2007. Environmental Magnetism and Climate Change // Contemporary Physics. Vol. 48. P. 247–274. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00107510801889726>
- Migliavacca M., Pizzeghello D., Busana M. S., Nardi S., 2012. Soil Chemical Analysis Supports the Identification of Ancient Breeding Structures // Quaternary International. Vol. 275. P. 128–136. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2012.01.026>
- Oldfield F., Crowther J., 2007. Establishing Fire Incidence in Temperate Soils Using Magnetic Measurements // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. Vol. 249. P. 362–369.
- Peters S., Borisov A., Reinhold S., Korobov D., Thiemeyer H., 2014. Microbial Characteristics of Soils Depending on the Human Impact on Archaeological Sites in the Northern Caucasus // Quaternary International. Vol. 324. P. 162–171. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2013.11.020>

- Prost K., Birk J. J., Lehdorff E., Gerlach R., Amelung W., 2017. Steroid Biomarkers Revisited – Improved Source Identification of Faecal Remains in Archaeological Soil Material // *PloS One*. Vol. 12, № 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0164882>
- Saunders W. M., Williams E. G., 1955. Observations on the Determination of Total Organic Phosphorus in Soils // *Journal of Soil Science*. Vol. 6, № 2. P. 254–267. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2389.1955.tb00849.x>
- Simpson I. A., van Bergen P. F., Perret V., Elhmmali M. M., Roberts D. J., Evershed R. P., 1999. Lipid Biomarkers of Manuring Practice in Relict Anthropogenic Soils // *The Holocene*. Vol. 2. P. 223–229. DOI: <https://doi.org/10.1191/095968399666898333>
- Smekalova T. N., Bevan B. W., Kashuba M. T., Lisetskii F. N., Borisov A. V., Kashirskaya N. N., 2021. Magnetic Surveys Locate Late Bronze Age Corrals // *Archaeological Prospection*. Vol. 28, iss. 1. P. 3–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/arp.1789>
- Zhurbin I., Borisov A., Zlobina A., 2022. Reconstruction of the Occupation Layer of Archaeological Sites Based on Statistical Analysis of Soil Materials // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 41. P. 103347. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2022.103347>

REFERENCES

- Alexandrovsky A.L., Alexandrovskaya E.I., Dolgikh A.V., Zamotaev I.V., Kurbatova A.N., 2015. Pochvy i kul'turnye sloi drevnih gorodov yuga Evropeyskoy Rossii [Soils and Cultural Layers of Ancient Cities of the South of European Russia]. *Pochvovedenie* [Soil Science], no. 11, pp. 1201-1301.
- Vanchugov V.P., 1990. *Belozerskie pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'e. Problema formirovaniya belozerskoy kul'tury* [Belozersk Monuments in the North-Western Black Sea Region. The Problem of the Formation of Belozersk Culture]. Kiev, Naukova dumka Publ. 168 p.
- Gorbov V.N., 1997. Dve traditsii primeneniya kamnya v domostroitel'stve pozdnego bronzovogo veka [Two Traditions of the Use of Stone in the Household of the Late Bronze Age]. *Arheologicheskii al'manah* [Archaeological Almanac], iss. 6. Donetsk, pp. 145-162.
- Goroshnikov A.A., Goroshnikova Z.V., 2022a. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya poseleniya «Bagay 1» v Severo-Zapadnom Krymu v 2021 i 2022 gg. [Preliminary Results of the Study of the Settlement “Bagay 1” in the North-Western Crimea in 2021 and 2022]. *Zapadnaya Tavrida v istorii i kulture drevnego i srednevekovogo Sredizemnomoria: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Western Taurida in the history and culture of the ancient and medieval Mediterranean. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference]. Simferopol, IT «Arial» Publ., pp. 202-218.
- Goroshnikov A.A., Goroshnikova Z.V., 2022b. Izuchenie pamyatnikov epohi pozdney bronzы na yugo-zapade Tamanskogo poluostrova (po materialam poseleniya Panagiya 1) [The Study of the Monuments of the Late Bronze Age in the South-West of the Taman Peninsula (Based on the Materials of the Settlement Panagia 1)]. *Nauchnaya konferentsiya Natsional'nogo muzeya istorii Moldovy* [Scientific Conference of the National Museum of History of Moldova]. Chisinau, National Museum of the History of Moldova, pp. 221-222.
- Goroshnikov A.A., Goroshnikova Z.V., Smekalova T.N., Antipenko A.V., 2023. Sostav splava metallicheskih predmetov iz raskopok poseleniya pozdnego bronzovogo veka Bagay 1 v Severo-Zapadnom Krymu [The Composition of the Alloy of Metal Objects from the Excavations of the Late Bronze Age Settlement Bagay 1 in the North-Western Crimea]. *Stratum Plus*, no. 2 (In print).
- Dmitriev E.A., 1995. *Matematicheskaya statistika v pochvovedenii* [Mathematical Statistics in Soil Science]. Moscow, Moscow State University. 320 p.
- Zvyagintsev D.G., Aseeva I.V., Babyeva I.P., Mirchink T.G., 1980. *Metody pochvennoy mikrobiologii i biohimii* [Methods of Soil Microbiology and Biochemistry]. Moscow, Moscow State University. 224 p.
- Kashirskaya N.N., Plekhanova L.N., Udaltsov S.N., Chernysheva E.V., Borisov A.V., 2017. Mekhanizmy i vremennyy faktor funktsionirovaniya fermentativnoy organizatsii paleopochv [Mechanisms and Time Factor of Functioning of the Enzymatic Organization of Paleosols]. *Biofizika* [Biophysics], vol. 62, iss. 6, pp. 1235-1244.
- Kashirskaya N.N., Chernysheva E.V., Khomutova T.E., Duschanova K.S., Potapova A.V., Borisov A.V., 2021. Arheologicheskaya mikrobiologiya: teoreticheskie osnovy, metody i rezul'taty [Archaeological Microbiology:

- Theoretical Foundations, Methods and Results]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 7-18. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630010975-1>
- Kiyashko A.V., 2020. Poselenie epohi bronzы Balka Lisovitskogo IV na Tamani: obshchiy obzor i charakteristika metallichesкого inventarya [The Bronze Age Settlement of the Lisovitsky IV Beam on Taman: A General Overview and Characteristics of Metal Inventory]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News]. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 207-222.
- Kolotukhin V.A., 2003. *Pozdnyy bronzovyy vek Kryma* [The Late Bronze Age of Crimea]. Kiev, Stylos Publ. 138 p.
- Korobov D.S., Borisov A.V., Babenko A.N., Sergeev A.Yu., Chernysheva E.V., 2018. Kompleksnoe issledovanie kamennykh zagonov dlya skota v okrestnostyakh Kislovodskа [A Comprehensive Study of Stone Cattle Pens in the Vicinity of Kislovodsk]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 113-129. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869606318020095>
- Metody pochvennoy mikrobiologii i biohimii* [Methods of Soil Microbiology and Biochemistry], 1991. Moscow, MSU. 304 p.
- Mimohod R.A., 2001. Kriterii vydeleniya poselencheskikh kul'tovyykh kompleksov epohi pozdney bronzы [Criteria for the Allocation of Settlement Cult Complexes of the Late Bronze Age]. *Problemy arheologii i arhitektury T. 1: Arheologiya* [Problems of Archeology and Architecture. Vol. 1: Archeology]. Donetsk, Makeyevka, pp. 94-105.
- Otroshchenko V.V., 1986. Belozerskaya kul'tura [Belozersk Culture]. *Kul'tury epohi bronzы na territorii Ukrainy* [Cultures of the Bronze Age on the Territory of Ukraine]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 117-152.
- Romashko V.A., 2013. *Zaklyuchitel'nyy etap pozdnego bronzovogo veka Levoberezhnoy Ukrainy (po materialam boguslavsko-belozerskoy kul'tury)* [The Final Stage of the Late Bronze Age of Left-Bank Ukraine (Based on the Materials of the Boguslav-Belozersk Culture)]. Kiev, Skif Publ. 592 p.
- Smekalova T.N., Kutaisov V.A., 2017. *Arheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnyy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost'* [Archaeological Atlas of the North-Western Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity]. Saint Petersburg, Aleteya Publ. 448 c.
- Smekalova T.N., Kutaisov V.A., Chudin A.V., 2013. Arheologicheskaya karta okrestnostey Kerkinitidy [Archaeological Map of the Surroundings of Kerkinitida]. *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma. Orli. Antichnye usad'ba i vinogradnik na dal'ney hore Hersonesа* [Materials for the Archaeological Map of the Crimea. Ortle. Antique Manor and Vineyard on the far Side of Chersonesos], iss. XI, part 2. Simferopol, Feniks Publ., pp. 136-239.
- Smekalova T.N., Kashuba M.T., Muld S.A., Lisetsky F.N., Borisov A.V., Solomonova M.Yu., Kashirskaya N.N., Bevan B.U., Kulkova M.A., Ocherednoy A.K., 2020. Mezhdisciplinarnye issledovaniya poseleniy epohi bronzы Severo-Zapadnogo Kryma [Interdisciplinary Studies of Settlements of the Bronze Age of the North-Western Crimea]. *Materialy k arheologicheskoy karte Kryma* [Materials for the Archaeological Map of the Crimea], iss. XIX. Saint Petersburg, Aleteya Publ. 204 p.
- Chernysheva E.V., Borisov A.V., Korobov D.S., 2016. *Biologicheskaya pamyat' pochv i kul'turnykh sloev arheologicheskikh pamyatnikov* [Biological Memory of Soils and Cultural Layers of Archaeological Sites]. Moscow, GEOS Publ. 240 p.
- Chernysheva E.V., Kashirskaya N.N., Demkina E.V., Korobov D.S., Borisov A.V., 2019. Termofil'nye mikroorganizmy v pochvah kak rezul'tat hozyaystvennoy deyatel'nosti cheloveka v drevnosti [Thermophilic Microorganisms in Soils as a Result of Human Economic Activity in Antiquity]. *Mikrobiologiya* [Microbiology], vol. 88, no. 5, pp. 624-626. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0026365619050045>
- Chernyakov I.T., 1985. *Severo-Zapadnoe Prichernomor'е vo vtoroy polovine II tys. do n.e.* [The North-Western Black Sea Region in the Second Half of the II Millennium BC]. Kiev, Naukova dumka Publ. 172 p.
- Canti M.G., 1997. An Investigation of Microscopic Calcareous Spherulites from Herbivore Dungs. *Journal of Archaeological Science*, vol. 24 (3), pp. 219-231.
- Chernysheva E.V., Korobov D.S., Borisov A.V., 2017. Thermophilic Microorganisms in Arable Land around Medieval Archaeological Sites in Northern Caucasus, Russia: Novel Evidence of Past Manuring Practices. *Geoarchaeology*, vol. 32, pp. 494-501. DOI: <https://doi.org/10.1002/gea.21613>
- Chernysheva E.V., Korobov D.S., Khomutova T.E., Borisov A.V., 2015. Urease Activity in Cultural Layers at Archaeological Sites. *Journal of Archaeological Science*, vol. 57, pp. 24-31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.01.022>

- Eidt R.C., 1977. Detection and Examination of Anthrosols by Phosphate Analysis. *Science*. Sep. 30, no. 197 (4311), pp. 1327-1333. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.197.4311.1327>
- Evershed R.P., 2008. Organic Residue Analysis in Archaeology: The Archaeological Biomarker Revolution. *Archaeometry*, vol. 50, no. 6, pp. 895-924. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00446.x>
- Evershed R., Bethell P., Reynolds P., Walsh N., 1997. 5 β -Stigmastanol and Related 5 β -Stanols as Biomarkers of Manuring: Analysis of Modern Experimental Material and Assessment of the Archaeological Potential. *Journal of Archaeological Science*, vol. 24, iss. 6, pp. 485-495. DOI: <https://doi.org/10.1006/jasc.1996.0132>
- Fassbinder J., Stanjek H., 1993. Occurrence of Biogenic Magnetite in Soils from Archaeological Sites. *Archaeologia Polona*, vol. 3, pp. 117-128.
- Freitas F., Martins P., 2003. Calcite Crystals Inside Archaeological Plant Tissues. *Journal of Archaeological Science*, vol. 30, pp. 1203-1208. DOI: <https://doi.org/10.1006/jasc.1999.0549>
- Holliday V., Gartner W., 2007. Methods of Soil P Analysis in Archaeology. *Journal of Archaeological Science*, vol. 34 (2), pp. 301-333. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2006.05.004>
- Kandeler E., Gerber H., 1988. Short-Term Assay of Urease Activity Using Colorimetric Determination of Ammonium. *Biology and Fertility of Soils*, vol. 6, pp. 68-72. DOI: [10.1007/BF00257924](https://doi.org/10.1007/BF00257924)
- Kashirskaya N., Chernysheva E., Plekhanova L., Borisov A., 2019. Thermophilic Microorganisms as an Indicator of Soil Microbiological Contamination in Antiquity and at the Present Time. *19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019*, vol. 19, pp. 569-574. DOI: <https://doi.org/10.5593/sgem2019/3.2/S13.074>
- Kashirskaya N., Kleshchenko A., Mimokhod R., Borisov A., 2020. Microbiological Approach for Identification of Wool Clothes in Ancient Burials. *Journal of Archaeological Science*, vol. 31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2020.102296>
- Linseele V., Riemer H., Baeten J., De Vos D., Marinova E., Ottoni C., 2013. Species Identification of Archaeological Dung Remains: A Critical Review of Potential Methods. *Environmental Archaeology*, vol. 18, pp. 5-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.1179/1461410313Z.00000000019>
- Locatelli R., Lavrieux M., Guillemot T., Chassiot L., Le Milbeau C., Jacob J., 2017. Fecal Biomarker Imprints as Indicators of Past Human Land Uses: Source Distinction and Preservation Potential in Archaeological and Natural Archives. *Journal of Archaeological Science*, vol. 81, pp. 79-89. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2017.03.010>
- Maher B.A., 2007. Environmental Magnetism and Climate Change. *Contemporary Physics*, vol. 48, pp. 247-274. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00107510801889726>
- Migliavacca M., Pizzeghello D., Busana M.S., Nardi S., 2012. Soil Chemical Analysis Supports the Identification of Ancient Breeding Structures. *Quaternary International*, vol. 275, pp. 128-136. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2012.01.026>
- Oldfield F., Crowther J., 2007. Establishing Fire Incidence in Temperate Soils Using Magnetic Measurements. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*, vol. 249, pp. 362-369.
- Peters S., Borisov A., Reinhold S., Korobov D., Thiemeyer H., 2014. Microbial Characteristics of Soils Depending on the Human Impact on Archaeological Sites in the Northern Caucasus. *Quaternary International*, vol. 324, pp. 162-171. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2013.11.020>
- Prost K., Birk J.J., Lehdorff E., Gerlach R., Amelung W., 2017. Steroid Biomarkers Revisited – Improved Source Identification of Faecal Remains in Archaeological Soil Material. *PloS One*, vol. 12, no. 1. DOI: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0164882>
- Saunders W.M., Williams E.G., 1955. Observations on the Determination of Total Organic Phosphorus in Soils. *Journal of Soil Science*, vol. 6, no. 2, pp. 254-267. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2389.1955.tb00849.x>
- Simpson I.A., van Bergen P.F., Perret V., Elhmmali M.M., Roberts D.J., Evershed R.P., 1999. Lipid Biomarkers of Manuring Practice in Relict Anthropogenic Soils. *The Holocene*, vol. 2, pp. 223-229. DOI: <https://doi.org/10.1191/09596839966898333>
- Smekalova T.N., Bevan B.W., Kashuba M.T., Lisetskii F.N., Borisov A.V., Kashirskaya N.N., 2021. Magnetic Surveys Locate Late Bronze Age Corrals. *Archaeological Prospection*, vol. 28, iss. 1, pp. 3-16. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/arp.1789>
- Zhurbin I., Borisov A., Zlobina A., 2022. Reconstruction of the Occupation Layer of Archaeological Sites Based on Statistical Analysis of Soil Materials. *Journal of Archaeological Science*, vol. 41, p. 103347. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2022.103347>

Information About the Authors

Alexander V. Borisov, Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher, Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, a.v.borisovv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5031-7477>

Andrey A. Goroshnikov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ul'anova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, goroshnikov89@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5148-1559>

Natalia N. Kashirskaya, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, nkashirskaya81@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Roman A. Mimokhod, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ul'anova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, mimokhod@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4584-4747>

Viktor N. Pinsky, Master of Biological Sciences, Junior Researcher, Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, pinsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7463-5186>

Anastasia V. Potapova, Master of Biological Sciences, Junior Researcher, Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, anastassia4272@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7846-9103>

Tatiana N. Smekalova, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department, Research Center for the History and Archeology of the Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Akademika Vernadsky Avenue, 4, 295007 Simferopol, Russian Federation, tsmek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-5372>

Информация об авторах

Александр Владимирович Борисов, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, a.v.borisovv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5031-7477>

Андрей Алексеевич Горошников, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, Igoroshnikov89@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5148-1559>

Наталья Николаевна Каширская, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, nkashirskaya81@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Роман Алексеевич Мимоход, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, mimokhod@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4584-4747>

Виктор Николаевич Пинской, магистр биологических наук, младший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, pinsky@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7463-5186>

Анастасия Владимировна Потапова, магистр биологических наук, младший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, anastassia4272@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7846-9103>

Татьяна Николаевна Смекалова, доктор исторических наук, заведующая отделом, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, просп. Академика Вернадского, 4, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, tsmek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-5372>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.3>

UDC 641.46
LBC 63.4(2); 28.1

Submitted: 21.11.2022
Accepted: 17.04.2023

**RECONSTRUCTION OF ORIGINAL CONTENT
OF THE KURGAN FUNERAL VESSELS
BASED ON MICROBIAL AND ENZYMATIC PARAMETERS ¹**

Natalia N. Kashirskaya

Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Tatiana E. Khomutova

Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Kamilla S. Dushchanova

Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences,
Pushchino, Russian Federation

Flavio Fornasier

CREA, Research Centre for Viticulture and Enology, Gorizia, Italy

Denis S. Kovalev

Center of Applied Archeology, Moscow, Russian Federation

Abstract. The original content of ritual vessels from the burials of the two kurgan cemeteries was reconstructed using the multisubstrate testing system of microbial respiration and enzymatic activity of the soil from the pots. For this purpose, a laboratory model experiment was conducted and the decomposition of protein, lipid and polysaccharide organic materials was studied. Basing on the results of the model experiment, most indicative enzymes produced by soil microbial community under decomposition of each type of organic materials were found. They were nonanoate esterase, alkaline phosphatase, acid phosphatase, and leucine-aminopeptidase. The results of the assessment of enzymatic activity made it possible to reconstruct the original contents of burial vessels from two burial mounds “Beysuzhek-35” (Bronze Age) and “Spokoynyy” (Bronze Age and Early Iron Age). We found that most of the pots contained plant food. Animal proteins and fats were in three out of nine pots. One pot was empty or had water in it. In the male burials of the Yamnaya culture, ritual food in pots was more nutritious and included animal fats and proteins, while in the female burial in pots there was a plant starch and protein food. Multisubstrate testing of the respiratory responses of the soil microbial community and determination of the activities of the enzymes nonanoate esterase, alkaline phosphatase, acid phosphatase, and leucine-aminopeptidase are promising approaches to study the type of ritual food in the pots from ancient burials.

Key words: kurgan burials, funeral vessels, archaeological cultures, enzymatic activity, multisubstrate testing of microbial respiration.

Citation. Kashirskaya N.N., Khomutova T.E., Dushchanova K.S., Fornasier F., Kovalev D.S., 2023. Rekonstruktsiya iskhodnogo soderzhimogo ritual'nyh sosudov iz kurgannyh pogrebeniy na osnove mikrobiologicheskikh i fermentativnyh pokazateley [Reconstruction of Original Content of the Kurgan Funeral Vessels Based on Microbial and Enzymatic Parameters]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 36-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.3>

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСХОДНОГО СОДЕРЖИМОГО РИТУАЛЬНЫХ СОСУДОВ ИЗ КУРГАННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА ОСНОВЕ МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИХ И ФЕРМЕНТАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ¹

Наталья Николаевна Каширская

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Татьяна Эдуардовна Хомутова

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Камилла Савировна Дуцанова

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
г. Пущино, Российская Федерация

Флавио Форназьер

CREA, Исследовательский центр виноградарства и энологии, г. Гориция, Италия

Денис Станиславович Ковалев

Центр Прикладной археологии, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исходное содержимое ритуальных сосудов из погребений двух курганных могильников было реконструировано с использованием мультисубстратного тестирования микробного дыхания и ферментативной активности образцов грунта, отобранного из горшков. Для этого был проведен модельный лабораторный эксперимент по разложению белковых, липидных и полисахаридных органических материалов. Результаты модельного эксперимента выявили наиболее показательные ферменты, вырабатываемые почвенным микробным сообществом при разложении органических субстратов. Это были нонаноатэстераза, щелочная фосфатаза, кислая фосфатаза и лейцин-аминопептидаза. Результаты оценки ферментативной активности позволили реконструировать исходное содержимое погребальных сосудов из двух курганов «Бейсужек-35» (эпоха бронзы) и «Спокойный» (эпоха бронзы и раннего железа). Было показано, что большинство горшков содержали растительную пищу. В трех из девяти исследованных горшков содержались животные белки и жиры. Один горшок был пуст или в нем была вода. В горшках из мужских погребений ямной культуры ритуальная пища была более питательной и включала животные жиры и белки, в то время как в горшке из женского погребения присутствовали растительный крахмал и белок. Мультисубстратное тестирование дыхательных откликов почвенного микробного сообщества и определение активности ферментов нонаноатэстеразы, щелочной фосфатазы, кислой фосфатазы и лейцин-аминопептидазы являются многообещающими подходами к исследованиям ритуальной пищи различного типа в сосудах из древних погребений.

Ключевые слова: курганные погребения, ритуальные сосуды, археологические культуры, ферментативная активность, мультисубстратное тестирование микробного дыхания.

Цитирование. Каширская Н. Н., Хомутова Т. Э., Дуцанова К. С., Форназьер Ф., Ковалев Д. С., 2023. Реконструкция исходного содержимого ритуальных сосудов из курганных погребений на основе микробиологических и ферментативных показателей // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 36–50. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.3>

Introduction

Ceramic pottery was human innovation emerged in Late Pleistocene [Craig et al., 2013, p. 351], since that time pottery fragments or whole vessels are found as artifacts in various archaeological contexts. An important task is the reconstruction of original content of funeral vessels found at excavations of burial mounds (kurgans) attributed to different archaeological cultures for better understanding not only consumer, but also past rite-spiritual human life.

Generally, for reconstructions of original content of pots a variety of approaches was developed that include assessment of phosphate content [Demkin et al., 2014, p. 148], archaeobotanic [Peto et al., 2013, p. 58], biochemical [Kučera et al., 2018], isotopic [Reber, Evershed, 2004, p. 399; Morton, Schwarcz, 2004, p. 503], microbiological [Feng et al., 2021, p. 101365; Liu et al., 2022, p. 1] and other methods [Craig et al., 2004, p. 613; Borisov et al., 2006, p. 376; Alexandrovsky, Alexandrovskaya, 2007; Barnard et al., 2007a, p. 1; Craig et al., 2011, p. 17910; Isaksson, Hallgren, 2012, p. 3600, etc.].

In recent years, much attention is paid to study of traditional ethnic food and alcoholic drinks, whose technologies originate from ancient times [Bassi et al., 2020, p. 93; McHugh et al., 2021, p. 49; Wang et al., 2021, p. e0255833; Liu et al., 2022, p. 1].

It is known that fermentation of traditional products is carried out by yeast, lactic acid and acetic acid microorganisms [Guerra et al., 2022, p. 1854] and is not complete without lipolytic microorganisms [Meghwanshi, Vashishtha, 2018, p. 383; Negi, 2019, p. 181; Salgado et al., 2021, p. 101509]. Vessels from ancient burials may contain well-preserved microorganisms associated with the food technologies. For example, yeast cultures similar genetically to yeast in traditional African beverages were isolated from clay pots of the Bronze Age [Aouizerat et al., 2019, p. 1]. Lactic acid bacterium *Lactobacillus coagulans* was isolated from the burial clay pot of the Bronze Age [Demkina et al., 2019, p. 631]. However, living microorganisms associated with the food products are preserved in ceramics rarely. Therefore, for the most ancient objects, effective methods of reconstructing dairy food in vessels are the search for genes encoding milk proteins,

lipid analysis [Salque et al., 2013, p. 522] or proteomic analysis [Yang et al., 2014, p. 178]. These methods make it possible to establish the original purpose of the vessels for cottage and cheese technologies. In addition, enzyme immunoassay is used, which for the first time revealed the presence of milk proteins in ceramic vessels of the Eneolithic era [Kučera et al., 2018, p. 3247].

A large number of studies of the original contents of ancient vessels are devoted to the identification of alcoholic beverages. There is evidence of early Neolithic wine production in the Caucasus [Harutyunyan, Malfeito-Ferreira, 2022, p. 788] and red beer production in China [Feng et al., 2021, p. 101365; Liu et al., 2022, p. 1]. For the production of this beer by analyzing microfossils of starch, phytoliths and mushrooms, the use of a variety of plant ingredients and mold fungi has been proven [Liu et al., 2020, p. 1]. The earliest evidence of the use of leaven for fermentation in the production of alcoholic beverages predated the appearance of writing in China by 8000 years [Wang et al., 2021, p. e0255833]. Over the centuries, vessels for fermentation and storage of beer have morphologically evolved from spherical jugs to amphorae, accompanied by an increase in size and shape optimization [Liu, 2021, p. 101310].

Archaeological vessels are associated not only with food. For example, studies of ancient aromatic, cosmetic and medicinal products can be carried out in such rare vessels as incense burners or perfume bottles. Here, paleo-metabolomics is a promising direction, with the help of which traces of aromatic plants and plant products that were used in the past as incense, cosmetics, and medical products are identified [Huber et al., 2022, p. 611]. For human DNA studies, the contents of Egyptian ritual vessels (canopic jars) to store entrails in preparation for mummification in ancient Egypt were used [Rayo et al., 2022, p. 307].

In all cases, a complex of natural science methods and additional archaeological and historical data [Barnard et al., 2007b, p. 28] is needed to establish the source of organic residues in ceramics or the soil of the vessel filling. At the same time, the analysis of the contents of ceramics refers to the utilitarian period of the vessel's existence, when it was used as everyday utensils,

and soil-microbiological methods allow us to reveal the ritual stage of the vessel's functioning when it was left in the burial, where it was subsequently filled with soil-soil material [Chernysheva et al., 2021, p. 105]. Under the conditions of burial, microbial communities persist for an indefinite time, due to the transition of cells to a dormant state, while a significant proportion of the buried soils are sufficiently stable groups of microorganisms associated with human activity [Khomutova, Borisov, 2019, p. 104004]. Mixing a food product with soil in the process of filling a vessel can stimulate the development of a soil microbial complex that produces enzymes for the utilization of organic substrates [Kashirskaya et al., 2021, p. 7].

For a reasonable reconstruction of original content of funeral vessels, a model laboratory experiment for decomposition of organic materials under controlled conditions was performed [Khomutova et al., 2019, p. 963; Khomutova et al., 2020, p. 188]. In this experiment topsoil samples were amended by one of organic materials of protein, lipid, and polysaccharide nature, the dynamics of decomposition of these materials and functional diversity of microbial communities was studied.

The functional diversity of microbial communities was estimated using the system of multisubstrate testing (MST). For that various low-molecular inducers of microbial respiratory activity (carbohydrate, amino acid, and carboxylic acid classes) were introduced into the soil from each variant of the experiment. It was found that the respiratory responses to ascorbic, acetic, and lactic acids, as well as cysteine are strongly correlated with type of the organic substrate which has been added to the soil [Khomutova et al., 2019, p. 963]. The ratio of respiratory responses to introduction of ascorbic acid to that of acetic (AA), lactic (AL) and cysteine (AC) was high in variants amended by proteins and low – in variants amended by nitrogen-free materials (lipids and polysaccharides) that was proposed to be promising for the purposes of reconstruction of the former content of the vessel.

The aim of this work was to analyze enzymatic activity of soils in the same model experiment. We supposed that adding different food substrate will led to increasing activity of

some enzymes involved in decomposition of the food. As a result, we may identify most indicative enzymes which reflect the initial content of the pots. Basing on the results of the model experiment it was aimed to reconstruct the original content of funeral vessels found in kurgans of different archaeological cultures.

Objects and measurements

Archaeological objects

The vessels of two archaeological sites were studied. The location of archaeological sites is given in Fig. 1.

First object was vessel found in kurgan 6 burial 8 of the kurgan cemetery “Beysuzhek-35” (Northern Precaucasus). The burial is archaeologically dated back to the Catacomb culture of the Middle Bronze Age (about 2600–2300 yrs. BC, Fig. 2).

Five samples of the soil-ground material were taken aseptically from the vessel from its halo to the bottom and kept at moisture and temperature conditions similar to the moment of sampling.

Second object was kurgan 9 of the kurgan cemetery “Spokoynny” (Crimean Peninsula). There were several burials dated back to different cultures (Table 1).

The vessels were mainly ornamented (Fig. 3), made of clay with admixture of quartz, in some cases with addition of organic matter. The height of vessels varies from 6 to 15 cm with maximal diameter of 9–18 cm (at the upper part of 8.3–15 cm, and at the bottom of 5.4–9.8 cm).

Soil from vessels was taken aseptically from the halo and the bottom of the vessels and kept at moisture and temperature conditions similar to the moment of sampling.

Brief design of the model experiment

The detailed description of the experiment was published earlier [Khomutova et al., 2019, p. 963]. Briefly: gray forest soil taken from the upper horizon (0–10 cm) was separated from the root residues, sieved (2 mm), divided into eight portions (variants), each of 1 kg, and moistened

to 60% WHC. Each variant was amended (1.9% w/w) by one of the sterilized organic materials – casein, gelatin, wool (protein group), sunflower oil, sheep fat (lipid group), starch, plant residues (polysaccharide group). The control variant was soil without amendment. All soils were kept at constant moisture and temperature (25 °C) during two years. The subsamples (1g.) from each variant were taken for measurements.

Measurements

The enzyme activities were determined using a protein for desorption of enzymes (heteromolecular exchange) [Fornasier, Margon, 2007, p. 2682] in extracts of soils of model experiment and soil-ground material from the vessels. The procedure used was similar to the one described in Cowie et al. [Cowie et al., 2013, p. 707], with minor modifications. Remarkably, the very low amount of soil sample required, the speed of the assay, the low cost of the consumables, and the very high throughput (approximately 50 times faster than assays performed in test tubes with chromogenic substrates) makes this technique a promising tool for the rapid, sensitive, and inexpensive biochemical characterization of archaeological samples.

The activities of the following enzymes (nmol MUF per gram of dry soil per hour) were determined: α -glucosidase (EC 3.2.1. 20), β -glucosidase (EC 3.2.1. 21), α -galactosidase (EC 3.2.1. 22), β -galactosidase (EC 3.2.1. 23), α -mannosidase (EC 3.2.1. 24), β -mannosidase (EC 3.2.1. 25), cellulase (EC 3.2.1. 4), xylosidase (EC 3.2.1. 37), cellobiohydrolase (EC 3.2.1.91), glucuronidase (EC 3.2.1.31, chitinase (EC 3.2.1. 14), leucine-aminopeptidase (EC 3.4.11.1), arylsulfatase (EC 3.2.1. 2.1), acid phosphomonoesterase (EC 3.1.3.2), phosphodiesterase (EC 3.1.4), pyrophosphate-phosphodiesterase (EC 3.6.1.9), alkaline phosphomonoesterase (EC 3.1.3.1), and nonanoate esterase (EC 3.1).

Multisubstrate testing of respiratory activity of microorganisms (MST) was performed according to Degens and Harris [Degens, Harris, 1997, p. 1309]. Previously in the model experiment the microbial respiratory response to introduction of the ascorbic, lactic, acetic acids and cysteine were shown to be specific in respect to

decomposition of organic materials of different nature. In this study these low-molecular compounds were applied for the MST measurements of the soil-ground material of the vessels in the following concentrations: ascorbic acid – 100 mM, lactic acid 160 mM, acetic acid – 190 mM, cysteine – 15 mM. All solutions were adjusted to pH 6–7 with 1 N NaOH. The subsamples of 1 g were placed into tubes with rubber caps, incubated for 12 h at 22 °C, ventilated, then 200 μ l of one of mentioned compounds was added, the vessels were closed and after incubation (4 h, 22 °C) measured for the CO₂ development using the gas chromatograph (Cristallux 4 000 M, IPBP Analytical center facilities). The activity was calculated as μ g C / g soil hour.

For each vessel, the values determined for the halo were subtracted from that determined for the bottom layer and expressed as per cents, the differences in activities of each enzyme were expressed as per cent of the summed up values of all enzymes. All measurements were performed at least in three replicates, statistically processed, the principal component and cluster analyses were performed in the STATISTICA program.

Results and discussion

Enzymatic activity in the model experiment

From the data on enzymatic activity, variants of the model experiment formed several groups in accordance with nature of organic materials introduced (Fig. 4): lipid variants formed the most isolated group, plant residues and wool were the closest to control, a separate group was formed by easily degradable casein and gelatin; starch, remaining in the same cluster with control, remained aside.

Analysing the activity and standard deviations from the mean among 17 enzymes measured, four – nonanoate esterase, alkaline and acid phosphatase, and leucine-aminopeptidase were the most indicative for the organic materials introduced to soil (Fig. 5). The activity of these four enzymes was analyzed in the soil-ground material from the funeral vessels and compared to that of the model experiment using the principal component analysis.

***Reconstruction of the content of the pot 6
burial 8 kurgan cemetery
“Beysuzhek-35”, basing on the MST
indicators and enzymatic activity of soil***

During multisubstrate testing of respiratory activity of microbial communities (MST) in the model experiment, it was shown previously that indicative for the nature of the decomposed materials were the ratios of respiration responses to introduction of ascorbic acids to acetic acid (AA), to lactic acid (AL), and to amino acid cysteine (AC).

The MST results of five soil layers from the vessel taken from the kurgan cemetery “Beysuzhek-35” are shown in Fig. 6. The distribution of living microbial biomass in the filling of the vessel measured from the glucose-induced respiration (Fig. 6B), shows that at the bottom of the vessel it was 2.2 times higher than at the halo, and by 57–62% higher than in the middle part of the vessel. Ratios AA, AL, and AC unidirectionally increased from the halo towards the bottom (Fig. 6A). It can be assumed that the initial filling of the vessel was a substance of protein nature.

Statistical processing of data of enzymatic activity in the soil of this vessel and comparison with the data of model experiment is given in Fig. 7 (most indicative enzymes: acid (ac P) and alkaline (alk P) phosphatases, leucine-aminopeptidase (leu), nonanoate-esterase (nona). Principal component analysis clarified the position of the bottom layer in the plane of two components. In the F1 (factor 1) coordinates describing 40% of the dispersion, the bottom layer is located in the half-plane with fat and protein variants, and in the F2 (factor 2) coordinates describing 39% of the dispersion, it occupied an intermediate position between the fat and protein variants.

***Reconstruction of the content
of funeral vessels from the kurgan 9
of the burial mound “Spokoynyy”,
based on the enzymatic activity
of soil-ground material***

Comparison of the data of enzymatic activity of soil-ground material from the vessels found in the burial complex “Spokoynyy” with the results of model experiment allowed us to make rough reconstructions of their original contents. Principal

component analysis showed the positions of vessels in the plane of two components (Fig. 8).

In the F1 (factor 1) coordinates describing 47% of the dispersion, vessel 9-20-1 stays aside from both all other vessels and control. This pot evidently was either empty or with water.

Pots 3-1, 9-16 and 9-17 are close to polysaccharide experimental variants (plant residues and starch). Vessel 9-3-1 was closest to the plant residues. There is a high probability that this pot contained plant food. Vessels 9-16 and 9-17 were grouped with a starch variant. Pot 9-7 is in an intermediate position between polysaccharide and variants of proteins. Pots 9-3-2 and 9-20-2 were closest to the variants of proteins, and the vessel 9-20-3 was closest to the variants of fats. Thus, the results of this analysis allow us to reconstruct the original contents of vessel 9-20-3 as fat – containing food, 9-20-2 and 9-3-2 as high-protein food, 9-20-1 as an aqueous solution with a low nutrient content, and the remaining vessels as vegetable food with a moderate protein and starch content.

Conclusions

The model laboratory experiment performed for studying the decomposition of organic materials of protein, lipid, and polysaccharide nature helped to reconstruct the original content of funeral vessels of various archaeological cultures. Analyzing the enzymatic activity in the model experiment four enzymes – nonanoate esterase, alkaline and acid phosphatase, and leucine-aminopeptidase were found to be most indicative for the type of organic materials decomposed in the soil. Basing on the results of the model experiment – enzymatic activity and the multisubstrate testing of the respiratory response of microbial communities the initial content of funeral vessels from two burial complexes were reconstructed.

In the vessel of the kurgan cemetery “Beysuzhek-35” the initial content was reconstructed as fatty-meat.

In kurgan cemetery “Spokoynyy” one of vessels (No. 9-20-1) was either empty or with water. Three vessels contained plant starchy-protein material (No. 9-3-1, 9-16, 9-17, No. 9-7). Two vessels (No. 9-3-2 and 9-20-2) had animal protein food.

It is remarkable to note that in two burials of the same archaeological culture (Yamnaya culture, 2600–2300 yr. BC); funeral food in male and female burials was different. In the male burial, one pot contained animal protein food (No. 9-20-2), and another (No. 9-20-3) contained animal lipid food. Other funeral food was in the female burial: the pot 9-3 1 contained plant-starchy material and another one 9-3-2 contained animal protein food. Another difference between these two burials was the presence of a third pot of water (or empty) in the male burial (No. 9-20-1). The pot from the child burial of the Srubnaya culture (No. 9-16) and the pot from the Kizil-koba culture cenotaph (700–400 yrs. BC) contained plant starchy material.

Multisubstrate testing of the respiratory responses of the soil microbial community and determination of the activities of the enzymes nonanoate esterase, alkaline phosphatase, acid phosphatase, and leucine-aminopeptidase are promising approaches to study the type of ritual food in the pots of their burials.

NOTE

¹ The work is supported by Russian Science Foundation, grant 22-28-01725: Soil-Microbiological, enzymological and molecular biological approaches to the identification of food in vessels from burials.

APPENDIX

Table 1. Characterization of burials and vessels from kurgan 9 of the kurgan cemetery “Spokoynyy”

No of sample	No of burial	Anthropological data	Archaeological culture	Dates
9-3-1	3	Female, over 50 yrs. old	Catacombная культура	2600–2300 BC
9-3-2				
9-17	17	Male, 40–45 yrs. old	Catacombная культура	2600–2300 BC
9-20-3	20	Male, 30–35 yrs. old	Catacombная культура	2600–2300 BC
9-20-1				
9-20-2				
9-16	16	Child, 9–10 yrs. old	Srubnaya culture	1900–1600 BC
9-7	7	Cenotaph	Kizil-koba culture	700–400 BC

Fig. 1. Location of the archaeological sites:

1 – kurgan cemetery “Beysuzhek-35”; 2 – kurgan cemetery “Spokoynyy”

Fig. 2. The vessel found in the kurgan cemetery “Beysuzhek-35” (Catacomb culture), kurgan 6, burial 8

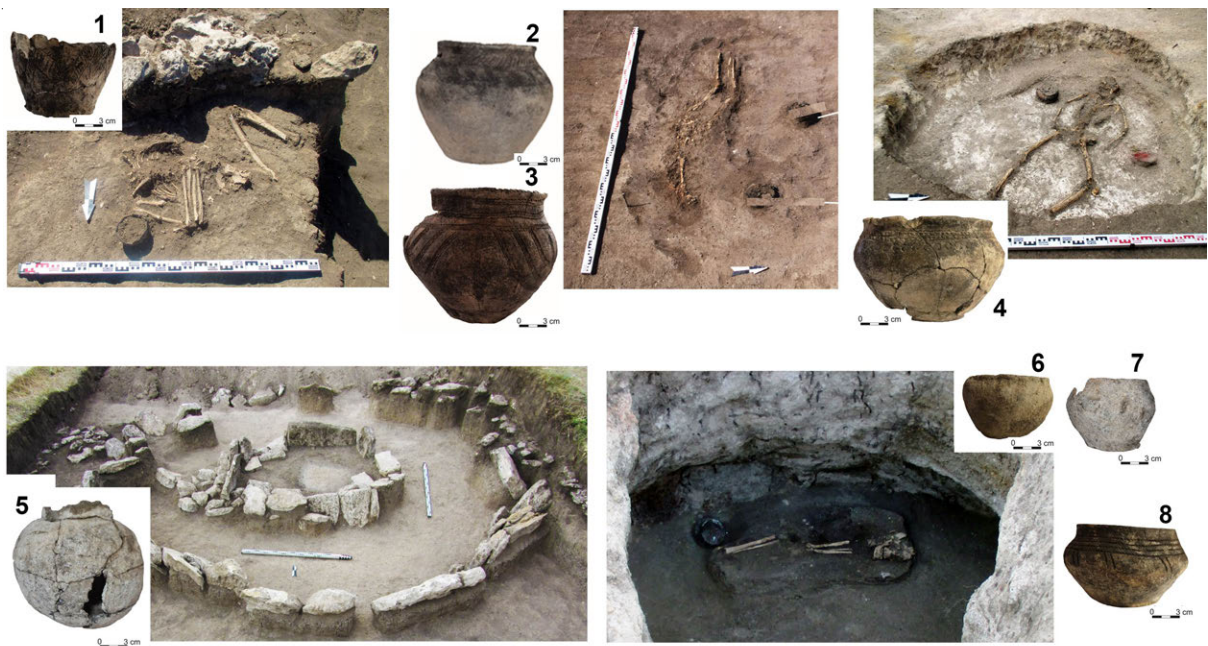

Fig. 3. The vessels found in the kurgan 9 of the kurgan cemetery “Spokoynyy”:

1 – burial 16; 2 – burial 3, find 1; 3 – burial 3, find 2; 4 – burial 17; 5 – burial 7;
6 – burial 20, find 1; 7 – burial 20, find 2; 8 – burial 20, find 3

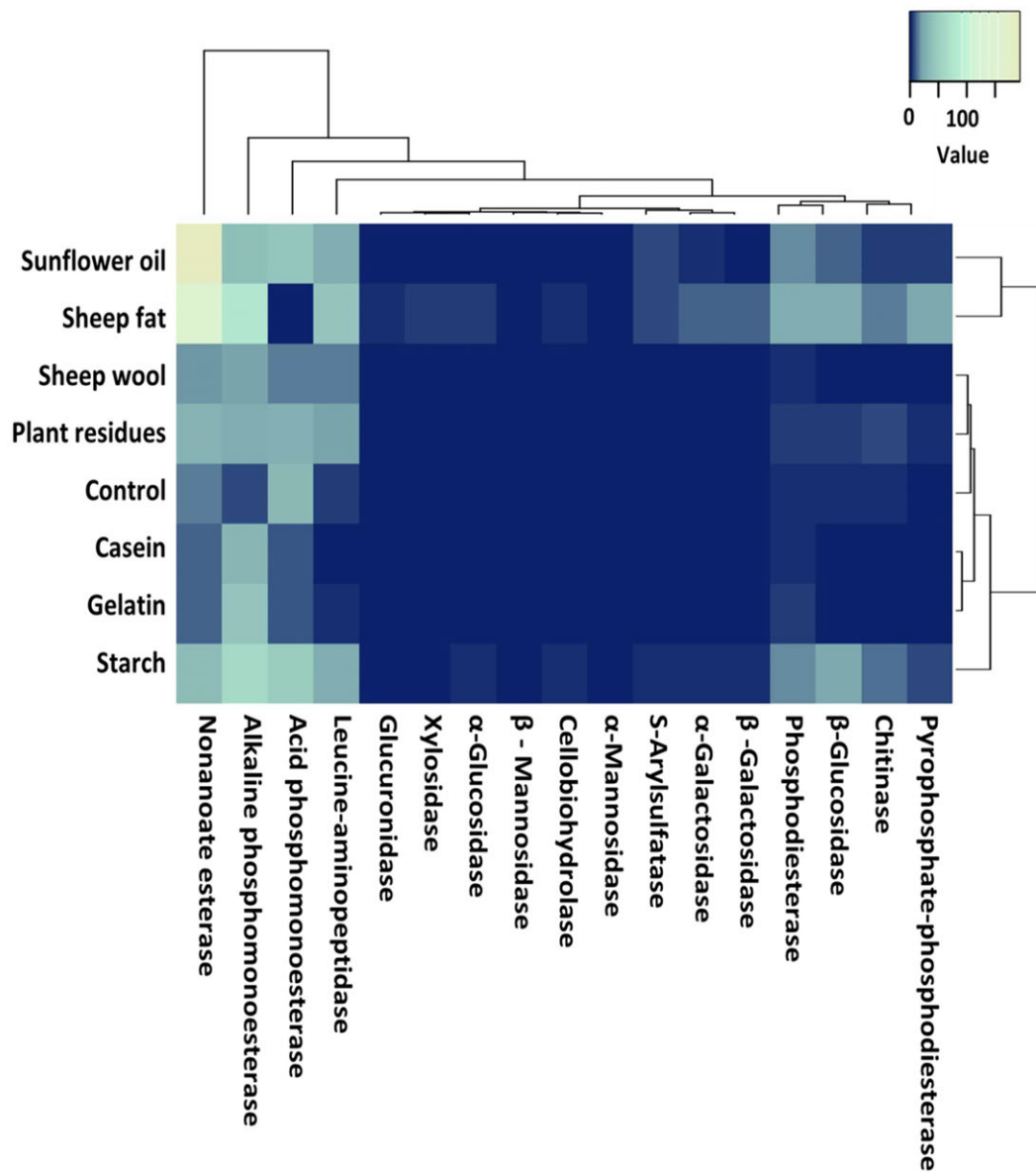

Fig. 4. Graphical result of the clustered heat map analysis (Euclidean distance) performed on the basis of the enzymatic spectra (17 enzymes) of the model laboratory experiment

Enzyme	Variants of the model experiment								Sum*	Std*
	Sheep fat	Sunflower oil	Starch	Plant residues	Gelatin	Casein	Sheep wool	Control		
Nonanoate esterase	144.9	192.9	35.6	29.2	11.0	11.5	18.4	15.0	458.4	70.6
Alkaline phosphomonoesterase	77.8	37.8	60.0	25.4	41.5	31.6	19.9	7.0	300.9	22.6
Acid phosphomonoesterase	0.0	42.8	49.0	28.6	8.0	8.1	15.3	32.9	184.7	17.9
Leucine-aminopeptidase	40.6	25.1	25.6	20.0	3.4	1.0	14.0	5.2	134.9	13.6
Phosphodiesterase	25.3	17.2	16.9	5.3	4.0	3.5	3.8	3.1	79.1	8.6
β-Glucosidase	25.3	10.0	24.8	5.0	0.3	0.0	0.6	3.1	69.0	10.7
Chitinase	13.8	5.0	13.3	7.7	0.4	0.2	0.8	2.9	44.1	5.6
Pyrophosphate-phosphodiesterase	25.0	4.9	7.5	2.3	0.7	0.4	0.3	0.9	41.9	8.4
S-Arylsulfatase	7.2	6.2	3.0	1.3	0.9	0.8	0.7	0.8	20.9	2.6
α-Galactosidase	10.0	2.6	3.5	1.5	0.1	0.2	0.3	1.2	19.4	3.3
β-Galactosidase	11.0	1.7	2.6	0.9	0.1	0.1	0.4	0.6	17.4	3.7
Xylosidase	4.7	1.4	1.9	0.7	0.0	0.0	0.0	0.4	9.1	1.6
α-Glucosidase	3.9	0.9	2.4	0.7	0.0	0.0	0.3	0.3	8.6	1.4
Glucuronidase	3.4	1.2	0.8	1.5	0.2	0.3	0.2	0.3	7.9	1.1
Cellobiohydrolase	2.4	0.5	2.1	0.2	0.0	0.0	0.6	0.0	5.9	1.0
α-Mannosidase	1.7	0.5	1.1	0.2	0.0	0.1	0.3	0.1	3.9	0.6
β-Mannosidase	0.4	0.1	0.2	0.1	0.0	0.0	0.0	0.0	0.9	0.2

Fig. 5. Enzymatic activity in soils amended by various organic materials in the model experiment.
* – Enzymatic activity for separated enzyme through all variants of the experiment

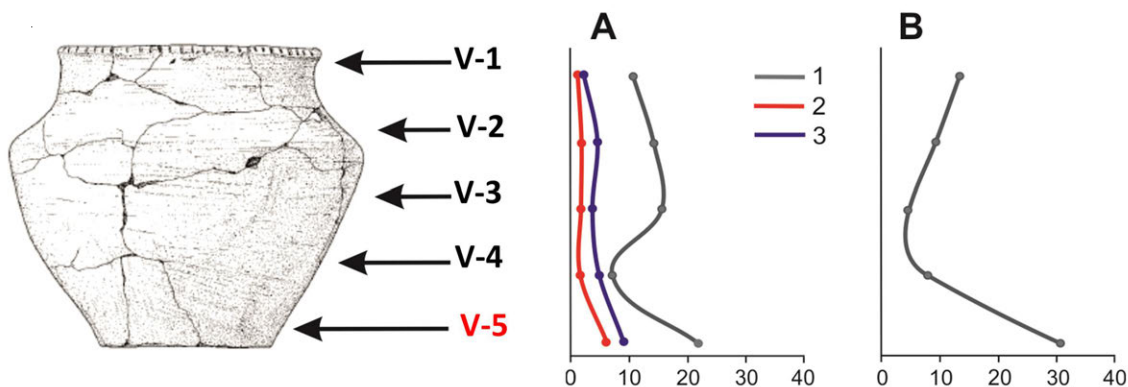

Fig. 6. Microbial respiration activity of soil in the vessel “Beysuzhek-35” in the multisubstrate system:
A – ratios of the respiration responses induced by ascorbic acid to that induced by cysteine (1), acetic acid (2), and – lactic acid (3); B – respiration response induced by glucose. V-1...V-5 – layers of analyzed soil

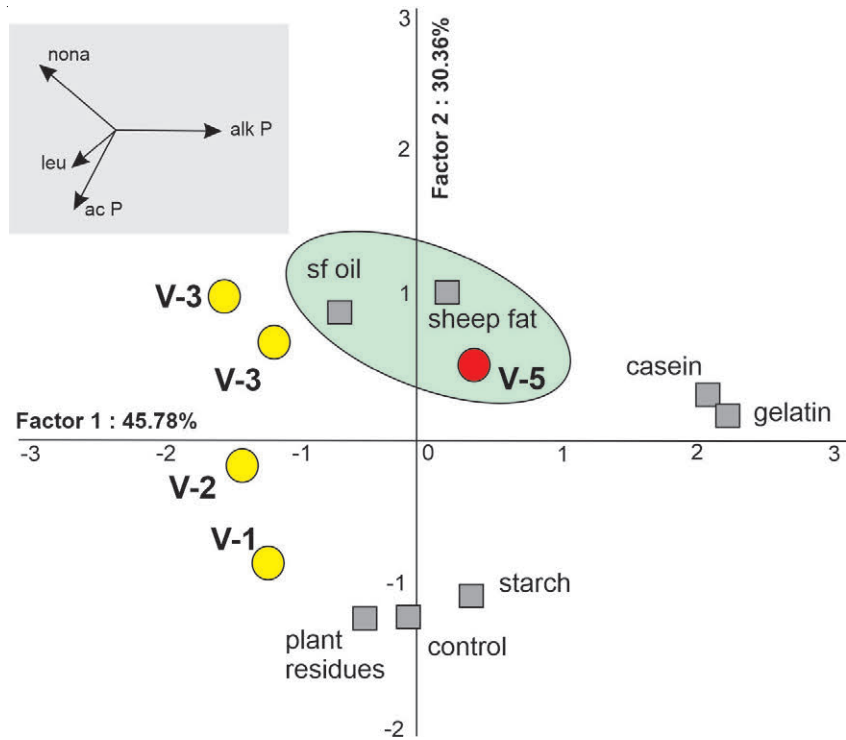

Fig. 7. Location of soil layers of the vessel “Beysuzhek-35” and variants of the model experiment basing on enzymatic activity (nonanoate esterase, leucine-aminopeptidase, alkaline and acid phosphatases) in the principal component coordinates

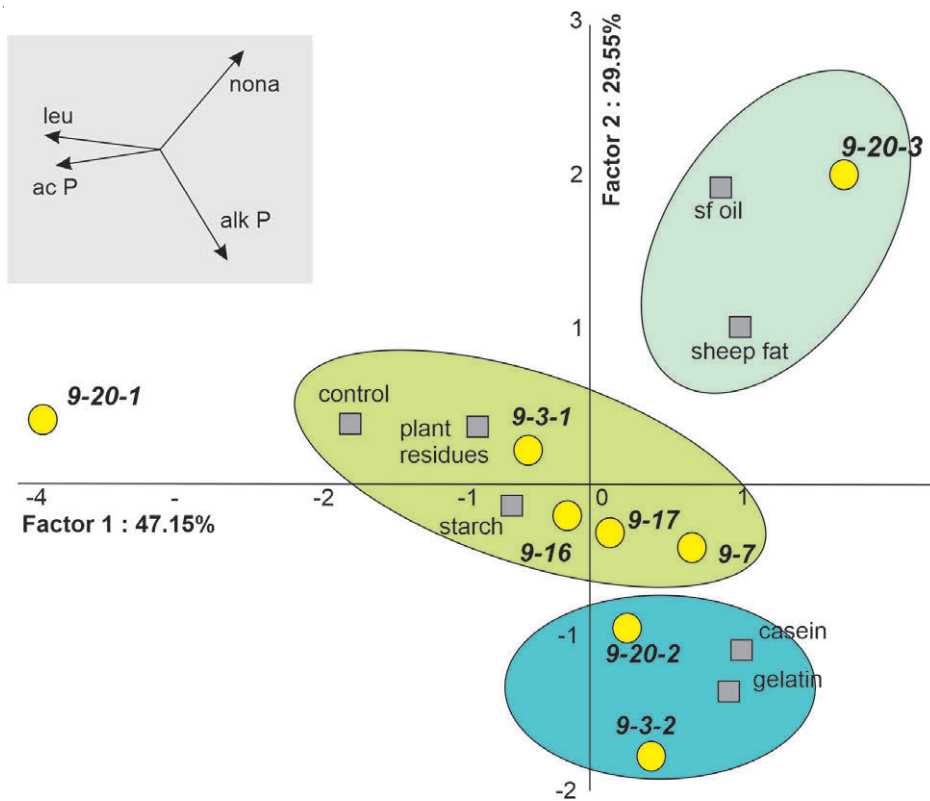

Fig. 8. Position of the vessels from the kurgan “Spokoynny” and variants of the model experiment basing on enzymatic activity (nonanoate esterase, leucine-aminopeptidase, alkaline and acid phosphatases) on the plane of two components (principal component analysis)

REFERENCES

- Alexandrovsky A.L., Alexandrovskaya A.L., 2007. *Anthropochimia* [Anthropochemistry]. Moscow, Klass-M Publ. 245 p.
- Borisov A.V., Demkin V.A., Ganchak T.V., Eltsov M.V., 2006. Issledovaniya soderezimogo glinianikh gorshkov iz kurgannih pogrebenii pozdnego bronzovogo veka pogrebalnogo nabora Netkachevo I [Studies of the Content of Clay Pots from the Kurgan Burials of the Late Bronze Ages Burial Set Netkachevo I]. *Trudy po archeologii Volgo-Donskih stepey* [Proceedings of Archaeology of the Volga-Don Steppes], vol. 3. Volgograd, VolSU, pp. 376-387.
- Demkin V.A., Demkina T.S., Udaltsov S.N., 2014. Rekonstruktsiya pogrebalnoy pishchi v glinianikh sosudah iz kurgannih zakhoroneniye s ispolzovaniem fosfatnogo i mikrobiologicheskogo metodov [Reconstruction of a Funeral Food in Clay Vessels in the Kurgan Burials Using the Phosphate and Microbiological Methods]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], vol. 25, no. 2, pp. 148-159.
- Demkina E.V., Doroshenko E.V., Babich T.L., Mironov V.V., Borisov A.V., Demkina T.S., El'-Registan G.I., 2019. Pogrebyonnye pochvy kak novyy istochnik videleniya biotekhnologicheskii znachimih shtammov bakteriy [Buried Soils as a New Source for Isolation of Biotechnologically Significant Bacterial Strains]. *Microbiologia* [Microbiology], vol. 88, no. 5, pp. 631-641. DOI: <https://doi.org/10.1134/S0026261719050059>
- Kashirskaya N.N., Chernysheva E.V., Khomutova T.E., Dushchanova K.S., Potapova A.V., Borisov A.V., 2021. Archaeologicheskaya mikrobiologiya: theoreticheskie osnovy, metody i rezultaty [Archaeological Microbiology: Theoretical Foundations, Methods and Results]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], iss. 2, pp. 7-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S086960630010975-1>
- Khomutova T.E., Dushchanova K.S., Borisov A.V., 2020. Mikrobiologicheskii podkhod k rekonstruktsii iskhodnogo soderezimogo gorshkov iz podkurgannih zakhoroneniye [Microbiological Approach to Reconstruction of the Original Content of Pots from the Burials]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 188-201. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.10>
- Chernysheva E.V., Borisov A.V., Malashev V. Yu., 2021. Mikrobiologicheskii podkhod k rekonstruktsii iskhodnogo prisutstviya zhirov v sosudah iz pogrebeniy alanskoj kultury [Microbiological Approach to the Reconstruction of Initial Presence of Fat in Vessels from Burials of Alanic Culture]. *Kratkiye soobshcheniya instituta archeologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], no. 263, pp. 105-116. DOI: <http://dx.doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.263.105-116>
- Aouizerat T., Gutman I., Paz Y., Maeir A. M., Gadot Y., Gelman D., Szitenberg A., Drori E., Pinkus A., Schoemann M., Kaplan R., Ben-Gedalya T., Copenhagen-Glazer Sh., Reich E., Saragovi A., Lipschits O., Klutstein M., Hazan R., 2019. Isolation and Characterization of Live Yeast Cells from Ancient Vessels as a Tool in Bio-Archaeology. *American Society for Microbiology*, vol. 10, no. 2, pp. 1-21. DOI: <https://doi.org/10.1128/mbio.00388-19>
- Barnard H., Dooley A.N., Faull K.F., 2007a. An Introduction to Archaeological Lipid Analysis by Combined Gas Chromatography Mass Spectrometry (GC/MS). *Theory and Practice of Archaeological Residue Analysis*, no. 2, pp. 1-2.
- Barnard H., Ambrose S.H., Beehr D.E., Forster M.D., Lanehart R.E., Malainey M.E., Parr R.E., Rider M., Solazzo C., Yohe R.M., 2007b. Mixed Results of Seven Methods for Organic Residue Analysis Applied to One Vessel with the Residue of a Known Foodstuff. *Journal of Archaeological Science*, vol. 34, pp. 28-37. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2006.03.010>
- Bassi D., Orrù L., Cabanillas Vasquez J., Coconcelli P.S., Fontana C., 2020. Peruvian Chicha: A Focus on the Microbial Populations of this Ancient Maize-Based Fermented Beverage. *Microorganisms*, vol. 8, no. 1, p. 93. DOI: <https://doi.org/10.3390/microorganisms8010093>
- Cowie A., Lonergan V.E., Rabbi F.S.M., Fornasier F., Macdonald C., Harden S., Kawasaki A., Brajesh K., Singh B.K., 2013. The Impact of Carbon Farming Practices on Soil Carbon in Northern New South Wales. *Soil Research*, vol. 51, no. 8, pp. 707-718. DOI: <https://doi.org/10.1071/SR13043>
- Craig O.E., Love G.D., Isaksson S., Taylor G., Snape C.E., 2004. Stable Carbon Isotopic Characterization of Free and Bound Lipid Constituents of Archaeological Ceramic Vessels Released by Solvent Extraction, Alkaline Hydrolysis and Catalytic Hydrolysis. *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis*, vol. 71, pp. 613-634. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaap.2003.09.001>
- Craig O.E., Steele V.J., Fischer A., Hartz S., Andersen S.H., Donohoe P., Glykou A., Saul H., Martin Jones D., Koch E., Heron C.P., 2011. Ancient Lipids Reveal Continuity in Culinary Practices Across the Transition to Agriculture in Northern Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 108, no. 44, pp. 17910-17915. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1107202108>

- Craig O.E., Saul H., Lucquin A., Nishida Y., Tache K., Clarke L., Thompson A., Alftoft D.T., Uchiyama J., Ajimoto M., Gibbs K., Isaksson S., Heron C.P., Jordan P., 2013. Earliest Evidence for the Use of Pottery. *Nature*, vol. 496, pp. 351-354. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature12109>
- Degens B.P., Harris J.A., 1997. Development of a Physiological Approach to Measuring the Catabolic Diversity of Soil Microbial Communities. *Soil Biology and Biochemistry*, vol. 29, iss. 9/10, pp. 1309-1320. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0038-0717\(97\)00076-X](https://doi.org/10.1016/S0038-0717(97)00076-X)
- Feng S., Liu L., Wang J., Levin M.J., Li X., Ma X., 2021. Red Beer Consumption and Elite Utensils: The Emergence of Competitive Feasting in the Yangshao Culture, North China. *Journal of Anthropological Archaeology*, vol. 64, pp. 101365. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2021.101365>
- Fornasier F., Margon A., 2007. Bovine Serum Albumin and Triton X-100 Greatly Increase Phosphomonoesterases and Arylsulphatase Extraction Yield from Soil. *Soil Biology and Biochemistry*, vol. 39, pp. 2682-2684. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.soilbio.2007.04.024>
- Guerra L.S., Cevallos-Cevallos J.M., Weckx S., Ruales J., 2022. Traditional Fermented Foods from Ecuador: A Review with a Focus on Microbial Diversity. *Foods*, vol. 11, no. 13, p. 1854. DOI: <https://doi.org/10.3390/foods11131854>
- Harutyunyan M., Malfeito-Ferreira M., 2022. The Rise of Wine Among Ancient Civilizations Across the Mediterranean Basin. *Heritage*, vol. 5, no. 2, pp. 788-812. DOI: <https://doi.org/10.3390/heritage5020043>
- Huber B., Larsen T., Spengler R.N., Boivin N., 2022. How to Use Modern Science to Reconstruct Ancient Scents. *Nature Human Behaviour*, vol. 6, no. 5, pp. 611-614. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-022-01325-7>
- Isaksson S., Hallgren F., 2012. Lipid Residue Analyses of Early Neolithic Funnel-Beaker Pottery from Skogsmossen, Eastern Central Sweden, and the Earliest Evidence of Dairying in Sweden. *Journal of Archaeological Science*, vol. 39, pp. 3600-3609. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.06.018>
- Khomutova T.E., Borisov A.V., 2019. Estimation of Microbial Diversity in the Desert Steppe Surface Soil and Buried Palaeosol (IV mil. BC) Using the TRFLP Method. *Journal of Arid Environments*, vol. 171, p. 104004. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaridenv.2019.104004>
- Khomutova T.E., Dushchanova K.S., Smirnov V.E., Borisov A.V., 2019. Succession of Microbial Community of Grey Forest Soil During the Decomposition of Various Organic Compounds. *Eurasian Soil Science*, vol. 52, no. 8, pp. 963-970. DOI: <https://doi.org/10.1134/S1064229319080088>
- Kučera L., Peška J., Fojtík P., Barták P., Sokolovská D., Pavelka J., Komárková V., Beneš J., Polcerová L., Králík M., Bednář P., 2018. Determination of Milk Products in Ceramic Vessels of Corded Ware Culture from a Late Eneolithic Burial. *Molecules*, vol. 23, no. 12, p. 3247. DOI: <https://doi.org/10.3390/molecules23123247>
- Liu L., Wang J., Liu H., 2020. The Brewing Function of the First Amphorae in the Neolithic Yangshao Culture, North China. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 12, no. 6, pp. 1-15. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01069-3>
- Liu L., 2021. Communal Drinking Rituals and Social Formations in the Yellow River Valley of Neolithic China. *Journal of Anthropological Archaeology*, vol. 63, p. 101310. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2021.101310>
- Liu L., Wang J., Chen R., Chen X., Liang Z., 2022. The Quest for Red Rice Beer: Transregional Interactions and Development of Competitive Feasting in Neolithic China. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 14, no. 4, pp. 1-20. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-022-01545-y>
- McHugh J., 2021. The Ancient Indian Alcoholic Drink Called Surā: Vedic Evidence. *Journal of the American Oriental Society*, vol. 141, no. 1, pp. 49-72. DOI: <https://doi.org/10.7817/jameroriesoci.141.1.0049>
- Meghwanshi G.K., Vashishtha A., 2018. Biotechnology of Fungal Lipases. *Fungi and Their Role in Sustainable Development: Current Perspectives*. Singapore, Springer, pp. 383-411. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-13-0393-7_22
- Morton J.D., Schwarcz H.P., 2004. Palaeodietary Implications from Stable Isotopic Analysis of Residues on Prehistoric Ontario Ceramics. *Journal of Archaeological Science*, vol. 31, no. 5, pp. 503-517. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2003.10.001>
- Negi S., 2019. Lipases: A Promising Tool for Food Industry. *Green Bio-Processes*. Singapore, Springer, pp. 181-198. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-13-3263-0_10
- Peto A., Gyulai F., Popity D., Kenez A., 2013. Macro- and Micro-Archaeobotanical Study of a Vessel Content from a Late Neolithic Structures Deposition from Southeastern Hungary. *Journal of Archaeological Science*, vol. 40, pp. 58-71. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.08.027>

- Rayo E., Neukamm J., Tomoum N., Eppenberger P., Breidenstein A., Bouwman A.S., Schuenemann V.J., Rühli F.J., 2022. Metagenomic Analysis of Ancient Egyptian Canopic Jars. *American Journal of Biological Anthropology*, vol. 179, no. 2, pp. 307-313. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.24600>
- Reber E.A., Evershed R.P., 2004. Identification of Maize in Absorbed Organic Residues: A Cautionary Tale. *Journal of Archaeological Science*, vol. 31, no. 4, pp. 399-410. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2003.09.008>
- Salgado C.A., dos Santos C.I.A., Vanetti M.C.D., 2021. Microbial Lipases: Propitious Biocatalysts for the Food Industry. *Food Bioscience*, vol. 45, p. 101509. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.fbio.2021.101509>
- Salque M., Bogucki P.I., Pyzel J., Sobkowiak-Tabaka I., Grygiel R., Szmyt M., Evershed R.P., 2013. Earliest Evidence for Cheese Making in the Sixth Millennium BC in Northern Europe. *Nature*, vol. 493, pp. 522-525. DOI: <http://dx.doi.org/10.1038/nature11698>
- Wang J., Jiang L., Sun H., 2021. Early Evidence for Beer Drinking in a 9000-Year-Old Platform Mound in Southern China. *Plos one*, vol. 16, no. 8, p. e0255833. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0255833>
- Yang Y., Shevchenko A., Knaust A., Abuduresule I., Li W., Hu X., Wang C., Shevchenko A., 2014. Proteomics Evidence for Kefir Dairy in Early Bronze Age China. *Journal of Archaeological Science*, vol. 45, pp. 178-186. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2014.02.005>

Information About the Authors

Natalia N. Kashirskaya, Candidate of Sciences (Biology), Senior Researcher, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, nkashirskaya81@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Tatiana E. Khomutova, Candidate of Sciences (Biology), Leading Researcher, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, khomutova-t@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9856-3025>

Kamilla S. Dushchanova, Postgraduate Student, Junior Researcher, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science of the Russian Academy of Sciences, Institutskaya St, 2, 142290 Pushchino, Russian Federation, kamilla.dushchanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7980-9560>

Flavio Fornasier, Doctor of Philosophy, CREA, Research Centre for Viticulture and Enology, branch of Gorizia, via Trieste 23, I-34170 Gorizia, Italy, flavio.fornasier@entecra.it, <https://orcid.org/0000-0002-4406-7069>

Denis S. Kovalev, Researcher, Center of Applied Archeology, Mira Ave., 45, p. 1, 129110 Moscow, Russian Federation, prudon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9162-9028>

Информация об авторах

Наталья Николаевна Каширская, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, nkashirskaya81@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8353-3192>

Татьяна Эдуардовна Хомутова, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, khomutova-t@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9856-3025>

Камилла Савириковна Душчанова, аспирант, младший научный сотрудник, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ул. Институтская, 2, 142290 г. Пушкино, Российская Федерация, kamilla.dushchanova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7980-9560>

Флавио Форназер, доктор философии, CREA, Исследовательский центр виноградарства и энологии, филиал Гориции, просп. Триест, 23, I-34170 г. Гориция, Италия, flavio.fornasier@entecra.it, <https://orcid.org/0000-0002-4406-7069>

Денис Станиславович Ковалев, научный сотрудник, Центр Прикладной археологии, просп. Мира, 45, стр. 1, 129110 г. Москва, Российская Федерация, prudon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9162-9028>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.4>UDC 930.26(470+571):666.3
LBC 63.48(2)-415Submitted: 09.02.2023
Accepted: 17.04.2023**RHODIAN AMPHORAE OF THE 3rd – 2nd CENTURIES BC
FROM THE KRASNODAR MUSEUM COLLECTION¹****Sergey Yu. Monakhov**

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Elena V. Kuznetsova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. This paper presents stamped Rhodian containers from the excavations of ancient monuments of the Kuban river region, stored in the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn. The greater part of the amphorae was found as a result of excavations of Maeotian burials mainly, which contained other imports: black-glazed or red-glazed ceramics, relief bowls, etc. The first part of the publication focuses on characterizing the complexes. It is noted that in some instances we encounter inconsistencies in the dating of different inventory items originating from the same burial. In the second part of the article, single amphorae, which origin cannot reliably be identified, are analyzed. The stamps imprinted on them are of special significance. There are stamps containing new previously unknown combinations of eponyms and fabricants names on three of the amphorae. In two cases, the commonly accepted period of activity of the fabricants Διονύσιος and IMA(-) should be prolonged for 10–15 years. The situation with the fabricant Ζωῖλος is different. Traditionally, his name was associated with eponyms of the III period (198–161 BC), however, in our case his stamp is on the amphora in combination with the stamp of the eponym dated to the Vb period (125–121 BC) – Τεισαμένος. It is thought that here the point at issue is a homonym. An indirect proof of this is the different typological affiliation of the fabricants' stamps. Among the Rhodian stamps, there are rectangular unemblemated imprints with the name Ζωῖλος and round imprints with the same name around the rose. In the final part, examples of new combinations of stamps of eponyms and fabricants, whose activities do not have chronological gaps, are given as well as vessels with stamps of previously unknown stamps are considered. The amphora stamped by fabricant Μένων ΙΙ, who worked in the time of the eponyms of periods ΙΙ and ΙΙΙ, is of special interest; the eponymous stamp is reconstructed as may be supposed. In this case, the vessel itself is of interest, representing a later, previously unknown variety of amphorae of the “koroni” variant.

Key words: Hellenism, Rhodes, ancient amphorae, ceramic epigraphy, Maeotian burial grounds, Krasnodar Museum.

Citation. Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., 2023. Amfory Rodosa III–II vv. do n.e. iz kollektzii Krasnodarskogo muzeya [Rhodian Amphorae of the 3rd – 2nd Centuries BC from the Krasnodar Museum Collection]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 51-70. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.4>

УДК 930.26(470+571):666.3
ББК 63.48(2)-415Дата поступления статьи: 09.02.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023**АМФОРЫ РОДОСА III–II вв. до н.э.
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КРАСНОДАРСКОГО МУЗЕЯ¹****Сергей Юрьевич Монахов**Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация**Елена Владимировна Кузнецова**Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются клейменные родосские тарные сосуды из раскопок античных памятников Прикубанья, хранящиеся в Краснодарском музее им. Е.Д. Фелицына. Основная часть амфор обнаружена в результате раскопок преимущественно меотских погребений, в которых содержался и иной импорт: чернолаковая или краснолаковая керамика, рельефные чаши и др. Характеристике комплексов посвящена первая часть публикации. Отмечается, что в отдельных случаях мы сталкиваемся с несостыковками в датировке разных предметов инвентаря, происходящих из одного погребения. Во второй части статьи рассматриваются единичные амфоры, происхождение которых не удалось надежно установить. Особую значимость имеют оттиснутые на них клейма. На трех амфорах имеются клейма, содержащие новые, не известные ранее, сочетания имен эпонимов и фабрикантов. В двух случаях общепринятый период деятельности фабрикантов Διονύσιος и ΙΜΑ(-) необходимо продлить на 10–15 лет. Иная ситуация с фабрикантом Ζωῖλος. Традиционно его имя связывали с эпонимами III периода (198–161 гг.), однако в нашем случае его клеймо стоит на амфоре в сочетании с клеймом эпонима периода Vb (125–121 гг.) – Τεῖσαμένης. Здесь, вероятнее всего, речь идет об омониме. Косвенным подтверждением этому является разная типологическая принадлежность фабрикантских клейм. Среди родосских клейм известны прямоугольные безэмблемные оттиски с именем Ζωῖλος и круглые с тем же именем вокруг цветка розы. В заключительной части приведены примеры новых сочетаний клейм эпонимов и фабрикантов, деятельность которых не имеет хронологических разрывов, а также рассматриваются сосуды, имеющие клейма неизвестных ранее штампов. Особый интерес представляет амфора с клеймом фабриканта Μένων ΙΙ, работавшего при эпонимах ΙΙ и ΙΙΙ периодов; эпонимное клеймо восстанавливается предположительно. В данном случае интересен сам сосуд, представляющий позднюю, не известную ранее, разновидность амфор варианта «корони».

Ключевые слова: эллинизм, Родос, античные амфоры, керамическая эпиграфика, меотские могильники, Краснодарский музей.

Цитирование. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2023. Амфоры Родоса III–II вв. до н.э. из коллекции Краснодарского музея // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 51–70. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.4>

На протяжении последних восьми лет научный коллектив Саратовского университета совместно с коллегами из других учреждений науки и культуры активно занимается обработкой амфорных коллекций различных музеев. В результате трудоемкой и кропотливой работы были опубликованы шесть томов, посвященных тарным сосудам из пяти музеев: Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, музея-заповедника «Херсонес Таврический», Государственного Эрмитажа, Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и Краснодарского музея им. Е.Д. Фелицына (в двух томах) [Монахов и др., 2016; 2017; 2019; 2020; 2021; 2022б]. Фиксация, анализ и введение в научный оборот большого объема археологического источника значимо для античной археологии само по себе. Благодаря проделанной работе исследователи со всего мира получили опосредованный доступ к фондам российских музеев, знакомство с которыми позволяет анализировать имеющиеся типологические и хронологические схемы развития античной транспортной тары на новом уровне знания.

Изучение огромного массива информации, которую несут материалы музейных коллекций, позволило нам по-новому взглянуть на эволюцию развития амфор нескольких производственных центров: Аканфа [Monakhov, 2021], Книда [Монахов, Кузнецова, 2021а], Синопы [Монахов, Кузнецова, 2021б] и Менды [Монахов, Кузнецова, 2022]. В данной статье мы хотим подробнее остановиться на продукции одного из прославленных винодельческих центров эпохи эллинизма – Родосе.

Сосуды этого производителя надежно идентифицируются лишь начиная с конца IV в. до н.э., когда на Родосе появляется практика систематического клеймения. Тара более раннего времени на сегодняшний день надежно не локализуется, несмотря на весьма выразительный и своеобразный характер родосской глины, из которой она изготавливалась. Споры о времени появления клейм на амфорах этого центра не утихают до сих пор, а имеющиеся последовательности сменяемости родосских эпонимов², несмотря на кажущуюся стройность и выверенность, постоянно корректируются и уточняются. В задачи настоящей статьи не входит попытка исправить датировки отдельных эпонимов или фаб-

рикантов, так как авторы не являются специалистами в области керамической эпиграфики. Мы лишь стремимся обратить внимание исследователей на выявленные в результате работы с музейными коллекциями новые сочетания имен, а в отдельных случаях на возникающие противоречия между другими категориями археологического источника и существующими хронологическими схемами родосского клеймения.

Амфоры Родоса в собраниях российских музеев представлены не равномерно, что связано в первую очередь с особенностями археологических памятников, из раскопок которых материалы поступали на хранение в определенные музеи. Так, в собраниях Керченского и Херсонесского музеев, Эрмитажа и ГМИИ нами зафиксировано 16 сосудов разной степени сохранности [АРЕ: Родос]. При этом в Краснодарском музее насчитывается 31 целая амфора [Монахов и др., 2022а, с. 146, 148], из которых только две не имеют клейм! Практически все они происходят из раскопок меотских некрополей Краснодарского края (табл. 1), будучи, таким образом, представлены в составе керамических комплексов, позволяющих взаимно уточнить датировку [Лимберис, Марченко, 2019, с. 319–341].

Первый комплекс представлен материалами **погребения № 25** некрополя Елизаветинского городища № 2, в котором помимо красноглиняной миски и фрагментов лепного горшка обнаружены родосская амфора и чернолаковые канфар и миска. Амфора фрагментированная, горло цилиндрическое, невысокое, в средней части желобок; ручки с плавным изгибом (рис. 1,1) [Лимберис, Марченко, 2020, с. 94; 2021, с. 269]. Она, безусловно, относится к «ранней» серии I-E-1 варианта «вилланова», аналогии которому хорошо известны [Монахов, 2003, с. 311, табл. 81,2,4; Монахов и др., 2020, с. 163, Rh. 1; Sezgin et al., 2022, p. 77, fig. 56]. Традиционно они датируются в пределах середины – третьей четверти III в. до н.э. На обеих ручках круглые клейма одного штампа с легендой [ῚΑξί]ο[υ], расположенной по часовой стрелке вокруг эмблемы «роза». Фабрикант ῚΑξίος относится к периоду Ic [Matrices of stamps ... , RF-AEIOΣ-004] и датируется в пределах 246–235 гг. до н.э. [Finkielsztein,

2001, p. 196, tabl. 22.1], что, видимо, и определяет хронологию всего комплекса.

Аналогичные клейма стоят на ручках фрагментированного сосуда (рис. 1,4) из раскопок Пантикапея 1978 года [Монахов и др., 2020, с. 163, Rh. 1]. При публикации горла сосуда из Пантикапея мы отмечали, что оно примечательно наличием двух одинаковых клейм на ручках, содержащих имя фабриканта ῚΑξίος. Обычным для родосской практики является сочетание клейм фабриканта и эпонима. Наличие на обеих ручках клейм с именем фабриканта – явление довольно редкое. По мнению В.И. Каца, могла иметь место ошибка гончара [Монахов и др., 2020, с. 28]. Обнаружение второго, практически идентичного горла, также с двумя клеймами с именем фабриканта может свидетельствовать либо о неверном предположении В.И. Каца, либо о том, что речь идет об одной партии амфор, которую гончар ошибочно (?) отметил штампами на каждой ручке.

В погребении находился также чернолаковый канфар «биконического» или «S-видного» типа, орнаментированный процарапанной зигзагообразной линией и остроконечными «копьевидными подвесками», нанесенными жидкой глиной бежевого цвета; ниже ручек проточен узкий горизонтальный желобок (рис. 1,2). Такие эллинистические канфары производились в разных центрах Балкан и Малой Азии во второй четверти III – середине II в. до н.э., но в Пергаме они, вероятно, появляются на 25–40 лет раньше и существуют дольше [Егорова, 2017, с. 74–75]. Данный канфар является самым ранним образцом этого типа сосудов в Прикубанье и может быть датирован второй четвертью – серединой III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2020, с. 94, рис. 1,1; 2021, с. 268–269, 277, рис. 1,2,3].

Глубокая чернолаковая миска с загнутым краем (рис. 1,3) из погребения имеет коричневую глину с очень мелкими примесями и покрыта черным матовым лаком. Она, как и канфар, неаттического производства, и по известным аналогиям датируется второй половиной III в. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 162–163, No. 1004; Drougou, 1991, p. 123, 126, 131; Егорова, 2009, с. 36–37; Лимберис, Марченко, 2021, с. 269, рис. 1,1].

Определение хронологии следующего комплекса вызывает некоторые сложности. Речь идет о частично разрушенном **погребении № 16/1987 г.** восточного некрополя Старокорсунского городища № 2³, в котором среди богатого инвентаря были обнаружены две родосские амфоры и чернолаковый кубковидный канфар. Последний имеет роспись жидкой глиной на горле в стиле «западного склона»: дельфины над волнами, чуть выше которых надпись той же глиной ΦΙΛΙΑΣ (рис. 1,7). По сюжету и стилю росписи он идентичен кубковидным канфарам Dikeras Group и может быть датирован 275–260 гг. до н.э. [Rotroff, 1991, p. 72–74, No. 29, fig. 6, pl. 21; 1997, No. 85; Лимберис, Марченко, 2005, с. 224, 242, рис. 1, 2; 2019, с. 319–320, рис. 1, 2; Monachov, 2005, p. 77, fig. 3,2,3].

Хронологии чернолакового сосуда вполне соответствует дата неклеяной родосской амфоры (рис. 1,5), найденной в развале в обвале погребения и имеющей плавный изгиб ручек, характерный для «ранней» серии (I-E-1) варианта «вилланова» середины – третьей четверти III в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 117, 118, табл. 80,6].

Вторая *родосская* амфора стояла в погребении *in situ* (рис. 1,6) и относится уже к следующей, «поздней» серии варианта «вилланова» (I-E-2), поскольку излом ручек четко выражен, что, на наш взгляд, позволяет предполагать здесь некую переходную форму от «ранней» серии к «поздней». На обеих ручках амфоры стоят круглые клейма. Магистратское клеймо читается надежно, в нем фигурирует имя Аристонида с указанием месяца: Ἀριστωνίδα | Πανάμου вокруг эмблемы «цветок граната». Клеймо на второй ручке не читается. Магистратское клеймо нового штампа, которого нет в своде Sankardeş-Şenol 2016 года. В свое время один из авторов уверенно датировал этот комплекс 240-ми – началом 230-х годов [Монахов, 1999, с. 547–548, табл. 229; Monachov, 2005, p. 77, 78, fig. 3,2], синхронизируя его с подводным комплексом № 8 из Патрея, где была встречена наиболее близкая по морфологии амфора [Абрамов, Сазонов, 1992, с. 148, 156, табл. IX, X]. В соответствии же с новой хронологией родосских эпонимных клейм, деятельность магистрата Аристонида (период Пс) относится к концу

III в., а именно – к 209–205 гг. до н.э. [Finkielsztein, 2001, p. 112, 191, tabl. 4, 18; Sankardeş-Şenol, 2016b, p. 209].

Таким образом, по этому комплексу мы имеем неоднозначную картину. Канфар относится ко второй четверти III в., чуть более поздней является неклеяная амфора «ранней» серии варианта «вилланова» – в пределах начала третьей четверти столетия. Однако вторая клеяная амфора «поздней» серии этого варианта по современным представлениям датируется самым концом III столетия. Здесь много противоречий, в частности, для канфара трудно представить столь сильное «запаздывание» по сравнению с клеяной амфорой, так как роспись, нанесенная жидкой глиной, непременно должна была стертись за столь длительное время использования сосуда в быту [Лимберис, Марченко, 2019, с. 320]. При этом, как отмечают авторы раскопок, для меотских могильников вообще не характерны хронологические разрывы между датами амфор и чернолаковой керамики. Заметим также, что остальной состав комплекса, включающий меотскую лепную и сероглиняную керамику, также явно тяготеет к середине III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 224, рис. 1, 2]. Наконец, настораживает то обстоятельство, что нам не удалось найти аналогий представленному клейму. Наиболее вероятным кажется объяснение, что в данном случае мы имеем дело с омонимом, который исполнял свою магистратуру как минимум на тридцать лет раньше известного Аристонида. Не исключена вероятность и того, что среди клейм последнего – имеются оттиски более раннего времени. Разрешить сложившиеся противоречия могут только новые материалы из узко датированных комплексов. Как бы то ни было, на сегодня комплекс следует датировать по самой поздней находке – концом III столетия до н.э.

В **погребении № 99в** восточного некрополя Старокорсунского городища № 2 помимо прочего инвентаря также было обнаружено два родосских сосуда. Первая амфора относится к «поздней» серии (I-E-2) этого варианта (рис. 2,2). На одной ручке прямоугольное клеймо ἐπὶ Καλλικρατίδα | Ἀγριανίου, на второй – Παυσανία [Monachov, 2005, p. 77, fig. 3,6, 4,1]. В первом клейме имя эпонима

Калликратиды с указанием месяца, во втором – имя фабриканта Павсания. Эпоним Калликратид I по современным представлениям относится к периоду Па, то есть работал в интервале 233–220-х гг. до н.э. [Finkielsztejn, 2001, p. 191, tabl. 18; Sankardeş-Şenol, 2016a, p. 333]. Этим же временем датируется и деятельность эпонима той же группы – Аристиды I [Finkielsztejn, 2001, p. 191, tabl. 18; Sankardeş-Şenol, 2015, p. 220], клеймо которого (ἐπ' ἱερῆ[ω]ς Ἀριστείδ[α] вокруг эмблемы «цветок граната») оттиснуто на ручке второй родосской амфоры из этого погребения (рис. 2,1).

Следующие несколько комплексов с родосскими амфорами относятся уже ко II в. до н.э. В частности, **погребение № 5/1982 г.** некрополя городища № 3 у хут. Ленина, в котором были найдены клейменная родосская амфора, чернолаковый канфар, буролаковая тарелка и красноглиняная миска [Лимберис, Марченко, 2005, с. 267, 268, рис. 49; 2019, с. 324, рис. 14; 2021, с. 269, 272, рис. 2,1]. Амфора относится к «поздней» серии (I-E-2) варианта «вилланова» (рис. 2,3). Благодаря А.Б. Колесникову удалось восстановить легенды сильно затертых клейм на обеих ручках: 1) [ἐπὶ Ἀρχ[ηλαΐδα] | Δαλ[ίου]; 2) Ἀρ[ίστωνος]? «кадуцей». По последним разработкам родосской хронологии эпоним Ἀρχηλαΐδας относится к периоду III в. и датируется в пределах 165–163 гг. до н.э. [Sankardeş-Şenol, 2015, p. 531].

Чернолаковый канфар эллинистической серии (рис. 2,4), судя по ряду аналогий, датируется от первой четверти II в. до н.э. (Беляуский могильник) [Егорова, 2009, с. 49–51, № 557–561] до третьей четверти этого столетия (слой пожара в Неаполе Скифском) [Зайцев, 1998, с. 52, 57, 58, рис. 3,25; 2003, с. 14, рис. 59,2].

Буролаковая тарелка (рис. 2,5), очевидно, неаттического происхождения [Лимберис, Марченко, 2005, с. 226, 267, 268, рис. 49,8; 2019, с. 324, рис. 14,8; 2021, с. 272, рис. 2,1]. Похожие венчики встречаются на рыбных блюдах предположительно пергамского производства первой половины II в. до н.э. [Егорова, 2009, с. 60, рис. 46, № 702].

Весьма любопытны материалы **погребения № 3/1983 г.** из некрополя городища № 3 хут. Ленина. В погребении всадника из

импорта обнаружены краснолаковый канфар и клейменная родосская амфора [Лимберис, Марченко, 2005, с. 267, рис. 46; 2019, с. 322–324, рис. 9; 2021, с. 272, 274, рис. 3,4]. Канфар снаружи покрыт черным (до бурого) матовым лаком, изнутри – красным лаком, глина светло-красная, с микроскопическими блестками (рис. 3,1). Орнаментация – в виде «зерновидных подвесок». На тулове имеется выступающее ребро и вогнутые в верхней части стенки. Прямые аналогии неизвестны. Производство таких канфаров связывают с разными центрами Эгейского региона, а их датировка укладывается в рамки середины II – середины I в. до н.э. [Schäfer, 1968, S. 58, Taf. 9, 10, D 31; Meyer-Schlichtmann, 1988, S. 68, Taf. 8, 39, 41. Typ S7].

Родосская амфора (рис. 3,2) относится к «поздней» серии (I-E-2) варианта «вилланова». Легенды сильно затертых клейм на обеих ручках А.Б. Колесников восстанавливает следующим образом: 1) ἐπ[ὶ] Ἀρχ[η].ε[σ]μ[β]ρ[ό]τ[ου] Ἀ[γ]ρ[υ]ρ[ι]α[ν]ί[ου]; 2) фабрикантское – Σωσίλα, «цветок». В публикации 2019 г. ошибочно обозначено имя эпонима III в. группы – Аглумброта (197 г. до н.э.: [Лимберис, Марченко, 2019, с. 322–323, рис. 9,2]) вместо Архемброта. Фабрикантское клеймо Сосила также не добавляет ясности к точности датировки, так как имя встречается в сочетании с именами магистратов III–V групп. По современным представлениям Архемброт выполнял магистрату в 134–133 гг. до н.э. [Sankardeş-Şenol, 2015, p. 488]. Этим временем и следует определять хронологию комплекса.

Наконец, комплекс **погребения № 250з** западного некрополя Старокорсунского городища № 2 содержал помимо прочего «мегарскую» чашу и клейменую родосскую амфору. Рельефная чаша «делосской» группы («мегарская» чаша) имеет полусферическую форму, слегка наклонный гладкий бортик и округлое дно (рис. 3,4). Орнамент разделен на три зоны: под бортиком в два ряда идут розетки – круглые семилепестковые и восьмиконечные, из узких, крестообразно расположенных листиков. В нижней части тулова чередуются пышные листья аканфа с надломленными концами, узкие листья папируса и ромбовидные листья другого болотного растения. Лак черно-коричневый, блестящий. На дне – двенад-

цатилепестковая розетка из узких листиков папируса, окруженная двойным валиком. Глина светло-коричневая охристая, с золотистыми блестками слюды [Лимберис, Марченко, 2000, с. 10–11, рис. 4; 2019, с. 322, рис. 6,3].

Родосская амфора имеет небольшой валикообразный венеч, выделенный глубокой подрезкой; высокое, слегка расширяющееся книзу горло; овоидное тулово и цилиндрическую ножку с выпуклой подошвой. Сосуд относится к «александрийскому» варианту I-F [Монахов, 2003, с. 119, 214, 313, табл. 83,6; Лимберис, Марченко, 2005, с. 227, рис. 26; 2019, с. 321–322, рис. 6,1] (рис. 3,3). На ручках два клейма. Магистратское содержит легенду ἐπὶ Κληνοστράτου | Πανάμου, где фигурирует имя Кленострата II и название месяца. В фабрикантском клейме – имя Аполлония (Ἀπολλωνίου). Аналогичное эпонимное клеймо происходит из Танаиса [Шелов, 1975, с. 59, № 136]. Г. Финкельштейн датировал деятельность Кленострата 126 г. до н.э. [Finkielsztein, 2001, p. 156, 195, tabl. 12, 21].

Представленные комплексы не только дают случаи сочетаемости имен магистратов и фабрикантов в клеймах на родосских амфорах, но и подтверждают, а в отдельных случаях ставят под сомнение верность устоявшихся датировок клейм или других категорий импорта. Кроме того, материалы меотских могильников дают образцы неизвестных ранее сочетаний имен эпонимов и фабрикантов, клейма которых оттиснуты на одном сосуде. И хотя в погребениях, из которых данные сосуды происходят, не было иного импорта, в данном случае одиночные амфоры интересны сами по себе. В нашем распоряжении имеется три таких примера.

Амфора из погребения № 126 могильника городища № 2 хут. Ленина (рис. 4,1) относится к «ранней» серии (I-E-1) варианта «вилланова» и имеет на ручках клейма со следующими легендами: 1) «голова Гелиоса» [ἐπὶ Φιλώ[v]δα, прямоугольное, в рельефной рамке, Ω курсивом; 2) [Διο]νύ[σ]ιος, Σ лунарная (восстановление А.Б. Колесникова). Аналогии обоим штампам известны [Cankardeş-Şenol, 2017, p. 157, 003; Matrices of stamps ... , RF-ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ 01-005]. Однако вместе имена эпонима и фабриканта встречаются впервые. Деятельность эпонима Φιλώνδας тради-

ционно относится к периоду IIa и датируется 233–220 гг. до н.э. [Cankardeş-Şenol, 2017, p. 157]. Имя же фабриканта Διονύσιος обычно связывают с периодом I (304–235 гг. до н.э.), что, как мы видим сейчас, не совсем корректно. Очевидно, что время его деятельности необходимо продлить, как минимум, на десятилетие. При этом возникает и закономерный вопрос – сколько фабрикантов последовательно носило имя Дионисий? На наш взгляд, как минимум, трое.

Амфора из погребения № 7 некрополя городища № 3 хут. Ленина (рис. 4,2) относится к «поздней серии» варианта «вилланова» и имеет следующие клейма: 1) ἐπὶ Ἀλεξιάδα | Δαλίου [Matrices of stamps ... , RE-ΑΛΕΞΙΑ-ΔΑΣ-ΔΑΛΙΟΣ-010]; 2) Ἴμᾶ, «кадуцей» →, «гроздь» [Matrices of stamps ... , RF-ΙΜΑΣ-010; Лимберис, Марченко, 2019, с. 323, рис. 11,6]. Эпоним Ἀλεξιάδας относится к периоду Va и датируется 140–138 гг. до н.э. [Finkielsztein, 2001, p. 156, 195, tabl. 12, 21; Cankardeş-Şenol, 2015, p. 161]. Фабрикант с сокращенным именем ΙΜΑ(-) ранее был известен только в сочетании с эпонимами периода IV (160–146 гг. до н.э.). Благодаря данному экземпляру мы можем уверенно говорить о том, что время его деятельности также должно быть продлено еще на десятилетие.

У приведенных выше примеров клейм разрыв между датами эпонимов и устоявшимися датами фабрикантов практически отсутствует. Очевидно, что деятельность фабрикантов в данных случаях длилась лишь немного дольше, чем принято считать. Однако есть и пример, когда хронологический разрыв довольно значителен. На родосском сосуде «александрийского» варианта I-F из погребения № 6 некрополя городища № 3 хут. Ленина [Лимберис, Марченко, 2019, с. 324, рис. 13,7] стоят клейма: 1) ἐπὶ Τεισαμένου | Ἀγριανίου и 2) Ζωίλου (рис. 4,3). Для первого клейма нам не удалось найти полной аналогии и в качестве таковой можно назвать только оттиск иного штампа [Cankardeş-Şenol, 2017, p. 19, RE-ΤΕΙΣΑΜΕΝΟΣ-ΑΓΡΙΑΝΙΟΣ-002]. Эпоним Τεισαμένος относится к периоду Vb, его деятельность датируется 125–121 гг. до н.э. [Finkielsztein, 2001, p. 156, 195, tabl. 12, 21] или 124–122 гг. до н.э. [Cankardeş-Şenol, 2017, p. 19]. Однако деятельность фабриканта

Ζωῖλος, имя которого восстанавливается во втором клейме достаточно надежно [Matrices of stamps ... , RF-ZΩΙΛΟΣ-002], обычно связывают с эпонимами III периода, то есть с 198–161 гг. до н.э. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с омонимом. Примечательно, что известные клейма с этим именем разделяются типологически на две группы: прямоугольные безэмблемные и круглые вокруг цветка розы. Нельзя исключать вероятности, что типологические отличия связаны с разными фабрикантами.

Среди родосской тары, находящейся на хранении в Краснодарском музее, есть одиночные амфоры, происходящие не из комплексов, но имеющие новые сочетания клейм эпонимов и фабрикантов, либо клейма, оттиснутые неизвестными ранее штампами. Так, новый штамп с именем эпонима Аристонида присутствует на фрагментированной амфоре (рис. 4,4) из **погребения № 631з** некрополя Старокорсунского городища № 2: ἐπὶ Ἀριστωνίδα|ς Ἀγριανίου [Лимберис, Марченко, 2005, рис. 42,8; 2019, с. 321, рис. 5,8]. Клейм с его именем известно множество, но подобное написание легенды встречено, видимо, впервые. Клеймо на второй ручке отсутствовало. Эпоним относится к периоду IIc и датируется 209–205 гг. до н.э. [Finkielsztein, 2001, p. 112, 191, tabl. 4, 18; Cankardeş-Şenol, 2015, p. 469].

Неизвестное ранее сочетание имен имеется в клеймах на **амфоре, происхождение которой осталось неизвестным** (рис. 5,1): ἐπὶ Σωδάμου | Βαδρομίου [Matrices of stamps ... , RE-ΣΩΔΑΜΟΣ-ΒΑΔΡΟΜΙΟΣ-003]; 2) Ἀριστοκράτεϋς, «звезды» в углах по левой стороне клейма [Matrices of stamps ... , RF-ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΗΣ 02-008]. Эпоним Σώδαμος относится к периоду IIIa и датируется 195 г. до н.э. [Finkielsztein, 2001, p. 124, 192, tabl. 6, 19; Cankardeş-Şenol, 2016b, p. 352]. Фабрикант Ἀριστοκράτης известен в сочетании с другими эпонимами III периода.

Родосский сосуд (**инв. № КМ 14318/653**), происхождение которого также неизвестно (рис. 5,2), интересен не только имеющимися на нем клеймами. Сама амфора имеет высокий уплощенный венец, выделенный глубокой подрезкой снизу; высокое цилиндрическое горло, овоидное тулово и кубаревидную ножку, напоминающую ножки квидских сосудов.

В свое время один из авторов отнес подобные амфоры к варианту «корони» и датировал их второй четвертью – серединой III в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 115–116] со ссылкой на работу В. Грейс с фотографией клейменной амфоры, которая морфологически очень близка рассматриваемому сосуду [Grace, 1986, p. 559–560, fig. 5,23,27,28]. Клеймо принадлежит эпониму I периода – Ἀρετακλῆς, деятельность которого датируется ок. 235 г. до н.э. [Cankardeş-Şenol, 2015, p. 288]. Сосуд же из коллекции Краснодарского музея демонстрирует нам более позднюю разновидность сосуда варианта «корони» и позволяет утверждать, что амфоры подобной морфологии изготавливались на протяжении, как минимум, 80 лет. Фабрикантский оттиск на этой амфоре читается хорошо и принадлежит фабриканту Μένων II, работавшему при эпонимах II и III периодов (234–161 гг. до н.э.). Эпонимное же клеймо сильно затерто, видны только отдельные буквы. Г. Канкардеш-Шенол в личном письме предложила следующий вариант восстановления легенды: ἐπ[ὶ Δα]μ[ο]θ[έ]μι[ος]. Данный эпоним работал в рамках II периода ок. 191 г. до н.э.

В 1960 г. Н.В. Анфимовым на территории **некрополя Старокорсунского городища № 2** была найдена целая амфора, на одной из ручек которой стояло клеймо ἐπὶ Ἀνδρί[α] Σμινθίου, сигма ретроградно, а на второй – Κ[άλλων]ος, «герма» (рис. 5,3). Аналогии обоим клеймам известны [Cankardeş-Şenol, 2015, p. 232, RE-ΑΝΔΡΙΑΣ-ΣΜΙΝΘΙΟΣ-004; Matrices of stamps ... , RF-ΚΑΛΛΩΝ-025], но вместе они встречаются впервые. Эпоним Ἀνδρίας относится к периоду Va и датируется 137/136–135 гг. до н.э. [Cankardeş-Şenol, 2015, p. 218].

Новое сочетание с именем эпонима Андриаса встречено на амфоре из **погребения № 555з** некрополя Старокорсунского городища № 2 (рис. 5,4): 1) [ἐπ' ἰ]ε[ρέω]ς | Ἀνδρία | Ἀρτεμτίου; 2) Δωρόθεος [Matrices of stamps ... , RF-ΔΩΡΟΘΕΟΣ-014]. Таким образом, список фабрикантов, работавших при данном эпониме, должен пополниться еще двумя именами.

Еще одна родосская амфора «поздней» серии варианта «вилланова» из недавних поствуплений (**инв. № КМ 14318/646**; рис. 6,1),

обстоятельства обнаружения которой неизвестны, имеет на ручках два клейма: 1) ἐπὶ Ἀρταμ[ιτίου]; 2) Ἀπολλωνί(ο)υ, где ω – курсивом. Полные аналогии магистратскому оттиску нам найти не удалось, вероятно, мы имеем дело с новым штампом. Клеймо, близкое нашему фабрикантскому, есть в базе родосских клейм [Matrices of stamps ... , RF-ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ 02-013]. Эпоним же Ἀρτομικός относится к группе Vb и датируется ок. 132 г. до н.э. [Finkielsztein, 2001, p. 195, tabl. 21; Cankardeş-Şenol, 2015, p. 235].

В погребении № 17 некрополя городища № 3 хут. Ленина в 1994 г. была обнаружена амфора «александрийского» варианта I-F с двумя клеймами: 1) ἐπὶ Αἰσχίνας | Ἀρταμτίου [Cankardeş-Şenol, 2015, p. 136, RE-ΑΙΣΧΙΝΑΣ-ΑΡΤΑΜΙΤΙΟΣ-002]; 2) [Μου]σαίου, «гроздь» (рис. 6,2). Эпоним Αἰσχίνας относится к периоду Vc и датируется ок. 116 г. до н.э. [Cankardeş-Şenol, 2015, p. 133].

Еще один сосуд с клеймами того же эпонима Эхина обнаружен в погребении № 248 некрополя городища Спорное (рис. 6,3). А.Б. Колесников восстанавливает следующие легенды: 1) ἐπὶ Αἰσχίνας | Σμινθίου; 2) ἐπὶ Αἰσχίνας «цветок граната». Близкий оттиск первому клейму известен [Cankardeş-Şenol, 2015, p. 147, RE-ΑΙΣΧΙΝΑΣ-ΣΜΙΝΘΙΟΣ], аналогии второму клейму найти не удалось.

Наконец, в погребении № 69 некрополя городища № 3 хут. Ленина находилась родосская амфора с клеймами (рис. 6,4): 1) ἐπὶ Ἀγορά[νακ[τος] | Ἰακ[ιθίου]; 2) [--]το[--], «голова в шлеме» (?). Эпоним Ἀγοράναξ относится к периоду Vc и датируется ок. 108 г. [Cankardeş-Şenol, 2015, p. 88]. Наиболее вероятное восстановление легенды второго клейма – Διοδότης, «гроздь», связана с именем Διοδότης II, известного в сочетании с именами эпонимов V периода.

Таким образом, амфорная коллекция Краснодарского музея предоставляет в наше распоряжение уникальные образцы родосских амфор, ценных не только своей сохранностью, но и наличием клейм на обеих ручках. В результате нам удалось зафиксировать новые имена фабрикантов и новые сочетания имен эпонимов и фабрикантов. Особую значимость имеют сосуды, на которых встречены имена, ранее относимые к другим хронологическим периодам. Дополнительную информацию для размышления о хронологии родосских клейм предоставили и керамические комплексы. Перед нами не стояла задача конкретизации, корректировки или уточнения устоявшихся датировок деятельности эпонимов Родоса. Основная цель – ввести в научный оборот новый весьма значительный пласт источника и дать возможность специалистам работать с данным материалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки № FSRR-2023-0006.

The study was conducted with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Grant FSRR-2023-0006).

² Изыскания в этом направлении достигли значительных успехов. Особо следует отметить работы G. Cankardeş-Şenol [2015; 2016a; 2016b; 2017] и созданную базу данных по родосским клеймам [http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_epon/requete.php], в основе которых лежат разработки G. Finkielsztein [2001]. И хотя не все положения авторов находят сторонников [Badoud, 2016], предлагаемые схемы активно используются всеми исследователями.

³ Мы выражаем искреннюю признательность Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, которые любезно предоставили нам возможность работать и публиковать материалы из своих раскопок.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Метрические параметры амфор Родоса

Table 1. Metric parameters of Rhodian amphorae

Происхождение	Размеры, мм						Дата, до н.э.	Рис.
	H	H ₀	H ₁	H ₃	D	d ₁		
Погр. № 25, Елизаветинское гор. № 2	278	–	–	223	–	123	246–235	1,1
Пантикапей, Р. «Центральный»	280	–	–	240	–	121 × 124	246–235	1,4
Погр. № 1в/1987 Ст.-Корс.	755	690	340	240	360	120	259–225	1,5
Погр. № 1в/1987 Ст.-Корс.	772	716	355	235	358	121 × 126	209–205	1,6
Погр. № 99в, Ст.-Корс.	778	725	345	220	370	127	233–220	2,1
Погр. № 99в, Ст.-Корс.	768	728	370	235	358	122	233–220	2,2
Погр. № 5/1982, хут. Ленина № 3	840	773	390	258	350	115 × 130	165/163	2,3
Погр. № 3/1983, хут. Ленина № 3	843	780	410	250	336	124	134–133	3,1
Погр. № 250з, Ст.-Корс.	810	758	400	226	340	117	126	3,3
Погр. № 126, хут. Ленина № 2	750	693	360	230	352	116 × 118	233–220	4,1
Погр. № 7, хут. Ленина № 2	768	740	400	252	350	118	140–138	4,2
Погр. № 6, хут. Ленина № 3	830	763	420	270	350	116 × 118	124–122	4,3
Погр. № 631з, Ст.-Корс.	≈775	≈730	≈340	≈240	≈415	≈120	209–205	4,4
Неизвестно, без №	780	707	360	250	350	120 × 129	195	5,1
Неизвестно, № КМ 14318/653	770	708	370	≈222	362	120 × 127	191	5,2
1960, Ст.-Корс.	845	775	390	270	340	120 × 123	137/136–135	5,3
Погр. № 555з, Ст.-Корс.	832	758	460	254	344	120 × 124	137/136–135	5,4
Неизвестно, № КМ 14318/646	835	770	440	230	348	124	132	6,1
Погр. № 17, хут. Ленина № 3	814	756	425	245	334	114	116	6,2
Погр. № 248, гор. Спорное	≈760	≈742	≈390	≈263	≈325	110	116	6,3
Погр. № 69, хут. Ленина № 3	828	775	430	250	342	114 × 118	108	6,4

Примечание. H – высота сосуда; H₀ – глубина; H₁ – высота верхней части; H₃ – высота горла; D – диаметр тулова; d₁ – диаметр венца. H – height; H₀ – depth; H₁ – high of the upper part; H₃ – neck height; D – body diameter; d₁ – rim diameter.

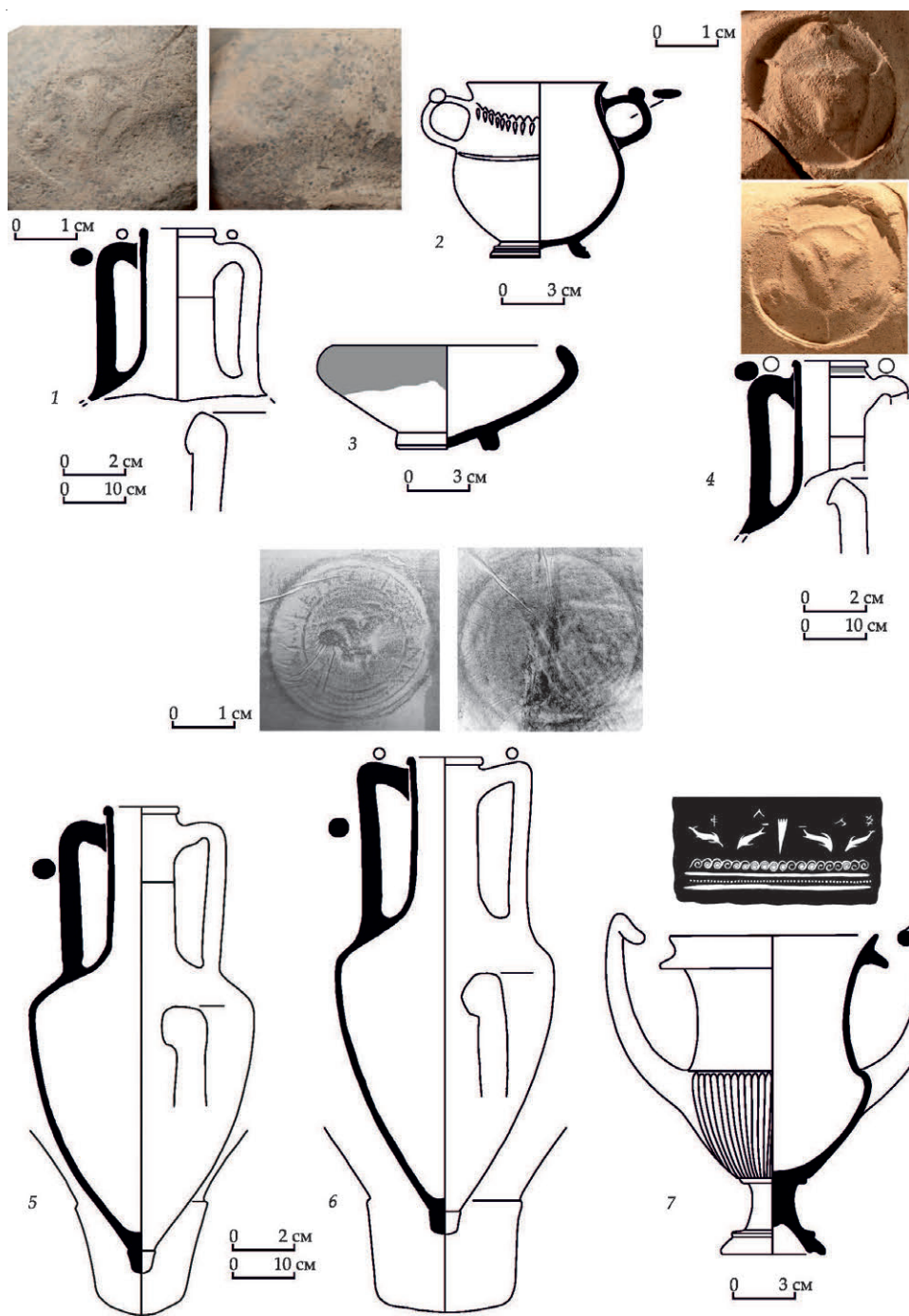

Рис. 1. Импорт из комплексов:

1–3 – погребение № 25 некрополя Елизаветинского городища № 2 (1 – горло амфоры Родоса; 2 – чернолаковый канфар; 3 – чернолаковая миска); 4 – горло амфоры Родоса (Пантикапей, раскоп «Центральный», 1978 г., ГМИИ, М-78 Ц); 5–7 – погребение 16/1987 г. некрополя Старокорсунского городища № 2 (5, 6 – амфоры Родоса; 7 – чернолаковый канфар (чертеж Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко)).
Чертежи авторов

Fig. 1. Imports from complexes:

1–3 – the burial No. 25 of the necropolis of the Elisavetinskoye settlement No. 2 (1 – the Rhodian amphora neck; 2 – a black-glazed kanpharos; 3 – a black-glazed bowl); 4 – the Rhodian amphora neck (Panticapaeum, “Central’nyi” Site, 1978, SMFA, M-78 Ц); 5–7 – the burial No. 16/1987 of the Eastern necropolis of the Starokorsunskaya settlement No. 2 (5, 6 – Rhodian amphorae; 7 – a black-glazed kanpharos (drawings of N.Yu. Limberis, I.I. Marchenko)).
Drawings were made by the authors

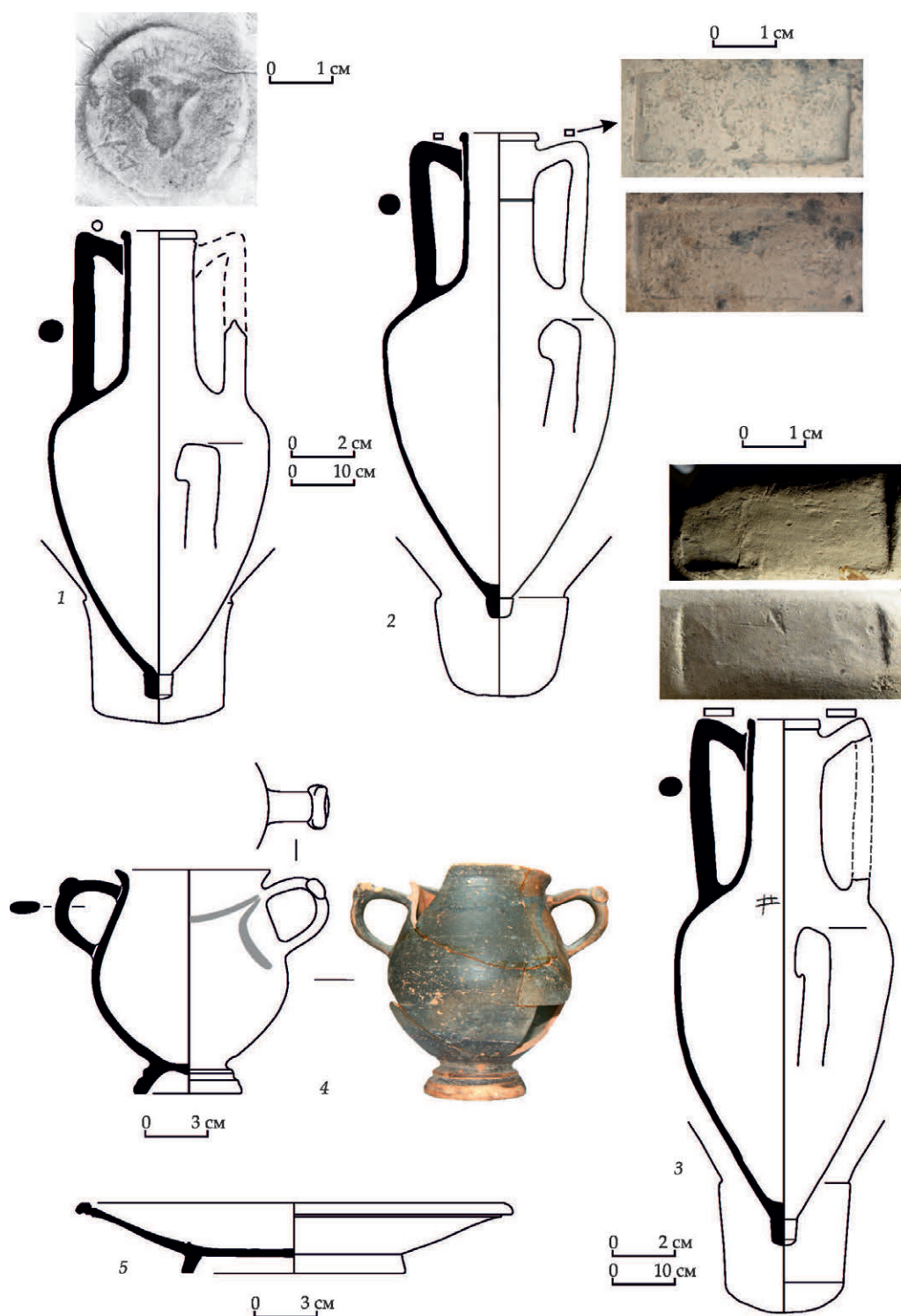

Рис. 2. Импорт из погребения № 99в некрополя Старокорсунского городища № 2 (1, 2) и погребения № 5/1982 г. некрополя городища № 3 хут. Ленина (3–5):

1, 2, 3 – амфоры Родоса (чертежи авторов; 3 – фото клейма А.Б. Колесникова); 4 – чернолаковая канфар; 5 – буролоковая тарелка (4, 5 – чертежи Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко)

Fig. 2. Imports from the burial No. 99в of the Eastern necropolis of the Starokorsunskaya settlement No. 2 (1, 2) and burial No. 5/1982 of the necropolis of the settlement No. 3 near the Lenin khutor (3–5):

1, 2, 3 – Rhodian amphorae (Drawings were made by the authors; 3 – photo of the stamp by A.B. Kolesnikov); 4 – a black-glazed kanpharos; 5 – brown-glazed plate (4, 5 – drawings by N.Yu. Limberis, I.I. Marchenko)

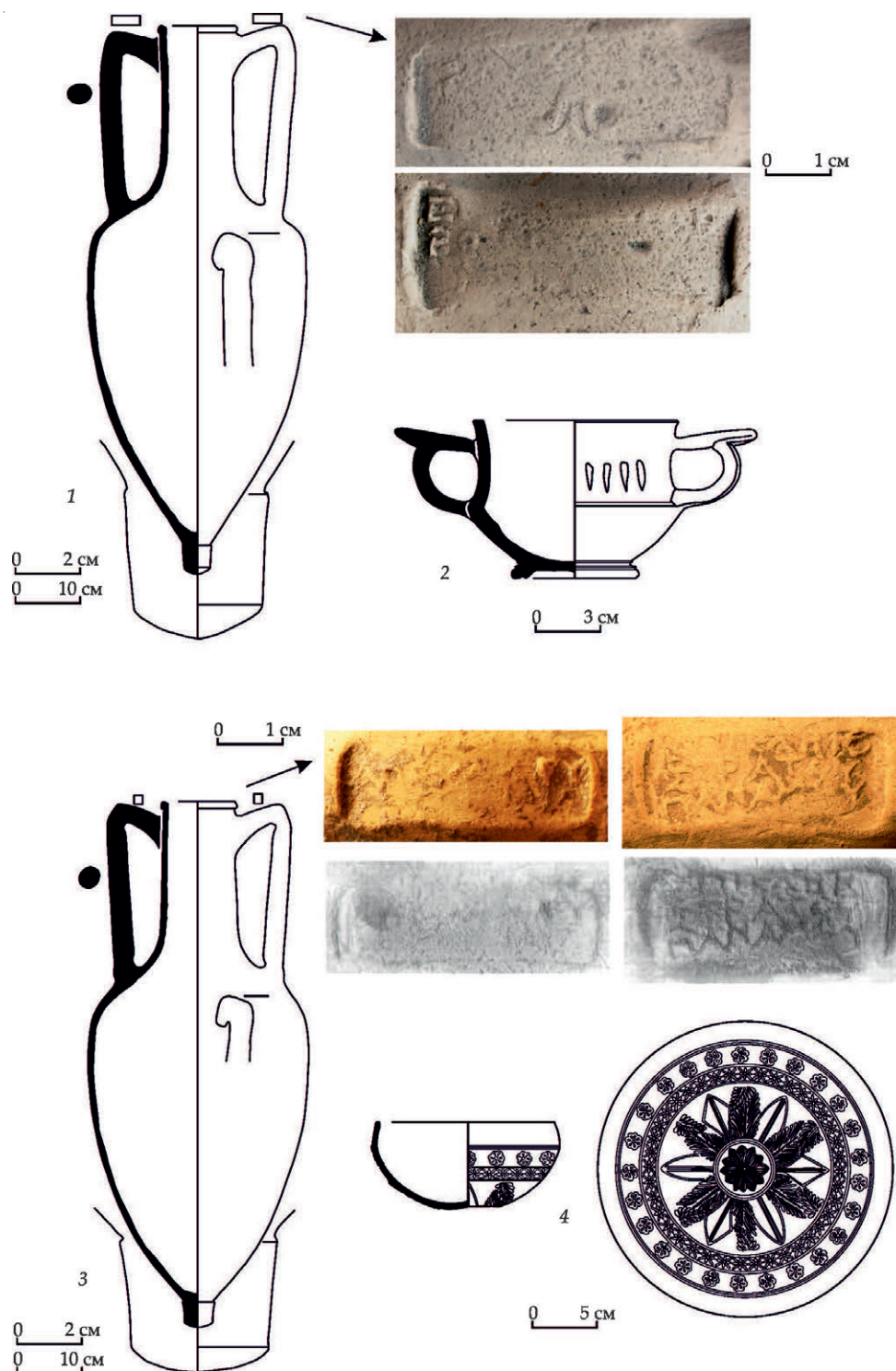

Рис. 3. Импорт из погребений № 3/1983 г. некрополя городища № 3 хут. Ленина (1, 2) и погребения № 250з некрополя Старокорсунского городища № 2 (3, 4):

1, 3 – амфоры Родоса (чертежи авторов); 2 – канфар;
4 – «мегарская» чаша (2, 4 – чертежи Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко)

Fig. 3. Imports from the burial No. 3/1983 of the necropolis of the settlement No. 3 near the Lenin khutor (1, 2) and the burial No. 250z of the western necropolis of the Starokorsunskaya settlement No. 2 (3, 4):

1, 3 – Rhodian amphorae (drawings of the authors); 2 – kanpharos;
4 – “Megarian” bowl (2, 4 – drawings by N.Yu. Limberis, I.I. Marchenko)

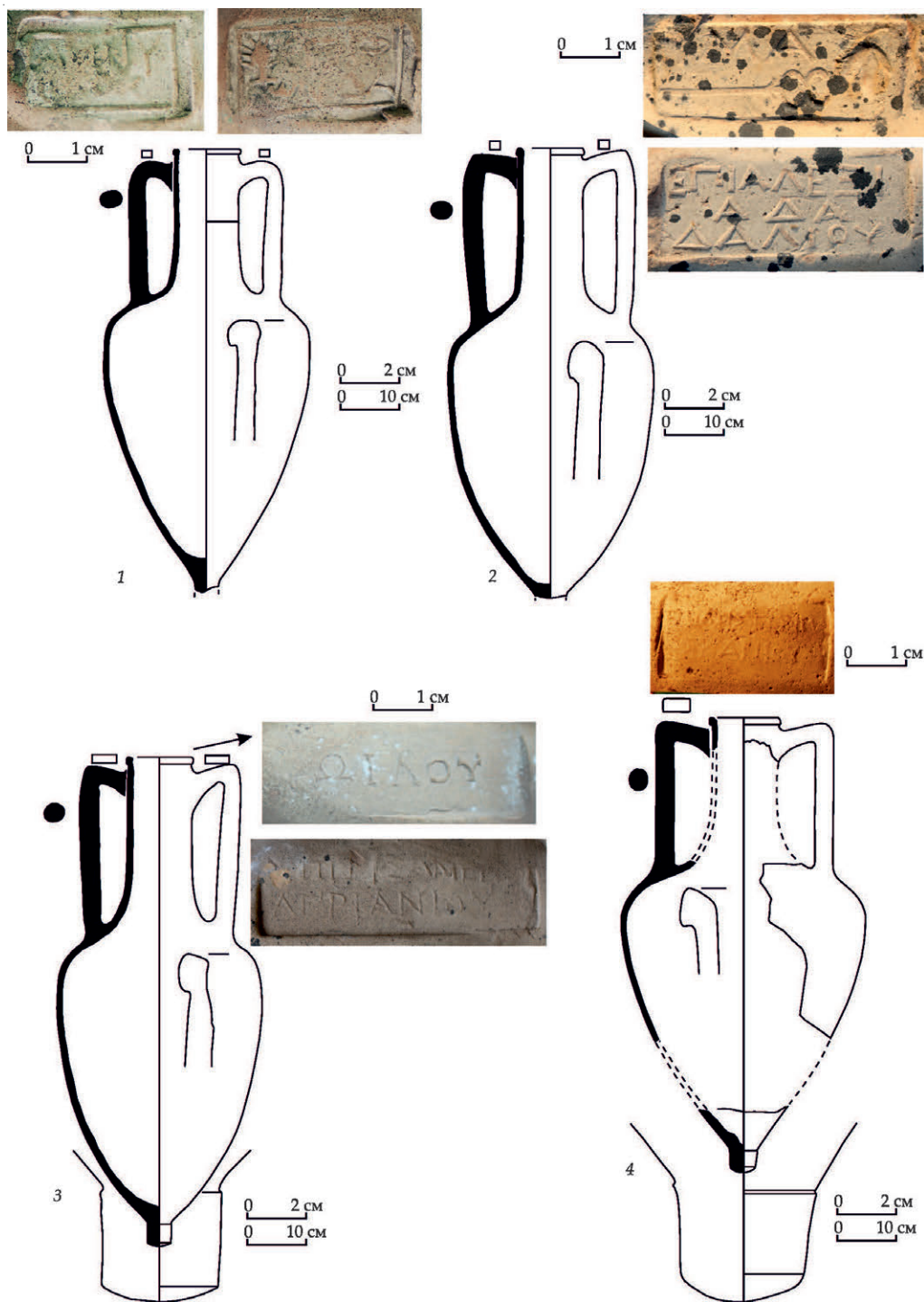

Рис. 4. Родосские амфоры:

1 – погребение № 126 могильника городища № 2 хут. Ленина; 2 – погребение № 7 могильника городища № 3 хут. Ленина; 3 – погребение № 6 могильника городища № 3 хут. Ленина; 4 – погребение № 631з некрополя Старокорсунского городища № 2. Чертежи авторов

Fig. 4. Rhodain amphorae:

1 – the burial No. 126 of the necropolis of the settlement No. 2 near the Lenin khutor; 2 – the burial No. 7 of the necropolis of the settlement No. 3 near the Lenin khutor; 3 – the burial No. 6 of the necropolis of the settlement No. 3 near the Lenin khutor; 4 – the burial No. 631z of the western necropolis of the Starokorsunskaya settlement No. 2. Drawings were made by the authors

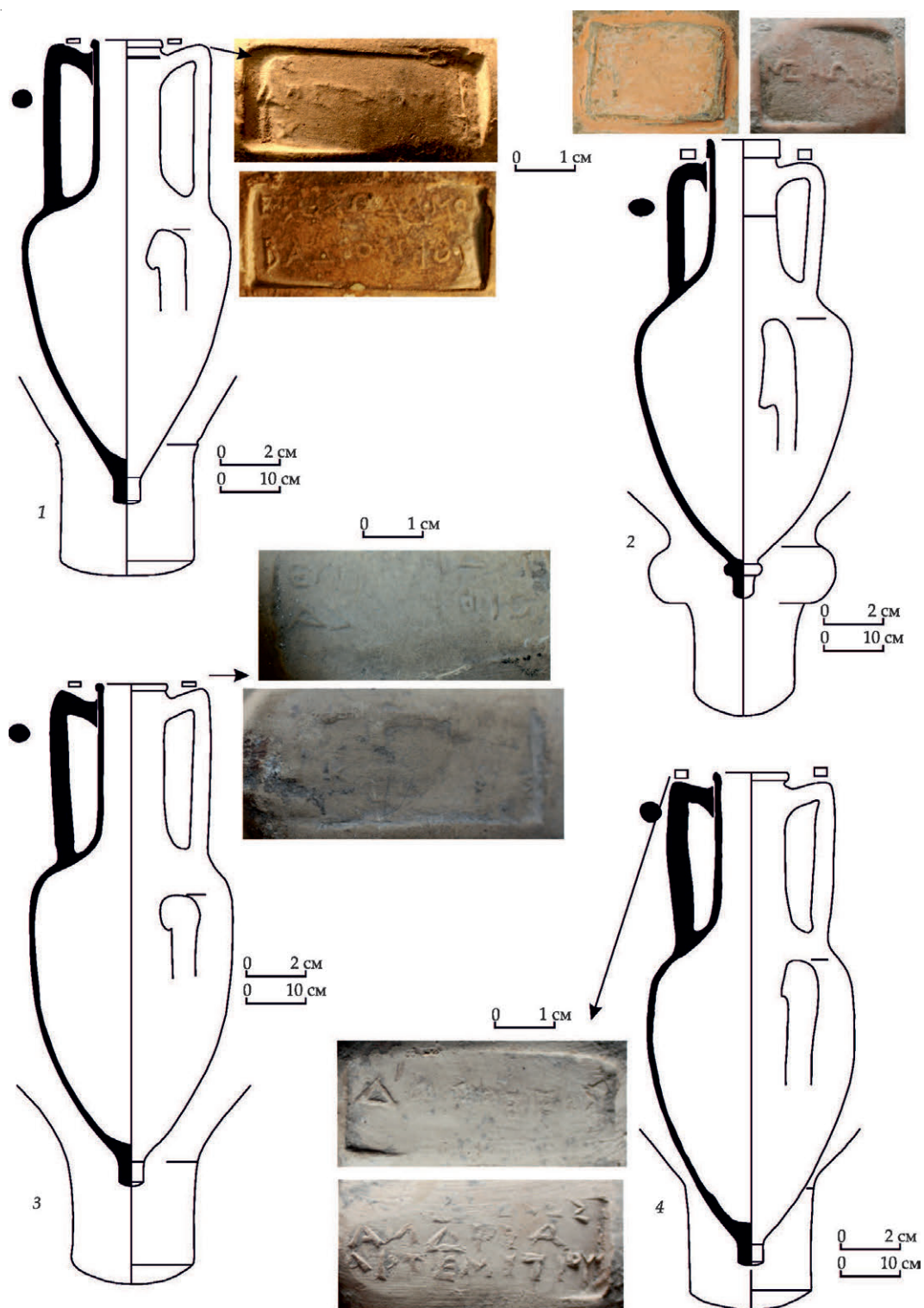

Рис. 5. Родосские амфоры:

1, 2 – происхождение неизвестно; 3 – подъемный материал с некрополя Старокорсунского городища № 2, 1960 г.;
4 – погребение № 555з некрополя Старокорсунского городища № 2. Чертежи авторов

Fig. 5. Rhodian amphorae:

1, 2 – the origin is unknown; 3 – a random find from the necropolis of the Starokorsunskaya settlement No. 2;
4 – the burial No. 555z of the western necropolis of the Starokorsunskaya settlement No. 2.

Drawings were made by the authors

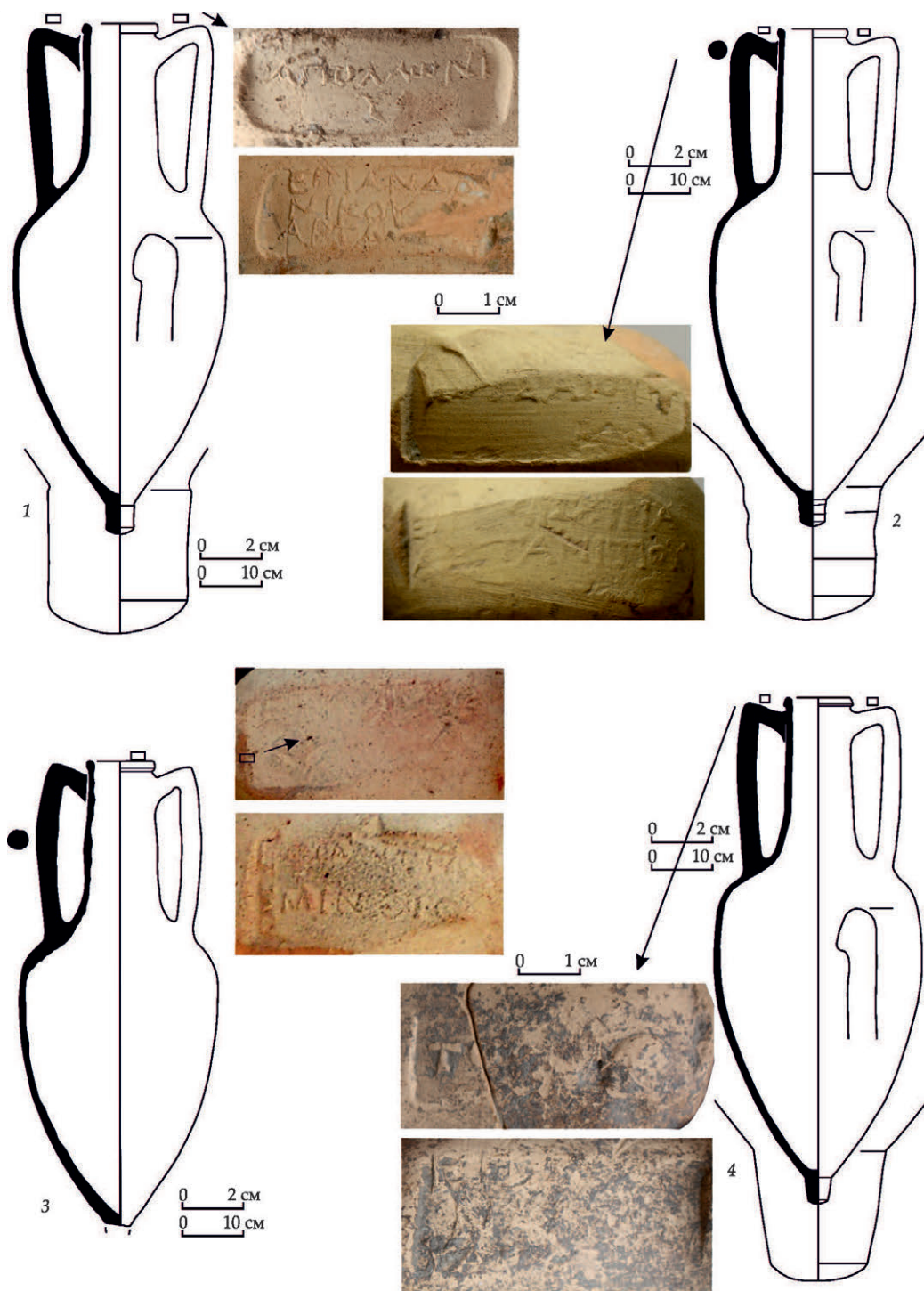

Рис. 6. Родосские амфоры:

- 1 – происхождение неизвестно; 2 – погребение № 17 некрополя городища № 3 хут. Ленина;
 3 – погребение № 248 некрополя городища Спорное (чертеж Б.А. Раева);
 4 – погребение № 69 некрополя городища № 3 хут. Ленина. 1, 2, 4 – чертежи авторов

Fig. 6. Rhodian amphorae:

- 1 – the origin is unknown; 2 – the burial No. 17 of the necropolis of the settlement No. 3 near the Lenin khutor;
 3 – the burial No. 248 of the necropolis of the settlement Spornoe (drawings by B.A. Raev);
 4 – from the burial No. 69 of the necropolis of the settlement No. 3 near the Lenin khutor.
 1, 2, 4 – drawings were made by the authors

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А. П., Сазонов Ю. С., 1992. Керамика трех подводных комплексов // Боспорский сборник. Вып. 1. С. 147–172.
- АРЕ: Родос. URL: <https://ape.sgu.ru/Amphora/hasSession?invalid#catalogLevel2=32>
- Егорова Т. В., 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М. : Изд-во МГУ. 256 с.
- Егорова Т. В., 2017. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М. : НП-Принт. 144 с., 39 табл., рис.
- Зайцев Ю. П., 1998. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Тр. ГИМ. Вып. 102. М. : ГИМ. С. 52–60.
- Зайцев Ю. П., 2003. Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь : Универсум. 210 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2000. «Мегарские» чаши из меотских погребений Прикубанья // Старый свет: археология, история, этнография. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 4–18.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Погребения с родосскими амфорами из меотских могильников Краснодарской группы // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов : Техно-Декор. С. 318–341.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2020. Канфары эллинистической серии из раскопок меотских памятников Прикубанья // Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI в.) : материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб. : ИПЦ СПбГУПТД. С. 94–100.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2021. Атрибуция и хронология эллинистических канфаров из меотских погребений // Древности Боспора. Т. 26. С. 267–282.
- Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 679 с.
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М. ; Саратов : Киммериды : Изд-во Сарат. ун-та. 352 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2021а. Уточненная хронология книдских амфор IV – начала III в. до н.э. по материалам керамических комплексов Кубани // *Stratum Plus*. № 6. С. 183–205.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2021б. Синопские амфоры из Прикубанского меотского некрополя // Античный мир и археология. Вып. 20. Саратов : Науч. кн. С. 261–294. DOI: <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-261-294>
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2022. «Мендейские» амфоры из Прикубанского некрополя: вопросы хронологии // Археологические вести. Вып. 35. С. 145–158.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б., 2016. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь ; Саратов : Новый проект. 222 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2017. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов : Новый проект. 208 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чистов Д. Е., Чурекова Н. Б., 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог. Саратов : Амирит. 352 с., ил.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстикова В. П., Чурекова Н. Б., 2020. Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Саратов : Амирит. 218 с., ил.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Саратов : ООО «Волга». 324 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2022а. Коллекция амфор Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына: общий обзор // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2. С. 142–157. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.9>

- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Чурекова Н. Б., 2022б. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Саратов : Амирит. 304 с.
- Шелов Д. Б., 1975. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М. : Наука. 167 с.
- Badoud N., 2016. Gonca Cankardeş-Şenol, Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Volume 1, Eponyms A. *Études alexandrines* 33. *AmphorAlex*, 3. Alexandria : Centre d'études alexandrines, 2015. P. 608 // *Bryn Mawr Classical Review*. 10.34. URL: <http://www.bmcreview.org/2016/10/20161034.html>
- Cankardeş-Şenol G., 2015. Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Vol. 1. Alexandria : Centre d'Études Alexandrines. 612 p.
- Cankardeş-Şenol G., 2016a. Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Vol. 2. Alexandria : Centre d'Études Alexandrines. 435 p.
- Cankardeş-Şenol G., 2016b. Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Vol. 3. Alexandria : Centre d'Études Alexandrines. 396 p.
- Cankardeş-Şenol G., 2017. Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Vol. 4. Alexandria : Centre d'Études Alexandrines. 330 p.
- Drougou S., 1991. Hellenistic Pottery from Macedonia, 1991. Thessaloniki : Aristotelian University. 174 p.
- Finkielsztein G., 2001. Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. *BAR IS*, vol. 990. Oxford : Oxford Press. 260 p.
- Grace V., 1986. Some Amphoras from a Hellenistic Wreck // *Bulletin de correspondance hellénique*. Suppl. XIII. Paris : École Française d'Athènes. P. 551–565.
- Matrices of Stamps of Rhodian Eponyms and Producers. The Alexandrin Centre for Amphora Studies. URL: http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_efon/requete.php
- Meyer-Schlichtmann C., 1988. Die Pergamenische sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon: Mitte 2. Jh. v. Chr. – mitte 2. Jh. n. Chr. // *Pergamenische Forschungen*. Bd. 6. Berlin ; New York. 265 S.
- Monachov S. J., 2005. Rhodian Amphoras : Developments in Form and Measurements // *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC*. Aarhus : Aarhus University Press. P. 69–95.
- Monachov S. Ju., 2006. “Pseudo-Heraklean” Amphoras of the 4th – the First Quarter of the 3rd Centuries B.C. from the Polises of Southern Black-Sea Region // *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (PATABS I)*. Batumi ; Trabzon. P. 11–14.
- Monakhov S. Yu., 2021. Typology and Chronology of Akanthian Amphorae // *Нижеволжский археологический вестник*. Т. 20, № 2. С. 43–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.3>
- Rotroff S., 1991. Attic West Slope Vase Painting // *Hesperia*. Vol. 60/1. P. 59–102.
- Rotroff S., 1997. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // *The Athenian Agora*. Vol. XXIX. Princeton : American School of Classical Studies at Athens. 575 p., 148 pl.
- Schäfer J., 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon // *Pergamenische Forschungen*. Bd. 2. Berlin : de Gruyter. 161 S., 72 plts.
- Sezgin Yu., Kaan Şenol A., Cankardeş-Şenol G., 2022. İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları. İstanbul : Ege Yayınları. 246 p.

REFERENCES

- Abramov A.P., Sazonov Yu.S., 1992. Keramika trekh podvodnykh kompleksov [Ceramics of Three Underwater Complexes]. *Bosporskiy sbornik* [Bosporan Collection], iss. 1, pp. 147-172.
- APE: Rodos*. URL: <https://ape.sgu.ru/Amphora/hasSession?invalid#catalogLevel2=32>
- Egorova T.V., 2009. *Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n.e. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kryma* [Black-Glazed Pottery of the 4th–2nd Century BC from the North-Western Crimea Settlements]. Moscow, MSU. 256 p.
- Egorova T.V., 2017. *Antichnaya chernolakovaya keramika iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [Ancient Black Glazed Pottery from the Collection of the State Pushkin Museum of Fine Arts]. Moscow, NP-Print Publ. 144 p., 39 pls., figs.
- Zaitsev Yu.P., 1998. Keramika s lakovym pokrytiem iz sloya pozhara 1 Yuzhnogo dvortsa Neapolya Skifskogo [Ceramics with a Glazed Coating from the Layer of Fire 1 of the Southern Palace of Naples Scythian]. *Ellinisticheskaya i*

- rimskaya keramika v Severnov Prichernomor' e. Tr. GIM* [Hellenistic and Roman Pottery in the Northern Black Sea Region. Proceedings of State Historical Museum], iss. 102. Moscow, SHM, pp. 52-60.
- Zaitsev Yu. P., 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n.e. – III v. n.e.)* [Scythian Naples (2nd Century BC – 3rd Century AD)]. Simferopol', Universum Publ. 210 p.
- Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2000. «Megarskie» chashi iz meotskikh pogrebenii Prikuban'ya [“Megarian” Bowls from the Maeotian Burials of Kuban Region]. *Staryi svet: arkheologiya, istoriya, etnografiya* [Old World: Archeology, History, Ethnography], Krasnodar, KSU, pp. 4-18.
- Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of the Ceramic Complexes with Ancient Imports from the Excavations of the Maeotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban River]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Researches on the Archaeology of the Kuban Region], iss. 5. Krasnodar, pp. 219-324.
- Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2019. Pogrebeniya s rodoskimi amforami iz meotskikh mogil'nikov Krasnodarskoi gruppy [Burials with Rhodian Amphorae from the Maeotian Burial Grounds of the Krasnodar Group]. *Antichnyi mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology], iss. 19. Saratov, Tekhno-Dekor Publ., pp. 318-341.
- Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2020. Kanfary ellinisticheskoy serii iz raskopok meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Kanpharoi of the Hellenistic Series from the Excavations of the Maeotian Monuments of Kuban Region]. *Bosporskiy fenomen. Bosporskoe tsarstvo M. I. Rostovtseva (vzglyad iz XXI veka): materialy mezhdunar. nauch. konf.* [The Bosporan Phenomenon. The Bosporan Kingdom of M. I. Rostovtsev (a View from the XXI Century): Materials of the International Scientific Conference], part 2, Saint Petersburg, Publishing center of SUTD, pp. 94-100.
- Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2021. Atributsiya i khronologiya ellinisticheskikh kanfarov iz meotskikh pogrebeniy [Attribution and Chronology of Hellenistic Kanpharoi from Maeotian Burials]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 26, pp. 267-282.
- Monakhov S. Yu., 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor' e: komplekсы keramicheskoy tary VII–II vv. do n.e.* [Greek Amphorae in Black Sea Region. Assemblages of Transport Amphorae of the 7th– 2nd Centuries BC]. Saratov, SSU. 679 p.
- Monakhov S. Yu., 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor' e: tipologiya amfor veduschsikh tzentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare* [Greek Amphorae in Black Sea Region: Typology of Amphorae of the Leading Centers of Exporters of Goods in Ceramic Containers]. Moscow, Saratov, Kimmerida, SSU. 352 p.
- Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., 2021a. Utochnennaya khronologiya knidskikh amfor IV – nachala III v. do n.e. po materialam keramicheskikh kompleksov Kubani [Specified Chronology of Knidian Amphorae of the 4th – Early 3rd Centuries BC Based on Materials from Ceramic Complexes of the Kuban]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 183-205.
- Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., 2021b. Sinopskie amfory iz Prikubanskogo meotskogo nekropolya [Sinopean Amphorae from the Prikubanskiy Maeotian Necropolis]. *Antichnyi mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology], iss. 20. Saratov, Nauch. kn. Publ., pp. 261-294. DOI: <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2021-20-261-294>
- Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., 2022. «Mendeiskie» amfory iz Prikubanskogo nekropolya: voprosy khronologii [“Mendeian” Amphorae from the Prikubanskiy Necropolis: Questions of the Chronology]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 35, pp. 145-158.
- Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., Fedoseev N. F., Churekova N. B., 2016. *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika. Katalog* [Amphorae of the 6th – 2nd Centuries BC from the Collection of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve. Catalogue]. Kerch, Saratov, Novyy Proekt Publ. 222 p.
- Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., Churekova N. B., 2017. *Amfory V–II vv. do n.e. iz sobraniya gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika «Khersones Tavricheskiy».* Katalog [Amphorae of the 5th – 2nd Century BC from From the Collection of the State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”. Catalogue]. Saratov, Novyy Proekt Publ. 208 p.
- Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., Chistov D. E., Churekova N. B., 2019. *Antichnaya amfornaya kolleksiya Gosudarstvennogo Ermitaza VI–II vv. do n.e. Katalog* [Ancient Amphorae Collection of the State Hermitage of the 6th – 2nd Century BC. Catalogue]. Saratov, Amirit Publ. 352 p., fig.
- Monakhov S. Yu., Kuznetsova E. V., Tolstikov V. P., Churekova N. B., 2020. *Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nyh iskusstv im. A. S. Pushkina* [The Amphorae of the 6th – 1st C. BC of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Saratov, Amirit Publ. 218 p., fig.

- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., Churekova N.B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna* [Amphorae of the Prikubanskiy Necropolis of the 4th – Early 3rd Century BC from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve Named after E.D. Felitsyn]. Saratov, Volga Publ. 324 p.
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2022a. Kolleksiya amfor Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna: obshchiy obzor [Amphorae Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Preserve named after E.D. Felitsyn]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 2, pp. 142-157. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.2.9>
- Monakhov S.Yu., Kuznetsova E.V., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., Churekova N.B., 2022b. *Amfory VII–I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna* [Amphorae of the 7th– 1st Centuries BC from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn]. Saratov, Amirit Publ. 304 p.
- Shelov D.B., 1975. *Keramicheskie kleima iz Tanaisa III–I vv. do n.e.* [Ceramic Stamps from Tanais of the 3rd – 1st Centuries BC]. Moscow, Nauka Publ. 167 p.
- Badoud N., 2016. Gonca Cankardeş-Şenol, Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. Volume 1, Eponyms A. *Études alexandrines* 33. *AmphorAlex*, 3. Alexandria: Centre d'études alexandrines, 2015, p. 608. *Bryn Mawr Classical Review*, 10.34. URL: <http://www.bmcreview.org/2016/10/20161034.html>
- Cankardeş-Şenol G., 2015. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*, vol. 1. Alexandria, Centre d'Études Alexandrines. 612 p.
- Cankardeş-Şenol G., 2016a. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*, vol. 2. Alexandria, Centre d'Études Alexandrines. 435 p.
- Cankardeş-Şenol G., 2016b. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*, vol. 3. Alexandria, Centre d'Études Alexandrines. 396 p.
- Cankardeş-Şenol G., 2017. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*, vol. 4. Alexandria, Centre d'Études Alexandrines. 330 p.
- Drougou S., 1991. *Hellenistic Pottery from Macedonia*. Thessaloniki, Aristotelian University. 174 p.
- Finkielsztein G., 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan*. BAR IS, vol. 990. Oxford, Oxford Press. 260 p.
- Grace V., 1986. Some Amphoras from a Hellenistic Wreck. *Bulletin de correspondance hellénique*. Suppl. XIII. Paris, École Française d'Athènes, pp. 551-565.
- Matrices of Stamps of Rhodian Eponyms and Producers*. The Alexandrin Centre for Amphora Studies. URL: http://www.amphoralex.org/timbres/eponymes/accueil_epon/requete.php
- Meyer-Schlichtmann C., 1988. Die Pergamenische sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon: Mitte 2. Jh. v. Chr. – mitte 2. Jh. n. Chr. *Pergamenische Forschungen*, Bd. 6. Berlin; New York. 265 S.
- Monachov S.J., 2005. Rhodian Amphoras: Developments in Form and Measurements. *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC*. Aarhus, Aarhus University Press, pp. 69-95.
- Monachov S.Ju., 2006. “Pseudo-Heraklean” Amphoras of the 4th – the First Quarter of the 3rd Centuries B.C. from the Polises of Southern Black-Sea Region. *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (PATABS I)*. Batumi, Trabzon, pp. 11-14.
- Monakhov S.Yu., 2021. Typology and Chronology of Akanthian Amphorae. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 43-65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.3>
- Rotroff S., 1991. Attic West Slope Vase Painting. *Hesperia*, vol. 60/1, pp. 59-102.
- Rotroff S., 1997. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. *The Athenian Agora*, vol. XXIX. Princeton, American School of Classical Studies at Athens. 575 p., 148 pl.
- Schäfer J., 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon. *Pergamenische Forschungen*. Bd. 2. Berlin, de Gruyter. 161 S., 72 pls.
- Sezgin Yu., Kaan Şenol A., Cankardeş-Şenol G., 2022. *İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları*. İstanbul, Ege Yayınları. 246 p.

Information About the Authors

Sergey Yu. Monakhov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Ancient World History, Director of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, monachs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

Elena V. Kuznetsova, Candidate of Sciences (History), Custodian of the Collections of the Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>

Информация об авторах

Сергей Юрьевич Монахов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, monachs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8098-828X>

Елена Владимировна Кузнецова, кандидат исторических наук, хранитель фондов Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, ev_kuznetsova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1461-2070>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.5>

UDC 903'1(47+57):903.5
LBC 63.442.14(2)-427.1

Submitted: 05.08.2022
Accepted: 28.02.2023

“DEVIANT” BURIALS OF THE EARLY NOMADS IN THE SOUTHERN URALS (SECOND HALF OF 6th – 4th CENTURIES BC)¹

Alina Kh. Chirkova

Paleoethnology Research Center, Moscow, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology,
Moscow, Russian Federation

Abstract. Burials that are different in a number of ways from the traditional funeral rite for any society under consideration are typically referred to as “deviant”, “non-standard”, “extraordinary” or “atypical”. The article discusses ‘deviant’ burials of the Early nomads in the Southern Urals during the second half of the 6th and 4th centuries BC. This paper has two purposes: the first is to study these burials by analyzing their context and the second goal is to identify and interpret the reasons of their construction. The features of the “non-standard” funeral rite of the nomads have been distinguished by contextual analysis. The main result of the study is the identification of the main types of “deviant” burials found in the burial sites of the Early nomads, the appearance of which could have been influenced by many reasons related both to the system of beliefs and worldviews of the society under consideration, as well as by personal circumstances of life or death. Possible reasons for building “deviant” burials could have been the following: special social status of the buried individual, fear of the dead in the community, various rituals associated with human sacrifices or burials of “strangers”. It is also possible that the “deviant” burials could be associated with some external factors that led to refusal of the community to bury the dead using traditional practices and normative rites., it is necessary use a number of additional sources for further comprehensive study in order to identify the reasons for designing the “deviant” burials.

Key words: Southern Urals, archaeological sites, Early Nomads, burial rite, “deviant” burials.

Citation. Chirkova A.Kh., 2023. «Deviantnye» zahoroneniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (vtoraya polovina VI – IV v. do n.e. [“Deviant” Burials of the Early Nomads in the Southern Urals (Second Half of 6th – 4th Centuries BC)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 71-84. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.5>

УДК 903'1(47+57):903.5
ББК 63.442.14(2)-427.1

Дата поступления статьи: 05.08.2022
Дата принятия статьи: 28.02.2023

«ДЕВИАНТНЫЕ» ЗАХОРОНЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА VI – IV в. до н.э.)¹

Алина Харисовна Чиркова

Центр палеоэтнологических исследований, г. Москва, Российская Федерация;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются «девиантные» погребения кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э., рассматриваются их различные варианты и причины, объясняющие появление таких захоронений в погребальной практике ранних кочевников. Захоронения, имеющие отличия по ряду признаков от погребального обряда, традиционного для какого-либо рассматриваемого общества, обычно называют «девиантными», «нестандартными», «неординарными», «атипичными». В данной работе особенности «нестандартного» погребального обряда кочевников Южного Урала выявлены методом контекстуального анализа. Основным итогом исследования является выделение основных типов «девиантных» захоронений, встречающихся в погребальных памятниках ранних кочевников, на появление которых могло повлиять множество причин, связанных как с системой верований и мировоззрен-

ческих представлений исследуемого общества, так и с обстоятельствами жизни или смерти погребенных. Возможными причинами совершения «девиантных» погребений могли являться: особый социальный статус погребенных, страх общества перед умершими, ритуалы, связанные с человеческими жертвоприношениями, захоронениями «чужаков». Не исключено также, что «девиантные» погребения в памятниках ранних кочевников могли быть связаны с какими-либо внешними факторами, приводившие к отказу коллектива от захоронения умерших по канонам традиционного, нормативного обряда. Для выявления возможных причин совершения «девиантных» захоронений необходимо проводить мультидисциплинарные исследования и привлекать ряд дополнительных источников для дальнейшего комплексного изучения.

Ключевые слова: Южный Урал, археологические памятники, ранние кочевники, погребальный обряд, «девиантные» захоронения.

Цитирование. Чиркова А. Х., 2023. «Девиантные» захоронения ранних кочевников Южного Урала (вторая половина VI – IV в. до н.э.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 71–84. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.5>

Ритуалы захоронений позволяют выявлять и различать каноны погребальных традиций, характерные для определенной культуры. Погребения, с «отклонениями» от обрядовых традиций, в основном, обозначаются как «нестандартные», «неординарные», «атипичные» или «девиантные»². Согласно Е. Аспек, к «девиантным» относятся погребения, которые отличаются от нормативных погребальных обрядов соответствующего периода, региона или кладбища [Aspöck, 2008, p. 17]. Обычно такие захоронения ассоциируются с погребениями, обнаруженными за пределами некрополей, на поселениях, или в каких-нибудь иных необычных для захоронений местах [Берсенева, 2016, с. 12].

«Девиантными» погребениями также называют: захоронения в нестандартных позах; массовые захоронения; кремации (при преобладании традиции ингумации); захоронения в очень глубоких могильных ямах или специально перекрытые тяжелыми каменными плитами. Иногда к «девиантным» захоронениям относят человеческие жертвоприношения и различные варианты постмортальных манипуляций [Берсенева, 2016, с. 12; Hodgson, 2013; Tsaliki, 2008, p. 2].

Исследований, посвященных «девиантным» погребениям ранних кочевников евразийских степей, немного. Так как определение «девиантных» погребений является широким по смыслу, то размах тем изучения таких захоронений включает в себя рассмотрение «нестандартных» поз погребенных [Балабанова, 2003; Очир-Горяева, 2018]; захоронений на поселениях [Разуваев, 2018]; специальных ритуалов и манипуляций, связанных с те-

лами умерших [Balabanova, Pererva, 2019]; обрядов обезвреживания [Флеров, 2000] и пр.

Наиболее внимательно «девиантные» погребения ранних кочевников Волго-Уральского региона рассматривались в работах М.А. Балабановой и Е.В. Перервы [Балабанова, 2011; Balabanova, Pererva, 2019], В.К. Фёдорова, Я.В. Рафиковой [Рафикова, Фёдоров, 2017] и М.А. Очир-Горяевой [Очир-Горяева, 2018; 2019]. Кроме того, поднятая в статье проблема отчасти уже рассматривалась автором в его диссертационном исследовании [Гильмитдинова, 2021].

Целью данной работы является исследование «девиантных» погребений ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. и выявление характерных черт «необычных» захоронений индивидов, которые, вероятно, могли принадлежать отдельным социальным группам, составляющим часть кочевого общества рассматриваемого периода.

Материалы и методы

Для изучения «девиантных» захоронений необходимо выделить комплекс признаков традиционного погребального обряда, характерный для каждой культуры, периода или даже отдельного археологического памятника [Hodgson, 2013]. При наличии достаточного количества данных возможно выявление «типичных» признаков обряда и менее распространенных его черт, на основе чего можно составить описание «нормального» или «отличающегося» типа захоронений. Для корректного исследования степени «отклонения» специфических признаков погребального обряда в данной работе был ис-

пользован метод контекстуального анализа, который заключался в изучении погребальных комплексов в зависимости от ситуаций и условий их нахождения на памятнике.

Всего рассмотрено 387 погребений из 216 курганов кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. Из них выявлено 54 «нестандартных» захоронения.

По возможности из анализа исключались все нарушенные комплексы. Важным условием исследования являлось расположение костей скелета *in situ*. Если по какой-либо причине захоронение было потревожено, но при этом «девиантный» характер погребения не вызывал сомнений, то такие комплексы также включались в выборку.

Антропологические определения принадлежат М.С. Акимовой, С.Г. Ефимовой, Т.С. Кондукторовой, Р.М. Юсупову, Л.Т. Яблонскому, А.И. Нечвалюде и В.В. Куфтерину³.

Анализ

Чтобы быть уверенными, что каждый рассматриваемый вариант «девиантных» захоронений действительно является специфичным для погребений конкретного хронологического периода и региона, необходимо определиться с критериями «типичного» погребального обряда [Hodgson, 2013].

Погребальный обряд кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. достаточно хорошо изучен. На текущий момент выявлены элементы погребального обряда кочевников, характерные как для второй половины VI – V в. до н.э., так и конца V – IV в. до н.э., тем самым, были выделены особенности погребальных традиций для каждого из этих двух периодов [Смирнов, 1964; Очир-Горяева, 1987, с. 43–45; Железчиков, Пшеничнюк, 1994; Гуцалов, 2004; Таиров, 2000, с. 16–28; Яблонский, 2011].

Из всех признаков погребального обряда ранних кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. вкратце можно перечислить основные⁴. В первую очередь это: захоронения под курганами, в могильных ямах разных типов – простых грунтовых, с подбоем, дромосом или в катакомбе; ямы ориентированы широтно или меридионально, умершие уложены вытянуто на спине, руки вдоль туловища, голо-

вой ориентированы на запад или юг – в зависимости от рассматриваемого периода.

Несмотря на существовавшие погребальные традиции, захоронения ранних кочевников отличаются относительной вариативностью, что может быть обусловлено обстоятельством неоднородного и, во многих смыслах, многокомпонентного сложения кочевого населения Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. [Таиров, 2006; 2009; Яблонский, 2011].

Среди исследованных захоронений кочевников второй половины VI – V в. до н.э. к «девиантным» погребениям были отнесены погребения: на животе (Альмухаметово, кург. 9, погр. 2; Целинный, кург. 1, погр. 2); на правом боку вытянуто (Близнецы, кург. 5, погр. 1; Покровка 8, кург. 1, погр. 7) и скорченно (Кырык-Оба II, кург. 18, погр. 1); на левом боку (Пятимары I, кург. 6, погр. 1, скелет 1а; Увак, кург. 2, погр. 2); захоронения обезглавленных тел (Целинный, кург. 1, погр. 1) и отдельных их частей (Кырык-Оба II, кург. 18), а также трупосожжения на стороне (Пятимары I, кург. 5) и «на месте» (Мечетсай, кург. 4, погр. 4; III Аландский, кург. 6, погр. 1, 2).

Отдельно рассматривались погребенные в: «атакующей» позе (Лебедевка IV, кург. 18; Лебедевка VII, кург. 16, погр. 7), в «позе всадника» (Увак, кург. 6, погр. 1; Мечетсай, кург. 10, погр. 1) и в других позах, которые на данный момент никак специально в литературе не обозначены (Тара-Бутак, кург. 3; Увак, кург. 2, погр. 3; Увак, кург. 7, погр. 1; Бес-Оба, кург. 3, погр. 1).

В погребении 1 кургана 1 у пос. Целинный было совершено парное погребение обезглавленных тел умерших, черепа которых лежали на дне могильной ямы. Согласно А.Х. Пшеничнюку, в яму сначала были положены головы, а затем уже обезглавленные тела [Пшеничнюк, 1977, с. 21]. В захоронении 2 этого же кургана, погребенный был положен в позе «убитого», то есть на животе, тело было согнуто под тупым углом [Пшеничнюк, 1977, с. 22].

Периферийное безынвентарное погребение из могильника Кырык-Оба II (кург. 18, погр. 1), рассматривалось С.Ю. Гуцаловым как зависимое по отношению к основному захоронению [Гуцалов, 2010, с. 58]. Обнаруженное на вершине насыпи кургана 18 скопление

черепов, разрозненных костей четырех взрослых людей и детское погребение были интерпретированы им как жертвоприношения [Гуцалов, 2011, с. 93].

Вероятно, к еще одному случаю человеческого жертвоприношения можно отнести погребение из могильника Увак (кург. 2, погр. 2), в котором покойник был похоронен на левом боку с согнутыми ногами, кости его рук находились в перекрещенном положении, как будто бы он был погребен со связанными руками. Череп отсутствовал [Смирнов, 1975, с. 56–57].

Трупосожжения встречаются гораздо реже трупоположения, которое является традиционным в рамках погребального обряда ранних кочевников Южного Урала. Различают три вида трупосожжений: 1) на уровне древнего горизонта; 2) на месте – путем засыпки могилы горящим костром или разведения костра внутри могилы; 3) на стороне – когда сжигание происходило за пределами кургана, а затем останки переносились в могильную яму [Очир-Горяева, 1987, с. 43–45].

По результатам анализа рассматриваемой выборки непогребенных захоронений, было выявлено два вида трупосожжений: «на месте» и «на стороне». Одним из примеров трупосожжения на месте являются погребения 1 и 2 из кургана 6 Аландского III могильника. По реконструкции М.Г. Мошковой, эти захоронения были совершены на деревянном помосте, который являлся ложем для сожжения [Мошкова, 1972, с. 64]. Однако А.Д. Таиров интерпретирует сожжение в погребениях кургана 6 Аландского III могильника не как трупосожжение, а как результат ограбления с последующим поджогом деревянного погребального сооружения [Таиров, 2014].

Для погребальных комплексов с трупоположением важной частью обряда является поза погребенного [Очир-Горяева, 1987, с. 43–45]. При существовавшей традиции захоронений в вытянутом на спине положении и с руками вдоль тела, трудно определить, являлись ли альтернативные варианты трупоположения «нетипичными» формами захоронений. Известно лишь, что слабо- и сильноискорченные положения не характерны для погребального обряда ранних кочевников Южного Урала, поэтому их можно считать «нестандартны-

ми», но только в рамках южноуральского региона. Такие позы наиболее характерны для погребальных памятников пазырыкской культуры Горного Алтая, алдыбельской и саглынской культур Саянского нагорья [Очир-Горяева, 2019, с. 814].

Непростой темой для изучения являются позы, при которых погребенные были уложены вытянуто на спине с разными вариациями расположения верхних и нижних конечностей. За некоторыми из поз в литературе закрепились названия: «танцующая» (на спине с подогнутыми коленями и с широко расставленными ногами и руками) и «атакующая» (одна нога согнута в колене и отставлена в сторону от второй, выпрямленной ноги) [Смирнов, 1964, с. 92].

О.В. Обельченко было введено еще одно определение – «поза всадника». Он предполагал, что расставленные ноги погребенных свидетельствуют о доставке трупа к могиле, посаженным в седло [Обельченко, 1992, с. 118–120]. Данная интерпретация позы, как следствие транспортировки умерших верхом на лошади, была принята М.А. Очир-Горяевой, проанализировавшей весь комплекс источников по кочевникам скифо-сарматской эпохи степной зоны [Очир-Горяева, 2019, с. 817].

Считается, что исследуемые позы связаны с социальным статусом и характерны для погребений кочевой элиты [Симоненко, 2012, с. 211–212; Очир-Горяева, 2019, с. 814]. Однако по исследуемым в данной статье погребениям второй половины VI – V в. до н.э., полностью подтвердить данное утверждение не удалось, так как погребенные в рассматриваемых позах встречались как в элитных, так и в «рядовых» захоронениях.

В «позе всадника» были обнаружены детские погребения в могильниках Увак (кург. 6, погр. 1) и Мечетсай (кург. 10, погр. 1). По признакам погребального обряда и состава инвентаря они не принадлежали к представителям кочевой знати. В одном из погребений Увакского могильника (кург. 2, погр. 3) был захоронен пожилой мужчина в позе с раскинутыми в стороны и согнутыми в локтях руками, с подогнутыми и повернутыми влево ногами. Вместе с ним в могильной яме находились только кости мелкого

рогатого скота, один наконечник стрелы и каменная поделка. Данное захоронение тоже не могло принадлежать человеку высокого социального статуса.

В могильниках Тара-Бутак (кург. 3) и Бес-Оба (кург. 3, погр. 1) были обнаружены богатые «жреческие» захоронения [Смирнов, 1975, с. 44; Кадырбаев, Курманкулов, 1978, с. 70]. В первом случае индивид был захоронен в вытянутом на спине положении с расставленными руками; во втором – на спине, с согнутой в локте и приподнятой к голове правой рукой. Рассмотренные позы не относятся к наиболее распространенным: «танцующей», «атакующей» или «позе всадника», но они, вероятно, тоже могли нести какую-то смысловую нагрузку.

К «нетипичным» погребениям конца V – IV в. до н.э. были отнесены захоронения: на животе (Филипповка 1, кург. 29, погр. 2; Переволочан I, кург. 12, погр. 2; Лебедевка V, кург. 16, погр. 3); в положении сидя или стоя (Филипповка 1, кург. 16, погр. 1); на правом боку (Филипповка 2, кург. 3, погр. 1; Новый Кумак, кург. 21); «в пакете» (Альмухаметово, кург. 10, погр. 2); без черепа (Филипповка 2, кург. 1, погр. 2); захоронения расчлененных частей тел (Переволочан I, кург. 8; Переволочан II, кург. 2, погр. 1); захоронения в подземных ходах кургана (Филипповка 1, кург. 13, кург. 28). Некоторые погребенные были обнаружены в «атакующей» (Филипповка 1, кург. 15, погр. 4; кург. 16, погр. 2; кург. 28; кург. 29, погр. 4; кург. 30, погр. 3) и «танцующей» позе (Переволочан I, кург. 11, погр. 1), а также в «позе всадника» (Филипповка 1, кург. 2, кург. 23, погр. 2; Лебедевка VI, кург. 15).

Наиболее интересным с точки зрения способа захоронения является погребение мужчины, совершенное в могильной яме 1 кургана 16 могильника Филипповка 1: в северном борту разграбленной погребальной камеры была обнаружена непо потревоженная ниша, на дне которой находилось скопление человеческих и лошадиных костей. Исходя из положения костей позвоночника, лопаток и костей грудной клетки человеческого скелета, создавалось впечатление, что погребенный лежал ничком. Автор раскопок предположил, что тело мужчины было установлено в нишу в вертикальном положении и упало на дно, ког-

да ниша еще оставалась полой [Яблонский, 2008, с. 199].

«Необычное» обращение с телом умершего было зафиксировано в кургане 13 того же могильника. У входа в могильную яму, на дне подземного хода, был обнаружен череп человека в сочленении с нижней челюстью и двумя первыми шейными позвонками: это была голова человека, установленная лицевой частью на север. Согласно Л.Т. Яблонскому, человеческая голова в подземном ходе могла быть связана с какими-то жертвенными действиями, проводимыми в процессе погребального ритуала [Яблонский, 2008, с. 199].

Подобный характер погребения был отмечен при раскопках кургана 28 могильника Филипповка 1, в центральной части подземного хода которого, было обнаружено захоронение молодого «воина» с кинжалом и наконечниками стрел, синхронизирующее это захоронение с основным погребением [Яблонский, 2008, с. 199].

Предполагаемое человеческое жертвоприношение было обнаружено в могильнике Переволочан I (кург. 11, погр. 7), где в центральной части кургана, рядом с основным погребением был захоронен мужчина, кости ступней которого были сдвинуты вместе (связаны?). Затылочная часть черепа имела пробоину округло-подквадратной формы, рядом с ней фиксировались следы от ударов рубящим орудием. Никаких предметов погребального инвентаря вместе с ним не обнаружено. По мнению С.В. Сиротина, это погребение было связано с центральным погребением и совершено до засыпки надмогильного сооружения [Сиротин, 2010].

Сопроводительным захоронением возможно являлось безынвентарное погребение 2 из кургана 12 того же могильника, в котором умерший был похоронен на животе, с «заведенными» за спину руками [Сиротин, 2008, с. 139].

Остальные захоронения в положении ничком не имели каких-либо отличительных черт, позволявших характеризовать их как вспомогательные (Филипповка 1, кург. 29, погр. 2, кург. 16, погр. 1; Лебедевка V, кург. 9, погр. 5).

В отличие от выборки «девиантных» захоронений второй половины VI – V в. до н.э., в памятниках конца V – IV вв. до н.э. встречались

погребения расчлененных частей тел. В погребении 1 кургана 2 могильника Переволочан II, вероятно, были захоронены части погребенного, сочлененные в анатомическом порядке [Сиротин, 2009, с. 25; 2011]⁵. Ранее похожая картина отмечалась в кургане 8 могильника Переволочан I [Пшеничнюк, 1992, с. 10].

Интересные результаты были получены при исследовании погребения 3 кургана 1 Ивановского I могильника. Череп погребенного был определен антропологами как мужской, а таз как женский. Антропологические определения были подтверждены результатами генетических анализов. Исследователями выдвигалось предположение, что в момент захоронения, голова, принадлежащая мужчине, была плотно приставлена, или возможно пришта к безголовому туловищу женщины [Богданов и др., 2006, с. 42].

Погребенные в «атакующей» позе были обнаружены только в захоронениях могильника Филипповка I и почти все относились к погребениям кочевой знати, в четырех из пяти случаев в «атакующей» позе были погребены женщины. Можно сделать предположение о существовании, в рамках данного могильника, традиции захоронений женщин высокого статуса в такой позе. Погребение мужчины в «атакующей» позе было обнаружено только в коллективном захоронении этого могильника (кург. 28, скелет 1).

Захоронения в «позе всадника» были обнаружены в трех случаях, в двух из которых были погребены мужчины. По составу инвентаря и признакам погребального обряда, можно заключить, что погребенные в позе «всадника» не отличались признаками высокого социального статуса.

Результаты и обсуждение

«Девиантные» захоронения кочевников Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. представлены следующими вариантами: в положении ничком; в «необычных» позах (в положении сидя или стоя); без голов или черепов отдельно; трупосожжениями; расчлененные тела; в «пакете».

Трупосожжения, захоронения в положениях на боку и/или скорченно обнаружены только в памятниках второй половины VI –

V в. до н.э. А погребения расчлененных частей тел, «в пакете» и в положении сидя или стоя – только в памятниках конца V – IV в. до н.э.

Отдельному рассмотрению в данной статье подверглись погребения, совершенные в позах «всадника», «атакующей» и «танцующей». В большинстве случаев они совершались по всем канонам погребального обряда ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н.э. и, вероятно, являются одним из вариантов «нормы». Несмотря на существующее представление, что некоторые из этих поз маркируют высокий социальный статус, проанализированные нами погребенные в указанных позах относились к разным социальным группам кочевого общества, в том числе и к числу «рядового» населения.

Поза погребенных на животе редко встречается в памятниках ранних кочевников Южного Урала, поэтому сложно сделать какие-либо выводы относительно возможных закономерностей или причин их совершения. В некоторых случаях погребенные ничком отличались от других погребений (по отсутствию погребального инвентаря, сравнительно небольшим размерам могильных ям и пр.), а в других – почти ничем не отличались, кроме положения тел погребенных, при том, что все остальные обрядовые традиции были соблюдены.

В рамках данного исследования были выявлены случаи захоронений отдельных частей погребенных во второй половине VI – V в. до н.э. (Кырык-Оба II, кург. 18) и погребения расчлененных тел в памятниках конца V – IV в. до н.э. (Переволочан I, кург. 8; Переволочан II, кург. 2, погр. 1). По мнению Ю.А. Смирнова, разрушение или сохранение анатомического порядка погребенных могло зависеть от социального положения захороненных, обстоятельств их смерти или других причин [Смирнов, 1997, с. 126]. К появлению расчлененных погребений могли приводить также ритуальные расчленения в ходе военных столкновений, обряды обезвреживания покойного и человеческие жертвоприношения [Зайцева, 2005, с. 23–26].

Человеческие жертвоприношения должны иметь характерные отличительные черты, представленные различными «уничжительными» позами погребенных, например, «связанные» конечности. К косвенным свидетель-

ствам принесения человека в жертву относятся признаки, указывающие на насильственный характер смерти, проявлением которых является наличие следов от повреждений или ударов. Еще одним основанием для выделения человеческих жертвоприношений является наличие основного погребения, захоронению которого сопутствовали принесенные в жертву индивиды [Балабанова, 2011, с. 29–30].

Некоторые из рассмотренных погребений с «нестандартным» обрядом можно отнести к жертвоприношениям. Среди памятников второй половины VI–V вв. до н.э. человеческие жертвы, вероятно, были совершены в могильниках Кырык-Оба II (кург. 18) и Увак (кург. 2). Примечательно, что наибольшая часть вероятных жертвоприношений была обнаружена в памятниках V–IV вв. до н.э. (Филипповка 1, кург. 16, погр. 1; кург. 13; кург. 28; Переволочан I, кург. 11, погр. 7; кург. 12, погр. 2).

В захоронениях Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. были обнаружены случаи «необычного» обращения с черепами или головами в кургане у пос. Целинный [Пшеничнюк, 1977, с. 21], в могильниках Увак (кург. 2) [Смирнов, 1975, с. 56–57], Кырык-Оба II (кург. 18) [Гуцалов, 2011, с. 93] и Филипповка I (кург. 13) [Яблонский, 2008, с. 199].

Значительное внимание исследованию ритуалов обезглавливания в погребальных обрядах носителей сарматских культур Восточной Европы было уделено в работе М.А. Балабановой и Е.В. Перервы. Среди таких ритуалов они выделяют: обезглавливание, после которого голова либо помещалась в захоронение, либо где-то хранилась; парциальное захоронение черепа; трепанацию черепов, которая могла производиться после отделения голов или черепов от тел или скелетов для выполнения каких-либо ритуалов [Balabanova, Pererva, 2019, p. 132–134]. По мнению исследователей, у сарматских племен мог существовать культ черепа и, скорее всего, черепа могли использоваться в ритуальных целях [Balabanova, Pererva, 2019, p. 132].

О.В. Зайцева выделяла следующие причины захоронения голов / черепов: 1) человеческие головы играли особую роль в воинских ритуалах; 2) обряд погребения, при котором голова отчленялась от тела и хоронилась

отдельно; 3) обычай сохранять черепа предков рода и шаманов; 4) вторичное захоронение, при котором погребались лишь черепа [Зайцева, 2005, с. 23–26].

В отдельную категорию «нестандартных» погребальных обрядов относятся трупосожжения. М.А. Очир-Горяева отмечала, что трупосожжения «на месте» в памятниках Южного Приуралья производились путем засыпки погребения горящим костром или разведением костра в могиле. Такой обряд можно рассматривать как особый ритуал, который М.А. Очир-Горяева назвала обрядом очищения огнем, так как при этом не преследовалась цель сжечь покойника полностью. Поза и ориентировка погребенного при этом не отличались от «обычных» труположений [Очир-Горяева, 1987, с. 48–49].

В других погребальных памятниках кочевников раннего железного века Евразии тоже встречались «девиантные» погребения.

В некрополях Сакар-Чага 3–6 в Южном Приуралье были зафиксированы случаи захоронения расчлененных частей тел и погребения в скорченном положении, при том, что традиционно хоронили в вытянутом на спине положении [Яблонский, 1996, с. 20–50].

На поселениях VI–III вв. до н.э. в лесостепной части бассейна Дона анализировались находки разрозненных человеческих останков. Вероятно, появление на поселениях разрозненных костей было связано с погребальной практикой выставления трупов, которая применялась оседлым населением донской лесостепи наряду с другими похоронными обрядами [Разуваев, 2018, с. 11].

К некоторым из обычаев носителей большереченской культуры Верхнего Приобья относились трепанация и скальпирование. Так, на черепах трех погребенных из курганного могильника Быстровка-2 были обнаружены следы воздействия режущим орудием, причем скальп снимали с уже отрезанной головы. Один из скальпированных погребенных был захоронен в мешке, в который были сложены кости, уже лишившиеся мягких связующих тканей [Троицкая, Новиков, 2011, с. 142].

Следы жертвоприношений зафиксированы в «поминальниках» таштыкской культуры, находящихся на площадках могильников. Здесь были обнаружены погребенные как уло-

женные ничком, со связанными руками, так и расчлененные [Вадецкая, 1992, с. 244].

Проведенный анализ демонстрирует что, «девиантные» погребения встречаются на протяжении всей эпохи раннего железа в разных археологических культурах степных и лесостепных регионов Евразии. И вопросы изучения «неординарных» или «нетипичных» захоронений имеют широкий тематический охват, который отражен в работах многих исследователей.

Заключение

Черты «необычного» обращения с телами умерших прослеживаются как в погребениях представителей кочевой элиты, так и в захоронениях «рядового» населения. Не все захоронения индивидов, останки которых были обнаружены в «нестандартных» положениях, могут быть отнесены к «девиантным». При этом, если погребенных в положениях ничком или скорченно можно отнести к таковым, то захоронения индивидов в различных позах на спине, вероятно, следует считать одним из вариантов традиционного погребального обряда ранних кочевников. Обряд трупосожжения также, вероятно, является одной из разновидностей «нормы» погребальной практики южноуральских кочевников.

По результатам данного исследования не удалось выявить общих закономерностей, объединяющих рассмотренные «девиантные» захоронения. Среди погребений, совершенных «необычным» способом, встречались захоронения представителей разных половозрастных и социальных групп кочевого населения. К тому же, в памятниках ранних кочевников Южного Урала представлены разнообразные варианты «девиантных» погребений, и выделить для каждого из них универсальные черты пока не представляется возможным. На наш взгляд, «девиантные» погребения маркируют не какую-либо социальную группу, существовавшую внутри общества ранних кочевников, а являются отражением истории отдельных индивидов, погребенных, по ряду факторов, с отклонением от норм погребального обряда.

На появление «девиантных» захоронений могло повлиять множество причин, которые связаны как с системой верований исследуемого общества, так и с обстоятельствами жизни или смерти погребенных [Берсенева, 2016, с. 13; Hodgson, 2013].

Вероятно, по «девиантному» обряду хоронили индивидов, которые могли причинить вред живым (шаманы, колдуны, ведьмы, упыри и т. д.), приговоренных к смертной казни или принесенных в жертву [Рафикова, Фёдоров, 2017, с. 127–128]. Помимо этого, «девиантные» захоронения могут свидетельствовать о страхе перед мертвыми или самой смертью [Tsaliki, 2008, p. 1]. Некрофобия обычно проявляется в погребальной практике: 1) захоронениями останков частей тел (расчленение); 2) погребениями в сравнительно глубоких могилах; 3) перекрытиями тел или могил каменными плитами или другим весом; 4) костяками со следами декапитации [Tsaliki, 2008, p. 3].

На основе выводов других исследователей и результатов анализа рассматриваемого в данной статье материала можно выделить несколько факторов, которые предположительно могли влиять на совершение «девиантных» захоронений:

- 1) социальный статус погребенного или особый род деятельности и занятие;
- 2) обстоятельства смерти (сезон, место смерти, причина смерти и пр.), предполагавшие соблюдение «нетипичных» обрядовых мер при захоронении;
- 3) некрофобия;
- 4) принесение человеческих жертв и совершение сопутствующих захоронений;
- 5) захоронения «чужаков»: если предположить, что хоронить «необычным» способом могли представителей не своего общества, а людей, по какой-либо причине оказавшихся на момент смерти в этом обществе;
- 6) другие внешние факторы, которые могли привести к отказу от захоронения по традиционному обряду.

На данный момент состояние источников все еще заставляет воздержаться от категоричных суждений относительно предлагаемых способов толкования ритуальной практики, связанной с совершением «девиантных» захоронений. Чтобы лучше понять причины их

появления, недостаточно одних археологических данных. Поэтому необходимо проводить дальнейшие исследования в рамках междисциплинарного дискурса с привлечением дополнительных источников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20253, <https://rscf.ru/project/22-28-20253/>

This study was supported by RSF, project No. 22-28-20253, <https://rscf.ru/en/project/22-28-20253/>

² Понятия «нестандартные», «неординарные», «атипичные», «девиантные» рассматриваются в данной работе как равнозначные по своей смысловой нагрузке.

³ Автор выражает благодарность антропологам В.В. Куфтерину и А.И. Нечвалюде за возможность использовать в работе неопубликованные пологовозрастные определения.

⁴ Автор специально не рассматривает погребальный инвентарь в данном исследовании, фокусируясь только на исследовании элементов погребального обряда.

⁵ Автор выражает благодарность С.В. Сиротину за возможность использовать в статье неопубликованные материалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М. А., 2003. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. С. 66–88.
- Балабанова М. А., 2011. Поза погребенных как объект археолого-этнографических исследований (по погребальным комплексам позднесарматского времени) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник). Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 21–40.
- Берсенева Н. А., 2016. Подходы к интерпретации «девиантных» погребений в археологии // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника : материалы Всерос. науч. конф. М. : ИА РАН. С. 12–13.
- Богданов С. В., Пшеничнюк А. Х., Сиротин С. В., 2006. Ивановский курганный могильник в урочище Баюли-Тау // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1–2. С. 33–53.
- Вадецкая Э. Б., 1992. Таштыкская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 236–246.
- Гильмитдинова А. Х., 2021. Кочевое население Южного Урала второй половины VI – IV в. до н.э. (по данным археологии) : дис. ... канд. ист. наук. М. 295 с. + Прил. (245 с. : ил.).
- Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : [б. и.]. 136 с.
- Гуцалов С. Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. № 2. С. 51–66.
- Гуцалов С. Ю., 2011. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // Российская археология. № 1. С. 81–96.
- Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х., 1994. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов : тез. докл. Междунар. конф. (14–16 сент. 1994 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 5–8.
- Зайцева О. В., 2005. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 29 с.
- Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 154. С. 65–70.
- Мошкова М. Г., 1972. Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153. М. : Наука. С. 49–78.
- Обельченко О. В., 1992. Культура античного Согда. М. : Наука. 256 с.
- Очир-Горяева М. А., 1987. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста : КНИ ИФЭ. С. 35–53.
- Очир-Горяева М. А., 2018. Изображение процессии всадников на золотой обойме из Сибирской коллекции Петра I // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 46, № 4. С. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2018.46.4.067-073>

- Очир-Горяева М. А., 2019. Поза всадника по археологическим и этнографическим данным // *Oriental Studies*. № 5. С. 812–821. DOI: <http://dx.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-5-812-821>
- Пшеничнюк А. Х., 1977. Научный отчет об археологической экспедиции ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР в 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6840.
- Пшеничнюк А. Х., 1992. Отчет об археологических раскопках и разведках на территории республики Башкортостан в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16266.
- Разуваев Ю. Д., 2018. Находки человеческих костей на поселениях скифского времени в лесостепном Подонье // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 23, № 6. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.1>
- Рафикова Я. В., Фёдоров В. К., 2017. Погребения «брошенных» в культуре поздних сарматов Урало-Поволжского региона // *Археологические источники и культурогенез: материалы IV науч. конф. «Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н.э.: динамика освоения культурного пространства (14–18 нояб. 2017 г.)»*. СПб.: Скифия-принт. С. 125–129.
- Симоненко А. В., 2012. Золото, конь и человек: сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. Киев: КНТ. 464 с.
- Сиротин С. В., 2008. Исследования на курганном могильнике Переволочан в Зауральской Башкирии в 2007 г. (предварительное сообщение) // *Ранние кочевники Волго-Уральского региона*. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 136–139.
- Сиротин С. В., 2009. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 43872.
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. М.: Таус. С. 323–337.
- Сиротин С. В., 2011. Исследования на курганном могильнике Переволочан II в Юго-Восточной Башкирии // *Археологические открытия 2008 года*. М.: ИА РАН. С. 383–384.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 379 с.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М.: Наука. 176 с.
- Смирнов Ю. А., 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения: исслед., тексты, слов. М.: Вост. лит. 280 с.
- Таиров А. Д., 2000. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Вып. 1. Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН. С. 16–28.
- Таиров А. Д., 2006. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V – IV в. до н.э. // *Российская археология*. № 1. С. 71–78.
- Таиров А. Д., 2009. Этнокультурные процессы в Урало-Казахстанских степях в VI–V вв. до н.э. // *Наука ЮУрГУ*. Т. 1. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ. С. 173–177.
- Таиров А. Д., 2014. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья) // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Т. II. Казань: Отечество. С. 241–243.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В., 2011. Народы и культуры скифо-сибирского мира. Новосибирск: Изд-во НГУ. 184 с.
- Флеров В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: Полимедия. 164 с.
- Яблонский Л. Т., 1996. Саки Южного Приуралья (археология и антропология могильников). М.: ИА РАН. 186 с.
- Яблонский Л. Т., 2008. Новые материалы к проблеме формирования культуры ранних кочевников Южного Приуралья // *Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. Вып. 25*. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. С. 194–207.
- Яблонский Л. Т., 2011. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы VII Междунар. науч. конф. (11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник)*. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН. С. 234–240.
- Aspöck E., 2008. What Actually is a “Deviant Burial” Comparing German-Language and Anglophone Research on “Deviant Burials” // *Deviant Burial in the Archaeological Record*. Oxford: Oxbow Books. P. 17–34.

- Balabanova M.A., Pererva E.V., 2019. Special Rituals, Rites and Customs of Treatment of Human Bodies (A Case Study of Sarmatian Cultures) // *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. Vol. 18, № 2. P. 125–144. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.8>
- Hodgson J. E., 2013. “Deviant” Burials in Archaeology // *Anthropology Publications*. Paper 58. URL: <http://ir.lib.uwo.ca/anthropub/58>
- Tsaliki A., 2008. Unusual Burials and Necrophobia an Insight into the Burial Archaeology of Fear // *Deviant Burial in the Archaeological Record*. Oxford: Oxbow Books. P. 1–16.

REFERENCES

- Balabanova M.A., 2003. Rekonstruktsiya sotsial'noy organizatsii pozdnykh sarmatov po antropologicheskim dannym [Reconstruction of the Social Organization of the Late Sarmatian Tribes on the Anthropological Data]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 6, pp. 66–88.
- Balabanova M.A., 2011. Poza pogrebeniy kak ob'ekt arheologo-etnograficheskikh issledovaniy (po pogrebal'nym kompleksam pozdnesarmatskogo vremeni) [Buried Poses as the Object of Archaeological and Ethnological Studies (On the Grave Complexes of the Late Sarmatian Culture)]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (11–15 maya 2011 g., Rostov-na-Donu, Kagal'nik). Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials of the 7th International Science Conference (May 11–15, 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik). Materials and Research on the Archaeology of the South of Russia], iss. III. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 21–40.
- Berseneva N.A., 2016. Podhody k interpretatsii “deviantnykh” pogrebeniy v arheologii [Approaches to the Interpretation of “Deviant” Burials in Archaeology]. *Razvitie vzglyadov na interpretatsiyu arheologicheskogo istochnika: materialy Vseros. nauch. konf.* [Development of Views on the Interpretation of an Archaeological Source. Materials of the Russian Scientific Conference]. Moscow, IA RAS, pp. 12–13.
- Bogdanov S.V., Pshenichnyuk A.H., Sirotn S.V., 2006. Ivanovskiy kurgannyi mogil'nik v urochishche Bayuli-Tau [Ivanovo Burial Mound in Bayuli-Tau Tract]. *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana* [Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan], no. 1–2, pp. 33–53.
- Vadetskaya E.B., 1992. Tashtykskaya kul'tura [Tashtyk Culture]. *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Strip of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 236–246.
- Gilmitdinova A.Kh., 2021. Kochevoe naselenie Yuzhnogo Urala vtoroy poloviny VI – IV v. do n.e. (po dannym arheologii): dis. ... kand. ist. nauk [Nomadic Population of the Southern Urals in the Second Half of the 6th–4th Centuries BC (Based on the Archeology). Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 295 p. + App. 245 p.: ill.
- Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals VII–I Centuries BC]. Ural'sk. 136 p.
- Gutsalov S.Yu., 2010. Pogrebal'nye sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazakhstane [Burial Structures of Kyryk-Oba II Cemetery in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 51–66.
- Gutsalov S.Yu., 2011. Etnokul'turnaya spetsifika mogil'nika Kyryk-Oba II [The Ethnic and Cultural Specifics of Kyryk-Oba II Cemetery]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 81–96.
- Zhelezchikov B.F., Pshenichnyuk A.H., 1994. Plemena Yuzhnogo Priural'ya v VI–III vv. do n.e. [Tribes of the Southern Urals in the VI–III Centuries BC]. *Problemy istorii i kul'tury sarmatov: tez. dokl. Mezhdunar. konf. (14–16 sent. 1994 g.)* [Problems of the History and Culture of the Sarmatians. Abstracts of the International Conference September 14–16, 1994]. Volgograd, VolSU, pp. 5–8.
- Zaytseva O.V., 2005. *Pogrebeniya s narushennoy anatomicheskoy tselostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniya i vozmozhnosti interpretatsii: avtoref. dis. ... cand. ist. nauk* [Burials with Destroyed Anatomical Integrity of the Skeleton: Research Methodology and Interpretation Possibilities. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Novosibirsk. 29 p.
- Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K., 1978. Pogrebenie zhritsy, obnaruzhennoe v Aktyubinskoy oblasti [The Tomb of a Priestess Discovered in Aktobe Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Report of Institute of Archaeology], iss. 154, pp. 65–70.
- Moshkova M.G., 1972. Savromatskie pamyatniki Severo-Vostochnogo Orenburzh'ya [Sauromatian Monuments of the North-Eastern Orenburg Region]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo*

- vremeni [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian Period]. Materialy i issledovaniya po arkhologii, no. 153, Moscow, Nauka Publ., pp. 49-78.
- Obelchenko O.V., 1992. *Kul'tura antichnogo Sogda* [Culture of Ancient Sogdia]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.
- Ochir-Goryaeva M.A., 1987. Pogrebal'nyy obryad naseleniya Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya VI–IV vv. do n.e. [The Funeral Rite of the Population of the Lower Volga Region and the South Urals of VI–IV Centuries BC]. *Arheologicheskie issledovaniya Kalmykii* [Archaeological Research of Kalmykia]. Elista, Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics Publ., pp. 35-53.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2018. Izobrazhenie protsessii vsadnikov na zolotoy oboyme iz Sibirskoy kolleksii Petra I [Procession of Horsemen on a Gold Plaque from the Siberian Collection of Peter I]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], vol. 46, no. 4, pp. 67-73. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2018.46.4.067-073>
- Ochir-Goryaeva M.A., 2019. Poza vsadnika po arheologicheskim i etnograficheskim dannym [Body Postures of Buried Horsemen: Archaeological and Ethnographic Evidence]. *Oriental Studies*, no. 5, pp. 812-821. DOI: <http://dx.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-5-812-821>
- Pshenichnyuk A.H., 1977. Nauchnyy otchet ob arheologicheskoy ekspeditsii IYAL Bashkirskogo filiala AN SSSR v 1977 g. [Scientific Report on the Archaeological Expedition of the IHLL Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences in 1977]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1, no. 6840.
- Pshenichnyuk A.H., 1992. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh i razvedkakh na territorii respubliki Bashkortostan v 1991 g. [Report on Archaeological Excavations and Exploration on the Territory Republic of Bashkortostan in 1991]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, R-1, no. 16266.
- Razuvaev Yu.D., 2018. Nahodki chelovecheskih kostey na poseleniyah skifskogo vremeni v lesostepnom Podon'e [Finds of Human Bones in Settlements of the Scythian Time in Forest-Steppe Region of the Don Basin]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 6, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.1>
- Rafikova Ya.V., Fedorov V.K., 2017. Pogrebeniya «broshennyh» v kul'ture pozdnykh sarmatov Uralo-Povolzhskogo regiona [Burials of «Abandoned» in the Culture of the Late Sarmatians of Ural-Volga Region]. *Arheologicheskie istochniki i kul'turogenез: materialy IV nauch. konf. «Ranniy zheleznyy vek Evrazii ot rubezha er do serediny I tys. n.e.: dinamika osvoeniya kul'turnogo prostranstva (14–18 noyab. 2017 g.)»* [Archaeological Sources and Cultogenesis. Materials of the 4th Science Conference. Early Iron Age of Eurasia from the Turn of the Era to the Middle of I Thousand AD. Dynamic of the Cultural Space' Development. November 14–18, 2017]. Saint Petersburg, Skifiya-print Publ., pp. 125-129.
- Simonenko A.V., 2012. *Zoloto, kon'i chelovek: sb. st. k 60-letiyu A.V. Simonenko* [Gold, Horse and Man. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of A.V. Simonenko]. Kiev, KNT Publ. 464 p.
- Sirotnin S.V., 2008. Issledovaniya na kurgannom mogil'nike Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii v 2007 g. (predvaritel'noe soobshchenie) [Research at the Burial Mound Perevolochan in Zauralskaya Bashkiria in 2007 (Preliminary Report)]. *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona* [Early Nomads of the Volga-Ural Region]. Orenburg, OGPU, pp. 136-139.
- Sirotnin S.V., 2009. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh v Haybullinskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2008 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky Region Republic of Bashkortostan in 2008]. *Arkhiv IA RAN*, F-1, P-1, no. 43872.
- Sirotnin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Mound No. 11 from the Burial Mound Perevolochan in Zauralskaya Bashkiria]. *Arheologiya i paleoantropologiya evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 323-337.
- Sirotnin S.V., 2011. Issledovaniya na kurgannom mogil'nike Perevolochan II v Yugo-Vostochnoy Bashkirii [Research at the Burial Mound Perevolochan II in Yugo-Eastern Bashkiria]. *Arheologicheskie otkrytiya 2008 goda* [Archaeological Discoveries in 2008]. Moscow, IA RAS. pp. 383-384.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyya istoriya i kul'tura sarmat* [Sauromats. Early History and Culture of Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 379 p.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Smirnov Yu.A., 1997. *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya: issled., teksty, slov.* [Labyrinth: Morphology of Intentional Burial. Study, Texts, Dictionary]. Moscow, Vost. lit. Publ. 280 p.

- Tairov A.D., 2000. Prohorovskaya kul'tura Yuzhnogo Urala: genesis i evolyutsiya [Prokhorovskaya Culture of the Southern Urals: Genesis and Evolution]. *Rannesarmatskaya kul'tura: formirovanie, razvitie, hronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Early Sarmatian Culture: Formation, Development, Chronology. Materials of the 4th International Conference. Problems of Sarmatian Archeology and History], iss. 1. Samara, Samara Science Center RAS, pp. 16-28.
- Tairov A.D., 2006. Etnokul'turnye protsessy v stepyakh Yuzhnogo Urala vo vtoroy polovine V – IV v. do n.e. [Ethnocultural Processes in the Steppes of the Southern Urals in the Second Half 5th – 4th Centuries BC]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 71-78.
- Tairov A.D., 2009. Etnokul'turnye protsessy v Uralo-Kazahstanskih stepyakh v VI–V vv. do n.e. [Ethnocultural Processes in the Ural-Kazakhstan Steppes in the VI–V BC]. *Nauka YuUrGU* [Science of the SUSU], vol. 1. Chelyabinsk, SUSU, pp. 173-177.
- Tairov A.D., 2014. Sozhzhenie kak rezul'tat ogrableniya (po materialam Yuzhnogo Zaural'ya) [Burning as a Result of a Robbery (Based on Materials from the Southern Trans-Urals)]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], vol. II. Kazan, Otechestvo Publ., pp. 241-243.
- Troitskaya T.N., Novikov A.V., 2011. *Narody i kul'tury skifo-sibirskogo mira* [Peoples and Cultures of the Scythian-Siberian World]. Novosibirsk, NSU. 184 p.
- Flerov V.S., 2000. *Alany Central'nogo Predkavkaz'ya V–VIII vekov: obryad obezvrezhivaniya pogrebennyh* [Alans of the Central Ciscaucasia of the V–VIII Centuries: A Rite of Neutralization Buried]. Moscow, Polimediya Publ. 164 p.
- Yablonskiy L.T., 1996. *Saki Yuzhnogo Priural'ya (arheologiya i antropologiya mogil'nikov)* [Saks of the Southern Aral Sea (Archaeology and Anthropology of Cemeteries)]. Moscow, IA RAS. 186 p.
- Yablonskiy L.T., 2008. Novye materialy k probleme formirovaniya kul'tury rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [New Materials on the Problem of the Formation of the Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Voprosy arheologii Urala: sb. nauch. tr.* [Issues of Archeology of the Urals : collection of scientific papers], iss. 25. Ekaterinburg, Surgut, Magellan, pp. 194-207.
- Yablonskiy L.T., 2011. Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Priural'ya perekhodnogo vremeni i voprosy arheologicheskoy periodizatsii pamyatnikov [The Funeral Rite of the Early Nomads of the Transitional Urals Time and Issues of Archaeological Periodization of Monuments]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (11–15 maya 2011 g., Rostov-na-Donu, Kagal'nik). Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials of the VII International Science Conference (May 11–15, 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik). Materials and Research on the Archeology of the South of Russia], iss. III. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 234-240.
- Aspöck E., 2008. What Actually is a “Deviant Burial” Comparing German-Language and Anglophone Research on “Deviant Burials”. *Deviant Burial in the Archaeological Record*. Oxford, Oxbow Books, pp. 17-34.
- Balabanova M.A., Pererva E.V., 2019. Special Rituals, Rites and Customs of Treatment of Human Bodies (A Case Study of Sarmatian Cultures). *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 18, no. 2, pp. 125-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.8>
- Hodgson J.E., 2013. “Deviant” Burials in Archaeology. *Anthropology Publications*. Paper 58. URL: <http://ir.lib.uwo.ca/anthropub/58>
- Tsaliki A., 2008. Unusual Burials and Necrophobia an Insight into the Burial Archaeology of Fear. *Deviant Burial in the Archaeological Record*. Oxford, Oxbow Books, pp. 1-16.

Information About the Author

Alina Kh. Chirkova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Paleoethnology Research Center, Novaya ploshchad', 12/5, 109012 Moscow, Russian Federation; Junior Researcher, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St, 11, 125009 Moscow, Russian Federation, melnichuk.alina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4332-0747>

Информация об авторе

Алина Харисовна Чиркова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр палеоэтнологических исследований, Новая площадь, 12, корп. 5, 109012 г. Москва, Российская Федерация; младший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 11, 125009 г. Москва, Российская Федерация, melnichuk.alina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4332-0747>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.6>

UDC 902.01
LBC 63.4(2)

Submitted: 09.02.2023
Accepted: 17.04.2023

REVISITING RECONSTRUCTION OF THE EARLY NOMADIC SOCIAL STRUCTURE: CHILDREN'S BURIALS (SOUTHERN URALS, 6th – 3rd CENTURIES BC)¹

Natalia A. Berseneva

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation;
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The study concerns the children as one of the social and demographic age groups that formed the early nomads' social structure. Burials of two chronological periods were studied: Sauromatian (late 6th – first half of 5th centuries BC) and Early Sarmatian (late 5th – 3rd centuries BC). The basis of the study was the materials of 26 kurgan burial grounds that contained anthropological identifications. The sample consisted of 139 individuals' remains from 125 grave pits. Then, an analysis of the grave goods was carried out according to the following age categories: 1) younger children's age group (from birth to 2 years); 2) older children's age group (from 2 to 10 years old); 3) "teenagers" (from 10 to 15 years old). The study has demonstrated that the Sauromatian sample was characterized by a small number of buried infants and toddlers; the bulk of the buried children were from 2 to 15 years old, and the group of "teenagers" was quite significant. The Early Sarmatian sample, on the contrary, demonstrated a significant number of infants among the deceased children, the number of burials of children from 2 to 10 years of age just slightly exceeded the number of infants. The group of "teenagers" was relatively small. The distribution of grave goods according to age groups in the Sauromatian and Early Sarmatian samples cannot be compared due to the small number of Sauromatian burials with the determination of the age-at-death. In general, in the Sauromatian burials, gender-linked items appeared only from adolescence (after 10 years). In the early Sarmatian sample, two main socially significant age groups of children were distinguished: from 0 to 5 years and from 5 to 15 years old. The first is characterized by the absolute predominance of gender-neutral accompanying grave goods and a high proportion of burials without surviving artefacts. The second group reflects the process of gender and age socialization.

Key words: Southern Urals, early nomads, children's burials, social structure, grave goods, age groups.

Citation. Berseneva N.A., 2023. К реконструкции сotsial'noy struktury rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (VI–III vv. do n.e.): detskie pogrebeniya [Revisiting Reconstruction of the Early Nomadic Social Structure: Children's Burials (Southern Urals, 6th – 3rd Centuries BC)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 85-99. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.6>

УДК 902.01
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 09.02.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023

К РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА (VI–III вв. до н.э.): ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ¹

Наталья Александровна Берсенева

Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация;
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. Исследование обусловлено необходимостью изучения детской возрастной группы как одной из социально-демографических общностей, формирующих социальную структуру ранних кочевников. Изучались погребения двух хронологических периодов: савроматского (конец VI – первая половина V в. до н.э.) и

раннесарматского (конец V – III в. до н.э.). Базой исследования послужили материалы 26 курганных могильников по которым имелись антропологические определения. Выборка составила 139 индивидов из 125 могильных ям. Далее был проведен анализ погребального инвентаря по следующим возрастным категориям: 1) младшая детская возрастная группа (от рождения до 2 лет); 2) старшая детская возрастная группа (от 2 до 10 лет); 3) «подростки» (от 10 до 15 лет). Савроматская выборка характеризуется малым количеством погребенных младенческих возрастов: основная масса погребенных детей – от 2 до 15 лет, и группа «подростков» достаточно значительна. Раннесарматская выборка, напротив, демонстрирует значительное количество среди умерших детей индивидов до 2 лет, количество погребений детей от 2 до 10 лет несколько превышает количество младенцев. Группа «подростков» относительно малочисленна. Распределение инвентаря по возрастным группам в савроматской и раннесарматской выборках сравнить невозможно из-за малого количества савроматских погребений с определением возраста смерти. В целом в савроматских погребениях гендерно-различительный инвентарь появляется лишь с подросткового возраста (после 10 лет). В раннесарматской выборке выделяются две основные социально значимые возрастные группы детей: от 0 до 5 лет и от 5 до 15 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря и высокой долей погребений без сохранившихся предметов. Вторая группа отражает процесс гендерной и возрастной социализации.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, детские погребения, социальная структура, сопроводительный инвентарь, возрастные группы.

Цитирование. Берсенева Н. А., 2023. К реконструкции социальной структуры ранних кочевников Южного Урала (VI–III вв. до н.э.): детские погребения // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.6>

Понятие «социальная структура» было заимствовано археологической наукой из социологии, где впервые было предложено Г. Спенсером в конце XIX века. Несмотря на то что это понятие достаточно аморфно и не имеет единого определения, большинство социологов сходятся на том, что «социальная структура» «представляет собой совокупность устойчивых и упорядоченных связей между объективно существующими общественными классами, социальными группами и общностями людей» [Социология]. Социальная структура, таким образом, отражает дифференциацию общества на группы людей по различным признакам: 1) общности, образованные на различии отношения к средствам производства (классы); 2) общности на основе разделения труда (социально-профессиональная дифференциация); 3) общности, возникшие на базе культурно-исторической самобытности (этнос); 4) территориальные общности (поселение, город); 5) социально-демографические (пол, возраст); 6) социально-политические институты (наука, семья); 7) религиозные общности.

Разумеется, археологическому изучению доступны не все социальные группы древности, и не все перечисленные выше социальные общности уже сформировались на Южном Урале в эпоху раннего железа. Первые опыты реконструкции древних социальных струк-

тур ранних кочевников на основании анализа археологических данных относятся к началу XX в., и с тех пор это направление продолжает развиваться как в отечественной, так и зарубежной науке. Историография этого вопроса чрезвычайно обширна, поэтому далее мы ограничимся лишь упоминанием работ, непосредственно связанных с целями и задачами предлагаемого исследования.

Данная работа обусловлена необходимостью изучения детской возрастной группы как одной из социально-демографических общностей, формирующих социальную структуру ранних кочевников.

Дети являлись самой многочисленной возрастной группой в древних обществах, поэтому их изучение для реконструкции социальной структуры представляется необходимым. Работ по изучению детских погребений ранних кочевников степной полосы Евразии становится все больше [Балабанова и др., 2015; Балабанова, 2017; Бейсенов и др., 2017; Савельев, 2019; Синика и др., 2018], но их количество и географический охват до сих пор остаются неудовлетворительными. Из всего перечисленного только работы М.А. Балабановой и соавторов являются комплексными исследованиями, проведенными на большом объеме материала, остальные статьи рассматривают частные случаи.

Следует напомнить также, что автором данной статьи 10 лет назад в соавторстве с А.Х. Гильмитдиновой была проведена работа по изучению детских погребений ранних сарматов Южного Урала [Берсенева, Гильмитдинова, 2013; Гильмитдинова, 2013]. С тех пор источниковая база значительно возросла, были раскопаны и опубликованы новые памятники, половозрастные определения стали нормой. Стало актуальным дополнение базы данных, расширение хронологических рамок исследования и, соответственно, ревизия предложенных ранее выводов.

Целью настоящей работы является изучение детской возрастной социальной группы кочевого населения Южного Урала в эпоху раннего железа (конец VI – III в. до н.э.) на основе археологических источников. Изучались погребения двух хронологических периодов: савроматского (конец VI – первая половина V в. до н.э.) и раннесарматского (конец V – III в. до н.э.).

В нашей работе мы опирались на самое простое трехчастное деление жизненного цикла, принятое в демографии: «невзрослые», или «дети» (до 15 лет), «взрослые» и «старшие взрослые» (после 45–50 лет) [Chamberlain, 2006, p. 16]. Таким образом, в категорию *дету* были включены все индивиды, чей возраст смерти не превышал 15 лет. Эта группа характеризуется физической и социальной незрелостью, зависима от взрослых; ей присущ самый высокий уровень смертности среди всех возрастных классов. Далее, для удобства анализа, внутри этой общей возрастной группы были выделены несколько более узких групп: 1) младшая детская возрастная группа (от рождения до 2 лет); 2) старшая детская возрастная группа (от 2 до 10 лет); 3) «подростки» (от 10 до 15 лет) (см. подробнее: [Lewis, 2011, table 1]).

Источники

Источниковая база по ранним кочевникам Южного Урала очень велика, раскопаны и опубликованы сотни, если не тысячи погребений. Тем не менее далеко не все публикации могильников снабжены антропологическими определениями. Особенно это касается, разумеется, материалов раскопок сере-

дины и отчасти второй половины XX века. Детских погребений и так сравнительно немного в курганах сарматского и особенно савроматского времени, поэтому остается только сожалеть, что погребения из таких крупных могильников, как Новый Кумак или Филипповка 1 выпадают из анализа. Предложенная работа базируется на опубликованных данных могильников, где возраст останков был определен антропологами. Захоронения без точного определения возраста смерти, отнесенные к детским на основании размера костяка, могут быть учтены лишь на уровне поиска общих отличий между детскими и взрослыми захоронениями, но для анализа детских захоронений по возрастным группам использовать их невозможно. Нужно добавить, что в ряде публикаций, несмотря на то что материал обрабатывался антропологами, точный возраст некоторых погребенных детей не приводится из-за плохой сохранности костей или по иным причинам. Таким образом, было принято решение включить в выборку только материалы могильников, с останками из которых работали антропологи, включая и те погребения, где возраст детей не удалось определить. Полностью разрушенные погребения, где невозможно было определить принадлежность погребального инвентаря, были исключены. Для анализа погребений по возрастным группам использовались только захоронения детей с определениями возраста в годах.

Базой исследования послужили материалы 26 курганных могильников и отдельных курганов: Увакский, Мечетсай [Смирнов, 1975]; Бердянский V [Моргунова, Мещеряков, 1999]; Болдырево I и IV [Краева, 1999]; Лебедевка 5, 6 и 7 [Железчиков и др., 2006]; Покровка 1, 2, 7, 8 и 10 [Веддер и др., 1993; Яблонский и др., 1994; 1995; 1996; Яблонский, Малашев, 2005]; Прохоровка [Яблонский, 2010]; Шумаевский II [Моргунова и др., 2003]; Кичигино I [Гильмитдинова, 2013; Loyer et al., 2013]; Старые Кишки [Федоров, 2011]; Переволочан I [Сиротин, 2010]; Переволоцкий [Моргунова и др., 2016]; Филипповка 1 [Яблонский, 2008; 2014]; Авласовские курганы [Сиротин, 2013]; Второе Имангулово II [Моргунова и др., 2022]; Яковлевка I [Федоров, Васильев, 1998]; Дружининский [Гаиров, 2019];

Маровый Шлях [Таиров, 2006]; Сапидулак [Мамедов, Китов, 2015].

Таким образом, 139 скелетов из 125 могильных ям принадлежали индивидам до 15 лет (возраст смерти в годах определен для 107).

Детские погребения (0–15 лет). Савроматский период

Выборка детских погребений савроматского времени составила 19 индивидов. К сожалению, очень большой процент детских погребений из этой и без того скромной выборки не имеет определения точного возраста в годах (шесть погребений, или 31,6 %) (рис. 1). Это, безусловно, делает дальнейшие выводы ограниченными, но позволит охарактеризовать группу в общих чертах и провести сравнительный анализ с раннесарматскими погребениями.

Из того, что мы видим на диаграмме, можно заключить, что в савроматской выборке количество детей, умерших в возрасте до 2 лет, очень невелико. Подростков 10–15 лет, напротив, слишком много, обычно эта категория является самой малочисленной. Не совсем ясно, чем объясняется такой странный демографический профиль – малым размером выборки или особенностями погребального обряда этого периода.

В отношении особенностей погребального обряда савроматские детские погребения характеризуются сравнительным однообразием типов внутримогильных конструкций. Типологически могильные ямы делятся на подбойные ямы (2) и простые ямы (16), включающие одно захоронение, впущенные в насыпь.

Детские погребения, как правило, локализуются на периферии подкурганного пространства. Большинство детей было захоронено в индивидуальных могильных ямах. В выборке есть всего одно парное детское захоронение из могильника Покровка 10, основное и единственное в кургане 38 [Яблонский, Малашев, 2005, с. 170–171]. Известно также, что в коллективных центральных савроматских усыпальницах хоронили как взрослых, так и детей. К сожалению, они почти все разграблены [Loyer et al., 2013].

Сопроводительная пища в савроматских детских погребениях представлена частями

туш мелкого рогатого скота (пять случаев), единожды были обнаружены кости собаки. В шести погребениях были поставлены лепные сосуды.

Детские погребения (0–15 лет). Раннесарматский период

Перейдем к характеристике детских захоронений раннесарматского периода (120 индивидов из 107 могильных ям). Нужно отметить, что 26 погребенных (21,7 %) не имеют точного определения возраста, таким образом, этот показатель несколько ниже, чем в савроматской выборке (рис. 1 и 2).

Рисунок 2 демонстрирует значительное количество среди умерших детей индивидов до 2 лет (38 индивидов). Количество погребенных детей старшей детской группы (от 2 до 10 лет) несколько превышает количество младенцев (42 индивида), но эти различия незначительны и могут нивелироваться теми захоронениями, где возраст не установлен. Группа «подростков» относительно малочисленна и составляет 14 индивидов.

Коснемся основных характеристик детских захоронений. Конструкции могильных ям раннесарматского времени более разнообразны по сравнению с савроматскими. Преобладают простые ямы (64 ямы), из которых три погребения были впущены в насыпь, далее по встречаемости следуют подбойные конструкции (38 ям) и катакомбы (17 ям). Таким образом, довольно значительное количество детей погребалось в раннесарматское время в могильных ямах сложной конструкции и большой глубины: 55 могил устроены в подбоях и катакомбах (46,2 %), что достаточно много, так как для взрослых этот процент составляет примерно 47,1 %. В 11 случаях были зафиксированы подстилки из органики или растительных материалов, единично зафиксировано покрывало или гробовище из коры дерева.

Преобладают индивидуальные погребения – 72 могильные ямы. 29 ям являются парными, в них дети погребены зачастую вдвоем, или вместе с взрослым, чаще с женщиной, но есть примеры и погребений с мужчиной. В могильных ямах маленьких детей иногда укладывали в специальные ниши или клали поверх взрослого костяка. Дети также иногда

да входили в состав крупных центральных коллективных усыпальниц. В нашей выборке их насчитывается шесть. Дети в них погребены вместе с взрослыми.

Сопроводительная пища часто встречается в детских захоронениях. В подавляющем большинстве детям клали мясо барана. 37 (30,8 %) погребенных сопровождалась частями туши мелкого рогатого скота, в трех случаях зафиксированы кости лошади, в одном случае – крупного рогатого скота.

Керамическая посуда была зафиксирована в 56 детских погребениях (около 50 % от всех могильных ям). Кроме лепных сосудов, коллекция содержит четыре гончарных экземпляра и несколько деревянных чаш.

Анализ инвентаря

Анализ инвентаря состоял в определении для каждого *непотревоженного* погребения одного из четырех «ансамблей» артефактов: *оружие, украшения, нейтральный и без инвентаря*. Этот подход вполне оправдал себя при анализе погребальных памятников с преимущественно индивидуальными погребениями при небольшой доле парных и коллективных, где очевидна принадлежность инвентаря [Берсенева, 2010]. Каждому погребению был присвоен свой «ансамбль артефактов» на основании комплекса вещей, содержащихся в могильной яме. «Оружие» – при наличии предметов вооружения, «украшения» – при большом количестве украшений, но без оружия. «Нейтральный» означал гендерно-нейтральный инвентарь (посуда, кости животных, детали одежды и быта), при отсутствии предметов из первых двух наборов. Погребения без сохранившегося инвентаря получили «ансамбль» «без инвентаря». Для этого анализа были привлечены *все детские не потревоженные* погребения, в том числе и без определения точного возраста смерти (19 погребений для савроматского периода и 120 для раннесарматского).

Савроматская выборка демонстрирует, что индивиды, умершие в возрасте до 15 лет, в подавляющем большинстве случаев не сопровождалась гендерно-различительными предметами (например, оружием или значительным количеством украшений) (8 инди-

видов, 42,1 %), либо погребались вообще без вещей (так же 8 индивидов, 42,1 %). Только 15,8 % могил (3 индивида) включали инвентарь, позволяющий предположить мужской или женский пол ребенка (рис. 3).

В тех случаях, где мы располагаем антропологическими определениями, гендерно-различительный инвентарь был положен во всех случаях с подростками около 14 лет, и это были предметы вооружения: колчаны со стрелами и железный кинжал. Исключение составила лишь одна могильная яма, где ребенку 2–4 лет был положен браслетик из бронзовой проволоки.

В *раннесарматский период* пятая часть (24 погребения) детских могил (20 %) достоверно не содержала сохранившегося погребального инвентаря (рис. 4). В 59 (49,2 %) погребениях были найдены лишь посуда, кости животных, некоторые мелкие предметы. Всего, таким образом, практически 70 % (69,2 %) детей раннесарматского периода были захоронены в сопровождении гендерно-нейтрального инвентаря, или совсем без предметов.

Оружия в детских захоронениях крайне мало (12 погребений, 10 %), чаще всего предметы вооружения клали в могилы детей старше 5 лет. Украшения обнаружены в 25 захоронениях (20,8 %), в подавляющем большинстве это бусины или украшения из них. В отличие от предметов вооружения, украшения присутствуют в детских погребениях с самого раннего возраста, но более разнообразные и богатые наборы встречаются у детей старше 5 лет.

Анализ инвентаря по возрастным категориям

Объем *раннесарматской выборки* с определениями возраста смерти детей (94 индивида) позволяет провести *анализ артефактов* (ансамблей), связанных с различными возрастными группами (рис. 5).

Младшая детская возрастная группа (0–2 года). 38 индивидов. Эта серия погребений характеризуется наибольшей скромностью сопроводительного инвентаря или его полным отсутствием (12 ансамблей «без инвентаря» и 18 «нейтральных», всего 78,9 %).

Шесть погребений (15,8 %) содержали украшения (стеклянные бусы, золотые бляшки и пронизи). Предметы, связанные с вооружением, обнаружены в двух могильных ямах (5,3 %) и представлены тремя наконечниками стрел и маленьким железным кинжалом.

Старшая детская возрастная группа (2–10 лет). 42 индивида. В захоронениях этой группы количество безынварных погребений значительно снижается, по сравнению с младшей, насчитывается лишь шесть ансамблей «без инвентаря». Гендерно-нейтральный погребальный инвентарь отражают 20 ансамблей. Таким образом, 61,9 % погребений этой группы захоронены с «нейтральным» набором или без инвентаря. Лишь в шести погребениях (14,3 %) встречены предметы вооружения. Это преимущественно наконечники стрел, в трех случаях – колчаные наборы. Зафиксирован также кинжал, наконечник дротика и железный меч. В десяти погребениях (23,8 %) встречены наборы «украшения», включающие в основном большое количество бус, но присутствуют и золотые предметы – браслеты, подвески, пронизи, височное кольцо.

Попробуем теперь разбить старшую детскую возрастную группу (2–10 лет) еще на две, чтобы понять, есть ли какой-то возрастной порог, по достижении которого в детских погребениях начинают встречаться гендерно-различимые наборы «оружие» и «украшения».

В результате кросс-культурных этнографических исследований более чем 50 традиционных обществ из разных частей света антропологами было установлено, что детей начинают систематически приобщать к труду и возлагать на них определенные обязанности примерно в возрасте 5–7 лет, когда ребенок начинает осознавать свою ответственность и способен понимать поставленные перед ним задачи [Rogoff et al., 1975]. В этом возрасте взрослые делегируют детям (а дети принимают) такие обязанности, как забота о младших, уход за животными, работа по дому и собирательство (растительной пищи, хвороста и т. д.). Дети также становятся ответственными за свое социальное поведение, начинают воспринимать культурные традиции и правила поведения, принятые в их обществе. С этого возраста от них ожидается поведе-

ние, соответствующее их гендерным ролям [Rogoff et al., 1975, p. 367].

Опираясь на эти исследования, мы также выбрали порог в 5 лет и получили еще две группы: от 2 до 5 лет (старшая группа 1) и от 5 до 10 лет (старшая группа 2).

Старшая детская возрастная группа 1 (2–5 лет). 13 погребенных. У двух погребенных не было сопроводительного инвентаря, а девять сопровождалось нейтральными предметами (всего 84,6 %). Лишь в двух погребениях содержались украшения – бусины и подвески, захоронений детей этого возраста с оружием нет.

Старшая детская возрастная группа 2 (5–10 лет). 29 погребенных. В четырех захоронениях инвентаря не было, «нейтральных» ансамблей насчитывается 11 (51,7 %). Шесть захоронений содержали оружие (20,7 %), категории которого уже упомянуты выше, в восьми зафиксированы украшения (27,6 %).

«Подростки». 14 погребенных. В трех погребениях не было обнаружено сопроводительного инвентаря, в пяти ансамбль был «нейтральным» (всего 51,1 %). Два погребения содержали украшения, однако, весьма скромные – несколько бусин, ожерелье из бусин и височное кольцо. Четыре погребения содержали предметы вооружения – два железных меча, кинжал, наконечники стрел.

Обсуждение

В статье рассматриваются две различающиеся по хронологии выборки детских погребений ранних кочевников – савроматская и раннесарматская. Выборки, к сожалению, не равновесны количественно и качественно, что отчасти отражает общую картину памятников Южного Урала, где захоронения савроматского периода, в принципе, более малочисленны по сравнению с раннесарматскими. Тем не менее мы видим, что подавляющее большинство савроматских детских погребений характеризуются скудным инвентарем или его отсутствием, гендерно-различительные наборы появляются только в подростковом возрасте (рис. 2).

В раннесарматский период ситуация представляется более сложной. Несмотря на оче-

видную недопредставленность детских захоронений в могильниках Южного Урала, в выборке отражены основные возрастные группы. Относительно большое количество определенных возраста позволило увидеть динамику и вариативность снабжения детей погребальным инвентарем. Интересным кажется сравнение результатов, продемонстрированных в статье 2013 г. [Берсенева, Гильмитдинова, 2013] и приведенных в настоящем исследовании. Общие черты, характеризующие детскую выборку и отличающие ее от взрослой, ожидаемо не изменились. Это более простой обряд погребения, преобладание нейтральных наборов сопроводительного инвентаря, относительно большой процент погребений без инвентаря, части туш мелкого рогатого скота в качестве сопроводительной пищи.

Увеличение размера раннесарматской выборки с 92 скелетов (2013 г.) до 120 (2023 г.) радикальных корректив в предыдущее исследование не внесло. Анализ инвентаря, сопровождающего погребенных различных возрастных групп, показывает, что предложенный нами в 2013 г. порог в 5 лет, после которого идет резкое увеличение доли гендерно-различительных наборов «оружие» и «украшения», представляется обоснованным (рис. 5). Кроме того, расширяется и ассортимент сопроводительного инвентаря. Появляются бронзовые зеркала, пряслица, костяные гребни и ложки, железные ножи. Увеличение выборки только подтвердило этот вывод. Следовательно, размер выборки достаточен для уверенных заключений, и ее дальнейшее увеличение принципиально ничего не изменит.

По-прежнему не прослеживается динамика увеличения доли гендерно-различительных наборов от младшего возраста (5 лет) к старшему (15 лет), что представлялось бы логичным. Возможно, чтобы поставить точку и в этом вопросе, увеличение выборки возраста от 10 до 15 лет было бы полезным.

Вышедшие не так давно работы М.А. Балабановой позволяют провести сравнение с соседним регионом – Нижним Поволжьем [Балабанова, 2017]. Хронологически раннесарматские памятники Поволжья несколько более поздние, чем уральские, и датируются II–I вв. до н.э. М.А. Балабановой была изучена серия из 132 погребений пяти могильников

этого периода. По подсчетам автора, дети составляли до 48,5 % от всех погребенных на могильниках. Отсюда М.А. Балабанова делает вывод, что «погребальная практика курганов-кладбищ позволяла в раннесарматское время хоронить всех детей под курганами» [Балабанова, 2017, с. 66]. Эта ситуация совершенно не похожа на существовавшую на Южном Урале в конце VI – II в. до н.э., где лишь небольшая часть детей захоранивалась в курганных могильниках. Достаточно отметить, что наша выборка раннесарматского времени (120 индивидов) включала погребения из 23 могильников. Количество детских погребений по южно-уральским памятникам может сильно варьировать в зависимости от размера и степени исследованности памятника, но нигде не превышает 20 % от всех погребенных. Так, в комплексе могильников Лебедевка [Железчиков и др., 2006] из 82 захороненных детских погребений было всего 11 (13,4 %). Единичны детские погребения и в крупном некрополе Филипповка [Яблонский, 2008; 2014; и др.]. Далее дети младенческого возраста в Поволжье составляют половину детской серии и примерно треть от всех погребенных, что позволяет М.А. Балабановой сделать вывод о «наличии стандартной картины распределения детской смертности по возрастным группам исследуемой общности» [Балабанова, 2017, с. 67]. В уральских памятниках мы ничего подобного не наблюдаем, особенно в савроматской выборке. Распределение вещевых наборов в памятниках Поволжья демонстрирует уверенную тенденцию сокращения доли безынвентарных погребений от младших возрастов к старшим [Балабанова, 2017, с. 69]. Уральские памятники также показывают подобную тенденцию, но, как это было отмечено и ранее [Берсенева, Гильмитдинова, 2013, с. 41], постепенного увеличения доли гендерно-различительных вещевых наборов («оружие» / «украшения») в группе от 5 и далее до 15 лет не происходит. М.А. Балабанова на своих материалах также отмечает порог в 5 лет, когда появляются наборы вещей, которые можно связать с гендером ребенка. Это хорошо соотносится с нашими выводами по памятникам Южного Урала.

Таким образом, сравнение наших результатов с Поволжьем показывает разные прин-

ципы формирования могильников. Выборка М.А. Балабановой более однородна как хронологически, так и территориально, что, безусловно, облегчает ее понимание. Южно-уральская выборка разнородна, памятники в целом хронологически более ранние, временной диапазон растянут на несколько веков. Тем не менее основные выводы в целом совпадают, что позволяет предположить их методическую обоснованность.

Выводы

Общие заключения, вытекающие из проведенного анализа, представляются следующими: 1) детские погребения представлены на савроматских и раннесарматских памятниках Южного Урала недостаточно массово, на некоторых памятниках они единичны, что, конечно, не может отражать демографические реалии древности; 2) в целом детский обряд требовал меньших трудозатрат, инвентарь был более скудным, высока доля погребений без инвентаря, особенно для младшей возрастной группы (от рождения до 2 лет). Погребение ребенка было менее канонизированным процессом и, скорее всего, сугубо внутрисемейным делом.

Сравнивая савроматскую и раннесарматскую выборку, можно увидеть одно из главных отличий – малое количество погребенных младенческих возрастов в савроматское время. Основная масса погребенных детей – от 2 до 15 лет, и группа «подростков» достаточно значительна. Вероятно, для совсем маленьких детей выполнялись другие погребальные обряды, следов которых мы не находим.

Распределение инвентаря по возрастным группам в савроматской и раннесарматской

выборках сравнить невозможно из-за малого количества савроматских погребений с определением возраста смерти. Лишь увеличение выборки в будущем может помочь в решении этой проблемы.

Выводы по раннесарматской выборке в основном подтверждают ранее полученные результаты. По-прежнему выделяются две основные социально значимые возрастные группы невзрослых: от 0 до 5 лет и от 5 до 15 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря и высокой долей погребений без сохранившегося инвентаря. Вторая группа отражает процесс гендерной и возрастной социализации. Порог начала социализации в 5 лет получил подтверждение и на материалах Нижнего Поволжья.

Мы пока не имеем ответа на вопрос, по какому принципу некоторые дети получали гендерно-различительные наборы, а другие, даже достигнув подросткового возраста, погребались с нейтральными наборами или совсем без инвентаря. Можно предположить, что это зависело от благосостояния семьи, ее статуса (вертикальная социальная позиция), семейных традиций или разовых сентиментальных аспектов. Перспектива здесь видится в контекстуальном изучении «богатых» или сложных по устройству детских могильных ям, что, возможно, поможет очертить круг их отличий от более скромных погребений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20253, <https://rscf.ru/project/22-28-20253/>

This study was supported by RSF, project No. 22-28-20253, <https://rscf.ru/project/22-28-20253/>

ПРИЛОЖЕНИЯ

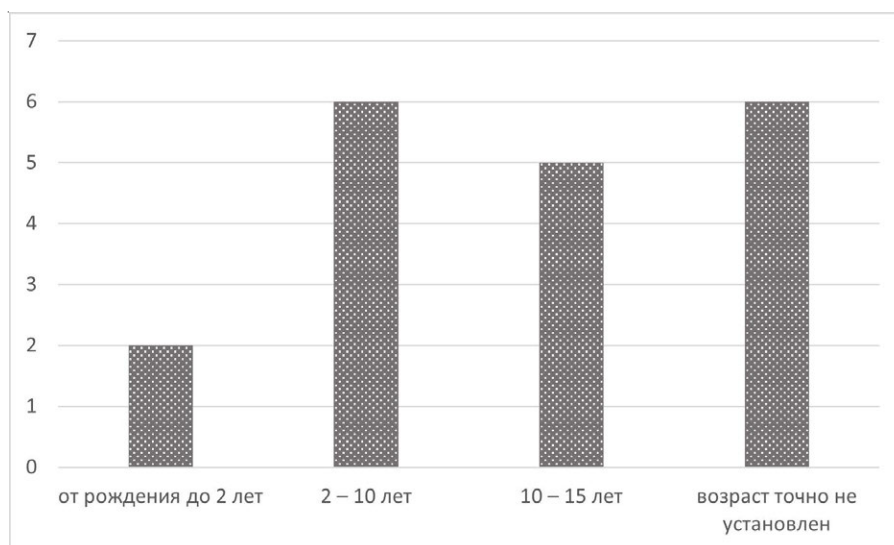

Рис. 1. Распределение погребенных по возрастным группам. Савроматский период
Fig. 1. Distribution of the children according to age groups. The Sauromatian period

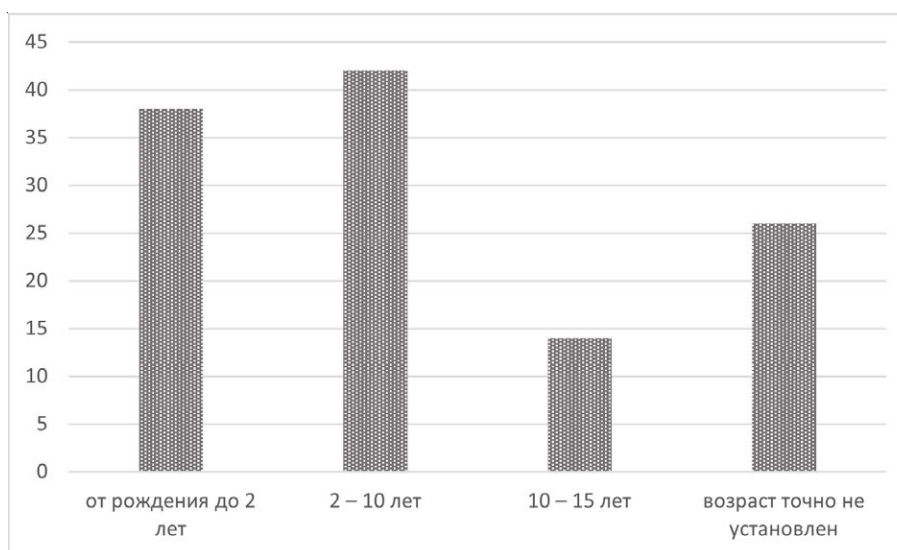

Рис. 2. Распределение погребенных по возрастным группам. Раннесарматский период
Fig. 2. Distribution of the children according to age groups. The Early Sarmatian period

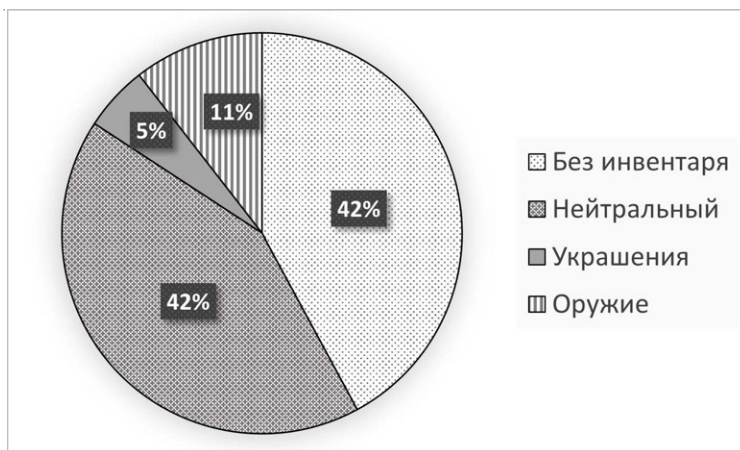

Рис. 3. Распределение «ансамблей артефактов». Савроматский период
 Fig. 3. Distribution of “artefact assemblages”. The Sauromatian period

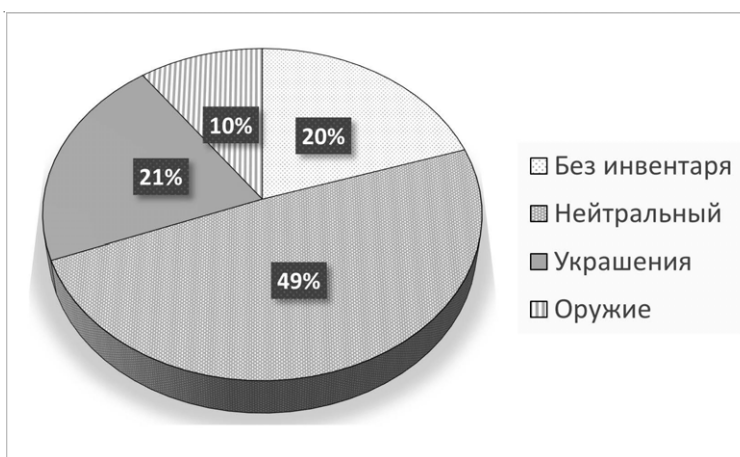

Рис. 4. Распределение «ансамблей артефактов». Раннесарматский период
 Fig. 4. Distribution of “artefact assemblages”. The Early Sarmatian period

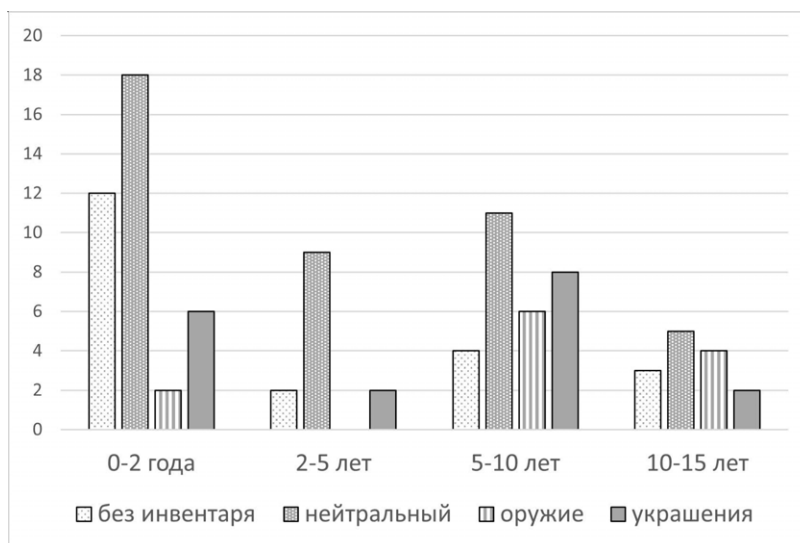

Рис. 5. Распределение «ансамблей артефактов» по возрастным группам. Раннесарматский период
 Fig. 5. Distribution of “artefact assemblages” according to age groups. The Early Sarmatian period

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С., 2015. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 272 с.
- Балабанова М. А., 2017. Морфология детских захоронений ранних кочевников Нижнего Поволжья (по материалам могильников раннесарматского времени) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16, № 1. С. 62–82. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.1.5>
- Бейсенов А. З., Базарбаева Г. А., Дуйсенбай Д. Б., 2017. Детские погребения сакской эпохи Центрального Казахстана // Самарский научный вестник. Т. 6, № 1 (18). С. 89–94.
- Берсенева Н. А., 2010. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (43). С. 72–81.
- Берсенева Н. А., Гильмитдинова А. Х., 2013. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV–II вв. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (21). С. 36–44.
- Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л., 1993. Раскопки могильников Покровка 1 и Покровка 8 в 1992 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М. : ИА РАН. С. 18–55.
- Гильмитдинова А. Х., 2013. Детские погребения ранних кочевников на территории Южного Зауралья (VII в. до н.э. – II в. н.э.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Рифей. С. 135–139.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Вост. лит. 159 с.
- Краева Л. А., 1999. Памятники раннего железного века из западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та. С. 176–190.
- Мамедов А. М., Китов Е. П., 2015. Погребальный обряд ранних кочевников Верхнего Илека (по материалам могильника Сапидулак) // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. № 6 (304). С. 19–60.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та. С. 124–147.
- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумаевские курганы. Оренбург : Изд-во ОГПУ. 392 с.
- Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Крюкова Е. А., Купцова Л. В., Харламов П. В., Файзуллин И. А., 2016. Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та. С. 21–51.
- Моргунова Н. Л., Евгеньев А. А., Краева Л. А., Купцова Л. В., Крюкова Е. А., Файзуллин И. А., 2022. II Курганный могильник Второе Имангулово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 16. Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та. С. 13–100.
- Савельев Н. С., 2019. Детские погребения кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. // Уральский исторический вестник. № 1 (62). С. 55–62. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62)
- Синика В. С., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., 2018. Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра // Записки Института истории и материальной культуры РАН. № 18. С. 69–190. DOI: <http://doi.org/10.31600/2310-6557-2018-18-69-79>
- Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 323–337.
- Сиротин С. В., 2013. Катакомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (37). С. 163–169.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 176 с.
- Социология. URL: <http://www.socioworld.ru/sworlds-566-1.html>
- Таиров А. Д., 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа : Гилем. С. 76–91.

- Таиров А. Д., 2019. Памятники ранних кочевников на северо-восточной периферии сарматского мира // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.8>
- Федоров В. К., 2011. Курган 12 могильника Старые Кишки // Уфимский археологический вестник. № 11. С. 28–38.
- Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. № 11. С. 62–96.
- Яблонский Л. Т., 2008. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий», Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург : ОГПУ. С. 170–176.
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. 284 с.
- Яблонский Л. Т., 2014. Тридцатый курган могильника Филипповка 1 // Краткие сообщения Института археологии. № 236. С. 87–90.
- Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 г. // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М. : Ин-т археологии РАН. С. 4–56.
- Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М. : Ин-т археологии РАН. С. 9–47.
- Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В., Малашев В. Ю., 1996. Раскопки курганных могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М. : Ин-т археологии РАН. С. 7–48.
- Яблонский Л. Т., Малашев В. Ю., 2005. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. С. 149–213.
- Chamberlain A. T., 2006. *Demography in Archaeology*. Cambridge : Cambridge University Press. 235 p.
- Lewis M., 2011. The Osteology of Infancy and Childhood: Misconceptions and Potential // (Re) Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood. Oxford : Archaeopress. P. 1–13.
- Loyer J., Tairov A. D., Rottier S., Courtaud P., 2013. Bioarchaeology and Burial Rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: First Results of the Study of the Kurgan 4 from Kichigino I Cemetery (Russia) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Рифей. С. 157–166.
- Rogoff B., Sellers M., Pirrotta S., Fox N. and White S., 1975. Age of Assignment of Roles and Responsibilities to Children: A Cross-Cultural Survey // Human Development. Vol. 18. P. 353–369.

REFERENCES

- Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S., 2015. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya: pogrebal'naya obryadnost' i antropologiya* [Sex and Age Structure of the Sarmatian Population in the Lower Volga Region: Funeral Rituals and Anthropology]. Volgograd, VolSU. 272 p.
- Balabanova M.A., 2017. Morfologiya detskikh zakhroneniy rannikh kochevnikov Nizhnego Povolzh'ya (po materialam mogil'nikov rannesarmatskogo vremeni) [Morphology of Child Burials of Early Nomads in the Lower Volga Region (Based on Materials of the Burial Mounds of Early Sarmatian Time)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 16, no. 1, pp. 62–82. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.1.5>
- Beysenov A.Z., Bazarbaeva G.A., Duysenbay D.B., 2017. Detskie pogrebeniya saksКОЙ epokhi Tsentral'nogo Kazakhstana [Children Burials of the Saka Times in Central Kazakhstan]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Scientific Bulletin], vol. 6, no. 1 (18), pp. 89–94.
- Berseneva N., 2010. Pogrebal'nye pamyatniki sargatskoy kul'tury Srednego Priirtysh'ya: gendernyy analiz [Sargat Burial Sites in the Middle Irtysh Area: A Gender Analysis]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], no. 3 (43), pp. 72–81.

- Berseneva N.A., Gil'mitdinova A.Kh., 2013. Detskie pogrebeniya rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (IV–II vv. do n.e.) [Children's Burials of the Early Nomads in the Southern Urals (4th – 2nd Centuries BC)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 2 (21), pp. 36-44.
- Vedder J., Egorov V., Davis-Kimball J., Morgunova N., Trunaeva T., Yablonsky L., 1993. Raskopki mogilnikov Pokrovka 2 i Pokrovka 8 v 1992 g. [Excavation of Pokrovka 2 and Pokrovka 8 Burial Grounds in 1992]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left Bank of the River Ilek], iss. 1. Moscow, IA RAS, pp. 18-55.
- Gil'mitdinova A.Kh., 2013. Detskie pogrebeniya rannikh kochevnikov na territorii Yuzhnogo Zaural'ya (VII v. do n.e. – II v. n.e.) [Children's Burials of Early Nomads in the Territory of the Southern Trans-Urals (7th Century BC – 2nd Century AD)]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 135-139.
- Zhelezchikov B.F., Klepikov V.M., Sergatskov I.V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (6th – 2nd Centuries BC)]. Moscow, Vost. lit. Publ. 159 p.
- Kraeva L.A., 1999. Pamyatniki rannego zhelezhnogo veka iz zapadnogo Orenburzh'ya [The Early Iron Age Sites from Western Orenburg Region]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, OSPU, pp. 176-190.
- Mamedov A.M., Kitov E.P., 2015. Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Verkhnego Iлека (po materialam mogil'nika Sapibulak) [Funeral Ceremony of Early Nomads from the Top Ilek (On the Materials of the Burial Ground of Sapibulak)]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan], no. 6 (304), pp. 19-60.
- Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. «Prokhorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorovka” Burials of Berdyanka V Kurgan Cemetery]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, OSPU, pp. 124-147.
- Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Kraeva L.A., Mescher'akov D.V., Turetskiy M.A., Khalyapin M.V., Khokhlova O.S., 2003. *Shumaevskie kurgany* [Shumaevskie Kurgans]. Orenburg, OSPU. 392 p.
- Morgunova N.L., Evgen'ev A.A., Kryukova E.A., Kuptsova L.V., Kharlamov P.V., Fayzullin I.A., 2016. Perevolotskiy kurgannyi mogil'nik v Orenburgskoy oblasti: predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya [Perevolotsk Kurgan Cemetery in the Orenburg Region: Preliminary Results of the Study]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 12. Orenburg, OSPU, pp. 21-51.
- Morgunova N.L., Evgen'ev A.A., Kraeva L.A., Kuptsova L.V., Kryukova E.A., Fayzullin I.A., 2022. II Kurgannyi mogil'nik Vtoroe Imangulovo [II Kurgan Burial Ground Vtoroe Imangulovo]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of the Orenburg Region], iss. 16. Orenburg, OSPU, pp. 13-100.
- Savel'ev N.S., 2019. Detskie pogrebeniya kochevnikov Yuzhnogo Urala serediny I tys. do n.e. [Child Burials of the South Urals Nomads of the Mid-First Millennium BC]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 1 (62), pp. 55-62. DOI: [http://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1\(62\)-55-62](http://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-1(62)-55-62)
- Sinika V.S., Tel'nov N.P., Lysenko S.D., 2018. Skifskiy kurgan s detskimi pogrebeniyami na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Scythian Barrow with Children's Burials on the Left Bank of the Lower Dniester]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Notes of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], no. 18, pp. 69-190. DOI: <http://doi.org/10.31600/2310-6557-2018-18-69-79>
- Sirotin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoi Bashkirii [Mound No. 11 from the Burial Mound Perevolochan in Zauralskaya Bashkiria]. *Arheologiya i paleoantropologiya evrazijskih stepej i sopredel'nyh territorij* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, TAUS Publ., pp. 323-337.
- Sirotin S.V., 2013. Katakombnye pogrebal'nye komplekсы IV v. do n.e. mogil'nika «Avlasovskie kurgany» iz Yuzhnogo Zaural'ya [Catacomb Funeral Complexes of the 6th Century BC of Burial Ground “Avlasovskie barrows” from South Trans-Ural Region]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], no. 11 (37), pp. 163-169.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on the River Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Sotsiologiya* [Sociology]. URL: <http://www.socioworld.ru/sworlds-566-1.html>
- Tairov A.D., 2006. Saki Priaral'ya v stepyakh Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovyy shlyakh) [Sakas of the Aral Region in the Steppes of the Southern Trans-Urals (Based on the Materials of the Marovy

- Shlyakh Burial Ground)]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya* [Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Time]. Ufa, Gilem Publ., pp. 76-91.
- Tairov A.D., 2019. Pamyatniki rannikh kochevnikov na severo-vostochnoy periferii sarmatskogo mira [The Sites of the Early Nomads on the North-East Periphery of the Sarmatian World]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 97-109. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.8>
- Fedorov V.K., 2011. Kurgan 12 mogil'nika Starye Kiishki [Kurgan 12 of the Starye Kiishki Burial Ground]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], no. 11, pp. 28-38.
- Fedorov V.K., Vasil'ev V.N., 1998. Yakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v Bashkirskom Zaural'e [Yakovlevka Kurgans of the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], no. 11, pp. 62-96.
- Yablonsky L.T., 2008. Novye raskopki Filippovskogo mogil'nika i problema formirovaniya rannesarmatskoy kul'tury Yuzhnogo Priural'ya [New Excavations of the Filippovka Burial Ground and the Problem of the Formation of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rannie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya v svete noveyshikh arkheologicheskikh otkrytiy»*, Orenburg, 21–25 aprelya 2008 g. [Early Nomads of the Volga-Ural Region: Materials of the International Scientific Conf. "Early Nomads of the Southern Urals in the Light of the Latest Archaeological Discoveries". Orenburg, April 21–25, 2008]. Orenburg, OSPU, pp. 170-176.
- Yablonsky L.T., 2010. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology]. Moscow, TAUS Publ. 284 p.
- Yablonsky L.T., 2014. Tridtsatyy kurgan mogil'nika Filippovka 1 [Kurgan No. 30 of Cemetery Filippovka 1]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 236, pp. 87-90.
- Yablonsky L.T., Trunaeva T.N., Vedder J., Davis-Kimball J., Egorov V.L., 1994. Raskopki kurgannykh mogilnikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1993 g. [Excavation of Kurgan Cemeteries Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1993]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left Bank of the River Ilek], iss. 2. Moscow, IA RAS, pp. 4-56.
- Yablonsky L.T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu.V., 1995. Raskopki kurgannykh mogilnikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1994 godu [Excavation of Kurgan Cemeteries Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1994]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left Bank of the River Ilek], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 9-47.
- Yablonsky L.T., Davis-Kimball J., Demidenko Yu.V., Malashev V.Yu., 1996. Raskopki kurgannykh mogilnikov Pokrovka 1, 2, 7 i 10 v 1995 godu [Excavation of Kurgan Cemeteries Pokrovka 1, 2, 7 and 10 in 1995]. *Kurgany levoberezhnogo Iлека* [Kurgans of the Left Bank of the River Ilek], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 7-48.
- Yablonsky L.T., Malashev M.Yu., 2005. Pogrebeniya savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni mogil'nika Pokrovka 10 [Sarmatian and Early Sarmatian Burials from Burial Ground Pokrovka 10]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 7, pp. 149-213.
- Chamberlain A.T., 2006. *Demography in Archaeology*. Cambridge, Cambridge University Press. 235 p.
- Lewis M., 2011. The Osteology of Infancy and Childhood: Misconceptions and Potential. *(Re) Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood*. Oxford, Archaeopress, pp. 1-13.
- Loyer J., Tairov A.D., Rottier S., Courtaud P., 2013. Bioarchaeology and Burial Rituals of the Iron Age Nomads from South Ural: First Results of the Study of the Kurgan 4 from Kichigino I Cemetery (Russia). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 157-166.
- Rogoff B., Sellers M., Pirrotta S., Fox N. and White S., 1975. Age of Assignment of Roles and Responsibilities to Children: A Cross-Cultural Survey. *Human Development*, vol. 18, pp. 353-369.

Information About the Author

Natalia A. Berseneva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Kovalevskaya St, 16, 620108 Yekaterinburg, Russian Federation; Senior Researcher, South Ural State University, Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, bersnatasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2554-6205>

Информация об авторе

Наталья Александровна Берсенева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, 620108 г. Екатеринбург, Российская Федерация; старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, bersnatasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2554-6205>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.7>

UDC 930.26(470+571):641.542
LBC 63.48(2)-41

Submitted: 13.02.2023
Accepted: 17.04.2023

MAEOTIAN GRAY CLAY CUPS OF THE 4th – 3rd CENTURIES BC ¹

Natalya Yu. Limberis

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the typology and chronology of gray clay cups from the Maeotian burial grounds on the right bank of the Kuban river. Type 1 refers to biconical cups with a high, narrow neck widening upwards (30 items). A little over half of the studied vessels come from assemblages with a wide chronological range dating back to the 4th and early 3rd centuries BC, where they are accompanied by swords of the Sindian-Maeotian type or sets of pottery characteristic of this period. The remaining burials with cups can be dated more precisely by the finds of container amphorae from different centers (Heraclea, Thasos, Ikos, Mende, Sinope, etc.). The wide chronological framework of the existence of type 1 cups among the Maeotians can be determined within the first half of the 4th century BC, but their narrow chronology is limited to the second quarter of this century. Two versions of the origin of cups of this shape are put forward: the first one is from imported red clay vessels; the second one is from hand-made cups of the 6th–5th centuries BC. Type 2 is truncated conical cups widening upwards (13 items). There are not enough strong chronological references for a narrow dating of this type of cups. Furthermore, apart from the cups, imported vessels were found in the three assemblages including amphorae of Rhodes, a black glazed plate and a fish plate. As the analysis of the assemblages shows, type 2 cups existed among the Maeotians for a rather limited period from the late 3rd century BC up until the beginning of the next century.

Key words: Kuban region, Maeotian culture, gray clay cups, amphorae, typology, chronology.

Citation. Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2023. Meotskie seroglinyanye kruzhenki IV–III vv. do n.e. [Maeotian Gray Clay Cups of the 4th – 3rd Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 100-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.7>

УДК 930.26(470+571):641.542
ББК 63.48(2)-41

Дата поступления статьи: 13.02.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023

МЕОТСКИЕ СЕРОГЛИНЯНЫЕ КРУЖКИ IV–III вв. до н.э.¹

Наталья Юрьевна Лимберис

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена типологии и хронологии сероглиняных кружек из меотских могильников правобережья Кубани. Тип 1 – биконические кружки с высоким, узким горлом, расширяющимся кверху (30 экз.). Немногим более половины всего количества учтенных в работе сосудов происходит из комплексов с широким хронологическим диапазоном IV – начала III в. до н.э., где им сопутствуют мечи синдо-меотского типа или наборы керамики, характерные для этого периода. Остальные погребения с кружками можно датировать более узко благодаря находкам тарных амфор разных центров (Гераклея, Фасос, Икос, Менда, Синопа и др.). Широкие хронологические рамки бытования у меотов кружек типа 1 можно определить в пределах первой половины IV в. до н.э., но их узкая хронология ограничивается второй четвертью этого столетия. Выдвигаются две версии происхождения кружек этой формы: первая – от привозных красноглиня-

ных сосудов, вторая – от лепных кружек VI–V вв. до н.э. Тип 2 – кружки усеченно-конической формы, расширяющиеся кверху (13 экз.). Для узкой датировки этого типа кружек пока не достает твердых хронологических привязок. В трех комплексах совместно с кружками были встречены импортные сосуды (амфоры Родоса, чернолаковые тарелка и рыбное блюдо). Анализ комплексов показывает, что кружки типа 2 бытовали у меотов довольно ограниченный период времени – с середины – второй половины III в. до н.э. до начала следующего столетия.

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, сероглиняные кружки, амфоры, типология, хронология.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2023. Меотские сероглиняные кружки IV–III вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 100–113. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.7>

В погребальном обряде меотов Прикубанья на всех этапах существования культуры использовались кружки: в раннемеотское время – лепные, как правило, чернолощенные, позднее – кружальные сероглиняные. Формы сероглиняных кружек очень разнообразны. Для каждого более-менее узкого хронологического периода характерны особые типы кружек, среди которых можно выделить как широко распространенные, так и представленные небольшим количеством экземпляров.

Одной из ранних и популярных у меотов форм сероглиняных гончарных кружек, которые, без сомнения, относятся к местному производству, являются кружки с высоким горлом. Эти сосуды морфологически очень близки между собой, поэтому их можно объединить в один тип (**тип 1**), не разделяя на варианты (рис. 1, 2, 3, 1–7). Пока нам известно 30 экземпляров из могильников Старокорсунских городищ № 2 (СК-2) и № 3 (СК-3), Спорное и Лебеди III. Этот тип сосудов характеризуется приземистым биконическим туловом с резко выделенным ребром, высоким узким горлом с перехватом в основании и широким устьем, часто превышающим максимальный диаметр тулова. Венчик, как правило, гладкий, округленный или слегка приостренный, у отдельных экземпляров бывает выделен снаружи небольшим треугольным выступом или слабо намеченным валиком. Основание горла зачастую выделено несколькими рядами узких горизонтальных желобков, редко – валиком, встречается рифление на стенках. Ручки в сечении овальные, вверху округло изогнутые, прогнутые в нижней части, крепятся верхним концом ниже венчика или в месте перехода стенок тулова к горлу, нижним – чуть выше ребра тулова. Все сосуды имеют кольцевой поддон.

Немногим более половины (18 экз.) всего количества известных нам кружек типа 1 происходит из комплексов с широким хронологическим диапазоном IV – начала III в. до н.э., где им сопутствуют мечи синдо-меотского типа или наборы керамических сосудов, характерных для этого периода. Остальные погребения с кружками можно датировать благодаря находкам греческих амфор более узко. В могильнике Старокорсунского городища № 2 было обнаружено 14 кружек (рис. 1), 6 из них – в погребениях с амфорами. Период бытования кружек по материалам могильника ранее ограничивался нами временем от начала IV в. до н.э. до конца третьей четверти этого столетия [Лимберис, Марченко, 2005, с. 235]. В настоящее время в связи с уточнением хронологии амфорной тары были скорректированы и даты погребений с кружками типа 1, причем не всегда в сторону сужения. Датировка погребения СК-2 № 13з (рис. 1, 1), ограниченная нами ранее первой четвертью IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 219–220, рис. 21, 7, 3], сейчас по амфоре неопределенного центра производства расширена до первой трети IV в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 112, Un.13]. К середине IV в. теперь относится погребение СК-2 № 292з (рис. 1, 2), узкая хронология которого прежде определялась концом третьей четверти столетия. Погребение сопровождалось гераклеийской амфорой с клеймом фабриканта Дионисия. Имя магистрата, прочитанное ранее по нескольким сохранившимся буквам как Архип, ныне вполне уверенно восстанавливается иначе – Левкипп [Лимберис, Марченко, 2005, с. 222, рис. 30, 5, 6; Монахов и др., 2022, с. 233, НР. 38]. В комплексе СК-2 № 296з вместе с кружкой (рис. 1, 3) была найдена гераклеийская амфора с клеймом магистрата Кал-

лия, что позволило ограничить хронологию погребения концом второй четверти IV в. до н.э., а точнее – 360–350 гг. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 222, рис. 33,2,3; Монахов и др., 2022, с. 128, Нр. 8]. У кружки из комплекса СК-2 № 297з (рис. 1,13) в древности было отбито горло, а затем обточен верхний край оставшейся части сосуда. Совместно встречены амфоры Фасоса «порфмийской» серии варианта «николери» и Икоса поздней морфологической группы II, а также нижняя часть чернолакового кубковидного канфара с каннелированными стенками, по которым погребение было нами датировано второй четвертью – серединой IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 221, рис. 28,4,5,10,11; Лимберис, Марченко, 2017, с. 188, № 24]. Дальнейший анализ совместных находок позволил сузить датировку комплекса до 340-х гг. [Монахов и др., 2022, с. 41, рис. 51]. Из комплекса СК-2 № 304з (рис. 1,4) происходит амфора Икоса ранней группы I (ранее – неустановленного центра, середины – третьей четверти IV в. до н.э.), датированная в настоящее время 375–350 гг. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 221, рис. 34,2,3; Монахов и др., 2022, с. 112, Ик. 2]. К середине – третьей четверти IV в. до н.э. относится погребение СК-2 № 648з (рис. 1,6) по амфоре Икоса группы II [Монахов и др., 2022, с. 116, Ик. 9].

Кружке из погребения СК-2 № 652з (рис. 1,14) сопутствовал богатый импортный материал: чернолаковые арибаллический леккиф с пальметтой и парфюмерный сосуд *класса Талькот*, стеклянная «ахеменидская» чаша с лепестковым орнаментом, а также две амфоры Книда «чередникового» варианта и амфора Менды, которая первоначально была определена как пепаретская «солохинского» варианта. Хронологический анализ погребального инвентаря позволил датировать этот комплекс второй четвертью IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2016, с. 81–83, рис. 1,2,3,5, 2,3,4, 3,6–8; Монахов и др., 2022, с. 32–34, рис. 40, 41].

Восемь кружек типа 1 выявлено среди материалов могильника Старокорсунского городища № 3 (рис. 2,1–8). В четырех погребениях вместе с кружками были встречены амфоры. Так, в комплексе СК-3 № 368 (рис. 2,3) найдена гераклейская амфора с

клеймом фабриканта Дионисия, который работал с магистратами группы II Б (по классификации В.И. Каца) в 370–360-е гг. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 218, Нр.7]. К этой же магистратской группе относится и амфора с клеймом магистрата Дейномаха из погребения СК-3 № 380 (рис. 2,4), деятельность которого приходится на 370-е гг. [Кац, 2007, с. 429; Федосеев, 2016, с. 60, № 299–302]. Синопская амфора типа I, варианта I-A из погребения СК-3 № 404 (рис. 2,6) относится ко второй четверти IV в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 238, Sn. 2]. Кружка из объекта 51 СК-3 (рис. 2,5) может быть датирована второй четвертью IV в. до н.э. по мендейской амфоре «мелитопольского» варианта II-C [Монахов и др., 2022, с. 104, Md. 17].

Из могильника городища Спорное происходит семь кружек типа 1 (рис. 3,1–7), но лишь одна, в погребении № 144 (рис. 3,1), была встречена с амфорой неустановленного средиземноморского центра второй – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 183, Un. 16]. Раньше мы относили эту амфору, ссылаясь на определение С.Ю. Монахова, к ранней серии «мелитопольского» варианта II-C и датировали второй четвертью столетия. Следует отметить, что наряду с сероглиняной кружалной керамикой и другим инвентарем, характерным в целом для IV в. до н.э., в погребении присутствуют лепные меотские сосуды (корчага с ручкой, корчагообразные горшки), формы которых прослеживаются с конца VI – начала V в. до н.э. [Бочковой и др., 2005, с. 172, рис. 12,1, 14,1,4,5]. Поэтому, несмотря на расширенную хронологию амфоры, мы и сейчас настаиваем на датировке погребения в пределах второй четверти четвертого века. Остальные экземпляры кружек этого типа из Спорного датируются широко – IV – началом III в. до н.э.

Единственная сероглиняная кружка типа 1 была найдена в погребении № 250 могильника Лебеде III (рис. 2,9). Из этого же погребения происходит амфора, центр производства которой восстановить в ближайшее время вряд ли будет возможно, но, скорее всего, как и вся амфорная тара этого некрополя, она относится к IV в. до н.э.

Итак, по материалам правобережных меотских памятников, для сероглиняных кру-

жек типа 1 можно определить широкие хронологические рамки в пределах первой половины IV в. до н.э., но их узкая хронология, судя по хорошо датированным комплексам, ограничивается второй четвертью этого столетия.

Несколько сероглиняных кружек типа 1 известно в памятниках Закубанья, однако узких датировок они не имеют. Одна кружка происходит из разрушенного погребения грунтового могильника у хутора Александровского, которое широко датируется в пределах IV–III вв. до н.э. [Каминская, 1984, с. 80–81, рис. 1,13]. Кружка из Псекупского могильника была помещена И.С. Каменецким в таблицу меотской сероглиняной керамики V–III вв. до н.э. [Каменецкий, 1989, табл. 91,38]. Аналогичный сосуд из погребения 10 кургана 11 Уляпского могильника относится к третьей хронологической группе последней четверти IV – начала III в. до н.э. [Лесков и др., 2005, с. 76, рис. 66,11]. Такая же кружка («кубок») была найдена в погребении 4/2002 г. могильника Тенгинского городища II, где во второй половине IV – начале III в. до н.э. функционировали курганные святилища [Эрлих, 2011, с. 49, 81, рис. 97,4].

Кроме сероглиняных кружек типа 1, в меотских погребениях встречаются и красноглиняные сосуды близкой и аналогичной формы. Из правобережных памятников нам известно пока только 4 экз. Кружка из погребения СК-2 № 305з (рис. 3,11) по набору керамики широко датируется IV в. до н.э. Вторая кружка происходит из погребения № 165 могильника городища Спорное (рис. 3,8), ограбленного в древности, материал для датирования отсутствует. Две кружки были встречены в могильнике Лебеди III, в погребениях № 87 и № 134 (рис. 3,9,10). В последнем присутствовала амфора Менды варианта «портичелло» II-B, широкая хронология которого не выходит за рамки первой половины – середины IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 91–92, 95; Монахов, Кузнецова, 2022, с. 150, 152].

В левобережных меотских могильниках красноглиняные кружки («кубки») подобной формы (такие же, как в СК-2 № 395з) присутствуют намного чаще. Несколько экземпляров относится к погребениям второй хронологической группы конца V – третьей четверти IV в. до н.э. Уляпского могильника [Лес-

ков и др., 2005, с. 76, рис. 12,9, 29,2, 40,4, 45,2]. Есть они и в ритуальных комплексах Тенгинского городища II [Эрлих, 2011, с. 49, рис. 97,1–3].

О месте производства красноглиняных кружек / кубков сказать что-либо определенное в настоящее время нельзя. Но мы не склонны считать их изделиями меотского гончарного производства. Несомненно, эти кружки являются предметами импорта. Однако на Боспоре, откуда к меотам поступали красноглиняные сосуды (в основном кувшины и миски), служившие образцами для копирования, подобная форма нам неизвестна. Красноглиняные «кубки», часто украшенные полосками лака, из памятников Закубанья, исследователи предположительно связывают с неустановленным (возможно, малоазийским) центром производства [Эрлих, 2011, с. 49, рис. 68,6]. Мы солидарны с мнением В.Р. Эрлиха, что по этим привозным сосудам меотские гончары могли изготавливать сероглиняные копии.

В качестве возможных прототипов сероглиняных кружек типа 1 можно рассматривать и похожие красноглиняные кружки более широких пропорций, известные у меотов примерно с середины V в. до н.э. Такие сосуды с высоким и широким горлом были найдены в комплексах с амфорами Менды в могильнике Старокорсунского городища № 3. Одна – в погребении СК-3 № 295, с амфорой «пифоидного» типа I, «шаровидного» варианта 1-B, которая датируется в пределах 440–430 годов. Хронологию второй кружки (СК-3, объект 46) определяет амфора «мелитопольского» варианта II-C второй четверти IV в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 96, 109, Md. 1, Md. 28]. Сероглиняные реплики кружек этой формы встречены в погребениях № 11 и № 31 кургана 4 Уляпского могильника, относящихся ко второму хронологическому периоду конца V – третьей четверти IV в. до н.э. [Лесков и др., 2005, рис. 6,6, 23,9].

В то же время в раннемеотский период у местного населения Прикубанья были широко распространены лепные кружки той же морфологии (с ребром в нижней части тулова и высоким узким горлом с плавно отогнутым краем), что и сероглиняные типа 1. Подобные лепные кружки были выделены нами в подтип I-A, датированный концом VI – V в. до н.э. Мы также отмечали, что

отдельные экземпляры таких кружек бытовали и в IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 32–33, рис. 16, 1–8]. К примеру, лепные кружки этого подтипа были встречены в погребении № 159 могильника городища Спорное вместе с амфорой Икоса третьей четверти IV в. до н.э. [Бочковой и др., 2005, рис. 20, 9, 10; Лимберис, Марченко, 2022, с. 226; Монахов и др., 2022, с. 117, Ик. 11] и СК-3 № 236 с амфорой Менды варианта «портичелло», ближайшие аналогии которой относятся к первой четверти IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 92, табл. 62, 5, 6; Монахов и др. 2021, с. 137–139, Мд. 3-7; Монахов, Кузнецова, 2022, с. 145–146, 150, рис. 1, 2]. Как видно, эта форма узкогорлых кружек в целом не являлась новой для меотов и вполне могла получить дальнейшее развитие в сероглиняной керамике, продолжая какое-то время параллельно существовать и в лепном варианте.

В середине – второй половине III в. до н.э. у меотов правобережья Кубани появляются сероглиняные кружки уже другой формы – конические, которые мы выделяем в **тип 2** (рис. 4). Подобные кружки известны в трех меотских памятниках правобережья Кубани: в могильнике Старокорсунского городища № 2 – 6 экз., в могильнике Елизаветинского городища (раскопки В.А. Городцова 1935 г.²) – 2 экз., в Усть-Лабинском могильнике № 2 – 5 экз. Для этого типа кружек в целом характерна узкая, усеченно-коническая форма тулова, постепенно расширяющегося от дна к устью. Стенки в основном ровные, но у двух экземпляров (СК-2 № 96в, Ел. № 37/1935 г.) – слегка раздутые в средней части. Дно, как правило, плоское или слабовогнутое. Только один экземпляр (СК-2 № 557з) имеет валикообразный кольцевой поддон. Край у большинства сосудов плавно отогнут, венчик гладкий, округленный или скошенный наружу. У двух кружек из Елизаветинского могильника край профилирован ниже венчика валиком или желобком. Ручка округло изогнута, обычно имеет широкий продольный желобок с внешней стороны, встречается также округлое и овальное сечение. Верхний конец ручки отходит непосредственно от венчика, из-под венчика или крепится несколько ниже. Нижний конец ручки прикреплен, чаще всего, к середине тулова,

иногда чуть ниже или выше. Для узких датировок погребений с кружками типа 2 пока не достает твердых хронологических привязок. В трех погребениях совместно с кружками были встречены импортные сосуды, но и они не дают конкретных дат для комплекса в целом.

Две кружки этого типа из погребения СК-2 № 1в (рис. 4, 1, 2) сопровождалась двумя родосскими амфорами. Первая амфора относится к ранней серии варианта «вилланова» (I–E–1) с характерным плавным изгибом ручек, вторая – к поздней серии этого же варианта (I–E–2). Однако излом ручек у нее не столь сильно выражен и скорее имеет переходную форму от ранней серии к поздней. На ручках амфоры стоят круглые клейма, но читается лишь магистратское клеймо Аристониды с указанием месяца вокруг эмблемы «цветок граната». Это клеймо нового штампа и пока является единственным. В свое время С.Ю. Монахов ограничивал хронологию этого комплекса 40-ми – началом 30-х гг. III в. до н.э. [Монахов, 1999, с. 548, табл. 229; Monachov, 2006, p. 77–78, g. 3, 2]. Придерживаясь этой датировки, мы относили погребение к середине III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 224]. Однако после появления новой хронологии родосских клейм деятельность магистрата Аристониды была ограничена 209–205 гг. до н.э. [Finkielisztejn, 2001, p. 112, 191, tabl. 18; Cankardeş-Şenol, 2015, p. 469]. Мы не раз отмечали, что новой датировке противоречит весь другой инвентарь погребения, тем более что для первой родосской амфоры трудно предполагать столь длительное «запаздывание». В противоречие с хронологией амфорного клейма вступает и аттический чернолаковый кубковидный канфар стиля «западного склона», относящийся к продукции мастерской *Dikeras Group*. Эта группа сосудов датируется в пределах 270–260 гг. [Rotroff, 1991, p. 72–74, no. 29, fig. 6, pl. 21; Rotroff, 1997, no. 85]. Сильно «запаздывать» канфар не может, так как роспись, нанесенная жидкой глиной, стерлась бы за столь длительное время использования сосуда в быту. Возможно, в данном случае мы имеем дело с омонимом, который археологически еще не подтвержден. Поэтому датировка этого комплекса и сегодня остается спорной [Лимберис, Марченко, 2017, с. 188, № 21; Лим-

берис, Марченко, 2019, с. 319–320; Монахов и др., 2022, с. 61–63, 158, 161, Rh. 2, Rh. 8]. И все-таки, на наш взгляд, будет правильнее, не заостряя внимания на узкой хронологии амфоры с клеймом Аристонида и учитывая «запаздывание» канфара, датировать комплекс широко по всей совокупности находок серединой – второй половиной III в. до н.э.

В погребении № 28/1935 г. Елизаветинского могильника вместе с кружкой (рис. 3,4) была найдена амфора «с круглым клеймом» (МАЭ, инв. № 5338/1311), установить центр производства которой в настоящее время мы не имеем возможности. Тарелка широко распространенного типа *rolled rim* (с валикообразным венчиком), покрытая буро-красным и черно-бурым лаком (МАЭ, инв. № 5338/1316), по-видимому, не является предметом аттического импорта, так как среди эллинистических тарелок из раскопок Афинской агоры аналогичные экземпляры отсутствуют. И все же такие признаки, как слегка вогнутые стенки, завернутый внутрь уплощенный венчик и дно небольшого диаметра, могут указывать на время, близкое к рубежу III–II – началу II в. до н.э. [Rotroff, 1997, p. 144–145, no. 669, 671, 673]. Из местной сероглиняной керамики обратим внимание на чашечку с отогнутым краем и дном маленького диаметра, профилировка которой характерна для середины – второй половины III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 239, рис. 1,13]. В погребении № 37/1935 г. вместе с двумя такими же чашечками и кружкой (рис. 4,5) встречено чернолаковое рыбное блюдо (МАЭ, инв. № 5338/1360), судя по глине (розово-оранжевая, с крупными пустотами и белыми вкраплениями), неаттического производства. Если обратиться к возможным прототипам из раскопок Афинской агоры, то довольно близкой аналогией представляется рыбное блюдо 225–200 гг., которое имеет характерное выгнутое дно [Rotroff 1997, p. 147, no. 728].

Остальные погребения (СК-2 № 87в, 96в, 349з, 557з-1) с кружками типа 2 (рис. 4,3,6–8) можно датировать только по сероглиняной меотской керамике. Во всех погребениях присутствовали кувшины с уплощенными профилированными ручками, которые крепятся верхним концом непосредственно под кромкой венчика, однотипные кувшинам из погребения СК-2 № 1в [Лимберис, Марченко, 2005,

рис. 1,6,8,9,12, хронол. табл.]. В погребении СК-2 № 96в отметим находку небольшой миски с S-видным профилем. Аналогичная миска происходит из погребения СК-2 № 97в, где была найдена родоская амфора с клеймами эпонима Калликратиды I и фабриканта Артемидора 225–220 гг. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 224–225, рис. 15,13; Монахов и др., 2022, с. 159, Rd. 4]. Типологически близкая чашечка с горизонтально отогнутым краем входит и в состав керамического комплекса из погребения СК-2 № 557з-1.

В Усть-Лабинском могильнике № 2 кружки рассматриваемого типа 2 были найдены в пяти погребениях третьей хронологической группы III – начала I в. до н.э. [Анфимов, 1951, с. 180, рис. 11,6–8]. Две из трех кружек, рисунки которых были опубликованы Н.В. Анфимовым (из погребений № 17 и № 48 1938 г.), чрезвычайно похожи на кружки из комплексов СК-2 № 1в и № 87в. Полностью состав инвентаря усть-лабинских погребений в настоящее время восстановить вряд ли возможно, поэтому кружки можно датировать только по аналогии – серединой – второй половиной III в. до н.э.

Как следует из анализа комплексов, кружки типа 2 бытовали у меотов довольно ограниченный период времени – с середины – второй половины III в. до н.э., возможно, доходя до начала следующего столетия. Но в погребениях, которые по амфорам Родоса, «прикубанской» серии и другим импортам твердо датируются в пределах II в. до н.э., кружки этого типа отсутствуют, так как уступили место кружкам-черпакам с горизонтальной ручкой. Нужно также отметить, что коническая форма кружек возрождается спустя два столетия – в I в. н.э., отличаясь от ранних экземпляров маленькой петельчатой ручкой, прикрепленной к середине тулова [Лимберис, Марченко, 2005, с. 235–236].

Таким образом, оба типа кружек могут быть опорными для определения хронологической позиции погребальных комплексов, в которых, кроме местной керамики, не было импортных сосудов (амфор, черного лака и пр.) или других датирующих предметов. При этом для погребений с кружками типа 1 можно принять узкую датировку в пределах второй четверти IV в. до н.э., так как к этому периоду от-

носятся большинство комплексов с такими сосудами, твердо датированных по амфорной таре. Кружки типа 2 имеют широкую хронологию, хотя и достаточно четко ограниченную. В принципе некоторые из приведенных выше погребений с такими кружками можно было бы отнести к последней четверти – концу III в. до н.э. (уверенных данных для этого пока недостаточно), но в целом это не сузит период бытования сосудов этой формы у меотов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00134).

The study was conducted with the financial support of the Russian Scientific Foundation (Project no. 22-28-00134).

² Материалы из раскопок В.А. Городцова 1935 г. хранятся в МАЭ (инв. № 5338). Рисунки и описание сосудов из этого памятника были сделаны и переданы нам для работы И.С. Каменецким.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Кружки сероглиняные типа 1 из могильника Старокорсунского городища № 2:
1 – № 13з; 2 – № 292з; 3 – № 296з; 4 – № 304з; 5 – № 646з; 6 – № 648з; 7 – № 649з;
8 – комплекс «А» (раскоп VI, 2013 г.); 9 – № 651з; 10 – № 300з; 11 – № 288з; 12 – № 289з;
13 – № 297з (нижняя часть сосуда); 14 – № 652з

Fig. 1. Type 1 gray clay cups from the burial ground of the Starokorsunskaya settlement no. 2:
1 – no. 13з; 2 – no. 292з; 3 – no. 296з; 4 – no. 304з; 5 – no. 646з; 6 – no. 648з; 7 – no. 649з;
8 – complex “A” (excavation site VI, 2013); 9 – no. 651з; 10 – no. 300з; 11 – no. 288з; 12 – no. 289з;
13 – no. 297з (lower part of the vessel); 14 – no. 652з

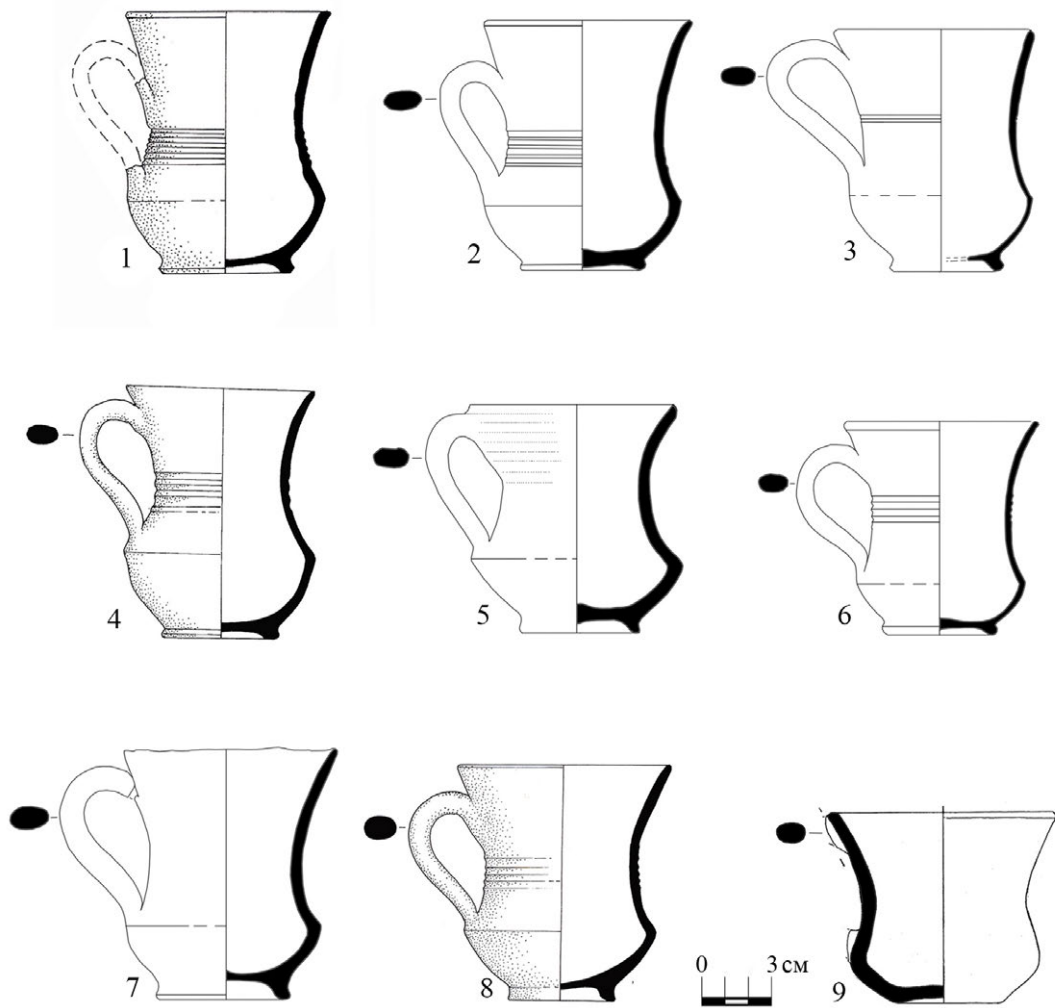

Рис. 2. Кружки сероглиняные типа 1. Могильник Старокорсунского городища № 3:

1 – № 342; 2 – № 306; 3 – № 368; 4 – № 380; 5 – объект 51; 6 – № 404; 7 – № 405; 8 – № 484.
Могильник Лебеди III: 9 – № 250

Fig. 2. Type 1 gray clay cups. The burial ground of the Starokorsunskaya settlement no. 3:

1 – no. 342; 2 – no. 306; 3 – no. 368; 4 – no. 380; 5 – object 51; 6 – no. 404; 7 – no. 405; 8 – no. 484.
The burial ground Lebedy III: 9 – no. 250

Рис. 3. Кружки сероглиняные типа 1 из могильника городища Спорное:

1 – № 144; 2 – № 162; 3 – № 168; 4 – № 176; 5 – № 178; 6 – № 182; 7 – № 222.

Кружки красноглиняные: 8 – Спорное, № 165; 9 – Лебеди III, № 134; 10 – Лебеди III, № 87; 11 – СК-2, № 305з

Fig. 3. Type 1 gray clay cups from the burial ground of the settlement of Spornoye:

1 – no. 144; 2 – no. 162; 3 – no. 168; 4 – no. 176; 5 – no. 178; 6 – no. 182; 7 – no. 222.

Red clay cups: 8 – Spornoye, no. 165; 9 – Lebedy III, no. 134; 10 – Lebedy III, no. 87; 11 – SK-2, no. 305z

Рис. 4. Кружки сероглиняные типа 2. Могильник Старокорсунского городища № 2:

1, 2 – № 1а; 3 – № 87а; 6 – 96а; 7 – № 557з-1; 8 – № 349з.

Могильник Елизаветинского городища: 4 – № 28/1935 г.; 5 – № 37/1935 г.

Fig. 4. Type 2 gray clay cups. Burial ground of the Starokorsunskaya settlement no. 2:

1, 2 – no. 1а; 3 – no. 87а; 6 – 96а; 7 – no. 557з-1; 8 – no. 349з.

The burial ground of the Elizavetinskoye settlement: 4 – no. 28/1935; 5 – no. 37/1935

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н. В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 23. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 155–207.
- Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 5. Краснодар: КубГУ. С. 172–218.
- Каменецкий И. С., 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР. М.: Наука. С. 224–251.
- Каминская И. В., 1984. Меотский могильник у хутора Александровского // *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп. С. 80–82.
- Кац В. И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Крым. отд-ние Ин-та востоковедения НАНУ: Центр археолог. исслед. «Деметра». 480 с.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р., 2005. Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Гос. музей искусства народов Востока. 184 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 5. Краснодар: КубГУ. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция. 316 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2016. Погребение со стеклянной чашей из могильника Старокорсунского городища № 2 // *Археологические вести*. Вып. 22. С. 76–84.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2017. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // *Stratum plus*. № 3. С. 181–198.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Погребения с родоскими амфорами из меотских могильников Краснодарской группы // *Античный мир и археология*. Т. 19, вып. 19. С. 318–341. DOI: <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2019-19-318-341>
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2022. Погребение с греческими импортами позднеклассического времени из могильника Старокорсунского городища № 2 // *Археологические вести*. Вып. 35. С. 222–229.
- Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 680 с.
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.: Киммериды; Саратов: Саратов. ун-т. 352 с.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., 2022. «Мендейские» амфоры из Прикубанского некрополя: вопросы хронологии // *Археологические вести*. Вып. 35. С. 145–158.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына). Саратов: Волга. 324 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2022. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына. Саратов: Амирит. 304 с.
- Федосеев Н. Ф., 2016. Керамические клейма. Гераклея Понтийская. Т. II. Керчь: Соло-Рич. 320 с.
- Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М.: Наука. 212 с.
- Sankardeş-Şenol G., 2015. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 1. Alexandria: Centre d'Études Alexandrines. 612 p.
- Finkielsztein G., 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ*. Premier bilan. BAR IS 990. Oxford: Oxford Press. 260 p.
- Monachov S. Ju., 2006. “Pseudo-Heraklean” Amphoras of the 4th – The First Quarter of the 3rd Centuries B.C. From the Polises of Southern Black-Sea Region // *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. Vol. I. Batumi: Trabzon. P. 11–14.

Rotroff S., 1991. Attic West Slope Vase Painting // *Hesperia*. № 60. P. 59–102.

Rotroff S., 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton ; New Jersey : The American School of Classical Studies at Athens. 979 p.

REFERENCES

Anfimov N.V., 1951. Meoto-sarmatskiy mogil'nik u stanitsy Ust'-Labinskoy [Maeotian-Sarmatian Burial Ground Near the Village of Ust-Labinskaya]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research on Archeology of the USSR], no. 23. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, pp. 155-207.

Bochkovoy V.V., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Pogrebeniya s amforami iz mogil'nika gorodishcha Spornoye [Burials with Amphorae from the Burial Ground of the Settlement of Spornoe]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Researches on Archeology of the Kuban Region], iss. 5. Krasnodar, KubSU, pp. 172-218.

Kamenetskiy I.S., 1989. Meoty i drugiye plemena severo-zapadnogo Kavkaza v VII v. do n.e. – III v. n.e. [Maeotians and Other Tribes of the North-Western Caucasus in the 7th Century B.C. – 3rd Century A.D.]. *Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR* [Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time. Archeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 224-251.

Kaminskaya I.V., 1984. Meotskiy mogil'nik u khutora Aleksandrovskego [Maeotian Burial Ground Near the Farm of Alexandrovsky]. *Voprosy arkheologii Adygei* [Questions of Archeology of Adygea]. Maykop, pp. 80-82.

Kats V.I., 2007. *Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya). Bosporskie issledovaniya* [Greek Ceramic Classic and Hellenistic Stamps (A Complex Study). Bosporan Studies], vol. XVIII. Simferopol, Kerch, Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies of the NASU, Center for Archaeological Research "Demetra". 480 p.

Leskov A.M., Beglova Ye.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R., 2005. *Meoty Zakuban'ya v seredine VI – nachale III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Pogrebal'nyye komplekсы* [Maeotians of the Trans-Kuban Region in the Middle of the 6th – Beginning of the 3rd Centuries B.C. Necropolises Near the Village of Ulyap. Burial Complexes]. Moscow, State Museum of Oriental Art. 184 p.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of the Ceramics Complexes with Antique Imports from the Excavations of the Maeotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban River]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archeology of the Kuban Region], iss. 5. Krasnodar, KubSU, pp. 219-324.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2012. *Meotskie drevnosti VI–V vv. do n.e. (po materialam gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani)* [Maeotian Antiquities of the 6th–5th Centuries BC (Based on Materials from Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban)]. Krasnodar, Traditsiya Publ. 316 p.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2016. Pogrebeniye so steklyannoy chashey iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [A Burial With a Glass Cup From the Cemetery of Stary-Korsun Townsite No. 2]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News], iss. 22, pp. 76-84.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2017. Atributsiya i khronologiya chernolakovykh kanfarov iz meotskikh pamyatnikov Prikuban'ya [Attribution and Chronology of Black Glazed Kantharoi from Maeotian Monuments of the Kuban Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 181-198.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019. Pogrebeniya s rodosskimi amforami iz meotskikh mogil'nikov Krasnodarskoy gruppy [Burials with Rhodian Amphorae From the Meotian Cemeteries of the Krasnodar Group]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology], vol. 19, iss. 19, pp. 318-341. DOI: <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2019-19-318-341>

Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2022. Pogrebeniye s grecheskimi importami pozdneklassicheskogo vremeni iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [Burial with Greek Imports of the Late Classical Period from the Burial Ground of the Starokorsunskaya Settlement No. 2]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News], iss. 35, pp. 222-229.

Monakhov S.Yu., 1999. *Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Komplekсы keramicheskoy tary VII–II vekov do n.e.* [Greek Amphorae in the Black Sea Region. Complexes of Ceramic Containers of the 7th – 2nd Centuries BC]. Saratov, Saratov University. 680 p.

- Monahov S. Yu., 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushhih centrov-eksportyrovov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in the Pontic Region. Typology of Amphorae of the Main Ceramic Ware Exporting Centers. Catalog and Guide]. Moscow, Kimmerida Publ., Saratov, Saratov SU. 352 p.
- Monakhov S. Yu., Kuznetsova Ye. V., 2022. «Mendeyskiye» amfory iz Prikubanskogo nekropolya: voprosy khronologii [“Mendeian” Amphorae from the Prikubansky Necropolis: Questions of the Chronology]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News], iss. 35, pp. 145-158.
- Monakhov S. Yu., Marchenko I. I., Limberis N. Yu., Kuznetsova E. V., Churekova N. B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E. D. Felitsyna)* [Amphorae of the Prikubansky Necropolis of the 4th– Early 3rd Century B.C. (From the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn)]. Saratov, Volga Publ. 324 p.
- Monakhov S. Yu., Marchenko I. I., Limberis N. Yu., Kuznetsova E. V., Churekova N. B., 2022. *Amfory VII–I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika imeni E. D. Felitsyna* [Amphorae of the 7th– 1st Century B.C. from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn]. Saratov, Amirit Publ. 304 p.
- Fedoseev N. F., 2016. *Keramicheskie kleyma. Gerakleya Pontiysskaya* [Ceramic Stamps. Heraclea Pontica], vol. II. Kerch, Solo-Rich Publ. 320 p.
- Erlikh V. R., 2011. *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n.e.* [The Shrines in the Necropolis of the Tenginskaya Settlement II, IV Century B.C.]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.
- Cankardeş-Şenol G., 2015. *Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps*. Vol. 1. Alexandria, Centre d'Études Alexandrines. 612 p.
- Finkielsztejn G., 2001. *Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan*. BAR IS 990. Oxford, Oxford Press. 260 p.
- Monachov S. Ju., 2006. “Pseudo-Heraklean” Amphoras of the 4th – The First Quarter of the 3rd Centuries B.C. from the Polises of Southern Black-Sea Region. *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*, vol. I. Batumi, Trabzon, pp. 11-14.
- Rotroff S., 1991. Attic West Slope Vase Painting. *Hesperia*, no. 60, pp. 59-102.
- Rotroff S., 1997. *Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. The Athenian Agora*, vol. XXIX. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens. 979 p.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.8>UDC 903'1(47+57):666.3
LBC 63.442.7(2)-415Submitted: 02.12.2022
Accepted: 28.02.2023

POLTSEVSKAYA CULTURES OF PRIMORYE IN THE CONTEXT OF ETHNOCULTURAL INDICATORS

Olga V. Dyakova

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East,
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation

Abstract. The spreading area of monuments of the Poltsevsкая culture of the Far East is extensive. In Russia, they are located across the territories of the Amur region and of Primorye, in China they spread throughout Manchuria. The time of the functioning of culture falls on a difficult historical period of transition from antiquity to the Middle Ages, including the era of the great migration of peoples. The degree of study of the Poltsevsкая culture varies across territories. In the Amur region, the dynamics of the development of the Poltsevsкая culture was revealed: Zheltyy Yar (7th–6th century BC); Poltsevsкая (6th–2nd–1st centuries BC); Kukelevsky (1st–4th centuries AD), the contact of the Poltsevsкая culture with medieval Tungus-Manchus people (carriers of the Mohe culture) was traced, two locally-chronological groups of monuments Blagoslaveninskaya and Naifeldskaya with Poltsevo-Mohe traditions were identified (4th–9th centuries AD). In China, three of its varieties were distinguished. In Primorye, the study of culture is controversial, which is manifested in the variety of cultural names including those of Suyfunsкая, Olginskaya, Poltsevsкая, Smolninskaya and Nikolaevskaya. All the cultural communities claim to be independent. However, the identified cultural indicators on the single-layer monuments of Primorye: Monakino 4, Wrangel 3, Mikhailovskoye settlement as evidence for a common Poltsevsкая culture or identity developing in time and space. The Poltsevsкая culture traditions are preserved in the material culture of the Far Eastern Paleoasiates (Nivkhs people) up to the present.

Key words: Primorye, Poltsevsкая culture, Smolninskaya culture, Olginskaya culture, Nikolaevskaya culture, stratigraphy, ceramics.

Citation. Dyakova O.V., 2023. Kul'tury pol'tsevskogo kruga Primor'ya v kontekste etnokul'turnykh indikatorov [Poltsevsкая Cultures of Primorye in the Context of Ethnocultural Indicators]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 114-127. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.8>

УДК 903'1(47+57):666.3
ББК 63.442.7(2)-415Дата поступления статьи: 02.12.2022
Дата принятия статьи: 28.02.2023

КУЛЬТУРЫ ПОЛЬЦЕВСКОГО КРУГА ПРИМОРЬЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИНДИКАТОРОВ

Ольга Васильевна Дьякова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток, Российская Федерация

Аннотация. Ареал распространения памятников польцевской культуры Дальнего Востока обширен. В России он охватывает территории Приамурья и Приморья, в Китае – Маньчжурию. Время функционирования культуры приходится на сложный исторический период – переход от древности к средневековью, включая эпоху «великого переселения народов». Степень изученности польцевской культуры на территориях различная. В Приамурье выявлена динамика развития польцевской культуры по этапам: желтоярский (VII–VI вв. до н.э.); польцевский (VI–II–I вв. до н.э.); кукелевский (I–IV вв. н.э.), прослежен контакт польцевцев со средневековыми тунгусо-маньчжурами (носителями мохэской культуры) и выделены две локально-хронологические группы памятников с польцевско-мохэскими традициями: благословеннинская и найфельдская (IV–IX вв. н.э.). В Китае выделены три ее разновидности. В Приморье изучение культуры дискуссионно.

Это проявляется в многочисленности применяемых для нее названий – суйфунская, ольгинская, польцевская, польцевская культурная общность, смольнинская, николаевская. Все культуры претендуют на самостоятельность. Однако выявленные культурные индикаторы на однослойных памятниках Приморья Монакино-4, Врангель-3, Михайловское городище, показывают, что перед нами польцевская культура, развивающаяся во времени и пространстве. Польцевские традиции сохраняются в материальной культуре дальневосточных палеоазиатов (нивхов) вплоть до современности.

Ключевые слова: Приморье, польцевская культура, смольнинская культура, ольгинская культура, николаевская культура, стратиграфия, керамика.

Цитирование. Дьякова О. В., 2023. Культуры польцевского круга Приморья в контексте этнокультурных индикаторов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.8>

В археологии Приморья польцевская культура занимает особое место, поскольку время функционирования культуры приходится на сложный исторический период – переход от древности к средневековью, включая эпоху «великого переселения народов». В России география польцевских памятников охватывает Приамурье и Приморье, в Китае – Маньчжурию, в КНДР – северо-восток Корейского полуострова. Происхождение, генезис, динамика, корреляция, синхронизация памятников, локальных вариантов культуры исследованы неравнозначно и неоднозначно. Динамика развития польцевской культуры от раннего железного века до средневековья разработана только для Приамурья, где выделены три этапа развития польцевской культуры: желтоярковский (VII–VI вв. до н.э.); польцевский (VI–II–I вв. до н.э.); кукелевский (I–IV вв. н.э.), прослежен контакт польцевцев со средневековыми тунгусо-маньчжурами (носителями мохэской культуры) и выделены две локально-хронологические группы памятников с польцевско-мохэскими традициями: благословеннинская и найфельдская (IV–IX вв. н.э.) [Деревянко, 1976, с. 161; Дьякова, 1984, с. 86–91; 1993]. Отмечен польцевский компонент в керамике амурских чжурчжэней в X в. [Медведев, 1986]. Китайские археологи на северо-востоке провинции Хэйлунцзян в районе Саньцзян (между реками Амур, Сунгари, Уссури) выделили три культуры с польцевскими традициями: ваньянхэ (II в. до н.э. – II в. н.э.) – идентична польцевской амурской; гунтулин (II в. до н.э. – II в. н.э.); фэнлинь (III–IV вв. н.э.) [Хон Хё У, 2008, с. 24–25]. В Приморье ситуация с изучением польцевской культуры оказалась много сложнее. Начало ее изучению положил ака-

демик А.П. Окладников, проследивший миграции польцевского населения в Приморье в IV–III вв. до н.э. по Амуру и его притокам [Окладников, 1959, с. 259; Окладников, Деревянко, 1970]. Однако сразу же возникла дискуссия, продолжающаяся и в настоящее время, в результате которой появилась серия новых названий культуры – суйфунская [Пронина, Андреева, 1964], ольгинская [Андреева, 1970; Яншина, 2010], польцевская [Окладников и др., 1972], польцевская культурная общность [Коломиец, 2005; Коломиец и др., 2002], смольнинская [Шавкунов, 2015; 2017], николаевская [Гельман, 2006].

Такое состояние проблемы отражает разные методологические подходы к изучению археологических памятников. А.П. Окладникова и исследователи его школы упор делали на стратиграфическую обоснованность выделения польцевского слоя, классификацию материала и датировку [Деревянко, 2000]. Примером тому служат масштабные стационарные раскопки поселения Сопка Булочка, позволившие выявить периодизационную нишу польцевского слоя, зафиксировав его между кроуновским и средневековым культурными слоями [Окладников и др., 1972; Деревянко, Медведев, 2008]. Позднее такая же стратиграфическая ситуация была подтверждена раскопками на Новогордеевском городище [Болдин и др., 1990]. В академической археологии Владивостока изначально преобладало стремление обозначить «особость» приморской археологии от приамурской. Однако данная «особость» базировалась в основном на материалах поликомпонентных памятников, включавших польцевские, бохайские и кроуновские вещи в нестратифицированных слоях, на что неоднократно указывали оппо-

ненты [Дьякова, 1993; Бродянский, 2014, с. 133; Бродянский, 2010; Шавкунов, 2017]. Стратиграфическая неясность и смешанность материалов стали тормозом для объективного анализа приморской польцевской культуры. Разрешать эту проблему возможно и необходимо через материалы однослойных стационарно раскопанных памятников с выявлением на них этнокультурных индикаторов, позволяющих установить одна ли это культура, развивающаяся во времени и пространстве, или разные. Заметим, что в Приморье культурно-значимые признаки польцевской культуры до сих пор не сформулированы и исследователи при идентификации памятников ориентируются на польцевские материалы Приамурья. К диагностическим признакам польцевской культуры Приамурья относятся: лепные плоскодонные слабопрофилированные горшковидные сосуды с вафельным орнаментом по всему тулову; плоскодонные, доработанные на круге, сосуды с воронковидной горловиной и блюдовидным венчиком, с прочерченным, гребенчатым, ногтевым, ямочным, пальцевым декором; чаши-пиалы; металлические изделия – железные ножи с прямой спинкой; плоские наконечники стрел треугольной формы, подпрямоугольные панцирные пластины.

В настоящее время в Приморье по опубликованным и архивным полевым материалам выявлено 56 археологических памятников, отнесенных исследователями к польцевской, ольгинской, смольнинской, николаевской культурам и которые автор статьи обозначает как культуры польцевского круга, представленные городищами, поселениями и могильниками (рис. 1).

Однослойных стационарно раскопанных памятников, пригодных для культурной диагностики, всего три: курганный могильник Монакино-4, Михайловское городище, поселение Врангель-3. Рассмотрим их подробнее.

Курганный могильник Монакино-4 (Партизанский район Приморского края) (рис. 1). Расположен в 2,8 км к северо-востоку от с. Монакино. Обнаружен при проведении хозяйственных работ археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 2011 г. [Артемьева, 2011а; 2011б, с. 157]. Возведен на западном склоне мысовидного от-

рога, с южной стороны которого протекает Козловский ключ. Монакинский курганный комплекс состоит из 30 объектов, занимающих площадь 1 тыс. м². Курганы выложены из местного камня разного размера. Диаметр основания курганов не превышает 10 м, высота достигает 1,5–2 м. В центре курганов зафиксированы воронки диаметром 1,5–2 м, глубиной 0,8 м. С северной стороны по краю мыса прослежена каменная насыпь высотой до 1 м. Раскопано 2 кургана. Выявлено, что нижняя часть камней опиралась на кольцевую кладку, затем накладывались другие камни, образуя холм. В одном кургане «в центре курганного кольца, при зачистке материкового скальника, в некоторых местах были видны камни, стоящие вертикально, напоминающие стенки могильной камеры» [Артемьева, 2011а, с. 75], в другом кургане «...проявились камни, стоящие в некоторых местах вертикально и в ряд, создавая тем самым так называемый каменный ящик. Его ширина 0,6–0,8 м, длина 1,5–1,8 м, глубина 0,4 м. Внешне каменный ящик напоминает погребальную камеру, которая встречалась на могильниках железного века. Дно каменного ящика заложено скальными камнями» [Артемьева, 2011а, с. 75]. По обнаруженным артефактам – керамике с блюдовидным венчиком, железной панцирной пластинки, кремневого наконечника стрелы, сосуда горшковидной формы – курганы могильника Монакино-4 отнесены к польцевской культуре и датированы, по аналогии с Приамурьем, концом I тыс. до н.э.

Вывод. Курганный могильник Монакино-4 по этнокультурным индикаторам соответствует польцевской культуре Приамурья. Инновационным является сам погребальный памятник – каменные курганы с ящиком, до этого не обнаруженные в Приамурье.

Поселение Врангель-3 (г. Находка Приморского края) (рис. 1). Расположено вблизи Восточного порта на берегу бухты Врангеля залива Находка Японского моря. Занимает террасы, вершину и склоны отдельно стоящей небольшой сопки. Стационарно исследован при проведении хозяйственных работ археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в 2021 г. [Артемьева, 2011а]. На 5 тыс. м² вскрыто более

50 наземных жилищ, располагавшихся на террасах по склону сопки. Одной стороной жилища оказались врезаны в сопку. Отопительной системой жилищ служил каменный кан. Артефакты представлены плоскодонными горшками с вафельным декором по тулову, плоскодонными сосудами с блюдовидными венчиками и горизонтально-прочерченным декором, чашами-пиалами, сосудами на колоколовидных поддонах. Поселение отнесено к польцевской культуре, отмечено присутствие в комплексах кроуновских элементов – канов, сосудов на колоколовидных поддонах. Архивные источники, предварительные публикации материала, визуальное знакомство с разрешения автора раскопок с артефактами памятника позволяет полагать, что поселение Врангель-3 после введения материала в научный оборот может войти в разряд эталонных памятников польцевской культуры Приморья.

Вывод. По типовому составу находок – сосудов с блюдовидным венчиком, слабопрофилированных горшков с вафельным декором, чаш-пиал – поселение Врангель-3 соответствует этнокультурным индикаторам польцевской культуры Приамурья, являясь их типолого-хронологическим продолжением. Инновационными артефактами служат – кан и сосуды на колоколовидных поддонах, свидетельствующие о контакте польцевцев с носителями кроуновской культуры.

Михайловское городище (Ольгинский район Приморского края) (рис. 1, 2, 3). Расположено в 4 км к юго-востоку от с. Михайловка на 5–9 метровом мысовидном выступе второй надпойменной террасы левого берега р. Аввакумовки. Стационарно городище исследовалось Амуро-Приморской археологической экспедицией в 2019 г. [Дьякова, 2019, № 801]. Общая площадь памятника 0,25 га. Поверхность городища ровная с плавным метровым перепадом к западу. Городище укреплено тремя рядами валов и рвов. Северная сторона мыса (она же северная сторона городища) обрывистая, высотой до 5 м, обращена к Аввакумовке и не защищена валами. Западная сторона мыса пологая, спускается в распадок, где, судя по аллювиальным отложениям, в древности протекал ручей. К северо-западному углу городища под-

нималась дорога, защищенная с южной стороны валами, а с западной – небольшим строением с обваловкой (рис. 2). Южная сторона городища укреплена тройными рядами валов и рвов, к которым подходила дорога. Внутренний вал городища П-образной формы с прямым юго-восточным углом и укороченным западным валом. Общая длина внутреннего вала 55 м (восточный участок – 23 м, южный – 26 м, западный – 6 м). Средний и внешний валы Г-образной формы со скругленным юго-восточным углом. Углом валы ориентированы на юго-восток. Длина среднего вала 89 м (восточный участок – 31 м, южный – 58 м); длина внешнего вала 65 м (восточный участок 41 м, южный – 24 м). Валы разделены рвами, глубина которых от дневной поверхности варьирует в пределах 0,6–0,4 м. Высота внутреннего вала от дна рва до гребня – 1,15 м, среднего вала – 1 м, внешнего вала – 0,32 м. Валы отстоят друг от друга на расстоянии 7–4 м. С внутренней стороны углов внутреннего и внешнего валов зафиксированы углубления круглой формы диаметром 1 м, глубиной 0,2 м. По гребню внутреннего вала зафиксированы столбовые ямы, вероятно, остатки возведенной на валу деревянной стены. Подобная конструкция на укреплениях Приморья встречается впервые. Валы отсыпаны из камня и гравийно-песчаной почвы, добытой из рвов. Внутренний вал с внешней стороны облицован скальным камнем. Аналогичная облицовка зафиксирована в местах стыковки рвов с валами, а так же на дне рва.

На городище прослежены два входа – с южной и западной сторон. Южный вход расположен с уплощенной стороны мыса и представлен насыпной почвенно-каменной платформой, соединяющей между собой все валы и рвы. Платформа прямоугольной формы, длиной – 17,5 м, шириной в средней части 3,2 м. С внешней стороны городища к ней подходит дорога. С внутренней стороны дорожная платформа заканчивается входными воротами, от которых сохранились столбовые ямы. Расстояние между столбовыми ямами – 4,5 м. Диаметр ям – 0,6 м, глубина – 0,3 м. Западный вход (спуск с городища к ручью и реке) охранялся небольшим сторожевым пунктом.

На городище вскрыт металлургический комплекс, включавший горн, производствен-

ное помещение, инструментарий, литейную форму, шлаки, крицу (рис. 3,9,10, 4,12).

В коллекции содержится керамика трех категорий: лепная, в виде горшков с вафельным декором; доработанные на круге вазо-видные сосуды с горизонтальными рядами ногтевых оттисков, горизонтально-прочерченных прямых и волнистых борозд, поясов с правонаклонными вдавлениями лопаточкой, ямочных рядов (рис. 4,1–12); фрагментами круговой сероглиняной керамики с вафельным декором, штампованным геометрическим орнаментом и чернением поверхностей. Встречен один фрагмент дна от пароварки.

Железные изделия представлены панцирными пластинками, наконечниками стрел, ножами и зубилом (рис. 3,5–7).

Панцирные пластинки представлены тремя типами: удлиненной формы шириной 17 мм с шестью парами отверстий; удлиненной формы шириной 24–25 мм с четырьмя парами отверстий; подпрямоугольной формы со срезанными углами шириной 30 мм. Пластины подпрямоугольной формы Михайловского городища соответствуют пластинам польцевской культуры Приамурья [Дьякова, Шавкунов, 2020, с. 7–19].

Наконечники стрел представлены пламевидным типом (рис. 3,1–4), делящемся по сечению пера на пять вариантов: с уплощенно-треугольным сечением без шейки; с ромбическим сечением без шейки; с ромбическим сечением и плоской шейкой; с уплощенно-треугольным сечением и плоской шейкой; с Z-образным сечением без шейки. Наконечники с уплощенно-треугольным сечением без шейки традиционны для польцевской культуры Приамурья и входят в его идентификационный код. Остальные наконечники имеют широкое распространение в культурах Дальнего Востока [Дьякова, Шавкунов, 2020, с. 7–19].

Ножи (рис. 3,8,11) представлены тремя типами: с прямой спинкой и упором со стороны лезвия; с прямой спинкой и с упорами со стороны спинки и лезвия; с вогнутой спинкой и упором со стороны лезвия. Первый тип ножей – с прямой спинкой и упором со стороны лезвия – впервые появляется в польцевской культуре Приамурья, встречается на памятниках, отнесенных исследователями к польцевской, смольнинской, ольгинской и николаевской культурам Приморья. В настоящее

время данный тип ножей является традиционным для палеоазиатского населения Нижнего Амура – нивхов [Орлова, 1964, с. 215–217, рис. 1–5]. Заметим, что племена нивхов до XVII в. проживали и в Приморье. Что касается ножей с прямой спинкой и с упорами со стороны спинки и лезвия, то они традиционны для средневековых тунгусо-маньчжуров (мохэская, бохайская, чжурчжэньская культуры), появившихся в Приамурье и Приморье в первой половине I тыс. н.э., и современных (нанайцы, удэгейцы).

Зубило клиновидной формы и прямоугольным сечением (рис. 3,9). Аналогичные инструменты обнаружены в жилище № 7 на поселении Польце I в Приамурье [Дервянко, 1976, табл. XXVIII,3,4, табл. XXIX,4].

Вывод. По этнокультурным индикаторам: лепной и доработанной на круге керамике, железным артефактам – ножам, панцирным пластинам, плоским наконечникам стрел треугольной формы, зубилу, Михайловское городище однозначно соотносится с польцевской культурой. При этом в форме и орнаментике керамического материала Михайловского городища прослеживается дальнейшее его типологическое развитие. Функционирование Михайловского городища в эпоху средневековья подтверждается радиоуглеродными датами, свидетельствующими, что построено оно в VI в. н.э. (LE-12102: 1520 ± 40; ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США) 1535 ± 30; 1550 ± 30). Этой дате не противоречит круговая сероглиняная посуда со штампованным декором, обнаруженная на памятнике возле горна. В Приамурье аналогичные сосуды зафиксированы в закрытых комплексах на нескольких памятниках культуры амурских чжурчжэней во второй половине I тыс. н.э. [Медведев, 1986, с. 68].

Обсуждение результатов

Таким образом, стационарные исследования однослойных памятников, представленных курганным могильником Монакино-4, поселением Врангель-3 и Михайловским городищем, позволяют выявить в полученном

материале идентификационные этнокультурные индикаторы: лепные плоскодонные слабопрофилированные горшковидные сосуды с вафельным орнаментом по всему тулову; плоскодонные, доработанные на круге, сосуды с блюдовидным венчиком, прочерченным, гребенчатым, ямочным, ногтевым, пальцевым декором; чаши-пиалы; металлические изделия – железные ножи с прямой спинкой; плоские наконечники стрел треугольной формы, панцирные пластины. Данные этнокультурные индикаторы памятников Приморья соответствуют культурному коду (этнографическому комплексу) памятников польцевской культуры Приамурья и во многом являются его производным, поскольку продолжали развиваться во времени и пространстве (рис. 5). «Особость» польцевской культуры в Приморье заключается в появлении в ней отдельных компонентов более ранней для этой территории кроуновской культуры, на земли которой пришли польцевцы, позаимствовав кановую отопительную систему, сосуды на ко-

локоловидных поддонах, пароварки, что изначально было отмечено А.П. Окладниковым при раскопках Сопки Булочка и подтверждено впоследствии А.П. Деревянко и В.Е. Медведевым [Деревянко, Медведев, 2008]. Польцевские традиции (ножи с прямой спинкой) сохранялись в Приамурье у палеоазиатов (нивхов) вплоть до современности. Нивхи – древние аборигены Дальнего Востока, в первую очередь, бассейна Нижнего Амура, сохранившие свой язык и культуру. Согласно письменным источникам, в Приморье нивхи обитали до XVII в., но их археологические следы эпохи позднего средневековья в настоящее время не обнаружены или пока еще не замечены исследователями.

Выявленные этнокультурные индикаторы показывают, что в Приморье от древности до средневековья функционировала польцевская культура, связанная своим происхождением с палеоазиатским населением (нивхами) и вплоть до современности сохранявшая свои традиции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

■ **Польцевские городища:** 1 – городище Гончаровка 3; 2 – Глазовка-городище; 3 – Красный ключ; 4 – Рудановское городище; 5 – Анучино 2; 6 – Малое городище Ратное-Тайга; 7 – Михайловское городище; 8 – Городище Ариадное 2; 9 – Городище Крыловка; 10 – Городище Подгорное 1; 11 – Городище Дубовское 3; 12 – Городище Кокшаровка 6.

● **Городища с польцевским слоем:** 13 – Ауровское городище; 14 – Борисовское городище; 15 – Новогордеевское городище; 16 – Городище Маревка 1.

▲ **Польцевские поселения:** 17 – Малые Ключи-1; 18 – Ключ 1; 19 – Крутой Яр-3 (Сухой Ключ); 20 – Иман; 21 – Мельничное; 22 – Утес Круча; 23 – Дальний Кут-3; 24 – Дальний Кут-15; 25 – Соболиный-2; 26 – Поселение Верхний Перевал-26; 27 – Ленино; 28 – Судзухе – остров; 29 – Судзухе-5; 30 – Абрамовка 7; 31 – Ретиховка-Геологическая; 32 – Нововладимировка 3; 33 – Загородное XVI; 34 – Поселение Таношкин ключ; 35 – Богополь; 36 – Врангель 3; 37 – Малая Подушечка; 38 – Сопка Булочка; 39 – Круглая долина; 40 – Синие Скалы; 41 – Сенькина шапка; 42 – Самарга

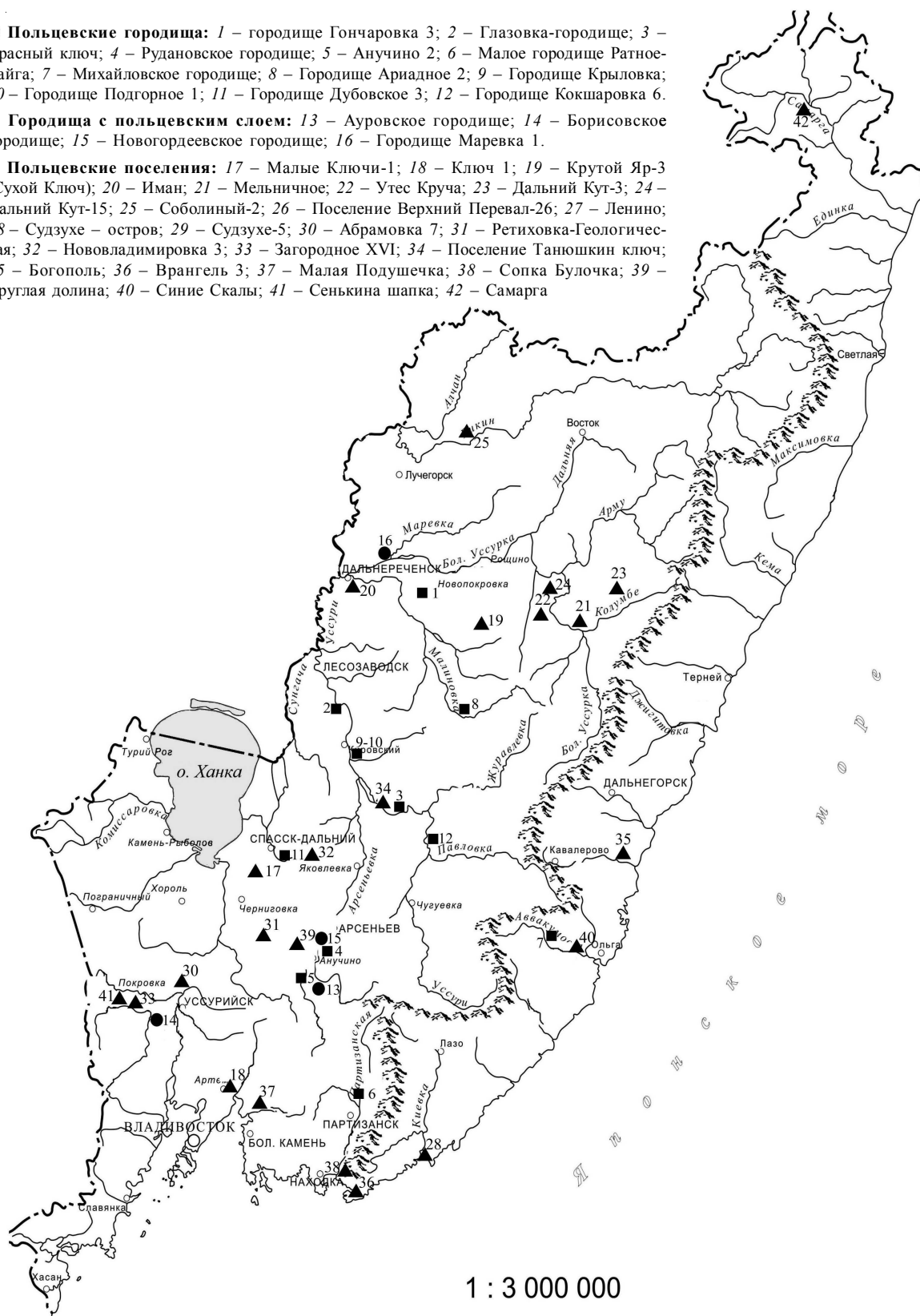

Рис. 1. Карта памятников польцевской культуры Приморья
 Fig. 1. Map of Poltsevskaya culture monuments of Primorye

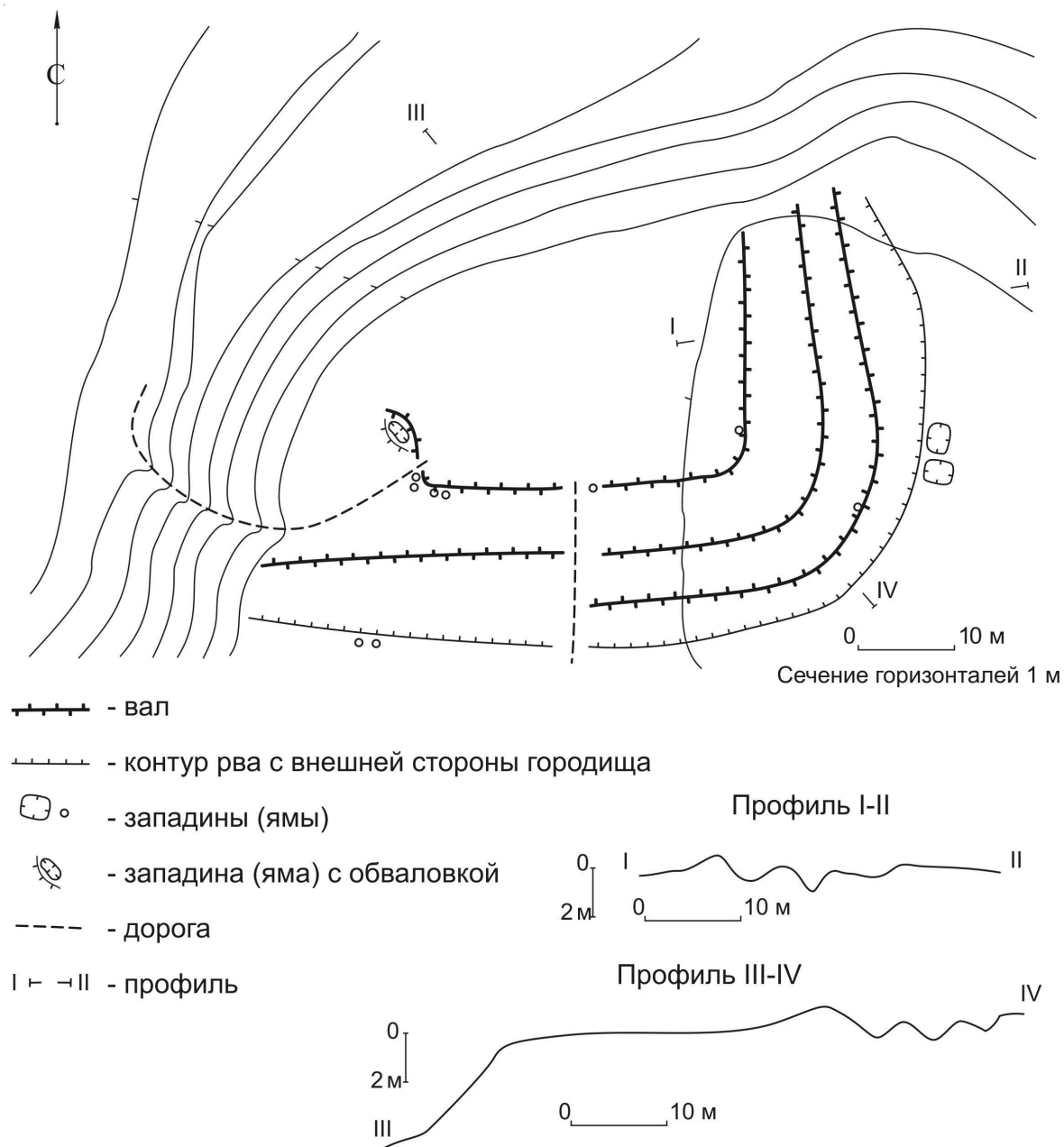

Рис. 2. План Михайловского городища
 Fig. 2. Plan of Mikhailovskoye fortified settlement

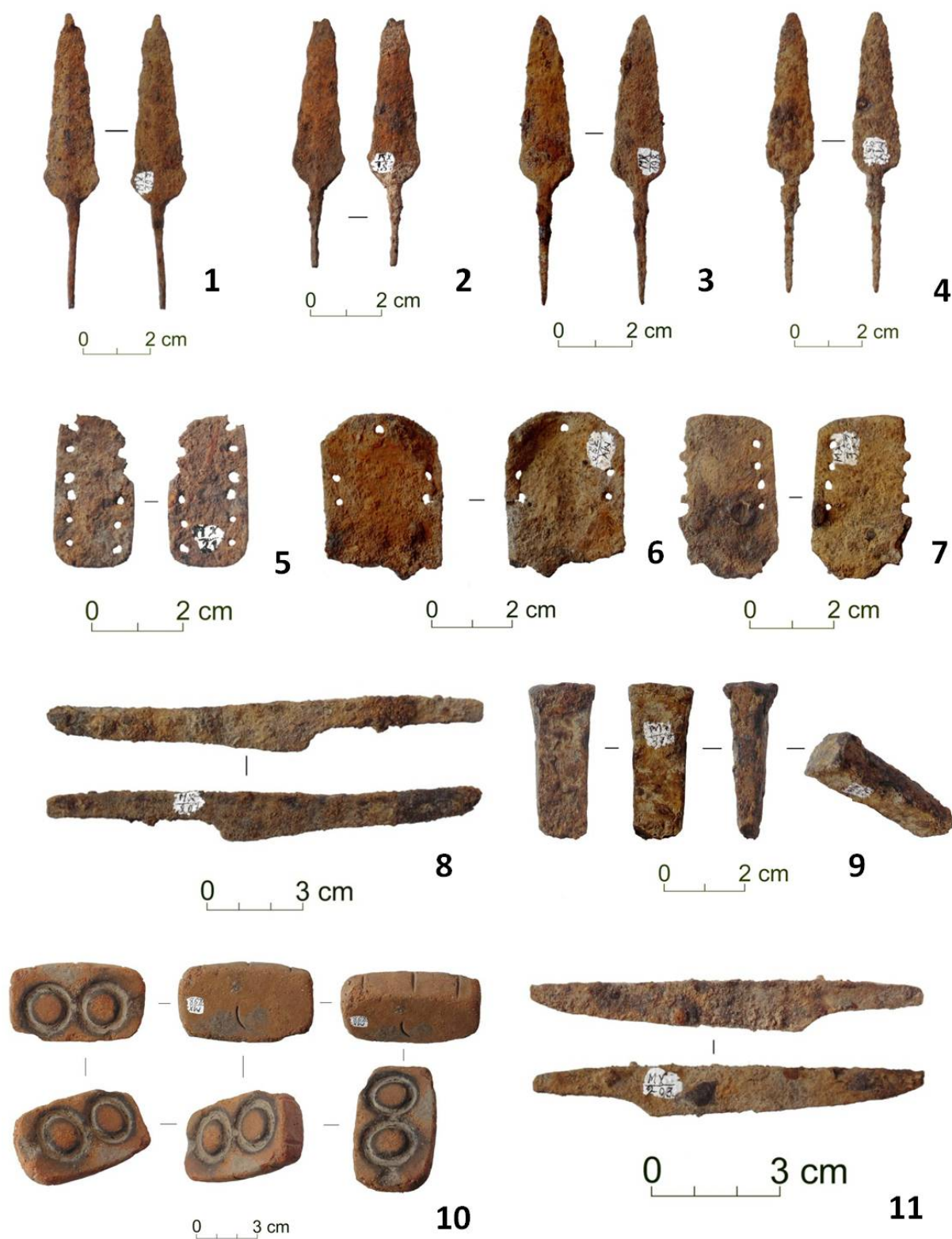

Рис. 3. Михайловское городище:

1-4 – железные наконечники стрел; 5-7 – панцирные пластинки; 8, 11 – железные ножи;
9 – зубило; 10 – литейная форма

Fig. 3. Mikhailovskoye fortified settlement:

1-4 – iron arrowheads; 5-7 – armor plates; 8, 11 – iron knives; 9 – chisel; 10 – casting mold

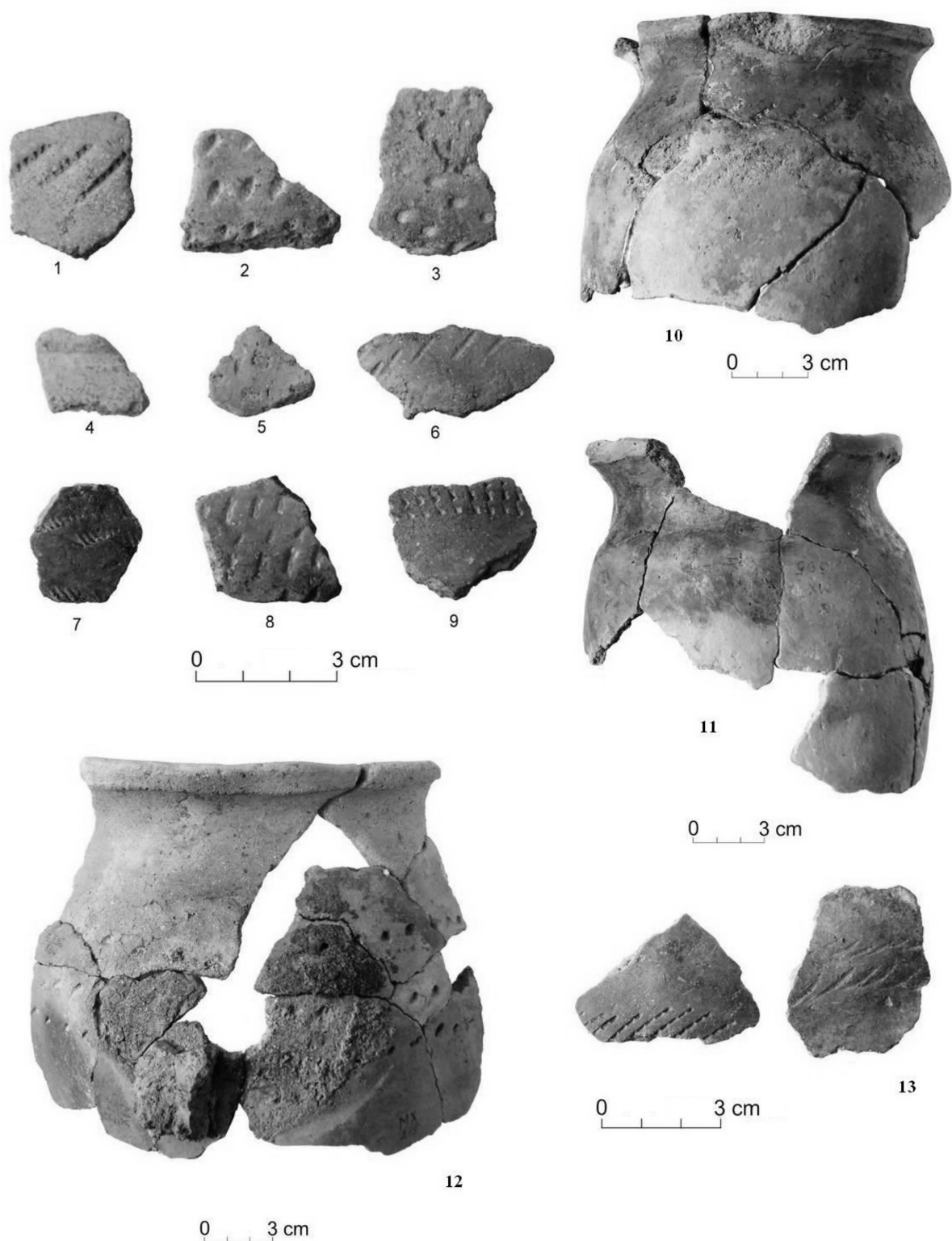

Рис. 4. Михайловское городище:

1–13 – горшководные сосуды с врезным орнаментом

Fig. 4. Mikhailovskoye fortified settlement:

1–13 – pot-shaped vessels with incised ornament

Культуры польцевского круга	Сосуды с блюдовидным венчиком	Горшки с вафельным орна ментом	Треугольные наконечники стрел	Ножи с прямой спинкой
Польцевская Приамурье	+	+	+	+
Польцевская Приморье	+	+	+	+
Смольнинская	—	+	+	+
Ольгинская	+	+	+	+

Рис. 5. Корреляционная таблица этнокультурных индикаторов культур польцевского круга: польцевская Приамурья, польцевская Приморья, смольнинская, ольгинская

Fig. 5. Correlation table of ethnocultural indicators of the Poltsevskaia Cultures: Poltsevskaia culture of Priamurye, Poltsevskaia culture of Primorye, Smolninskaya culture, Olginskaya culture of Primorye

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Ж. В., 1970. Древнее Приморье. М. : Наука. 146 с.
- Артемьева Н. Г., 2011а. Отчет об археологических исследованиях на памятниках Краснополье-1, Монакино-4, Ратное-3, Ратное-5 в Партизанском районе Приморского края в 2011 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. № 683. 330 с.
- Артемьева Н. Г., 2011б. Первый могильник польцевского времени на территории Приморья // Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток : Изд-во ДВФУ. С. 159–178.
- Болдин В. И., Дьякова О. В., Сидоренко Е. В., 1990. Новогордеевское городище как источник для периодизации культур Приморья // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток : Изд-во ДВО АН СССР. С. 19–30.
- Бродянский Д. Л., 2010. Польцевские неясности // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности Тихоокеанских стран. Владивосток : Изд-во ДВФУ. С. 179–184.
- Бродянский Д. Л., 2014. Рудановское городище (анучинская и польцевская культуры в Приморье) // Тихоокеанская археология. Вып. 28. Владивосток: Изд-во ДВФУ. 133 с.
- Гельман Е.И., 2006. Керамика чжурчжэней Приморья // Россия и АТР. № 1. С. 93–104.
- Деревянко А. П., 1976. Приамурье (I тысячелетие до н.э.). Новосибирск : Наука. 384 с.
- Деревянко А. П., 2000. Польцевская культура на Амуре. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН. 68 с.
- Деревянко А. П., Медведев В. Е., 2008. К проблеме преобразования культур позднейшей фазы древности на юге Приморья (по материалам исследований поселения Булочка) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (35). С. 14–35.
- Дьякова О. В., 1984. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. М. : Наука. 206 с.
- Дьякова О. В., 1993. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Ч. 1. Владивосток : Дальнаука. 176 с.
- Дьякова О. В., 2019. Отчет Амуро-Приморской археологической экспедиции о раскопках Михайловского городища в Ольгинском районе Приморского края в 2019 г. // Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. № 801. 180 с.
- Дьякова О. В., Шавкунов В. Э., 2020. Этнокультурный ландшафт польцевской культуры Восточного Приморья (по материалам металлических изделий Михайловского городища) // Россия и АТР. № 3. С. 7–19.
- Коломиец С. А., Афремов П. Я., Дорофеева Н. А., 2002. Итоги полевых исследований памятника Глазковка – городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток : ДВО РАН. С. 142–155.
- Коломиец С. А., 2005. Памятники польцевской культурной общности юга Дальнего Востока России // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток : Дальнаука. С. 381–393.
- Медведев В. Е., 1986. Приамурье в конце I тыс. н.э. Новосибирск : Наука. 185 с.
- Окладников А. П., 1959. Далекое прошлое Приморья. Владивосток : Прим. кн. изд-во. 291 с.
- Окладников А. П., Деревянко А. П., 1970. Польце – поселение раннего железного века у с. Кукелево // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск : Изд-во ИИФФ СО АН СССР. 304 с.
- Окладников А. П., Глинский С. В., Медведев В. Е., 1972. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка в Сучанской долине // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. Вып. 2, № 6. С. 66–71.
- Орлова Е. П., 1964. Ножи гиляков // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 1. Новосибирск : РИО СО АН СССР. С. 215–222.
- Пронина Г. И., Андреева Ж. В., 1964. Приморье в I тысячелетии до н.э. // Древняя Сибирь (Макет I тома «Истории Сибири»). Улан-Удэ : СО АН СССР. С. 537–552.
- Хон Хён У, 2008. Керамика польцевской культуры на востоке Азии (V в. до н.э. – IV в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск : ИАЭ СО РАН. 30 с.
- Шавкунов В. Э., 2015. Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут). Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН. 163 с.

- Шавкунов В. Э., 2017. К вопросу о выделении ольгинской археологической культуры // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (22–23 мая 2017 г., Благовещенск – Хэйхэ). Вып. 7. Благовещенск : БГПУ. С. 167–173.
- Яншина О. В., 2010. Поселение Желтый Яр – к проблеме соотношения польцевских и ольгинских памятников // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж.В. Андреевой : сб. науч. тр. Владивосток : ООО «Рея». С. 259–272.

REFERENCES

- Andreeva Zh.V., 1970. *Drevnee Primorye* [Ancient Primorye]. Moscow, Nauka Publ. 146 p.
- Artemeva N.G., 2011a. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyakh na pamyatnikakh Krasnopol'e-1, Monakino-4, Ratnoe-3, Ratnoe-5 v Partizanskom rayone Primorskogo kraia v 2011 g. *Arhiv IIAEH DVO RAN*, f. 1, no. 683. 330 p.
- Artemeva N.G., 2011b. Pervyy mogilnik poltsevskogo vremeni na territorii Primorya [The First Burial Ground of the Poltsevo Time on the Territory of Primorye]. *Drevnosti po obe storony Velikogo okeana* [Antiquities Both Sides of the Great Ocean]. Vladivostok, FEPU, pp. 159-178.
- Boldin V.I., Dyakova O.V., Sidorenko E.V., 1990. Novogorodevskoe gorodishche kak istochnik dlya periodizatsii kultur Primorya [Novogorodevskoye Settlement as a Source for the Periodization of Primorye Cultures]. *Problemy srednevekovoy arkheologii Dalnego Vostoka: proishozhdenie, periodizatsiya, datirovka kultur* [Problems of Medieval Archeology of the Far East: Origin, Periodization, Dating of Cultures]. Vladivostok, Far East Branch AS USSR, pp. 19-30.
- Brodyanskiy D.L., 2010. Poltsevskie neyasnosti [Poltsevskie Ambiguities]. *Must'e Zabaykalya, zagadochnye dogu i drugie drevnosti Tihookeanskikh Stran*. Vladivostok, FEPU, pp. 179-184.
- Brodyanskiy D.L., 2014. Rudanovskoe gorodishche (anuchinskaya i poltsevskaya kultury v Primore) [Rudanovskoye Settlement (Anuchino and Poltsevo Cultures in Primorye)]. *Tihookeanskaya arheologiya*, iss. 28. Vladivostok, DVFU. 133 p.
- Gelman E.I., 2006. Keramika chzhurchzhzhney Primorya [Ceramics of Jurchen Primorye]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], no. 1, pp. 93-104.
- Derevyanko A.P., 1976. *Priamur'ye (Itysyacheletie do n.e.)* [Amur Region (I Millennium BC)]. Novosibirsk, Nauka Publ. 384 p.
- Derevyanko A.P., 2000. *Poltsevskaya kultura na Amure* [Poltsevo Culture on the Amur]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 68 p.
- Derevyanko A.P., Medvedev V.E., 2008. K probleme preobrazovaniya kultur pozdneyshey fazy drevnosti na yuge Primorya (po materialam issledovaniy poseleniya Bulochka) [Cultural Change During the Late Prehistoric Period in Southern Primorye (Based on Archaeological Evidence from the Bulochka Settlement)]. *Arheologiya, ehntografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], no. 3 (35), pp. 14-35.
- Dyakova O.V., 1984. *Rannesrednevekovaya keramika Dalnego Vostoka SSSR kak istoricheskiy istochnik IV–X vv.* [Early Medieval Ceramics of the Far East of the USSR as a Historical Source (IV–X c.)]. Moscow, Nauka Publ. 206 p.
- Dyakova O.V., 1993. *Proiskhozhdenie, formirovanie i razvitie srednevekovykh kultur Dalnego Vostoka. Ch. 1* [Origin, Formation and Development of Medieval Cultures of the Far East. Part 1]. Vladivostok, Dalnauka Publ. 176 p.
- Dyakova O.V., 2019. Otchet Amuro-Primorskoy arheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh Mihaylovskogo gorodishcha v Olginskom rayone Primorskogo kraia v 2019 g. [Report of the Amur-Primorsky Archaeological Expedition on the Excavations of the Mikhailovsky Settlement in the Olginsky District of Primorsky Krai in 2019]. *Arhiv IIAENDV DVO RAN*, f. 1, no. 801. 180 p.
- Dyakova O.V., Shavkunov V.Eh., 2020. Ehtnokulturnyy landshaft poltsevskoy kultury Vostochnogo Primorya po (materialam metallicheskih izdeliy Mihaylovskogo gorodishcha) [Ethnocultural Landscape of the Poltsevskaia Culture of Eastern Primorye (A Case Study of Metal Products of the Mikhailovsky Settlement)]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific], no. 3, pp. 7-19.
- Kolomiets S.A., Afremov P.Ya., Dorofeeva N.A., 2002. Itogi polevykh issledovaniy pamyatnika Glazovka – gorodishche [The Results of Field Research of the Glazovka – Gorodishche Monument]. *Arheologiya i kulturnaya antropologiya Dalnego Vostoka*. Vladivostok, FEB RAS, pp. 142-155.

- Kolomiets S.A., 2005. Pamyatniki poltsevskoy kulturnoy obshchnosti yuga Dalnego Vostoka Rossii [Monuments of the Poltsevo Cultural Community of the South of the Russian Far East]. *Rossiyskiy Dalniy Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy* [Russian Far East in Antiquity and the Middle Ages. Discoveries, Problems, Hypotheses]. Vladivostok, Dalnauka Publ., pp. 381-393.
- Medvedev V.E., 1986. *Priamure v kontse I tys n.e.* [Amur Region at the End of the I Millennium AD]. Novosibirsk, Nauka Publ. 185 p.
- Okladnikov A.P., 1959. *Dalyokoe proshloe Primorya* [The Distant Past of Primorye]. Vladivostok, Prim. kn. izd-vo Publ. 291 p.
- Okladnikov A.P., Derevyanko A.P., 1970. Poltse – poselenie rannego zheleznogo veka u s. Kukelevo [Poltse is an Early Iron Age Settlement Near the Village of Kukelevo]. *Materialy polevyh issledovaniy Dalnevostochnoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Materials of Field Research of the Far Eastern Archaeological Expedition]. Novosibirsk, IHHF SB RAS USSR. 304 p.
- Okladnikov A.P., Glinskiy S.V., Medvedev V.E., 1972. Raskopki drevnego poseleniya Bulochka u goroda Nahodka v Suchanskoy doline [Excavations of the Ancient Settlement of Bulochka Near the Town of Nakhodka in the Suchanskaya Valley]. *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya Obshchestvennyh nauk* [Proceedings of the Siberian Branch of AS USSR. Series Social Sciences], iss. 2, no. 6, pp. 66-71.
- Orlova E.P., 1964. Nozhi gilyakov [Knives of Gilyaks]. *Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir* [Materials on the History of Siberia. Ancient Siberia], iss. 1. Novosibirsk, RIO SO AN SSSR, pp. 215-222.
- Pronina G.I., Andreeva Zh.V., 1964. Primore v I tysyacheletii do n.eh. [Primorye in the First Millennium BC]. *Drevnyaya Sibir' (Maket I toma «Istorii Sibiri»)* [Ancient Siberia. Layout of the History of Siberia, vol. I]. Ulan-Ude, SB AS USSR, pp. 537-552.
- Hong Hyun U, 2008. *Keramika poltsevskoy kultury na vostoke Azii (V v. do n.e – IV v. n.e.): avtoref. dis... kand. ist. nauk* [Ceramics of the Poltsevo Culture in East Asia (V Century BC – IV Century AD). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 30 p.
- Shavkunov V.Eh., 2015. *Pamyatniki smolninskoy kultury Primorya (po materialam raskopok gorodishch Smolninskoe i Shayga-redut)* [Monuments of Smolno Culture of Primorye (Based on the Materials of Excavations of the Settlements Smolninskoye and Shayga-Redut)]. Vladivostok, IHAЕ FEB RAS. 163 p.
- Shavkunov V.Eh., 2017. K voprosu o vydelenii olginskoy arheologicheskoy kultury [On the Issue of the Allocation of the Olginsky Archaeological Culture]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (22–23 maya 2017 g., Blagoveshchensk – Heyhe)* [Russia and China: History and Prospects for Cooperation. Materials of the International Scientific and Practical Conference (Blagoveshchensk–Heihe, May 22–23, 2017)], iss. 7. Blagoveshchensk, BSPU, pp. 167-173.
- Yanshina O.V., 2010. Poselenie Zheltyy Yar – k probleme sootnosheniya poltsevskikh i olginskih pamyatnikov [The Settlement of Zheltyy Yar: On the Problem of the Ratio of the Poltsevo and Olginskih Monuments]. *Priotkryvaya zavesu tysyacheletiy: k 80-letiyu Zh.V. Andreevoy: sb. nauch. tr.* [Opening the Veil of Millennia: To the 80th Anniversary of Zh.V. Andreeva. Collection of Scientific Papers]. Vladivostok, OOO «Reya» Publ., pp. 259-272.

Information About the Author

Olga V. Dyakova, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Laboratory of Archeology of the Amur Region, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya St, 89, 690001 Vladivostok, Russian Federation, emelianova49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5306-2390>

Информация об авторе

Ольга Васильевна Дьякова, доктор исторических наук, профессор, заведующая Лабораторией археологии Приамурья, главный научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, ул. Пушкинская, 89, 690001 г. Владивосток, Российская Федерация, emelianova49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5306-2390>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.9>

UDC 903.2(571.51)

LBC 63.442.7(253.5)-415

Submitted: 16.12.2022

Accepted: 28.02.2023

THIN CORDONED CERAMICS OF THE END OF THE EARLY IRON AGE FROM THE PINCHUGA-6 BURIAL GROUND (LOWER ANGARA REGION) ¹

Polina O. Senotrusova

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Pavel V. Mandryka

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Ksenia V. Biryuleva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The first half of the 1st millennium AD is a practically unexplored period of the Lower Angara region history. The Pinchuga-6 was the first completely excavated burial ground of the end of the Early Iron Age in the region. It dates back to the 3rd to the 4th centuries AD. The materials of the burial ground allow for the first time to make a guess about the particular pottery that existed at that time in the Lower Angara region. Five typologically uniform vessels were found in the burial ground. The article provides a detailed description of the ceramics from the burials, including technical and morphological characteristics of the vessels and their location within the burials. Identification of Yazaevka, being a new type of thin cordoned ceramics, is substantiated on the basis of the distinguished features. Known material similarities were provided, the area of this type of vessels, limited by the southern taiga of the Middle Yenisei and the Lower Angara, was identified. Several features of ceramics of the Yazaevka type have been identified: medium-sand molding mass with the inclusion of stone-pounded temper; bottom-capacitive program for constructing; construction by patchwork within the model form using a leather lining; vessels can be round-bottomed, flat-bottomed and sharp-bottomed; the body can be either low spherical or high paraboloid; the ceramic is ornamented in the upper third of the form with the thin raised borders formed by finger pinches; the upper part of the vessel is decorated with impressions or notches, and the neck with finger pricks. Ceramics of the same type are present both in the burial and settlement complexes. The Yazaevka type of pottery dates back to the second quarter of the 1st millennium AD, however these vessels type are no longer encountered at the sites of the second half of the 1st millennium AD.

Key words: Lower Angara region, end of the Early Iron Age, burial ground, chronology, ceramics, typology.

Citation. Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Biryuleva K.V., 2023. Tonkovalikovaya keramika finala rannego zheleznogo veka iz mogil' nika Pinchuga-6 (Nizhnee Priangar'e) [Thin Cordoned Ceramics of the End of the Early Iron Age from the Pinchuga-6 Burial Ground (Lower Angara Region)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 128-138. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.9>

УДК 903.2(571.51)

ББК 63.442.7(253.5)-415

Дата поступления статьи: 16.12.2022

Дата принятия статьи: 28.02.2023

ТОНКОВАЛИКОВАЯ КЕРАМИКА ФИНАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА ПИНЧУГА-6 (НИЖНЕЕ ПРИАНГАРЬЕ) ¹

Полина Олеговна Сенотрусова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Павел Владимирович Мандрыка

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Ксения Викторовна Бирюлева

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Первая половина I тыс. н.э. – практически не исследованный период в истории Нижнего Приангарья. Первым полностью раскопанным могильником финала раннего железного века в регионе стал памятник Пинчуга-6. Он датируется в диапазоне III–IV вв. н.э. Материалы могильника позволяют впервые сформировать представление о керамической посуде, бытовавшей в это время в Нижнем Приангарье. На могильнике выявлено пять типологически единообразных сосудов. В статье приводится развернутое описание керамики из погребений, включая технико-морфологическую характеристику сосудов и условия их размещения в погребениях. На основании данных признаков обосновано выделение нового типа тонковаликовой керамики – язаевского. Приведены известные аналогии, определен ареал посуды этого типа, ограниченный южной тайгой Среднего Енисея и Нижней Ангары. Обозначены следующие признаки керамики язаевского типа: среднезапесоченная формовочная масса с включением дресвы; донно-емкостная программа конструирования лоскутным налепом; формирование в форме-емкости с кожаной прокладкой; круглодонные, плоскодонные и остродонные формы, как с низким шаровидным, так и высоким, параболическим туловом; орнаментация сосудов в верхней трети части формы налепными треугольными валиками, оформленными горизонтальными пальцевыми защипами или примазкой; орнаментация венчика вдавлениями или насечками, а шейки – пальцевыми наколами. Однотипная керамика присутствует как на погребальных, так и на поселенческих комплексах. Язаевский тип керамики датируется второй четвертью I тыс. н.э., в памятниках второй половины I тыс. н.э. эта посуда уже не встречается.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, финал раннего железного века, могильник, хронология, керамика, типология.

Цитирование. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., 2023. Тонковаликовая керамика финала раннего железного века из могильника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 128–138. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.9>

Введение

Хронология керамических комплексов I тыс. н.э. бассейна Нижнего течения р. Ангары продолжает оставаться неразработанной. На то есть ряд причин. Во-первых, это отсутствие в регионе многослойных стратифицированных комплексов или однослойных поселений. На известных памятниках материалы I тыс. н.э. залегают в компрессионном слое подперной супеси, содержащем смешанные материалы раннего железного века и Средневековья. Во-вторых, в ходе многолетнего хозяйственного освоения берегов Ангары верхние почвенные горизонты на многих памятниках оказались нарушены, что сводит на нет возможности планиграфического вычленения одновременных объектов. В-третьих, в регионе были известны единичные случаи нахождения погребений I тыс. н.э., и достоверность привязки к ним керамики оставалась спорной.

Период I тыс. н.э. до сих пор продолжает оставаться слабоизученным в ангарских древностях, не смотря на беспрецедент-

ные по масштабам аварийно-спасательные археологические работы, проводившиеся в зоне затопления Богучанской ГЭС и на других территориях долины Ангары. До недавнего времени единственным керамическим комплексом, уверенно связываемым с памятниками второй половины I тыс. н.э., была керамика усть-ковинского типа. Она была выделена на основании материалов однослойного поселения Проспихинская Шивера-I и эпонимного могильника Усть-Кова, хронология и культурная принадлежность которого остаются дискуссионными. Археологическими работами последних лет впервые для Нижнего Приангарья было зафиксировано наличие керамических сосудов в погребениях второй четверти I тыс. н.э. Речь идет о могильнике Пинчуга-6, который изучался в 2018–2022 гг. археологической экспедицией Сибирского федерального университета (руководители: 2018, 2022 – П.В. Мандрыка; 2019 – П.О. Сенотрусова). Полученные материалы имеют первостепенное значение для характеристики керамики этого исторического периода в регионе.

Описание материалов

Комплекс Пинчуга-6 располагается на правом берегу р. Ангары, напротив п. Пинчуга Богучанского района Красноярского края. Памятник приурочен к 12-метровой ангарской террасе, со сложным увалистым рельефом. Могильник находился на невысокой песчаной дюне, навеянной из светло-серых мелкозернистых песков с многочисленными углистыми прослойками и прокалами, скорее всего, от лесных пожаров. Погребения локализованы вдоль самой высокой и узкой гряды дюны, распространяясь и по ее северо-восточному склону. Центральная часть некрополя частично нарушена современными грабителями – «черными копателями».

Археологическими работами территория могильника исследована полностью. Здесь выявлено 18 погребений, выполненных по обряду трупосожжения на стороне, и несколько скоплений вещей зафиксировано в межмогильном пространстве на уровне древней поверхности. Датировка некрополя укладывается в рамки III–IV вв. н.э. [Сенотрусова и др., 2022].

Среди предметов погребального инвентаря найдены фрагменты от пяти керамических сосудов, которые залегали в четырех погребениях. Условия нахождения керамики в комплексах были различными.

Развал первого сосуда отмечен в погребении № 1 с восточной стороны от скопления обожженных фрагментов человеческих костей. Фрагменты раздавленного сосуда (рис. 1,2) лежали компактным скоплением внутри ямы округлой формы, размерами 30 × 30 см и глубиной 13 см. Сверху они были перекрыты древесными углями.

Единичные фрагменты от второго керамического сосуда зафиксированы в погребении № 2 на уровне плечиков могильной ямы, преимущественно с восточной ее стороны.

Фрагменты третьего, сильно фрагментированного сосуда (рис. 1,1) отмечены в погребении № 8. Оно представило собой сложный комплекс, состоящий из трех погребальных ям, поверх которых на уровне древней поверхности были рассыпаны обломки обожженных человеческих костей вместе с мелкими предметами из железа и бронзы, а так-

же стеклянными бусинами и фрагментами керамики. Размеры рассеянного скопления около 2,0 × 1,5 м. Какой-либо системы в залегании фрагментов керамики не прослеживается, хотя большая часть крупных обломков сосуда находилась в восточной части погребального комплекса. Здесь же, в небольшом углублении (вероятно, естественном) находился развал придонной части емкости. Из всех черепков восстанавливается больше половины формы сосуда.

Фрагменты от двух типологически близких сосудов (четвертого и пятого) отмечены в погребении № 16 (рис. 1,3,4). Черепки залегали разрозненно в скоплении обломков обожженных человеческих костей и предметов инвентаря, перекрывающем могильную яму по уровню древней поверхности. Размеры скопления – около 2,5 × 1,8 м. Фрагменты керамики располагались преимущественно в северо-восточной части скопления. Один сосуд склеивается практически полностью, другой восстанавливается на 2/3 формы.

Планиграфия некрополя Пинчуга-6 показала, что некоторые погребения сопровождалось одним или двумя сосудами, которые никогда не помещались внутри могильной ямы. Целые сосуды или их фрагменты находились на уровне древней поверхности, преимущественно с восточной стороны от ям или в восточном секторе скопления обломков обожженных человеческих костей. В сопроводительный инвентарь могли входить как целый сосуд, так и плошка из крупной части сломанной емкости или отдельные фрагменты сосуда. Если целые сосуды или плошки могли использоваться как погребальные емкости, которые оставались на некрополе после переноса праха от места сожжения тела, то фрагменты керамики среди рассыпанных обломков человеческих костей могли остаться после археологизации кладбища или нести сугубо символическое значение в погребальной обрядности.

Керамические сосуды из могильника Пинчуга-6 образуют небольшую серию типологически близких горшков, отличающихся размерами и пропорциями форм. Почти полностью удалось восстановить четыре сосуда из пяти. По ним приводится общая морфологическая характеристика и технологический

анализ, основанный на бинокулярной микроскопии и эксперименте.

Все сосуды лепились из среднезапесоченной глины с естественными примесями кварцевого песка. В качестве искусственных примесей добавлялась дресва и, возможно, органический раствор. Конструирование проводилось по донно-емкостной программе, лоскутным способом, бессистемным наращиванием лепешек. Полое тело сосудов конструировалось из лоскутов и коротких жгутов. Формообразование проводилось в форме емкости, которая покрывалась, скорее всего, кожаной прокладкой. На внутренней поверхности сосудов сохраняются замятости с плавными краями. Внешняя поверхность гладкая, иногда замытая или на ней заметны следы затирания твердым инструментом. Цвет сосудов варьирует от светло-коричневого до коричневого.

Представленные сосуды имели закрытую форму. Два из них параболоидной формы с расширением тулова к придонной части и отогнутым краем, два горшка – с округлым туловом и низкой выраженной шейкой. Край емкостей в сечении овальный или приостренный, отогнут наружу и украшен пальцевыми вдавлениями или в одном случае косыми насечками. У трех горшков шейка украшена рядом глубоких пальцевых наколов или оттисков гладкого прямоугольного штампа. Основным элементом орнамента сосудов является тонкий наклепной валик, треугольный в сечении, который крепился к стенке горизонтальными пальцевыми защипами или примазкой.

Форма, размер, пропорции и орнамент сосудов достаточно сильно отличаются друг от друга. Сосуд из погребения № 8 самый крупный, его высота не менее 40,0 см, диаметр по венчику – 29,0 см, диаметр дна – 15,0 см (рис. 1,1). Этот сосуд вытянутых очертаний, со слабовыпуклым туловом и плоским, слегка вогнутым дном. На плечиках, ниже отогнутого края сосуда, расположены шесть горизонтальных наклепных тонких валиков.

Остальные горшки меньших размеров. Высота сосуда из погребения № 1 всего 18,0 см, диаметр по венчику – 17,0 см. Сосуд ассиметричный, с выраженными плечиками, сужается к пристроенному дну (рис. 1,2). Две трети тулова сосуда украшены десятью го-

ризонральными тонкими валиками, которые с разных сторон в четырех местах преломляются зигзагом, образуя шевроны.

Высоту одного сосуда из погребения № 16 шаровидной формы и с округлым, слегка уплощенным дном установить не удалось, диаметр его по венчику 18,0 см (рис. 1,4). На плечиках и тулове сосуда расположены четыре горизонтальных тонких валика. Высота второго сосуда из этого погребения – 18 см, тогда как диаметр по венчику 14,0 см. Эта емкость вытянутой формы, со слабовыпуклым туловом и округлым дном (рис. 1,3). В основании шейки сосуд украшен примазанным тонким гладким наклепным валиком, подтреугольным в сечении. Тулово без орнамента. В трех местах по краю в зоне шейки отмечаются глиняные налепы, призванные, вероятно, замазать трещины, образовавшиеся на горшке во время сушки.

Обсуждение материалов

Представленная керамика из погребений могильника Пинчуга-6 типологически единообразна. Это горшки закрытой формы, с невысокой шейкой, отогнутым рассеченным краем. Основным орнаментом состоит из тонких треугольных в сечении наклепных валиков, которые крепились к сосуду горизонтальными пальцевыми защипами или примазкой. Шейка украшалась ямками от пальцевых наколов или оттисков прямоугольного штампа. Край сосудов оформлялся пальцевыми вдавлениями или насечками. В орнаменте преобладают горизонтальные мотивы, которые иногда преломляются шевроном. Пропорции и формы сосудов вариативны, но в рамках устойчивых основных признаков.

Аналогии такой керамике известны на многих памятниках южнотаежной зоны Ангаро-Енисейского междуречья (рис. 3). На Енисее подобные сосуды отмечены на поселении Язаевка, стоянках Лесосибирская III, Костылевка, Костыльниковский Мыс, на Чермянском комплексе [Максимович, Бирюлева, 2018, рис. 1; Мандрыка, 2011, с. 121, рис. 3; Фокин, 2008, с. 212, рис. 3]. На приустьевом участке долины Ангары аналогичная керамика обнаружена на стоянке Стрелковский Порог [Мандрыка, 2011, с. 121, рис. 3].

В Нижнем Приангарье подобные сосуды представлены в материалах комплекса Проспихинская Шивера-IV (рис. 2), на поселении Парта, стоянках Взвоз, Кода 2, Рожково, Слопцы, Толстый Мыс, Усть-Кода [Бурилов, Березин, 1987, рис. 1,2; Леонтьев, Герман, 2015, с. 87, рис. 1,1; Дудко, 2013; Амзараков, Ковалева, 2010; Дервянко и др., 2015, с. 82, рис. 75, с. 313, рис. 307, с. 353]. Известна такая керамика и на ангарских притоках, например, на стоянке Итомиура в долине среднего течения р. Муры. Поселенческий комплекс, содержащий такую же керамику, выявлен в 2021 г. в среднем течении р. Усолки (разведочные работы П.В. Мандрыки).

Кроме поселенческих комплексов фрагменты схожей посуды отмечены в некоторых погребениях могильника Усть-Зелинда-2. Здесь такая керамика соотносится авторами работ с группой погребений железного века, для которых характерно рассеянное скопление кремнированных человеческих останков на уровне древней поверхности [Марченко и др., 2012, с. 455–456].

Впервые на подобные сосуды как отдельный вид валиковой керамики обратил внимание С.М. Фокин. Он отмечал, что это «сосуды со слабопрофилированным краем венчика, орнаментированные горизонтальными рядами обмазочных валиков с пальцевыми защипами, образующими волнообразный мотив» [Фокин, 2008, с. 211].

Развернутая характеристика такой посуды представлена в статье П.В. Мандрыки 2011 года. По материалам поселения Язавка и других поселенческих памятников раннего железного века тайги Среднего Енисея было отмечено наличие особого типа тонковаликовой керамики [Мандрыка, 2011]. Среди основных характеристик обозначены: грубая структура формовочной массы с включением песка и дресвы, небрежность формовки, красно-коричневый цвет черепков, вытянутая горшковидная форма сосудов со слегка отогнутым краем, способ нанесения налепных валиков примазкой и прищипом, горизонтальный мотив в орнаменте с клиновидными зигзагами по тулову [Мандрыка, 2011, с. 121–122]. Подобная керамика была предварительно датирована ранним железным веком.

В 2012 г. такой же сосуд был обнаружен на стоянке Итомиура, расположенной в среднем течении р. Муры. Он залегал скоплением в компрессионном слое, датированном в широком хронологическом диапазоне – от неолита до Средневековья. По кусочкам древесного угля, которые размещались среди черепков развала сосуда, появилась абсолютная дата, укладывающаяся в диапазон VII–V вв. до н.э. календарного возраста. Достоверной связи образцов угля с сосудом тогда отмечено не было.

Комплексный анализ всего массива керамических комплексов из поселенческих памятников раннего железного века позволил П.В. Мандрыке пересмотреть ранее предложенные датировки. Для ряда памятников, ранее относимых к скифскому периоду, было получено подтверждение более поздней датировки. Выяснилось предположение о появлении тонковаликовой керамической традиции в южно-таежных районах Среднего Енисея и Низовьев Ангары под влиянием «хуннского компонента». Открытие могильника Пинчуга-6 с изучением погребений, содержащих кроме выразительного инвентаря тонковаликовую керамику, позволяет сегодня уточнить хронологию этого типа посуды в пределах второй четверти I тыс. н.э.

Отдельно следует подчеркнуть сходство керамики из погребений могильника Пинчуга-6 с керамикой из известных поселений. Везде отмечаются как большие по объему емкости, так и небольшие сосуды, объемом 1–2 литра. Морфологическими и технологическими характеристиками они не отличаются от представленного типа.

Заключение

Таким образом, во второй четверти I тыс. н.э. в Нижнем Приангарье и в сопредельных районах бассейна Среднего Енисея получил распространение особый тип тонковаликовой керамики, который может быть назван язавским.

Для этой посуды характерны среднезаспесоченная формовочная масса с включением дресвы, донно-емкостная программа конструирования лоскутным налепом и формообразование в форме-емкости с кожаной про-

кладкой. Форма сосудов различна: встречаются круглодонные, плоскодонные и остродонные формы как с низким шаровидным, так и высоким, параболоидным туловом. Сосуды украшались в верхней трети части формы наклепными треугольными в сечении валиками, которые крепились к поверхности сосуда горизонтальными пальцевыми защипами или примазкой. Орнаментация венчика проводилась вдавлениями или насечками. На шейку сосудов часто дополнительно наносились пальцевые наколы. Мотивы орнаментации разнообразны, но в целом просты.

При расширении источниковой базы язевского типа керамики за счет его вычленения из массива керамических комплексов известных поселений допускаем появление вариантов украшения сосудов благодаря дополнительным элементам к основному валиково-

му орнаменту. В историческом развитии Нижнего Приангарья происходило изменение представленной керамической традиции, что находит подтверждение в распространении с середины I тыс. н.э. других типов тонковаликовой керамики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

The work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 “The world of the Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Сосуды язаевского типа из могильника Пинчуга-6 (фотографии авторов статьи):

1 – из погребения № 8; 2 – из погребения № 1; 3, 4 – из погребения № 16

Fig. 1. Yazaevka type pottery from the Pinchuga-6 burial ground (photos by the authors of the article):

1 – from burial no. 8; 2 – from burial no. 1; 3, 4 – from burial No. 16

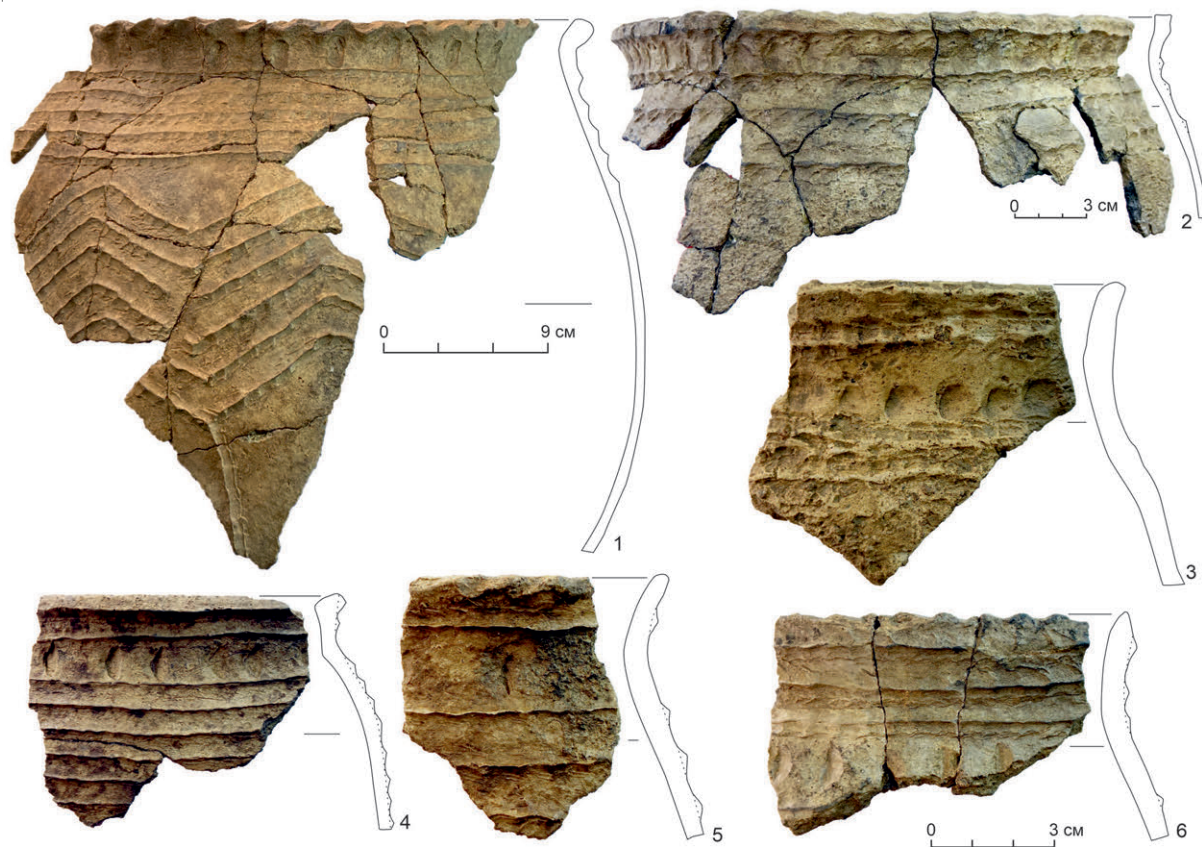

Рис. 2. Сосуды язаевского типа из второго культурного слоя комплекса Проспихинская Шивера-IV (фотографии авторов статьи)

Fig. 2. Yazaevka type pottery from the second cultural layer of the Prospikhinskaya Shivera-IV complex (photos by the authors of the article)

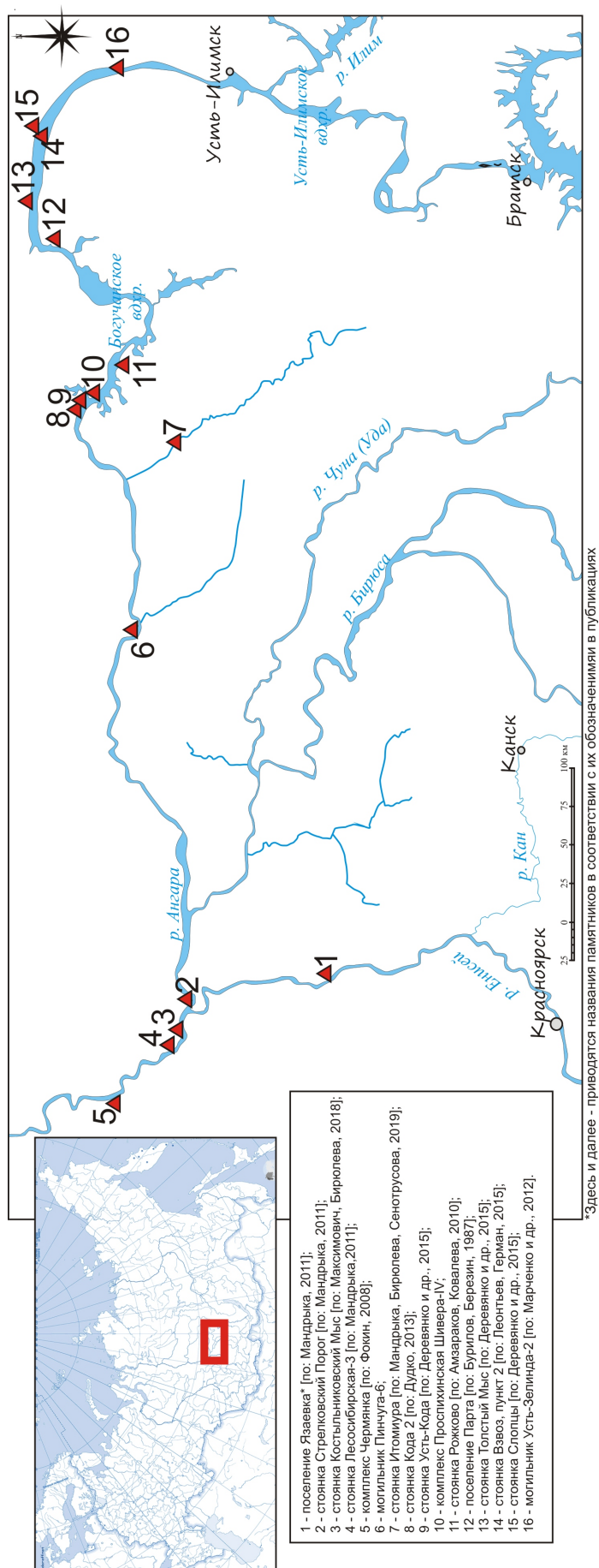

Рис. 3. Карта памятников, на которых найдены сосуды язевского типа

Fig. 3. Map of sites where Yazaevka type Pottery was found

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амзараков П. Б., Ковалева О. В., 2010. Предварительные результаты исследования памятников стоянки Рожково и Остров Сосновый в Кежемском районе Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 483–487.
- Бурилов В. В., Березин Д. Ю., 1987. Работы на нижней Ангаре // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : СО АН СССР. С. 118–121.
- Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А., 2015. Богучанская археологическая экспедиция : очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 564 с.
- Дудко А. А., 2013. Предварительные результаты анализа керамического комплекса стоянки Кода-2 (Северное Приангарье) // Археология, этнология и антропология АТР. Владивосток : Изд. дом Дальневост. федер. ун-та. С. 136–138.
- Леонтьев С. Н., Герман П. В., 2015. Керамический комплекс первого культурного горизонта стоянки Взвоз, пункт 2 (Северное Приангарье) // Древности Приенисейской Сибири. Вып. VII. Красноярск : СФУ. С. 87–106.
- Максимович Л. А., Бирюлева К. В., 2018. Тонковаликовый сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Костыльниковский мыс // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. Вып. IX. С. 86–94.
- Мандрыка П. В., 2011. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотаежной зоны среднего Енисея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 10, № 3. С. 118–126.
- Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е., Казакова Е. А., 2012. Исследования на могильнике Усть-Зелинда-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 453–458.
- Сенотрусова П. О., Дедик А. В., Мандрыка П. В., 2022. Погребальный обряд населения Нижнего Приангарья в финале эпохи железа (по материалам могильника Пинчуга-6) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 266. С. 297–307. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.266.297-307>
- Фокин С. М., 2008. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск : Аграф-Пресс. С. 210–214.

REFERENCES

- Amzarakov P.B., Kovaleva O.V., 2010. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya pamyatnikov stoyanki Rozhkovo i Ostrov Sosnovyy v Kezhemskom rayone Krasnoyarskogo kraya [Preliminary Results of the Study of the Sites Rozhkovo and Sosnovy Island in the Kezhemsky District of the Krasnoyarsk Territory]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], vol. XVI. Novosibirsk, IAE SB RAS, pp. 483-487.
- Burilov V.V., Berezin D.Ju., 1987. Raboty na nizhney Angare [Works on the Lower Angara Region]. *Issledovaniya pamyatnikov drevnih kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Research of the Sites of Ancient Cultures of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, SBAS USSR, pp. 118-121.
- Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskiy V.S., Vybornov A.V., Zol'nikov I.D., Deev E.V., Prisekaylo A.A., Markovskiy G.I., Dudko A.A., 2015. *Boguchanskaya arheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovaniy (2007–2012 gody)* [Boguchanskaya Archaeological Expedition: Essay on Field Research (2007–2012)]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 564 p.
- Dudko A.A., 2013. Predvaritel'nye rezul'taty analiza keramicheskogo kompleksa stoyanki Koda-2 (Severnoe Priangar'e) [Preliminary Results of the Analysis of the Ceramic Complex of the Koda-2 Site (Northern Angara region)]. *Arheologiya, etnologiya i antropologiya ATR* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of the Asia-Pacific Region]. Vladivostok, FEFU, pp. 136-138.
- Leont'ev S.N., German P.V., 2015. Keramicheskii kompleks pervogo kul'turnogo gorizonta stoyanki Vzvoz, punkt 2 (Severnoe Priangar'e) [Ceramic Complex of the First Cultural Horizon of the Vzvoz Site, Point 2 (Northern

- Angara Region)]. *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri* [Antiquities of the Yenisei Siberia], iss. VII. Krasnoyarsk, SFU, pp. 87-106.
- Maksimovich L.A., Biruleva K.V., 2018 Tonkovalikovyy sosud s antropomorfnyimi izobrazheniyami so stoyanki Kostyl'nikovskiy mys [The Vessel With Thin Cordons and Anthropomorphic Figures From the Site Kostyl'nikovskiy Mys]. *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri* [Antiquities of the Yenisei Siberia], iss. IX. Krasnoyarsk, SFU, pp. 86-94.
- Mandryka P.V., 2011. Tonkovalikovaya keramika rannego zheleznoogo veka iz juzhnotaehznoj zony srednego Eniseja [Ceramics with Thin Roller Early Iron Age from Zone Southern Taiga of the Middle Yenisei]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 10, no. 3, pp. 118-126.
- Marchenko Zh.V., Garkusha Ju.N., Grishin A.E., Kazakova E.A., 2012. Issledovaniya na mogil'nike Ust'-Zelinda-2 v 2012 godu [Research at the Ust-Tselinda-2 Burial Ground in 2012]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories], vol. XVIII. Novosibirsk, IAE SB RAS, pp. 453-458.
- Senotrusova P.O., Dedik A.V., Mandryka P.V., 2022. Pogrebal'nyy obryad naseleniya Nizhnego Priangar'ya v finale epohi zheleza (po materialam mogil'nika Pinchuga-6) [The Burial Rite of the Lower Angara Population in the Final Stage of the Iron Age (Case Study of the Pinchuga-6 Cemetery)]. *Kratkie soobshheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 266, pp. 297-307. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.266.297-307>
- Fokin S.M., 2008. K voprosu o rasprostraneniі srednevekovoy valikovoy keramiki v Prieniseyskoy Sibiri [To the Question of the Distribution of Medieval Roller Ceramics in the Yenisei Siberia]. *Vremya i kul'tura v arheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnih i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nyh territoriy* [Time and Culture in Archaeological and Ethnographic Studies of Ancient and Modern Societies of Western Siberia and Adjacent Territories]. Tomsk, Agraf-Press Publ., pp. 210-214.

Information About the Authors

Polina O. Senotrusova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, pollina1987@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3969-9907>

Pavel V. Mandryka, Doctor of Sciences (History), Head of the Laboratory of Yenisei Siberia Archeology of the Humanities Institute, Siberian Federal University, Prosp. Svobodnyy, 79, 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation, pmandryka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8647-3823>

Ksenia V. Biryuleva, Senior Researcher, Siberian Federal University, Prosp. Svobodnyy, 79, 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation, ksy36ss@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2593-7775>

Информация об авторах

Полина Олеговна Сенотрусова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, pollina1987@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3969-9907>

Павел Владимирович Мандрыка, доктор исторических наук, заведующий лабораторией археологии Енисейской Сибири, Сибирский федеральный университет, просп. Свободный, 79, 660041 г. Красноярск, Российская Федерация, pmandryka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8647-3823>

Ксения Викторовна Бирюлева, старший научный сотрудник, Сибирский федеральный университет, просп. Свободный, 79, 660041 г. Красноярск, Российская Федерация, ksy36ss@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2593-7775>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>

UDC 930.26(470.65):903.05
LBC 63.48(2Рос.Сев)-4

Submitted: 17.03.2023
Accepted: 17.04.2023

THE COMPLEX OF METAL OBJECTS FROM THE FIRST TURKIC KHAGANATE PERIOD FROM THE BESLAN BURIAL GROUND (NORTH OSSETIA)¹

Igor O. Gavritukhin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article discusses metal finds from the burial 1 under the kurgan 876 of the Beslan kurgan catacomb burial ground which are suitable for reconstructing the appearance of the objects. The results of these kurgan excavations are presented in the same issue of the Journal by D.S. Korobov and V.Yu. Malashev; this article is an analytical appendix to their research paper. Small hollow B-shaped buckles with a fixed plate in the form of a “heraldic shield” with side notches are divided into five blocks of variants. The author has presented their catalog, map, and basis for dating. The buckles from Beslan are a synthesis of Eastern European and Byzantine traditions, their closest analogue is found in Karshi-Bair (Southwestern Crimea) and is dated from about the mid – 3rd quarter of the 6th century AD. Other close analogies are indicative mainly for the second half of the 6th – early 7th century. The flat four-petal belt mounts with beveled edges are divided into three blocks of variants. Their catalog and map are presented, the evolution in time and area are considered, taking into account mounts of similar shapes. The Beslan belt mounts belong to the block of variants 2 formed in the Lower Kama basin or in the zone that includes this region. Their emergence in the North Caucasus is connected with the establishment of the control of the First Turkic Khaganate here between 569 and 576. The distribution of similar objects in a number of regions is explained by the involvement of local troops in the military actions of the Turks. For the sedentary population, this also marks the distribution of early versions of pseudo-buckles. Three fragments from Beslan are interpreted as strap-ends imitating expensive products decorated with inserts and grains. The spring with a bowstring and a needle on a T-shaped stand belonged to a fibula, most likely double-plate characteristic of the North Caucasus in the mid-5th – 6th / first half 7th century AD. The complex 876 of the Beslan kurgan catacomb burial ground, as well as a number of other complexes from the North Caucasus, dating to about the 3rd third 6th – early 7th century, are indicators of the First Turkic Khaganate period in the history of the Alans and other peoples of the North Caucasus.

Key words: North Caucasus, Alanian culture, the Turkic Khaganate, cultural connections, buckles, strap-ends and belt mounts, fibulae.

Citation. Gavritukhin I.O., 2023. Kompleks metallicheskih izdeliy epohi Pervogo Tyurkskogo kaganata iz Beslanskogo mogil'nika (Severnaya Osetiya) [The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 139-202. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>

УДК 930.26(470.65):903.05
ББК 63.48(2Рос.Сев)-4

Дата поступления статьи: 17.03.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023

КОМПЛЕКС МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ЭПОХИ ПЕРВОГО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА ИЗ БЕСЛАНСКОГО МОГИЛЬНИКА (СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ)¹

Игорь Олегович Гавритухин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются металлические находки из погребения 1 под курганом 876 Бесланского курганного катакомбного могильника, которые пригодны для реконструкции облика изделия. Результаты раскопок этого кургана представлены в этом же номере журнала Д.С. Коробовым и В.Ю. Малашевым, и данная

статья является аналитическим приложением к их публикации. Маленькие полые В-образные пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы, разделены на пять блоков вариантов. Представлены их каталог, карта, основания для датировки. Пряжки из Бесланского могильника демонстрируют синтез восточноевропейских и византийских традиций, их ближайший аналог найден в Карши-Баире (Юго-Западный Крым) и датируется около середины – третьей четверти VI в., другие близкие аналогии показательны в основном для второй половины VI – начала VII века. Плоские четырехлепестковые накладки со скошенными краями разделены на три блока вариантов. Представлены их каталог и карта, рассмотрена эволюция во времени и пространстве с учетом накладок схожих форм. Накладки из Бесланского могильника относятся к блоку вариантов 2, сложившемуся в бассейне Нижней Камы или зоне, включающей этот регион. Их появление на Северном Кавказе связано с установлением здесь контроля Первого Тюркского каганата между 569 и 576 годами. Распространение схожих вещей в ряде регионов объяснимо привлечением местных отрядов в военные действия тюрков. Для оседлого населения это маркирует и распространение ранних вариантов псевдопряжек. Три фрагмента из Бесланского могильника интерпретированы как ременные наконечники, имитирующие дорожные изделия, украшенные вставками и зернью. Пружина с тетивой и иглой на Т-образной стойке принадлежала фибуле, скорее всего, двухпластинчатой, характерной для Северного Кавказа в середине V – VI / первой половине VII века. Комплекс из кургана 876 Бесланского курганного катакомбного могильника, как и ряд других комплексов Северного Кавказа, датированных около третьей трети VI – начала VII в., является показателем эпохи Первого Тюркского каганата в истории алан и других народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, Тюркский каганат, культурные связи, пряжки, ременные накладки и наконечники, фибулы.

Цитирование. Гавритухин И. О., 2023. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 139–202. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>

Археологический комплекс, включающий Бесланский могильник и Зильгинское городище (Республика Северная Осетия – Алания), давно стал одним из опорных в изучении аланской археологической культуры. Правда, эпоха Великого переселения народов до недавнего времени была в нем представлена лишь материалами с городища, а синхронные погребальные памятники известны не были. Новые исследования восполняют этот пробел. В ходе работ 2019–2020 гг. (см. в данном номере: [Коробов, Малашев, 2023]) на могильнике был выделен участок с курганами, имеющими квадратные ровики, получившими в регионе распространение в эпоху Великого переселения народов, а раскопки двух курганов подтвердили эту датировку.

Наиболее выразительный комплекс находок эпохи Великого переселения народов происходит из погребения 1 кургана 876. Описание этого захоронения, анализ представленных в нем погребальных обрядов и керамических сосудов опубликованы [Коробов, Малашев, 2023]. Эту публикацию дополняет данная статья, посвященная находкам из металла, происходящим из указанного погребения. Я благодарен Дмитрию Сергеевичу Коробову и Владимиру Юрьевичу Малашеву за воз-

можность ознакомиться с находками до их публикации, приглашение к исследованию этих вещей и помощь в работе. Отдельные благодарности: Залине Петровне Кадзаевой за позволение использовать материалы ее раскопок и консультации по памятникам Северной Осетии; Анне Анатольевне Кадиевой и Серафиму Анатольевичу Гончарову за позволение использовать их наработки по могильнику Гоуст и консультации по коллекциям Государственного исторического музея (Москва); Александру Анатольевичу Красноперову за консультации по памятникам Камского региона и позволение опубликовать ряд его рисунков; Александру Сергеевичу Зеленкову за консультации по памятникам Западной Сибири. Конечно, я благодарен и другим коллегам, помогавшим мне в работе на протяжении многих лет, о некоторых из них сказано ниже при обращении к соответствующим материалам.

1. Маленькие В-образные полые пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы

Такие изделия представлены одним целым экземпляром (рис. 1,30, 5Б,4; [Коробов,

Малашев, 2023, рис. 7,1]). Обломок схожего изделия (рис. 1,24, 5Б,5; [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,2]), скорее всего, является частью пряжки, парной той, что найдена целой, и того же типа, хотя нельзя исключить и его принадлежность пряжке другого типа, например с четырехугольной рамкой (сочетание разных типов иногда встречается у пары в одной гарнитуре). Соотнесение этого фрагмента с совсем другим изделием (накладкой или т. п.) представляется очень маловероятным.

Пряжки, аналогичные интересующим нас на уровне типа (см. ниже), впервые выделил А.И. Айбабин как вариант 4-3 типа II В-образных пряжек. Он указал 4 комплекса с такими находками в Крыму, по одному в Румынской Добрудже (то есть на территории Византии) и в северопричерноморских степях (приложение, список 1, № 6, 11, 19, 26, 27, 31), датированные по двум комплексам из Крыма, в соответствии с его хронологической системой, второй четвертью VII в. [Айбабин, 1990, с. 39, рис. 2, признак 113].

Мною в статье 1999 г. такие пряжки были выделены в рамках нескольких серий типа «маленькие с боковыми вырезами на обойме» группы «В-образные, изготовленные вместе со щитовидной обоймой», включающих находки из 17 пунктов. Наиболее ранние образцы были указаны в связи с двумя культурными кругами: пряжки, выполненные в позднеантичных традициях (рис. 1,33,35), были датированы в рамках третьей трети VI – начала VII в.; формирование волжской серии (рис. 1,37,39) было отнесено приблизительно к середине VI века. Остальные пряжки датировались в пределах начала – середины VII в., не исключая некоторого удревнения нижней границы этого хронологического отрезка [Гавритухин, 1999, с. 186–189]. Со времени этой работы прошло почти четверть века. Часть предложенных тогда датировок можно откорректировать, а новый материал (теперь из 32 пунктов) позволяет модифицировать типологическую группировку.

В соответствии с новой типологией рассматриваемые пряжки относятся к группе «В-образные, без выступов в задней части рамки, полые, с неподвижным щитком²», подгруппе «со щитком, напоминающим “гераль-

дический щит”, и схожих форм». В рамках данной группы (как и ряда других, где это целесообразно) выделяется модификация «маленькие», когда размерные стандарты отражают и функцию пряжек, связанных с обувью, уздой, вспомогательными ремнями и т. п., в отличие от более крупных, как правило, поясных пряжек [Gavritukhin, 2018, p. 54]. Размерные границы «маленьких» пряжек, конечно, не жесткие и устанавливаются эмпирически для каждой подгруппы.

Наименование типа рассматриваемых пряжек осталось прежним – «с боковыми вырезами на щитке», но из него исключены те экземпляры, упомянутые в работе 1999 г., которые не соответствуют новым определениям группы и подгруппы. Часть пряжек волжской серии, ныне отнесенных к серии Коминтерн (приложение, список 2А), выведена за рамки этого типа. Внутри него оставлено только деление на варианты, состав которых пересмотрен, серии же пока не выделяются³. С учетом сказанного можно определить и примерную размерную границу пряжек данного типа – длиной до 3 см, не исключая единичных немного более крупных экземпляров.

Пряжки, отнесенные по типологии 1999 г. к одному варианту, заметно отличаются по ряду параметров – от размеров изделия, пропорций его деталей, вариаций язычка до технологий изготовления вещи и способов крепления их к ремню. Очевидно, что со временем они будут подразделены на более дробные варианты, а сейчас объединены в таксоны уровня «блок вариантов», которые выделяются по абрису щитка.

Для одного экземпляра с Балкан (рис. 1,28) документировано крепление в виде пары «ушек» (пластин с отверстием, которые продевались сквозь ремень и закреплялись с его обратной стороны штырем, вставленным в отверстие), что указывает на изготовление в традициях византийских мастеров. Крепление с помощью петель, тоже характерное для вещей, изготовленных в византийских традициях, зафиксировано в Италии и на пряжке той же серии из Юго-Западного Крыма (рис. 1,35,36). Для одного случая из Среднего Подунавья, трех из Крыма и трех с Северного Кавказа есть данные о креплении с помощью шпеньков (рис. 1,2–4,6,7,17,26,34),

что было широко распространено за пределами Византии, но не чуждо некоторым византийским находкам.

Блок вариантов 1 включает пряжки с полуовальным щитком (приложение, список 1, № 1–10; рис. 1,1,2,6,11,12,17,21–23,28,29). Они найдены в 10 пунктах (рис. 2,а), в том числе 4 в Юго-Западном Крыму, 2 на Северо-Востоке Балкан, 1 в Среднем Подунавье, 1 в верховьях Рейна, 1 в верховьях Кубани и 1 на Алтае.

Дату пряжки из цистерны П-1967 в Херсонесе (рис. 1,17,18, 3,26) определяет время засыпки этой цистерны. Судя по позднейшим металлическим находкам (рис. 3,26–29), это произошло между серединой VI и первыми десятилетиями VII в., чему не противоречит состав массового материала [Гавритухин, 2002]. Такая датировка соответствует выделенному Л.А. Голофаст горизонту засыпок цистерн в связи с перестройками в нескольких кварталах ранневизантийского Херсонеса / Херсона, датируемых концом VI – началом / первой четвертью VII в. [Голофаст 2001; 2002; Голофаст, Рыжов, 2013]. Эта дата и может рассматриваться как *terminus ante quem* данной пряжки, нижняя же хронологическая граница определяется временем распространения экземпляров, близких интересующему нас по ряду деталей (рис. 3,23,26,31,34).

В склепе 2 могильника Сахарная Головка пряжка (рис. 1,21, 3,31) датируется не позднее двупластинчатой фибулы (рис. 3,30), происходящей из более позднего захоронения в этом же склепе [Веймарн, 1963, рис. 11,4]. Такие фибулы по схеме А.Г. Фурасьева, судя по размерам (детали конструкции по публикации не ясны), близки варианту 2А, датируемому от середины VI в. до «незадолго до рубежа» VI и VII вв., но, судя по наличию имитации накладки, относятся к варианту 2Б, сменившему вариант 2А и бытовавшему до 620/630-х гг. [Фурасьев, 2010]. Соответственно, интересующая нас пряжка датируется не позднее 620-х гг., но и едва ли существенно раньше, чем появились фибулы варианта 2Б, ведь в этом склепе похоронено только три человека и маловероятно, что склеп заполнялся длительное время.

Находки из склепа 380 в Эски-Кермене, в том числе интересующие нас пряжки

(рис. 1,11,12, 3,14,15), опубликованы в виде иллюстрации к обзорно-обобщающей работе [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 156], однако довольно подробно рассмотрены в другой публикации, где датированы в рамках четвертой четверти VI – первой половины VII в. [Хайрединова, 2016, с. 280–281]. Отмечу, что горизонтально симметричные накладки представленного здесь варианта, длинный ремennyй наконечник с выступами по бокам, византийские двучастные накладки с полукруглым верхом (рис. 3,12,18,19) указывают на вероятность использования склепа и в третьей четверти VII века.

Пряжка из Карнобада (рис. 1,28, 3,9) датируется по найденной вместе с ней пряжке типа Салона – Истрия (рис. 3,10) [Велков, 2009, обр. 3,2]. Пряжки этого типа получили распространение не ранее начала VII в., судя по отсутствию в более ранних слоях византийских крепостей, и массово бытовали за пределами Империи, судя по находкам в Среднем Подунавье, в I «среднеаварском» периоде, то есть в 620/640–660/680 гг. [Гавритухин, 1994; 2001в, с. 117]. Аналогичная дата (первая половина VII в.) предлагается и по материалам из Крыма [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 123,17]. В этих границах следует датировать и интересующую нас пряжку.

Пряжка из склепа 23 могильника Баклинский овраг (рис. 1,2, 5А,36) была датирована около второй и третьей четвертей VII в. по найденным в том же скоплении костей деталям ременной гарнитуры [Гавритухин, 1999, с. 187]. Однако использованная тогда крымская хронологическая шкала требует пересмотра. В Волго-Уральском регионе наборы с такими накладками и наконечниками (рис. 5А,33–35) характерны для периода 2 развития местных гарнитур «геральдического» стиля (около конца VI – третьей четверти VII в.), правда, не для самых ранних комплексов в этих хронологических рамках [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89]. Это определяет дату рассматриваемой пряжки в пределах первой половины – третьей четверти VII века.

Комплекс из Немеди с интересующей нас пряжкой (рис. 1,6, 5А,31) по наконечникам, выполненным в «геральдических» стилях (рис. 5А,28,30), практически всеми специалистами датируется не позднее I «сред-

неаварского» периода [Гавритухин, 1999, с. 187]. Однако большая пряжка с вытянутым ложе для язычка (рис. 5А,32) указывает на дату не ранее этого периода [Гавритухин, 2001в, с. 119], чему не противоречат остальные находки из Немеди. Пересечение дат двух наконечников с датой большой пряжки и определяет датировку комплекса I «среднеаварским» периодом, то есть 620/640–660/680 гг. [Гавритухин, 2001в; 2005].

На фоне рассмотренных дат выделяется датировка пряжки из могилы 19 в Гиляча (рис. 1,29, 3,59), найденной вместе с другой маленькой пряжкой (рис. 3,60) [Минаева, 1951, рис. 12,2]. Характеристики последней, судя по рисунку в публикации (круглая, чуть утолщенная спереди рамка, круглый щиток подвижной обоймы, язычок с небольшим уступчиком или площадкой в задней части), обычны для изделий гуннского и постгуннского (шиповского) времени, а в эпоху ранних «геральдических» стилей (середина – вторая половина VI в.) их детали меняются. Показательна картина смены вариаций маленьких (обувных) пряжек в Крыму [Хайрединоva, 2003, рис. 1]; схожие процессы фиксируются и на Кавказе⁴. Круглая накладка или брошь (рис. 3,61) напоминает более поздние изделия, но точных аналогий ей я не знаю, а каждый из элементов этой вещи не исключает и дату, полученную по пряжке с подвижной обоймой. Сказанное определяет дату комплекса временем не позднее середины VI века.

Пряжка из Гиляча выделяется на фоне остальных, отнесенных к данному блоку вариантов, и морфологически. У нее более длинный щиток, особенно заузенная В-образная прорезь рамки, имеющей широкие поля. Ближайший аналог по этим показателям – экземпляр из Борков (рис. 1,40), типологически близкий серии Коминтерн (рис. 1,37–39), дата которой (подробнее см. ниже) вполне сопоставима с датировкой могилы 19 в Гиляча (рис. 3,44,51,52,59). По-видимому, и пряжка из Гиляча связана с этим контекстом, представленным на Оке и Каме, в отличие от других рассмотренных пряжек, принадлежащих византийско-крымскому контексту, судя хотя бы по зонам концентрации находок (рис. 2,а; см. также ряд аргументов ниже).

Остальные пряжки рассматриваемого блока вариантов найдены либо в комплексах, не уточняющих приведенные даты, либо вне комплекса, либо данные о комплексе не опубликованы.

Интересующий нас фрагмент щитка из Бесланского могильника (рис. 1,24), если он принадлежит пряжке, аналогичной по остальным деталям ее паре (рис. 1,30), вписывается в византийско-крымский контекст и может датироваться от второй половины VI до начала / середины VII в. или чуть шире.

Блок вариантов 2 включает пряжки с полуovalным щитком, имеющим резкий выступ в задней части (приложение, список 1, № 11–13; рис. 1,3,7,13). Они представлены (рис. 2,б) в одном пункте на северо-востоке балканских владений Византии и одним из Кисловодской котловины на Северном Кавказе.

Для пряжки из Каллатиса (рис. 1,13, 3,21) *terminus post quem* дает монета Юстиниана I (527–565 гг., в публикации эмиссия более точно не определена), найденная в том же погребении 132 [Гавритухин, 1999, с. 187]. В раскопанной части этого кладбища есть лишь еще одна могила (№ 137) с ременным набором эпохи «геральдических» стилей, причем очень ранних, что подчеркивает В-образная пряжка, обычная для позднеантичных гарнитур IV–V веков. Остальные могилы датируются не позднее этих двух. Интересующая нас пряжка вполне вписывается в контекст находок середины – второй половины VI в. (рис. 3,21,23–24,31,39–40), чему не противоречит ременный наконечник (рис. 3,20) и другие находки из погребения 132. Однако позднеантичные традиции в Каллатисе продолжались, судя по поступлениям монет, как минимум до 630-х гг. [Custurea, 2019, p. 36, 77, 164]. Это заставляет формально включить в допустимые хронологические рамки погребения 132 не только середину – вторую половину VI в. (наиболее вероятную дату), но и первую половину VII века.

В катакомбе 360 из Клинь-Яра III одна из рассматриваемых пряжек (рис. 1,3) явно связана с комплексом воина, а парная ей (рис. 1,7) относится к нему с очень большой долей вероятности. Данную ранее характеристику ременных гарнитур этого комплекса [Gavritukhin, 2018, p. 55–65, 68–76, 78–83, 85–89, 93–96]

можно уточнить. Сочетание в инвентаре изделий византийского круга (как на рис. 3,1–4 и др.), вероятно отчасти крымского производства, и стеклянного сосуда сасанидского круга, наряду с хронологическими выкладками, позволяет предположить принадлежность этого воина к тем, кто входил в отряды, привлеченные в конце 620-х гг. тюрками для походов в Закавказье, где они были союзниками византийского императора Ираклия против Сасанидского Ирана⁵. Следовательно, снаряжение этого воина было актуальным в 620-х гг., а верхнюю дату комплекса определяет смерть владельца приблизительно в возрасте 39 или 44 лет [Buzhilova et al., 2018, p. 137], то есть не позднее 650 г. (рис. 3,5–6).

Блок вариантов 3 включает пряжки со щитком, имеющим плавный выступ в задней части (приложение, список 1, № 14–18; рис. 1,4,8,14,15,19). Они представлены (рис. 2,в) в трех пунктах на Северном Кавказе (два на востоке центральной зоны, один на Черноморском побережье), одном пункте в степях Северного Причерноморья и одном в Днепровской лесостепи.

Пряжка из Дымовки (рис. 1,19, 5А,42) по происходящей из этого комплекса пряжке с неподвижной обоймой из двух пластин с концами в виде «соколиных» голов (рис. 5А,43) была датирована мной около второй и третьей четвертей VII в. [Гавритухин, 1999, с. 187]. Однако появились комплексы, где пряжки с неподвижной обоймой из двух пластин сочетаются с накладками, показательными для ранних «геральдических» стилей [Комар и др., 2006, рис. 48,23,25,31], то есть такие пряжки не позднее последних десятилетий VI в. уже бытовали, а погребение из Дымовки должно датироваться широко, не исключая указанную выше позднюю дату. Этому не противоречит как дата обувного набора, по-видимому включавшего интересующую нас маленькую пряжку [Гавритухин, 2022, с. 107–108], так и аналогии некоторым характеристикам этой пряжки, не исключающие поздний (рис. 5А,13,22) или более ранний контекст (рис. 3,21,23–24,31).

Клад в Хацках, с интересующей нас пряжкой (рис. 1,8, 5А,22), относится к комплексам круга Мартыновского клада. Соккрытие этих невостребованных кладов из лесостепного и лесного Поднепровья датируется

около третьей четверти VII в. [Гавритухин, Обломский, 1996], что подтверждено новыми находками [Родинкова, 2020, с. 106–108]. Основная часть ременных гарнитур этих кладов принадлежит местным (рис. 5А,15–19) или не редким в местной среде (рис. 5А,20,25,26, 6,39; о четырехлепестковых накладках см. ниже, в части 2) типам, наряду с большей частью фибул и других деталей убора. К необычным для кладов круга Мартыновки элементам в Хацках относятся единичные вещи (как рис. 5А,21) и детали ременной гарнитуры крымско-византийского круга (рис. 5А,23,24), дата которой близка датировке основного состава кладов (в некоторых случаях они включали и значительно более ранние вещи). Наиболее вероятно, что интересующая нас пряжка принадлежит контексту крымско-византийской гарнитуры, то есть не является антиком. Это и определяет ее датировку временем бытования вещей из основного состава кладов, то есть второй и третьей четвертями VII века.

В катакомбе 9 из Гоуста, где найдена интересующая нас пряжка (рис. 1,14, 5Б,3), два человека (западный и восточный костяки) были похоронены, судя по всему, одновременно или с разницей по времени, неуловимой археологически⁶. С восточным костяком связана пряжка (рис. 5А,55), относящаяся к типу D-10 по классификации М. Шульце-Дёррлам, для которого указаны опорные для датировки комплексы второй трети и третьей четверти VII в., а также связь с вероятным прототипом, датированным первой половиной VII в. [Shulze-Dörflamm, 2002, S. 166–169]. Однако эти датированные пряжки заметно отличаются от рассматриваемой, принадлежащей особой кавказской серии, представленной в основном на Северном Кавказе, единично до Малой Азии и Южного Крыма. Пряжку, связанную с западным костяком (рис. 5А,56), и ее аналоги можно отнести к локальной серии Гоуст, судя по всему сложившейся на основе кавказской серии и бытовавшей в основном одновременно с ней. «Широкая» дата пряжек этих серий определена в рамках второй четверти VII – первой половины VIII века⁷. Выразительные комплексы из Садона (сообщение З.П. Кадзаевой), синхронизируемые с горизонтами Перещепины и Вознесенки [Гав-

ритухин, 2005], указывают на раннюю часть этого хронологического отрезка (до конца VII в.). Находки в Кисловодской котловине представлены в комплексах, датируемых около последних десятилетий или конца VII – начала или первых десятилетий VIII в. (с учетом уточнений⁸). Комплексы из Чми не противоречат ни ранней, ни поздней дате [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83]. Ряд находок из катакомбы 9 в Гоусте (рис. 5А,58–60) свидетельствует в пользу кисловодских датировок, не исключая еще более поздних, однако в этой катакомбе встречены и явно более ранние вещи.

Одна из фибул, найденных в катакомбе 9 Гоуста (рис. 5А,53), относится к кавказским дериватам поздних сильно профилированных фибул [Гавритухин, 2010а, рис. 4,1–3]. В комплексах они не встречены, но их близкие прототипы не известны позднее IV в. [Малашев, Кадзаева, 2021]. Брошь (рис. 5А,54) относят к типу «солярные», справедливо рассматриваемому А.В. Мاستыковой в контексте северокавказского женского костюма конца IV – середины VI века. Хотя узкой даты для этого типа А.В. Мастыкова не предлагает, приведенные ей материалы не дают оснований для датировки более поздней, чем VI в. [Мастыкова, 2009, с. 39, рис. 8, 9, табл. 20,3, 74,3, 82,2, 170,30, 178,1]. Отнести эти вещи к антикам нельзя: сильно профилированная фибула лежала на груди западного скелета, где пару ей составлял обломок⁹ шарнирной фибулы; брошь находилась на левом плече восточного скелета.

Сочетание в одном комплексе вещей, имеющих «непересекающиеся» датировки, отмечено и в могильнике Садон (информация З.П. Кадзаевой), причем «разброс» их дат («VI в.» и «около первых десятилетий VIII в.») напоминает ситуацию в катакомбе 9 из Гоуста. В этой связи показательны материалы из расположенного сравнительно недалеко от Гоуста и Садона могильника Чми–Суаргом, где вел раскопки Д.Я. Самоквасов (рис. 2,28, 30,31)¹⁰. Здесь вещи VII в. неоднократно встречены в одной катакомбе с изделиями, показательными для «классической» салтовской культуры (не ранее третьей трети VIII в.), и монетами конца VIII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83]. Таково и сочетание на-

ходок в катакомбе 6, где зафиксировано 2 костяка, вещи как VII в., в том числе интересующая нас пряжка (рис. 5А,1–4,8, 5Б,1), так и салтовские (рис. 5А,5–7) с монетой конца VIII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83, *кат. б*].

Объяснить эту картину можно тем, что население горных областей современных Северной Осетии и Ингушетии могло использовать для новых захоронений катакомбы, созданные намного раньше. В катакомбе 9 из Гоуста, наряду с так называемыми восточным и западным костяками, В.И. Долбежев отметил истлевшие кости, которые он посчитал детскими, но не исключено, что это – останки погребений, значительно более ранних, чем хорошо сохранившиеся костяки. Вероятно и то, что некоторые вещи из ранних погребений могли быть использованы как дополнение к убору новых покойников.

Если принять эту гипотезу и исключить салтовские вещи, то остаток находок из катакомбы 6 в Чми следует датировать по сочетанию изделия «геральдического» круга и лировидной пряжки (рис. 5А,3,4). Такие лировидные пряжки, отнесенные мной к кисловодской серии, появляются в середине VII в. и получают широкое распространение со второй половины этого столетия [Гавритухин, 2001б, рис. 78,32, с. 46–49; Gavritukhin, 2018, р. 68–69]. Верхнюю хронологическую границу определяет то, что после третьей четверти VII в. наступает угасание «геральдических» стилей, связанные с ними изделия единичны, представлены локальными формами или «запаздывают». Таким образом, ранний набор из катакомбы 6 в Чми может быть датирован в пределах середины – второй половины VII в. (рис. 5А,8).

В отношении интересующей нас пряжки из катакомбы 9 в Гоусте (рис. 5А,57) может быть принята дата по сочетанию поздних вещей (рис. 5А,55,56,58–60), то есть около конца VII – начала или первых десятилетий VIII века. Однако не исключена ее связь с вещами ранней группы (рис. 5А,53,54), ведь сочетание «солярной» броши, которая явно долго использовалась (это может быть принято и для деривата сильно профилированных фибул), и рассматриваемого типа В-образных пряжек могло иметь место около второй по-

ловины VI века. Мне кажется предпочтительнее первый вариант. В этом случае пряжка из Гоуста является наиболее поздней из рассмотренных и свидетельствует о бытовании некоторых вариаций В-образных пряжек с неподвижным щитком, имеющим боковые вырезы, в горных областях Северного Кавказа до как минимум конца VII или начала VIII века.

Остальные пряжки рассматриваемого блока вариантов найдены либо в комплексах, не уточняющих приведенные даты, либо вне комплекса, либо данные о комплексе не опубликованы.

Блок вариантов 3 или 4. В публикациях интересующей нас пряжки из склепа 422 в Скалистом (рис. 1,5,5а) имеются расхождения, существенные для атрибуции этой пряжки по уточненной типологии (приложение, список 1, № 19), но не важные для датировки на фоне остальных находок из этого склепа. Для пряжки была предложена дата около первой половины (треть?) VII в., исходя из набора вещей, сохранившихся после разграбления склепа, где было похоронено не менее двух человек [Гавритухин, 1999, с. 187; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 101–102]. Обувной набор из этого склепа (рис. 5А,50–52) по пряжке, имеющей длину 25 мм, датируется последними десятилетиями VI – первой половиной VII в. [Gavritukhin, 2018, p. 59–64; Гавритухин, 2022, с. 99]. Другие детали ременных гарнитур, в том числе обычные для поясов (рис. 5А,44–46), допускают такую же дату, но не исключают и более раннюю. З-образные накладки (рис. 5А,47) напоминают изделия (как рис. 5А,15), обычные во второй и третьей четвертях VII в., правда, их генезис не изучался, поэтому нижняя хронологическая граница этой даты условна. Дата всех находок из склепа вполне может укладываться в хронологические рамки обувного набора, и она наиболее вероятна для интересующей нас пряжки, однако, учитывая разграбление склепа, нельзя исключить для нее и более широкие хронологические рамки (рис. 5А,49).

Блок вариантов 4 включает пряжки с полуовальным щитком, приостренным в задней части (приложение, список 1, № 20–27; рис. 1,9,10,16,20,25–27,30–32,40). Они представлены (рис. 2,з) в двух или трех пунктах на

юго-западе Крыма, двух пунктах в степях Северного Причерноморья, по одному на западе Балкан, в Трансильвании, в Рязанском Поочье и на Северном Кавказе (в рассматриваемом здесь комплексе из Беслана).

Пряжки, типологически наиболее близкие рассматриваемым бесланским, происходят из склепа 7 могильника Карши-Баир 1 (рис. 1,31,32, 3,39–40). В этом маленьком (пол размером 1,9 × 1,6 м) склепе совершенно два захоронения с однотипными обувными наборами (с пряжками, как на рис. 3,38), отнесенными Э.А. Хайрединовой [2003, с. 135, рис. 6,3,4,9–14] к первой половине VI в., однако она отмечает бытование таких наборов и несколько позднее. Из ниши склепа происходит краснолаковая миска фокейской группы типа 3F по Дж. Хейсу (рис. 3,43). Пик распространения таких мисок приходится на вторую четверть VI в., а период бытования охватывает почти весь VI в. (см. обсуждение датировки и литературу в: [Гавритухин и др., 2022, с. 198]). Штамп на этой миске представлен мотивом 71f, бытовавшим как минимум до третьей четверти VI в. [Голофаст, 2002, с. 157]. Скопление вещей, где были интересующие нас пряжки, находилось у входа в склеп и интерпретировано как детали конской сбруи (приложение, список 1, № 24). Среди накладок и наконечников в этом скоплении есть и образцы, характерные для гарнитур, выполненных в «геральдических» стилях (рис. 3,41,42), что указывает на дату не ранее середины VI века. Вероятнее всего, склеп заполнялся не длительное время, снаряжение коня близ входа в него было положено не ранее середины VI в., но и едва ли позднее третьей четверти VI в., судя по инвентарю погребений и краснолаковой миске.

В отношении пряжек из склепа 2126/1905 г. в Херсонесе (рис. 1,25,26, 3,23–24) высказанные ранее наблюдения по датировке [Гавритухин, 1999, с. 187–188] сейчас можно дополнить. Обувная гарнитура с этими пряжками включает разделители ремня, имеющие литую петлю (рис. 3,22). В Крыму такая конструкция (вариант 1 по Э.А. Хайрединовой) представлена в комплексе второй половины VI в., но известна и позднее ([Хайрединова, 2003, с. 130–131; Комар, 2010, с. 102–103, рис. 9,2–3, 10,8–11]; а также ра-

бота И.О. Гавритухина¹¹). Разделители и полихромные накладки тех же типов, что представлены в интересующей нас гарнитуре из Херсонеса (рис. 3,22,25), в Кисловодской котловине происходят из Кугульского склепа 3, где встречены с находками, датируемыми от середины VI в. до первой половины (трети?) VII века¹². Херсонесская гарнитура, если сравнивать с ее кугульскими аналогами, выглядит более «стильной», что свидетельствует в пользу ее более ранней датировки.

В Христофоровке пряжка из обувного набора (рис. 1,27, 5А,13) датируется по Т-образному наконечнику основного ремня (рис. 5А,14; [Комар, 2006, рис. 49,36, 50,7–118]), относящемуся к типам, характерным для горизонта Перещепины, то есть 620/640–660/680 гг. [Гавритухин, 2005, с. 400, ИС-5, 406–409]. Обувной набор (рис. 5А,10–13) допускает и заметно более раннюю дату, но в данном случае должен датироваться с учетом хронологии комплекса.

Пряжка из Борков (рис. 1,40) была датирована по найденной в том же комплексе Т-образной накладке / крепежному наконечнику (как рис. 5А,46), обычным для периода 2 развития гарнитур «геральдического» стиля Волго-Уральского региона [Гавритухин, 1999, с. 188]. Однако накладки / наконечники этого типа сейчас известны и в более ранних комплексах, а разделить их на узко датируемые варианты не получается, что и определяет широкую дату: в пределах второй половины VI – третьей четверти VII в. [Гавритухин, 2022, с. 108–110]. Стилистически же рассматриваемая пряжка явно тяготеет к ранним образцам (см. ниже).

Остальные пряжки рассматриваемого блока вариантов найдены либо в комплексах, не уточняющих приведенные даты, либо данные о комплексе не опубликованы.

Блок вариантов 5 и аналогии его образцам. К блоку вариантов 5 относятся пряжки со щитком единичных форм (приложение, список 1, № 28–30; рис. 1,33–35). Каждая из таких пряжек требует индивидуально-го подхода и рассмотрения в контексте пряжек тех же серий, хотя и других типов.

Моя оценка пары пряжек из Арчизы в Италии (рис. 1,35, 3,34) не изменилась. Они связаны с позднеантичными традициями и

датируются третьей третью VI в., не исключая начало VII в. [Гавритухин, 1999, с. 188]. Большая пряжка и наконечник с прорезью (рис. 3,32,37) допускают и более раннюю дату, но, судя по составу инвентаря, этот могильник связан с появлением в Италии лангобардов, то есть должен датироваться после 568 г., когда лангобарды по договору с аварами покинули Подунавье. В пользу этой даты свидетельствует и наконечник с валиком в нижней части (рис. 3,33). Такие наконечники связаны со степными традициями и заимствованы, скорее всего у авар, появившихся в Подунавье в 560-е гг., а в 568 г. являвшихся союзником лангобардов в разгроме гепидов. Сказанное и определяет дату интересующей нас пряжки.

Ближайший аналог интересующим нас пряжкам из Арчизы происходит из склепа 80 в Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму (рис. 1,36). Он имеет овальную рамку, то есть формально относится к другому типу, однако принадлежность этих пряжек одной серии (см. примеч. 3) – назовем ее «Арчиза» (приложение, список 2Б) – у меня не вызывает сомнений. К сожалению, склеп 80 в Чуфут-Кале сильно ограблен, то есть уточнить по его материалам дату и контекст находок нельзя.

Еще одна пряжка серии Арчиза (рис. 5Б,2) происходит из погребения 4 катакомбы 18 в Садоне. По информации автора раскопок З.П. Кадзаевой, в этом же погребении найдено стремя с округлым корпусом, но со спрямленной подножкой, аналоги которому не известны ранее «среднеаварского» периода и горизонта Перещепины, то есть второй и третьей четверти VII в. [Гавритухин, 2001в; 2005]. Однако интересующая нас пряжка не имеет системы крепления и найдена в контексте, допускающем, что она лежала в сумочке. Повидимому, эта изящная вещь долго хранилась после того, как перестала использоваться по прямому назначению.

Предлагавшаяся ранее узкая дата (около рубежа VI и VII вв.) пряжек из Цебельды (рис. 1,33, 3,55) основывалась на том, что трехлопастные накладки (рис. 3,57) из обувной гарнитуры, включающей рассматриваемую пару пряжек, не имели аналогов в комплексах, датируемых ранее VII в., а соседнее женское погребение в той же могиле содер-

жало фибулу (рис. 3,56), датируемую не позднее VI в. [Гавритухин, 1999, с. 188]. Однако в опубликованных позднее материалах такие накладки, отнесенные мной к понтийской серии, были встречены и в контексте ранних «геральдических» наборов, что позволяет датировать появление этой серии в пределах середины – второй половины VI в., а рассматриваемый комплекс в этом ряду относить к наиболее ранним [Gavritukhin, 2018, p. 86–87]. Таким образом, даты мужского и женского погребений в одной могиле совпадают и дают надежный репер для датировки интересующих нас пряжек.

Для датировки могилы 5/1949 из Пашковского могильника, где найдена интересующая нас пряжка (рис. 1,34, 3,58), важны бусы, характерные для второй трети V – второй трети VI в. [Мастыкова, 2009, с. 63]. Сужение этой даты исходя из характеристики пряжки как принадлежащей кругу «геральдических» гарнитур может быть легко оспорено, так как щиток этой пряжки индивидуален, а всем ее деталям легко подобрать аналогии в изделиях и более раннего времени. Остальные находки из этого весьма богатого комплекса тоже не дают жестких оснований для сужения указанной даты, определенной по бусам.

Тип в целом. Получив представление о блоках вариантов и хронологические реперы, можно перейти к рассмотрению генезиса и эволюции всего интересующего нас массива пряжек, с учетом детальных наблюдений, для понимания которых в рамках блоков вариантов выборка была слишком маленькой. Высказанный мной ранее тезис [Гавритухин, 1999, с. 189] о связи генезиса рассматриваемого типа пряжек с двумя традициями – позднеантичной и «волжской» (фактически – позднешиповской) – подтвердился. Сейчас этот процесс, как и дальнейшую эволюцию таких изделий, можно уточнить и представить детальнее.

Несомненна связь с позднеантичными традициями пряжек серии Арчиза (рис. 1,35, 36, 5Б,2), о чем свидетельствует мотив дельфина на щитке и способ крепления пряжки к ремню и чему не противоречит ареал находок (рис. 2,2,16,28). Абрис их щитков почти полностью аналогичен очертанию щитков у пары пряжек из Цебельды (рис. 1,33). Весь-

ма вероятно, что у византийцев (не исключая мастеров, находящихся под византийским влиянием) сама идея делать вырезы по бокам щитка пряжки родилась как схематизация мотива дельфина, изображаемого с поднятым хвостом, – весьма распространенного образа, определяющего облик ряда гарнитур (в том числе рис. 3,34–36; [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 56,2,5])¹³.

Общеизвестно, что апсилы, которым принадлежал и некрополь в Цебельде, находились под сильным влиянием Византии. В интересующем нас цебельдинском погребении [Воронов, 2003, рис. 132] на византийские традиции указывает поясная пряжка, да и большинство ремennых накладок и наконечников отсюда имеют многочисленные аналогии на землях Империи. Провести же грань между работой мастера византийской выучки и переработками византийских образцов в других традициях можно далеко не всегда. В ряде случаев этому помогает способ крепления пряжек или ремennых накладок, но, как крепились рассматриваемые цебельдинские пряжки, по публикации не ясно. Накладки из гарнитуры с этими пряжками крепились шпеньками, что обычно для мастеров за пределами Византии, но этот способ крепления не чужд и византийским мастерам. В любом случае эта сложная обувная гарнитура, с пряжками и несколькими разделителями ремней, украшенная кабошонами в обкладках и металлическими розетками (в том числе рис. 6,60), явно связана не с местными традициями.

Дата комплекса из Цебельды свидетельствует о появлении рассматриваемых пряжек в византийском контексте не позднее середины или третьей четверти VI века. То, что пряжки из Арчизы датируются не раньше цебельдинских (рис. 3,34,55), не противоречит предложенному эволюционно-типологическому ряду, так как появление упрощенных форм не означает прекращения производства «стильных» образцов. Зато, если принять гипотезу о том, что щитки цебельдинских пряжек являются имитацией / схематизацией мотива дельфинов, можно считать, что серия Арчиза сложилась несколько раньше, чем датирован одноименный опорный комплекс.

Связь с Византией пряжек блока вариантов 1 очевидна уже исходя из их ареала

(рис. 2,а). В Крыму они представлены в византийском городе Херсоне, а Юго-Западный Крым (часть страны Дори, см.: [Айбабин, Хайрединова, 2017]) уже при Юстиниане I (527–565 гг.) был под контролем Империи. Единичные находки в зонах, подчиненных Меровингам, Аварскому и Тюркскому каганатам (рис. 2,1,3,34), являются показателями культурных и политических связей этих владений с Византией, зафиксированных многими письменными и археологическими источниками.

Абрис щитка пряжек блока вариантов 1 (рис. 1,1,2,6,11,12,17,21–23,28,29) вполне может рассматриваться как упрощение обсуждавшихся выше схематизированных переработок (рис. 1,33) «стильных» изделий позднеантичного круга (рис. 1,35,36). Зафиксированное на одном из вариантов рассматриваемых пряжек крепление щитка к ремню с помощью «ушек» (рис. 1,28) указывает на византийскую выучку мастера. В целом же это – относительно дешевая массовая продукция, судя по сравнительной простоте абриса щитка и тому, что блок вариантов 1 самый многочисленный. Разница в способах крепления и других деталях этих пряжек свидетельствует о многих мастерских, где делали такие пряжки. В пользу этого говорит и длительность их бытования (рис. 3,9,14–15,26,31, 5А,31,36). Они появились не позднее второй половины VI в. (вскоре после начала переработки прототипов); в первых десятилетиях VII в. были еще широко распространены; вероятно, сохраняли актуальность и около середины этого столетия (о пряжке из Гиляча – рис. 1,29 – см. ниже).

Пряжки блока вариантов 2, судя по ареалу (рис. 2,б) с учетом многих византийских элементов в комплексе из Клинь-Яра, принадлежат тому же контексту, что блок вариантов 1. Абрис их щитка (рис. 1,3,7,13) также можно поставить в ряд упрощения первых схематизированных переработок позднеантичных образцов (рис. 1,33). Не исключено и то, что этот абрис появился как модификация более простых щитков блока вариантов 1, если принять во внимание, что выступ в задней части щитка, показательный для блока вариантов 2, является обычной деталью многих массовых типов византийских пряжек начиная как минимум с середины VI в. (типа Сучидава и ряда других, в том числе рис. 3,28).

Находки из Клинь-Яра (рис. 1,3,7) свидетельствуют о бытовании пряжек блока вариантов 2 до второй четверти VII в. (рис. 3,5,6), не исключая более позднее время. Аморфные вырезы на щитке клиньярских пряжек можно рассматривать как показатель поздних вариаций. Это подтверждает то, что экземпляр из Каллатиса (рис. 1,13) – с четко проработанными деталями – допускает дату (рис. 3,21), значительно более раннюю, чем клиньярский вариант.

Весьма вероятно, что к показателям сравнительно более ранней даты пряжки из Каллатиса можно отнести ее крупные размеры. Закономерность постепенного уменьшения размеров прослеживается для обувных пряжек, аналогичных рассматриваемым, но с четырехугольной рамкой [Gavritukhin, 2018, р. 59–65; Гавритухин, 2022, с. 98–100]. Однако пряжки с В-образной рамкой типологически явно более гетерогенны, чем их аналоги с четырехугольной рамкой, то есть связь мастеров, которые делали рассматриваемые пряжки, была существенно слабее. Различаются интересующие нас пряжки и по функции (см. ниже). Все это влияло на размерные стандарты, изучение которых целесообразно в рамках серий (см. примеч. 3), когда они будут выделены.

Пряжки блока вариантов 3 встречены лишь за пределами Византии (рис. 2,в). Форма их щитка (рис. 1,4,8,14,15,19) может рассматриваться в контексте локальных модификаций изделий блока вариантов 2, не исключено, что и блока вариантов 1, учитывая, что плавный выступ – широко распространенная деталь изделий «геральдического» круга начиная с эпохи формирования этого стиля гарнитур. Принимая во внимание географическую удаленность, культурную разницу памятников и явную нестандартность изделий, можно говорить о нескольких центрах производства пряжек блока вариантов 3.

Находка из Хацков (рис. 1,8) свидетельствует о бытовании таких пряжек как минимум во второй – третьей четвертях VII в. (рис. 5А,22). Скорее всего, не ранее того датируется пряжка из Гоуста (рис. 1,14, 5А,57, 5Б,3). Вопрос о датировке наиболее ранних пряжек блока вариантов 3 остается открытым, с учетом широкого интервала даты ком-

плекса из Дымовки (рис. 5А,37–43) и отсутствия других хронологических реперов.

Пряжки блока вариантов 4 представлены явно разными традициями, соответствующими географическому распределению. Признаки этих традиций были подмечены А.И. Айбабиным [1990, с. 38–39] и показаны мною на более обширном материале как отличие пряжек восточносредиземноморской подгруппы от других, тоже с площадками в задней части рамки [Gavritukhin, 2018, p. 55–56; Гавритухин, 2022, с. 95–98]. Эти критерии применимы и к пряжкам рассматриваемого типа.

Для восточносредиземноморских / позднеантичных / византийских традиций показательны сравнительно невысокие рамки двухгранного сечения или более массивные, как бы с подрезкой внешнего контура рамки. В блоке вариантов 4 таковы известные мне по оригиналам пряжки из византийского Херсонеса (рис. 1,25,26, 2,12) и, судя по доступным изображениям, пряжки из сателлита Византии страны Дори (рис. 1,5,5а, 2,17), из подконтрольного византийцам Дурреса на адриатическом побережье Балкан (рис. 1,9,10, 2,4), где сохранялось позднеантичное население (судя по могилам, обложенным каменными блоками, и составу находок). Вероятно, этому же кругу принадлежат пряжки из богатой природными ресурсами Трансильвании (рис. 1,20, 2,5), где византийское влияние документировано многими находками, из черноморских степей (рис. 1,16, 2,11), открытых влиянием из Византии.

Аналогично, судя по доступной информации (см. данные в приложении, списке 1), сделаны относящиеся к позднеантичному кругу пряжки блока вариантов 5 (рис. 1,33,35,36), 1 (рис. 1,1,2,6,12,17,22,28), 2 (рис. 1,13), сложившиеся под их влиянием пряжки блока вариантов 3 (рис. 1,8,15,19). Некоторые пряжки с трехгранным сечением рамки (рис. 1,3,4,11) могли появиться под влиянием крупных византийских пряжек с «подрезкой» внешнего контура рамки (см. некоторые образцы в: [Гавритухин, 2022, рис. 168,21,25]) или отражать восточноевропейскую стилистику (см. ниже). Часть изображений малопригодны для атрибуции вещи по рассматриваемому признаку.

Для восточноевропейских традиций характерны рамки сегментовидного и трехгран-

ного (иногда граней бывает больше) сечения, внешне более массивные, чем рассмотренные выше, что зачастую компенсировалось небольшой толщиной изделия. Такие пряжки блока вариантов 4 известны из четырех пунктов (рис. 1,27,30–32,40), в остальных блоках вариантов они единичны (рис. 1,14,29,34). Лишь один пункт с такими находками расположен близ византийских центров – в Юго-Западном Крыму (рис. 2,14), да и там у варварского населения страны Дори. Остальные связаны с разными группами населения Северного Кавказа, черноморских степей, Рязанского Поочья (рис. 2,10,21,23,25,27,30). Две или три находки из этого ряда (рис. 1,14,27, 5Б,1,3) явно относятся к не ранним (рис. 5А,8, 13,57), одна (рис. 1,40) может датироваться широко, но скорее ранней частью «геральдической» эпохи, а две с Северного Кавказа (рис. 1,29,34) явно тяготеют к «догеральдическому» времени (рис. 3,58,59).

Легко заметить, что кроме пряжек в гарнитурах «геральдических» стилей перечисленные выше признаки восточноевропейских традиций указывают на пряжки шиповского круга или близкие им по культурному контексту (как рис. 3,48,54, 4,40,41, 8,28, 9Б,17,23, 10,36), которые появились в постгуннское время (во второй половине V в.) и бытовали в VI в., постепенно сменяясь «геральдическими» (см. о шиповской эпохе [Гавритухин, 1999, с. 193]). Наибольшее распространение пряжки шиповских стилей получили в волго-донских степях и связанных с ними регионах – на Северном Кавказе, в Южном Приуралье, джетысарской культуре Нижней Сырдарьи, хотя ряд черт, присущих этим пряжкам, конечно, можно найти в значительно более обширном круге культур.

В этом контексте для нашей темы особенно важны *пряжки серии Коминтерн* (рис. 1,37–39; приложение, список 2А), так как их щитки имеют по бокам вырезы. Принадлежность Коминтерновского могильника [Казаков, 2020] шиповской эпохе очевидна: безусловных индикаторов гуннского времени здесь нет, а «геральдические» стили представлены лишь одной накладкой [Казаков, 2020, рис. 7,2], характерной для их раннего этапа, что и ограничивает верхнюю хронологическую границу выборки второй половиной VI века. Пряжки

из интересующих нас могил, судя по имитирующим массивность высоким рамкам (рис. 1,38,39, и они доминируют в комплексах, см. рис. 3,44,48,52,54, вероятно, 3,45), относятся к не ранним в ряду шиповских, то есть обычным в VI века. Это определяет дату погребения 5 (рис. 3,52). В погребении 66 рассматриваемая пряжка (рис. 1,38) встречена с 8-видным стремянем (рис. 3,50) [Казаков, 2020, рис. 58,18]. Появление таких стремян в Европе специалисты связывают с приходом авар и тюрков / тюркютов, что указывает на дату не ранее конца 550-х годов. Конечно, нельзя исключить, что в Волго-Уральском регионе стремяна появились с более ранними пришельцами из регионов, контактировавших с Китаем и зоной его влияния, однако этому нет прямых доказательств. Поэтому погребение 66 пока следует датировать не ранее второй половины или около третьей трети VI в. (рис. 3,44), когда Тюркский каганат прочно утвердился в регионе (см. подробнее ниже, в части 4).

Погребения, в том числе с интересующей нас пряжкой (рис. 1,37), под курганом 9 в Верх-Сае хорошо датируются с опорой на стратиграфию курганов [Гавритухин, 1996, с. 120–121, рис. 3]. В нынешней работе стоит остановиться на этих материалах подробнее (на рис. 4 воспроизведена часть рисунка 1996 г., но находки даны по более точным рисункам, появившимся позднее; см. приложение, список 2А, № 1). В погребении 2 под курганом 9 представлены пряжки и наконечники обувного набора, продолжающие традиции, восходящие к гуннскому времени (рис. 4,28–30,33), но долго бытующие, и «классическая» харинская поясная гарнитура (рис. 4,16–19) постгуннского времени. Две сасанидские драхмы, в том числе одна пробитая, из эмиссий шаханшаха Пероза (457–484 гг.) определяют *terminus post quem* погребения 2. О сравнительно поздней дате кургана 9 в рамках постгуннского времени свидетельствует то, что он перекрывает курган 21 с пряжками (рис. 4,40,41), характерными для шиповской (тоже постгуннской) эпохи.

В погребении 1 под курганом 9 найден наконечник (рис. 4,15), показательный для ранних «геральдических» стилей (ср. рис. 3,42, 10,35; более поздние варианты – [Гавритухин, 1996, рис. 3,98–99,101,115,127], повторено в:

[Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89,98–99,101,115,127]). При этом курган 9 перекрыт курганом 3 (с невыразительным для датировки инвентарем), а курган 3 – курганом 26, в котором найдены пряжка и накладки (рис. 4,1,3,4), сочетание которых характерно для ранних «геральдических» стилей (ср.: [Гавритухин, 2001а, рис. 16, *периоды I и I/2*]). Таким образом, курган 9 относится к самому началу процесса смены местных харинских гарнитур ранними «геральдическими», что указывает на середину – вторую половину VI в., скорее ближе к середине этого столетия (рис. 3,51).

Что же касается пряжек рассматриваемого типа, то две находки с Северного Кавказа (рис. 1,29,34) могут быть синхронны серии Коминтерн (около середины – третьей четверти VI в.), но не исключают и более раннюю дату (рис. 3,58,59). В первом случае появление боковых вырезов на щитке пряжек можно связать с тем, что первые переработки позднеантичного мотива дельфинов около середины VI в. (как на рис. 3,55) оказали влияние на мастеров, изготавливавших пряжки в местных (восточноевропейских, шиповских) традициях. Во втором случае можно считать появление вырезов по бокам щитка самостоятельной модификацией в рамках развития восточноевропейских пряжек. Тогда появление этой модификации не позднее середины VI в. (рис. 3,58,59) для пряжек с В-образной рамкой следует локализовать в Кубанском регионе (рис. 2,23,25) или зоне, связанной с ним, а пряжки серии Коминтерн рассматривать как одну из локальных форм этой стилистики оформления щитков.

Встает вопрос: а может быть с влиянием указанных кубанских образцов связаны боковые вырезы на щитке у пряжек вроде цебельдинских (рис. 1,33) и на этой основе сложился весь массив рассматриваемых пряжек, изготавливаемых в ряде случаев мастерами византийской выучки? Такой поворот кажется мне маловероятным: слишком уж отличаются от кубанских (рис. 1,29,34) уже ранние интересующие нас пряжки, сделанные в явно византийских традициях (рис. 1,17,25,26). Очевидно, что последние ближе изделиям, позднеантичная атрибуция которых несомненна (рис. 1,35,36).

Исходя из доступных материалов и изложенных выше наблюдений, **реконструкция эволюции** полых В-образных пряжек с неподвижным щитком в форме «геральдического щита» с вырезами по бокам представляется мне следующей.

Одной из основ их генезиса стали пряжки, щиток которых украшен мотивом дельфина (как рис. 1,35,36), выполненные в позднеантичных традициях, и их аналоги, где этот мотив был схематизирован (как рис. 1,33). В середине или третьей четверти VI в. византийская линия развития интересующих нас пряжек уже сложилась (рис. 3,55).

Не позднее того в Кубанском регионе или зоне, включающей его, появились пряжки, сделанные в местных (связанных с шиповскими) традициях, имеющие вырезы по бокам щитка (как рис. 1,29,34, 2,23,25, 3,58,59). Появились эти вырезы в рамках модификаций местных традиций или под влиянием образцов, связанных со схематизацией позднеантичных мотивов, – вопрос открытый. Как бы то ни было, под влиянием кубанских изделий или связанных с ними центров производства пряжек шиповского круга не позднее третьей четверти VI в. сложилась серия Коминтерн, бытовавшая в Камском регионе сравнительно недолго, видимо не выходя за VI в. (рис. 1,37–39, 2,32,33, 3,44,51,52). С тем же инновационным центром связаны изделия, попавшие в Юго-Западный Крым не позднее третьей четверти VI в. (рис. 1,31,32, 2,14, 3,39,40). Этому же кругу принадлежит пряжка из лесного Поочья (рис. 1,40, 2,21), что и позволяет датировать ее второй половиной VI в. или лишь немного позднее.

Однако основная линия эволюции рассматриваемых пряжек связана с массовым производством на основе переработок первых схематизированных реплик позднеантичных образцов. Несколько комплексов, связанных с Византией, в том числе ее владениями в Крыму (рис. 3,21,23,24,26,31), позволяют считать, что это производство сложилось во второй половине VI в. и продолжалось позднее (например, рис. 3,14,15, 5А,36,42,49). Некоторые вариации (рис. 3,5,6,9, 5А,22,31), очевидно, связаны с эпохой императора Ираклия (610–641 гг.), не исключая их использования, а может быть, и производства в третьей четверти VII века.

Интересующие нас пряжки, рамка которых сделана в восточноевропейских традициях, есть в комплексах, датируемых второй / третьей четвертями или даже второй половиной VII в. (рис. 5А,8,13), не исключая и несколько более позднее время (рис. 5А,57). Совсем не обязательно думать, что они связаны с эволюцией пряжек этого круга, зафиксированных в значительно более ранних комплексах (как на рис. 3,39,40,59). В-образные пряжки многих типов с рамками восточноевропейской традиции оставались в Восточной Европе господствующими все время существования гарнитур «геральдических» стилей. То есть сочетание такой рамки и щитка, принадлежащего широко распространенному долго бытовавшему формам, могло сложиться независимо от схожих более ранних изделий.

В этой связи отмечу сходство двух пряжек из горных районов Осетии и Ингушетии (рис. 5Б,1,3) по размерам, пропорциям деталей, плавным боковым вырезам на щитке и другим показателям. Похоже, что они принадлежат одной серии, получившей распространение в компактном ареале в то время, когда на большинстве территорий интересующие нас пряжки выходили из употребления.

Пряжки из бесланского комплекса (рис. 1,24,30, 5Б,4,5) явно относятся к ранней группе интересующих нас пряжек, выполненных в восточноевропейских традициях, связанных с Кубанским регионом, но получивших более широкое распространение (рис. 1,29,31,32,40). Особенно им близки пряжки из Карши-Баира, датируемые серединой – третьей четвертью VI в. (рис. 3,39,40). Четкий прямоугольный контур боковых вырезов, внутренний контур рамки, близкий длинному прямоугольнику, сравнительно короткий щиток свидетельствуют и о влиянии стилей позднеантичного круга, хорошо представленных в Крыму и других связанных с Византией регионах (рис. 1,1,2,6,13,16,17,25,35), в том числе в комплексах середины VI – начала VII в. (рис. 3,21,23,26,34). Сказанное позволяет рассматривать бесланские пряжки как результат синтеза восточноевропейских и византийских традиций, датируемых около второй половины VI века.

В пользу восточноевропейской атрибуции и приведенной даты свидетельствует золочение рассматриваемой пряжки. Для византийских ременных гарнитур VI – начала VII в. это не характерно. Зато покрытие бронзовых или серебряных деталей ременной гарнитуры тонким золотым или позолоченным листом, имитируя массивную золотую вещь, нередко встречается в гарнитурах шиповского круга, продолжающих традиции гуннского времени, а во второй половине VI – начале VII в. сменяемых гарнитурами, выполненными в «геральдических» стилях.

Функция. Обстоятельства находки, позволяющие судить о назначении пряжки, приведены в списке рассматриваемых пряжек (приложение, список 1). Чаще всего они связаны с обувными гарнитурами (рис. 1,25–27,33; список 1, № 26, 27, 30; вероятно, рис. 1,28; список 1, № 3). В одном случае не вызывает особых сомнений принадлежность пряжки португее для крепления меча (рис. 1,3; список 1, № 13), что не исключено и для второй пряжки из этого комплекса (рис. 1,7; список 1, № 12). Весьма вероятно такая же функция и для пары пряжек из Арчизы (рис. 1,35; список 1, № 28). В Немеди интересующая нас маленькая пряжка (рис. 1,6; список 1, № 4) входила в поясную гарнитуру, которая имела большую пряжку (рис. 5А,32). Аналогичная ситуация отмечена в Гоусте (рис. 1,14, 5Б,3; список 1, № 15), если интересующую нас пряжку соотносить с поздней группой находок (рис. 5А,55–60). Пряжка из Фынтынеле (рис. 1,20; список 1, № 25), скорее всего, связана с поясной сумкой. Пряжка из Каллатиса (рис. 1,13; список 1, № 11) могла быть или поясной, или (менее вероятно) сумочной. Коминтерновские пряжки в обоих случаях (рис. 1,38,39; список 2А, № 2 и 3) – поясные. В Карши-Баире (рис. 1,31,32; список 1, № 24) интересующие нас и другие пряжки отнесены авторами раскопок к деталям конской сбруи, причем подпружной считается экземпляр, сделанный из железа.

Из этого списка особенно важны три пряжки из Карши-Баира, близкие бесланским не только типологически, но и технологически, а также использованием золота для имитации дорогой вещи. Вот как характеризуют их авторы раскопок: «...можно отметить и

псевдо-пряжки из очень тонкого бронзового листа, обтянутые золотой фольгой...» [Ушаков, Филиппенко, 2005, с. 559]. Хотя употребление термина «псевдопряжки» здесь не совсем точно (см. о них ниже, в частях 2 и 5), идея коллег о том, что данные изделия едва ли можно использовать для соединения ремней, имеющих существенную нагрузку, представляется плодотворной. Добавлю, что интересующие нас каршибаирские пряжки нельзя считать сделанными специально только для погребения, поскольку они имеют утраты, а комплекс не грабился. Использование же пряжек и ременных наконечников не по их назначению, а в качестве накладок, только украшающих ремень, не является чем-то необычным. Кстати, таковы и «классические» псевдопряжки. Такая функция представляется весьма вероятной и для рассматриваемых бесланских пряжек.

2. Плоские четырехлепестковые накладки со скошенными краями

Такие накладки в интересующем нас бесланском комплексе представлены хорошо определенным и явно близким ему фрагментом (рис. 5Б,6, 6,1) [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,7,8]. С учетом остальных обломков можно думать, что их было не менее трех.

В публикации 1999 г. схожие изделия в рамках группы «розетковидные четырехлепестковые» были отнесены мною к типу 2 (с округлыми лопастями, плоской поверхностью и скошенными краями), который делился на варианты по характеру прорезной (или имитирующей прорези) орнаментации, выделялся и вариант без прорезей [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 105–106]. Такие накладки были зафиксированы в 18 пунктах (в некоторых – более чем в одном комплексе), с основной зоной концентрации в Камском и Окско-Сурском регионах (13 пунктов), единично в низовьях Сырдарьи (джетыясарская культура), Среднем Поднепровье, Юго-Западной Финляндии, на юго-востоке Западной Сибири [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 106–107, рис. 9,3,и]. Их появление отмечено около середины VI в., пик распространения датирован концом VI – первой половиной VII в., а постепенное вытеснение накладками дру-

гих стилей отнесено ко второй половине VII в. [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 106–108].

В опубликованной на следующий год работе В.Б. Ковалевской [2000, с. 158, 344–345, № 2736–2761]¹⁴ такие накладки присутствуют среди типов 1 (четырёхлепестковые с четырьмя отверстиями в центре) и 2 (без отверстий) отдела 33. В списке приведены находки из 10 пунктов, правда, к нему следует относиться с осторожностью. Так, если проверить указание «Скалистое, 321» (№ 2755–2756) по публикации склепа 321 могильника Скалистое [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 47, 20–28, 48, 1–11], то таких накладок не найти. Показательно их отсутствие в фундаментальной работе А.И. Айбабина [1990], где детально рассмотрены детали ременных гарнитур Крыма V–VII веков. Накладки с Баксана (№ 2753), из могилы 11 в Кудыргэ (№ 2757–2759), из склепа 52 (из раскопок Н.И. Репникова) в Эски-Кермене (№ 2772–2773) относятся к типам, здесь не рассматриваемым. Некоторые находки с широкой привязкой («Северный Кавказ» и т. п.) по отсылкам в списке невозможно проверить. Некоторые указания неясны (наверное, написаны неправильно), и остается только гадать: «Бурджары» (№ 2747) – это Борижар? Находки из «Агинской степи» (№ 2760–2761) – это то же самое, что в другом месте тем же автором опубликовано с указанием на Ачинскую степь [Ковалевская, 1990, рис. 3, 48]? О датировках не стоит и говорить, так как они не аргументированы.

Ныне рассматриваемый тип накладок известен мне как минимум в 57 комплексах (приложение, список 3), что превосходит базу данных конца 1990-х гг. более чем вдвое, и позволяет уточнить типологию, тогда нацеленную на понимание находок из погребения 552 Варнинского могильника (рис. 6, 28). Основой для нее стали вещи, обработанные мной в оригинале, а также известные по квалифицированным (в ряде случаев и проверенным хотя бы по фото) рисункам или внятным фотографиям (рис. 6, 1–35, 38, 39, 42; см. о них в приложении, списке 3). Различие схожих экземпляров по размерам, технологии изготовления (прессованные и литые; среди последних – полые сравнительно тонкие и толстые, а иногда и не полые, как на рис. 5, 30) и другим характеристикам делают целесообразным (как и в отношении рас-

смотренных выше пряжек) говорить о блоках вариантов. Их выделено 3, исходя из расположения прорезей или их имитаций.

Завершая общий обзор, остановлюсь на вопросе о правильной постановке рассматриваемых накладок на рисунке. В ряде случаев их лопасти («лепестки») чуть различаются размерами, но если развернуть рисунок, то накладка станет симметричной. У нескольких экземпляров это получится, если лопасти располагать по осям «верх – низ», «лево – право» (например, рис. 6, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 16, 17, 19, 31, 33). Но немало таких, где накладка будет смотреться гармоничнее, если ее лопасти ориентировать по осям «косого» (Андреевского) креста (например, рис. 6, 8, 15, 30, 32, 35). Численное преобладание первых можно объяснить тем, что для попадания в их число достаточно изменить размеры одной лопасти, в то время как для вторых нужно различие размеров у двух пар лопастей. Некоторые же изделия будут симметричными при любом обсуждаемом развороте или же при любом развороте асимметричными (например, рис. 6, 20, 21, 38). Наконец, разные типы «идеального» разворота можно встретить в одном наборе (например, рис. 6, 6, 8). Показательны три накладки из Хацков, которые имеют как круглые, так и четырехугольные прорези, причем при любом развороте композиция накладки не будет симметричной (рис. 6, 39, остальные см. в: [Корзухина, 1996, табл. 21, 32–34; Скиба, 2016, рис. 23, 16–18]). На фото остатков ремня с пятью накладками из Салыма [Кардаш и др., 2021, рис. 2.26, 2] одна накладка ориентирована по лучам «прямого» креста, одна – по лучам «косого» креста, а три – в промежутке между этими образцами, как бы «наискосок». Судя по расположению отверстий, эти накладки должны бы быть расположены по модели «прямого» креста, но так развернуть их невозможно: лопасти одной накладки будут «залезать» на лопасти соседней. Учитывая сказанное, я оставил разворот рисунка четырехлепестковой накладки таким, каким его делал я, не задумываясь над обсуждаемым вопросом, и таким, каким его делали коллеги по неизвестным мне соображениям.

Блок вариантов 2 по численности намного превосходит остальные, поэтому рассмотрение интересующих нас накладок целе-

сообразнее начать с него. Он объединяет накладки с четырьмя круглыми прорезями (или их имитацией)¹⁵, расположенными напротив мест схождения «лепестков» (рис. 6,1–14,16,18,22–27,29,30,32–34; приложение, список 3, № 12–50, 62). В соответствии с новой типологией его ареал стал еще более отчетлив (рис. 7,б), чем представлялся четверть века назад [Гавритухин, Иванов, 1999, рис. 9,и].

Более всего комплексов (иногда до трех на одном памятнике, что тоже показательно) приходится на бассейн Нижней и Средней Камы, немало их и несколько западнее – в бассейнах Оки и Суры. Следующий (по численности находок) регион распространения накладок блока вариантов 2 приходится на джетыясарскую культуру (рис. 7,37). Интенсивное исследование ряда ее памятников, связанное с новостройками, и производящие впечатление публикации выразительных находок (итоговая: [Левина, 1996]) вызвали у некоторых исследователей стремление связать многие явления в Волго-Уральском регионе с влиянием этой культуры и даже миграциями ее носителей. Однако и в интересующем нас случае, и во многих других становится очевидным, что скорее, наоборот, джетыясарская культура впитывала влияния из Северного Кавказа и Камского региона, опосредованные через степь (например, для двупластинчатых фибул см.: [Гавритухин и др., 2019]). Для противоположной же точки зрения мне не известно ни одного убедительного аргумента, если не считать таковым логику типа «аналогии в Азии = влияние оттуда»¹⁶. В остальных регионах рассматриваемые накладки единичны и явно являются производными от образцов, полученных из указанных выше зон концентрации накладок блока вариантов 2.

Подавляющее большинство интересующих нас находок датируется по комплексам первым и вторым периодами развития «геральдической» ременной гарнитуры Волго-Уральского региона, то есть в рамках середины VI – третьей четверти VII в. [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 84–89], и новые материалы полностью это подтверждают. Причем если раньше мне казалось, что можно выделить некий «пик» бытования таких накладок, то сейчас я не стану этого утверждать. Однако очевидно, что они чужды так называ-

емым агафоновским и неволинским гарнитурам, сформировавшимся около середины VII в. и в разном ритме вытеснившим в Прикамье и связанных с ним регионах предшествующие «геральдические» стили. Единственный случай, когда накладка блока вариантов 2 в основной зоне концентрации упомянутая в очень позднем (салтовского времени) комплексе, вызывает сомнения (приложение, список 3, № 24).

Несколько комплексов с накладками блока вариантов 2 допускают датировку «догеральдическим» временем (приложение, список 3, № 16, 25, 32, 33), однако и не исключают отнесения к периоду, когда шиповский и другие, так называемые постгуннские стили сосуществовали с ранними «геральдическими» или синхронны им, судя по другим находкам. Все эти комплексы концентрируются в Нижнем Прикамье или сравнительно недалеко от этого региона (рис. 7,9,15,19). Наиболее ранние комплексы за пределами основной зоны концентрации рассматриваемых накладок (приложение, список 3, № 13, 17; рис. 7,34,37) относятся к раннему «геральдическому» времени. Вероятнее всего, на Северный Кавказ и в Приаралье образцы интересующих нас накладок попали из Камско-Окской зоны, где они были уже значимым элементом ременных гарнитур. Это – аргумент в пользу отнесения генезиса таких накладок к «догеральдическому» времени, но, судя по всему, не намного предшествующему эпохе «геральдики».

Генезис рассматриваемого типа накладок не изучался, а в данной работе для этого нет возможности. Пока можно констатировать, что он сложился в зоне, включающей Нижнее Прикамье или ограниченной этим регионом, в первой половине или середине VI века.

Блок вариантов 1 включает накладки без орнаментальных (см. примеч. 15) прорезей (рис. 6,15,17,20,21,28,31; приложение, список 3, № 1–11). В работе 1999 г. такие накладки были отнесены мной к варианту, названному «петропавловский» [Гавритухин, Иванов, 1999, рис. 9,з], и это название не потеряло актуальность ныне (см. концентрацию находок на этом могильнике – рис. 7,16 – и близ него). География мест, где такие накладки встре-

чены (рис. 7,а), расширилась по сравнению с прошлой картой [Гавритухин, Иванов, 1999, рис. 9,з], но выделенная тогда компактная зона концентрации находок на юге современной Удмуртии (рис. 7,15,16,18) стала еще очевиднее. Находки вне ее (рис. 7,28,36,41,44) единичны, и их происхождение трудно объяснить, если исключить прямые или опосредованные контакты с основной зоной находок накладок блока вариантов 1.

Рассматриваемые накладки часто происходят с тех же памятников, нередко даже из тех же комплексов, что и накладки блока вариантов 2. В этих и большинстве других случаев их датировка не выходит за хронологические рамки блока вариантов 2. Экземпляр из Садона на Северном Кавказе (рис. 6,35, 7,36) принадлежит локальной серии, более поздней, чем большинство комплексов в основной зоне концентрации рассматриваемых накладок. Самую позднюю дату имеют накладки из Больших Мурлов в Западной Сибири (рис. 6,42, 7,41), что отражает локальную линию развития (о локальных сериях и вариациях см. ниже). Сказанное позволяют предполагать, что накладки блока вариантов 1 являются упрощенной модификацией накладок блока вариантов 2, получившей распространение в очень компактном ареале и оттуда попадавшей в другие регионы. В некоторых случаях нельзя исключить того, что эти простейшие варианты накладок рассматриваемого типа могли появиться как упрощенные реплики четырехлепестковых накладок других типов.

Блок вариантов 3 объединяет накладки с четырьмя круглыми прорезями (или их имитацией) по центру «лепестков» (рис. 6,19,38,39; приложение, список 3, № 51–57). В этих рамках явно выделяется серия Хацки и вариации, для которых отнесение к сериям не очевидно.

Серия Хацки включает накладки с четырехугольной прорезью или углублением по середине (как рис. 6,39; приложение, список 3, № 56 и 57). Эпонимный комплекс принадлежит кладам круга Мартыновки, что определяет его дату около второй и третьей четвертей VII в. (рис. 5А,15–26; подробнее см. выше, в части 1). Многие типы вещей, представленные в кладах, конечно, сформировались до того, как сложился «классический»

облик этих комплексов, то есть для рассматриваемой серии весьма вероятно и более ранняя нижняя хронологическая граница. Вторая находка вполне вписывается в культурный контекст комплекса из Хацков. Ареал серии, включающий два пункта, охватывает Среднее Поднепровье (рис. 7,з).

Остальные накладки блока вариантов 3 не так выразительны, как рассмотренные. Они разбросаны практически по всему ареалу накладок рассматриваемого типа, но везде единично (рис. 7,в)¹⁷. Среди них выделяется экземпляр из погребения 12 Петропавловского могильника (рис. 6,19) – с узкими орнаментальными отверстиями, как у накладок блока вариантов 2 из того же комплекса (рис. 6,18). Наиболее вероятно, что это – единичная вариация на основе обычных для Прикамья форм. Накладки с широкими отверстиями (как рис. 6,38) тоже вполне могут рассматриваться как единичные вариации накладок блока вариантов 2, в данном случае – с широкими орнаментальными отверстиями (как рис. 6,10,11,13,22 и т. п.).

Упомянутое погребение 12 Петропавловского могильника датируется по наконечнику [Семенов, 1976, табл. III,8], аналогии которому представлены в периоде 2 и поздней части периода 1 развития «геральдических» гарнитур Волго-Уральского региона [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89,54,5581,101,115,127], то есть от последних десятилетий VI до третьей четверти VII века. Такая же или чуть более широкая дата приемлема для склепа 12 в Борижарах, судя по В-образной пряжке с узкой прорезью и неподвижным щитком [Байпаков и др., 2005, рис. 3.8,12].

Комплекс из Рёлки (приложение, список 3, № 55) по сочетанию псевдопряжки варианта «г» типа 1 и «рогатой» накладки с круглыми прорезями [Чиндина, 1977, рис. 24,24,25] можно датировать в пределах от 630 г., после которого получили распространение псевдопряжки типа 1, до третьей четверти VII в., когда известны наиболее поздние гарнитуры с прорезными «рогатыми» накладками [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 33, 85, рис. 47,14,15,21, 89,50; Гавритухин, 2001а, с. 32–33, 53–55, рис. 11,2, 12,2,4].

К сожалению, у нас нет оснований для датировки половины несерийных накладок

блока вариантов 3, но вся имеющаяся информация свидетельствует, что они появились не раньше, чем уже бытовали накладки блока вариантов 2. Это относится и к накладкам серии Хацки. Таким образом, исходя из хронологии и географического распределения, чему не противоречат типологические наблюдения, накладки блока вариантов 3, как и блока вариантов 1, можно рассматривать как модификацию накладок блока вариантов 2, но в нескольких локальных центрах и иногда под влиянием образцов, относящихся к другим типам. Например, на появление накладок блока вариантов 3 могло повлиять расположение композиционных узлов на лепестках у накладок типа «сложно украшенные» (как рис. 6,55).

Тип в целом. Как мы видели, наиболее ранние плоские четырехлепестковые накладки со скошенными краями относятся к блоку вариантов 2 и датируются около первой половины или середины VI века. Они известны в нескольких пунктах бассейна Нижней Камы (здесь представлены и накладки других групп, стилистически близкие рассматриваемым, например рис. 6,45), возможно включая один пункт из близлежащего Поволжья (рис. 7,9,15,19). В период ранних «геральдических» гарнитур (середина VI – начало VII в.) такие накладки зафиксированы также в бассейне нижнего течения Белой, Среднем Прикамье, Окско-Сурском регионе, у алан Северного Кавказа, в джетыясарской культуре Северо-Восточного Приаралья.

Контакты населения бассейна Нижней Камы и нижнего течения Белой с носителями аланской и джетыясарской культур весьма выразительно фиксируются и для предшествующего времени – как «классическими» гарнитурами шиповского круга (как на рис. 8,26–28, 9Б,17,18), связанными с волго-донскими степями, так и специфичными для оседлого населения деталями убора (например, двупластинчатыми фибулами, как на рис. 9А,2–5; подробнее в: [Гавритухин и др., 2019]). В этих культурах оседлого населения, с добавлением культур волжских финнов, присутствуют и наиболее ранние псевдопряжки (рис. 7,ж,з, 10,3). Появление псевдопряжек относится к эпохе продвижения Первого Тюркского каганата в Европу между концом 550-х и серединой 570-х гг. (см. подробнее ниже, в части 4),

а их распространение у оседлого населения объяснимо привлечением местных контингентов в военные действия, осуществляемые тюрками [Гавритухин, 2001а].

Рассматриваемые четырехлепестковые накладки (как и стилистически близкие им трехлепестковые, квадратные и др., наряду со схожими формами) вполне органично вписались в гарнитуры с ранними псевдопряжками [Гавритухин, 2001а, рис. 1,6,9, 3,6,15,18, 4,7, 5,10, 6,12, 8,13; Байпаков и др., 2005, рис. 3.8,4]. Скорее всего, именно с этим культурно-историческим контекстом следует связывать широкое распространение интересующих нас накладок вне зоны их генезиса. В этой среде появились и модификации накладок блока вариантов 2, представленные блоками вариантов 1 и 3, в том числе локальными формами, а также накладки других групп, включающие четырехлепестковый элемент (как рис. 6,56,57).

Для понимания интересующих нас накладок типа 2 группы «розетковидные четырехлепестковые» следует кратко остановиться на типе 1 (вариации других типов [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 105–106, рис. 8,2,3] не имеют прямого отношения к теме данной статьи). К типу 1 относятся накладки, по абрису схожие с типом 2, но с рельефной поверхностью (или напоминающие ее) и выделенным центром [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 106]. Они появились не позднее второй половины VI в., причем на Кавказе уже в это время представлены как рельефными вариациями (рис. 6,60, о дате см. выше, в части 1), так и уплощенными (рис. 60,58, о дате см.: [Малашев, 2001, рис. 59,МБ-25-К; Гавритухин, 2001б, с. 48], с уточнениями¹⁸). В других регионах, судя по моей выборке датированных комплексов, такие накладки появились позднее.

Четырехлепестковые накладки (как и псевдопряжки) не вышли из употребления в связи с тем, что тюрки утратили контроль над европейскими землями из-за смуты в Западном Тюркском каганате, начавшейся в 630 году. Напротив, с этого времени наблюдается наибольшее разнообразие гарнитур, включавших эти элементы. Правда, в это время все большее значение приобретают локальные варианты и связи отдельных регионов.

В Западной Сибири интересующие нас накладки блока вариантов 2 (рис. 7,40; приложение, список 3, № 47) найдены с псевдопряжками и накладками, характерными для комплексов периода 4 развития псевдопряжек типа 5, то есть датируются второй или третьей четвертями VII в. [Гавритухин, 2001a]. Эти накладки могли попасть сюда посредством традиционных контактов с культурами Приуралья. Не менее вероятно то, что североазиатские находки отражают контакты разных культурных групп, связанных с Первым Тюркским каганатом, которые сохранились и в эпоху Западного каганата (первая половина – середина VII в.). Об этом свидетельствует появление на Алтае псевдопряжек этого времени (рис. 7,45) и накладок с использованием четырехлепесткового элемента (рис. 6,56)¹⁹.

Комплекс из Больших Мурлов с накладками блока вариантов 1 (рис. 6,42; приложение, список 3, № 3) свидетельствует о бытовании в Сибири таких накладок и на курайском этапе культуры тюрков (традиционно датируемой около второй половины VIII – первой половины IX в.). На этой основе на Алтае складывается локальный тип четырехлепестковых накладок с петлей (рис. 6,44; [Горбунова, 2010, рис. 24,8, 46,5, 49,1, 51,4]). В этот ряд можно поставить и довольно крупные пластинчатые накладки (рис. 6,43), воспроизводящие накладки со скошенными краями, известные мне в комплексах курайского времени на Алтае и территории Западного Казахстана (см., например: [Горбунова, 2010, рис. 40,4; Бисембаев, 2010, рис. 38,1–3, 19–26]).

По-видимому, в то же время, что накладки типа 2, на Алтае и более северных областях Приобья распространяются накладки типа 1 (например, рис. 6,53; [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26,23, 31]), продолжающие бытовать как минимум и в курайское время (см., например: [Горбунова, 2010, рис. 47,2]). Вскоре (не позднее второй половины VII в.) в этой же зоне появляется серия накладок, сочетающая признаки типов 1 и 2 (рис. 6,40; [Троицкая, Бородовский, 1990, рис. 4,5]). Не редкость присутствие накладок этих типов на одном памятнике, даже в одном комплексе (см., например: [Троицкая, Бородовский, 1990, рис. 4,5, 13]). Для курайского эта-

па есть примеры сочетания в убранстве одного коня четырехлепестковых накладок разных типов [Горбунова, 2010, рис. 46,5, 47,2, 49,1, 50]. Т.Г. Горбунова даже рассматривает все интересующие нас типы накладок на Алтае в рамках единого процесса эволюции украшения конской сбруи [Горбунова, 2010, рис. 24]. Однако если взглянуть шире, то картина окажется сложнее.

Как мы видели, наиболее ранние накладки типа 1 представлены на Кавказе, в других регионах пока не известны комплексы с такими накладками, которые можно было бы датировать ранее 630 года. При этом они весьма быстро распространяются на огромные территории – от как минимум Алтая (см. выше) на востоке до Подунавья в зоне Аварского каганата (см. например, рис. 6,61,62) и Крыма (см., например: [Айбабин, 1990, рис. 53,10]) на западе. Отметим, что ни в Подунавье, ни в Крыму нет накладок типа 2. Напротив, накладки типа 1 не отмечены в опорных памятниках с наборами «геральдических» стилей в зоне Западного Тюркского каганата, таких как Борижар, могильники джетыясарской культуры и др. Наконец, четырехлепестковые накладки типов 1 и 2 чужды восточноевропейским кочевникам эпохи Тюркских каганатов (находки из Южного Приуралья – рис. 6,52; [Мажитов, 1981, рис. 6,3, 8,13] – датируются более поздним временем).

Как мы видим, накладки типов 1 и 2 имеют разное происхождение и свои области распространения. Лишь в двух зонах на периферии распространения интересующих нас накладок происходит зримое взаимодействие этих традиций – на северо-востоке (см. выше) и на Кавказе (см. ниже). Эта картина во многом корреспондирует с развитием псевдопряжек поздних типов – они представлены несколькими формами, имеющими свой набор зон распространения [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 48; Гавритухин, 2001a, рис. 18]. Часть из них сформировалась как модифиция местных форм предшествующего времени, но в некоторых регионах за пределами Тюркских каганатов псевдопряжки появились лишь после 630 года. Особенно показательна зона Аварского каганата, где псевдопряжки включались в пояса княжеского ранга, выполненные, судя по всему, византийскими мастера-

ми (например, рис. 8,23), а для обслуживания воинов сложилось несколько вариаций, имитирующих элитные образцы. Локальные формы псевдопряжек (как на рис. 5,19 и [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 47,2,10,22,28, с. 33–35]) складываются и в зоне распространения кладов круга Мартыновского, на юге которой зафиксированы накладки локальной серии Хацки (рис. 6,39, 7,2), отнесенные мной к блоку вариантов 3 типа 2, хотя и получившие центральную прорезь, вероятно, под влиянием образцов типа 1 с выделенным центром схожих очертаний (как на рис. 6,52,53,59–62).

Отмеченные особенности развития четырехлепестковых накладок типов 1 и 2 хорошо корреспондируют с политической историей. В 630 г. Восточный Тюркский каганат попал в зависимость от китайской империи Тан, а в Западном каганате началась смута. Европа выпала из сферы их интересов. В восточноевропейских степях формируются новые центры власти: связанный с комплексами круга Перещепины в Поднепровье; так называемая Великая Болгария к востоку от Азовского моря; объединение во главе с хазарами к северо-западу от Каспийского моря. В каждой из этих и связанных с ними областей наследие Тюркских каганатов перерабатывалось по-своему, что отразилось в наборе характерных вещей и выборочной конфигурации культурных контактов.

Бесланские накладки в северокавказском контексте. Накладки из Бесланского могильника, специально интересующие нас (рис. 5Б,6, 6,1), относятся к блоку вариантов 2 типа 2 четырехлепестковых накладок. Не вызывает особых сомнений, что они или их прототипы попали на Северный Кавказ из Волго-Уральского региона, скорее всего, в эпоху Первого Тюркского каганата, что не противоречит дате и кругу аналогий для рассмотренной выше пряжки с вырезами по бокам ее щитка и другим находкам из этого комплекса.

Аналогия бесланским накладкам на Кавказе известна мне только в катакомбе 100 из Мокрой Балки (рис. 6,9). Набор керамики из этой катакомбы отнесен В.Ю. Малашевым к периоду Па, датированному мной 560/600–620/630 гг. [Малашев, 2001, рис. 59; Гавритухин, 2001б, рис. 77,41, с. 44, 48]. В недавнем исследовании «геральдических» ременных

гарнитур Кисловодской котловины этот комплекс датирован мной чуть уже – скорее всего, около конца VI – начала VII века²⁰. Таким образом, эта накладка может быть синхронна бесланским или быть чуть более поздней, но в любом случае она связана с тем же культурно-историческим контекстом – аланской культурой эпохи Первого Тюркского каганата или его преемника в регионе – Западного Тюркского каганата. В пользу синхронности этих накладок свидетельствует близость их размеров и техники изготовления, что позволяет ставить вопрос об отнесении этих накладок к продукции одной мастерской или связанных между собой мастеров.

Не позднее этого времени на Кавказе представлены и накладки типа 1 (например, рис. 6,58–60). Судя по имеющейся у меня выборке, этот тип сформировался на Кавказе, во всяком случае, попал в Европу через Кавказ. Отмечу находки из Кисловодской котловины (рис. 6,58,59) – почти плоские, в отличие от большинства вариаций этого типа. Возможно, это – показатель местной серии. Накладки типа 1 и 2 встречаются в синхронных комплексах, иногда на одном памятнике, вписываясь в круг гарнитур с мелкими фигурными накладками других групп, в том числе стилистически близкими им (например, рис. 9Б,2,10,20,24,27, 10,14,26).

В «посттюркское» время (после 630 г.) четырехлепестковые накладки на Северном Кавказе весьма разнообразны, но связаны с развитием традиций предшествующего времени. Только в аланских могильниках известны мне накладки серии Садон – Мокрая Балка (рис. 6,35–37), причем садонский вариант на фоне других накладок блока вариантов 1 типа 2 отличается лишь размерами, а мокробалковский явно связан со стилистикой накладок типа 1. К местным модификациям типа 1 относится накладка с центром, выделенным сегментом сферы в квадратном обрамлении, из Кисловодской котловины (рис. 6,51). Своеобразны накладки из горных районов Чечни (рис. 6,48,49), имеющие лопасти, как у вариаций блока вариантов 3 типа 2 (как рис. 6,38), наряду с узкими элементами, разделяющими лопасти, что характерно для вариаций типа 1 (как рис. 6,52–54,61). Синтез стилей накладок нескольких типов представлен и в Кисло-

водской котловине (например, рис. 6,50). Вероятно, влияние этих стилей отражает изделие из Северной Осетии (рис. 6,41), которому я не знаю аналогий.

Наряду с местными формами, в «пост-тюркское» время на Кавказе бытуют и формы, имеющие дальние аналогии. Например, накладки из Северной Осетии (рис. 6,47) относятся к типу, представленному в Среднем Поднепровье вариацией (рис. 6,46), стилистически связанной с образцами блока вариантов 2 или 3 типа 2. Рассмотрение северокавказских накладок можно продолжить, но этот сюжет далеко выходит за рамки данной работы. Для понимания контекста бесланских четырехлепестковых накладок сказанного, думаю, достаточно.

Функция. В большинстве случаев интересующие нас четырехлепестковые накладки типа 2 связаны с основным ремнем пояса или подвесными к нему (вспомогательными) ремешками. Использовались такие накладки и в обувных наборах, например в Кушнаренково (приложение, список 3, № 37 и 38). Накладки из погребения 1 кургана 85 в Верх-Сае авторы публикации считают обувными, однако в этом же скоплении вещей отмечают накладку, связываемую с ножнами (приложение, список 3, № 28), что позволяет сделать предположение о принадлежности части накладок ремню для крепления ножен. С креплением ножа в ножнах или сумки (возможно, с ее украшением), скорее всего, связана накладка из Старого Бадикова (приложение, список 3, № 48). О возможности украшения одинаковыми накладками ремней, имевших разную функцию, в том числе связь с обувью и конской упряжью, указывают материалы Коминтерновского могильника (приложение, список 3, № 32 и 33).

Как мы видим, функция рассматриваемых накладок могла быть разной. Оснований для выбора в обозначенном выше спектре (а может быть, и за его пределами) для таких накладок из Беслана у нас нет. Можно лишь утверждать, что количество (не менее двух или трех) однотипных накладок свидетельствует в пользу их связи с ремнем, а не аппликацией на сумке или колчане (там, где предполагается такая функция, зафиксировано по одной накладке).

3. Ременные «наконечники»

Фрагменты, найденные в рассматриваемом комплексе из Бесланского могильника и соотносимые с ременными наконечниками (рис. 8,1–3; [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,3,5,6]), принадлежали трем однотипным изделиям (возможно, таких изделий было больше, но инвентарь дошел до нас очень отрывочно). Они выполнены прессовкой, включают крупное вдавление, окантованное валиком, которое, скорее всего, имитировало вставку, и мелкие выпуклины, напоминающие зернь. Эта псевдозернь опоясывала углубление с валиком-окантовкой, а также шла вдоль края изделия, в результате полосы псевдозерни покрывали почти всю поверхность вещи, оставшуюся за пределами вдавления с валиком.

Три рассматриваемых фрагмента (ниже их номера соответствуют нумерации на рис. 8) были сопоставлены между собой способом наложения. Фрагменты 1 и 2 легко совмещаются (рис. 8,4), то же можно сказать про фрагменты 1 и 3 (рис. 8,5), хотя зона наложения у них не столь обширна, как в случае с фрагментами 1 и 2. Если же на наиболее надежно совмещенные фрагменты 1 и 2 наложить фрагмент 3 (рис. 8,6), то мы не получим совпадения боков изделия.

Объяснений этому можно предложить несколько: 1) мы имеем дело с одинаковыми несложными изделиями, лишь немного различающимися размерами; 2) изделия, если они совпадают по размерам, могли иметь сложные очертания и несколько крупных вдавлений (например, рис. 8,7); 3) изделия были разными, хотя и выполненными в одном стиле.

Я считаю наиболее предпочтительным вариант 1, чему не противоречит вариант 3 (если фрагмент 3 считать накладкой, стилистически близкой наконечникам, представленным фрагментами 1 и 2), ведь несложные по композиции наконечники, зачастую со стилистически близкими накладками, входящие в одну гарнитуру, – вполне обычный ременный набор. А вот ременных накладок сложных очертаний с прямоугольным верхом и округлой нижней частью или схожих с ними (см. ряд примеров в: [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 35]), при этом украшенных вставками и зернью или их имитацией, я не припомню. Рас-

смастриваемые изделия из Беслана я называю «наконечники», учитывая пропорции фрагмента 1 (ср. накладки и наконечники на рис. 8,17–18,21–22) и явную близость ему фрагмента 2, а фрагмент 3 может быть наконечником или накладкой с одинаковой степенью вероятности.

Возможно, близкой аналогией бесланским наконечникам является находка из верховий Кубани, однако по доступной мне публикации (рис. 8,8), явно очень схематичной, многие характеристики этого изделия не ясны. Близкими, хотя и не полными аналогиями являются накладки и наконечники, выполненные прессовкой (как рис. 8,14–19), имитирующие дорогие (обычно золотые) изделия, украшенные зернью или в еще более сложной технике (как рис. 8,9,20–25). Однако эти имитации, как и их образцы, происходят в основном из комплексов, датируемых второй – третьей четвертями VII в., а иногда и позднее (например, рис. 3,1–3, 8,17–18,20–23; скорее всего, и рис. 8,9,19, лишь предположительно не исключаящие расширение датировки на немного более раннее время), что противоречит датировке пряжки из анализируемого бесланского комплекса (см. выше, часть 1).

Правда, ряд находок, в том числе связанных, судя по всему, с Азией, где традиции роскоши особенно сильны (например, рис. 8,24,25), не имеет оснований для узкой датировки, но у них есть имитации из могильников Южного Крыма (рис. 8,14–16), среди которых особенно важны находки в склепе 77 из Лучистого. В нем интересующие нас накладки предположительно отнесены к поясному набору истлевшего скелета, обувной набор которого представлен пряжками и наконечниками, украшенными кантом из вдавленных точек (рис. 8,12,13). Авторы раскопок датировали этот склеп в рамках второй половины VI – второй четверти VII в., а интересующее нас погребение («между погребениями 2 и 3») – первой четвертью VII в., судя по рисунку, или второй четвертью VII в., судя по тексту [Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 37–39, рис. 10]. Однако даже наиболее позднее, по мнению авторов раскопок, погребение 2 не содержит вещей, указывающих именно на VII в., что очевидно и из текста крымских коллег. Для погребения 4 индикатором первой половины VII в. названа Т-образная наклад-

ка, но аналогии ей известны и в более раннее время, а показатели для узкой датировки у рассматриваемого экземпляра отсутствуют [Гавритухин, 2022, с. 108–110]. Датировка обувной гарнитуры (рис. 8,12,13) первой половиной VII в. основана на хронологии интересующей нас прессованной гарнитуры, что для нашей темы создает логический круг. Таким образом, новый анализ хронологии склепа 77, представленный А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой, не дает оснований для пересмотра датировки склепа в рамках середины / второй половины VI – первых десятилетий / начала VII в., предложенной мной ранее [Гавритухин, 2010б, с. 52–53, 58–59].

Единственный аргумент А.И. Айбабина для датировки прессованной гарнитуры из склепа 77 в Лучистом (рис. 8,14,15) первой половиной VII в. – технологические аналогии из могил 63 и 109 в Суук-Су, датированные им третьей четвертью VII в. [Айбабин, 1990, с. 57, рис. 2,142; Айбабин, Хайрединова, 2014, с. 37]. Основание для этого – пряжка из могилы 109, отнесенная к варианту 1 «лировидных» пряжек, датированному второй половиной VII в. [Айбабин, 1990, с. 41, рис. 2,143, 40,1]. Однако всем показательным элементам этой пряжки (полая овальная рамка, выступы в ее задней части, ложе для язычка с выступами-фиксаторами) можно найти более ранние аналогии, в том числе в VI веке. В катакомбе 125 из Мокрой Балки такая пряжка датирована набором керамики периода Пб1 Кисловодской шкалы, созданной В.Ю. Малашевым, то есть около 600–630/650 гг. [Гавритухин, 2001б, рис. 77,20, с. 44–45, 48]. Новое исследование позволяет датировать поясную гарнитуру с этой пряжкой около начала VII в.²¹, не позднюю дату подтверждает и обувной набор в том же погребении, выполненный в шиповском стиле [Гавритухин, 2001б, рис. 77,31–35]. Считать, что в Крыму такие пряжки появились значительно позже, нет никаких оснований.

Набор из склепа 77 в Лучистом (рис. 8,14,15) сближает с интересующим нас бесланским (рис. 8,1–3) редкое расположение выпуклин, имитирующих зернь, и, судя по публикации, имитация вставки вдавливанием, что необычно для более поздних изделий (как на рис. 8,17–19). Вероятно, это не случайно. Как

бы то ни было, есть все основания считать, что имитации гарнитур с зернью и вставками делали не только во второй и/или третьей четвертях VII в., но и во второй половине VI века. Образцом могли служить наборы, судя по всему связанные с Передним и Средним Востоком (как рис. 8,24,25), иранского, но не исключено, что и византийского производства.

Для полноты картины отметим и изделия шиповского круга, для которых обычно сочетание вставок или их имитации в окружении пояска, выполненного прессовкой, и аналогичного оформления контура изделия (как на рис. 8,10, 26–28, 9,17,18). В комплексах с вещами шиповского круга можно встретить и ременные наконечники с крупными вдавлениями (например, рис. 8,11). Правда, для шиповских изделий характерно использование в качестве окантовки имитации рубчатой проволоки или схожего с ней элемента декора, но аналогичный стиль окантовки мог заменять зернь или использоваться наряду с ней (например, рис. 3,1–3, 8,20–23). Нельзя исключить и того, что окантовка из полосы точек вообще не связана с декорированием зернью (например, рис. 3,28, 10,12), именно такой декор, скорее всего, представлен на обувной гарнитуре из Лучистого (рис. 8,12–13).

Однако даже с учетом приведенных примеров и наблюдений я считаю, что рассматриваемые изделия из Беслана следует относить к кругу имитаций второй половины VI – начала VII в. иранских или византийских гарнитур, украшенных зернью и вставкой, которую могла заменять фигура или некая композиция (как на рис. 8,24,25). Судя по весьма грубой работе, эти имитации (рис. 8,1–3,14–15) на Северном Кавказе, да и в Крыму, едва ли были предметами далекого импорта.

4. Пружина с тетивой и иглой, крепящиеся на Т-образной стойке

Эта находка в рассматриваемом комплексе из Бесланского могильника (рис. 9А,1) [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,15], несомненно, относится к пружинящему механизму фибулы. Крепление такого механизма с помощью стойки, сделанной из металлической полоски, согнутой в виде буквы «Т» (аналогично изготавливался и иглоприемник, у которого вдобавок загибалась нижняя часть Т-образного в сече-

нии изделия), было широко распространено на Северном Кавказе в V–VII вв. у брошей и сделанных из тонкой пластины двупластинчатых фибул (см. примеры в: [Мастыкова, 2009, рис. 1,11, 4,6, 5, 6,1–3,5, 8,1, 23,6, 25,8, 31,3, 33,3, 34,3, 36,1 и др.]). Такие стойки для оси пружины и иглоприемники крепились к корпусу фибулы пайкой, но нередко они отламывались, при нахождении же невзрачная игла с более мелкими деталями (а тем более их обломки или иглоприемник) далеко не всегда сопоставлялась с корпусом фибулы. Однако отпечатки, часто сохраняющиеся на обратной стороне многих фибул и брошей, свидетельствуют о былом наличии интересующего нас механизма.

Длина иглы рассматриваемого изделия – более 4,5 см, что исключает из списка нужных нам аналогий практически все броши. Лишь единичные очень дорогие крупные броши (как [Мастыкова, 2009, рис. 4,3–4]), указывающие на «княжеский» уровень статуса владельца, имели столь длинную иглу. Судя по всему, в рассматриваемом бесланском комплексе едва ли был похоронен представитель такого уровня. Зато среди двупластинчатых фибул Северного Кавказа и их близких аналогий можно подобрать изделия с иглой, вполне сопоставимой с интересующей нас (рис. 9А,2–6). Такие фибулы бытовали с V до как минимум второй половины VI или начала VII в. [Гавритухин и др., 2019, с. 180]. Именно с ними и следует, по-моему, соотносить рассматриваемую бесланскую находку.

5. К изучению эпохи Тюркских каганатов в истории алан Северного Кавказа

Сумма датировок определимых вещей, представленных в катакомбе 876 Бесланского могильника, позволяет датировать комплекс в рамках середины – второй половины VI века. Наличие четырехлепестковых накладок типа 2 указывает, что формирование рассматриваемого набора происходило, скорее всего, в эпоху Первого или Западного Тюркских каганатов, в данном случае – Первого.

Напомню, что движение войск Первого Тюркского каганата под предводительством Истеми (брата первого кагана Бумына) на запад началось вскоре после провозглашения каганата. Согласно реконструкции С.Г. Кляштор-

ного (повторена в нескольких изданиях, к последним относится [Кляшторный, 2010, часть вторая]), тюрки захватили Семиречье в 555 г., а в 558 г. завершили завоевания в Волго-Уральском регионе, причем в Предкавказье тогда господствовали авары. Аварское господство длилось недолго: в 560-е гг. театр их военных действий сместился в Центральную Европу, а в 568 г. они создали Аварский каганат в Среднем Подунавье. Тюрки в это время в союзе с Сасанидским Ираном вели войну против эфталитов, закончившуюся в 567 г. установлением тюрко-сасанидской границы в основном по Амударье. Однако вскоре этот союз разрушил отказ шашаншаха Хосрова I участвовать в торговле шелком, что и привело к войне 568/569–571 годов. Противостояние с Ираном и поиск нового маршрута для сбыта шелка на западе стали важными факторами, обусловившими стремление тюрков установить дружеские отношения с Византией и движение к черноморским портам, что обеспечивалось установлением контроля над Северным Кавказом и в степях между Азовским и Каспийским морями. Северный Кавказ был и удобным плацдармом для нападения на Сасанидскую империю с северо-запада.

У нас нет письменных источников, чтобы судить, насколько далеко тюрки продвинулись в Европу в конце 550-х гг., да и двигались ли они туда в это время, а тем более – когда точно миновали р. Урал. Репер дает сообщение о византийском посольстве 568 г. во главе с Земархом, возвращающимся от тюрков вместе с их представителями ([Менандр, 2003, отрывки 19–22], немного другой перевод и перепечатка греческого текста в: [Жданович, 2014]). По пути Земарх встретил посланников от нескольких правителей, подвластных кагану тюрков, но, по-видимому, независимых во внутренних делах. Наиболее западный из таких правителей возглавлял угуров / огуров, а следующей на пути посольства значимой силой были аланы под управлением Сарозия. Тот дружелюбно отнесся к византийцам, а тюрков заставил разоружиться, что им и пришлось сделать, правда после трехдневных переговоров. Однако уже в 576 г. глава западной группы тюрков Тюрксанф сообщил очередному византийскому посольству о покорении тюрками алан, как и утигуров, жив-

ших к востоку от Азовского моря, но контролировавших и часть более западных земель [Менандр, 2003, отрывок 45]. Тогда же тюрки разорвали союз с Византией и разгромили находившийся под ее властью Боспор, что хорошо подтверждается археологически, а затем дошли до юго-запада Крыма (см. подробный обзор в: [Айбабин, 1999, с. 133–141]).

Как мы видим, в конце 560-х гг. кочевники восточной части европейских степей уже некоторое время были подконтрольны тюркам. Судя по сохранению самоуправления и контексту византийского повествования о посольстве Земарха, они признали власть кагана без сопротивления, а произошло это в конце 550-х гг., как считал С.Г. Кляшторный, или в первой половине / середине 560-х годов. Очевидно, тогда же и некоторые более северные группы населения Волго-Уральского региона признали сюзеренитет тюрков или заключили с ними соглашения о союзе. Установление тюркского контроля над аланами или их значительной частью, наверное, во время тюрко-персидской войны 568/569–571 гг. или вскоре после нее, по-видимому, также произошло без военного разгрома²².

Показателем того, что распространение власти Тюркского каганата в указанных регионах произошло без крупных военных действий, служит то, что на всех могильниках, исследованных широкой площадью, каких-либо потрясений, датируемых второй половиной VI в., не наблюдается. Нет следов разгрома этого времени и на поселениях, в отличие, например, от ряда памятников Боспора, на которых разгром 576 г. убедительно фиксируется. Зато с этого времени происходят заметные изменения в воинской экипировке, которые трудно объяснить, если не принять гипотезу, что это связано с привлечением тюрками в военные походы местных отрядов. Привлечение отрядов носителей джетыясарской и ряда волго-уральских культур могло начаться уже для войны тюрков с эфталитами в первой половине / середине 560-х годов. Начало привлечения отдельных групп алан могло произойти уже в ходе войны 568/569–571 гг. с Сасанидами. Смуты в Тюркском каганате в 581–603 гг. и разделение его на две части не изменили ситуацию. Без опоры на алан успешные военные действия тюрков (в поздних ис-

точниках нередко фигурирующих как «хазары») в Закавказье в конце 580-х и конце 620-х гг. были едва ли возможны.

Первый вариант реконструкции воинских отрядов оседлого населения, привлекаемых тюрками, предложен мной более 20 лет назад на примере комплексов с псевдопряжками [Гавритухин, 2001а]. Сейчас эти наблюдения можно дополнить, но в этой статье сосредоточим внимание на северокавказских материалах. Сразу же отмечу, что ниже речь пойдет не о всех находках тюркского времени (570-х гг. – 630 г.), а только о ранней части этого периода и о ременных гарнитурах, в которых отразилась воинская культура, связанная со средой Первого Тюркского каганата.

Отправной точкой для реконструкции таких наборов являются материалы катакомбы 357 из Клинь-Яра III. Для наборов с псевдопряжками раннего варианта, служащих для выделения гарнитур в зоне Первого Тюркского каганата (рис. 10,3, 7,ж,з), в этом комплексе показательны накладки с прямыми или чуть прогнутыми боками, нередко украшенные парными округлыми отверстиями или их имитацией, Т-образные накладки / наконечники с прямыми боками щитка, которые представлены и в катакомбе 381 этого же могильника (рис. 10,6–8,16,17,22; см. также: [Gavritukhin, 2018, p. 84–85, 93]). Объединяют эти комплексы также пряжки серии Цебельда – Бирск, нередкие в гарнитурах с наконечниками серии Шапка (рис. 10,9,13,19), за пределами Тюркского каганата неоднократно встреченные на Черноморском побережье Кавказа [Gavritukhin, 2018, p. 54, 71–72], где представлены и другие находки, аналогичные интересующим нас северокавказским (например, рис. 6,58–60).

Аналогии упомянутым накладкам с прямыми боками и наконечникам серии Шапка присутствуют в поступлении 1928 г. из Гижгида (рис. 10,32,34)²³, в котором представлен и наконечник (рис. 10,35), большинство аналогий которому происходят из зон, где найдены псевдопряжки типа 5, а иногда и в одном комплексе с ними, в том числе на Северном Кавказе (например, рис. 4,15; [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 89,55,81,98–99,101,122,127; Гавритухин, 2001а, рис. 9,6, 10,10, 11,15, 12,7; Левина, 1996, рис. 131,14,15,24]).

Накладка с чуть прогнутыми боками есть в Бердуть (рис. 9Б,19). Т-образная накладка с прямыми боками щитка найдена в Бруте (рис. 9Б,16). В упомянутых комплексах с этим же культурным кругом связаны щитовидные накладки без прорезей, имеющие дуговидные бока, представленные экземпляром из Брута и локальным вариантом в Клинь-Яре (рис. 9Б,15, 10,18,24). Абрис этих накладок аналогичен щиткам пряжек, псевдопряжек, Т-образных накладок / наконечников (рис. 9Б,1,23, 10,3, 6,13). Конечно, эта форма имеет широкий круг аналогий, но в интересующих нас комплексах она задает выразительную стилистическую линию. Показательна и скупая орнаментация рассматриваемых накладок и наконечников, что особенно бросается в глаза, если сравнивать их с изделиями византийского круга этого времени, хорошо представленными в Крыму и Балкано-Дунайском регионе.

Для интересующего нас культурного круга показателен и наконечник с вырезами в прямых боках, не имеющий прорезей (рис. 9Б,14). Такие наконечники и стилистически близкие им накладки можно найти от Поочья до Приаралья, в том числе в комплексах с псевдопряжками (например: [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 43,5; Гавритухин, 2001а, рис. 1,4,5, 3,11]). В западных областях Тюркского каганата, в том числе у степняков, хорошо представлены пояса с широкими и сравнительно короткими наконечниками, имеющими прямые бока и скругленный низ (рис. 10,4). Со степными традициями связаны подвесные крепежные наконечники (рис. 10,26), получившие широкое распространение у оседлого населения позднее – в VII веке. Отметим и ряд переключек рассматриваемых комплексов: пластины (вероятно, наконечники) полуовальной формы (рис. 9Б,12, 10,5); трехлопастные накладки (нередко – разделители ремней) с округлыми концами и приподнятой центральной частью (рис. 9Б,21, 10,20,21).

Для рассматриваемых комплексов характерно и активное использование мелких накладок. Отмечу, что трехлепестковые накладки (рис. 9Б,2,10,20,27, 10,33) стилистически близки четырехлепестковым, о которых шла речь выше (см. часть 2). Показательны накладки схемы «2 круга и клювовидный вы-

ступ», напоминающие голову птицы, если смотреть на нее спереди и чуть сверху (рис. 9Б,24, 10,14), выделенные мной в блок вариантов Клинь-Яр – Бердуть [Gavritukhin, 2018, р. 95]. К редким вариациям относится небольшая накладка в виде симметрично сдвоенных запятых (рис. 9Б,11). Есть и мелкие накладки широко распространенных типов (рис. 9Б,3,5, 10,2). Мелкие накладки в немалом числе используются и в ременных гарнитурах других регионов, но для каждого из них характерен свой набор (ср., например, выборку из погребений «раннеаварского» круга в: [Гавритухин, 2001в, рис. 35]).

Конечно, часть рассмотренных выше типов вещей имеет датировку более широкую, чем эпоха Первого Тюркского каганата, однако их сочетание указывает именно на нее. В пользу ранней датировки (в рамках периода Тюркских каганатов на Северном Кавказе) свидетельствует и присутствие практически в каждом упомянутом комплексе тех вещей, которые обычны в более раннее время: изделий шиповского круга или находок, нередких в комплексах с ними (рис. 9Б,17,18,23, 10,15,27–30,36)²⁴; овальных или круглых пряжек без щитка или с подвижным щитком, имеющих язычок с уступчиком или площадкой в задней части, в том числе с хоботовидным язычком (рис. 9Б,13,25, 10,10–12,25,27).

В контексте рассмотренных наборов следует сказать и о находках из склепа 7 в Карши-Баире 1 в Юго-Западном Крыму (см. о нем выше, в части 1, и в приложении, списке 1, № 24). Именно из него происходят ближайшие аналогии интересующей нас бесланской пряжке (рис. 1,30–32). Необычны для Крыма и некоторые другие детали конской сбруи с этими пряжками, происходящие из этого склепа

(рис. 3,41,42), зато многочисленные аналогии им известны в комплексах, связанных с Тюркским каганатом (например, рис. 9Б,20,27, 10,33,35 и рассмотренные выше аналогии этим вещам). Фрагменты металлической обивки некоего деревянного предмета из Карши-Баира [Ушаков, Филиппенко, 2005, рис. 3,24–35] аналогичны находкам из Брута (рис. 9Б,7). Следует иметь в виду, что инвентарь погребений в рассматриваемом карши-баирском склепе обычен для местной культуры, необычны только вещи, лежащие отдельно у входа в камеру и связываемые с конским снаряжением (такое «приношение» тоже необычно). С учетом того, что склеп 7 в Карши-Баире 1 датируется серединой – третьей четвертью VI в., это конское снаряжение попало в Крым, скорее всего, в период первых византийско-тюркских контактов, то есть между 568 и 576 годами. Можно предположить, что это был дар человеку, оказавшему услуги тюркскому посольству, которое бывало весьма многочисленным, включая стражу и купцов.

Выше я ограничился лишь несколькими показательными комплексами из опорных памятников в разных регионах аланской культуры. Тщательный анализ коллекций, в том числе неопубликованных, и новые раскопки, конечно, позволят сделать этот круг более обширным и выразительным²⁵. Однако и приведенных материалов достаточно, чтобы показать важное влияние Тюркских каганатов не только на военно-политическую историю алан, но и на развитие их культуры. Поэтому я считаю правильным говорить об эпохе Тюркских каганатов в истории северокавказских алан и ряда других народов Восточной Европы, так же как выделяется хазарская эпоха для более позднего времени.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список 1. Маленькие полые В-образные пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы

Блок вариантов 1. С полуовальным щитком, без выступов в задней части (рис. 1,1,2,6,11,12,17,21–23,28,29; вероятно, 1,24 – см. о нем при описании № 20).

1. Алтай (рис. 1,23, 2,34). Известна по изображению в альбоме В.В. Радлова [Король, 2008, прил. 10, табл. XXXIX,20].

2. Гиляч, могила 19 (рис. 1,29, 2,25, 3,59). Как и другие находки, обнаружена между перемешанных костей, среди которых один череп [Минаева, 1951, рис.12,3].

3. Карнобад, могильник Бад-бунар, погребение 5 (рис. 1,28, 2,7, 3,9). Лежала у стопы правой ноги; у левой ноги ее пары не обнаружено, хотя погребение не потревожено [Велков, 2009, обр. 3,1; Даскалов, 2012, обр. 55,19; Трайкова, 2017, № 719].

4. Немеди (рис. 1,6, 2,3, 5А,31). Отнесена к поясной гарнитуре, включающей большую пряжку и, судя по маленькому ремённому наконечнику, боковые ремешки. Мой рис. с оригинала в Венгерском национальном музее (Будапешт) [Fettich, 1937, S. 287, Taf. CXXVIII,11; Гавритухин, 1999, рис. 3В,11, с. 187].

5. Рупките, могила 2 (рис. 1,22, 2,6). Комплекс не опубликован [Даскалов 2012, обр. 55,18; Трайкова, 2017, № 724].

6. Сахарная Головка, склеп 2 (могила 7), погребение 3 (рис. 1,21, 2,13, 3,31). Единственная находка, связанная с этим погребением, разрушенным более поздними [Веймарн, 1963, рис. 5,17].

7. Скалистое, могильник Баклинский овраг, склеп 23 (рис. 1,2, 2,18, 5А,36). Найдена в ограбленном склепе среди скопления костей № 2 вместе с деталями ремённой гарнитуры «геральдического» стиля [Гавритухин, 1999, рис. 3,5, с. 187 (с лит.)].

8. Унтерлаухринген (рис. 1,1; 2,1). Данные о комплексе остались мне неизвестны [Гавритухин, 1999, рис. 3В,12].

9. Херсонес, цистерна П-1967 (рис. 1,17,18, 2,12, 3,26). Найдены в засыпи цистерны, среди разновременных находок; мой рис. с оригиналов в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) [Гавритухин, 2002, рис. 2,5].

10. Эски-Кермен, склеп 380 (рис. 1,11,12, 2,15, 3,14,15). Пара найдена в разграбленном склепе [Айбабин, Хайрединова, 2017, рис. 156,9,10].

Блок вариантов 2. С полуовальным щитком, имеющим резкий выступ в задней части (рис. 1,3,7,13).

11. Каллатис, погребение 132 (рис. 1,13, 2,8, 3,21). Лежала на тазе слева; у левого бедра – ремённый наконечник, который, судя по размерам, мог быть связан с пряжкой; костяк не нарушен [Гавритухин, 1999, рис. 3В,10, с. 187 (с лит.)]²⁶.

12. Клин-Яр III, катакомба 360 (рис. 1,7, 2,26, 3,6). Найдена среди деталей ремённых гарнитур, помещённых в сосуд [Belinskij, Härke, 2018, fig. 127,4h].

13. Клин-Яр III, катакомба 360 (рис. 1,3, 2,26, 3,5). Зафиксирована среди деталей ремённых гарнитур, связанных с креплением меча [Belinskij, Härke, 2018, fig. 131,38].

Блок вариантов 3. Со щитком, имеющим плавный выступ в задней части (рис. 1,4,8,14,15,19).

14. Владикавказ (быв. Орджоникидзе), могилы, разрушенные 15.04.1904 г. (рис. 1,15, 2,29). Комплекс не известен [Гавритухин, 1999, рис. 3В,6, с. 187 (с лит.)].

15. Гоуст (Гоуздка, Гоузд), катакомба 9, западный костяк (рис. 1,14, 2,31, 5А,57, 5Б,3). Опубликованы только выборочные рисунки находок без привязки к комплексам [Ковалевская, 2005, рис. 40]; полная выверенная публикация готовится к печати, некоторые материалы, в том числе рассмотренная пряжка, сданы в печать; приводимые здесь информация и изображения получены от А.А. Кадиевой и С.А. Гончарова. Интересующая нас пряжка лежала «несколько ниже» «грудных костей» (так в отчете автора раскопок В.И. Долбежева), вместе с большой пряжкой, кольцом и пластиной с крючком ([Ковалевская, 2005, рис. 40,71]; а также работа С.А. Гончарова и А.А. Чижовой²⁷).

16. Дымовка, курган 14, погребение 2 (рис. 1,19, 2,20, 5А,42). Доступны данные только о наборе находок [Гавритухин, 1999, рис. 3В,4, с. 187 (с лит.)].

17. Дюрсо, могила 311 (рис. 1,4, 2,22). Комплекс готовится к публикации автором раскопок Александром Васильевичем Дмитриевым, которому я приношу благодарность за возможность опубликовать мой рис. с оригинала в Новороссийском историческом музее-заповеднике.

18. Хацки, клад (рис. 1,8, 2,9, 5А,22). Вещь, необычная для кладов этого круга [Корзухина, 1996, табл. 22,3; Скиба, 2016, рис. 25,11].

Блок вариантов 3 или 4. В публикациях находки из склепа 422 в Скалистом имеются расхождения, незначимые при обсуждении этой вещи ранее [Гавритухин, 1999, рис. 3В,5, с. 187], но ставшие существенными для уточненной типологии. В одном случае (рис. 1,5; [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 75,3]) она должна быть отнесена к блоку вариантов 3, в другом (рис. 1,5а; [Айбабин, 1990, рис. 39,26]) – к блоку вариантов 4.

19. Скалистое, склеп 422 (рис. 1,5,5а, 2,18, 5А,49). Пряжка найдена среди разбросанных в беспорядке вещей в полуразрушенном склепе, где было похоронено не менее двух человек (ссылки на публикации см. в предыдущем абзаце).

Блок вариантов 4. С полуовальным щитком, приостренным в задней части (рис. 1,9,10,16,20,25–27,30–32,40).

20. Беслан (Бесланский могильник), курган 876, катакомба 1 (рис. 1,30, 2,27, 5Б,4). Найдена среди перемещенных вещей сильно ограбленной катакомбы [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,1]; фото Д.С. Коробова.

Там же найден обломок (рис. 1,24, 2,27, 5Б,5), скорее всего, однотипной пряжки, однако в этом случае относящейся к блоку вариантов 1; фото Д.С. Коробова.

21. Борки, погребение 28 (рис. 1,40, 2,21). Данных о расположении вещей нет [Гавритухин, 1999, рис. 3В,16, с. 187].

22. Виноградное, курган 35 (рис. 1,16, 2,11). Комплекс не опубликован [Комар, 2006, рис. 45,38].

23. Дуррес, могила 26 (рис. 1,9,10, 2,4). Пара; набор инвентаря (кроме этой пары, найдена только более крупная пряжка, вероятно поясная) позволяет предполагать, что здесь был похоронен 1 человек [Tartari, 1984, tab. II,2,3].

24. Карши-Баир 1, склеп 7 (рис. 1,31,32, 2,14, 3,39,40). Кроме двух приведенных пряжек, опубликована еще одна, с утратами в задней части, аналогичная, судя по всему, приведенным; найдены вместе с другими пряжками, ременными накладками и наконечником (в том числе рис. 3,41,42) в скоплении с удилами и колокольчиком, которое интерпретировано как остатки конской сбруи [Ушаков, Филиппенко, 2005, рис. 3,1–3], уточнено по информации, любезно предоставленной Сергеем Владимировичем Ушаковым.

25. Фынтынеле, могила 47 (рис. 1,20, 2,5). Найдена среди скопления мелких вещей в районе нижней части правой руки частично сохранившегося костяка [Dobos, Orgeanu, 2012, pl. 26,4, 37,6].

26. Херсонес, склеп 2126/1905 г. (рис. 1,25,26, 2,12). Пара, составленная из пряжек одного варианта, различающихся по ряду деталей; часть обувного набора; мои рис. с оригиналов в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) [Гавритухин, 1999, рис. 3В,7,8²⁸, с. 187–188 (с лит.)].

27. Христофоровка, курган 7, погребение 12 (рис. 1,27, 2,10, 5А,13). Составляла пару с пряжкой другого типа; деталь обувного набора [Комар, 2010, рис. 14,43].

Блок вариантов 5. Со щитком единичных форм (рис. 1,33–35).

28. Арчица, погребение 5 (рис. 1,35, 2,2, 3,34). Пара, явно принадлежащая вспомогательным ремням; найдена в расположенном близ умбона (лежал у правого колена) скоплении с накладками, не менее пяти из которых выполнены в том же стиле (с мотивом парных дельфинов), еще одной пряжкой другого типа и другими вещами (точный состав по публикации не ясен); вероятно связь части этих предметов с мечом (спатой), лежавшим справа от костяка [Гавритухин, 1999, рис. 3В,14, с. 188 (с лит.)].

29. Пашковский могильник 1, могила 5/1949, тайник (рис. 1,34, 2,23, 3,58). Найдена среди различных деталей убора в скоплении, не дающем представления о месте ношения этих вещей [Пашковский могильник, 2016, рис. 50,6].

30. Цебельда, могила 279 / Цибилум 1а, могила 3 (рис. 1,33, 2,24, 3,55). Пара, входила в обувной набор [Гавритухин, 1999, рис. 3В,15, с. 188 (с лит.); Воронов, 2003, рис.132,31,32].

Неясного блока вариантов. С утраченной задней частью щитка.

31. Суук-Су, могила 84 (рис. 2,19). Найдена на груди детского скелета; из других находок – ожерелье из бус [Гавритухин, 1999, рис. 3В,15, с. 189 (с лит.)].

32. Чми-Суаргом, катакомба 6 из раскопок Д.Я. Самоквасова (рис. 5А,8, 5Б,1, 2,30). Найдена в нижней части катакомбы, где было зафиксировано два скелета; среди разновременных вещей, точное местоположение которых по публикации непонятно [Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 83,кат. 6; Самоквасов 1908, с. 187]; фото А.А. Кадиевой.

Список 2А. Пряжки серии Коминтерн

1. Верх-Сая, курган 9, погребение 3 (рис. 1,37, 2,33, 3,51, 4,35). Вместе с тремя круглыми накладками лежала близ зубов (остальные части скелета не сохранились); мой рис. с оригинала, когда он хранился в Археологическом музее Удмуртского государственного университета (Ижевск), с лучше переданными деталями, чем в полной публикации памятника [Голдина и др., 2018, табл. 11,1, с. 15].

2. Коминтерн, могильник 2, погребение 5 (рис. 1,39, 2,32, 3,54). Найдена «на месте груди» плохо сохранившегося скелета вместе с еще одной пряжкой и подвеской на ремешке, обложенном металлическими спиральками [Казаков, 2021, рис. 12,16].

3. Коминтерн, могильник 2, погребение 66 (рис. 1,38, 2,32, 3,44). Найдена на тазовых костях, правее – железный нож, подвешенный явно не с помощью этой пряжки; остальные вещи, в том числе пряжки, связаны с несомненно другим контекстом [Казаков, 2021, рис. 58,7].

Список 2Б. Пряжки серии Арчиза

1. Арчиза – см. № 28 в списке 1.

2. Садон, катакомба 18, погребение 4 (рис. 5Б,2, 2,28). Найдена с внутренней стороны левого бедра рядом с маленькой пряжкой другого типа, у левой тазовой кости зафиксирована фибула, левее пояса – крупная пряжка, у ног – удила, стремя и пряжки; погр. 4 немного смещено при совершении более поздних погребений. Раскопки, фото и графика З.П. Кадзаевой, публикуются впервые.

3. Чуфут-Кале, склеп 80 (рис. 1,36, 2,16). Была среди находок в сильно ограбленном склепе; неопубликованные раскопки В.В. Кропоткина; приводимое изображение взято мною из его бумаг, переданных в архив ИА РАН; данные о комплексе – там же и из его отчета о полевых исследованиях в 1957 г. для Отдела полевых исследований (Архив ИА РАН).

Список 3. Четырехлепестковые накладки типа 2

Блок вариантов 1 (петропавловский вариант) – без прорезей (рис. 6,15,17,20,21,28,31, 7,а).

1. Ачинская (или Агинская?) степь (рис. 7,44). 2 экз.; обстоятельства находки не ясны [Ковалевская, 1990, рис. 3,48; 2000, № 2760–2761].

2. Бекешево, курганная группа 2, курган 2, погребение 6 (рис. 7,28). Не менее 5 экз.; лежали в области таза ребенка; в публикации, со ссылкой на 1 образец интересующей нас накладки, указано 7 экз. (в отчете для ОПИ приведены фото 5 таких экз. и столько же нарисовано на плане, правда, в тексте отчета говорится, что 2 из них были перевернуты) и 3 экз., для которых указан экземпляр-образец другого типа, но в отчете нет даже упоминаний о них [Мажитов, 1974, рис. 42, 43, 1–5; 1981, с. 66, рис. 34,29].

3. Большие Мурлы, могильник близ оз. Ирча, курган 53, погребение 1 (рис. 7,41). Судя по фото в отчете В.А. Могильникова для ОПИ, не менее 20 экз. (или 23, если на рис. 30 на нижнем фото помещены не те же вещи, что представлены на верхнем фото); лежали в беспорядке среди других находок, в том числе удила и пряжки, обычной для поясов; в данной статье (рис. 6,42) 1 экз. приведен по фото, любезно предоставленному А.С. Зеленковым [Могильников, 1969, рис. 28, 28а, 30].

4. Варни, погребение 552 (рис. 7,15). 2 экз.; лежали недалеко от Т-образной накладки (крепежного наконечника); связаны с поясом, вероятно, украшали подвесной ремешок к нему; прорисованы мной (рис. 6,28) вскоре после раскопок с оригиналов, которые были переданы в Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 102, рис. 4,10, 13,уч.2].

5–6. Кузубаево, городище (рис. 7,18). Вещи прорисованы мной по оригиналам, и места их находки уточнены по документации, хранящимся в НМУР [Останина, 2002, с. 25, 62, 63, рис. 2,5,6].

5. Яма 59. Найдена в заполнении вместе с ремненным наконечником, подвеской, терочником, фрагментами керамики, костями.

6. Яма 62 (рис. 6,31). Найдена в заполнении вместе с накладкой блока вариантов 2, фрагментами керамики и жерновов, костями.

7–10. Петропавловская, могильник (рис. 7,16). Вещи прорисованы мной и их количество уточнено по оригиналам в НМУР [Семенов, 1976, с. 13, 16, 18 табл. III,17].

7. Погребение 4. Не менее 4 экз. (рис. 6,15); лежали среди скопления вещей и кремированных останков.

8. Погребение 11. Не менее 3 экз. (рис. 6,17); найдены среди вещей, разбросанных при проникновении в могилу в древности (в том числе накладка блока вариантов 2).

9. Погребение 12. Сохранился 1 экз. (рис. 6,20); был среди вещей, разбросанных по дну могилы (в том числе накладки блоков вариантов 2 и 3).

10. Погребение 20. Сохранился 1 экз. (рис. 6,21); был среди вещей, разбросанных в засыпи могильной ямы.

11. Садон, катакомба 17 (рис. 7,36). 1 экз. (рис. 6,35), найден, наряду с другими вещами, среди плохо сохранившихся костей погребений (не менее двух), сдвинутых при совершении погр. 1; раскопки и рис. З.П. Кадзаевой, публикуются впервые.

Блок вариантов 2 – с четырьмя круглыми прорезями (или их имитацией) напротив мест схождения «лепестков» (рис. 5,1–14,16,18,22–27,29,30,32,33, 7,б).

12–14. Алтын-асар 4 (рис. 7,37). В публикациях приведены лишь избранные рисунки, установить по ним точное количество и местоположение почти всех находок нельзя.

12. Курган 268. Там же найдены накладки других типов, в том числе выполненные с использованием четырехлепесткового мотива (например, рис. 6,57) [Левина, 1996, рис. 132,16; Левина, 1994, рис. 155,31].

13. Курган 394. Судя по реконструкции, опубликованной без обоснования, не менее 3 экз., расположенные на поясе [Левина, 1996, рис. 134, 132,22,23].

14. Курган 452. Там же найдены накладки других типов, пряжка, ременный наконечник [Левина, 1996, рис. 132,18].

15–16. Ахмылово (рис. 7,9).

15. Погребение 15. Не менее 4 экз.; найдены в районе пояса и таза, в том же скоплении, простирившемся и между бедер, располагалась гарнитура «геральдического» стиля, включающая псевдопряжки; рис., более точные, чем в наиболее полной публикации Т.Б. Никитиной, предоставлены А.В. Богачевым, как и данные о количестве вещей, которые он видел в оригинале [Никитина, 1999, с. 46, рис. 6,6; Гавритухин, 2001а, с. 58–59, рис. 5,10].

16. Погребение 27. Не менее 2 экз. (судя по плану могилы); найдены в районе пояса на кожаном ремне с пряжкой и накладками других типов [Никитина, 1999, с. 47, рис. 11,3].

17. Беслан (Бесланский могильник), курган 876, погребение 1 (рис. 7,34). Не менее 2 экз. (рис. 5Б,6,6,1), найдены среди перемешанных вещей ограбленной могилы [Коробов, Малашев, 2023, рис. 7,7,8]; фото Д.С. Коробова.

18. Бирск, могила 270 (рис. 7,20). 2 экз. (рис. 6,11–12), информация о них и комплексе не публиковалась; рис. А.А. Красноперова с моими коррективами по оригиналам в Музее археологии Музейного комплекса Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета.

19. Борок 2, комплекс 178 (рис. 7,5). Не менее 5 экз. (варианта с лицевой частью в виде низкой пирамиды) в составе уздечного набора, включавшего не менее 19 трехлепестковых и другие мелкие накладки, пряжки, наконечники и др.; информация из публикации уточнена у Ильи Рафаэлевича Ахмедова и Александра Петровича Гаврилова, перепроверена по фондам Шиловского районного краеведческого музея [Ахмедов, Гаврилов, 2017, рис. 7,29].

20. Буйский Перевоз (Буйское городище), городище (рис. 7,13). 1 экз.; не опубликован, любезно предоставленная информация Надежды Анатольевны Лещинской.

21. Борижар, склеп 5, единственный описанный скелет (рис. 7,38). Количество и точное местоположение по публикации не ясно; рис. одного экз. приведен вместе с рис. других деталей ременной (поясной или портупейной) гарнитуры [Байпаков и др., 2005, с. 102, рис. 3.4,18]; вероятно, она же в другой прорисовке (без указания комплекса) – [Байпаков и др., 2005, рис. 3.8,4].

22. Булгарский курган (рис. 7,21). Не менее 1 экз.; находки в разграбленном погребении, среди них – горизонтально симметричная накладка «геральдического» стиля и керамика [Мажитов, 1981, с. 18, рис. 7,29].

23–26. Варни (рис. 7,15).

23. Погребение 88. 1 экз., судя по информации А.А. Красноперова, работавшего с коллекцией в УИИЯЛ УрО РАН; рис. А.А. Красноперова с оригинала (рис. 6,27). Вероятно, в публикации [Семенов 1980, с. 71] опечатка и при описании находок из этого погребения вместо отсылки к табл. XII,38 должно быть XII,28. Тогда описание в публикации не противоречит коллекции и можно считать, что интересующая нас накладка входила в поясной набор. Правда, в отчете интересующая нас накладка среди находок из погр. 88 не упомянута [Семенов, Корепанов, 1972], но там фигурирует только одна накладка, а по публикации их несколько.

24. Погребение 100. 4 экз., правда, опубликовано изображение только одного; найдены в составе поясного набора [Семенов, 1980, с. 37, 72, 102, табл. XII,28]. Среди опубликованных находок фигурируют вещи салтовского времени, для которого интересующие нас накладки необычны, что оставляет сомнения в точности публикации (ср. выше о погр. 88); по информации А.А. Красноперова, в коллекции погр. 100, хранящейся в УИИЯЛ УрО РАН, четырехлепестковых накладок нет, а остальным вещам есть соответствия в публикации.

25. Погребение 611. 3 экз.; сведения и рис. А.А. Красноперова по коллекции в УИИЯЛ УрО РАН (рис. 6,23–25); хранятся под номером этого комплекса вместе с пряжками, накладками, имеющими кольцевую подвеску; материалы не публиковались, описания погребения в доступных архивах найти не удалось.

26. Сборы с поверхности. 1 экз.; сведения и рис. А.А. Красноперова по коллекции в УИИЯЛ УрО РАН (рис. 6,26).

27–28. Верх-Сая (рис. 7,25).

27. Курган 9, погребение 1. 1 экз. (рис. 6,29, 4,14); был среди инвентаря сильно ограбленной могилы; мой рис. по оригиналу, когда он хранился в Археологическом музее Удмуртского государственного университета (Ижевск), более детальный, чем в полной публикации памятника [Голдина и др., 2018, с. 14, табл. 7,2].

28. Курган 85, погребение 1. Не менее 8 экз., находились в скоплении у нижней части ног среди накладок (упомянуто 24 экз., рис. приведены для 19), пары пряжек и пары ременных наконечников, тут же найдена

пластина, предположительно, от ножен; гарнитура принадлежит кругу «геральдических» и характеризуется авторами публикации как обувная [Голдина и др., 2018, с. 40, табл. 113, 1–5, 9, 10].

29. Волчиха, погребение 70 (рис. 7,10). Комплекс не опубликован²⁹.

30. Выжегша, вероятно с городища (рис. 7,3). Несанкционированная находка, передана во Владимиро-Суздальский государственный музей-заповедник; по словам передавшего вещи, происходит с городища, но полной уверенности в этом нет. Не публиковалась; информация и фото (рис. 6,32) любезно предоставлены Андреем Евгеньевичем Леонтьевым.

31. Коллекция Михаила Николаевича Зеликмана, лесного ревизора Строгановых; наряду с его приобретениями в лесном Приуралье (основная часть), в ней есть подарки, даже из Херсонеса. Мне известен 1 экз. (рис. 6,10), хранящийся в Пермском краеведческом музее; рис. с оригинала, публикуется впервые.

32–33. Коминтерн, могильник 2 (рис. 7,19).

32. Погребение 42. Не менее 4 экз. (рис. 6,22), лежали в двух скоплениях вещей в могиле, от которой осталась только придонная часть: 1) фрагменты четырехлепестковых накладок и пряжка; 2) 2 четырехлепестковых и 7 другого типа (как на рис. 6,45) – с подпружной костяной и 4 металлическими (из тонкой пластины) пряжками, а также деталями, наверное, седла; рис. с оригиналов, любезно показанных мне автором раскопок Евгением Петровичем Казаковым [Казаков, 2021, с. 16, рис. 38,3].

33. Погребение 46. Не менее 11 экз., лежали в нескольких скоплениях: 1) 4 экз. или 2 четырехлепестковых и 2 другого типа (как на рис. 6,45) вместе с пряжкой и ремненным наконечником – между берцовыми костями; 2) 2 экз. слева от берцовых костей; 3) не менее 2 экз. у ступней; 4) 3 экз. вместе с пряжкой из тонкой пластины и удилами – у черепа и костей ног лошади, лежащих южнее ступней погребенного [Казаков, 2021, с. 18–19, рис. 48,8, 10–13, 21–24], на этом же рис. приведен еще 1 экз. (он не пронумерован), цветные фото см. в: [Казаков, 2021, табл. XVII] (в таблице позиции не пронумерованы, см. экз. слева и по центру в среднем ряду).

34. Красногорский хутор / Красногорка, курган 1, единственное погребение (рис. 7,27). 1 экз. найден в нарушенной могиле, в скоплении с 10 бусинами, лежавшими у бедренной кости [Горбунов, 1984, с. 56, рис. 1,2].

35. Кузубаево, городище (рис. 7,18). См. о находках с памятника в списке блока вариантов 1.

Яма 62. 1 экз. (рис. 6,30), найден в заполнении, вместе с накладкой блока вариантов 1, фрагментами керамики и жерновов, костями [Останина, 2002, с. 63, рис. 2,20].

36. «Кузубаевский клад» (рис. 7,17). 2 экз. (рис. 6,13, 14); покупка, локализация со слов продавца; есть сомнения и в отношении принадлежности всех вещей одному комплексу, однако набор «мастер-моделей», включающий эти накладки и ряд предметов в основном «геральдического» стиля, представляется мне единым и происходящим из Камского региона; мои рис. с оригиналов в НМУР, но есть и публикация [Останина и др., 2011, с. 131, № 117–118, рис. 4,15, 16].

37–39. Кушнаренково, могильник 1 (рис. 7,22).

37. Погребение 2. 4 экз. (рис. 6,6–8); лежали среди костей стоп вместе с парой пряжек, ремненным наконечником, 4 ремненными разделителями, 3 накладками других типов; рис. мои и А.А. Красноперова с оригиналов в Археологическом музее Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, более точные, чем в публикации [Генинг, 1977, с. 94, рис. 3,9–12].

38. Погребение 17. 4 экз. (рис. 6,3–5); лежали вокруг костей стоп вместе с парой пряжек и 4 ремненными разделителями; рис. мои и А.А. Красноперова с оригиналов в Археологическом музее Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, более точные, чем в публикации [Генинг, 1977, с. 100, рис. 7,25–28].

39. Погребение 31. 1 экз., фрагмент (рис. 6,34) – это все, что зафиксировано в сильно разрушенном захоронении [Русланова, Русланов, 2022, с. 54, рис. 7,6]; изображение, помещенное в публикации рядом, – авторская реконструкция на основе этого фрагмента; фото с оригинала в Национальном музее Республики Башкортостан (Уфа) любезно предоставлено Ридой Раисовной Руслановой.

40. Мокрая Балка, скорее всего катакомба 100, погребение 1 (рис. 7,33). 1 экз. (рис. 6,9); в публикации он не приводится, но в коллекции хранился вместе с находками из этого комплекса, которых меньше, чем известно по систематической публикации, соответствующей полевому отчету автора раскопок А.П. Рунича за 1971 г. [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 158]. Полностью не исключая попадание этой вещи из другого комплекса, отмечу, что она фигурирует в комплексе катакомбы 100 в давнишней работе В.Б. Ковалевской [1995, табл. 13, *сверху*], а в ее свод [Ковалевская, 2000] не вошла, так как он был подготовлен не позднее 1979 г. (вместе со сводом о пряжках), а В.Б. Ковалевская после 1971 г. работала на памятнике в 1980 г., когда, видимо, и познакомилась с материалами раскопок А.П. Рунича 1971 года. Как бы то ни было, эта накладка происходит из Кисловодской котловины; нарисована мной с оригинала в Кисловодском историко-краеведческом музее «Крепость» [Гавритухин, 2001б, рис. 77,41].

41. Ново-Турбаслы, курган 13, погребение 1 (рис. 7,23). 1 фрагмент (рис. 6,2); найден близ дна ямы разрушенного погребения, инвентарь которого был рассредоточен по заполнению ямы; рис. А.А. Красно-

перова с оригинала в Национальном музее Республики Башкортостан (Уфа) [Мажитов, 1958, рис. 54,21]; в публикации [Мажитов, 1959, с. 128] эта находка не указана; упоминание В.Б. Ковалевской [2000, № 2736–2737] 2 экз. таких накладок в этом комплексе противоречит данным по отчету и коллекции.

42. Образцово, поселение 1 (рис. 7,2). 1 экз. (рис. 6,33) из несанкционированных сборов; по словам находчиков, был в составе денежно-вещевого клада, значительная часть которого передана в Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»; информация и фото любезно предоставлены Алексеем Михайловичем Воронцовым.

43–44. Петропавловский могильник (рис. 7,16). См. о находках в списке блока вариантов 1.

43. Погребение 11. Сохранился 1 экз. (рис. 6,16); найден среди вещей, зафиксированных в беспорядке (в том числе накладка блока вариантов 1).

44. Погребение 12. Сохранился 1 экз. (рис. 6,18); найден среди вещей, разбросанных по дну могилы (в том числе накладки блоков вариантов 1 и 3).

45. Подболотье, погребение 220 (рис. 7,4). Кроме нескольких находок (но не четырехлепестковых накладок), опубликовано только описание погребения, из которого понятно лишь, что накладки связаны с поясным ремнем [Городцов, 1914, с. 133]; о ременной гарнитуре, включающей интересующую нас накладку, см. примеч. 29; некоторые находки приведены в: [Fettich, 1937, Т. СХХV, 1–4].

46. Сайнино, городище «Ош-Пандо», раскоп 1947 г., кв. 11К, штык 3 (рис. 7,11). 1 экз.; состав находок в этом и соседних квадратах не ясен [Вязов и др., 2016, с. 76, рис. 11А,2].

47. Салым, комплекс «Священная Кедровая Роща», погребение 3 (рис. 7,40). Не менее 6 экз., 5 из них сохранились на кожаном ремне, зафиксированном в составе пояса, включающего накладки в «геральдическом» стиле и псевдопряжки, еще 1 накладка, вероятно, связана с креплением меча [Кардаш и др., 2021, рис. 2.18,2, 2.23, 2.26, 1, 2].

48. Старое Бадиково, погребение 86 (рис. 7,8). 1 экз., лежал между бедренными костями вместе с ножом, кремнем, «фитильной трубочкой»; атрибуция уточнена по рис. В.Н. Шитова (см. примеч. 29), несомненно более точному, чем в публикации [Петербургский, 2011, с. 33, рис. 80,19].

49. Старый Кадом, погребение 53 (рис. 7,7). Количество в публикации не указано; были в части гарнитуры, лежавшей на животе, близ меча; судя по всему, эта портупья была не надета, а кусками положена на погребенного [Шитов, 1988, с. 40, табл. XII,5].

50. Тат-Бояры, погребение 34 (рис. 7,14). Не менее 2 экз. на узком кожаном ремне; известны по сводной таблице находок из региона [Лещинская, 1995, с. 95, рис. 16,15] и перепубликациям этих материалов, комплекс не опубликован; информация уточнена А.А. Красноперовым по отчету Н.А. Лещинской о полевых исследованиях в 1990 году.

Блок вариантов 3 – с четырьмя круглыми прорезями (или их имитацией) по центру «лепестков» (рис. 6,19,34–36).

51. Борижар, склеп 13, «западный» скелет (рис. 7,38). Количество и точное местоположение по публикации не ясно; изображение накладки опубликовано вместе с рис. пряжки [Байпаков и др., 2005, с. 106, рис. 3.8,13].

52. Весилаhti, могильник Кирмукарму (рис. 7,1). Опубликован 1 экз. (рис. 6,38); данные о комплексе остались мне неизвестны, кроме того, что это – могильник с кремациями [Kivikoski, 1973, S. 15, 82, Taf. 66,590].

53. Касимовский уезд (рис. 7,6). Комплекс не ясен (см. примеч. 29).

54. Петропавловский могильник (рис. 7,16). См. о находках в списке блока вариантов 1.

Погребение 12. 2 экз. (рис. 6,19); найдены среди вещей, разбросанных по дну могилы (в том числе накладки блоков вариантов 1 и 2).

55. Рёлка, курган 7, могила 1 (рис. 7,42). Количество в публикации не указано; идентифицируется по отсылке на рис., очень скупо прокомментированный в тексте, где отмечено, что вещи лежали «грудой» и это трупосожжение, хотя сказано и то, что кости не сохранились [Чиндина, 1977, с. 20, рис. 24,11], вероятно, та же вещь дана на сводном рис.: [Чиндина, 1977, рис. 33,21]. Отчет В.И. Матющенко в ОПИ за 1964 г. не уточняет данные из публикации.

С четырехугольной прорезью или углублением посередине (серия Хацки)

56. Кизлевый (остров) (рис. 7,30). 1 экз. из сборов в зоне размываемого Днепром «могильника с кремациями» [Бодянский, 1960, с. 276, рис. 4,14].

57. Хацки, клад (рис. 7,29). 3 экз. (рис. 6,39), были среди разнородных вещей (см. некоторые на рис. 5А,15–26), стилистически связаны с одной из ременных гарнитур; с учетом того, что это – покупка случайной находки, представленность комплекса может быть не полной [Корзухина, 1996, с. 372, № 64–11, табл. 21,32–34; Скиба, 2016, рис. 23,16–18].

Данные, требующие проверки или поступившие после завершения работы

58. Алтын-асар, городище «Большой дом» (рис. 7,37). Накладка, опубликованная с тыльной стороны [Левина, 1996, рис. 132,37]. Судя по этому изображению, она может быть отнесена к модификации накладок блока вариантов 3 (как на рис. 6,19), с чуть измененными пропорциями, отчего отверстия немного сдвинуты от центра лепестков. Однако вероятно и то, что это модификация накладок другого типа (как на рис. 6,45 или схожей с этой).

59. Алтын-асар 4, курган 268 (рис. 7,37). В обобщающей монографии приведено изделие [Левина, 1996, рис. 132,17], напоминающее серию Хацки блока вариантов 3 (см. выше № 55 и 56). Однако в более ранней публикации [Левина, 1994, рис. 155,31] это же изображение дано как обратная сторона накладки, описанной выше под № 11.

60. Голый Камень, святилище на вершине одноименной горы близ Нижнего Тагила (рис. 7,39). По доступному изображению [Мищенко, 2001, с. 140, 143, 144, рис. 2,4; Сериков, 2005, рис. 23,1] не ясно, относится данная накладка к блоку вариантов 1 типа 2 или к типу 1.

61. Тимирязевский, могильник (рис. 7,43). Накладка блока вариантов 2 приведена В.Б. Ковалевской [1990, рис. 3,24] со ссылкой на этот памятник. Однако подтвердить это по доступным мне публикациям и другой информации я не смог.

62. Борок 2, комплекс 191 (рис. 7,5). Не менее 2 экз., относящихся к блоку вариантов 2; вместе с накладками и наконечниками «геральдического» стиля поступили в Шилковский районный краеведческий музей, за помощь в работе с его коллекциями я благодарен Александру Петровичу Гаврилову.

**Список 4. Источники изображений рис. 6,
приведенных для обсуждения четырехлепестковых накладок типа 2**

- 36, 37 – [Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 49,5, 112,9].
40, 53, 56 – [Гаврилова, 1965, табл. XII,2, XIX,2, X,17].
41 – [Шестопалова, 2018, рис. 40,4/1].
43 – [Бисембаев, 2010, рис. 38,1].
44 – [Горбунова и др., 2009, с. 47, рис. 13].
45 – см. список 3, № 32.
46 – [Скиба, 2016, рис. 1,10].
47 – предоставлен З.П. Кадзаевой, публикуется впервые.
48, 49 – [Багаев, 2008, рис. 165,17, 168,22], приведенное более качественное изображение № 49 взято из отчета М.Х. Багаева для ОПИ.
50 – [Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 101,27], но приведены рис. А.П. Рунича из отчета для ОПИ и мой рис. сохранившегося фрагмента³⁰.
51 – [Belinskij, Härke, 2018, fig. 219,17].
52 – [Мажитов, 1981, рис. 6,3].
54 – [Магомедов, 1983, рис. 24,13], комплекс в публикации не указан.
55 – [Peckarskaja, Kidd 1994, Taf. 55,4].
57 – [Левина, 1996, рис. 132,12].
58 – рис. В.Ю. Малашева, опубликованный без указания авторства в: [Ковалевская, 2005, рис. 101,4].
59 – рис., любезно предоставленный Сергеем Николаевичем Савенко.
60 – [Воронов, 2003, рис. 132,28].
61 – [Ранисавльев, 2007, табл. XXXI,7].
62 – [Balogh, 2004, Abb. 3,21].

**Список 5. Источники изображений рис. 8,
приведенных для обсуждения «наконечников» из катакомбы 876 Бесланского могильника**

- 8 – [Кузнецов, 1962, рис. 16,5].
9 – [Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 77,53].
10–11, 26–28 – [Амброз, 1989, рис. 38,9,16, 42,10–11, 36,4].
12–15 – [Айбабин, Хайрединова, 2014, табл. 188,8,9,14,15].
16 – [Айбабин, 1990, рис. 52,28].
17, 18 – предоставлены З.П. Кадзаевой, публикуются впервые.
19 – [Сазонов, 2009, рис. 1,16].
20–23 – [Поповић, 1997, сл. 14, 16, 24, 25].
24, 25 – [Bálint, 1992, Taf. 28,10, 33,3,5].

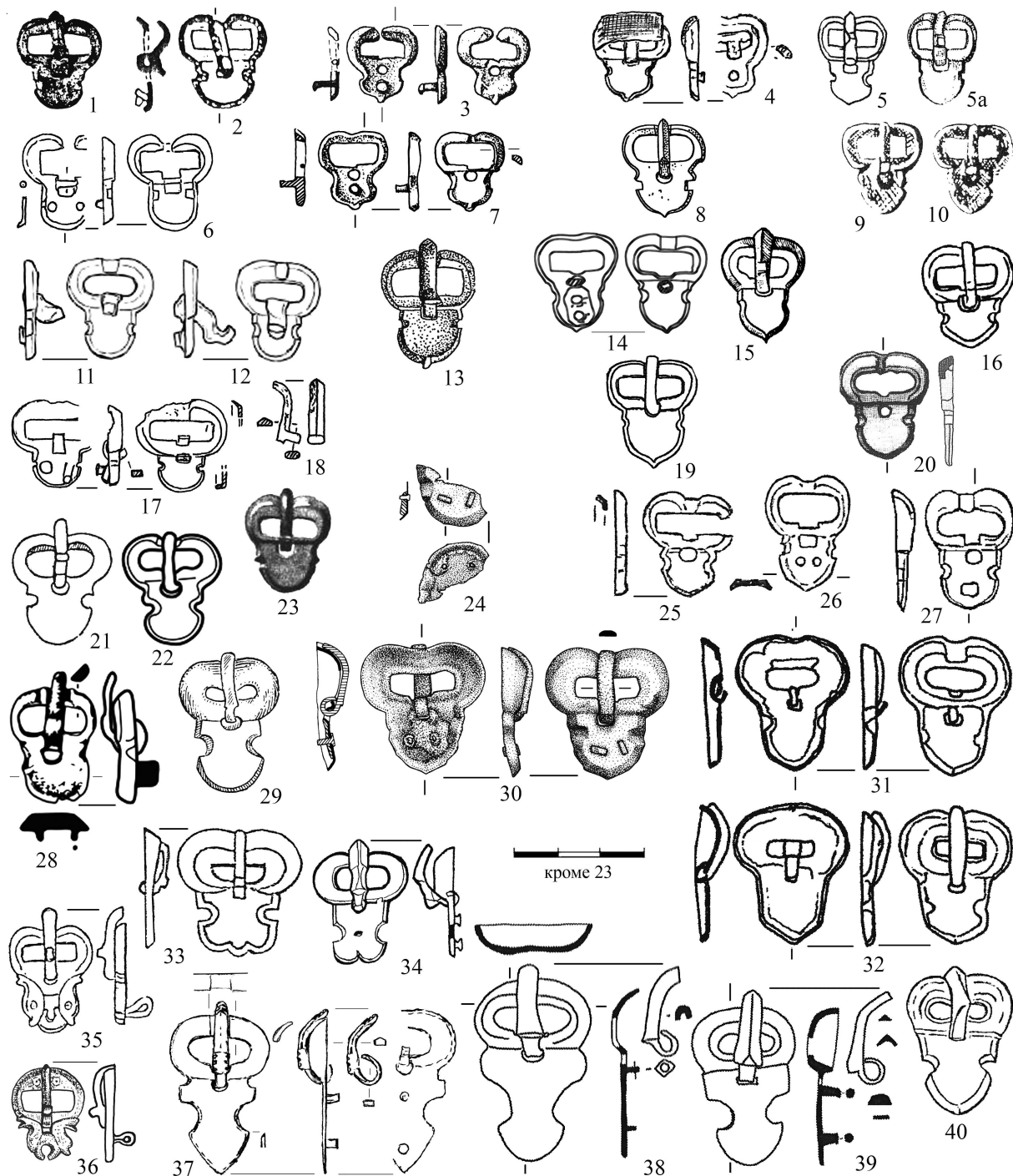

Рис. 1. Маленькие полые В-образные пряжки с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы (1–35, 40), пряжки серий Коминтерн (37–39) и Арчиза (35, 36).

Ниже в скобках указан номер по спискам 1 и 2:

- 1 – Унтерлаухринген (1-8); 2 – Скалистое, Бақлинский овраг, склеп 23 (1-7); 3, 7 – Клин-Яр III, катакомба 360 (1-12,13); 4 – Дюрсо, могила 311 (1-17); 5, 5a – Скалистое, склеп 422 (1-19); 6 – Немеди (1-4); 8 – Хацки, клад (1-18); 9, 10 – Дуррес, могила 26 (1-23); 11, 12 – Эски-Кермен, склеп 380 (1-10); 13 – Каллагис, погр. 132 (1-11); 14 – Гоуст, катакомба 9 (1-15); 15 – Владикавказ (быв. Орджоникидзе), могилы, разрушенные 15.04.1904 г. (1-14); 16 – Виноградное, курган 35 (1-22); 17, 18 – Херсонес, цистерна П-1967 (1-9); 19 – Дымовка, курган 14, погр. 2 (1-16); 20 – Фынтынеле, могила 47 (1-25); 21 – Сахарная Головка, склеп 2 (могила 7), погр. 3 (1-6); 22 – Рупките, могила 2 (1-5); 23 – Алтай (1-1); 24, 30 – Беслан, курган 876, катакомба 1 (1-20); 25, 26 – Херсонес, склеп 2126/1905 г. (1-26); 27 – Христофоровка, курган 7, погр. 12 (1-27); 28 – Карнобад, могильник Бад-бунар, погр. 5 (1-3); 29 – Гиляч, могила 19 (1-2); 31, 32 – Карши-Баир 1, склеп 7 (1-24);

33 – Цебельда, могила 279 (1-30); 34 – Пашковский могильник 1, могила 5/1949, тайник (1-29);
35 – Арчиза, погр. 5 (1-28); 36 – Чуфут-Кале, склеп 80 (2Б-3); 37 – Верх-Сая, курган 9, погр. 3 (2А-1);
38, 39 – Коминтерн, погр. 66 и 5 (2А-3 и 2А-2); 40 – Борки, погр. 28 (1-21)

Fig. 1. Small hollow B-shaped buckles with a fixed plate in the form of a “heraldic shield”
with side notches (1–35, 40), buckles of the Komintern (37–39) and the Arcisa (35, 36) series.

Below in parentheses the number according to lists 1 and 2 is indicated:

1 – Unterlauchringen (1-8); 2 – Skalistoye, Baklinskiy ovrag, vault 23 (1-7); 3, 7 – Klin-Yar III, catacomb 360 (1-12,13);
4 – Dyurso, burial 311 (1-17); 5, 5a – Skalistoye, vault 422 (1-19); 6 – Nemedi (1-4); 8 – Khatski, hoard (1-18);
9, 10 – Durrës, burial 26 (1-23); 11, 12 – Eski-Kermen, vault 380 (1-10); 13 – Callatis, gr. 132 (1-11);
14 – Goust, catacomb 9 (1-15); 15 – Vladikavkaz (former Ordzhonikidze), burials, destroyed on 15.04.1904 (1-14);
16 – Vinogradnoye, kurgan 35 (1-22); 17, 18 – Chersonesos, cistern П-1967 (1-9); 19 – Dymovka kurgan 14, gr. 2 (1-16);
20 – Fântânele, burial 47 (1-25); 21 – Sakharnaya Golovka, vault 2 (burial 7), gr. 3 (1-6); 22 – Rupkite, burial 2 (1-5);
23 – Altay (1-1); 24, 30 – Beslan, kurgan 876, catacomb 1 (1-20); 25, 26 – Chersonesos, vault 2126/1905 (1-26);
27 – Khristoforovka, kurgan 7, gr. 12 (1-27); 28 – Karnobad, Bad-bunar burial ground, gr. 5 (1-3); 29 – Gilyach, burial 19 (1-2);
31, 32 – Karshi-Bair 1, vault 7 (1-24); 33 – Tsebelda, burial 279 (1-30); 34 – Pashkovskiy burial ground 1, burial 5/1949,
hiding place (1-29); 35 – Arcisa, gr. 5 (1-28); 36 – Chufut-Kale, vault 80 (2Б-3); 37 – Verkh-Saya, kurgan 9, gr. 3 (2А-1);
38, 39 – Komintern, gr. 66 and 5 (2А-3 и 2А-2); 40 – Borki, gr. 28 (1-21)

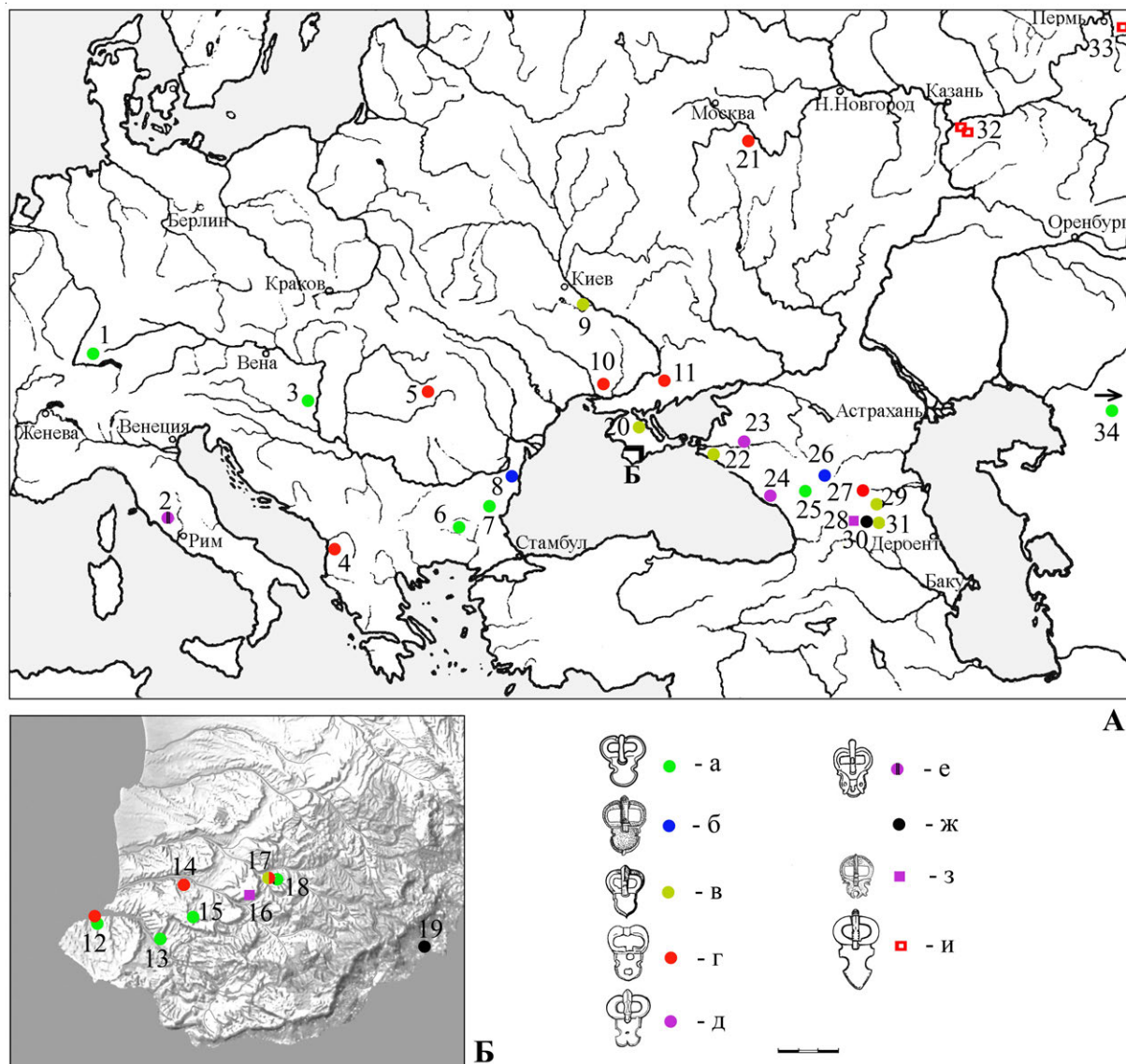

Рис. 2. Распространение маленьких полых V-образных пряжек с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы (а–ж), пряжек серий Арчица и Коминтерн (е, з, и). При перечислении комплексов в скобках указан номер по спискам 1 и 2:

Б – часть Крыма, отмеченная так на рис. А.

а – блок вариантов 1; б – блок вариантов 2; в – блок вариантов 3; г – блок вариантов 4;

д–е – блок вариантов 5 (е – вариант Арчица); ж – неясный блок вариантов;

з – серия Арчица, представленная пряжками с овальной рамкой; и – серия Коминтерн.

- 1 – Унтерлаухринген (1-8); 2 – Арчица, погр. 5 (1-28); 3 – Немеди (1-4); 4 – Дуррес, могила 26 (1-23);
 5 – Фынтынеле, могила 47 (1-25); 6 – Рупките, могила 2 (1-5); 7 – Карнобад, могильник Бад-бунар, погр. 5 (1-3);
 8 – Каллатис, погр. 132 (1-11); 9 – Хацки, клад (1-18); 10 – Христофоровка, курган 7, погр. 12 (1-27);
 11 – Виноградное, курган 35 (1-22); 12 – Херсонес, цистерна П-1967 и склеп 2126/1905 г. (1-9 и 1-26);
 13 – Сахарная Головка, склеп 2 (могила 7), погр. 3 (1-6); 14 – Карши-Баир 1, склеп 7 (1-24);
 15 – Эски-Кермен, склеп 380 (1-10); 16 – Чуфут-Кале, склеп 80 (2Б-3); 17 – Скалистое, склеп 422 (1-19);
 18 – Скалистое, Баклинский овраг, склеп 23 (1-7); 19 – Суук-Су, могила 84 (1-31); 20 – Дымовка, курган 14,
 погр. 2 (1-16); 21 – Борки, погр. 28 (1-21); 22 – Дюрсо, могила 311 (1-17); 23 – Пашковский могильник 1,
 могила 5/1949, тайник (1-29); 24 – Цебельда, могила 279 (1-30); 25 – Гиляч, могила 19 (1-2); 26 – Клин-Яр III,
 катакомба 360 (1-12, 1-13); 27 – Беслан, курган 876, катакомба 1 (1-20); 28 – Садон, катакомба 18, погр. 4 (2Б-2);
 29 – Владикавказ (быв. Орджоникидзе), могилы, разрушенные 15.04.1904 г (1-14); 30 – Чми–Суаргом,
 катакомба 6 из раскопок Д.Я. Самоковасова (1-32); 31 – Гоуст, катакомба 9 (1-15);
 32 – Коминтерн, погр. 66 и 5 (2А-3 и 2А-2); 33 – Верх-Сая, курган 9, погр. 3 (2А-1); 34 – Алтай (1-1)

Fig. 2. Distribution of small hollow B-shaped buckles with a fixed plate in the form of a “heraldic shield” with side notches (*a-ж*), buckles of the Arcisa and Comintern series (*e, з, u*). When listing complexes, the number according to lists 1 and 2 is indicated in parentheses:

- Б – part of Crimea, marked as such in Fig. A.
a – block of variants 1; *б* – block of variants 2; *в* – block of variants 3; *г* – block of variants 4;
д-е – block of variants 5 (*e* – Arcisa variant); *ж* – unclear block of variants;
з – Arcisa series, represented by buckles with an oval frame; *u* – Comintern series.
1 – Unterlauchringen (1-8); *2* – Arcisa, gr. 5 (1-28); *3* – Némedi (1-4); *4* – Durrës, burial 26 (1-23);
5 – Fântânele, burial 47 (1-25); *6* – Rupkite, burial 2 (1-5); *7* – Karnobad, Bad-bunar burial ground, gr. 5 (1-3);
8 – Callatis, gr. 132 (1-11); *9* – Khatski, hoard (1-18); *10* – Khristoforovka, kurgan 7, gr. 12 (1-27);
11 – Vinogradnoye, kurgan 35 (1-22); *12* – Chersonesos, cistern П-1967 and vault 2126/1905 г. (1-9 and 1-26);
13 – Sakharnaya Golovka, vault 2 (burial 7), gr. 3 (1-6); *14* – Karshi-Bair 1, vault 7 (1-24);
15 – Eski-Kermen, vault 380 (1-10); *16* – Chufut-Kale, vault 80 (2Б-3); *17* – Skalistoye, vault 422 (1-19);
18 – Skalistoye, Baklinskiy ovrag, vault 23 (1-7); *19* – Suuk-Su, gr. 84 (1-31); *20* – Dymovka, kurgan 14, gr. 2 (1-16);
21 – Borki, gr. 28 (1-21); *22* – Dyurso, burial 311 (1-17); *23* – Pashkovskiy burial ground 1, burial 5/1949, hiding (1-29);
24 – Tsebel'da, burial 279 (1-30); *25* – Gilyach, burial 19 (1-2); *26* – Klin-Yar III, catacomb 360 (1-12, 1-13);
27 – Beslan, kurgan 876, catacomb 1 (1-20); *28* – Sadon, catacomb 18, gr. 4 (2Б-2); *29* – Vladikavkaz
(former Ordzhonikidze), burials, destroyed on 15.04.1904 (1-14); *30* – Chmi-Suargom, catacomb 6 from the excavations
of D.Ya. Samokvasov (1-32); *31* – Goust, catacomb 9 (1-15); *32* – Komintern, gr. 66 and 5 (2A-3 и 2A-2);
33 – Verkh-Saya, kurgan 9, gr. 3 (2A-1); *34* – Altay (1-1)

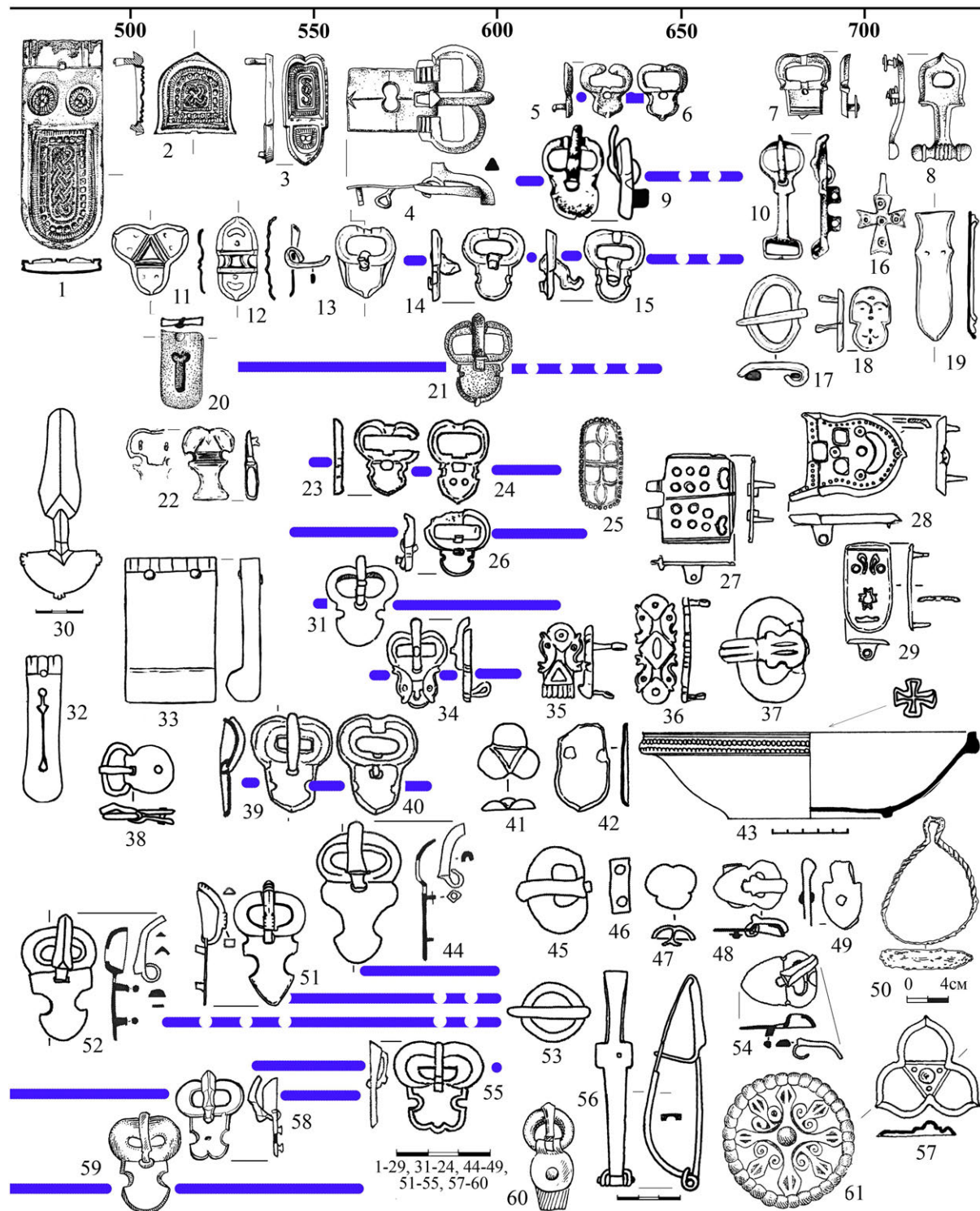

Рис. 3. Хронология маленьких полых V-образных пряжек с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы, и пряжек серии Коминтерн (44–54).

Синей полосой обозначен ориентировочный хронологический интервал комплекса по шкале, данной сверху. При перечислении комплексов в скобках указан номер по спискам 1 и 2:

- 1–8 – Клин-Яр III, катакомба 360 (1-12, 1-13); 9–10 – Карнобад, могильник Бад-бунар, погр. 5 (1-3);
 11–19 – Эски-Кермен, склеп 380 (1-10); 20–21 – Каллатис, погр. 132 (1-11); 22–25 – Херсонес, склеп 2126/1905 г. (1-26);
 26–29 – Херсонес, цистерна П-1967 (1-9); 30–31 – Сахарная Головка, склеп 2 (могила 7), погр. 3 (1-6);
 32–37 – Арчиза, погр. 5 (1-28); 38–43 – Карши-Баир 1, склеп 7 (1-24); 44–50 – Коминтерн, погр. 66 (2А-3);
 51 – Верх-Сая, курган 9, погр. 3 (2А-1), см. рис. 4; 52–54 – Коминтерн, погр. 5 (2А-2);

55–57 – Цебельда, могила 279 (1-30); 58 – Пашковский могильник 1, могила 5/1949, тайник (1-29);
59–61 – Гиляч, могила 19 (1-2)

Fig. 3. Chronology of small hollow B-shaped buckles with a fixed plate in the form of a “heraldic shield” with side notches and buckles of Comintern series (44–54). The blue stripe indicates the approximate chronological interval of the complex according to the scale given at the top.

When listing complexes, the number according to lists 1 and 2 is indicated in parentheses:

1–8 – Klin-Yar III, catacomb 360 (1-12, 1-13); 9–10 – Karnobad, Bad-bunar burial ground, gr. 5 (1-3);
11–19 – Eski-Kermen, vault 380 (1-10); 20–21 – Callatis, gr. 132 (1-11); 22–25 – Chersonesos, vault 2126/1905 r. (1-26);
26–29 – Chersonesos, cistern П-1967 (1-9); 30–31 – Sakharnaya Golovka, vault 2 (burial 7), gr. 3 (1-6);
32–37 – Arcisa, gr. 5 (1-28); 38–43 – Karshi-Bair 1, vault 7 (1-24); 44–50 – Komintern, gr. 66 (2A-3);
51 – Verkh-Saya, kurgan 9, gr. 3 (2A-1), see fig. 4; 52–54 – Komintern, gr. 5 (2A-2); 55–57 – Tsebelda, burial 279 (1-30);
58 – Pashkovskiy burial ground 1, burial 5/1949, hiding place (1-29); 59–61 – Gilyach, burial 19 (1-2)

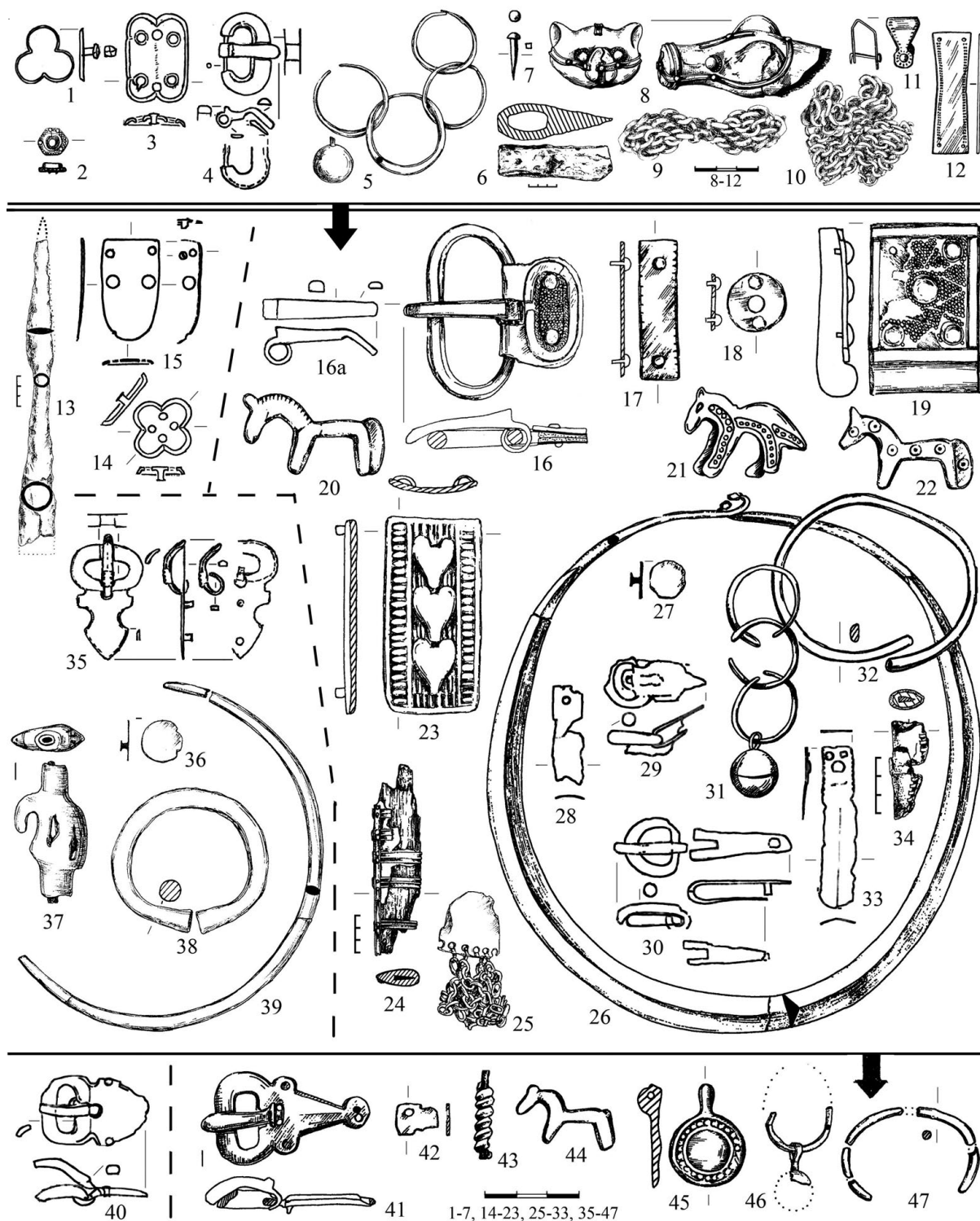

Рис. 4. Верх-Сая. Стратиграфия курганов 26 (1–13 – погр. 1 и 2), 9 (13–15 – погр. 1; 16–34 – погр. 2; 35–39 – погр. 3), 21 (40 – погр. 2; 41–47 – погр. 1). Стрелки указывают на перекрытие одного кургана другим; двойная линия обозначает, что курган 26 перекрывает курган 3 (с невыразительным инвентарем), а курган 3 – курган 9:

1, 3, 4, 14, 15, 16a, 35 – рис. И.О. Гавритухина; 28–30, 33 – рис. А.А. Красноперова; остальное по: [Голдина и др., 2018]
 Fig. 4. Verkh-Saya. Stratigraphy of kurgan 26 (1–13 – gr. 1 and 2), 9 (13–15 – gr. 1; 16–34 – gr. 2; 35–39 – gr. 3), 21 (40 – gr. 2; 41–47 – gr. 1). The arrows indicate the overlap of one kurgan with another; a double line indicates that kurgan 26 overlaps kurgan 3 (with featureless inventory), and kurgan 3 overlaps kurgan 9:

1, 3, 4, 14, 15, 16a, 35 – drawn by I. Gavritukhin; 28–30, 33 – drawn by A. Krasnoperov; other after: [Goldina et al., 2018]

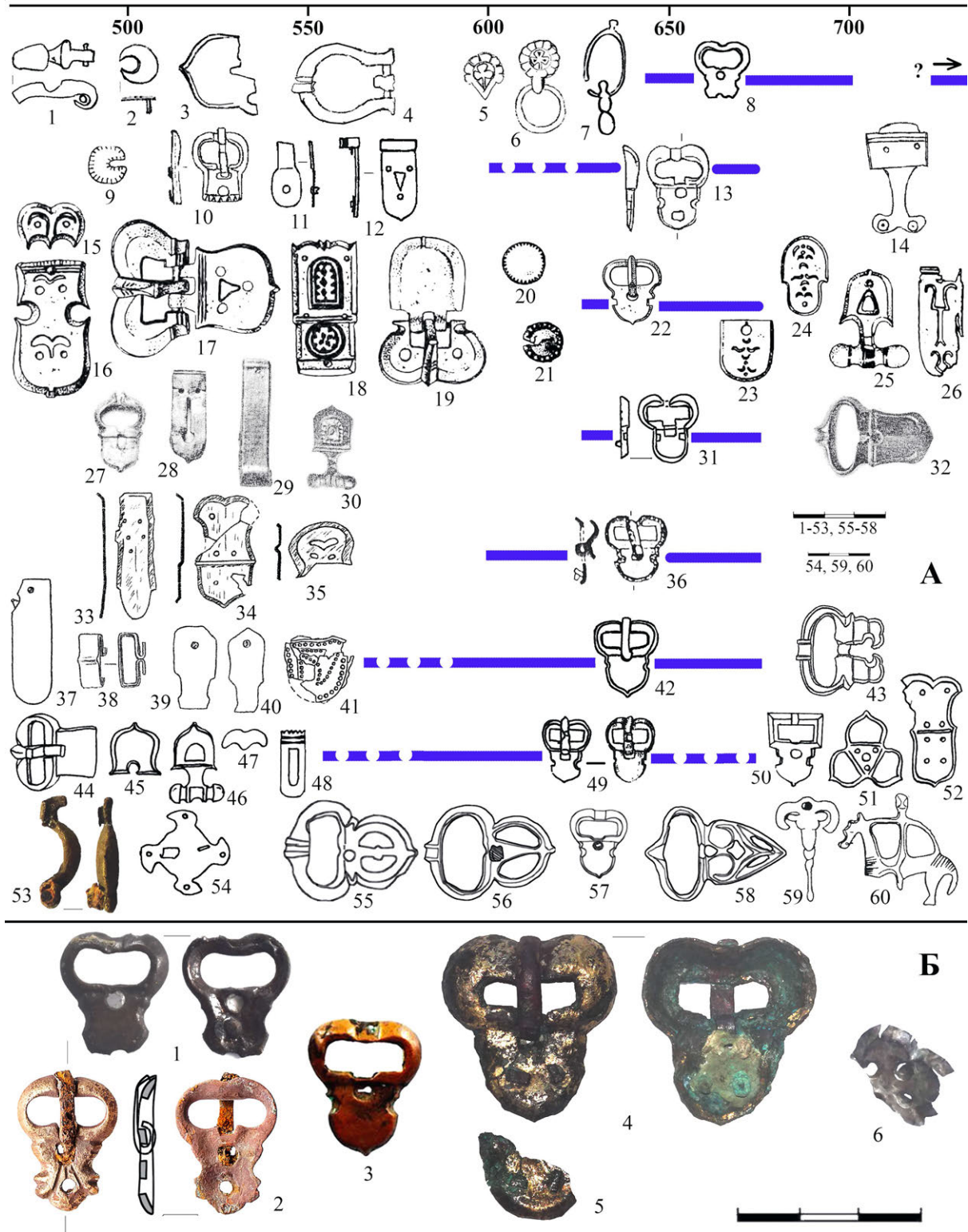

Рис. 5

А – продолжение рис. 3. 1–8 – Чми–Суаргом, катакомба 6 из раскопок Д.Я. Самоквасова (1-32);
 9–14 – Христофоровка, курган 7, погр. 12 (1-27); 15–26 – Хацки, клад (1-18; см. также рис. 6,39);
 27–32 – Немедка, курган (1-4); 33–36 – Скалистое, Баклинский овраг, склеп 23 (1-7);
 37–43 – Дымовка, курган 14, погр. 2 (1-16); 44–52 – Скалистое, склеп 422 (1-19);
 53–60 – Гоуст, катакомба 9 (53, 56, 57, 59 – западный костяк; 54, 55, 58, 60 – восточный костяк) (1-15).

Б – находки из Северной Осетии и Ингушетии. В скобках указан номер по спискам 1, 2, 3.

1 – Чми–Суаргом, катакомба 6 из раскопок Д.Я. Самоквасова (1-32); *2* – Садон, катакомба 18, погр. 4 (2Б-2);

3 – Густ, катакомба 9, западный костяк (1-15); *4-6* – Беслан, курган 876, катакомба 1 (1-20 и 3-17)

Fig. 5

A – continuation of fig. 3. *1-8* – Chmi–Suargom, catacomb 6 from the excavations of D.Ya. Samokvasov (1-32);

9-14 – Khristoforovka, kurgan 7, gr. 12 (1-27); *15-26* – Khatski, hoard (1-18; see also fig. 6,39); *27-32* – Nemedi, burial (1-4);

33-36 – Skalistoye, Baklinskiy ovrag, vault 23 (1-7); *37-43* – Dymovka, kurgan 14, gr. 2 (1-16);

44-52 – Skalistoye, vault 422 (1-19); *53-60* – Goust, catacomb 9, (*53, 56, 57, 59* – western skeleton;

54, 55, 58, 60 – eastern skeleton) (1-15).

Б – Finds from North Ossetia and Ingushetia. In parentheses the number according to lists 1, 2 and 3 is indicated.

1 – Chmi–Suargom, catacomb 6 from the excavations of D.Ya. Samokvasov (1-32); *2* – Sadon, catacomb 18, gr. 4 (2Б-2);

3 – Goust, catacomb 9, western skeleton (1-15); *4-6* – Beslan, mound 876, catacomb 1 (1-20 and 3-17)

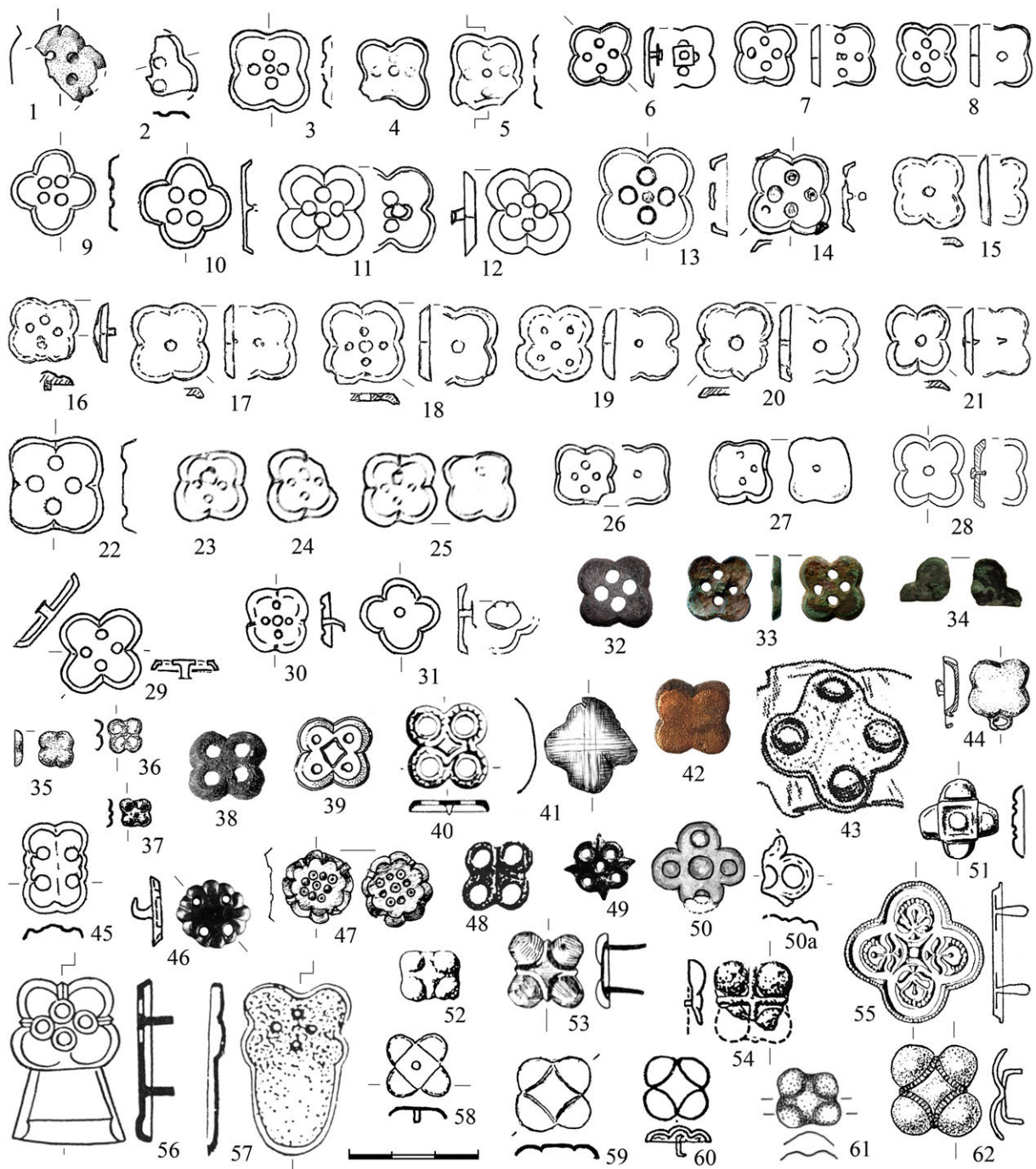

Рис. 6. Четырехлепестковые накладки типа 2 (1–35, 38, 39, 42) и других типов.

Для типа 2 в скобках указан номер по списку 3, об остальных см. список 4:

- 1 – Беслан, курган 876, катакомба 1 (17); 2 – Ново-Турбаслы, курган 13, погр. 1 (41);
 3–8, 34 – Кушнаренково (3–5 – погр. 17; 6–8 – погр. 2; 34 – погр. 31) (37–39);
 9, 36, 37, 50, 58 – Мокрая Балка, катакомбы 100 (40), 31, 101, 90, 25К; 10 – коллекция М.Н. Зеликмана (31);
 11–12 – Бирск, могила 270 (18); 13, 14 – «Кузубаевский клад» (36); 15–21 – Петропавловская (15 – погр. 4;
 16–17 – погр. 11; 18–20 – погр. 12; 21 – погр. 20) (7–10, 43, 44, 54); 22, 45 – Коминтерн 2, погр. 42 (32);
 23–28 – Варни (23–25 – погр. 611; 26 – сборы на могильнике; 27 – погр. 88; 28 – погр. 552) (4, 23, 25, 26);
 29 – Верх-Сая, курган 9, погр. 1 (27); 30–31 – Кузубаево, яма 62 (6, 35); 32 – Выжегша (30);
 33 – Образцово, поселение 1 (42); 35, 47 – Садон, катакомбы 17 (11) и 69; 38 – Весилахти, могильник Кирмукарму (52);
 39 – Хацки, клад (57); 40, 53, 56 – Кудыргэ (40 – могила 5; 53 – могила 11; 56 – могила 4); 41 – Дагом, катакомба 10;
 42 – Большие Мурлы, могильник близ оз. Ирча, курган 53, погр. 1 (3); 43 – Булак, погребение;
 44 – Иня-1, курган 14, могила 1; 46 – Вильховчик, клад; 48, 49 – Харачой (48 – погр. 29; 49 – находка на могильнике);

51 – Клинь-Яр IV, катакомба 8; 52 – Маньяк, раскоп 2, погр. 1; 54 – Чир-Юрт, курганный могильник;
55 – Кастель-Трозино, погр. 90; 57 – Алтын-асар, курган 268; 59 – Ясли, могила 4/1968;
60 – Цебельда, могила 279; 61, 62 – Мокрин, могилы 69 и 19

Fig. 6. Four-petal belt mounts of the type 2 (1–35, 38, 39, 42) and other types. For the type 2 – the number according to list 3 is indicated in parentheses; for the rest, see list 4.

1 – Beslan, kurgan 876, catacomb 1 (17); 2 – Novo-Turbasly, mound 13, gr. 1 (41);
3–8, 34 – Kushnarenkovo (3–5 – gr. 17; 6–8 – gr. 2; 34 – gr. 31) (37–39);
9, 36, 37, 50, 58 – Mokraya Balka, catacomb 100 (40), 31, 101, 90, 25K; 10 – M.N. Zelikman collection (31);
11–12 – Birsk, burial 270 (18); 13, 14 – “Kuzebayevskiy hoard” (36); 15–21 – Petropavlovskaya (15 – gr. 4;
16–17 – gr. 11; 18–20 – gr. 12; 21 – gr. 20) (7–10, 43, 44, 54); 22, 45 – Komintern 2, gr. 42 (32);
23–28 – Varni (23–25 – gr. 611; 26 – gathering at the burial ground; 27 – gr. 88; 28 – gr. 552) (4, 23, 25, 26);
29 – Verkh-Saya, mound 9, gr. 1 (27); 30–31 – Kuzebayevo, pit 62 (6, 35); 32 – Vyzhegsha (30);
33 – Obratsovo, settlement 1 (42); 35, 47 – Sadon, catacomb 17 (11) and 69; 38 – Vesilahti, Kirmukarmu burial ground (52);
39 – Khatski, hoard (57); 40, 53, 56 – Kudyrge (40 – burial 5; 53 – burial 11; 56 – burial 4); 41 – Dagom, catacomb 10;
42 – Bolshiye Murly, burial ground near Lake Ircha, mound 53, gr. 1 (3); 43 – Bulak, burial;
44 – Inya-1, mound 14, burial 1; 46 – Vilkhovchik, hoard; 48, 49 – Kharachoy (48 – gr. 29; 49 – gathering at the burial ground);
51 – Klin-Yar IV, catacomb 8; 52 – Manyak, excavation site 2, gr. 1; 54 – Chir-Yurt, kurgan burial ground;
55 – Castel Trosino, gr. 90; 57 – Altyn-asar, mound 268; 59 – Yasli, gr. 4/1968;
60 – Tsebelda, burial 279; 61, 62 – Mokrin, burial 69 and 19

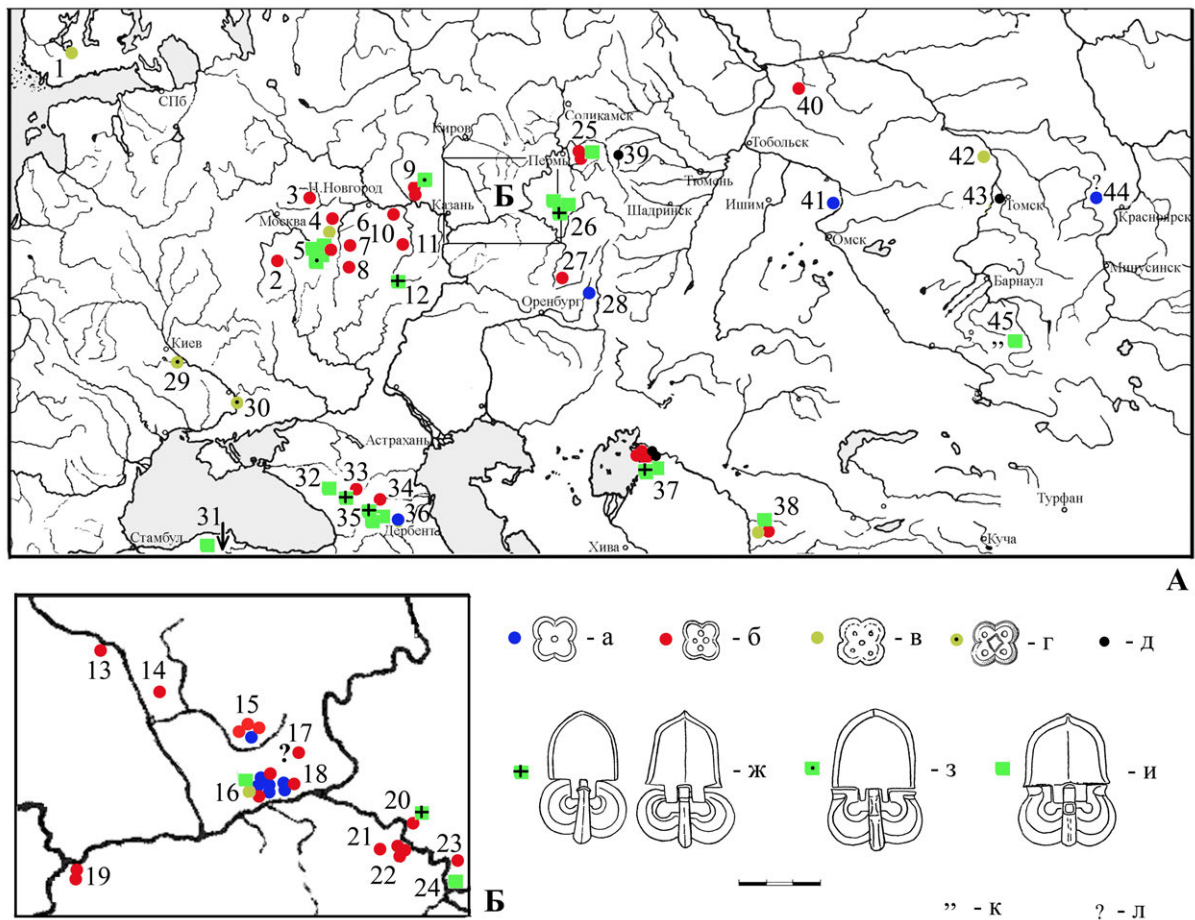

Рис. 7. Распространение четырехлепестковых накладок типа 2 (а–д) и ранних вариантов псевдопряжек типа 5 (ж–и). Для а–д см. список 3; ж–и – по: [Гавритухин, 2001а], с дополнениями:

а – блок вариантов 1; б – блок вариантов 2; в–г – блок вариантов 3 (г – серия Хацки); д – информация неточная; ж – 3-й трети VI – начала VII в.; з – 3-й трети или 4-й четверти VI – 1-й трети или четверти VII в.; и – конца VI – 1-й трети или половины VII в.

- 1 – Весилаhti; 2 – Образцово; 3 – Выжегша; 4 – Подболотье; 5 – Ундрих, Шатрише, Кулаково, Борок (2 комплекса с накладками); 6 – Касимовский уезд; 7 – Старый Кадом; 8 – Старое Бадиково; 9 – Ахмылово; 10 – Волчиха; 11 – Сайнино; 12 – Армиево; 13 – Буйский Перевоз; 14 – Тат-Бояры; 15 – Варни; 16 – Петропавловская; 17 – «Кузубаевский клад»; 18 – Кузубаево; 19 – Коминтерн; 20 – Бирск; 21 – Булгарский курган; 22 – Кушнаренково; 23 – Ново-Турбаслы; 24 – Уфа; 25 – Верх-Сая; 26 – Бахмутино; 27 – Красногорский хутор; 28 – Бекешево; 29 – Хацки; 30 – Кизлевый; 31 – «Сирия»; 32 – хут. Дружба; 33 – Мокрая Балка, Клин-Яр; 34 – Беслан; 35 – Камунта (2 варианта), Лезгур; 36 – Садон; 37 – Алтын-асар; 38 – Борижар; 39 – Гольй Камень; 40 – Салым; 41 – Большие Мурлы; 42 – Рёлка; 43 – Тимирязевский; 44 – Ачинская (или Агинская?) степь; 45 – Алтай

Fig. 7. Distribution of four-petal belt mounts of the type 2 (a–d) and early versions of pseudo-buckles of the type 5 (ж–и). For the a–d – see list 3; ж–и – after: [Gavritukhin, 2001a], with additions:

a – block of variants 1; б – block of variants 2; в–г – block of variants 3 (г – Khatski series); д – the information is not accurate; ж – the 3rd third of the 6th – the early 7th century; з – the 3rd third or 4th quarter of the 6th – the 1st third or quarter of the 7th century; и – the end of the 6th – the 1st third or half of the 7th century.

- 1 – Vesilahti; 2 – Obraztsovo; 3 – Vyzhegsha; 4 – Podboloty; 5 – Undrikh, Shatrishe, Kulakovo, Borok (two complexes with belt mounts); 6 – Kasimovskiy uyezd; 7 – Saryy Kadom; 8 – Staroye Badikovo; 9 – Akhmylovo; 10 – Volchikha; 11 – Saynino; 12 – Armiyevo; 13 – Buyskiy Perevoz; 14 – Tat-Boyary; 15 – Varni; 16 – Petropavlovskaya; 17 – “Kuzebayevskiy hoard”; 18 – Kuzebayevo; 19 – Komintern; 20 – Birs; 21 – Bulgarskiy kurgan; 22 – Kushnarenkovo; 23 – Novo-Turbasly; 24 – Ufa; 25 – Verkh-Saya; 26 – Bakhmutino; 27 – Krasnogorskiy khutor; 28 – Bekeshevo; 29 – Khatski; 30 – Kizlevyy; 31 – “Syria”; 32 – khutor Druzhba; 33 – Mokraya Balka, Klin-Yar; 34 – Beslan; 35 – Kamunta (two variants), Lezgur; 36 – Sadon; 37 – Altyn-asar; 38 – Borizhar; 39 – Golyy Kamen; 40 – Salym; 41 – Bolshiye Murly; 42 – Relka; 43 – Timiryazevskiy; 44 – Achinskaya (or Aginskaya?) steppe; 45 – Altay

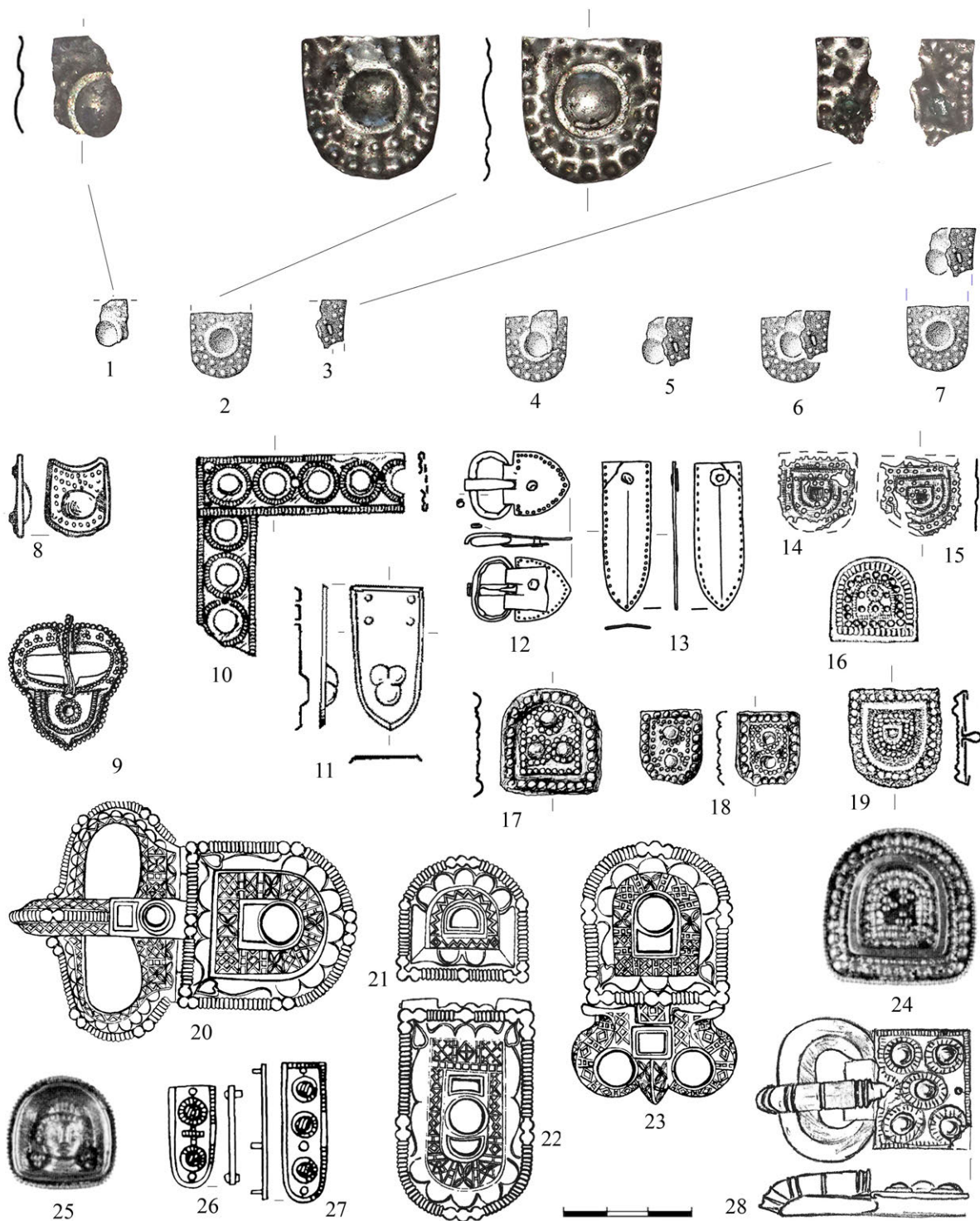

Рис. 8. «Наконечники» из катакомбы 876 в Беслане (1–3), их реконструкции (4–7) и аналогии (см. список 5):

8 – верховья Кубани; 9 – Бжид, погр. 101; 10–11 – Галайты; 12–15 – Лучистое, склеп 77, между погр. 2 и 3;
16 – Суук-Су, погр. 109; 17–18 – Садон, катакомба 69; 19 – Городской-3, погр. 11; 20–23 – Сирмий;
24–25 – коллекция Британского музея; 26–27 – Лермонтовская Скала 2, катакомба 10; 28 – Гижгид

Fig. 8. “Strap-ends” from mound 876 of the Beslan burial ground (1–3), their reconstructions (4–7) and analogies (see list 5):

8 – the upper reaches of the Kuban; 9 – Bzhid, gr. 101; 10–11 – Galayty; 12–15 – Luchistoye, vault 77, between gr. 2 and 3;
16 – Suuk-Su, gr. 109; 17–18 – Sadon, catacomb 69; 19 – Gorodskoy-3, gr. 11; 20–23 – Sirmium;
24–25 – collection of the British Museum; 26–27 – Lermontovskaya Skala 2, catacomb 10; 28 – Gizhid

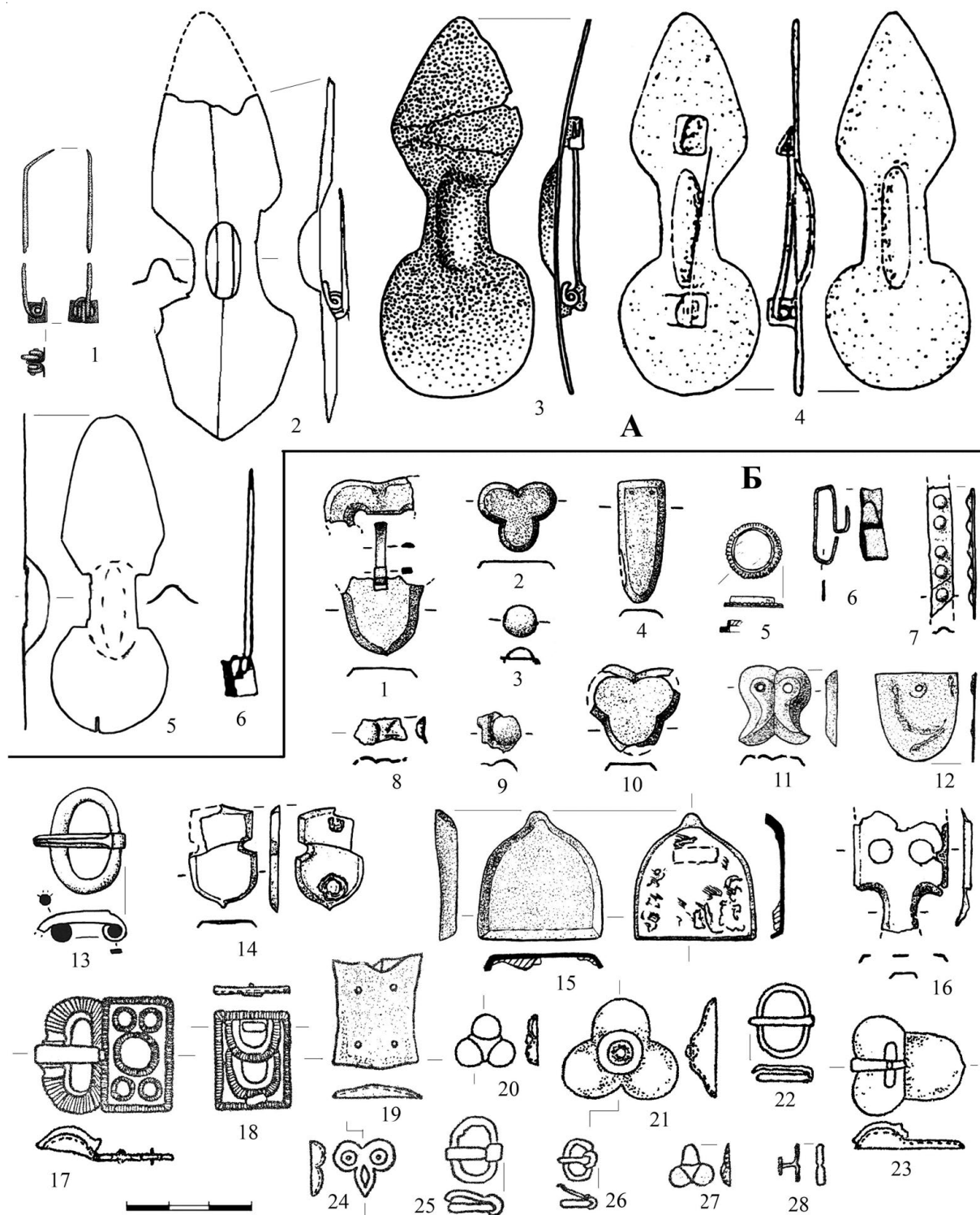

Рис. 9

А – пружина с тетивой и иглой, крепящиеся на Т-образной стойке, из катакомбы 876 в Беслане (1) и фибулы с аналогичным механизмом (2 – Чми, погр. 4 из раскопок М.П. Абрамовой; 3, 4 – Алтын-асар 4, курган 303; 5, 6 – Кушнаренково, погр. 21) (по: [Амброз, 1989; Гавритухин и др., 2019]).
 Б – ременные наборы с Северного Кавказа, показательные для эпохи Первого Тюркского каганата. 1–16 – Брут 2 (1–6 – курган 13; 7–16 – курган 18); 17–28 – Бердуть (17–23 – погр. 4; 24–28 – погр. 2) (по: [Габуев, Малашев, 2009; Виноградов, Мамаев, 1979])

Fig. 9

- A** – the spring with bowstring and needle on the T-shaped stand from mound 876 of the Beslan burial ground (1) and fibulae with similar mechanism (2 – Chmi, gr. 4 from the excavations of M.P. Abramova; 3, 4 – Altyn-asar 4, kurgan 303; 5, 6 – Kushnarenkovo, gr. 21) (after: [Ambroz, 1989; Gavritukhin et al., 2019]).
- Б** – belt sets from the North Caucasus, indicative of the era of the First Turkic Khaganate period.
1–16 – Brut 2 (1–6 – mound 13; 7–16 – kurgan 18); 17–28 – Berduty (17–23 – gr. 4; 24–28 – gr. 2) (after: [Gabuyev, Malashev, 2009; Vinogradov, Mamayev, 1979])

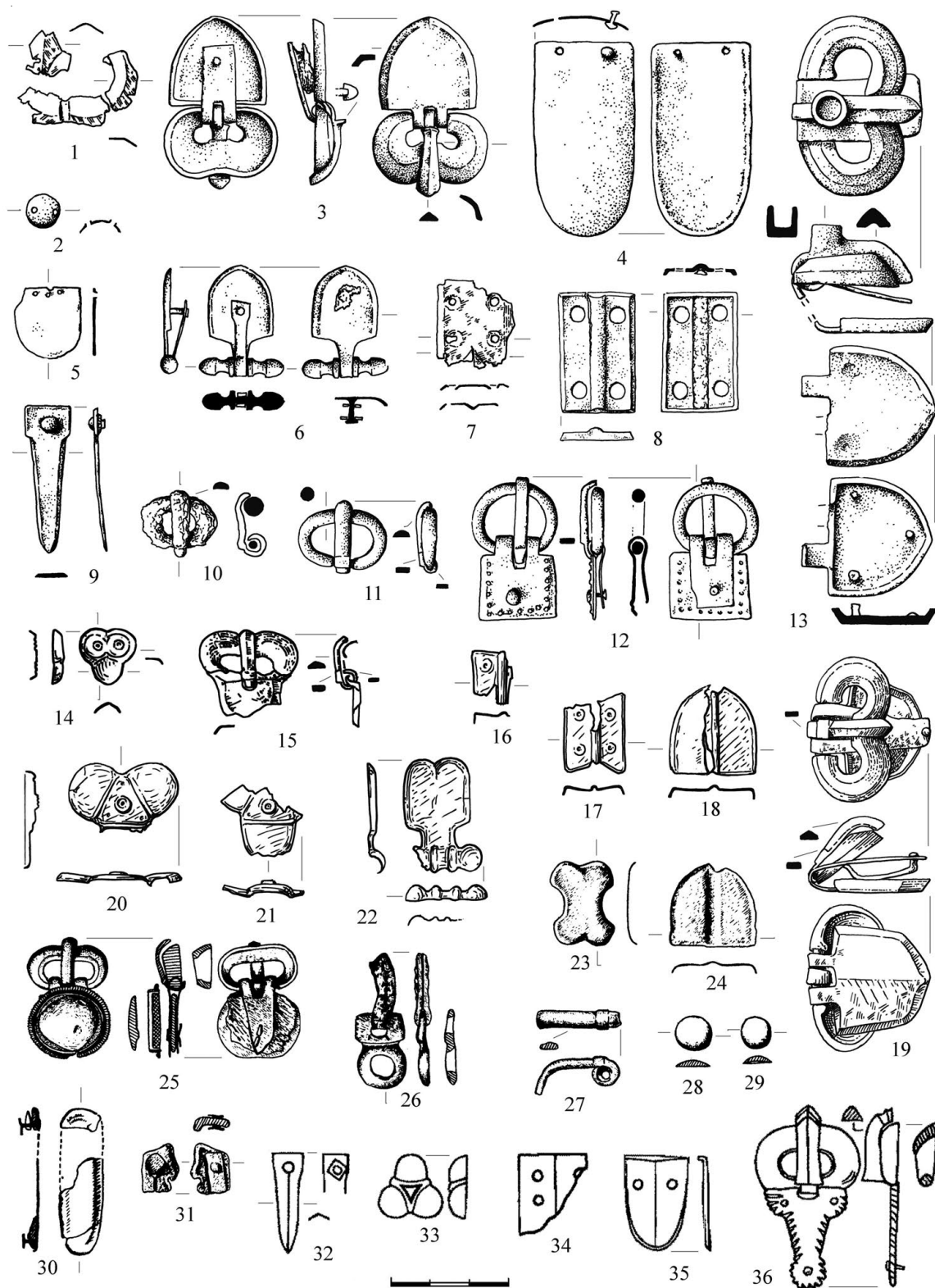

Рис. 10. Ременные наборы с Северного Кавказа, показательные для эпохи Первого Тюркского каганата:

1–31 – Клин-Яр III (1–13 – катакомба 357; 14–22 – катакомба 381, погр. 1; 23–31 – катакомба 17-Ф, погр. 1);
32–36 – Гижгид, приобретения М.И. Ермоленко в 1928 г. (по: [Belinskij, Härke, 2018; Флёров, 2000; Амброз, 1989])

Fig. 10. Belt sets from the North Caucasus, indicative of the era of the First Turkic Khaganate period:

1–31 – Klin-Yar III (1–13 – catacomb 357; 14–22 – catacomb 381, gr. 1; 23–31 – catacomb 17-Ф, gr. 1);
32–36 – Gizhgid, M.I. Yermolenko acquisitions in 1928 (after: [Belinskij, Härke, 2018; Flerov, 2000; Ambroz, 1989])

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР ИА РАН по теме «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

The article was prepared as part of the IA RAS research “Panorama of historical and cultural processes on the territory of Eastern Europe in Roman times and Great Migration period according to archaeological data (I–VII centuries)” (No. НИОКТР 122011200267-0).

² Различие терминов «щиток» и «обойма» представляется таким: обойма – система, обеспечивающая крепление рамки пряжки к ремню; щиток – верхняя (обычно специально декорированная) пластина у ряда типов обойм.

³ Серии, как и типы, состоят из вариантов, но понятие «тип» в моей классификационной системе более формально, серия же объединяет варианты, отражающие единую традицию, связанную с весьма компактным культурным контекстом. В некоторых случаях серия может включать варианты, относящиеся к разным типам, образуя свою иерархию классификационных подразделений / таксонов.

⁴ Гавритухин И. О. Эволюция «геральдических» ремennых гарнитур Кисловодской котловины // Плисса – Преслав. Т. 14. (В печати).

⁵ Там же.

⁶ Датировка В.Б. Ковалевской [2005, рис. 40] всех катакомб, раскопанных на этом могильнике, – «IX в.» – декларирована и не может быть обоснована даже исходя из того материала, что приведен в ее таблице.

⁷ Гончаров С. А., Чижова А. А. Поясные наборы могильника Гоуст из раскопок В.И. Долбежева в 1890 году // Из истории культуры народов Северного Кавказа. № 16. (В печати).

⁸ Гавритухин И. О. Указ. соч. ИС-44.

⁹ Вещи, имеющие утраты, встречены в непо потревоженных комплексах из Густа неоднократно, что специально отмечено В.И. Долбежевым в отчете Императорской археологической комиссии.

¹⁰ Заметный разброс дат вещей из одной катакомбы виден и по материалам из Чми, попавшим в Природно-исторический музей в Вене [Хайнрих, 1995].

¹¹ Гавритухин И. О. Указ. соч.

¹² Там же.

¹³ Со схематизацией мотива дельфина, повлиявшей на форму изделия, можно связать детали некоторых пряжек и накладок других типов, например приведенных Д. Киддом [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 57,10,11]. Вероятно, в это ряд

можно поставить и другие изделия (см., например: [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 56,3,4, 57,2,8]). Им же даны и некоторые примеры, свидетельствующие о популярности мотива дельфина в оформлении деталей ремennых гарнитур интересующего нас времени [Pekarskaja, Kidd, 1994, Taf. 57,5,14].

¹⁴ Этот свод был подготовлен до 1979 г. (вместе со сводом о пряжках) и для публикации 2000 г., видимо, не перерабатывался.

¹⁵ Иногда шляпка шпенька, крепящего накладку, или отверстие, связанное со шпеньком, образует как бы пятую «точку» орнаментальной композиции (например, рис. 6,3–5, 18, 19, 30), однако представляется очевидным, что «идеальная модель» этой композиции подразумевает четыре отверстия или их имитации. Есть случаи, когда поверхность накладки не прямая, а чуть выпуклая (например, рис. 6,16), что тоже можно рассматривать в рамках единичных отклонений от «идеальной модели».

¹⁶ Понятно, что решающим аргументом в подобных случаях является выделение зоны, где сформировался рассматриваемый тип вещей или другое явление, что должно подтверждаться датировкой ряда комплексов. Такой метод работы с джетыасарскими материалами существенно затруднен тем, что они опубликованы не по комплексам. Однако там, где сочетание находок удается проследить, джетыасарская ремennая гарнитура не может датироваться раньше аналогичной восточноевропейской. Отмечу и то, что сторонники джетыасарских миграций оперируют отдельными типами вещей, оставляя без внимания комплексы построек, погребальных обрядов, керамики – важнейшие показатели культуры.

¹⁷ Находка из Финляндии (рис. 7,1) не противоречит сказанному, так как связи этого региона с Камским, в том числе в интересующее нас время, документированы рядом находок, которые многократно обсуждались, начиная с первых обзорных публикаций этих материалов (см., например: [Kivikoski, 1973, S. 82]).

¹⁸ Гавритухин И. О. Указ. соч.

¹⁹ Ближайшие аналогии этой накладке из могилы 4 в Кудыргэ известны мне в погребении 25 могильника Ундрих в Рязанском Поочье (см. примеч. 29). Показательно, что в этих комплексах есть и другие однотипные вещи.

²⁰ Гавритухин И. О. Указ. соч.

²¹ Там же.

²² А.В. Гадло [1979, с. 98–99] настаивает на глубокой конфронтации тюрков и алан, считая, что за убийство аланами первого посла тюрков в Византию последовало отмщение, которое имел

в виду Тюрксанф в 576 году. Однако по тексту источника (Менандра) не ясно, относится ли упоминание о наказании за сопротивление тюркам к аланам и утигурам или только к последним. Показательно, что о гибели тюркских послов (об этом сказано у Феофилакта Симокатты в контексте претензий византийцев к Сасанидскому Ирану) Менандр, подробно описавший ранний этап тюркско-византийских взаимоотношений, не упоминает. По-видимому, тюрки понимали, что к этому убийству имеет отношение лишь некая группа алан (вероятно, лишь один из кланов), подкупленная агентами Сасанидов, а аланские правители, с которыми взаимодействовали тюрки, в этом не виновны.

²³ Здесь представлены лишь те вещи из этого поступления, которые имеют отношение к теме данной статьи.

²⁴ Язычок и разновеликие вставки (рис. 10,27–29), скорее всего, принадлежали пряжке ши-

повского круга (например, как на рис. 9Б,17), корпус которой был тонким и не сохранился.

²⁵ В частности, возможно, появятся основания, чтобы реконструировать ряд предметов, явно стилистически связанных с интересующими нас, но дошедших до нас с сильными утратами (например, рис. 9Б,8,9, 10,31).

²⁶ В подписи к рисунку неверно указана позиция: «3В,9».

²⁷ Гончаров С. А., Чижова А. А. Указ. соч.

²⁸ В подписи к рисунку в этой публикации опечатка – неверно указан комплекс: «2126/1905».

²⁹ Ряд находок из Окско-Сурского региона учтен по своду, который я и И.Р. Ахмедов, привлекая других коллег, начали готовить еще в 1990-х гг. [Гавритухин, Иванов, 1999, с. 105, примеч. 5]. По ряду причин эта работа долгое время сдвигалась по срокам и до настоящего времени не доведена до готовности к публикации.

³⁰ Гавритухин И. О. Указ. соч.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. I. С. 3–87, 175–241.
- Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь : Дар. 352 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2014. Могильник у села Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 годов. Боспорские исследования. Supplementum 14. Киев : Майстер Книг. 400 с.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь : Антиква. 368 с.
- Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М. : Наука. 134 с.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М. : Науч. мир. 252 с.
- Ахмедов И. Р., Гаврилов А. П., 2017. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов // *Stratum plus*. № 5. С. 17–39.
- Багаев М. Х., 2008. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М. : Наука. 455 с.
- Байпаков К. М., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., 2005. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы : БАУР. 236 с.
- Бисембаев А. А., 2010. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актюбе : ИП Жандилов С. Т. 248 с.
- Бодянский А. В., 1960. Археологические находки в Днепровском надпорожье // *Советская археология*. № 1. С. 274–277.
- Веймарн Е. В., 1963. Могильник біля висоти «Сахана Голівка» // *Археологічні пам'ятки УРСР*. Т. XIII. Київ : Видавництво АН УРСР. С. 42–63.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И., 1993. Скалистинский могильник. Киев : Наукова думка. 204 с.
- Велков К., 2009. Гробове от ранновизантийски некропол (VI – началото на VII в.) край град Карнобат // *Спасителни археологически проучвания по трасето на АМ «Тракия», ЛОТ 5, обходен път на град Карнобат, км 6+400 – 6+800*. Варна : Зограф. С. 152–158.
- Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии // *Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа*. Грозный : Чечено-Ингуш. гос. ун-т. С. 63–86.

- Воронов Ю. Н., 2003. Могилы апсилов. Итоги исследования некрополя Цибилуума в 1977–1986 годах. Пушкино : ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.
- Вязов Л. А., Гришаков В. В., Мясников Н. С., 2016. Особенности керамических комплексов памятников Среднего Посурья эпохи великого переселения народов // Вояджер: мир и человек. № 6. С. 66–111.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. : Таус. 468 с.
- Гаврилова А. А., 1965. Могильник *Кудыргэ* как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука. 144 с.
- Гавритухин И. О., 1994. Пряжки с коробчатой петлей // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. С. 201–214.
- Гавритухин И. О., 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара : СОИКМ. С. 115–133.
- Гавритухин И. О., 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе со щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Archaeologia Permica. Вып. 1. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. С. 160–209.
- Гавритухин И. О., 2001а. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Самара : СОИКМ. С. 31–86.
- Гавритухин И. О., 2001б. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В. Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М. : ИА РАН. С. 40–49, 146–148.
- Гавритухин И. О., 2001в. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 2. Хазарское время. Донецк : ДонГУ. С. 45–162.
- Гавритухин И. О., 2002. Фибулы и ременные гарнитур из цистерны П-1967 г. в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. С. 217–228.
- Гавритухин И. О., 2005. Хронология эпохи становления хазарского каганата // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. Иерусалим : Гершаим ; М. : Мосты культуры. С. 378–426.
- Гавритухин И. О., 2010а. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле» : ИА РАН. С. 49–68.
- Гавритухин И. О., 2010б. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир. Вып. 13. М. : ИА РАН. С. 35–89.
- Гавритухин И. О., 2022. Глава 6. Детали ременных гарнитур «геральдического» стиля // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья. Раннеславянский мир. Вып. 21. М. ; СПб. : Нестор-История. С. 95–121, 443–454, 540.
- Гавритухин И. О., Астафьев А. Е., Богданов Е. С., 2019. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // Поволжская археология. № 3 (29). С. 170–189.
- Гавритухин И. О., Иванов А. Г., 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Archaeologia Permica. Вып. 1. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН. С. 99–159.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир. Вып. 3. М. : ИА РАН. 295 с.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., Торгоев А. И., 2022. Приложение 1. Антропоморфные амулеты-фигурки из Стаево на фоне находок из Евразии // Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII вв.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья. Раннеславянский мир. Вып. 21. М. ; СПб. : Нестор-История. С. 170–226, 487–509, 542.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В., 2003. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М. : Наука. С. 186–200, 239–245.
- Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа (IV–X вв.). Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 216 с.
- Генинг В. Ф., 1977. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI–VII в. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : Изд-во БФ ИИЯЛ АН СССР. С. 90–135.

- Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., Голдина Е. В., 2018. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19. Ижевск : Удмурт. гос. ун-т. 720 с.
- Голофаст Л. А., 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. С. 96–260.
- Голофаст Л. А., 2002. Штампы на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. С. 135–216.
- Голофаст Л. А., Рыжов С. Г., 2013. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. С. 49–161.
- Горбунов В. С., 1984. Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа : Ин-т истории, яз. и лит. Башк. фил. АН СССР. С. 55–60.
- Горбунова Т. Г., 2010. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул : Азбука. 136 с.
- Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В., 2009. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул : Азбука. 144 с.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XXIV. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. С. 40–216.
- Даскалов М., 2012. Колани и коланни украси от VI–VII век (от днешна България и съседните земи). София : [б. и.]. 288 с.
- Жданович О. П., 2014. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. № 2 (4). С. 6–20.
- Казаков Е. П., 2021. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник. Археология евразийских степей. Вып. 26. Казань : Фэн. 144 с.
- Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О., 2021. Священная Кедровая Роща: формирование и развитие религии салымских хантов в VI–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут : Изд. группа АНО «Ин-т археологии Севера». 170 с.
- Кляшторный С. Г., 2010. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. Orientalia. СПб. : Петербург. востоковедение. 328 с.
- Ковалевская В. Б., 1990. Традиции прорезных поясов в памятниках кудыргинского типа // Краткие сообщения института археологии. Вып. 199. С. 37–46.
- Ковалевская В. Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М. : Фонд археологии. 193 с.
- Ковалевская В. Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Пушино : ОНТИ ПНЦ РАН. 364 с.
- Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М. ; Пушино : ОНТИ ПНЦ РАН. 398 с.
- Комар А. В., 2006. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 7–244.
- Комар А. В., 2010. Детали обуви восточноевропейских кочевников VI–VII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апр. 2006 г.). СПб. : Нестор-История. С. 94–115.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С., 2006. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Причерноморья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 245–374.
- Корзухина Г. Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V. С. 352–435.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2023. Новые исследования Беспланского курганного катакомбного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 258–288.
- Король Г. Г., 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат. 332 с.

- Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа. МИА. № 106. М. : Изд-во АН СССР. 134 с.
- Левина Л. М., 1994. Джетыясарская культура. Ч. 3–4. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. М. : ИЭА РАН. 312 с.
- Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М. : Вост. лит. 396 с.
- Лещинская Н. А., 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та. С. 88–127.
- Магомедов М. Г., 1983. Образование Хазарского каганата : По материалам археологических исследований и письменным данным. М. : Наука. 225 с.
- Мажитов Н. А., 1958. Отчет младшего научного сотрудника Мажитова Н.А. об археологических работах в зоне строительства Черниковского нефтеперерабатывающего завода г. Уфы в 1957 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 1639.
- Мажитов Н. А., 1959. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа : Изд-во ИИЯЛБФ АН СССР. С. 114–142.
- Мажитов Н. А., 1974. Научный отчет о раскопках I и II Бекешевских курганов в Башкирской АССР в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5007.
- Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука. 162 с.
- Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М. : ИА РАН. 149 с.
- Малашев В. Ю., Кадзаева З. П., 2021. Сильнопрофилированные фибулы середины III–IV в. н.э. // Российская археология. № 2. С. 54–72.
- Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М. : ИА РАН : Таус. 500 с.
- Менандр Византиец, 2003 // Византийские историки : Дескип, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Нонно и Феофан Византиец. Рязань : Александрия. С. 229–335
- Минаева Т. М., 1951. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. МИА. № 23. М.; Л. : Изд-во АН СССР. С. 273–301.
- Мищенко О. П., 2001. К вопросу о происхождении, хронологии и сакральном значении медных и бронзовых изделий со святилищ в Среднем Зауралье // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации. Вып. 4. С. 140–150.
- Могильников В. А., 1969. Отчет о работах Иртышского отряда в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 400.
- Никитина Т. Б., 1999. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола : МарНИИ. 160 с.
- Останина Т. И., 2002. Кузбаевское городище. IV–V, VII вв. Ижевск : Изд. дом «Удмурт. ун-т». 112 с.
- Останина Т. И., Канунникова О. М., Степанов В. П., Никитин А. Б., 2011. Кузбаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск : Удмуртия. 218 с.
- Пашковский могильник, 2016. Т. 1. М. : ИА РАН ; СПб. : Нестор-История. 280 с.
- Петербургский И. М., 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск : Красный Октябрь. 408 с.
- Поповић И., 1997. Златни аварски појас из околине Сирмијума. Београд : Култура. 96 с.
- Ранисавльев А., 2007. Раносредневековна некропола код Мокрина. Београд : Српско археолошко друштво. 139 с.
- Родинкова В. Е., 2020. Культурные связи населения Суджанского региона в эпоху Великого переселения народов // *Stratum plus*. № 5. С. 99–114.
- Русланова Р. Р., Русланов Е. В., 2022. Бирский и Кушнаренковский могильники эпохи раннего средневековья в свете новых полевых исследований // *Поволжская археология*. № 2 (40). С. 42–55.
- Сазонов А. А., 2009. Раннесредневековое захоронение с геральдическими бляшками могильника «Городской-3» // Пятнадцатые чтения по археологии Средней Кубани. Армавир : Армав. гос. пед. ун-т. С. 26–30.
- Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы русской земли. М. : Синод. тип. 276 с.
- Семенов В. А., 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск : УдНИИ истории, яз. и лит. С. 3–50.

- Семенов В. А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск : НИИ при Совете министров Удмурт. АССР. С. 5–135.
- Семенов В. А., Корепанов К. И., 1972. Отчет о работе Удмуртской археологической экспедиции в 1971 г. Ижевск // Архив УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. № 149.
- Сериков Ю. Б., 2005. Святилище на вершине горы Голый Камень. Нижний Тагил : НТГСПА. 79 с.
- Скиба А. В., 2016. Поясні набори слов'ян: геральдичний стиль. Київ : Інститут археології НАН України. 236 с.
- Трайкова Л. А., 2017. Коланът южно от Долен Дунав края на III – началото VII в. Диссертации. Т. 10. София : Национален археологически институт с музей БАН. 556 с.
- Троицкая Т. Н., Бородовский. А. П., 1990. Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье: к вопросу об этнокультурных контактах и идеологии // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск : Наука. С. 149–162.
- Троицкая Т. Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 152 с.
- Ушаков С. В., Филиппенко А. А., 2005. Могильник Карши-Баир в юго-западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев ; Судак : Академперіодика. С. 555–564.
- Флёрв В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М. : Полимеда. 164 с.
- Фурасев А. Г., 2010. Эволюция двупластинчатых фибул Крыма в V–VII вв. н.э. // Российская археология. № 4. С. 66–77.
- Хайнрих А., 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского естественно-исторического музея) // Аланы: история и культура. Т. III. Владикавказ : Сев.-осет. ин-т гуманитар. исслед. С. 184–258.
- Хайрединова Э. А., 2003. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии Вып. X. С. 125–160.
- Хайрединова Э. А., 2016. Ожерелья с крестами последней четверти VI–VII вв. из некрополя Эски-Кермена // Владимирский сборник : материалы Междунар. науч. конф. «I и II Свято-Владимирские чтения». Калининград : РОС-ДООАФК. С. 280–299.
- Чиндина Л. А., 1977. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та. 192 с.
- Шестопалова Э. Ю., 2018. Древний Дагом : (По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI – VIII вв.). Владикавказ : ИПЦ ИП Цопанова А.Ю. 352 с.
- Шитов В. Н., 1988. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Саранск : Морд. кн. изд-во. С. 23–70.
- Bálint Cs., 1992. Der Gurtel im frumittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Uč Tepe (Sowj. Azerbajdžan) // Awarenessforschungen. Bd. 1. Studien zur Archäologie der Awaren 4. Wien : Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien. S. 309–496.
- Balogh Cs., 2004. Martinovka-típusú övgarnitúra Kecelről. A Kárpát-medencei maszkosveretek tipokronológiája – Gürtelgarnitur des Typs Martinovka von Kecel. Die Typochronologie der Maskenbeschläge des Karpatenbeckens // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve : Studia archaeologica X. P. 241–303.
- Belinskij A. B., Härke H., 2018. Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus) : Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery. Archäologie in Eurasien. Bd. 36. Bonn : Habelt Verlag. 416 p., 7 pl.
- Buzhilova A. P., Dobrovolskaya M. V., Mednikova M. B., Bogatenkov D. V., Lebedinskaya G. V., 2018. The Human Bones from Klin-Yar III and IV // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus) : Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery. Archäologie in Eurasien. Bd. 36. Bonn : Habelt Verlag. P. 134–183.
- Custurea G. Gh., 2019. Circulația monedei bizantine on Dobrogea (sec. VI–VIII) – Circulation of Byzantine Currency in Dobrudja (6th–8th c. AD). Constanța : Ex Ponto. 258 p.
- Dobos A., Operanu C. H., 2012. Migration Period and Early Medieval Cemeteries at Fântânele (Bistrița-Năsăud country). Cluj-Napoca : Mega Publishing House. 160 p.
- Fettich N., 1937. A honfoglaló magyarság féművessége – Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Archaeologia Hungarica. Vol. XXI. Budapest : Magyar Történeti Múzeum. 303 S.

- Gavritukhin I., 2018. Belt Sets from Alanic Graves : Chronology and Cultural Links // Belinskij A. B., Härke H. Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery. Archäologie in Eurasien. Bd. 36. Bonn : Habelt Verlag. P. 49–96, 217–236, 241–244, 246–247, 255, 258–259, 262, 272, 278–279, 281–283, 289, 292–294, 297–299, 301, 308, 310–314, 316–317, 321–324, 334, 340, 357–359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki : Finnische Altertumsgesellschaft : Weilin & Göös. 150 S., 147 Taf.
- Shulze-Dörrlamm M., 2002. Byzantinische gürtelschnallen und gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum I. Die Schnallen ohne Beschlag, mit laschen Beschlag und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts. Kataloge RGZM. Bd. 30-1. Mainz : Verlag des RGZM ; Bonn : dr. Rudolf Habelt GMBH. 262 S.
- Pekarskaja L. V., Kidd D., 1994. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraina) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck : Wagner. 175 S.
- Tartari F., 1984. Një varrezë e mesjetës së hershme në Durrës – Un cimetière du haut Moyen-Âge à Durrës // Iliria. Vol. 14-1. P. 227–250.

REFERENCES

- Aybabin A.I., 1990. Khronologiya mogilnikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Burial Grounds of the Crimea of Late Roman and Early Medieval Periods]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. I, pp. 3-87, 175-241.
- Aybabin A.I., 1999. *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma* [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]. Simferopol, Dar Publ. 352 p.
- Aibabin A.I., Khairedinova E.A., 2014. *Mogilnik u sela Luchistoye. Tom II. Raskopki 1984, 1986, 1991, 1993–1995 godov* [Cemetery near the Village of Luchistoye. Vol. II. Excavations of 1984, 1986, 1991, 1993–1995]. Bosporskiye Issledovaniya. Supplementum 14. Kyiv, Mayster Knig Publ. 400 p.
- Aybabin A.I., Khairedinova E.A., 2017. *Krymskiye goty strany Dori (seredina III – VII v.)* [Crimean Goths in the Region of Dory (Mid-Third to Seventh Century)]. Simferopol, Antikva Publ. 368 p.
- Ambroz A.K., 1989. *Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv.* [Chronology of Antiquities of the 5th – 7th Centuries from the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ. 134 p.
- Afanasyev G. Ye., Runich A.P., 2001. *Mokraya Balka. Vyp. 1. Dnevnik raskopok* [Mokraya Balka Cemetery. Iss. 1. Journal of Excavations]. Moscow, Nauch. mir Publ. 252 p.
- Akhmedov I.R., Gavrilov A.P., 2017. Nakhodki matrits dlya izgotovleniya detaley geraldicheskikh poyasov v drevnostyakh ryazano-okskikh finnov [The Findings of Matrices for the Fabrication of Pars “Heraldic” Belts in the Antiquities of the Ryazan-Oka Finns]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 17-39.
- Bagayev M.Kh., 2008. *Kultura gornoy Chechni i Dagestana v drevnosti i srednevekovye. VI v. do n.e. – XII v. n.e.* [The Culture of Mountainous Chechnya and Dagestan in the Antiquity and the Middle Ages. 6th Century BC – 12th Century AD]. Moscow, Nauka Publ. 455 p.
- Baypakov K.M., Smagulov Ye.A., Yerzhigitova A.A., 2005. *Rannesrednevekovyye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana* [Early Medieval Burial Sites of South Kazakhstan]. Almaty, BAUR Publ. 236 p.
- Bisembayev A.A., 2010. *Kochevniki srednevekovaya Zapadnogo Kazakhstana* [Middle Ages Nomads of the Western Kazakhstan]. Aktobe, IP Zhandilov S. T. 248 p.
- Bodyanskiy A.V., 1960. Arkheologicheskiye nakhodki v Dneprovskom nadporozhye [Archaeological Finds in the Dnieper Rapids Area]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 274-277.
- Veymarn Ye.V., 1963. Mogilnik bilya visoti «Sakhana Golivka» [Burial Ground at the Elevation “Sakhana Golivka”]. *Arkheologichni pam'yatki URSR* [Archaeological Monuments of the URSR], vol. XIII. Kyiv, AS Ukrainian SSR, pp. 42-63.
- Veymarn Ye.V., Aibabin A.I., 1993. *Skalistinskiy mogilnik* [Burial Ground Skalistoe]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 204 p.
- Velkov K., 2009. Grobove ot rannovizantiyski nekropol (VI – nachaloto na VII v.) kray grad Karnobat [Graves from the Early Byzantine Necropolis (6th – Early 7th Century) Near the Town of Karnobat]. *Spasitelni*

- arkheologicheski prouchvaniya po traseto na AM «TrakiYA», LOT 5, obkhoden pt na grad Karnobat, km 6+400 – 6+800* [Rescue Archaeological Research Along the Route of AM “Trakia”, LOT 5, Karnobat City Bypass, km 6+400 - 6+800]. Varna, Zograf Publ., pp. 152-158.
- Vinogradov V.B., Mamayev Kh.M., 1979. Nekotoryye voprosy rannesrednevekovoy istorii i kultury naseleniya Checheno-Ingushetii [Some Issues of the Early Medieval History and Culture of the Population of Chechen-Ingushetia]. *Arkheologiya i voprosy etnicheskoy istorii Severnogo Kavkaz* [Archeology and Issues of Ethnic History of the North Caucasus]. Groznyy, CheSU, pp. 63-86.
- Voronov Yu.N., 2003. *Mogily apsilov. Itogi issledovaniya nekropolya Tsibiliyuma v 1977–1986 godakh* [The Graves of the Apsils. The Results of the Investigation of the Cibilium Necropolis in 1977–1986]. Pushchino, ONTIPNTS RAS. 348 p.
- Vyazov L.A., Grishakov V.V., Myasnikov N.S., 2016. Osobennosti keramicheskikh kompleksov pamyatnikov Srednego Posurya epokhi velikogo pereseleniya narodov [Features of Ceramic Complexes from the Middle Sura Region in the Period of Great Migration]. *Voyadzh: mir i chelovek* [Voyager: World and Man], no. 6, pp. 66-111.
- Gabuyev T.A., Malashev V.Yu., 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alan Sites of the Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, Taus Publ. 468 p.
- Gavrilova A.A., 1965. *Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altayskikh plemen* [Kudyrge Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 144 p.
- Gavritukhin I.O., 1994. Pryazhki s korobchatoy petley [Buckles with a Box Loop]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IV, pp. 201-214.
- Gavritukhin I.O., 1996. K izucheniyu remennykh garnitur Povolzhya VI–VII vv. [To the Study of the Belt Sets of the 6th–7th Centuries from Volga Region]. *Kultury Yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e.* [Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of the 1st Millennium AD]. Samara, Samara Regional Museum of History and Local Lore, pp. 115-133.
- Gavritukhin I.O., 1999. V-obraznyye pryazhki, izgotovlennyye vmeste so shchitovidnoy oboymoy [B-shaped Buckles with a Fixed Plate in the Form of a Shield]. *Permskiy mir v rannem srednevekovye. Archaeologia Permica.* [Perm World in the Early Middle Ages. Archaeologia Permica], iss. 1. Izhevsk, UIHLL UB RAS, pp.160-209.
- Gavritukhin I.O., 2001a. Evolyutsiya vostochnoyevropeyskikh psevdopryazhek [Evolution of Eastern European Pseudo-Buckles]. *Kultury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tys. n. e. (iz istorii kostyuma)* [Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of the 1st Millennium AD (From Costume History)]. Samara, Samara Regional Museum of History and Local Lore, pp. 31-86.
- Gavritukhin I.O., 2001b. Periodizatsiya rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny na osnove keramiki v svete izucheniya izdeliy iz metalla [Periodization of the Early Medieval Antiquities of the Kislovodsk Basin Based on Ceramics in the Light of the Study of Metalware]. Malashev V.Yu. *Keramika rannesrednevekovogo mogilnika Mokraya Balka* [Ceramics of the Early Medieval Burial Ground of Mokraya Balka]. Moscow, IA RAS, pp. 40-49, 146-148.
- Gavritukhin I.O., 2001v. Khronologiya «sredneavarskogo» perioda [Chronology of the “Middle Avar” Period]. *Stepi Yevropy v epokhu srednevekovya* [Steppes of Europe in the Middle Ages]. Trudy po arkheologii. T. 2. Khazaraskoye vremya [Works on Archeology. Vol. 2. Khazar Time]. Donetsk, DonSU, pp. 45-162.
- Gavritukhin I.O., 2002. Fibuly i remennyye garnitury iz tsisterny P-1967 g. v Khersonese [Fibulae and Belt Sets from the Cistern P-1967 in Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IX, pp. 217-228.
- Gavritukhin I.O., 2005. Khronologiya epokhi stanovleniya khazarского kaganata [The Chronology of the Epoch of the Establishment of the Khazarpan Qaganate]. *Khazary. Yevrei i slavyane* [Khazars. Jews and Slavs]. Vol. 16. Iyerusalim, Gersheim Publ., Moscow, Mosty kultury Publ., pp. 378-426.
- Gavritukhin I.O., 2010a. Nakhodka iz Suprut v kontekste vostochnoyevropeyskikh silno profilirovannykh fibul [A Finding from Supruty in the Context of Eastern European Highly Profiled Fibulae]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Yevropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples]. Conference 2, part 1. Tula, The Museums of Kulikovo Field, IA RAS, pp. 49-68.
- Gavritukhin I.O., 2010b. Vizantiyskiye podvyaznyye fibuly s S-vidnoy petley dlya osi pruzhiny. Nakhodka k severu i vostoku ot Dunaya [Byzantine Fibulae with Returned Foot and S-shaped Loop for the Spring Axis. Finds to the North and East of the Danube]. *Arkheologiya Vostochnoy Yevropy v I tysyacheletii n.e. Problemy i*

- materialy* [Archaeology of Eastern Europe in the 1st Millennium AD. Problems and Materials]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 13. Moscow, IA RAS, pp. 35-89.
- Gavritukhin I.O., 2022. Glava 6. Detali remennykh garnitur «geraldicheskogo» stilya [Chapter 6. Details of Belt Sets of “Heraldic” Style]. *Torgovo-remeslennyi kompleks u s. Stayevo v verkhovyakh r. Voronezh (konets V–VII vv.) i nekotoryye problemy arkheologii Verkhnego Podonya epokhi rannego Srednevekovya* [Trade and Craft Complex near the Village Staevo in the Upper Reaches of the River Voronezh (the End of the 5th–7th Centuries) and Some Problems of Archeology of the Upper Don Region of the Early Middle Ages]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 21. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 95-121, 443-454, 540.
- Gavritukhin I.O., Astafyev A. Ye., Bogdanov Ye.S., 2019. Fibuly s poseleniya Karakabak (poluostrov Mangyshlak) [Fibulas from Settlement Karakabak (Mangystau Peninsula)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 3 (29), pp. 170-189.
- Gavritukhin I.O., Ivanov A.G., 1999. Pogrebeniye 552 Varninskogo mogilnika i nekotoryye voprosy izucheniya rannesrednevekovykh kultur Povolzhya [Grave 552 of the Varni Burial Ground and Some Questions of the Study of Early Medieval Cultures of the Volga Region]. *Permskiy mir v rannem srednevekovye* [Perm World in the Early Middle Ages]. *Archaeologia Permica* [Archaeologia Permica], iss. 1. Izhevsk, UIHLL UB RAS, pp. 99-159.
- Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., 1996. *Gaponovskiy klad i yego kulturno-istoricheskiy kontekst* [The Gaponovo Hoard and its Cultural and Historical Context]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 3. Moscow, IA RAS. 295 p.
- Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M., Torgoyev A.I., 2022. Prilozheniye 1. Antropomorfnyye amulety-figurki iz Stayevo na fone nakhodok iz Yevrazii [Appendix 1. Anthropomorphic Amulets-Figurines from Staevo Against the Background of Findings from Eurasia]. *Torgovo-remeslennyi kompleks u s. Stayevo v verkhovyakh r. Voronezh (konets V–VII vv.) i nekotoryye problemy arkheologii Verkhnego Podonya epokhi rannego Srednevekovya* [Trade and Craft Complex near the Village Staevo in the Upper Reaches of the River Voronezh (the End of the 5th–7th Centuries) and Some Problems of Archeology of the Upper Don Region of the Early Middle Ages]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 21. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 170-226, 487-509, 542.
- Gavritukhin I.O., Pyankov A.V., 2003. Tamanskiy poluostrov i Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye. Rannesrednevekovyye drevnosti poberezhya [The Taman Peninsula and the North-Eastern Black Sea Region. Early Medieval Antiquities of the Coast]. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkazye v epokhu srednevekovya. IV-XIII veka. Arkheologiya* [Crimea, the North-Eastern Black Sea Region and Transcaucasia in the Middle Ages. IV-XIII Centuries. Archaeology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 186-200, 239-245.
- Gadlo A.V., 1979. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza (IV–X vv.)* [Ethnic History of the North Caucasus (4th–10th Centuries)]. Leningrad, Leningrad University. 216 p.
- Gening V.F., 1977. Pamyatniki u s. Kushnarenkovo na r. Beloy (VI–VII v. n.e.) [Sites Near the Village of Kushnarenkovo on the Belaya River (6th–7th Centuries AD)]. *Issledovaniya po arkheologii Yuzhnogo Urala* [Research on the Archaeology of the Southern Urals]. Ufa, BB IHLL AS RAS, pp. 90-135.
- Goldina R.D., Perevozchikova S.A., Goldina Ye.V., 2018. *Mogilnik VI–IX vv. u d. Verkh-Saya v Kungurskoy lesostepi* [The Burial Ground of the 6th–9th Centuries near the Village of Verh-Saya in the Kungur Forest-Steppe]. *Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii*, vol. 19. Izhevsk, UdsU. 720 p.
- Golofast L.A., 2001. Steklo rannevizantiyskogo Khersonesa [Glass from Early Byzantine Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. VIII, pp. 96-260.
- Golofast L.A., 2002. Shtampy na posude gruppy «Fokeyskey krasnolakovoy» iz raskopok Khersonesskogo gorodishcha [Stamps on the Phokaeon Fine Ware from the Excavations of the Chersonesos]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IX, pp. 135-216.
- Golofast L.A., Ryzhov S.G., 2013. Severnyy rayon Khersonesa v rannevizantiyskoye vremya (kvartaly X, X-A i X-B) [Northern District of Chersonesos in Early Byzantine Period (Blocks X, X-A and X-B)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. XVIII, pp. 49-161.
- Gorbulov V.S., 1984. Kurgany kushnarenkovskogo tipa v Yuzhnoy Bashkirii [Mounds of Kushnarenkovo Type in Southern Bashkiria]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the Southern Urals]. Ufa, BB IHLL AS RAS, pp. 55-60.

- Gorbunova T.G., 2010. *Rekonstruktsiya konskogo snaryazheniya srednevekovykh kochevnikov Altaya: metodika i nekotoryye rezultaty* [Reconstruction of Horse Equipment of Altai Medieval Nomads: Method and Some Results]. Barnaul, Azbuka Publ. 136 p.
- Gorbunova T.G., Tishkin A.A., Khavrin S.V., 2009. *Srednevekovyye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altaye: morfologicheskii analiz, tekhnologii izgotovleniya, sostav splavov* [Medieval Decorations of Horse Equipment in Altai: Morphological Analysis, Manufacturing Techniques, Composition of Alloys]. Barnaul, Azbuka Publ. 144 p.
- Gorodtsov V.A., 1914. Arkheologicheskiye issledovaniya v okrestnostyakh g. Muroma v 1910 godu [Archaeological investigations in the vicinity of Murom in 1910]. *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquities. Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society], vol. XXIV. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sovko, pp. 40-216.
- Daskalov M., 2012. *Kolani i kolanni ukrasi ot VI–VII vek (ot dneshna Blgariya i sosednite zemi)* [The 6th – 7th Century Belts Sets and Belts Ornaments of (Based on Artifacts from Present-Day Bulgaria and Neighboring Territories)]. Sofiya, s.n. 288 p.
- Zhdanovich O.P., 2014. Posolstvo Zemarkha v stavku tyurkskogo kagana (perevod i kommentarii fragmentov truda Menandra Protektora) [The Embassy of Zemarkh to the Residents of the Turkic Kagan (Fragmentary Translation and Commentary of the Work of Menander Protector)]. *Zolotoordynskoye obozreniye* [Golden Horde Review], no. 2 (4), pp. 6-20.
- Kazakov Ye.P., 2021. *Volgo-Kamyje v epokhu tyurkskikh kaganatov. Kniga pervaya. Kominternovskiy II mogilnik* [Volga-Kama Region in the Epoch of the Turkic Khaganates. The First Book. Burial Ground Komintern II]. *Arkheologiya yevraziyskikh stepey*, iss. 26. Kazan, Fen Publ. 144 p.
- Kardash O.V., Slesarenko I.V., Rodin S.O., 2021. *Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha: formirovaniye i razvitiye religii salymskikh khantov v VI–XX vekakh* [Svyashchennaya Kedrovaya Roshcha (Sacred Cedar Grove): Formation and Development of Salym Khanty Religion in 6th – 20th Centuries]. Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo, iss. 19. Khanty-Mansiysk, Nefteyugansk, Surgut, Autonomous non-profit organization “Institute of Archeology of the North”. 170 p.
- Klyashtornyy S.G., 2010. *Runicheskiye pamyatniki Uygurskogo kaganata i istoriya yevraziyskikh stepey* [The Runic Monuments of the Uighur Khaganate and the History of the Eurasian Steppes]. *Orientalia*. Saint Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye Publ. 328 p.
- Kovalevskaya V.B., 1990. Traditsii proreznnykh poyasov v pamyatnikakh kudyrginskogo tipa [Traditions of Belt Sets with Slits from the Sites of Kudyrge Type]. *Kratkie soobscheniya institute arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 199, pp. 37-46.
- Kovalevskaya V.B., 1995. *Arkheologicheskaya kultura – praktika, teoriya, kompyuter* [Archaeological Culture – Practice, Theory, Computer]. Moscow, Archeology Foundation. 193 p.
- Kovalevskaya V.B., 2000. *Kompyuternaya obrabotka massovogo arkheologicheskogo materiala iz rannesrednevekovykh pamyatnikov Yevrazii* [Computer Processing of Mass Archaeological Material from Early Medieval Sites of Eurasia]. Pushchino, ONTI PNTS RAS. 364 p.
- Kovalevskaya V.B., 2005. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans of the 1st thousand BC – 1st thousand AD]. Moscow, Pushchino, ONTI PNTS RAS. 398 p.
- Komar A.V., 2006. Pereshchepinskiy kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kultury kochevnikov Vostochnoy Yevropy VII – nachala VIII v. [Pereshchepina Complex in Context of Pivotal Problems of History and Culture of the Nomads of Eastern Europe (7th – Early 8th Centuries)]. *Stepi Yevropy v epokhu srednevekovya. Khazarskoye vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar time], vol. 5. Donetsk, DonNU, pp. 7-244.
- Komar A.V., 2010. Detali obuvi vostochnoyevropeyskikh kochevnikov VI–VII vv. [Fragments of the Eastern European Nomads’ Footwear, 6th – 7th Centuries AD]. *Slavyano-russkoye yuvelirnoye delo i yego istoki: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rozhdeniya Gali Fedorovny Korzukhinoy (Sankt-Peterburg, 10–16 apr. 2006 g.)* [Slavic-Russian Jewelry and its Origins. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Galya Fedorovna Korzukhina (Saint Petersburg, April 10–16, 2006)]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 94-115.
- Komar A.V., Kubyshev A.I., Orlov R.S., 2006. Pogrebeniya kochevnikov VI–VII vv. iz Severo-Zapadnogo Priazovya [Nomad Burials of the 6th–7th Centuries from North-Western Azov Riaches]. *Stepi Yevropy v epokhu srednevekovya. Khazarskoye vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar time], vol. 5. Donetsk, DonNU, pp. 245-374.

- Korzukhina G.F., 1996. Klady i sluchaynyye nakhodki veshchey kruga «drevnostey antov» v Srednem Podneprovye [Treasures and Casual Finds of Things from “Antiquities of the Antae” in the Middle Dnieper Region]. *Materialy po arkhologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. V, pp. 352-435.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., 2023. Novyye issledovaniya Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogilnika [New Research on the Beslan Kurgan Catacomb Burial Mound]. *Nizhevolzhskiy Archeologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 258-288.
- Korol G.G., 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Yevrazii. Ocherki* [The Art of Medieval Eurasian Nomads. Essays]. Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, iss. V. Moscow, Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. 332 p.
- Kuznetsov V.A., 1962. *Alanskiye plemena Severnogo Kavkaza* [Alan Tribes of the North Caucasus]. Materialy i issledovaniya po arkhologii, no. 106. Moscow, AS USSR. 134 p.
- Levina L.M., 1994. *Dzhetyasarская культура. Ch. 3–4* [Dzhetyasar Culture. Part 3–4.]. Nizovaya Syrdari v drevnosti, iss. IV. Moscow, IEARAS. 312 p.
- Levina L.M., 1996. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralya* [Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. 396 p.
- Leshchinskaya N.A., 1995. Khronologiya i periodizatsiya mogilnikov basseyna r. Vyatki (I – nachalo II tys. n. e.) [Chronology and Periodization of Burial Grounds of the Vyatka River Basin (1st – early 2nd Millennium AD)]. *Tipologiya i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoy Yevropy* [Typology and Dating of Archaeological Materials from Eastern Europe]. Izhevsk, UdSU, pp. 88-127.
- Magomedov M.G., 1983. *Obrazovaniye Khazarskogo kaganata: Po materialam arkheologicheskikh issledovaniy i pismennym dannym* [Formation of the Khazar Khaganate. Based on Archaeological Research Materials and Written Data]. Moscow, Nauka Publ. 225 p.
- Mazhitov N.A., 1958. Otchet mladshego nauchnogo sotrudnika Mazhitova N.A. ob arkheologicheskikh rabotakh v zone stroitelstva Chernikovskogo neftepererabatyvayushchego zavoda g. Ufy v 1957 godu [Report of Junior Researcher Mazhitov N.A. on Archaeological Works in the Construction Zone of the Chernikov Oil Refinery in Ufa in 1957]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 1639.
- Mazhitov N.A., 1959. Kurganny mogilnik v derevne Novo-Turbasly [Burial Mounds in Novo-Turbasly Village]. *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik* [Bashkir Archaeological Collection]. Ufa, BB IHLL AS USSR, pp. 114-142.
- Mazhitov N.A., 1974. Nauchnyy otchet o raskopkakh I i II Bekeshevskikh kurganov v Bashkirskoy ASSR v 1973 g. [Scientific Report on the Excavations of the I and II Bekeshevo Mounds in the Bashkir ASSR in 1973]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 5007.
- Mazhitov N.A., 1981. *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII–XII vv.* [Southern Ural Mounds of the 8th –12th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 162 p.
- Malashev V.Yu., 2001. *Keramika rannesrednevekovogo mogilnika Mokraya Balka* [Ceramics of the Early Medieval Burial Ground Mokraya Balka]. Moscow, IA RAS. 149 p.
- Malashev V.Yu., Kadzayeva Z.P., 2021. Silnoprofilirovannyye fibuly serediny III–IV v. n.e. [Highly Profiled Fibulae of the Middle of the 3rd – 4th Century AD]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 54-72.
- Mastykova A.V., 2009. *Zhenskiy kostyum Tsentralnogo i Zapadnogo Predkavkazy v kontse IV – seredine VI v.* [Female Costume of the Central and Western Ciscaucasia in the Late 4th – mid 6th Century AD]. Moscow, IA RAS, Taus Publ. 500 p.
- Menandr Vizantiyets [Menander the Byzantian], 2003. *Vizantiyskiye istoriki: Deskip, Evnapiy, Olimpodor, Malkh, Petr Patrityy, Menandr, Kandid, Nonnoye i Feofan Vizantiyets* [Byzantine Historians: Deskipus, Eunapius, Olympiodorus, Malchus, Peter the Patrician, Menander, Candide, Nonnoe and Theophan the Byzantine]. Ryazan, Aleksandriya Publ., pp. 229-335.
- Minayeva T.M., 1951. Arkheologicheskiye pamyatniki na r. Gilyach v verkhovyakh Kubani [Archaeological Sites on the Gilyach River in the Upper Reaches of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus]. Materialy i issledovaniya po arkhologii, no. 23. Moscow, Leningrad, AS USSR, pp. 273-301.
- Mishchenko O.P., 2001. K voprosu o proiskhozhdenii, khronologii i sakralnom znachenii mednykh i bronzovykh izdeliy so svyatilishch v Srednem Zauralye [On the Question of the Origin, Chronology and Sacred Significance

- of Copper and Bronze Products from Sanctuaries in the Middle Urals]. *Okhrannyye arkheologicheskiye issledovaniya na Srednem Urale* [Preventive Archaeological Research in the Middle Ural], iss. 4. Yekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii Publ., pp. 140-150.
- Mogilnikov V.A., 1969. Otchet o rabotakh Irtyshskogo otryada v 1969 g. [Report on Working of the Irtysh Squad in 1969]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 400.
- Nikitina T.B., 1999. *Istoriya naseleniya Mariyskogo kraya v I tys. n. e. (po materialam mogilnikov)* [The History of the Population of the Mari Region in the 1st Millennium AD (Based on the Materials of Burial Grounds)]. Yoshkar-Ola, MarSRI. 160 p.
- Ostanina T.I., 2002. *Kuzebayevskoye gorodishche. IV–V, VII vv.* [Kuzebaev Hillfort. IV–V, VII Centuries]. Izhevsk, Udmurtskiy universitet Publ. 112 p.
- Ostanina T.I., Kanunnikova O.M., Stepanov V.P., Nikitin A.B., 2011. *Kuzebayevskiy klad yuvelira VII v. kak istoricheskiy istochnik* [Kuzebaev Jeweler's Hoard of the 7th Century as a Historical Source]. Izhevsk, Udmurtiya Publ. 218 p.
- Pashkovskiy mogilnik* [Pashkovskaya Burial Ground], 2016. Vol. 1. Moscow, IA RAS, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 280 p.
- Peterburgskiy I.M., 2011. *Materialnaya i dukhovnaya kultura mordvy v VII–X vv.* [The Material and Spiritual Culture of the Mordva in the 7th – 10th Centuries]. Saransk, Krasnyy Oktyabr Publ. 408 p.
- Popovich I., 1997. *Zlatni avarski pojas iz okoline Sirmijuma* [Golden Avarian Belt from the Vicinity of Sirmium]. Beograd, Kultura Publ. 96 p.
- Ranisavljev A., 2007. *Ranosrednjovekovna nekropola kod Mokrina* [Early Medieval Burial Ground near Mokrin]. Beograd, Srpsko arkeolosko drushtvo. 139 p.
- Rodinkova V.Ye., 2020. Kulturnyye svyazi naseleniya Sudzhanskogo regiona v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Cultural Connections of the Sudzha Region Population in the Migration Period]. *Stratum plus*, no. 5, pp. 99-114.
- Ruslanova R.R., Ruslanov Ye.V., 2022. Birskiy i Kushnarenkovskiy mogilniki epokhi rannego srednevekovya v svete novykh polevykh issledovaniy [Birsk and Kushnarenkovo burial grounds of the Early Middle Ages in the light of new field research]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (40), pp. 42-55.
- Sazonov A.A., 2009. Rannesrednevekovoye zakhroneniye s geraldicheskimi blyashkami mogilnika «Gorodskoy-3» [The Early Medieval Burial with Heraldic Belt Mounts from Burial Ground “Gorodskoy-3”]. *Pyatnadsatyye chteniya po arkheologii Sredney Kubani* [Fifteenth Readings on the Archeology of the Middle Kuban]. Armavir, ASPU, pp. 26-30.
- Samokvasov D.Ya., 1908. *Mogily russkoy zemli* [Graves of the Russian Land]. Moscow, Sinodalnaya Tipografiya. 276 p.
- Semenov V. A., 1976. Petropavlovskiy mogilnik [Petropavlovskaya Burial Ground]. *Voprosy arkheologii Udmurtii* [Issues of Archeology of Udmurtia]. Izhevsk, UdSRI History, Language and Literature, pp. 3-50.
- Semenov V.A., 1980. Varninskiy mogilnik [Varni Burial Ground]. *Novyy pamyatnik polomskoy kultury* [New Monument of Polom Culture]. Izhevsk, Research Institute under the Council of Ministers of the Udmurt ASSR, pp. 5-135.
- Semenov V.A., Korepanov K.I., 1972. Otchet o rabote Udmurtskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1971 g. [Report on the Working of the Udmurtia Archaeological Expedition in 1971]. *Arkhiv UIIYAL URO RAN*, RF, op. 2-N, no. 149.
- Serikov Yu.B., 2005. *Svyatilishche na vershine gory Golyy Kamen* [The Sanctuary on the Top of the Golyy Kamen (Bare Stone) Mountain]. Nizhniy Tagil, NTGSPA. 79 p.
- Skiba A. V., 2016. *Poyasni nabori slov'yan: geraldichniy stil* [Belt Sets of Slavs: Heraldic Style]. Kyiv, Institute of Archaeology NAS of Ukraine. 236 p.
- Traykova L.A., 2017. *Kolant yuzhno ot Dolen Dunav kraya na III – nachaloto VII v. Dissertatsii* [The Belt South of the Lower Danube – the End of the 3rd – Beginning of the 7th Centuries. Dissertations], vol. 10. Sofiya, Natsionalen arkheologicheski institut s muzey BAN. 556 p.
- Troitskaya T.N., Borodovskiy A.P., 1990. Pogrebeniya mladentsev v kurganakh VII v. n.e. v Novosibirskom Priobye: k voprosu ob etnokulturnykh kontaktakh i ideologii [Burials of Infants in Burial Mounds of the 7th Century AD in the Novosibirsk Part of Ob Region: on the Issue of Ethno-Cultural Contacts and Ideology].

- Mirovozzreniye finno-ugorskikh narodov* [Worldview of the Finno-Ugric Peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 149-162.
- Troitskaya T.N., Novikov A.V., 1998. *Verkhneobskaya kultura v Novosibirskom Priobye* [Verkhneobskaya (Upper Ob) Culture in the Novosibirsk Part of Ob Region]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 152 p.
- Ushakov S.V., Filippenko A.A., 2005. Mogilnik Karshi-Bair v yugo-zapadnom Krymu. Pogrebalnyy inventar (izdeliya iz metalla) [Karshi-Bair Burial Ground in the South-Western Crimea. Funeral Equipment (Metalware)]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdea Collection], iss. II. Kyiv, Sudak, Akadempriodika Publ., pp. 555-564.
- Flerov V.S., 2000. *Alany Tsentralnogo Predkavkazy V–VIII vv.: obryad obezvrezhivaniya pogrebennykh* [Alans of the Central Caucasus Foothills in the 5th–8th Centuries: Prophylactic Rite Directed Against the Dead]. Moscow, Polimedia Publ. 164 p.
- Furasyev A.G., 2010. Evolyutsiya dvuplastinchatykh fibul Kryma v V–VII vv. n.e. [Evolution of Two-Plate Fibulae of the Crimea in the 5th–7th Centuries AD]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 66-77.
- Heinrich A., 1995. Rannesrednevekovyye katakombnyye mogilniki u seleniy Chmi i Koban (po materialam Venskogo Yestestvenno-Istoricheskogo muzeya) [Early Medieval Catacomb Burial Grounds near Chmi and Koban Villages (Based on the Materials of the Natural History Museum Vienna)]. *Alany: istoriya i kultura* [Alans: History and Culture], vol. III. Vladikavkaz, SOIHR, pp. 184-258.
- Khayredinova E.A., 2003. Obuvnyye nabory V–VII vv. iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Footwear Sets Dating Back to the 5th–7th Centuries in the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnographii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. X, pp. 125-160.
- Khayredinova E. A., 2016. Ozherelya s krestami posledney chetverti VI–VII vv. iz nekropolya Eski-Kermena [Necklaces with Crosses of the Last Quarter of the 6th–7th Centuries from the Necropolis of Eski-Kermen]. *Vladimirskiy sbornik: materialy Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiy «I i II Svyato-Vladimirskiy chteniya»* [Vladimir Collection: Materials of the International Scientific Conferences “I and II St. Vladimir Readings”]. Kaliningrad, ROS-DOAFK Publ., pp. 280-299.
- Chindina L.A., 1977. *Mogilnik Relka na Sredney Obi* [Relka Burial Ground on the Middle Ob]. Tomsk, TSU. 192 p.
- Shestopalova E. Yu., 2018. *Drevniy Dagom (Po materialam arkheologicheskikh raskopok Dagomskogo katakombnogo mogilnika VI–VIII vv.)* [Ancient Dagom (Based on the Materials of Archaeological Excavations of the Dagom Catacomb Burial Ground of the 6th–8th Centuries)]. Vladikavkaz, IPTS IP Tsopanova A. Yu. Publ. 352 p.
- Shitov V.N., 1988. Starokadomskiy mogilnik [Staryy Kadom Burial Ground]. *Materialy po arkheologii Mordovii* [Materials on the Archeology of Mordovia]. Saransk, Mordovskoye kn. izd-vo, pp. 23-70.
- Bálint Cs., 1992. Der Gurtel im frumittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Uç Tepe (Sowj. Azerbajdzhan). *Awarenforschungen*. Bd. 1. Studien zur Archäologie der Awaren 4. Wien, Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität Wien, S. 309-496.
- Balogh Cs., 2004. Martinovka-típusú övgarnitúra Kecelről. A Kárpát-medencei maszkosveretek tipokronológiája - Gürtelgarnitur des Typs Martinovka von Kecel. Die Typochronologie der Maskenbeschlüge des Karpatenbeckens. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve: Studia archaeologica X*, pp. 241-303.
- Belinskij A.B., Härke H., 2018. *Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery*. Archäologie in Eurasien, Bd. 36. Bonn, Habelt Verlag. 416 p., 7 pl.
- Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V., 2018. The Human Bones from Klin-Yar III and IV. Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early Medieval Cemetery*. Archäologie in Eurasien, Bd. 36. Bonn, Habelt Verlag, pp. 134-183.
- Custurea G.Gh., 2019. *Circulația monedei bizantine on Dobrogea (sec. VI–VIII) – Circulation of Byzantine Currency in Dobruđa (6th–8th c. AD)*. Constanța, Ex Ponto. 258 p.
- Dobos A., Operanu C.H., 2012. *Migration Period and Early Medieval Cemeteries at Fântânele (Bistrița-Năsăud country)*. Cluj-Napoca, Mega Publishing House. 160 p.
- Fettich N., 1937. *A honfoglaló magyarság fémművészége – Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn*. Archaeologia Hungarica, vol. XXI. Budapest, Magyar Történeti Múzeum. 303 S.
- Gavritukhin I., 2018. Belt Sets from Alanic Graves: Chronology and Cultural Links. Belinskij A.B., Härke H. *Ritual, Society and Population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to Early*

Medieval Cemetery. Archäologie in Eurasien, Bd. 36. Bonn, Habelt Verlag. pp. 49-96, 217-236, 241-244, 246-247, 255, 258-259, 262, 272, 278-279, 281-283, 289, 292-294, 297-299, 301, 308, 310-314, 316-317, 321-324, 334, 340, 357-359, 371, 376, 378, 382, 387, 392, 394, 399, 401, 403, 407, 409, 412, pl. 5.

Kivikoski E., 1973. *Die Eisenzeit Finnlands*. Helsinki, Finnische Altertumsgesellschaft, Weilin & Göös. 150 S., 147 Taf.

Shulze-Dörrlamm M., 2002. *Byzantinische gürtelschnallen und gürtelbeschlage im Römisch-Germanischen Zentralmuseum I. Die Schnallen ohne Beschlag, mit laschen Beschlag und mit festem Beschlag des 5. bis 7. Jahrhunderts*. Kataloge RGZM, Bd. 30-1. Mainz, Verlag des RGZM, Bonn, dr. Rudolf Habelt GMBH. 262 S.

Pekarskaja L.V., Kidd D., 1994. *Der Silberschatz von Martynovka (Ukraina) aus dem 6. und 7. Jahrhundert*. Innsbruck, Wagner. 175 S.

Tartari F., 1984. Një varrezë e mesjetës së hershme në Durrës – Un cimetière du haut Moyen-Âge à Durrës. *Iliria*, vol. 14-1, pp. 227-250.

Information About the Author

Igor O. Gavritukhin, Senior Researcher, Department of Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, gavritukhin@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2209-0644>

Информация об авторе

Игорь Олегович Гавритухин, старший научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, gavritukhin@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2209-0644>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.11>

UDC 903.222
LBC 63.44

Submitted: 29.03.2022
Accepted: 28.02.2023

EXTRAORDINARY BURIAL OF THE GREAT MIGRATION PERIOD FROM KARBAN-I NECROPOLIS (NORTHERN ALTAI)¹

Nikolai N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Mikhail A. Demin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Sergey S. Matrenin

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of the materials study from kurgan 11 of the Karban-I site, excavated in 1989 by the expedition of the Barnaul State Pedagogical Institute. This archaeological complex is located on the left bank of the Katun river, 1.7 km northwest of the Kuyus village of Chermal district of the Altai Republic. The key characteristics of the fixed structures (mound with an oval-shaped crepe-laying; a shallow grave pit, a burial chamber in the form of a stone box) and the method of inhumation (single position of the corpse on the back; orientation of the deceased with his head to the western sector of the horizon; the absence of an accompanying burial of a horse) indicate that that this object belongs to the Karban tradition of ritual practice of the population of Altai of the 2nd century BC – 5th century AD. Analysis of the discovered inventory (horn onlays for a bow, combat knife, typesetting belt, bone arrowheads, awl, pendants and braids made of non-ferrous metal, beads) and its comparison with materials from synchronous complexes in adjacent territories became the basis for determining the chronology of the burial within the Early Xianbei period (2nd – early 3rd centuries AD). It was established that the set of objects included items that were typical for both female and male “standard” rite of the Altai nomads of this period. It is concluded that the buried individual, most likely a male, was a representative of the prosperous stratum of the ordinary population. Judging by the availability of means of long-range and close combat including numerous equipment, he was part of a group of professional warriors. At the same time, the deceased during his lifetime occupied a rather high position in a small group of pastoralists who left the Karban-I necropolis.

Key words: Altai, Bulan-Koby culture, Xianbei period, funeral rite, ware complex, chronology.

Citation. Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S., 2023. Svoeobraznoe pogrebenie Epohi Velikogo Pereseleniya narodov nekropolya Karban-I (Severnyy Altay) [Extraordinary Burial of the Great Migration Period from Karban-I Necropolis (Northern Altai)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 203-221. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.11>

УДК 903.222
ББК 63.44

Дата поступления статьи: 29.03.2022
Дата принятия статьи: 28.02.2023

СВОЕОБРАЗНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НЕКРОПОЛЯ КАРБАН-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)¹

Николай Николаевич Серегин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Михаил Александрович Демин

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Сергей Сергеевич Матренин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты изучения материалов кургана 11 памятника Карбан-I, раскопанного в 1989 г. экспедицией Барнаульского государственного педагогического института. Данный археологический комплекс расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс Чемальского района Республики Алтай. Ключевые характеристики зафиксированных конструкций (насыпь с выкладкой-крепидой овальной формы; неглубокая могильная яма, погребальная камера в виде каменного ящика) и способа ингумации (одиночное труположение на спине; ориентировка умершего головой в западный сектор горизонта; отсутствие сопроводительного захоронения лошади) свидетельствуют о том, что данный объект относится к карбанской традиции обрядовой практики населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Анализ обнаруженного инвентаря (роговые накладки на лук, боевой нож, наборный пояс, костяные наконечники стрел, шило, подвески и наконечники из цветного металла, бусы) и его сопоставление с материалами из синхронных комплексов на сопредельных территориях стали основанием для определения хронологии погребения в рамках раннесяньбийского времени (II – начало III в. н.э.). Установлено, что в составе набора вещей присутствовали изделия, характерные как для женского, так и для мужского «стандарта» обряда кочевников Алтая данного периода. Сделано заключение о том, что данный индивид, скорее всего мужчина, являлся представителем зажиточной прослойки рядового населения. Судя по наличию средств ведения дальнего и ближнего боя, а также многочисленного снаряжения, он входил в группу профессиональных воинов. При этом покойный при жизни занимал достаточно высокое положение в небольшой группе скотоводов, оставившей некрополь Карбан-I.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, сяньбийское время, погребальный обряд, вещевой комплекс, хронология.

Цитирование. Сereгин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С., 2023. Своеобразное погребение эпохи Великого переселения народов некрополя Карбан-I (Северный Алтай) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 203–221. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.11>

Введение

Комплексное изучение материалов раскопок некрополей Алтая последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. предоставляет широкие возможности для реконструкции сложных этнокультурных и социальных процессов, происходивших в регионе. Несмотря на положительный опыт анализа таких данных, демонстрирующих существование определенного «стандарта» погребального обряда носителей булан-кобинской культуры, сохраняется проблема интерпретации отдельных объектов обозначенной общности, имеющих специфику в реализации ритуала. Наиболее показательными являются случаи неординарного способа захоронения и редкого состава сопроводительного инвентаря, которые могли быть обусловлены особым прижизненным статусом умерших людей, обстоятельствами их смерти, либо какими-то другими причинами. Среди таких необычных примеров можно назвать парциальное погребение [Соенов, Трифанова, 2015], труположение на животе ничком [Могильников, 1983,

с. 59, 82; Худяков, 2005], ритуал отчленения ступней у покойных [Кубарев и др., 1990, с. 64–67, 74–77, рис. 33; Соенов, Эбель, 1992, с. 16, 21–23; Сereгин, Матренин, 2016, с. 69], практику искусственной мумификации тела умершего [Худяков и др., 1998, с. 21–22] и др. Кроме обозначенных отклонений от нормы в ходе раскопок некрополей булан-кобинской культуры иногда встречаются случаи «смешения» предметов, типичных для «мужского» и «женского» стандарта сопроводительного инвентаря. Примерами подобной ситуации являются присутствие в женских погребениях панцирных пластин доспеха [Горбунов, Тишкин, 2006, с. 83–84], единичных железных и костяных наконечников стрел (неопубликованные материалы раскопок памятника Айрыдаш-I) и кинжала [Сорокин, 1977, рис. 3,3; Глоба, 1983, с. 117–118]. Известны также еще более редкие случаи наличия типично женских украшений (наконечники, металлические пластины от «диадем») в мужских могилах [Тишкин и др., 2018, рис. 48,12; Трифанова, Соенов, 2019, с. 103–104; Сereгин, Матренин, 2020, с. 100–101].

Очевидно, что детальный анализ подобных свидетельств и их разноплановая интерпретация имеют большое значение для понимания целого ряда слабо исследованных аспектов истории кочевников Алтая. В настоящей статье представлены результаты изучения одного из таких неординарных погребений, раскопанных на некрополе Карбан-I в Северном Алтае.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Карбан-I обнаружен в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым в одноименном урочище к северу от устья р. Карбан (левый приток Катуня), в 1,7 км к северо-западу от с. Кунос Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). В 1989–1990 гг. на площади данного разновременного памятника экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина раскопаны 22 погребальных сооружения булан-кобинской культуры, содержащих преимущественно не потревоженные захоронения взрослых людей и детей с информативным сопроводительным инвентарем.

Курган 11, расположенный в северо-восточной части некрополя Карбан-I, являлся крайним с востока в ряду из четырех компактно локализованных объектов. Он представлял собой каменную насыпь овальной формы, размерами 3 × 2 м, высотой 0,15–0,2 м, ориентированную продольной осью по линии СЗ–ЮВ. По ее периметру выделялись крупные речные валуны, образующие однослойную выкладку-крепиду (рис. 2,1). С юго-западной стороны, в месте примыкания к кургану 13, в контуре из валунов зафиксирован разрыв. Внутреннее пространство данной выкладки было заполнено в один слой более мелкими окатанными камнями. В восточной части наброски некоторые камни такой забутовки оказались извлечены при снятии песчаного грунта над объектом. После выборки заполнения зафиксированы плиты перекрытия каменного ящика, провалившиеся внутрь него (рис. 2,2). При этом выяснилось, что ящик расположен не по центру выкладки, а смещен к его юго-западной стороне. Возможно, это связано с

последовательностью устройства могил внутри ряда с юго-запада на северо-восток.

Под плитами перекрытия находился каменный ящик трапециевидной формы размером по дну 1,8 × 0,2 м (в ногах) – 0,4 м (в верхней части), ориентированный расширяющейся частью на С–СЗ. Глубина могильной ямы составляла до 0,5 м от уровня древнего горизонта. В этой камере расчищен скелет человека, уложенного в анатомическом порядке вытянуто на спине и ориентированного головой на С–СЗ. Руки умершего согнуты в локтях и чуть разведены в стороны таким образом, что оба запястья находились над крестцом (рис. 2,3). Установлено, что костные останки принадлежали индивиду 25–35 лет.

С человеком обнаружен разнообразный сопроводительный инвентарь. Поверх покойного был помещен составной лук, от которого сохранились роговые накладки – парные концевые на левом плече и, в обломках, на левой голени; две срединные боковые и тыльная на правом крыле таза (рис. 3). Под срединной боковой накладкой встречен костяной наконечник стрелы (рис. 4,35, 5,30). Еще один такой предмет (рис. 4,34, 5,29) лежал справа у черепа. У правого плеча умершего человека найдены две пластинчатые подвески ромбовидной и овальной формы из цветного металла (рис. 4,27,33). Чуть ниже правой лопатки обнаружен наконечник, сделанный из тонкой пластины, согнутой в овальную обойму (рис. 4,29, 5,28). Аналогичное изделие с застрявшей в нем белой бусиной (рис. 4,31, 5,25) выявлено у левого плеча под концевыми накладками лука. Там же зафиксирована еще одна белая бусинка (рис. 4,30, 5,27). Крупная белая бусина (рис. 4,28, 5,26) лежала с внешней стороны левой плечевой кости, у стенки каменного ящика.

В области тазовых костей покойного и выше расчищено скопление металлических гарнитур наборного пояса: на поясничном позвонке – железная овальнорамчатая пряжка с подвижным язычком (рис. 4,2, 5,2); у правого крыла таза – семь бронзовых четырехугольных блях в виде обоек (рис. 4,3–9, 5,3–8,11) и две железные бляхи-накладки прямоугольной формы с шпеньками (рис. 4,17–18); под поясничным позвонком – железная прямоугольная бляха в виде полубоймы

(рис. 4,19, 5,23); выше левого крыла таза – крупная железная бляха-накладка с квадратным абрисом (рис. 4,21, 5,21), которая перекрывала бронзовую бляху-обойму (рис. 4,12, 5,10); у левого крыла таза – пять бронзовых блях-обойм (рис. 4,9–10,13–15, 5,12–16), железная бляха-полуобойма с подвижным кольцом (рис. 4,22, 5,22), две железные бляхи-накладки четырехугольной формы (рис. 4,23–24, 5,18–19) и железный кольцевой «блок» (рис. 4,20). К деталям пояса, по-видимому, относятся также два бронзовых изделия – зафиксированная под правой бедренной костью прямоугольная бляха-накладка (рис. 4,16, 5,9) и найденный между ног «наконечник-подвеска» в виде ложечки (рис. 4,25). Немного ниже пояса, у левой бедренной кости, находился железный черешковый нож (рис. 4,1, 5,1), а у правой бедренной кости – железное шило (рис. 4,26, 5,17). При снятии скелета под левым крылом таза встречен белый камушек со сколами (кресало или амулет?) (рис. 5,20).

Анализ материалов

Зафиксированные особенности обряда захоронения (рядная планиграфия; невысокая каменная насыпь небольшого размера с выкладкой-крепидой овальной формы по внешнему контуру; неглубокая могильная яма с отвесными стенками; камера в виде ящика; одиночное труположение вытянуто на спине, головой в северо-западный сектор горизонта) демонстрируют принадлежность рассматриваемого кургана к памятникам булан-кобинской археологической культуры Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. [Мамадаков, 1990, с. 135–139; Серегин, Матренин, 2016, с. 13, 32, 35, 53, 136–145]. Данный объект относится к одному из массовых (22 %) типов погребальных сооружений, получивших распространение во всех частях рассматриваемого региона. При этом выявленное сочетание признаков, характеризующих способ ингумации, представлено не менее чем в трети подкурганых захоронений обозначенной общности [Серегин, Матренин, 2016, с. 39, 68].

Сохранность обнаруженного вещественного материала позволяет представить полноценную характеристику предметного комплекса из погребения, а также осуществить

хронологическую интерпретацию изделий с привлечением аналогий из археологических комплексов Центральной и Северной Азии последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

Предметы вооружения

Сложносоставной длинный лук был оснащен семью роговыми накладками (рис. 3): парой концевых дуговидных верхних (длина 26–33 см) и нижних (длина не менее 20 см), двумя срединными боковыми дуговидной формы (ширина 2,5–2,6 см, длина около 25 см) и срединной тыльной весловидной средней длины (16,7 см) с трапециевидными окончаниями. Показательными являются срединные боковые накладки, имеющие аналогии в сяньбийских погребениях Восточного Забайкалья конца I – начала III в. н.э., в которых также обнаружены экземпляры «промежуточных» форм от сегментовидных к дуговидным, либо к трапециевидным [Яремчук, 2005, рис. 61,5–6, 62,11–12, 65,5–6]. В Центральной Азии похожие детали луков иногда встречаются в комплексах кокзельской культуры Тувы (вторая половина III – IV в. н.э.) [Kenk, 1984, Abb. 30D,2–3, 31A,8; Николаев, 2001, табл. 106]. К западу от Алтая аналогичные пластины луков обнаружены в памятниках Средней Азии и Южного Приуралья второй половины II – III в. н.э. [Топрак-Кала ..., 1984, рис. 88, 89,2; Малашев, Яблонский, 2008, с. 59–60, рис. 170,1–2; и др.]. У населения булан-кобинской культуры срединные боковые накладки дуговидной формы появились не ранее II в. н.э. в результате закругления окончаний сегментовидных пластин с прогнутым основанием [Горбунов, 2006, с. 16–17; Тишкин и др., 2018, с. 42].

Железный боевой нож с треугольным в сечении клинком (длина 12,4 см, максимальная ширина 1,9 см), переходящим в прямую рукоять без перекрестия и наверхия (рис. 4,1, 5,1), обнаруживает ранние датированные аналогии в археологических материалах хунну Монголии и Забайкалья (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Коновалов, 1976, табл. XVI,5,8; Төрбат и др., 2003, с. 183, рис. 19; и др.]. В Центральной Азии они также встречаются в объектах сяньбийской (конец I – III в. н.э.), улуг-хемской (I в. до н.э. – начало III в. н.э.) и кокзель-

кой (вторая половина III – IV в. н.э.) культур [Дьяконова, 1970, табл. X,22,33; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81,69; Николаев, 2001, табл. 63,4, 83,7, 84,1,9, 93,3; Яремчук, 2005, с. 70, рис. 81,1]. Такие боевые ножи являлись основным средством ведения ближнего боя у «булан-кобинцев» во II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 58–59].

Гарнитуры наборного пояса

В кургане 11 некрополя Карбан-I обнаружены многочисленные элементы пояса из железа и цветного металла, зафиксированные *in situ*. Пояс застегивался с помощью железной пряжки с подвижным язычком, закрепленным на основании овальной рамки, без щитка (рис. 4,2, 5,2). В Центральной Азии аналогичные экземпляры впервые встречены у хунну в I в. до н.э. [Коновалов, 1976, табл. XII,2,4]. На территории Алтая начальный период использования бесщитковых овально-рамчатых пряжек пришелся, вероятно, на вторую половину I в. до н.э. – I в. н.э. В булан-кобинской культуре данные изделия представляли собой наиболее распространенный тип застежек во II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 30–31, 43].

Железные бляхи-накладки без колец, изготовленные из прямых или слегка согнутых пластин четырехугольной формы, фиксирующиеся к ремню с помощью шпеньков (рис. 4,17–18,21,23–24, 5,18–19,21), ранее всего отмечены в Центральной Азии у хунну в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. [Erdelyi, 2000, fig. 37; Тэрбат и др., 2003, с. 209, 233, 235, 253, 257; Ковычев, 2006, рис. 3,8]. Серийные аналогии им известны в сяньбийском снаряжении конца I – IV вв. н.э. [Яремчук, 2005, рис. 96,6, 97,4,7, 99,1–2,5–7,10, 100,2–4, 101,2–7, 103,1–4]. Имеются основания полагать, что под влиянием сяньби эти гарнитуры получили распространение у кочевников Тувы во II–IV вв. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. XII,9]. Населением Алтая такие железные бляхи-накладки использовались со II в. н.э. и до окончания периода существования булан-кобинской культуры (V в. н.э.) [Матренин, 2017, с. 72]. Судя по имеющимся материалам, данные изделия являлись продуктами местного развития поясных гарнитур на основе подражания сяньбийским образцам.

Железная бляха в виде согнутой в полуюбойму пластины без колец (рис. 4,19, 5,23) не имеет точных аналогий в известном нам снаряжении кочевников булан-кобинской культуры. В качестве сравнения можно отметить железные экземпляры с предположительно «утраченными» кольцами и бронзовую бляху из погребений IV в. н.э. комплекса Степушка (Центральный Алтай) [Тишкин и др., 2018, рис. 40,11–13]. Хронологию карбанского образца, вероятно, следует рассматривать в контексте распространения конструктивно схожих щитков у пряжек, а также близких по облику ременных наконечников, зафиксированных в памятниках Алтая, датирующихся не ранее конца II в. н.э. [Матренин, 2017, с. 88].

Железная бляха-полуобойма с подвижным кольцом (рис. 4,22, 5,22) имеет актуальные для датировки ранние параллели в снаряжении сяньби Восточного Забайкалья (конец I – начало III в. н.э.) и населения Тувы (II–IV вв. н.э.) [Дьяконова, 1970, табл. XI,13–24, 47, XII,5–7,23–28; Николаев, 2000, рис. 1,4,6,10, 3,4,12; Яремчук, 2005, рис. 96,5]. На Алтае подобные изделия массово представлены на протяжении II–V вв. н.э. [Кубарев и др., 1990, рис. 46,4–5; Соенов, Эбель, 1992, рис. 44; Матренин, 2017, с. 64, 66, 75; Тишкин и др., 2018, с. 82, 89–90].

Весьма необычными выглядят бляхи из цветного металла в виде подквадратных пластин, сложенных в обоймы без каких-либо крепежных элементов (рис. 4,3–15, 5,3–8,10–16). К ремню они, по-видимому, фиксировались путем продевания в горизонтальные прорезы и плотного прижатия к кожаной основе лицевой и тыльной частей корпуса. В булан-кобинской культуре такие бронзовые бляхи-обоймы в составе наборных поясов обнаружены впервые.

Бронзовая бляха-накладка из прямой четырехугольной пластины (рис. 4,16, 5,9), судя по морфологическим признакам, датируется не ранее II в. н.э. Наиболее близкие ей, но не идентичные и, вероятно, более поздние экземпляры найдены на Алтае в могильниках Балыктыюль (середина III в. н.э.) и Степушка (IV в. н.э.) [Сорокин, 1977, рис. 6,9–10; Тишкин и др., 2018, с. 90, табл. 19,9]. Происхождение таких блях у «булан-кобинцев» связано с похожими железными модификациями, распространение кото-

рых в регионе отражает влияние материальных традиций культуры сяньби.

Бронзовый вкладышевый «наконечник-подвеска» из сложенной в трубочку пластины со срезанным ложечковидным передним краем (рис. 4,25) в хронологическом отношении, по-видимому, был позже литых образцов с прорезной втулкой, получивших распространение у народов Сибири во II–I вв. до н.э. в результате влияния хунну [Матвеева, 1994, рис. 58,21; Савинов, 2009, табл. XXIV,44, XXV,3–4, XLVII,14–15; Кузьмин, 2011, табл. 40,22–24, 74,3–4,24,29, 89,16–17]. Определенно можно утверждать, что появление рассматриваемого «наконечника-подвески» связано с практикой производства похожих железных экземпляров, зафиксированной у хунну Забайкалья (II–I вв. до н.э.), носителей тесинской культуры Среднего Енисея (вторая половина I – первая половина II в. н.э.) и у кочевников Тувы (конец I – II в. н.э.) [Пшеницына, 1975, с. 159, рис. 3,13; Мандельштам, Стамбульник, 1992, табл. 81,3–4; Кириллов и др., 2000, рис. 62,1,6; Савинов, 2009, табл. XXV,12; Кузьмин, 2011, табл. 40,26–32, 74,54, 76,2–3]. Более поздние аналогии таким предметам зафиксированы в предгорьях Кузнецкого Алатау и относятся ко II–III вв. н.э. [Ширин, 2003, табл. XXX,4, LI,8, XCIV,5]. У населения Алтая подобные железные подвесные наконечники датируются второй половиной I в. до н.э. – началом II в. н.э. [Матренин, 2017, с. 90].

Железный кольцевой «блок» овальной формы (рис. 4,20) представляет собой категорию предметов снаряжения, получившую широкое распространение у «булан-кобинцев» во II–V вв. н.э. [Матренин, 2017, с. 94–95; Тишкин и др., 2018, с. 94, 96]. За пределами Алтая они наиболее многочисленны у «кокльцев» Тувы в III–IV вв. н.э. [Kenk, 1984, Abb. 29.-F,8, 33.-B,2, C,33, 35.-E,1, 36.-E,1, 38.-D,3, J,2, K,3, 41.-A,8, 42.-A,17; Николаев, 2000, с. 70–71].

Украшения

В погребении кургана 11 обнаружен разнообразный по составу набор декоративных предметов, связанных с верхней одеждой и прической.

Бронзовые подвески (2 экз.) изготовлены из прямых пластин ромбовидной и овальной формы (размеры 5–5,2 × 2,7–3 см) с отверстием у одного края (рис. 4,27,33). Судя по зафиксированному *in situ* расположению данных украшений относительно костей посткраниального скелета, они могли крепиться к правому плечу верхней одежды. Аналогичные изделия являлись элементом костюма детей и женщин у населения булан-кобинской культуры Северного и Центрального Алтая во II–V вв. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 142; Трифанова, Соенов, 2019, с. 52, 74, рис. 27,15–17]. Данные украшения обычно фиксировались к повязке, надеваемой на голову или поверх женского головного убора [Трифанова, Соенов, 2019, табл. 11].

Бронзовые накосники (2 экз.) имели своей основой четырехугольную пластину (шириной 1,8–2 см), сложенную по дуге в обойму, с парой сквозных отверстий для крепления к тканевой подложке (рис. 4,29,32, 5,24,28). Принимая во внимание их расположение в разных местах (возле правой лопатки и у левого плеча), можно сделать вывод, что волосы умершего человека разделялись на две косы, в одну из которых кроме того были вплетены две бусины (рис. 4,30–31, 5,25,27). На территории Алтая металлические накосники фиксируются не ранее II в. н.э., были массово распространены у «булан-кобинцев» до V в. н.э. включительно [Кубарев и др., 1990, рис. 31,7–8,11, 37,3,6; Соенов, Эбель, 1992, рис. 26,26–27; Тишкин и др., 2018, табл. 47,6–9, 48,4–6,10–17; Трифанова, Соенов, 2019, с. 49–52, рис. 23–24]. Данные изделия выступали элементом прически женщин и детей [Трифанова, Соенов, 2019, табл. 10]. Единственный достоверный случай обнаружения накосника в мужском захоронении документирован при раскопках комплекса Степушка в Центральном Алтае [Тишкин и др., 2018, с. 29, рис. 45,12, 48,12].

Бусы представлены тремя экземплярами из белого минерала с круглым поперечным и четырехугольным продольным сечением (рис. 4,28,30–31, 5,25–27). Поиск аналогий этим изделиям в археологических материалах других регионов не дает надежных оснований для их хронологической интерпретации. Установлено, что бусина крупного раз-

мера являлась подвеской. Многочисленные находки демонстрируют, что такие декоративные изделия получили широкое распространение у населения булан-кобинской культуры Алтая во II–V вв. н.э. [Кубарев и др., 1990, рис. 28,2, 40,23, 44,8; Мамадаков, 1990, рис. 28,5,9,14–15, 30, 38,11, 55,13, 65,3,5–6,9,11, 66,8; Трифанова, Соенов, 2019, с. 42, 43, рис. 16,4–8].

Орудия труда

Орудийный комплекс из рассматриваемого объекта включал единичные предметы – два костяных наконечника стрелы с черешковым насадом и железное шило.

Наконечник с ромбовидным в сечении пером пятиугольной формы с вогнутыми плечиками-шипами (рис. 4,35, 5,30) относится к широко распространенным типам изделий, которые были известны на Алтае уже во II в. до н.э. – I в. н.э. [Худяков, 1997, рис. 2,5–6]. Похожие изделия обнаружены также в памятниках сяньбийского времени [Мамадаков, 1990, рис. 15,4, 26,5–6, 66,6]. В целом датировка таких наконечников у населения Алтая определяется широкими рамками II в. до н.э. – IV в. н.э. Достаточно необычным выглядит наличие у экземпляра из кургана 11 кольцевого упора на черешке, характерного для железных наконечников. Отметим, что костяные наконечники разных форм с упором являлись одной из особенностей материальной культуры сяньби Восточного Забайкалья, Северо-Западной Маньчжурии, Внутренней Монголии [Кириллов и др., 2000, рис. 79,15–18; Худяков, Юй Су-Хуа, 2005, с. 12, рис. 1,25,33; Ковычев, 2006, рис. 5,2–3,5–7,20–21, 6,5–6]. Наконечник с линзовидным (дуговидным) пером в виде треугольной фигуры с вогнутыми плечиками-шипами (рис. 4,34, 5,29) имеет аналогии в погребальном инвентаре из комплексов булан-кобинской культуры II – первой половины IV в. н.э. [Тишкин и др., 2018, с. 120, 122, 124].

Железное шило имело трехгранное поперечное сечение рабочей части (длина 5 см), отделенной от черена покатыми плечиками-уступами (рис. 4,26, 5,17). Подобные универсальные орудия колюще-проворачивающего действия зафиксированы на Алтае в погреб-

альных памятниках II–V вв. н.э. [Соенов, Константинова, 2015, рис. 4; Тишкин и др., 2018, табл. 38,4,6–7; и др.]. Отметим, что все шилья входили в состав погребального инвентаря мужчин [Серегин, Матренин, 2020, с. 36]. При этом подобные предметы пока не обнаружены в захоронениях II в. до н.э. – I в. н.э.

Обсуждение результатов

Зафиксированные признаки погребальных сооружений (насыпь с выкладкой-крепидой овальной формы, неглубокая могильная яма, каменный ящик) и способа ингумации (одиночное трупоположение на спине, головой в западный сектор горизонта, без сопроводительного захоронения лошади) дают основания для отнесения кургана 11 к карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской археологической культуры. Судя по имеющимся сведениям, носители данной традиции проживали на Алтае с хуннуского времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) и составляли одну из самых многочисленных групп скотоводов северной части региона в сяньбийский период (II – первая половина IV в. н.э.). Изучение материалов раскопок погребальных памятников позволяет предположить, что происхождение «карбанцев» было связано со смешением местных племен скифо-сакского времени (среди которых, вероятно, были потомки скотоводов раннескифского времени, вытесненных из ареала своего основного проживания «пазырыкцами») и кочевников из периферийных с Алтаем районов Восточного Казахстана и Тувы, ставшим одним из итогов экспансии державы Хунну в северные области Центральной Азии [Серегин, Матренин, 2016, с. 159–160].

Изучение предметного комплекса и его сравнение с материалами из памятников Центральной и Северной Азии последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. позволило датировать отдельные категории изделий и определить время совершения рассматриваемого захоронения.

Установлено, что составной лук по наличию срединных боковых накладок дуговидной формы относится к образцам, отражающим формирование модификации ручного метательного оружия, получившей распрост-

ранение у населения Алтая во II–V вв. н.э. Обнаруженный боевой нож также датируется не ранее II в. н.э. и демонстрирует влияние военного дела поздних хунну или ранних сяньби. Анализ разнообразного комплекса поясных гарнитур показал, что большинство декоративных изделий имеют начальный период бытования у населения Алтая не ранее II в. н.э. и являются местной переработкой образцов снаряжения хуннуской и сяньбийской традиций. Показательными следует считать такие редкие предметы, как бронзовый наконечник-подвеска в виде ложечки, датирующийся не позднее III в. н.э. и выступавший, вероятно, репликой цельнолитых и кованных изделий хуннуского времени, а также бронзовые бляхи-зажимы, которые могли быть прототипом для блях-полуобойм без колец и ременных наконечников с шпеньковым креплением, обнаруженных в булан-кобинских памятниках второй половины III – IV в. н.э. Зафиксированные особенности расположения рассмотренных ременных гарнитур в погребении позволили выполнить графическую реконструкцию наборного пояса (рис. 6). Важно подчеркнуть, что данный комплект по своему составу не имеет аналогий в археологических материалах Алтая и сопредельных территорий.

Представленным заключениям не противоречат результаты хронологической атрибуции сяньбийским периодом большинства категорий украшений (подвески из цветного металла ромбовидной и овальной формы, бронзовые наконечники) и орудий труда (железное шило, костяной наконечник стрелы с линзовидным в сечении пером треугольной формы с плечиками-шипками). В целом корреляция обозначенных выкладок предоставляет основания для вывода о датировке погребения кургана 11 некрополя Карбан-I в рамках II – первой половины III в. н.э.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о прижизненном социальном статусе умершего человека из данного захоронения. Определенно можно утверждать, что этот индивид относился к возрастной группе возмужалых людей. Принимая во внимание грацильные черты черепа, антропологом С.С. Тур высказано предположение о женском поле этого субъекта², что, однако, не подтверждается составом большинства предметов сопроводи-

тельного инвентаря. В данном контексте необходимо отметить присутствие в погребении изделий, характеризующих мужской «стандарт» погребального обряда населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.: сложносоставной лук, боевой нож, стрелы с костяными наконечниками, шило. Вместе с тем с покойным зафиксированы металлические подвески и наконечники, типичные для набора женского инвентаря «булан-кобинцев» [Серегин, Матренин, 2020, с. 35–36]. Опираясь на опыт интерпретации социальной престижности разных категорий вещей, найденных в погребальных комплексах булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2020, с. 68–72, 90–92, 108–111], можно сделать вывод, что умерший человек (скорее всего, мужчина) из кургана 11 могильника Карбан-I относился к зажиточной прослойке рядового населения. Судя по наличию средств ведения дальнего и ближнего боя, а также наборного пояса с большим количеством гарнитур, он мог входить в группу профессиональных воинов, составлявших легковооруженную конницу. Представляется возможным утверждать, что данный мужчина имел довольно высокий статус в локальной группе кочевников, хоронивших в устье р. Карбан.

Заключение

Захоронение человека из кургана 11 некрополя Карбан-I по совокупности фиксируемых признаков относится к карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры, существовавшей на Алтае в течение последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. Анализ разнообразного сопроводительного инвентаря позволил определить археологический возраст этого закрытого комплекса в рамках раннесяньбийского периода (II – первая половина III в. н.э.). С покойным были обнаружены изделия, характерные для мужского (лук, стрелы с костяными наконечниками, шило) и женского (металлические подвески, наконечники) «стандарта» погребальной практики. Установлено, что данный индивид, скорее всего мужчина, являлся представителем зажиточной прослойки рядового населения. Судя по наличию средств ведения дальнего и ближнего боя, а также многочисленного снаряжения, он входил в группу профессиональных воинов. При этом

покойный занимал при жизни достаточно высокое положение в небольшой группе скотоводов, оставившей некрополь Карбан-I.

Введенные в научный оборот археологические источники расширяют представления об особенностях материальной культуры населения Северного Алтая в сяньбийское время, а также актуализируют проблему интерпретации отдельных объектов булан-кобинской культуры, отличающихся редким сочетанием предметов сопроводительного инвентаря. Уточнение ряда вопросов в рамках данной проблематики станет возможным при реализации масштабного палеогенетического исследования образцов из комплексов рассматриваемой общности. В частности, это позволит достоверно установить пол умерших и степень их родства с другими индивидами, похороненными в рамках конкретных некрополей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФФ № 20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Карбан-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

The analysis and interpretation of the complex was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project № 20-78-10037). Processing materials of the Karban-I necropolis was carried out in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

² По определению кандидата исторических наук С.С. Тур, половая дифференциация морфологических признаков черепа выражена недостаточно определенно, хотя в масштабе внутригрупповых различий он более характерен для представителей женского пола, чем для мужчин. Сложность однозначного заключения обусловлена также плохой сохранностью материалов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Рис. 1. Расположение комплекса Карбан-1
Fig. 1. Location of the Karban-I complex

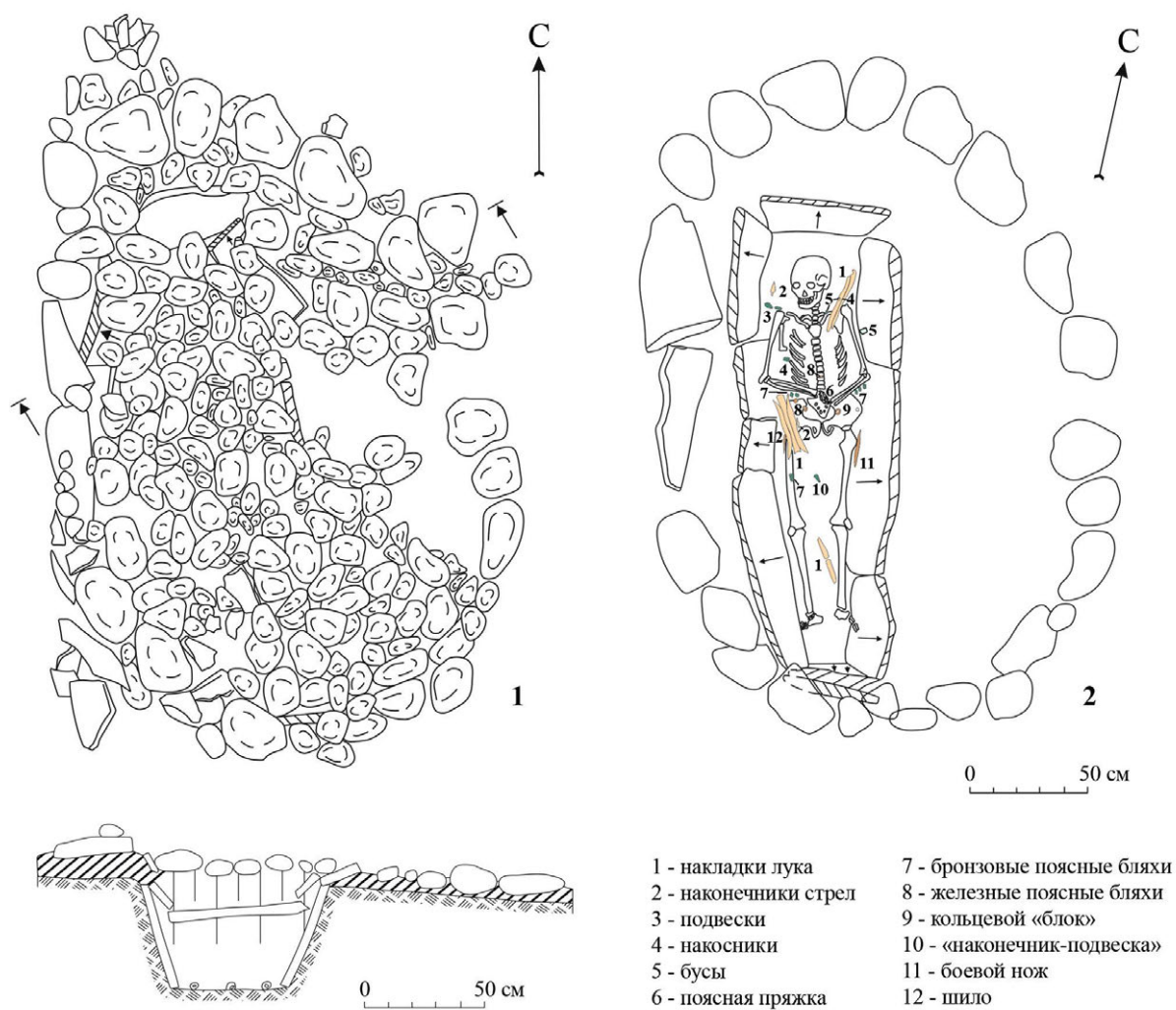

Рис. 2. Карбан-I, курган 11:

1 – план и разрез наземной конструкции и погребальной камеры; 2 – план захоронения

Fig. 2. Karban-I, kurgan 11:

1 – plan and section of the ground structure and the burial chamber; 2 – plan of the burial

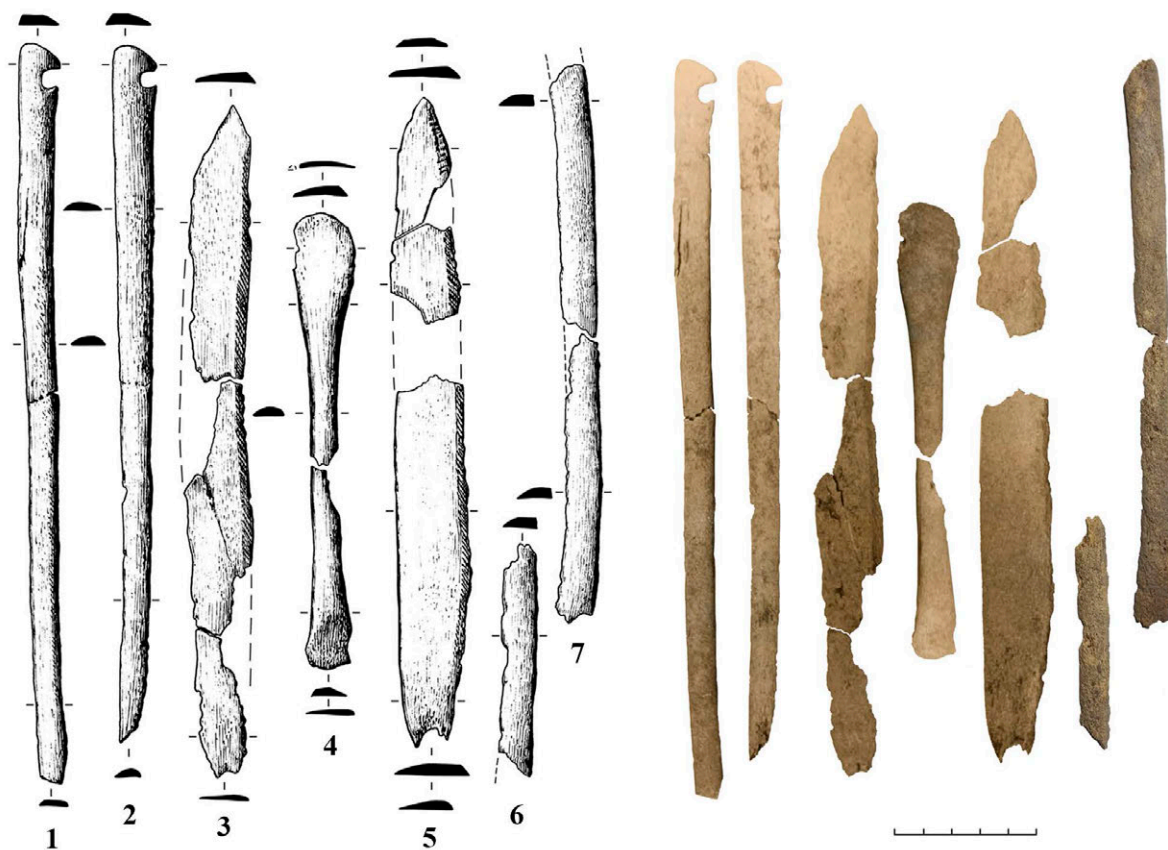

Рис. 3. Карбан-I, курган 11. Роговые накладки на лук. Рисунки выполнены И.А. Чудиным.
Фото Н.Н. Серегина

Fig. 3. Karban-I, kurgan 11. Horn overlays for a bow. The drawings were made by I.A. Chudilin.
Photo by N.N. Seregin

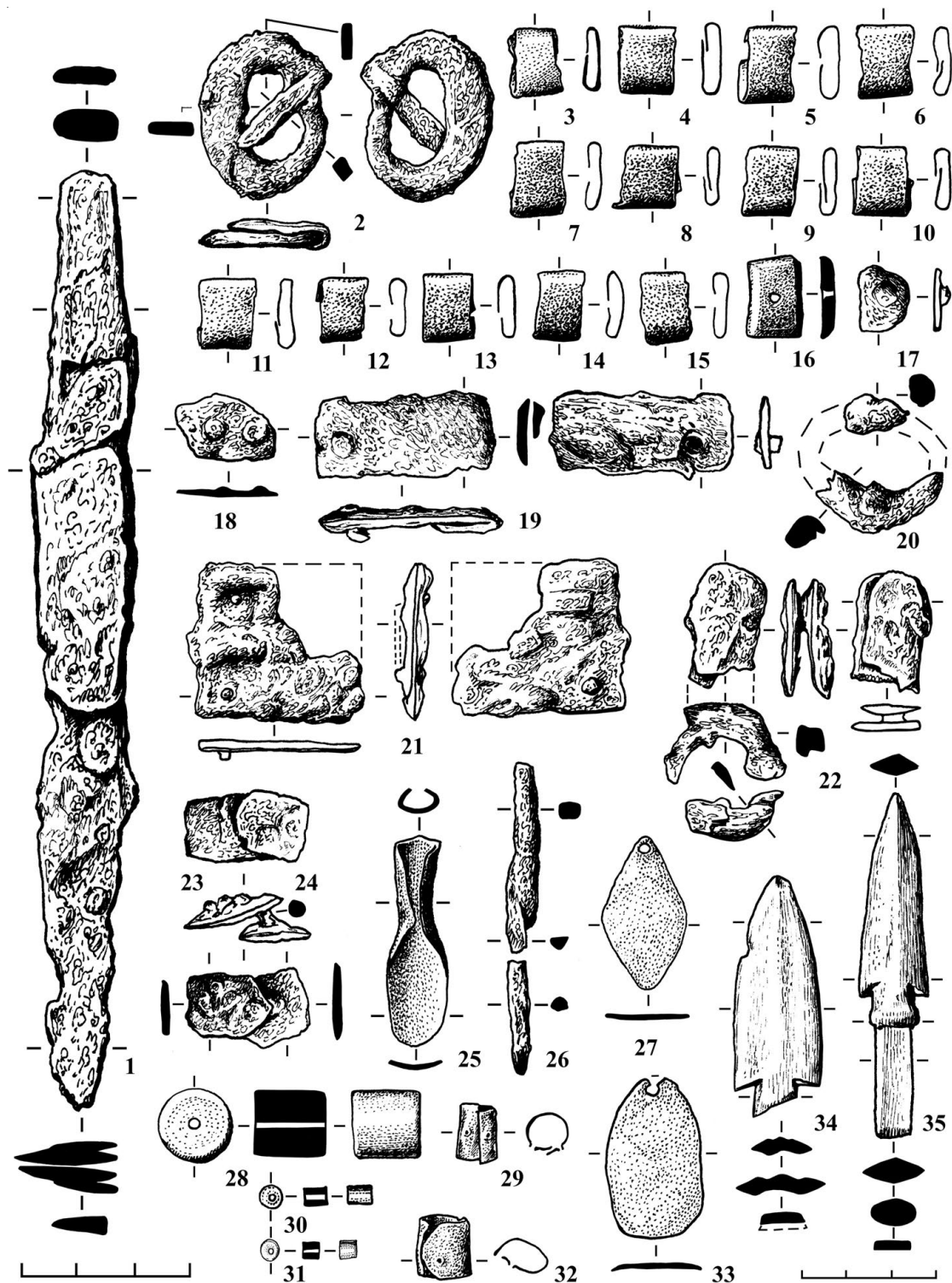

Рис. 4. Карбан-I, курган 11. Предметный комплекс (рисунки выполнены И.А. Чудилиным):

1 – боевой нож; 2 – поясная пряжка; 3–19, 21–24 – поясные бляхи; 20 – «блок»; 25 – «наконечник-подвеска»;
26 – шило; 27, 33 – подвески; 28, 30–31 – бусы; 29, 32 – наконечники; 34–35 – наконечники стрел
(1–2, 17–24, 26 – железо; 3–16, 25, 27, 29, 32–33 – бронза; 28, 30–31 – камень; 34–35 – кость / рог)

Fig. 4. Karban-I, kurgan 11. Subject complex (the drawings were made by I.A. Chudilin):

1 – combat knife; 2 – belt buckle; 3–19, 21–24 – belt plaques; 20 – “block”; 25 – “tip-suspension”;
26 – awl; 27, 33 – pendants; 28, 30–31 – beads; 29, 32 – braids; 34–35 – arrowheads
(1–2, 17–24, 26 – iron; 3–16, 25, 27, 29, 32–33 – bronze; 28, 30–31 – stone; 34–35 – bone/horn)

Рис. 5. Карбан-I, курган 11. Оружие, снаряжение, орудия труда и украшения из погребения (фото Н.Н. Серегина):

1 – боевой нож; 2 – поясная пряжка; 3–16, 18–19, 21–23 – поясные бляхи; 17 – шило; 20 – каменный предмет (кресало или амулет?); 24, 28 – наконечники; 25–27 – бусы; 29–30 – наконечники стрел

Fig. 5. Karban-I, kurgan 11. Weapons, equipment, tools and decorations from the burial (photo by N.N. Seregin):

1 – combat knife; 2 – belt buckle; 3–16, 18–19, 21–23 – belt plaques; 17 – awl; 20 – stone object (anvil or amulet?); 24, 28 – braids; 25–27 – beads; 29–30 – arrowheads

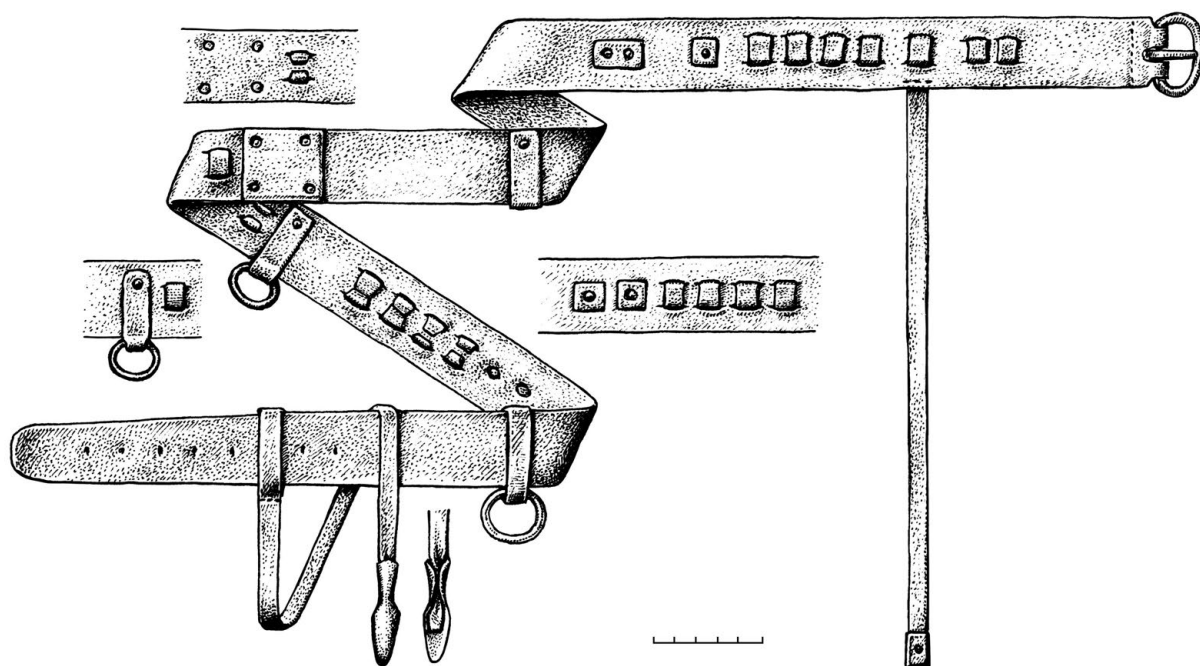

Рис. 6. Реконструкция наборного пояса из погребения кургана 11 комплекса Карбан-I.
Рисунок выполнен И.А. Чудиным

Fig. 6. Reconstruction of a type-setting belt from burial of kurgan 11 of the Karban-I complex.
The drawing was made by I.A. Chudilin

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глоба Г. Д., 1983. Раскопки курганного могильника Белый Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ. С. 116–126.
- Горбунов В. В., 2006. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 232 с.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А., 2006. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (28). С. 79–85.
- Дьяконова В. П., 1970. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Л. : Наука. С. 80–209.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И., 2000. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН. 176 с.
- Ковычев Е. В., 2006. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск : Изд-во Иркут. техн. ун-та. С. 242–258.
- Коновалов П. Б., 1976. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во. 221 с.
- Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В., 1990. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука. С. 43–95.
- Кузьмин Н. Ю., 2011. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: тесинская культура. СПб. : Айсинг. 456 с.
- Малашев Ю. В., Яблонский Л. Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. М. : Вост. лит. 365 с.
- Мамадаков Ю. Т., 1990. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 317 с.
- Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У., 1992. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 196–205.
- Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука. 152 с.
- Матренин С. С., 2017. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск : Изд-во СО РАН. 142 с.
- Могильников В. А., 1983. Курганы Кара-Коба-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1983-х гг. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ. С. 52–89.
- Николаев Н. Н., 2000. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 70–85.
- Николаев Н. Н., 2001. Культура населения Тувы I-й пол. I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. СПб. 262 с.
- Пшеницына М. Н., 1975. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука. С. 150–165.
- Савинов Д. Г., 2009. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : ИИМК РАН. 226 с.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2016. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 272 с.
- Серегин Н. Н., Матренин С. С., 2020. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 268 с.
- Соенов В. И., Константинова Е. А., 2015. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск : ГАГУ. 248 с.
- Соенов В. И., Трифанова С. В., 2015. Парциальное погребение гунно-сарматского времени на некрополе Степушка-2 // Теория и практика археологических исследований. № 1. С. 32–40.
- Соенов В. И., Эбель А. В., 1992. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск : ГАГПИ. 116 с.
- Сорокин С. С., 1977. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. С. 57–67.

- Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В., 2018. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 368 с.
- Топрак-Кала. Дворец, 1984. М. : Наука. 304 с.
- Төрбат Ц., Амартүвшин Ч., Эрдэнэбат У., 2003. Эгийн голын сав археологийн дурсгалууд (хүрлийн үеэс моголын үе). Улаанбаатар : Улсын багшийн их сургууль Монголын түүхийн тэнхим. 295 т. (На монг. яз.).
- Трифанова С. В., Соенов В. И., 2019. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск : ГАГУ. 160 с.
- Худяков Ю. С., 1997. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. № 2. Горно-Алтайск : ГАГУ. С. 28–37.
- Худяков Ю. С., 2005. Могила изгоя в урочище Улуг-Чолтух // Природа. № 5. С. 63–66.
- Худяков Ю. С., Эбель А. В., Кочеев В. А., 1998. Находки из мумифицированного погребения на реке Кам-Тыттугем в Горном Алтае // История и культура народов Саяно-Алтая в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск : ГАГУ. С. 21–22.
- Худяков Ю. С., Юй Су-Хуа, 2005. Новые материалы по оружию дистанционного боя сяньби // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : НГУ. С. 7–18.
- Ширин Ю. В., 2003. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость. 288 с.
- Яремчук О. А., 2005. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. Чита. 296 с.
- Erdelyi I., 2000. Archaeological Expeditions in Mongolia. Budapest : Mundus Hungarian University. 261 p.
- Kenk R., 1984. Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien. AVA-Materialien. München : C. H. Beck. 202 s.

REFERENCE

- Globa G.D., 1983. Raskopki kurgannogo mogil'nika Belyy Bom-II [Excavations of the Bely Bom-II Kurgan Cemetery]. *Arheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1982 godah* [Archaeological Research in Gorny Altai in 1980–1982]. Gorno-Altaysk, GARIHLL, pp. 116–126.
- Gorbulov V.V., 2006. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Military Affairs of the Population of Altai in the III–XIV Centuries. Part II. Offensive Weapons (Weapons)]. Barnaul, ASU. 232 p.
- Gorbulov V.V., Tishkin A. A., 2006. Kompleks vooruzheniya kochevnikov Gornogo Altaya hunnskoj epohi [Armament Complex of the Nomads of the Altai Mountains of the Xiongnu Era]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 4 (28), pp. 79–85.
- D'yakonova V.P., 1970. Bol'shie kurgany-kladbishcha na mogil'nike Kokel' (po rezul'tatam raskopok za 1963, 1965 gg.) [Large Mounds-Cemeteries at the Kokel Burial Ground (According to the Results of Excavations for 1963, 1965)]. *Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition], vol. 3. Leningrad, Nauka Publ., pp. 80–209.
- Kirillov I.I., Kovychev E.V., Kirillov O.I., 2000. *Darasunskiy kompleks arheologicheskikh pamyatnikov. Vostochnoe Zabaykal'e* [Darasun Complex of Archaeological Monuments. Eastern Transbaikalia]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 176 p.
- Kovychev E. V., 2006. Nekotorye voprosy etnicheskoy i kul'turnoy istorii Vostochnogo Zabaykal'ya v kontse I tys. do n.e. – I tys. n.e. [Some Issues of the Ethnic and Cultural History of Eastern Transbaikalia at the End of the I Millennium BC – I Millennium AD]. *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], iss. 4. Irkutsk, ISTU, pp. 242–258.
- Kononov P.B., 1976. *Hunnu v Zabaykal'e (pogrebal'nye pamyatniki)* [Xiongnu in Transbaikalia (Funeral Monuments)]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ. 221 p.
- Kubarev V.D., Kireev S.M., Cheremisin D.V., 1990. Kurgany urochishcha Bike [Mounds of the Bike Tract]. *Arheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 43–95.

- Kuz'min N.Yu., 2011. *Pogrebal'nye pamyatniki hunno-syan'biyskogo vremeni v stepyah Srednego Eniseya: tesinskaya kul'tura* [Funeral Sites of the Xiongnu-Xianbei Period in the Steppes of the Middle Yenisei: The Tesin Culture]. Saint Petersburg, Aysing Publ. 456 p.
- Malashev Yu.V., Yablonskiy L.T., 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka-10* [The Steppe Population of the Southern Urals in the Late Sarmatian Time: Based on the Materials of the Burial Ground Pokrovka-10]. Moscow, Vost. lit. Publ. 365 p.
- Mamadakov Yu.T., 1990. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.ve.: dis. ... kand. ist. nauk* [Culture of the Population of Central Altai in the First Half of the 1st Millennium AD. Cand. hist. sci. diss.]. Novosibirsk. 317 p.
- Mandel'shtam A.M., Stambul'nik E.U., 1992. Gunno-sarmatskiy period na territorii Tuvy [Hunno-Sarmatian Period on the Territory of Tuva]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The Steppe Zone of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 196-205.
- Matveeva N.P., 1994. *Ranniy zheleznyy vek Priishim'ya* [Early Iron Age of the Ishim Region]. Novosibirsk, Nauka Publ. 152 p.
- Matrenin S.S., 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [Equipment of the Nomads of Altai (II Century BC – V Century AD)]. Novosibirsk, SB RAS. 142 p.
- Mogil'nikov V.A., 1983. Kurgany Kara-Koba-II [Mounds Kara-Koba-II]. *Arheologicheskie issledovaniya v Gornom Altae v 1980–1983-gg.* [Archaeological Research in Gorny Altai in 1980–1983]. Gorno-Altajsk, GANIIYAL, pp. 52-89.
- Nikolaev N.N., 2000. Poyasnye nabory mogil'nika Kokel' [Belt Sets from the Burial Ground Kokel]. *Mirovozzrenie. Arheologiya. Ritual. Kul'tura* [Worldview. Archeology. Ritual. Culture]. Saint Petersburg, SPBU, pp. 70-85.
- Nikolaev N.N., 2001. *Kul'tura naseleniya Tuvy 1-y pol. I tys. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Culture of the Population of Tuva 1st Half I Millennium AD. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg. 262 p.
- Pshenitsyna M.N., 1975. Tretiy tip pamyatnikov tesinskogo etapa [The Third Type of Monuments of the Tesinsk Stage]. *Pervobytnaya arheologiya Sibiri* [Primitive Archeology of Siberia]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 150-165.
- Savinov D.G., 2009. *Minusinskaya provintsiya hunnu (po materialam arheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.)* [Minusinsk Province of the Xiongnu (Based on Materials from Archaeological Research in 1984–1989)]. Saint Petersburg, IHMC RAS. 226 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2016. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [The Funeral Rite of the Nomads of Altai in the II Century BC – XI Century AD]. Barnaul, ASU. 272 p.
- Seregin N.N., Matrenin S.S., 2020. *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epohu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* [Social History of the Population of Altai in the Era of Nomadic Empires (II Century BC – XIV Century AD): Based on Materials from Archaeological Complexes]. Barnaul, ASU. 268 p.
- Soenov V.I., Konstantinova E.A., 2015. *Remeslennyye proizvodstva naseleniya Altaya (II v. do n.ve. – V v. n.ve.)* [Handicraft Industries of the Altai Population (II Century BC – V Century AD)]. Gorno-Altaysk, GASU. 248 p.
- Soenov V.I., Trifanova S.V., 2015. *Partsiyal'noe pogrebenie gunno-sarmatskogo vremeni na nekropole Stepushka-2* [Partial Burial of the Hunno-Sarmatian Period at the Stepushka-2 Necropolis]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], no. 1, pp. 32-40.
- Soenov V.I., Ebel' A.V., 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy yepohi na Verhney Katuni* [Mounds of the Hunno-Sarmatian Era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk, GASPI. 116 p.
- Sorokin S.S., 1977. Pogrebeniya epohi velikogo pereseleniya narodov v rajone Pazyryka [Burials of the Era of the Great Migration of Peoples in the Pazyryk Region]. *Arheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage], no. 18, pp. 57-67.
- Tishkin A.A., Matrenin S.S., Shmidt A.V., 2018. *Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* [Altai in the Xianbei-Rouran Time (Based on Materials from the Stepushka Site)]. Barnaul, ASU. 368 p.
- Toprak-Kala. Dvorets* [Toprak-Kala. Palace], 1984. Moscow, Nauka Publ. 304 p.
- Turbat C., Amartuvshin Ch., Erdenebat U., 2003. *Egijn golyn sav arheologijn dursgaluud (hÿrlijn yees mogolyn ye)* [Archeological Monuments of Egiin River Basin (From Bronze Age to Mongol Period)]. Ulaanbaatar, Ulsyn bagshijn ih surguul' Mongolyn tÿÿhijn tenhim. 295 p.

- Trifanova S.V., Soenov V.I., 2019. *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni* [Ornaments of the Altai Population of the Hunno-Sarmatian Period]. Gorno-Altaysk, GASU. 160 p.
- Hudyakov Yu.S., 1997. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya hunnskogo vremeni (po materialam raskopok mogil'nika Ust'-Edigan) [Armament of the Nomads of Gorny Altai of the Xiongnu Period (Based on Materials from the Excavations of the Ust-Edigan Cemetery)]. *Izvestiya laboratorii arheologii* [News of the Laboratory of Archeology], no. 2. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 28-37.
- Hudyakov Yu.S., 2005. Mogila izgoya v urochishche Ulug-Choltuh [The Grave of an Outcast in the Tract Ulug-Choltukh]. *Priroda* [Nature], no. 5, pp. 63-66.
- Hudyakov Yu.S., Ebel' A.V., Kocheev V.A., 1998. Nahodki iz mumificirovannogo pogrebeniya na reke Kam-Tyttugem v Gornom Altai [Finds from a Mummified Burial on the Kam-Tyttugem River in Gorny Altai]. *Istoriya i kul'tura narodov Sayano-Altaya v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [History and Culture of the Peoples of Sayano-Altai in the Past, Present and Future]. Gorno-Altaysk, GASU, pp. 21-22.
- Hudyakov Yu.S., Yuy Su-Hua, 2005. Novye materialy po oruzhiyu distantsionnogo boya syan'bi [New Materials on Xianbi Ranged Weapons]. *Voennoe delo nomadov Central'noy Azii v syan'biyskuyu yepohu* [Military Affairs of the Nomads of Central Asia in the Xianbei Era]. Novosibirsk, NSU, pp. 7-18.
- Shirin Yu.V., 2003. *Verhnee Priob'ye i predgor'ya Kuzneckogo Alatau v nachale I tys. n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury)* [Upper Ob and Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD (Funeral Monuments of the Fominsk Culture)]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ. 288 p.
- Yaremchuk O.A., 2005. *Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik hunno-syan'biyskoy yepohi stepnoy Daurii: dis. ... kand. ist. nauk* [Cemetery Zorgol-I – A Monument of the Xiongnu-Xianbei Era of Steppe Dauria. Cand. hist. sci. diss.]. Chita. 296 p.
- Erdelyi I., 2000. *Archaeological Expeditions in Mongolia*. Budapest, Mundus Hungarian University. 261 p.
- Kenk R., 1984. *Das Gräberfeld der hunno-sarmatische Zeit von Kokel', Tuva, Süd-Sibirien*. AVA-Materialien. München, C.H. Beck. 202 s.

Information About the Authors

Nikolai N. Seregin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Mikhail A. Demin, Doctor of Sciences (History), Professor, Altai State Pedagogical University, Molodezhnaya St, 55, 656031 Barnaul, Russian Federation, mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

Sergey S. Matrenin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Информация об авторах

Николай Николаевич Серегин, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, nikolay-seregin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Михаил Александрович Демин, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, ул. Молодежная, 55, 656031 г. Барнаул, Российская Федерация, mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

Сергей Сергеевич Матренин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, matrenins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.12>

UDC 903.054+903.07+903.052
LBC 63.444(235.4)-4

Submitted: 01.10.2022
Accepted: 28.02.2023

NEW DATA ON THE TECHNOLOGY OF MANUFACTURING BLACKSMITH PRODUCTS OF THE GOLDEN HORDE RURAL SETTLEMENTS BASED ON METALLOGRAPHIC ANALYSES RESULTS OF ITEMS FROM BAGAEVKA AND SHIROKY BUERAK SETTLEMENTS¹

Yuriy A. Semykin

Regional State Autonomous Institution of Culture "Lenin Memorial", Ulyanovsk, Russian Federation;
Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russian Federation

Leonard F. Nedashkovsky

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article introduces into scientific circulation the results of metallographic studies of the technology of blacksmithing products originating from excavations and casual finds from Bagaevka and Shiroky Buerak, the Golden Horde settlements of the Lower Volga region. In historiography, there is a shortage of studies of iron processing technology of the Golden Horde population from the Lower and Middle Volga regions. This article is intended to partially fill the existing research gap based on the results of archaeo-metallographic studies conducted in the archaeological laboratory of the Ulyanovsk State Pedagogical University. In the study, the authors use the archaeo-metallography method, developed by B.A. Kolchin, and currently widely applied in Russian archaeological science. As a result, it was established that simple bloom iron, raw irregularly carburized steel and specially prepared high-carbon steel were the main raw materials for blacksmithing products of the Bagaevka and Shiroky Buerak settlements. In the arsenal of forging products of the Bagaevka settlement, 86.8% of technological operations belong to group I (simple technologies without the use of a structural joint by forging welding of bloom iron and high-carbon steel, without copper soldering) and 13.2% belong to group II (wares with a structural joint by forging welding of bloom iron and steel with copper soldering). 58% of the metallographically studied wares were made of bloom iron and raw irregularly carburized steel. 29% of the items were forged technologically in order to obtain high-quality products. 15.8% of the products were made of all-steel work pieces, 10.5% produced from package work pieces. Cementation technology was recorded in 2.6% of the items. End welding and forging from two-lane iron-steel work pieces, which amounted to 5.3% each, were identified in the technological schemes related to the technological group II. In general, the revealed technological features of the blacksmith products of the Bagaevka collection are characteristic of the iron processing in the Middle Volga region in the Golden Horde period.

Key words: archaeo-metallography, blacksmithing, Golden Horde, heat treatment, slags, non-metallic inclusions, microhardness.

Citation. Semykin Yu.A., Nedashkovsky L.F., 2023. Novye dannye o tekhnologii izgotovleniya kuznechnoy produktssii sel'skih poseleniy Zolotoy Ordy po rezul'tatam metallograficheskikh analizov izdeliy s selishch Bagaevskoe i Shirokiy Buerak [New Data on the Technology of Manufacturing Blacksmith Products of the Golden Horde Rural Settlements Based on Metallographic Analyses Results of Items from Bagaevka and Shiroky Buerak Settlements]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 222-257. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.12>

УДК 903.054+903.07+903.052
ББК 63.444(235.4)-4

Дата поступления статьи: 01.10.2022
Дата принятия статьи: 28.02.2023

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КУЗНЕЧНОЙ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ ИЗДЕЛИЙ С СЕЛИЩ БАГАЕВСКОЕ И ШИРОКИЙ БУЕРАК¹

Юрий Анатольевич Семькин

Областное государственное автономное учреждение культуры «Ленинский мемориал»,
г. Ульяновск, Российская Федерация;
Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова,
г. Ульяновск, Российская Федерация

Леонард Федорович Недашковский

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена введению в научный оборот результатов металлографических исследований технологии кузнечной продукции, происходящей из раскопок и сборов с территории золотоордынских селищ Нижнего Поволжья – Багаевского и Широкий Буерак. В историографии образовался некоторый дефицит работ по вопросам изучения технологии железообработки у населения Золотой Орды Нижнего и Среднего Поволжья. Настоящая статья имеет целью частично заполнить существующую научную лауну на основе результатов археометаллографических исследований, выполненных в археологической лаборатории Ульяновского государственного педагогического университета. В работе использован метод археометаллографии, разработанный Б.А. Колчиным и применяемый в отечественной археологии. В результате установлено, что основным сырьем для кузнечной продукции селищ Багаевского и Широкий Буерак служили простое кричное железо, сырцовая неравномерно науглероженная сталь, но также и специально приготовленная высокоуглеродистая сталь. В арсенале кузнечной продукции Багаевского селища 86,8 % технологических операций относятся к I группе (простые технологии, без использования конструктивного соединения кузнечной сваркой кричного железа и высокоуглеродистой стали, пайки медью) и 13,2 % – ко II группе (изделия с конструктивным соединением кузнечной сваркой кричного железа и стали, пайкой медью). 58 % металлографически исследованных изделий были изготовлены из кричного железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали. 29 % изделий были откованы в технологиях с целью получения качественных изделий. Из цельносталевых заготовок изготовлено 15,8 % изделий, из пакетных заготовок – 10,5 %. Технология цементации отмечена на 2,6 % изделий. Среди технологических схем, относящихся ко II технологической группе, отмечены торцовая наварка и ковка из двухполосных железо-стальных заготовок, составившие по 5,3 %. В целом отмеченные технологические особенности кузнечной продукции Багаевской коллекции характерны для железообработки Среднего Поволжья золотоордынского периода.

Ключевые слова: археометаллография, кузнечное производство, Золотая Орда, термообработка, шлаки, неметаллические включения, микротвердость.

Цитирование. Семькин Ю. А., Недашковский Л. Ф., 2023. Новые данные о технологии изготовления кузнечной продукции сельских поселений Золотой Орды по результатам металлографических анализов изделий с селищ Багаевское и Широкий Буерак // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 222–257. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.12>

История экономического развития древних и средневековых обществ полнее может быть понята на основе изучения уровня развития базовых отраслей производства, среди которых ведущее место занимали черная металлургия и металлообработка. Начиная с раннего железного века и особенно в эпоху средневековья черная металлургия и кузнечное про-

изводство обеспечивали экономику и хозяйство населения основными орудиями труда, бытовыми инструментами, но также предметами вооружения и обороны [Колчин, 1985, с. 244].

Цель настоящей статьи – введение в научный оборот полных данных о результатах металлографических исследований кузнечной продукции, происходящей с селищ Багаевское

и Широкий Буерак, расположенных в округе золотоордынского города Укека, в Саратовском районе муниципального образования «Город Саратов» Саратовской области. Оба памятника относятся к золотоордынскому времени, датируются в пределах второй половины XIII – XIV века. Багаевское селище было открыто в 1995 г. и раскапывалось экспедицией Казанского университета под руководством Л.Ф. Недашковского в 2002–2003, 2006–2012, 2014–2016 и 2020–2022 гг. [Недашковский, 2016; 2018; 2021; Недашковский, Моржерин, 2020; Недашковский, Шигапов, 2019; 2020а; 2020б; Шаймуратова и др., 2021; Яворская, Недашковский, 2020], селище Широкий Буерак было обнаружено в 1996 г. и раскапывалось в 2001–2002 гг. также экспедицией под руководством Л.Ф. Недашковского [Недашковский, 2016; 2018; 2021; Недашковский, Моржерин, 2020; Недашковский, Шигапов, 2017; Шаймуратова и др., 2021].

Во второй половине XX и начале XXI в. в отечественной археологической науке были выполнены фундаментальные и крупные исследования по истории черной металлургии и кузнечного производства населения Древнерусского государства, Волжской Булгарии, а также ряда археологических культур Восточной Европы древности и средневековья. Однако история становления и развития кузнечного производства населения Золотой Орды, в том числе и по сравнению с другими аспектами археологического изучения государства Джучидов [Зеленева и др., 2021; Недашковский и др., 2018; Nedashkovskii, 2009; Nedashkovsky, 2012; 2014; 2015; Nedashkovsky, Nurkhamitov, 2019], оказалась исследованной на недостаточном уровне. И настоящая статья направлена на частичное заполнение дефицита знаний в этой области археологической науки.

Следует отметить, что первая краткая публикация результатов металлографических исследований с Багаевского селища была выполнена в 2014 г. в совместной статье Л.Ф. Недашковского и Ю.А. Семькина, посвященной исследованиям коллекции кузнечной продукции Хмелевского I и Багаевского селищ [Недашковский, Семькин, 2014]. В настоящей статье публикуются гораздо более полные сведения о результатах металлографических анализов кузнечной продукции Багаевского селища,

а также привлечены данные селища Широкий Буерак, способные придать результатам исследования дополнительную объективность и научную доказательность.

Известно, что кузнечная продукция из черного металла с золотоордынских памятников Нижнего Поволжья сохраняется очень плохо, что ограничивает источниковую базу для выполнения металлографических исследований технологии кузнечного производства Золотой Орды. В создавшейся ситуации для проведения металлографических анализов приходится привлекать любые сохранные образцы кузнечной продукции. В ходе археологических раскопок на территории поселений была получена значительная коллекция кузнечной продукции, представляющая большой интерес как источник для исследования особенностей технологии кузнечной продукции золотоордынского периода.

Для выполнения металлографических анализов нами были привлечены 38 предметов кузнечной продукции с Багаевского селища и 12 – с селища Широкий Буерак. В настоящей статье была использована апробированная методика металлографических работ, в основном соответствующая разработанной в свое время Б.А. Колчиным [Колчин, 1953, с. 10].

Аналитические исследования выполнялись на металлографическом микроскопе МИМ-7. Микротвердость выявленных микроструктур измерялась на микротвердомере ПМТ-3. Шлифы протравливались 3 и 5%-ми растворами азотной кислоты в этиловом спирте. В процессе исследований выявленные микро- и макроструктуры на шлифах фотографировались на цифровой фотоаппарат в негравленном и травленном состоянии. При этом мы стремились фотографировать шлифы целиком с видимыми особенностями микроструктур. Это позволяло увидеть распределение микроструктур на всей поверхности шлифа. Подобный подход к проведению археометаллографических анализов позволяет составить более объективное представление об особенностях кузнечного производства у населения Золотой Орды, в том числе у населения сельских памятников Нижнего Поволжья.

Результаты металлографических анализов изделий с Багаевского селища обобщены в двух таблицах (табл. 1–2). В таблице 1 пред-

ставлена информация со статистикой распределения выявленных технологических схем среди категорий кузнечной продукции, распределения их по двум технологическим группам. В первую группу объединены простые технологии, зародившиеся еще в раннем железном веке, преимущественно без использования конструктивного соединения кузнечной сваркой кричного железа и высокоуглеродистой стали. Во вторую технологическую группу включены кузнечные изделия с конструктивным соединением кузнечной сваркой кричного железа и стали.

В таблице 2 содержатся общие сведения о прошедших металлографический анализ изделиях с паспортными данными, выявленными микроструктурами, микротвердостью, наличием шлаков и неметаллических включений, а также с интерпретацией определения технологических схем изготовления продукции.

Результаты металлографических исследований артефактов, происходящих с селища Широкий Буерак, представлены в таблицах 3 и 4.

Результаты металлографических анализов кузнечной продукции с каждого из памятников рассмотрим по отдельным категориям. Вначале обратимся к особенностям технологии кузнечной продукции Багаевского селища.

Технология изготовления ножей.

Известно, что среди различных категорий кузнечной продукции именно ножи наиболее активно подвергались инновационному технологическому влиянию. Большинство исследованных ножей с Багаевского селища – 5 экз. из 7 – сохранились фрагментарно (рис. 1). Только два ножа попали в руки археологов в относительно целом состоянии, что позволяет составить представление о типологической характеристике проанализированных ножей. Целые ножи имеют клиновидное сечение лезвий, прямую спинку и рукоять прямоугольного сечения, расположенную в средней части клинка.

По данным металлографических анализов на ножах с Багаевского селища были выявлены 4 технологические схемы изготовления: 1) ковка из заготовки неравномерно науглероженной стали; 2) ковка из цельносталей заготовок; 3) ковка в технологии торцовой наварки; 4) ковка из заготовки пакетного металла.

Наименее трудоемкой технологией изготовления ножей следует считать ковку изделия из заготовки неравномерно науглероженной сырцово-перлитной стали. Такая технологическая схема была выявлена на двух экземплярах ножей – анализы 3542 и 3571 (рис. 1).

На нетравленном поле шлифа (анализ 3542) наблюдаются микроструктуры феррита и феррито-перлита. Микротвердость феррита составляет 134 кг/мм², а феррито-перлита – 178 кг/мм². На шлифе заметны мелкие шлаковые и неметаллические включения. Степень прокованности и чистоты металла на ноже – средняя.

На шлифе с ножа (анализ 3571) присутствует ферритовая микроструктура с очень низкой микротвердостью – 106 кг/мм². Здесь также заметны мелкие темные точечные неметаллические включения и шлаки.

Более трудоемкая технология изготовления ножей Багаевского селища – ковка из цельносталей заготовок также прослежена на двух экземплярах ножей – анализы 3530 и 3650 (рис. 1). Трудоемкостьковки ножей из цельносталей заготовок объясняется сложностью изготовления цельносталей пластин также способом сквозной цементации. Для выполнения этой операции требовалось специальное оборудование, инструменты, керамическая посуда и компоненты – карбюризаторы. Обычно карбюризатором являлся древесный уголь, из которого при высокой температуре выделялся углекислый газ CO₂, проникавший в металл. Сама операция и процедура выполнения цементации достаточно продолжительная, что делает использование цельносталей заготовок дорогостоящей технологией.

На шлифе – анализ 3530 – в нетравленном состоянии наблюдаются мелкие неметаллические включения и шлаки. В целом металл здесь был прокован тщательно. На травленном поле шлифа с этого ножа были выявлены микроструктуры сорбита с микротвердостью 346 кг/мм² и троостита с микротвердостью 410 кг/мм².

Ковка из цельносталей заготовки также отмечена на шлифе с ножа – анализ 3650. Заготовка этого ножа была прокована тщательно, но заметны мелкие темные точечные неметаллические включения. Конечной операцией при изготовлении данного ножа была

мягкая закалка. На травленном поле шлифа наблюдается сорбитовая микроструктура с микротвердостью 263 кг/мм².

На одном экземпляре фрагмента лезвия ножа – анализ 3564 (рис. 1) – была выявлена технологическая схемаковки из заготовки пакетного металла. Применение технологии классического пакетного металла требовало и знания тонкостей кузнечной сварки железа со сталью, выдерживания оптимального температурного режима, и применения специальных сварочных флюсов, при которых качественно выполнялась операция кузнечной сварки. Анализ нетравленного шлифа 3564 свидетельствует в целом о качественном выполнении операции кузнечной сварки на заготовке рассматриваемого ножа. На травленном шлифе были выявлены микроструктуры феррита и феррито-перлита, разделяемые светлыми сварочными швами. Микротвердость феррито-перлитовых микроструктур составляет 178 кг/мм². Однако в верхней и нижней частях клиновидного шлифа наблюдаются трещины, заполненные шлаками и пустотами. Это свидетельствует о недостаточно высоком уровне квалификации кузнеца, изготовившего данный нож.

И последняя технологическая схема, выявленная на ножах с Багаевского селища, – торцовая наварка стальной высокоуглеродистой пластины на кончик лезвия ножа. Такая технологическая схема выявлена на двух ножах: анализы 3512 и 3517 (рис. 1). Весьма показательна технология изготовления одного ножа (анализ 3512). Здесь на слабо прокованное основное тело ножа из кричного железа была наварена высокоуглеродистая пластина по схеме торцовой наварки. В нижней части клиновидного шлифа наблюдается микроструктура троостита с микротвердостью 410–426 кг/мм². Эта трооститовая зона отделена от основного тела шлифа отчетливо заметным, слегка косо расположенным сварочным швом. В пограничной зоне сварочного шва присутствует микроструктура сорбита с микротвердостью 270–346 кг/мм². В целом качество выполнения операции кузнечной сварки на рассматриваемом ноже можно оценить как высокое.

Итак, необходимо отметить, что на 5 ножах с Багаевского селища выявлены техноло-

гии, относящиеся к I технологической группе. Только на двух ножах отмечены технологические схемы, относящиеся ко II технологической группе. Это в целом может свидетельствовать о сохранении у сельского населения Золотой Орды консервативных технологических традиций черной металлообработки.

Технология изготовления деревообделочных и сельскохозяйственных орудий уборки урожая с Багаевского селища исследована на примере фрагмента лезвия топора – анализ 3539, фрагмента струга – анализ 3541, фрагмента серпа – анализ 3500 (рис. 2).

Фрагмент лезвия топора – анализ 3539 – по данным металлографического анализа был откован из заготовки неравномерно науглероженной, хорошо прокованной сырцово-стали, о чем свидетельствуют микроструктуры феррита и феррито-перлита с микротвердостью 159 и 235 кг/мм².

Струг – анализ 3541 – также сохранившийся фрагментарно, был изготовлен из двухполосной заготовки, сваренной из стальной высокоуглеродистой и неравномерно науглероженной стальной полоски. При этом для основного тела струга была использована плохо прокованная сырцовая сталь. Обращает на себя внимание очень высокое качество выполнения кузнечной сварки. Об этом свидетельствует светлый и чистый сварочный шов. На основном теле струга выявлена микроструктура феррито-перлита с микротвердостью 212 кг/мм², а в стальной зоне расположена микроструктура высокоуглеродистого троостита с микротвердостью 358 кг/мм².

Фрагментарно сохранившийся серп – анализ 3500 – по данным металлографических анализов был изготовлен в технологии локальной цементации. При этом на основном теле серпа прослежена микроструктура феррита с микротвердостью 143 кг/мм², а на рабочей части лезвия серпа присутствует микроструктура феррито-перлита с микротвердостью 278 кг/мм².

Таким образом, на орудиях с Багаевского селища присутствуют изделия, относящиеся как к I, так и II технологическим группам.

Технология изготовления предметов конской упряжи исследована на примере двух фрагментарно сохранившихся конских удил (анализы 3573–3574), двух колец от

удил (анализы 3501 и 3572), а также одной рамки пряжки от конской упряжи (анализ 3507).

По данным металлографических анализов установлено, что в качестве сырья для изготовления удил использовалось обычное кричное железо и сырцовая неравномерно науглероженная сталь. При этом качество проковки заготовок было неодинаковым. На нетравленном поле шлифа с кольца – анализ 3501 (рис. 7) – наблюдаются многочисленные пустоты, шлаковые поля и неметаллические включения. После травления на поле шлифа была выявлена микроструктура феррито-перлита с микротвердостью 143–278 кг/мм². На нетравленных шлифах с удил – анализы 3572, 3573, 3574 (рис. 7) – также наблюдаются шлаки и неметаллические включения, а после травления на них проявились ферритовые микроструктуры с микротвердостью в пределах 129–159 кг/мм². А вот на рамке пряжки от конской подпруги дугообразной формы (анализ 3507) после травления проявились микроструктуры феррита и феррито-перлита с микротвердостью, соответственно, феррита – 115–120 кг/мм² и феррито-перлита – 206 кг/мм². При этом в центральной части шлифа наблюдается трооститовая микроструктура с микротвердостью 248 кг/мм².

При изготовлении колец для удил должна была применяться операция кузнечной сварки. Хотя визуально ее следы на изделиях не наблюдались, можно предположить, что эта операция была все же выполнена вполне удовлетворительно.

Технология изготовления скобяных (крепежных) изделий по дереву прослежена на примере семи экземпляров гвоздей (анализы 3504, 3510, 3546, 3549, 3563, 3565, 3566), двух фрагментов дверных пробоев (анализы 3522, 3554) и одного экземпляра скобы (анализ 3567).

По данным металлографических анализов в коллекции с Багаевского селища из неравномерно науглероженной стали (рис. 5–6) были изготовлены пять экземпляров гвоздей (анализы 3504, 3546, 3549, 3565, 3566), два фрагментарно сохранившихся дверных пробоя (анализы 3522, 3554). Неравномерная науглероженность заготовки для изготовления гвоздя отчетливо наблюдается на травленном шлифе – анализ 3546. Микротвердость феррито-

вой микроструктуры на этом шлифе составляет 102 кг/мм², а микротвердость сорбитовых участков достигает на шлифе 305 кг/мм². Микроструктура мягко закаленной стали на этом гвозде, вероятно, образовалась при охлаждении гвоздя после нагрева.

При подготовке заготовки для гвоздя – анализ 3566 – была применена операция кузнечной сварки, которая, однако, была проведена некачественно. Об этом ярко свидетельствует широкий шов, заполненный шлаками. На травленном поле шлифа здесь наблюдается микроструктура феррито-перлита, местами с сорбитообразными признаками. Микротвердость на шлифе варьирует в пределах от 102 до 305 кг/мм². Вероятно, сорбит здесь также образовался в результате охлаждения гвоздя в теплой воде.

Представляет интерес технологияковки фрагмента гвоздя – анализ 3563 (рис. 5). Он был откован из тщательно прокованной заготовки. На нетравленном поле шлифа с этого гвоздя наблюдаются немногочисленные мелкие темные точечные и бесформенные неметаллические включения, а после травления шлифа гвоздя – анализ 3563 – проявилась неоднородная микроструктура. Основное поле шлифа занимает микроструктура феррита с микротвердостью до 212 кг/мм², а в центре шлифа располагается изогнутая линейная зона мелкозернистого феррито-перлита с микротвердостью 278–287 кг/мм². Между зонами различных микроструктур наблюдается чистый сварочный шов. Внешне технологическая схема приготовления заготовки гвоздя – анализ 3563 – напоминает трехслойный пакет с помещением в центральную часть высокоуглеродистой стальной полосы между двумя полосами кричного железа. Такая технологическая схема была целесообразна с точки зрения получения прочного и качественного изделия. Данный экземпляр гвоздя можно рассматривать как свидетельство высокого уровня квалификации кузнеца, изготовившего этот гвоздь.

Также весьма показательна технология изготовления гвоздя – анализ 3555 (рис. 5) – откованного из пакетного металла. Заготовка для гвоздя была подготовлена кузнечной сваркой полосок кричного железа с микротвердостью ферритовой микроструктуры 146 кг/мм² и неравномерно науглероженной стали. Мик-

ротвердость феррито-перлитовой структуры здесь составляет 212 кг/мм². На шлифе заметны отдельные мелкие шлаки и неметаллические включения. Кузнечная сварка блока заготовки была в целом выполнена качественно. Вероятно, в данном случае имела место утилизация металла.

Среди скобяных изделий особенно высокие требования предъявлялись к таким деталям, как дверные пробой. Их прочность должна была гарантировать непроницаемость дверей от нежелательного проникновения. Поэтому дверные пробой, а также висячие навесные и врезные замки, мастера старались изготавливать из особо прочных материалов. В этом отношении представляют интерес результаты металлографического анализа дверного пробоя – анализ 3554 (рис. 5).

На нетравленном поле шлифа заметны мелкие темные точечные неметаллические включения. В целом металл прокован хорошо. После травления на шлифе проявилась неоднородная картина. Заметны участки ферритовой, феррито-перлитовой и сорбитовой микроструктур без отчетливых границ между ними. Микротвердость ферритовой микроструктуры на шлифе составляет 146 кг/мм², феррито-перлитовой – 212 кг/мм², а микротвердость сорбитовой структуры равна 358 кг/мм². Можно предположить, что рассматриваемый пробой был откован из заготовки неравномерно науглероженной стали с мягкой закалкой, что привело к созданию прочного изделия. Однако, судя по фрагментарной сохранности пробоя, дверь, на которой он был использован, была вскрыта силовым способом, что и привело к поломке изделия.

Аналогичная картина была выявлена на другом пробое – анализ 3522 (рис. 6), который также был откован из заготовки неравномерно науглероженной стали. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры с этого шлифа составляет 146–212 кг/мм².

Для закрывания небольшой дверцы могла быть использована скоба – анализ 3567 (рис. 5). Технология изготовления этой скобы – ковка из цельностальной заготовки. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры на шлифе составляет 193–223 кг/мм².

Технология изготовления предметов вооружения с Багаевского селища про-

слежена металлографическим анализом одного фрагмента наконечника стрелы – анализ 3562 (рис. 2). Его частичная сохранность затрудняет определение типологической принадлежности наконечника. По данным металлографического анализа наконечник был откован из цельностальной, достаточно хорошо прокованной заготовки. На нетравленном поле шлифа наблюдаются мелкие темные точечные неметаллические включения, а после травления на шлифе проявилась микроструктура сорбита с микротвердостью 278 кг/мм², что свидетельствует о применении мягкой закалки на этом наконечнике стрелы.

Технология изготовления ключей к цилиндрическим замкам прослежена на примере пяти ключей – анализы 3511, 3515, 3538, 3558, 3569 (рис. 4). Из них два ключа – анализы 3511 и 3569 – сохранились фрагментарно. Металлографически также был исследован фрагмент пружинного узла цилиндрического замка – анализ 3505 (рис. 3).

Для изготовления ключей для цилиндрических замков мастера, поставлявшие свою продукцию населению Багаевского селища, в качестве сырья использовали кричное железо и неравномерно науглероженную сырцовую сталь (анализы 3511, 3538, 3558, 3569), а также цельную сталь (анализ 3515). Микротвердость ферритовой микроструктуры на шлифе 3511 составляет 143–159 кг/мм² и феррито-перлита на шлифе 3569 – 159–235 кг/мм². Ключ от цилиндрического замка – анализ 3515 был откован из цельностальной высокоуглеродистой заготовки. На этом ключе, который подвергся мягкой закалке, образовалась трооститовая микроструктура с микротвердостью 410–426 кг/мм². Конечно, вызывает интерес, имела ли место преднамеренная термообработка, или же трооститовая микроструктура на ключе образовалась в результате охлаждения изделия в теплой воде? Ответа на этот вопрос у нас нет.

При изготовлении сложных изделий из железа и стали средневековым мастерам приходилось использовать сложные инструменты и оборудование. Но какое конкретно – об этом мы можем только догадываться. Среди инструментов уверенно предполагается использование напильников, которые иногда встречаются в коллекциях средневекового кузнечного

инвентаря. Кроме них в составе инструментария средневековых кузнецов и слесарей должны были использоваться миниатюрные инструменты типа надфилей, без которых невозможно было изготовление сложных, а также мелких изделий, таких как цилиндрические замки малых размеров и ключи к ним.

Общепризнано, что именно пружинные замки – цилиндрические и кубические, а также внутренние врезные, считаются наиболее сложной категорией кузнечной и слесарной продукции эпохи средневековья. Такие замки могли состоять из нескольких десятков отдельных деталей, соединенных в единое целое пайкой медным припоем. Проблема технологии изготовления средневековых навесных пружинных замков в прошлом исследовалась многими учеными [Колчин, 1953, с. 10; Розенфельдт, 1953; Рыбаков, 1948, с. 218]. Экспериментальное исследование технологии изготовления цилиндрических замков Волжской Булгарии в свое время было проведено одним из авторов настоящей статьи [Семькин, 1991; 2015].

На фрагменте замкового узла пружинного **цилиндрического замка** с Багаевского селища (анализ 3505) было зафиксировано применение технологии пайки деталей замка твердым медным припоем (рис. 3).

При рассмотрении технологии кузнечного и слесарного производств эпохи средневековья возникает вопрос об использовании мастерами далекого прошлого специальных зажимных устройств, выполнявших функции слесарных тисков. Самые простые возможные приспособления такого рода могли работать на основе клиновых зажимов, крепившихся на специальных столах типа верстаков. Однако каких-либо остатков таких зажимов до нас не дошло.

Особую группу археологических материалов, связанных с кузнечным производством, составляют фрагментарно сохранившиеся артефакты, функциональное назначение которых не определено, либо только угадывается. Такие артефакты объединяются нами в группу **предметов неопределенного назначения**. В коллекции с Багаевского селища таких предметов насчитывается четыре экземпляра – анализы 3502, 3531, 3551, 3553 (рис. 9). Несмотря на отсутствие сведений

об их функциональном назначении, результаты металлографических анализов дают нам интересную информацию о технологии их изготовления.

Фрагмент предмета – анализ 3551 – представляет собой небольшую пластину с заострением к одному концу. Другой край пластины заканчивается поперечным срезом. В целом предмет внешне напоминает лезвие ножа, однако отсутствует клиновидное сечение, характерное для средневековых ножей. Поэтому можно предположить, что предмет является заготовкой дляковки ножа. Не противоречит этому и результат металлографического анализа. На нетравленном шлифе наблюдаются мелкие темные точечные неметаллические включения и отдельные шлаковые локализации. После травления на шлифе проявилась феррито-перлитовая микроструктура с неравномерным распределением. Заметны также узкие, темные, вытянутые вдоль оси шлифа сварочные швы низкого качества. Таким образом, можно сделать условный вывод, что предмет является фрагментом заготовки для ножа, приготовленной в технологии пакетования. Однако заготовка была поломана и не превратилась в готовое изделие.

Два других артефакта – анализы 3502 и 3553 – представляют собой удлиненные деформированные полоски металла. На нетравленной пластине – анализ 3502 – шлаковых и неметаллических включений практически не наблюдается. После травления на поле шлифа проявилась однородная феррито-перлитовая микроструктура с микротвердостью 212 кг/мм², что свидетельствует о том, что пластина откована из заготовки однородной стали.

Пластина – анализ 3553 – по данным металлографического анализа была откована из заготовки, пакетованной из полос кричного железа и неравномерно науглероженной сырцової стали. На шлифе заметны отдельные шлаковые включения и тонкие чистые сварочные швы. Микротвердость ферритовой микроструктуры на шлифе составляет 143 кг/мм², а микротвердость феррито-перлита – 191–223 кг/мм².

Загадочным остается назначение целиком сохранившегося кузнечного изделия в форме пластины с перпендикулярно отогнутыми и приостренными краями – анализ 3531.

На верхней внешней поверхности предмета в его центральной части сформована небольшая квадратная поверхность, слегка возвышающаяся над общей площадкой. Аналогии такому артефакту нам не известны. По данным металлографического анализа предмет был откован из цельностаальной, но неравномерно науглероженной заготовки. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры на шлифе составляет 206 кг/мм². Но зафиксирован участок мартенситовой микроструктуры с микротвердостью 450 кг/мм², что свидетельствует о применении резкой закалки.

Технология изготовления деталей костюма. Технология изготовления предметов этой группы рассмотрена на примере трех артефактов (рис. 8): стержень-фиксатор, предположительно, от сюльгамы или фибулы (анализ 3651), язычок от поясной пряжки (анализ 3537) и поясная накладка (?) – анализ 3655.

Стержень-фиксатор – анализ 3651 – по данным металлографического анализа был откован из заготовки кричного железа. Микротвердость ферритовой микроструктуры пониженная и составляет 89,4 кг/мм².

Из неравномерно науглероженной сырцово-вой стали был откован язычок поясной пряжки – анализ 3537. Качество проковки металла оказалось невысоким. Но микротвердость участков феррито-перлитовой микроструктуры повышенная и составляет 206–248 кг/мм².

Неравномерно науглероженная сырцовая сталь была использована для проковки предположительно накладки на ремень – анализ 3655. Микротвердость феррито-перлитовой микроструктуры также повышенная и составляет 201 кг/мм².

Таковыми оказались технологические приемы и особенности изготовления кузнечной продукции, происходящей с Багаевского селища.

Подводя итоги результатам металлографических анализов коллекции кузнечной продукции с Багаевского селища, следует отметить, что основным сырьем, послужившим для изготовления рассмотренной нами кузнечной продукции, служили обычное кричное железо и сырцовая неравномерно науглероженная сталь. Основная масса металлографически исследованной кузнечной продукции (58 %) была изготовлена как раз из такого металла. Однако заметно стремление кузнецов к применению техно-

логий, направленных на улучшение эксплуатационного качества продукции. В частности, об этом свидетельствует частаяковка изделий из цельной стали – 15,8 %,ковка из заготовок пакетного металла – 10,5 %. Технологические схемы, относящиеся к I технологической группе, занимают в коллекции кузнечных изделий Багаевского селища доминирующие 86,8 %, что косвенно может указывать на сохранение консервативных кузнечных традиций. Только на 13,2 % изделий встречены технологии, характерные для II технологической группы. Это технологии торцовой наварки, двухполосной сварки и пайки медью. Соответственно и термообработка отмечена только на 18,3 % изделий. При этом термообработка в основном представлена мягкой закалкой. И только на двух предметах встречена резкая закалка.

Для сравнения кратко рассмотрим технологические особенности кузнечной и слесарной продукции, происходящей с селища **Широкий Буерак**.

Среди изделий, изготовленных из черного металла и происходящих с селища Широкий Буерак, металлографическому анализу подверглись 1 экземпляр частично сохранившихся конских удил, 4 экземпляра скобяных изделий (3 гвоздя, 1 стержень), 1 экземпляр токарного резца, 1 фрагмент чугунного котла и 3 фрагмента цилиндрических замков, 1 экземпляр пряжки (рис. 10). Все предметы происходят из группы подъемного материала с селища.

По данным металлографии удила были изготовлены из неравномерно науглероженной сырцово-вой стали. На шлифах с кольца и с грызла присутствуют феррито-перлитовые микроструктуры с микротвердостью 206–248 кг/мм².

Интересной и редкой находкой на поселенческих памятниках эпохи средневековья является артефакт, происходящий с селища Широкий Буерак – анализ 1809. Он представляет собой небольшой стержень с приостренным краем с одной стороны и стамескообразным рабочим краем – с другой. Почти полные аналогии этому предмету известны с поселения Красная Поляна в Старомайском районе Ульяновской области. Мы рассматриваем эти предметы в качестве токарных резцов по дереву. Наличие в деревообработке средневекового населения Древней Руси и Золотой Орды токарных ножных станков не вызывает сомнения, а вот то-

карные резцы встречаются крайне редко. По данным металлографического анализа на шлифе с предмета – анализ 1809 – выявлены микроструктуры феррито-перлита и сорбита. Инструмент был откован из высокоуглеродистой стальной заготовки. Конечной операцией при его изготовлении была мягкая закалка на сорбит с микротвердостью 270–346 кг/мм².

Три экземпляра гвоздей – анализы 1805, 1818 и 1819 по данным металлографических анализов были откованы из заготовок кричного железа с микротвердостью в пределах 134–146 и 152 кг/мм². Фрагментарно сохранившиеся предметы с неясным функциональным назначением, условно обозначенные как железный штырь (анализ 1817) и стержень (фрагмент гвоздя?) (анализ 1808), были откованы из заготовок неравномерно науглероженной стали с микротвердостью феррито-перлита в пределах 206–248 кг/мм². Из аналогичного материала, неравномерно науглероженной сырцово-стали, откована рамка пряжки – анализ 1804. При изготовлении удил – анализы 1815а и 1815б – также была использована сырцовая неравномерно науглероженная сталь с повышенной микротвердостью феррито-перлита – 206–248 кг/мм².

Анализ трех фрагментов цилиндрических замков – анализы 1812, 1813 и 1814 – показал, что они были откованы из кричного железа в технологии пайки твердым медным припоем.

И последний металлический образец, происходящий из селища Широкий Буерак и исследованный визуально, – фрагмент стенки чугуно котла, сохранивший на своей поверхности каплевидный наплыв из цветного металла – анализ 1811. Зачистка этого наплыва с помощью надфиля показала, что наплыв состоит из меди и является крупной заклепкой, установленной способом кузнечной деформации для устранения брака в чугунолитейном производстве. В процессе литья на стенке котла образовалось точечное отверстие, которое удалось устранить медной заклепкой. При этом работа должна была выполняться при участии двух мастеров, один из которых держал предварительно изготовленную медную заклепку, прижимая ее с внутренней стороны котла молотком к отверстию. Второй мастер расковывал заклепку молотком с внешней стороны. Отметим, что подобный способ устранения брака в чугуноли-

тейном производстве эпохи средневековья был весьма распространенным явлением.

Итак, результаты металлографических анализов изделий из черного металла, происходящих с селищ Багаевское и Широкий Буерак, дополнили базу данных по истории кузнечного производства у золотоордынского сельского населения Нижнего Поволжья, что позволяет более полно реконструировать историю становления и развития металлообработки населения Восточной Европы эпохи развитого средневековья. В частности, установлено, что основным сырьем для кузнечной продукции селищ Багаевское и Широкий Буерак служили простое кричное железо, сырцовая неравномерно науглероженная сталь, но также специально приготовленная высокоуглеродистая сталь. В технологическом арсенале кузнечной продукции Багаевского селища 86,8 % технологических операций относятся к I технологической группе и 13,2 % – ко II группе. Большая часть металлографически исследованных изделий – 58 % – были изготовлены из кричного железа и сырцово-стали, в том числе и два ножа из семи. В то же время 29 % изделий были откованы в технологиях, направленных на получение качественных изделий, а среди таких технологий чаще применялиськовка из цельносталльных заготовок (15,8 %),ковка из пакетных заготовок (10,5 %). Реже применялась технология цементации (2,6 %). Среди технологических схем, относящихся ко II технологической группе, отмечены две основные технологии – торцовая наварка иковка из двухполосных железо-стальных заготовок. Они отмечены каждая в двух случаях, что составило по 5,3 %.

В целом отмеченные технологические особенности кузнечной продукции Багаевской коллекции характерны для железообработки золотоордынского периода Среднего и Нижнего Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-09-00004.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Распределение технологических схем кузнечной продукции Багаевского селища

Table 1. Technological Schemes Distribution of blacksmith wares of Bagaevka settlement

Категории изделий	Технологические схемы								Всего	Всего из них:
										
Ножи	–	2	–	2	1	2	–	–	7	1М
Топоры	–	1	–	–	–	–	–	–	1	–
Струги	–	–	–	–	–	–	1	–	1	1М
Удила, детали от удил	3	3	–	–	–	–	–	–	6	1М
Скобяные изделия	–	6	–	1	1	–	1	–	9	1Р
Неопределенные предметы	–	1	–	1	2	–	–	–	4	1Р
Наконечники стрел	–	–	–	1	–	–	–	–	1	1М
Замки	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–
Ключи от замков	1	2	–	1	–	–	–	–	4	1М
Детали костюма	1	2	–	–	–	–	–	–	3	–
Всего	5	17	1	6	4	2	2	1	38	7
Всего в %	I Технологической группы 86,8 %					II Технологической группы 13,2 %			100 %	18,3 %

Условные обозначения:

– кричное железо (bloom iron);

– сырцовая сталь (raw steel);

– цементация (cementation);

– ковка из цельностаальной заготовки (forging from all-steel work piece);

– пакетный металл (package metal);

– торцовая наварка (end welding);

– пайка медью (copper soldering);

– двухполосная сварка (two-lane welding);

– термообработка (heat treatment) (Р – резкая закалка (sharp hardening), М – мягкая закалка (soft hardening)).

Таблица 2. Сводные данные по аналитическим исследованиям коллекции кузнечных изделий Багаевского селища

Table 2. Summary of analytical studies of the blacksmith wares collection from the Bagaevka settlement

№ анализа	Категория изделия	Паспортные данные	Микроструктурные составляющие	Термообработка
3500	Фрагмент серпа	Раскоп I, яма 9, уч. 3, гл. -102 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3501	Кольцо	Раскоп I, яма 9, уч. 6, гл. -92 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3502	Предмет неопределенного назначения	Раскоп I, уч. 16, гл. -3 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3504	Гвоздь	Раскоп I, яма 9, уч. 9, гл. -81 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3505	Фрагмент пружинного узла цилиндрического замка	Раскоп I, яма 9, уч. 9, гл. -54 см	Феррит (основы), медь (припой)	Не отмечена
3507	Рамка пряжки конской подпруги	Раскоп I, уч. 7, гл. -54 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3510	Гвоздь	Раскоп I, уч. 14, гл. -19 см	Феррит	Не отмечена
3511	Фрагмент ключа	Раскоп I, уч. 4, гл. -62 см	Феррит	Не отмечена
3512	Фрагмент ножа	Раскоп I, уч. 4, гл. -38 см	Феррит, феррито-перлит, троостит, сорбит, сварочный шов	Мягкая закалка
3515	Ключ от пружинного замка	Раскоп I, уч. 2, гл. -51 см	Троостит	Мягкая закалка с отпуском
3517	Фрагмент лезвия ножа	Раскоп I, уч. 2, яма 8, гл. -85 см	Феррит, сорбит, сварочный шов	Мягкая закалка
3522	Фрагмент дверного пробоя	Раскоп I, уч. 8, яма 9, гл. -110 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3530	Фрагмент лезвия ножа	Раскоп I, уч. 10, яма 9, гл. -60 см	Сорбит, троостит	Мягкая закалка
3531	Скоба	Раскоп I, яма 9, уч. 14, гл. -56 см	Феррито-перлит с мартенситовой ориентировкой	Следы термообработки
3535	Фрагмент гвоздя	Раскоп I, яма 9, уч. 7, гл. -66 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3537	Язычок пряжки	Раскоп I, яма 8, уч. 25, гл. -59 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3538	Ключ от цилиндрического замка	Раскоп I, яма 8, уч. 30, гл. -105 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3539	Топор	Раскоп I, уч. 32, гл. -18 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3541	Фрагмент струга	Раскоп I, уч. 26, гл. -4 см	Феррито-перлит, троостит, сварочный шов	Мягкая закалка
3542	Фрагмент лезвия ножа	Раскоп I, яма 9, уч. 8, гл. -33 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3546	Гвоздь	Раскоп I, уч. 9, гл. -23 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3549	Гвоздь	Раскоп I, уч. 31, гл. -7 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3650	Нож	Раскоп I, уч. 5, яма 9, гл. -12 см	Сорбит	Мягкая закалка
3551	Пластина неопределенного назначения	Раскоп I, уч. 23, гл. -67 см	Феррито-перлит, сварочные швы	Не отмечена
3553	Пластина неопределенного назначения	Раскоп I, уч. 47, яма 12, гл. -79 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ анализа	Категория изделия	Паспортные данные	Микроструктурные составляющие	Термообработка
3554	Дверной пробой	Раскоп I, уч. 1, яма 9, -69 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3555	Гвоздь	Раскоп I, уч. 6, гл. -28 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3562	Фрагмент наконечника стрелы	Раскоп I, яма 9, уч. 21, гл. -45 см	Сорбит	Мягкая закалка
3563	Фрагмент гвоздя	Раскоп I, уч. 34, яма 9, гл. -134 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3564	Фрагмент ножа	Раскоп I, уч. 7, яма 9, гл. -23 см	Феррит, феррито-перлит, многочисленные сварочные швы	Не отмечена
3565	Фрагмент гвоздя	Раскоп I, уч. 43, гл. -3 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3566	Фрагмент гвоздя	Раскоп I, уч. 43, гл. -43 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3567	Скоба	Раскоп I, уч. 47, яма 9, гл. -50 см	Феррито-перлит	Не отмечена
3569	Фрагмент ключа	Раскоп I, уч. 36, яма 9, гл. -43 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3570	Стержень	Раскоп I, яма 9, уч. 20, гл. -32 см	Феррит	Не отмечена
3571	Нож	Раскоп I, уч. 20, яма 9, гл. -37 см	Феррит, феррито-перлит	Не отмечена
3572	Кольцо от удила	Раскоп I, уч. 19, яма 50, гл. -44 см	Феррит	Не отмечена
3573	Удила	Раскоп I, уч. 6, яма 49, гл. -60 см	Феррит	Не отмечена
3574	Удила	Раскоп I, уч. 6, яма 49, гл. -60 см	Феррит	Не отмечена
3575	Накладка на ремень	Раскоп I, яма 50, уч. 21, гл. -50 см	Феррито-перлит	Не отмечена

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ анализа	Категория изделия	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
3500	Фрагмент серпа	Феррит – 143 кг/мм ² , феррито-перлит – 278 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Цементация
3501	Кольцо	Феррито-перлит – 143–278 кг/мм ²	Крупные шлаки и неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной сырцової стали
3502	Предмет неопределенного назначения	124 кг/мм ² , 212 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Наварка V-образной стальной пластины на основу из кричного железа
3504	Гвоздь	102–305 кг/мм ²	Многочисленные неметаллические включения и шлаки	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной стали
3505	Фрагмент пружинного узла цилиндрического замка	120 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Технология пайки медным припоем деталей из железа

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ анализа	Категория изделия	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
3507	Рамка пряжки конской подпруги	115–120 кг/мм ² , 206–248 кг/мм ²	Мелкие темные неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной сырцово́й стали
3510	Гвоздь	Феррит, 134–152 кг/мм ²	Мелкие немногочисленные шлаки	Ковка из заготовки кричного железа
3511	Фрагмент ключа	143–159 кг/мм ²	Мелкие темные неметаллические включения	Ковка из кричного железа
3512	Фрагмент ножа	270–346 кг/мм ² (сорбит), 410–426 кг/мм ² (троостит)	Многочисленные шлаки и неметаллические включения в основном теле лезвия ножа	Торцовая наварка стальной пластины на основу из кричного железа. Качество кузнечной сварки высокое
3515	Ключ от пружинного замка	410–426 кг/мм ²	Мелкие темные неметаллические включения	Ковка из цельноста́льной заготовки, мягкая закалка с отпуском
3517	Фрагмент лезвия ножа	159 кг/мм ² , 270–346 кг/мм ²	Многочисленные шлаки, неметаллические включения	Торцовая наварка стальной пластины на железную основу ножа. Качество кузнечной сварки высокое
3522	Фрагмент дверного пробоя	146 кг/мм ² , 212–358 кг/мм ²	Многочисленные шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной сырцово́й стали
3530	Фрагмент лезвия ножа	346 кг/мм ² , 410 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из цельноста́льной заготовки, мягкая закалка
3531	Скоба	206 кг/мм ² , 450 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной стали
3535	Фрагмент гвоздя	102–305 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной стали
3537	Язычок пряжки	206–248 кг/мм ²	Шлаки, темные точечные неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной стали
3538	Ключ от цилиндрического замка	159–235 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной сырцово́й стали
3539	Топор	159–235 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной сырцово́й стали
3541	Фрагмент струга	212 кг/мм ² , 358 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения, пустоты	Двухполосная сварка высокоуглеродистой и неравномерно науглероженной сырцово́й стали. Качество кузнечной сварки высокое
3542	Фрагмент лезвия ножа	134 кг/мм ² , 178 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной сырцово́й стали

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ анализа	Категория изделия	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
3546	Гвоздь	102–305 кг/мм ²	Шлаки, мелкие темные точечные неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной сырцової стали
3549	Гвоздь	102–305 кг/мм ²	Шлаки, мелкие темные точечные неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной сырцової стали
3650	Нож	263 кг/мм ²	Неметаллические включения	Ковка из цельно-стальной заготовки. Конечная операция – мягкая закалка
3551	Пластина неопределенного назначения	212 кг/мм ²	Мелкие темные точечные неметаллические включения	Ковка из заготовки однородной неравномерно науглероженной стали, следы операции кузнечной сварки
3553	Пластина неопределенного назначения	43 кг/мм ² , 191–223 кг/мм ²	Мелкие шлаки и темные точечные неметаллические включения	Ковка из заготовки пакетованной из кричного железа и неравномерно науглероженной сырцової стали. Кузнечная сварка высокого качества
3554	Дверной пробой	146 кг/мм ² , 212–358 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной стали
3555	Гвоздь	146 кг/мм ² , феррито-перлит 212 кг/мм ²	Многочисленные мелкие темные точечные неметаллические включения, сварочные швы хорошего качества	Технология ковки из заготовки пакетного металла
3562	Фрагмент наконечника стрелы	278 кг/мм ²	Мелкие темные точечные неметаллические включения	Ковка из цельно-стальной заготовки. Заключительная операция – мягкая закалка
3563	Фрагмент гвоздя	212 кг/мм ² , 278–287 кг/мм ²	Многочисленные мелкие темные точечные неметаллические включения	Технологическая схема трехслойного пакета, кузнечная сварка высокого качества
3564	Фрагмент ножа	178 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения. Глубокая трещина. Кузнечная сварка	Технология ковки из заготовки, пакетованной из полос неравномерно науглероженной стали, качество кузнечной сварки неоднозначное
3565	Фрагмент гвоздя	Феррито-перлит 102–305 кг/мм ²	Мелкие темные точечные неметаллические включения и шлаки	Технология ковки из заготовки, пакетованной из полос неравномерно науглероженной стали

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№ анализа	Категория изделия	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
3566	Фрагмент гвоздя	102–305 кг/мм ²	Мелкие неметаллические включения, шлаки, глубокая трещина	Ковка из неравномерно науглероженной стали. Некачественная кузнечная сварка. Брак в работе кузнеца
3567	Скоба	191–223 кг/мм ²	Шлаки, мелкие темные точечные неметаллические включения	Технологияковки из цельносталевой заготовки
3569	Фрагмент ключа	143–159 кг/мм ² , 159–235 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной стали
3570	Стержень	89,4 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки кричного железа
3571	Нож	106 кг/мм ²	Мелкие темные точечные неметаллические включения и шлаки	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной сырьевой стали
3572	Кольцо от удил	129 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки кричного железа
3573	Удила	159 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки кричного железа
3574	Удила	129 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки кричного железа
3575	Накладка на ремень	201 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки кричного железа

Таблица 3. Распределение технологических схем кузнечной продукции селища Широкий Буерак

Table 3. Technological Schemes Distribution of blacksmith wares from Shiroky Buerak settlement

Категории изделий	Технологические схемы					Всего	Всего из них:
							
Удила	–	2	–	–	–	2	–
Скобяные изделия (гвозди)	3	–	–	–	–	3	–
Стержни	–	1	–	–	–	1	–
Котлы чугунные	–	–	–	–	–	1	–
Токарные резцы	–	–	1	–	–	1	1
Замки	–	–	–	3	–	3	–
Детали костюма (пряжки)	–	1	–	–	–	1	–
Всего	3	4	1	3	1	12	1

Условные обозначения:

– кричное железо (bloom iron);

– сырцовая сталь (raw steel);

– цементация (cementation);

– ковка из цельностаальной заготовки (forging from all-steel work piece);

– пайка медью (copper soldering);

– клепка (riveting).

Таблица 4. Сводные данные по аналитическим исследованиям коллекции кузнечных изделий селища Широкий Буерак

Table 4. Summary of analytical studies of the blacksmith wares collection from the Shiroky Buerak settlement

№ анализа	Категория изделия	Паспортные данные	Микроструктурные составляющие	Термообработка
1804	Рамка железной пряжки	Подъемный материал	Феррито-перлит	Не отмечена
1805	Железный гвоздь	Подъемный материал	Феррит	Не отмечена
1808	Фрагмент железного стержня	Подъемный материал	Феррито-перлит	Не отмечена
1809	Токарный резец	Подъемный материал	Феррито-перлит, сорбит	Мягкая закалка
1811	Фрагмент чугунного котла с заклепкой (анализ заклепки)	Подъемный материал	Волокнистая структура	Нет
1812	Фрагмент корпуса цилиндрического замка	Подъемный материал	Феррит, медный паяный шов	Не отмечена
1813	Фрагмент корпуса цилиндрического замка	Подъемный материал	Феррит, медный паяный шов	Не отмечена
1814	Фрагмент донца корпуса цилиндрического замка	Подъемный материал	Феррит, медный паяный шов	Не отмечена
1815А	Кольцо конских удил	Подъемный материал	Феррито-перлит	Не отмечена
1815Б	Грызло конских удил	Подъемный материал	Феррито-перлит	Не отмечена
1817	Железный штырь	Подъемный материал	Феррито-перлит	Не отмечена
1818	Железный гвоздь	Подъемный материал	Феррит	Не отмечена
1819	Железный гвоздь	Подъемный материал	Феррит	Не отмечена

Продолжение таблицы 4

Continuation of Table 4

№ анализа	Категория изделия	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
1804	Рамка железной пряжки	134–152 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из неравномерно науглероженной сырцово-й стали
1805	Железный гвоздь	134–152 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из кричного железа
1808	Фрагмент железного стержня	206–248 кг/мм ²	Многочисленные неметаллические включения и шлаки	Ковка из неравномерно науглероженной сырцово-й стали
1809	Токарный резец	270–346 кг/мм ² (сорбит)	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из цельностаальной заготовки. Мягкая закалка
1811	Фрагмент чугунного котла с заклепкой (анализ заклепки)	Не измерялась	Нет	Технология кузнечной деформации

Окончание таблицы 4

End of Table 4

№ анализа	Категория изделия	Микротвердость	Наличие шлаков и неметаллических включений	Технологическая схема
1812	Фрагмент корпуса цилиндрического замка	134 кг/мм ²	Неметаллические включения	Технология пайки кричного железа медным припоем
1813	Фрагмент корпуса цилиндрического замка	152 кг/мм ²	Неметаллические включения	Технология пайки кричного железа медным припоем
1814	Фрагмент донца корпуса цилиндрического замка	152 кг/мм ²	Неметаллические включения	Технология пайки кричного железа медным припоем
1815А	Кольцо конских удил	206 кг/мм ²	Шлаки и неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной стали
1815Б	Грызло конских удил	206–248 кг/мм ²	Шлаки и неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной стали
1817	Железный штырь	212 кг/мм ²	Неметаллические включения	Ковка из заготовки неравномерно науглероженной стали
1818	Железный гвоздь	146 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки кричного железа
1819	Железный гвоздь	134 кг/мм ²	Шлаки, неметаллические включения	Ковка из заготовки кричного железа

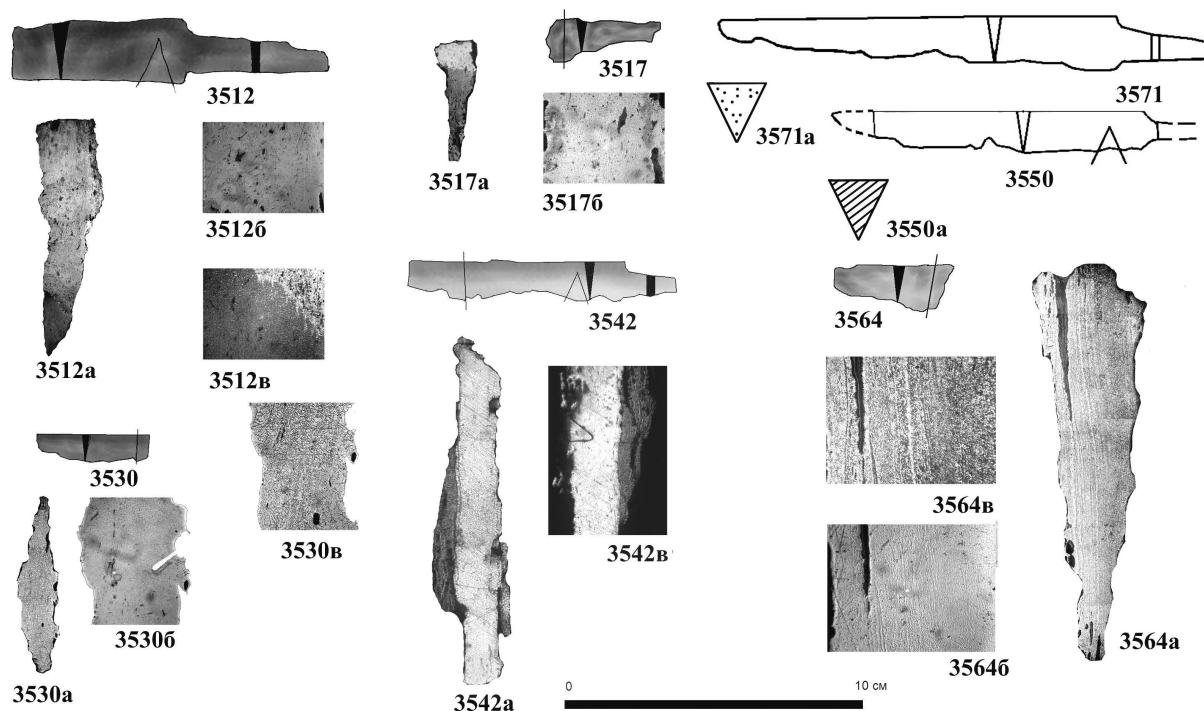

Рис. 1. Ножи Багаевского селища с фотографиями и рисунками макро- и микроструктур:

3512 – нож; 3512а – макрофотография шлифа в травленном состоянии. Торцовая наварка; 3512б – макрофотография нетравленного шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3512в – шлиф травленный. Микрофотография травленного шлифа. Сварочный шов, троостит, феррито-перлит; 3517 – нож; 3517а – макрофотография шлифа в травленном состоянии. Торцовая наварка; 3517б – микрофотография нетравленного шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3530 – фрагмент ножа; 3530а – макрофотография травленного шлифа; 3530б – макрофотография нетравленного шлифа. Мелкие шлаки, неметаллические включения; 3530в – макрофотография травленного шлифа. Сорбит; 3542 – нож; 3542а – макрофотография нетравленного шлифа; 3542в – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения; 3550 – нож; 3550а – технологическая схема термообработанной стали; 3564 – нож; 3564а – макрофотография травленного шлифа. Технологическая схема пакетного металла. Сварочные швы. Трещина; 3564б – шлиф нетравленный. Участок трещины; 3564в – участок микрофотографии травленного шлифа. Сварочный шов. Феррито-перлит; 3571 – рисунок ножа; 3571а – схема неравномерно науглероженной стали

Fig. 1. Knives of the Bagaevka settlement with photographs and drawings of macro- and microstructures:

3512 – knife; 3512а – macrophotographic view of the thin section in etched condition. End hardband; 3512б – macrophotography of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3512в – etched thin section. Photomicrograph of etched thin section. Welding seam, troostite, ferrite-perlite; 3517 – knife; 3517а – macrophotographic view of the thin section in etched condition. End hardband; 3517б – photomicrograph of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3530 – knife fragment; 3530а – macrophotography of an etched thin section; 3530б – macrophotography of a non-etched thin section. Small slags, non-metallic inclusions; 3530в – macrophotography of the etched thin section. Sorbitol; 3542 – knife; 3542а – macrophotography of a non-etched thin section; 3542в – macrophotography of a non-etched thin section. Non-metallic inclusions; 3550 – knife; 3550а – process scheme of heat-treated steel; 3564 – knife; 3564а – macrophotography of an etched thin section. Process scheme of batch metal. Welding seams. Crack; 3564б – non-etched slot. Crack area; 3564в – photomicrograph portion of the etched thin section. Welding seam. Ferrite-perlite; 3571 – knife drawing; 3571а – scheme of non-uniformly carburized steel

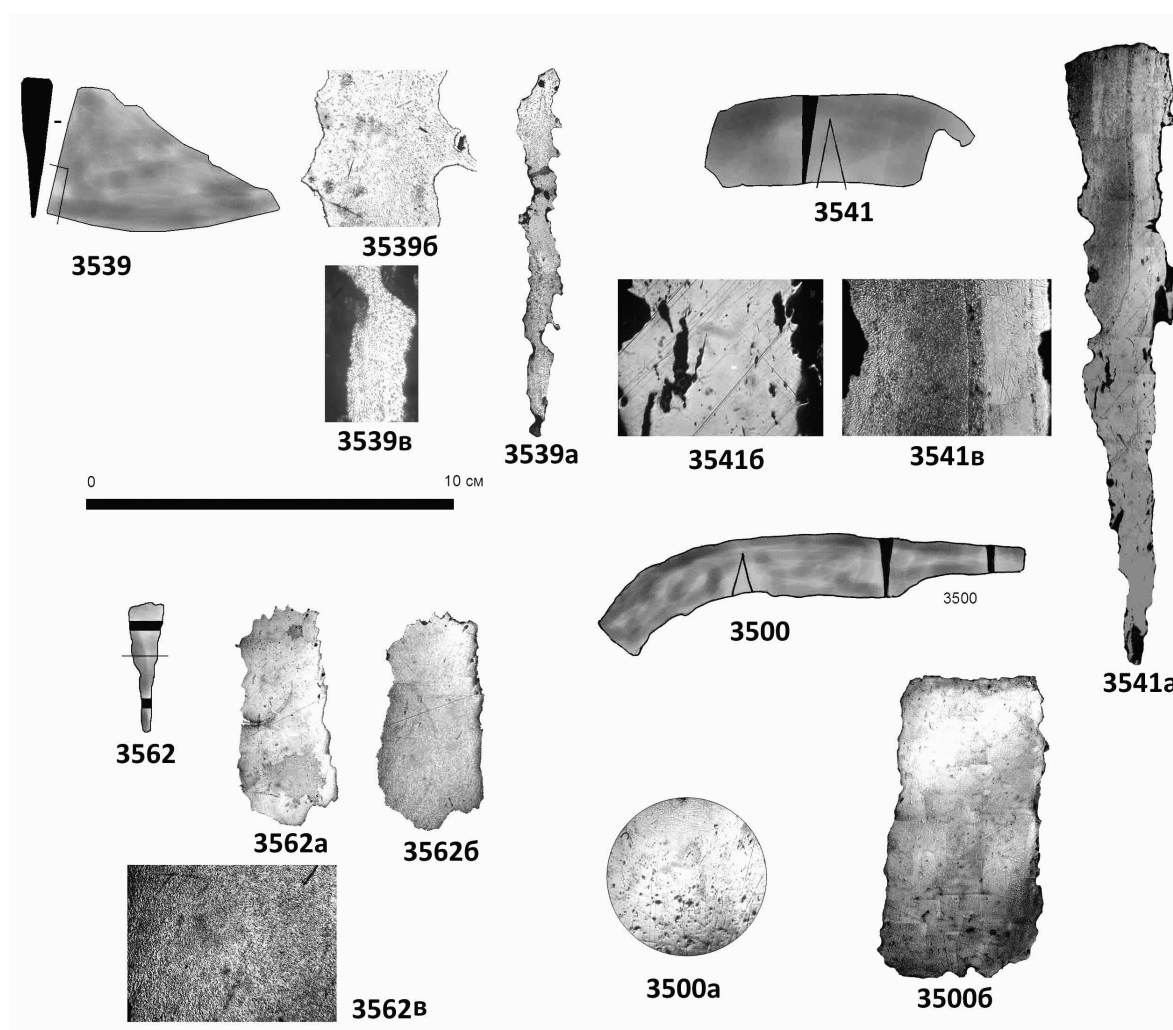

Рис. 2. Орудия деревообработки, сельского хозяйства, предмет вооружения с Багаевского селища с фотографиями макро- и микроструктур:

- 3500 – фрагмент серпа; 3500а – фотография участка нетравленного шлифа. Мелкие шлаки, неметаллические включения;
 3500б – макрофотография травленного шлифа. Темное поле – феррито-перлит; 3539 – фрагмент лезвия топора;
 3539а – макрофотография травленного шлифа; 3539б – макрофотография участка нетравленного шлифа;
 3539в – макрофотография участка травленного шлифа. Феррито-перлит; 3541 – фрагмент лезвия струга;
 3541а – макрофотография травленного шлифа. Сварочный шов. Двухполосная сварка;
 3541б – макрофотография нетравленного шлифа. Шлаки, неметаллические включения;
 3541в – макрофотография травленного участка шлифа. Сварочный шов. Феррито-перлит, троостит;
 3562 – наконечник стрелы; 3562а – макрофотография нетравленного шлифа; 3562б – макрофотография травленного шлифа;
 3562в – микрофотография травленного шлифа. Микроструктура сорбита

Fig. 2. Tools of woodworking, agriculture, object of arms from the Bagaevka settlement with photographs of macro- and microstructures:

- 3500 – sickle fragment; 3500а – photograph of a section of a non-etched thin section. Small slags, non-metallic inclusions;
 3500б – macrophotography of the etched thin section. The dark field is ferrite-perlite; 3539 – fragment of an axe blade;
 3539а – macrophotography of an etched thin section; 3539б – macrophotography of a non-etched thin section;
 3539в – macrophotography of the etched section of the thin section. Ferrite-perlite; 3541 – fragment of a planer blade;
 3541а – macrophotography of an etched thin section. Welding seam. Two-lane welding;
 3541б – macrophotography of non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions;
 3541в – macrophotography of the etched section of thin section. Welding seam. Ferrite-perlite, troostitis;
 3562 – arrowhead; 3562а – macrophotography of a non-etched thin section; 3562б – macrophotography of an etched thin section;
 3562в – etched thin section microphotograph. Sorbitol microstructure

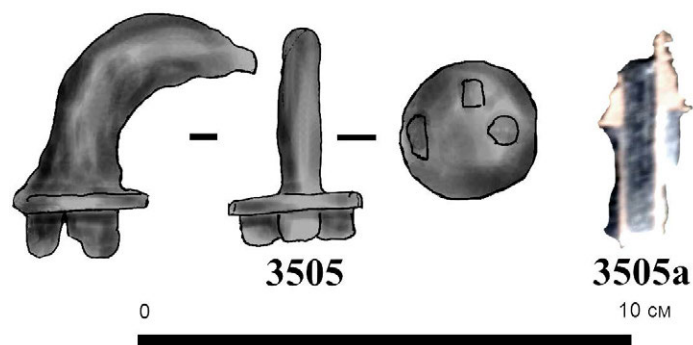

Рис. 3. Дужка цилиндрического замка с Багаевского селища с фотографией макроструктуры шлифа:

3505 – фрагмент дужки с пружинным узлом цилиндрического замка;

3505a – макрофотография участка шлифа дужки пружинного узла цилиндрического замка.

Красный цвет – медный припой на дужке замка

Fig. 3. The spring of a cylindrical lock from the Bagaevka settlement with a photograph of the thin section macrostructure:

3505 – fragment of a bow with a spring assembly of a cylindrical lock;

3505a – macrophotographic view of a section of the bow of the spring assembly of the cylindrical lock.

Red is the copper solder on the lock bow

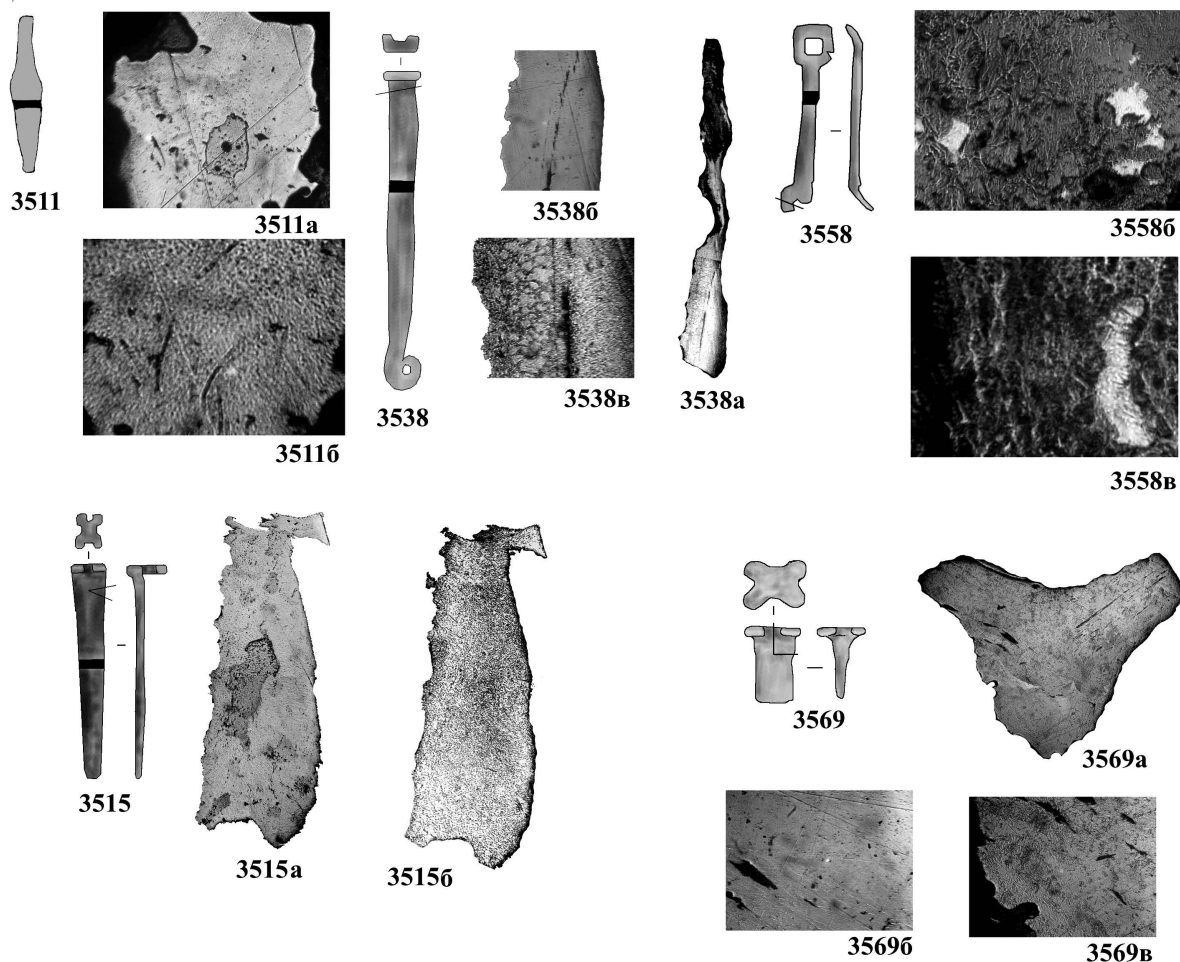

Рис. 4. Ключи к замкам с Багаевского селища с фотографиями макро- и микроструктур:

3511 – фрагмент ключа от замка; 3511а – макрофотография участка нетравленного шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3511б – феррито-перлит; 3515 – ключ от замка; 3515а – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения; 3515б – макрофотография травленного шлифа. Феррито-перлитовая, трооститовая микроструктуры; 3538 – ключ от замка; 3538а – макрофотография шлифа; 3538б – макрофотография участка нетравленного шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3538в – микрофотография участка травленного шлифа. Феррито-перлит, шлаки; 3558 – ключ от замка; 3558б – микрофотография участка нетравленного шлифа. Темный участок – коррозия железа. Светлые участки – железо; 3558в – микрофотография травленного шлифа. Светлый участок – зона феррито-перлитовой микроструктуры; 3569 – фрагмент ключа от замка; 3569а – макрофотография травленного шлифа. Шлаки, неметаллические включения, феррит, феррито-перлит; 3569б – микрофотография участка нетравленного шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3569в – микрофотография травленного участка шлифа. Шлаки, неметаллические включения, феррито-перлит, феррит

Fig. 4. Keys to the locks from the Bagaevka settlement with photographs of macro- and microstructures:

3511 – lock key fragment; 3511а – macrophotography of a portion of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3511б – ferrite-perlite; 3515 – lock key; 3515а – macrophotography of a non-etched thin section. Non-metallic inclusions; 3515б – macrophotography of etched thin section. Ferrite-perlitic, troostite microstructures; 3538 – lock key; 3538а – macrophotography of a thin section; 3538б – macrophotography of the non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3538в – photomicrograph of the etched thin section. Ferrite-perlite, slags; 3558 – lock key; 3558б – photomicrograph of a portion of a non-etched thin section. Dark area is corrosion of iron. Light areas represent iron; 3558в – photomicrograph of the etched thin section. The bright area is a zone of ferrite-perlitic microstructure; 3569 – lock key fragment; 3569а – macrophotography of an etched thin section. Slags, non-metallic inclusions, ferrite, ferrite-perlite; 3569б – photomicrograph of a portion of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3569в – photomicrograph of the etched section of the thin section. Slags, non-metallic inclusions, ferrite-perlite, ferrite

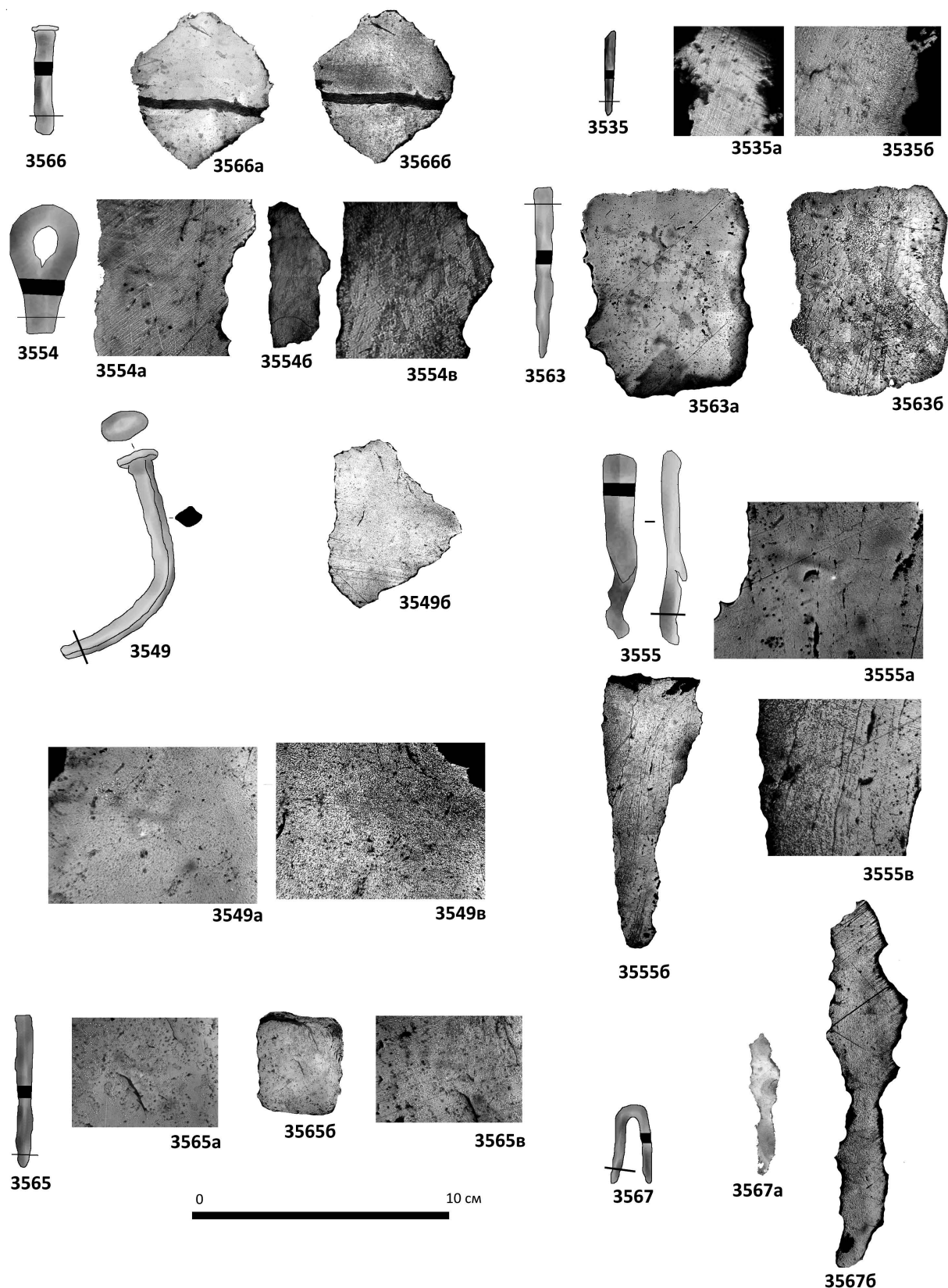

Рис. 5. Крепежный материал (скобяные изделия) с Багаевского селища с фотографиями макро- и микроструктур:

3566 – гвоздь; 3566a – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения. Глубокая трещина по сварочному шву; 3566б – макрофотография травленного шлифа. Феррито-перлит;

3554 – фрагмент дверного пробоя; 3554a – макрофотография участка нетравленого шлифа. Неметаллические включения; 3554б – макрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3554в – микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит; 3535 – фрагмент гвоздя; 3535a – макрофотография участка нетравленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3535б – микрофотография участка травленого шлифа. Феррито-перлит; 3563 – фрагмент гвоздя; 3563a – макрофотография нетравленого шлифа. Мелкие шлаки и неметаллические включения; 3563б – макрофотография травленого шлифа. Феррит, феррито-перлит, сварочные швы. Технологическая схема «трехслойного пакета»; 3549 – гвоздь; 3549a – микрофотография участка нетравленого шлифа. Мелкие шлаки, неметаллические включения; 3549б – макрофотография травленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3549в – микрофотография участка; 3555 – фрагмент гвоздя; 3555a – макрофотография фрагмента нетравленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3555б – макрофотография травленого шлифа. Сварочные швы, шлаки, неметаллические включения, феррито-перлит; 3555в – участок травленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения, сварочные швы, феррит, феррито-перлит; 3565 – фрагмент гвоздя; 3565a – микрофотография нетравленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3565б – макрофотография нетравленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3565в – микрофотография участка травленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения, феррито-перлит; 3567 – скоба; 3567a – макрофотография нетравленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3567б – микрофотография травленого шлифа. Феррито-перлит

Fig. 5. Fastening material (ironmongery) from the Bagaevka settlement with photographs of macro- and microstructures:

3566 – nail; 3566a – macrophotography of a non-etched thin section. Non-metallic inclusions. Deep weld crack; 3566б – macrophotography of an etched thin section. Ferrite-perlite; 3554 – fragment of door shackle; 3554a – macrophotography of a portion of a non-etched thin section. Non-metallic inclusions; 3554б – macrophotography of an etched thin section. Ferrite-perlite; 3554в – photomicrograph of the etched thin section. Ferrite-perlite; 3535 – nail fragment; 3535a – macrophotography of a portion of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3535б – photomicrograph of an etched thin section portion. Ferrite-perlite; 3563 – nail fragment; 3563a – macrophotography of a non-etched thin section. Small slags and non-metallic inclusions; 3563б – macrophotography of the etched thin section. Ferrite, ferrite-perlite, welding seams. Technological scheme of the 'three-layer package'; 3549 – nail; 3549a – photomicrograph of a portion of a non-etched thin section. Small slags, non-metallic inclusions; 3549б – macrophotography of the etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3549в – photomicrograph of a portion; 3555 – nail fragment; 3555a – macrophotography of a fragment of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3555б – macrophotography of the etched thin section. Welding seams, slags, non-metallic inclusions, ferrite-perlite; 3555в – section of etched thin section. Slags, non-metallic inclusions, welding seams, ferrite, ferrite-perlite; 3565 – nail fragment; 3565a – photomicrograph of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3565б – macrophotography of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3565в – photomicrograph of the etched thin section. Slags, non-metallic inclusions, ferrite-perlite; 3567 – brace; 3567a – macrophotography of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3567б – photomicrograph of the etched thin section. Ferrite-perlite

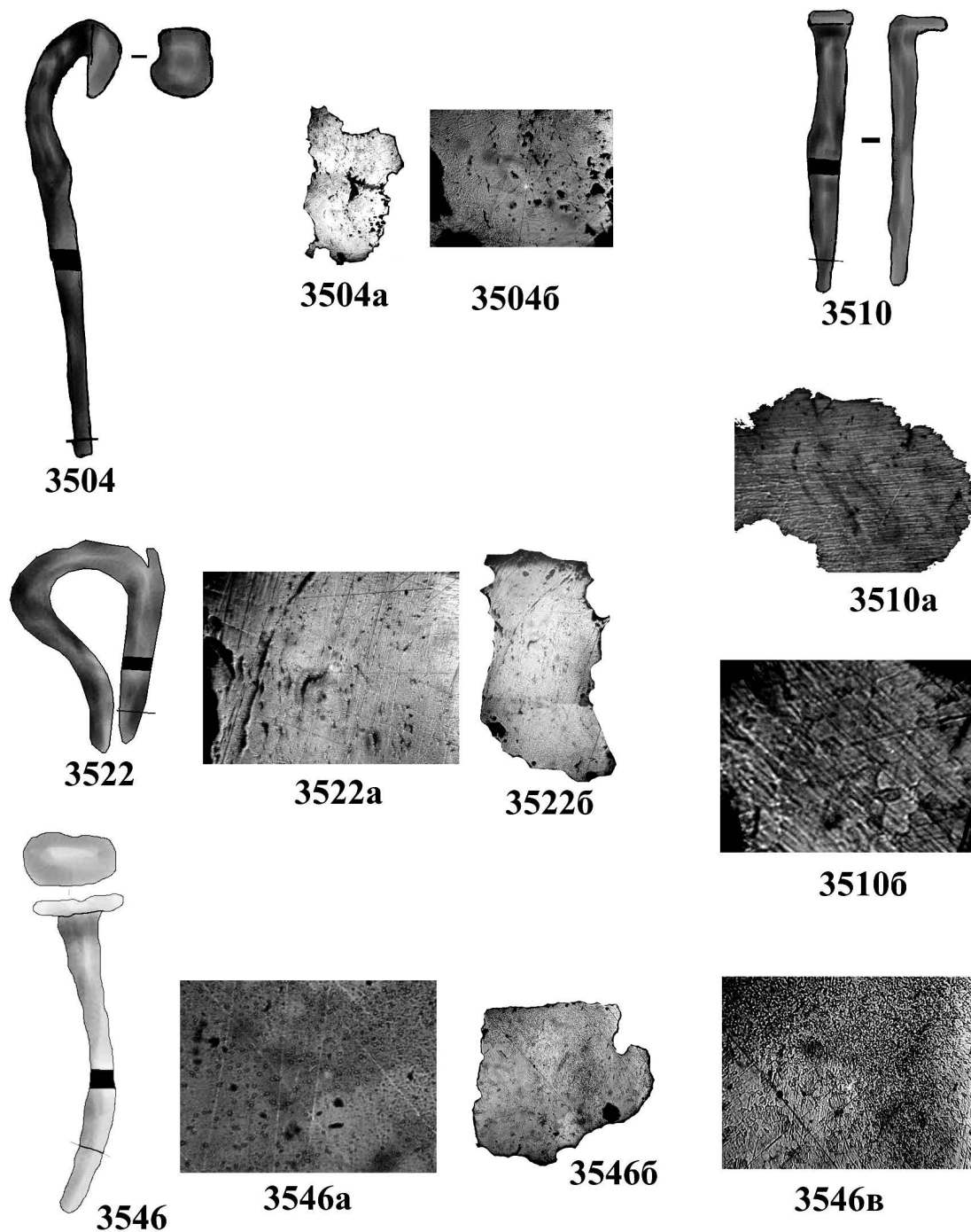

Рис. 6. Крепежный материал (скобяные изделия) с Багаевского селища с фотографиями макро- и микроструктур:

- 3504 – гвоздь; 3504а – макрофотография нетравленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3504б – микрофотография травленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения. Феррит, феррито-перлит; 3510 – гвоздь; 3510а – макрофотография нетравленого шлифа; 3510б – мелкие неметаллические включения. Феррит, феррито-перлит; 3522 – фрагмент дверного пробоия; 3522а – макрофотография участка нетравленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3522б – макрофотография нетравленого шлифа. Шлаки, неметаллические включения; 3546 – гвоздь; 3546а – микрофотография нетравленого шлифа; 3546б – макрофотография травленого шлифа. Феррит, феррито-перлит; 3546в – микрофотография травленого шлифа. Феррит, феррито-перлит

Fig. 6. Fastening material (ironmongery) from the Bagaevka settlement
with photographs of macro- and microstructures:

- 3504 – nail; 3504a – macrophotography of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions;
3504b – photomicrograph of the etched thin section. Slags, non-metallic inclusions.
Ferrite, ferrite-perlite; 3510 – nail; 3510a – macrophotography of a non-etched thin section;
3510b – small non-metallic inclusions. Ferrite, ferrite-perlite; 3522 – fragment of door shackle;
3522a – photomicrograph of a portion of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions;
3522b – macrophotography of a non-etched thin section. Slags, non-metallic inclusions; 3546 – nail;
3546a – photomicrograph of a non-etched thin section; 3546b – macrophotography of an etched thin section.
Ferrite, ferrite-perlite; 3546c – photomicrograph of the etched thin section. Ferrite, ferrite-perlite

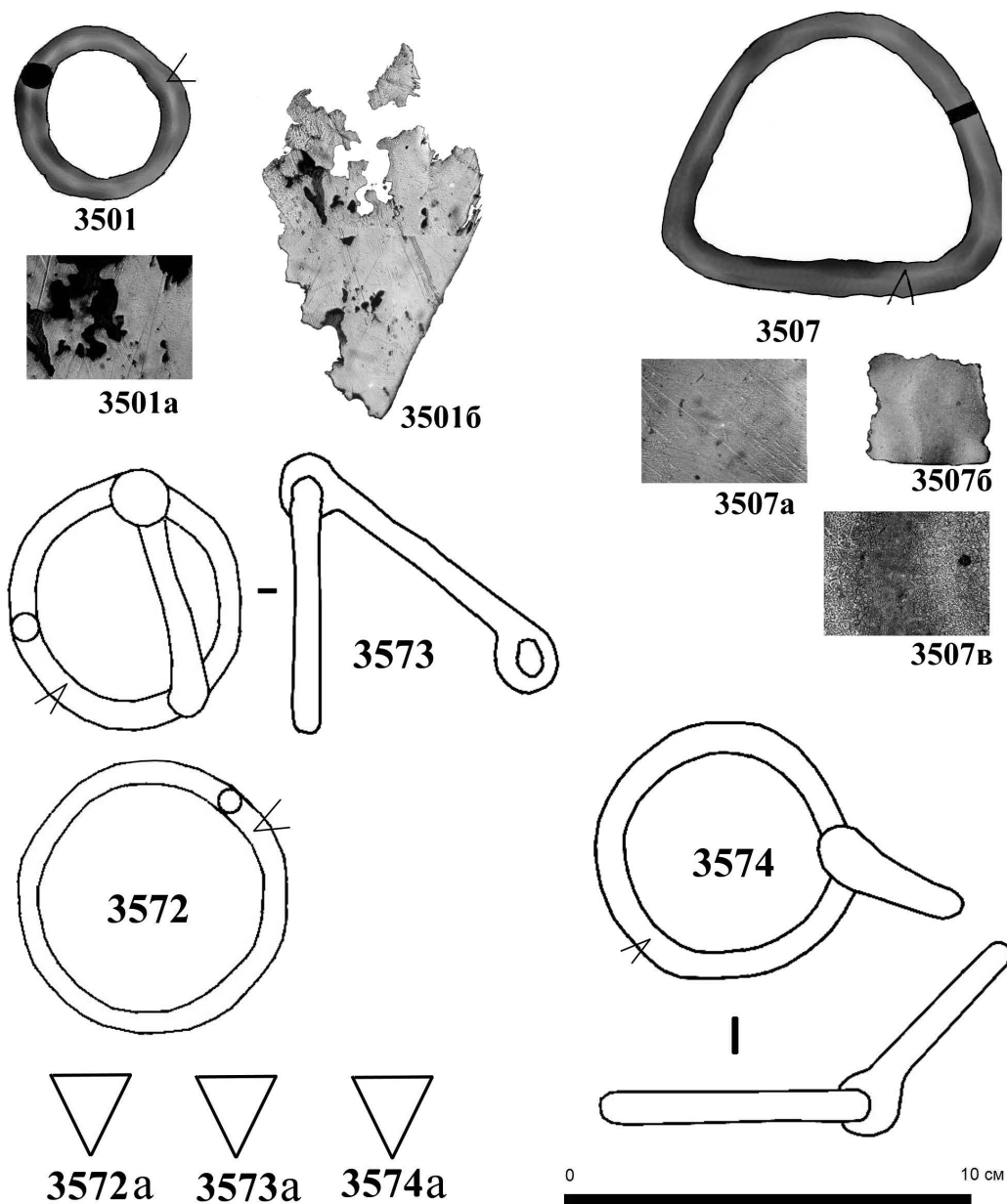

Рис. 7. Конская сбруя с Багаевского селища с фотографиями макро- и микроструктур:
 3501 – кольцо от конской сбруи; 3501а – микрофотография нетравленого шлифа. Коррозия, шлаки;
 3501б – макрофотография нетравленого шлифа. Неметаллические включения, коррозия;
 3507 – рамка пряжки от подпруги; 3507а – микрофотография участка нетравленого шлифа.
 Неметаллические включения; 3507б – макрофотография травленого шлифа. Феррит, феррито-перлит;
 3507в – микрофотография участка травленого шлифа. Феррит, феррито-перлит; 3572 – кольцо от конской сбруи;
 3572а – технологическая схема кричного железа; 3573 – кольцо и грызло конских удил;
 3573а – технологическая схема кричного железа; 3574 – кольцо от конских удил;
 3574а – технологическая схема кричного железа

Fig. 7. Horse harness from the Bagaevka settlement with photographs of macro- and microstructures:
 3501 – ring from horse harness; 3501а – photomicrograph of a non-etched thin section. Corrosion, slags;
 3501б – macrophotography of a non-etched thin section. Non-metallic inclusions, corrosion;
 3507 – buckle frame from the girth; 3507а – photomicrograph of a portion of a non-etched thin section.
 Non-metallic inclusions; 3507б – macrophotography of etched thin section. Ferrite, ferrite-perlite;
 3507в – photomicrograph of portion of an etched thin section. Ferrite, ferrite-perlite; 3572 – ring from horse harness;
 3572а – technological scheme of bloom iron; 3573 – ring and bit mouthpiece of horse bits;
 3573а – technological scheme of bloom iron; 3574 – ring from horse bits; 3574а – technological scheme of the bloom iron

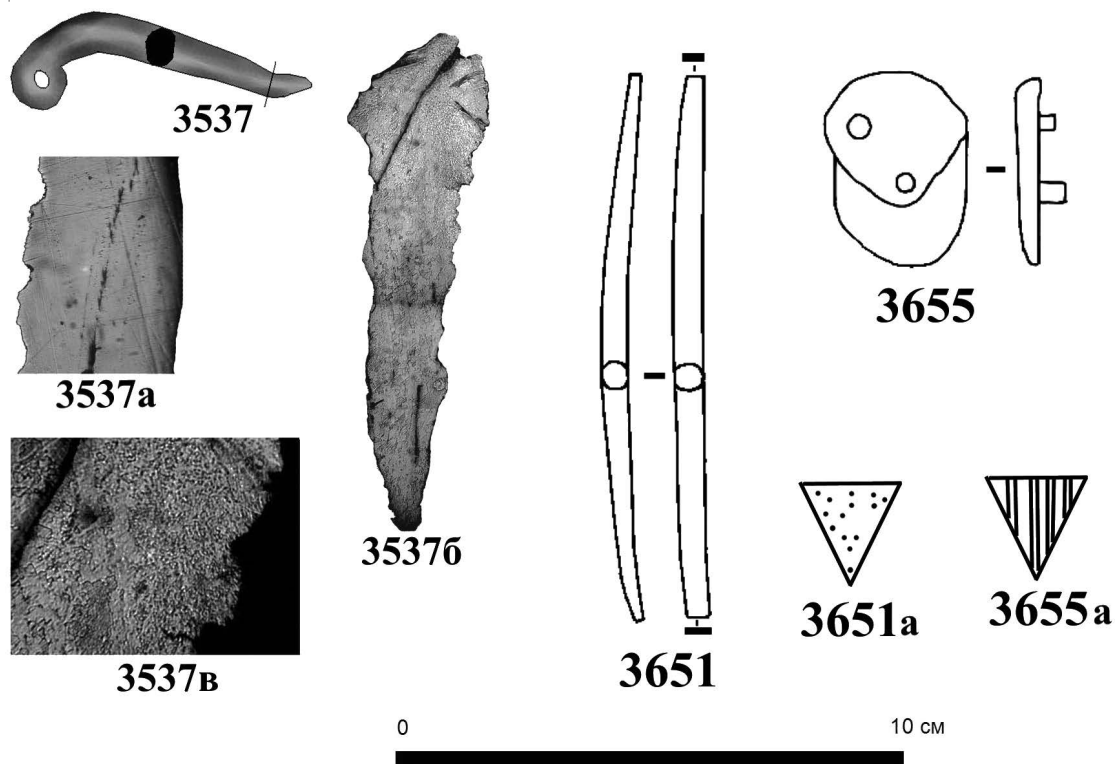

Рис. 8. Детали костюма с Багаевского селища с фотографиями макро- и микроструктур:

3537 – язычок пряжки от ремня; 3537а – микрофотография участка нетравленного шлифа.

Шлаки, неметаллические включения; 3537б – макрофотография травленного шлифа.

Шлаки, неметаллические включения, феррит, феррито-перлит; 3537в – микрофотография участка травленного шлифа.

Трещина по сварочному шву. Феррит, феррито-перлит; 3651 – стержень-фиксатор;

3651а – технологическая схема неравномерно науглероженной стали; 3655 – поясная накладка (?);

3655а – технологическая схема пакетного металла

Fig. 8. Elements of costume from the Bagaevka settlement with photographs of macro- and microstructures:

3537 – belt buckle latch; 3537а – photomicrograph of a portion of a non-etched thin section.

Slags, non-metallic inclusions; 3537б – macrophotography of etched thin section.

Slags, non-metallic inclusions, ferrite, ferrite-perlite; 3537в – photomicrograph of portion of an etched thin section.

Weld crack. Ferrite, ferrite-perlite; 3651 – locking rod; 3651а – technological scheme of non-uniformly carbonized steel;

3655 – belt mount (?); 3655а – technological scheme of package metal

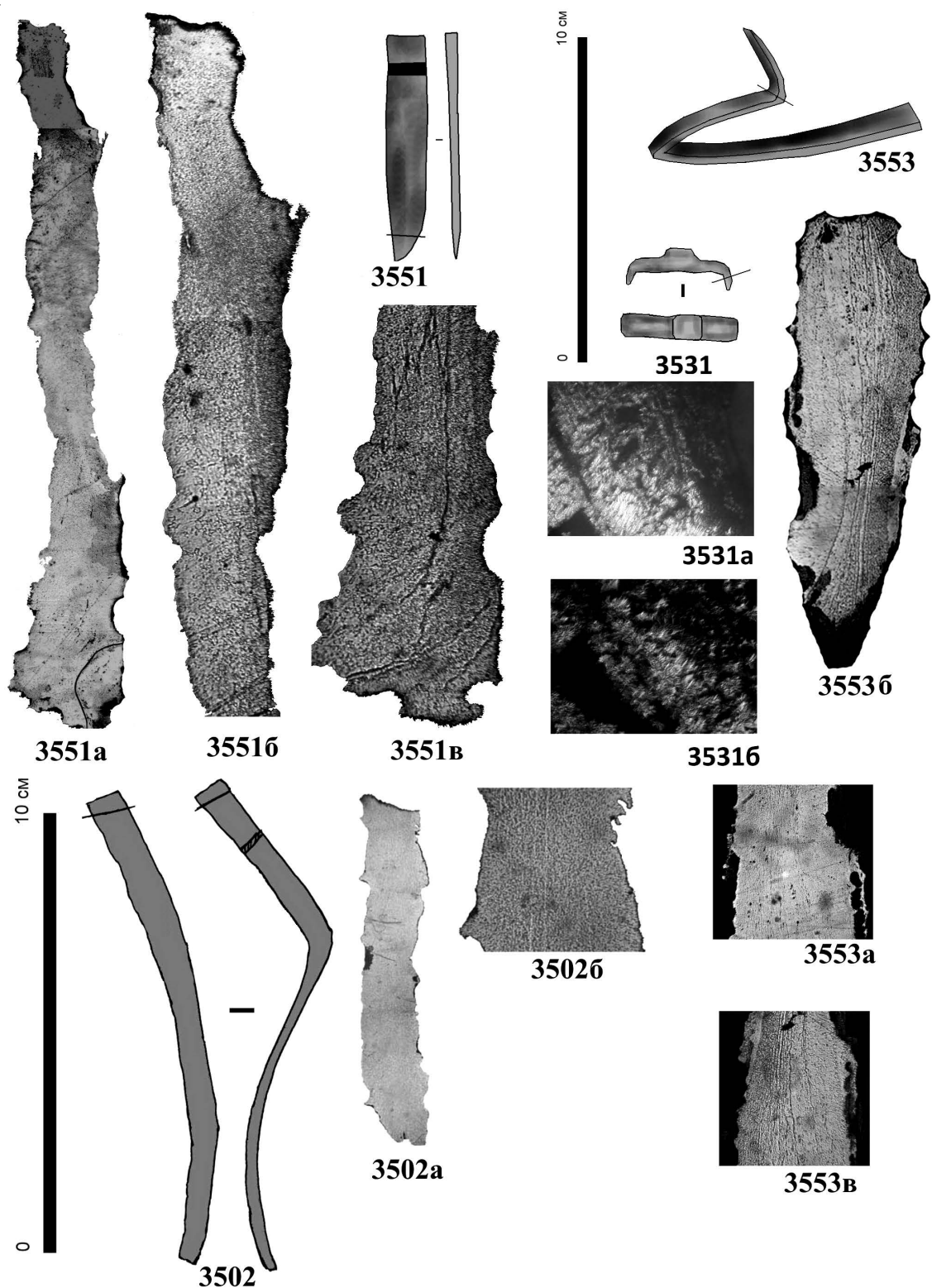

Рис. 9. Предметы неопределенного назначения с Багаевского селища с фотографиями макро- и микроструктур:

- 3502 – предмет неопределенного назначения; 3502a – макрофотография нетравленного шлифа; 3502б – микрофотография травленного шлифа. Феррито-перлит. Сварочные швы;
 3531 – предмет неопределенного назначения; 3531a – микрофотография нетравленного участка; 3531б – микрофотография травленного участка; 3551 – заготовка лезвия ножа (?); 3551a – макрофотография нетравленного шлифа. Неметаллические включения, шлаки; 3551б – макрофотография участка травленного шлифа.

Феррито-перлит;

3551в – макрофотография участка травленого шлифа. Сварочные швы. Феррито-перлит;

3553 – предмет неопределенного назначения; 3553а – макрофотография участка нетравленого шлифа.

Неметаллические включения, мелкие шлаки; 3553б – макрофотография травленого шлифа. Сварочные швы, пакетный металл, коррозия. Феррит, феррито-перлит; 3553в – макрофотография участка травленого шлифа.

Сварочные швы, феррито-перлит, феррит

Fig. 9. Items of uncertain purpose from the Bagaevka settlement
with photographs of macro- and microstructures:

3502 – object of indefinite purpose; 3502а – macrophotography of non-etched thin section;

3502б – etched thin section photomicrograph. Ferrite-perlite. Welding seams; 3531 – object of indefinite purpose;

3531а – photomicrograph of the non-etched portion; 3531б – photomicrograph of the etched portion;

3551 – work piece of knife blade (?); 3551а – macrophotography of a non-etched thin section.

Non-metallic inclusions, slags; 3551б – macrophotography of a fragment of the etched thin section. Ferrite-perlite;

3551в – macrophotography of a fragment of the etched thin section. Welding seams. Ferrite-perlite;

3553 – object of indefinite purpose; 3553а – macrophotography of a portion of a non-etched thin section.

Non-metallic inclusions, small slags; 3553б – macrophotography of an etched thin section.

Welding seams, packet metal, corrosion. Ferrite, ferrite-perlite; 3553в – macrophotography of the etched thin section.

Welding seams, ferrite-perlite, ferrite

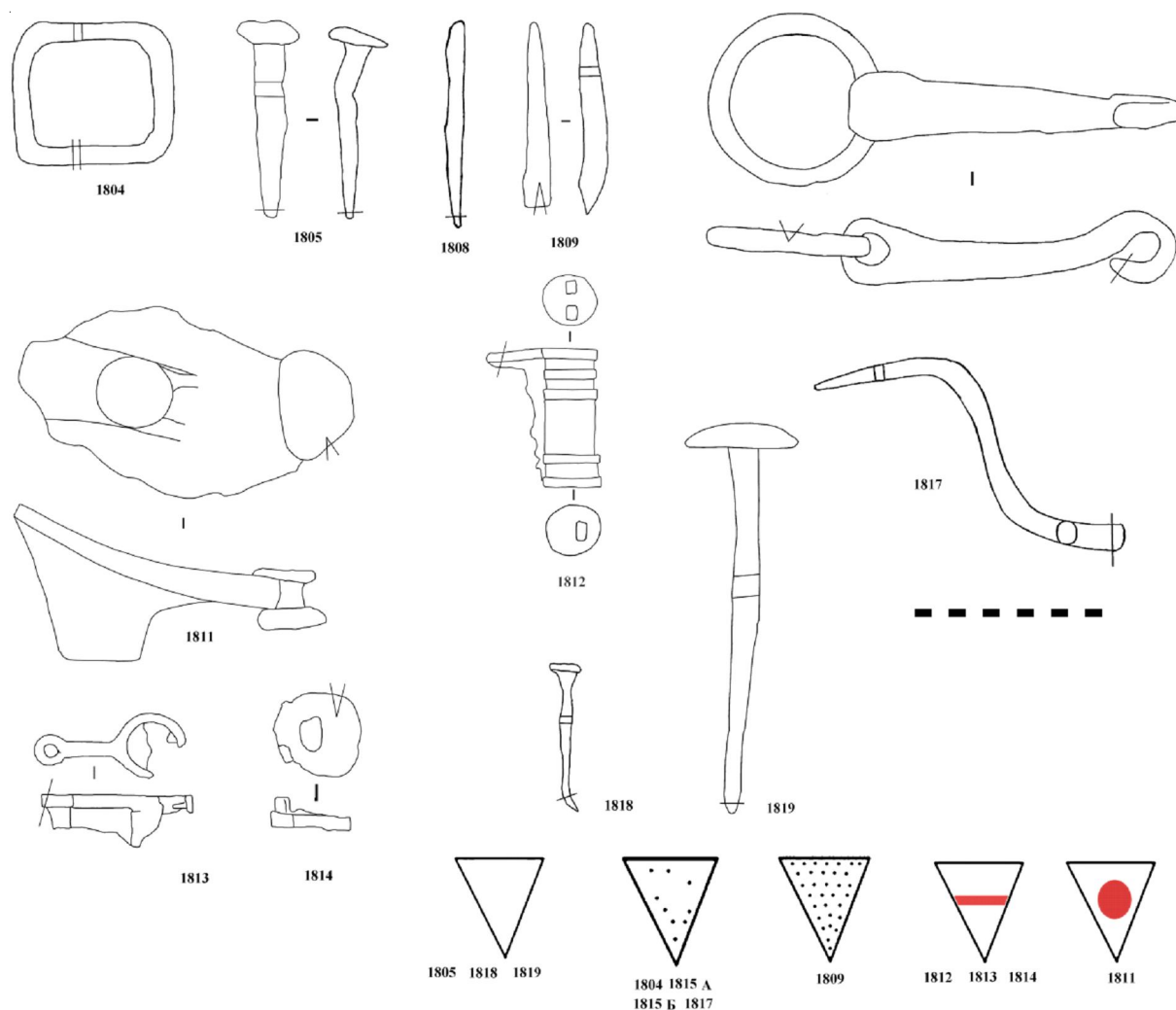

Рис. 10. Изделия из черного металла с селища Широкий Буерак:

1805, 1818, 1819 – кричное железо; 1804, 1815А, 1815Б, 1817 – сырцовая малоуглеродистая сталь;
1809 – цельная сталь; 1812–1814 – пайка медью; 1811 – клепка медью

Fig. 10. Ferrous metal wares from the settlement Shiroky Buerak:

1805, 1818, 1819 – bloom iron; 1804, 1815А, 1815Б, 1817 – raw low-carbon steel;
1809 – solid steel; 1812–1814 – soldering with copper; 1811 – riveting with copper

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зеленева Ю. А., Измайлов И. Л., Недашковский Л. Ф., 2021. «Лучшим памятником ученым предшествующих поколений станет развитие их идей...»: памяти Леонида Теодоровича Яблонского (1950–2016) // Золотоордынское обозрение. Т. 9, № 4. С. 912–922. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-4.912-922>
- Колчин Б. А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). МИА. № 32. М.: Изд-во АН СССР. 259 с.
- Колчин Б. А., 1985. Ремесло // Древняя Русь: Город, замок, село. Археология СССР. М.: Наука. С. 243–297.
- Недашковский Л. Ф., 2016. Интенсивность экономического развития Нижнего Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам округа крупнейших городов) // Stratum Plus. № 6. С. 151–162.
- Недашковский Л. Ф., 2018. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья // Stratum Plus. № 6. С. 243–254.
- Недашковский Л. Ф., 2021. Крупные золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 12, вып. 9 (107). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840017097-5>
- Недашковский Л. Ф., Моржерин К. Ю., 2020. Костяные изделия из Укека // Золотоордынское обозрение. Т. 8, № 3. С. 472–503. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.472-503>
- Недашковский Л. Ф., Семыкин Ю. А., 2014. Результаты металлографического анализа изделий из черного металла с золотоордынских памятников Нижнего Поволжья (по материалам Хмелевского I и Багаевского селища) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 156, кн. 3. С. 31–43.
- Недашковский Л. Ф., Ситдинов А. Г., Асылгараева Г. Ш., 2018. Памяти А.Г. Мухамадиева (1933–2018) // Поволжская археология. № 2 (24). С. 348–353. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.348.353>
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2017. Находки с селища Широкий Буерак // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16, № 2. С. 116–130. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.2.7>
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2019. Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища // Stratum Plus. № 5. С. 167–177.
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2020а. Металлические изделия с Багаевского селища // Поволжская археология. № 4 (34). С. 185–198. DOI: <https://doi.org/10.24852/PA2020.4.34.185.198>
- Недашковский Л. Ф., Шигапов М. Б., 2020б. Металлические украшения с Багаевского селища в Нижнем Поволжье // Российская археология. № 2. С. 177–189. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630008260-5>
- Розенфельдт Р. Л., 1953. Русские замки домонгольского времени // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 49. С. 32–38.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 792 с.
- Семыкин Ю. А., 1991. Опыт физического моделирования на примере изготовления пружинного замка // Экспериментальная археология: Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. Вып. 1. Тобольск: Изд-во ТГПИ. С. 23–28.
- Семыкин Ю. А., 2015. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII в. Казань: Отечество. 228 с.
- Шаймуратова Д. Н., Аськеев И. В., Недашковский Л. Ф., 2021. Археохитологические исследования селищ периода Золотой Орды Саратовского Поволжья // Поволжская археология. № 4 (38). С. 191–204. DOI: <https://doi.org/10.24852/PA2021.4.38.191.204>
- Яворская Л. В., Недашковский Л. Ф., 2020. Археозоологические материалы Багаевского селища // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 261. С. 393–402. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.393-402>
- Nedashkovskii L. F., 2009. Economy of the Golden Horde Population // Anthropology & Archaeology of Eurasia. Vol. 48, № 2. P. 35–50. DOI: <https://doi.org/10.2753/AAE1061-1959480203>
- Nedashkovsky L. F., 2012. Golden Horde Antiquities: The Development of Research Ideas // Acta Archaeologica. Vol. 83, № 1. P. 225–255. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1600-0390.2012.00690.x>
- Nedashkovsky L. F., 2014. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources // Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis. Special Issue. Russian Studies. From the Early Middle Ages to the Present Day. P. 291–303.

- Nedashkovsky L. F., 2015. Trade in the Golden Horde Volga Region // Journal of Sustainable Development. Vol. 8, № 7. P. 199–206. DOI: <https://doi.org/10.5539/jsd.v8n7p199>
- Nedashkovsky L. F., Nurkhamitov M. R., 2019. Historical Characteristics of the Golden Horde City // Opcion. Ano 35, especial no. 23. P. 288–302.

REFERENCES

- Zeleneev Yu.A., Izmailov I.L., Nedashkovsky L.F., 2021. «Luchshim pamyatnikom uchyonym predshestvuyushchih pokoleniy stanet razvitie ih idey...»: pamyati Leonida Teodorovicha Yablonskogo (1950–2016) [“The Development of the Ideas of Scholars of Previous Generations Will Be the Best Monument for Them”: In Memory of Leonid Teodorovich Yablonsky (1950–2016)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 9, no. 4, pp. 912-922. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-4.912-922>
- Kolchin B.A., 1953. *Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevney Rusi (domongol'skiy period)* [Ferrous Metallurgy and Metalworking in Old Rus (Pre-Mongol Period)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, no. 32. Moscow, USSR Academy of Sciences. 259 p.
- Kolchin B.A., 1985. Remeslo [Craft]. *Drevnyaya Rus': Gorod, zamok, selo* [Old Rus: City, Castle, Village]. *Arheologiya SSSR*. Moscow, Nauka Publ., pp. 243-297.
- Nedashkovsky L.F., 2016. Intensivnost ekonomicheskogo razvitiya Nizhnego Povolzhya zolotoordynskoy epokhi (po materialam okrugov krupneishikh gorodov) [Intensity of the Economic Development of the Lower Volga Region During the Golden Horde Epoch (By the Materials of the Cities' Environs)]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 151-162.
- Nedashkovsky L.F., 2018. Khimicheskiy sostav izdelii iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poseleniy severnykh rayonov Nizhnego Povolzhya [Chemical Composition of Non-Ferrous Artifacts from the Golden Horde Settlements of the Northern Areas of the Lower Volga Region]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 243-254.
- Nedashkovsky L.F., 2021. Krupnye zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ih okrugov [Large Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Periphery]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [Electronic Research and Educational Journal “History”], vol. 12, iss. 9 (107). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840017097-5>
- Nedashkovsky L.F., Morzherin K. Yu., 2020. Kostyanye izdeliya iz Ukeka [Bone Wares from Ukek]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 8, no. 3, pp. 472-503. DOI: <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2020-8-3.472-503>
- Nedashkovsky L.F., Semykin Yu.A., 2014. Rezul'taty metallograficheskogo analiza izdeliy iz chernogo metalla s zolotoordynskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya (po materialam Hmelevskogo I i Bagaevskogo selishch) [The Results of Metallographic Analysis of Ferrous Objects from the Golden Horde Sites of the Low Volga Region (On the Materials of Hmelevka I and Bagaevka Settlements)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], vol. 156, book 3, pp. 31-43.
- Nedashkovsky L.F., Sitdikov A.G., Asylgaraeva G.Sh., 2018. Pamyati A.G. Muhamadieva (1933–2018) [Ad Memoriam A.G. Mukhamadiev (1933–2018)]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (24), pp. 348-353. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2018.2.24.348.353>
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2017. Nakhodki s selishcha Shiroky Buerak [Finds from Shiroky Buerak Settlement]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 16, no. 2, pp. 116-130. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2017.2.7>
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2019. Vooruzhenie i konskoe snaryazhenie s Bagaevskogo selishcha [Arms and Horse Harness from Bagaevka Settlement]. *Stratum Plus*, no. 5, pp. 167-177.
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2020a. Metallicheskie izdeliya s Bagaevskogo selishcha [Metallic Wares from Bagaevka Settlement]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (34), pp. 185-198. DOI: <http://dx.doi.org/10.24852/PA2020.4.34.185.198>
- Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B., 2020b. Metallicheskie ukrasheniya s Bagaevskogo selishcha v Nizhnem Povolzhe [Metallic Wearing-Apparel Components from the Bagaevka Settlement in the Low Volga Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 177-189. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S086960630008260-5>

- Rozenfel'dt R.L., 1953. Russkie zamki domongol'skogo vremeni [Russian Locks of Pre-Mongol Time]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury AN SSSR* [Brief Communications of Reports and Field Investigations of the Institute of History of Material Culture of Academy of Sciences of USSR], iss. 49, pp. 32-38.
- Rybakov B.A., 1948. *Remeslo Drevney Rusi* [Craft of Old Rus]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences. 792 p.
- Semykin Yu.A., 1991. Opyt fizicheskogo modelirovaniya na primere izgotovleniya pruzhinogo zamka [Experience of Physical Modelling Using the Example of Spring Lock Manufacturing]. *Experimental'naya arheologiya: Izvestiya laboratorii experimental'noy arheologii Tobol'skogo pedinstituta* [Experimental Archaeology: News of the Laboratory of Experimental Archaeology of the Tobolsk Pedagogical Institute], iss. 1. Tobol'sk, TSPI, pp. 23-28.
- Semykin Yu.A., 2015. Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoy Bulgarii v VIII – nachale XIII v. [Ferrous Metallurgy and Blacksmithing of the Volga Bulgaria in the VIII – Early XIII Centuries]. Kazan, Otechestvo Publ. 228 p.
- Shaymuratova D.N., Askeyev I.V., Nedashkovsky L.F., 2021. Arheoihtologicheskie issledovaniya selishch perioda Zolotoy Ordy Saratovskogo Povolzh'ya [Archaeoichthyological Research of Settlements of the Golden Horde Period of the Saratov Volga Region]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4 (38), pp. 191-204. DOI: <https://doi.org/10.24852/PA2021.4.38.191.204>
- Yavorskaya L.V., Nedashkovsky L.F., 2020. Arheozoologicheskie materialy Bagaevskogo selishcha [Archaeozoological Remains from the Bagaevka Settlement]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 261, pp. 393-402. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.261.393-402>
- Nedashkovskii L.F., 2009. Economy of the Golden Horde Population. *Anthropology & Archaeology of Eurasia*, vol. 48, no. 2, pp. 35-50. DOI: <https://doi.org/10.2753/AAE1061-1959480203>
- Nedashkovsky L.F., 2012. Golden Horde Antiquities: The Development of Research Ideas. *Acta Archaeologica*, vol. 83, no. 1, pp. 225-255. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1600-0390.2012.00690.x>
- Nedashkovsky L.F., 2014. Agriculture, Cattle Breeding and Trade in the Golden Horde Based on Data from Written Sources. *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*, Special Issue. Russian Studies. From the Early Middle Ages to the Present Day, pp. 291-303.
- Nedashkovsky L.F., 2015. Trade in the Golden Horde Volga Region. *Journal of Sustainable Development*, vol. 8, no. 7, pp. 199-206. DOI: <https://doi.org/10.5539/jsd.v8n7p199>
- Nedashkovsky L.F., Nurkhamitov M.R., 2019. Historical Characteristics of the Golden Horde City. *Opcion*, ano 35, especial no. 23, pp. 288-302.

Information About the Authors

Yuriy A. Semykin, Candidate of Sciences (History), Leading Specialist, Institute of History and Culture of the Region, Regional state autonomous institution of culture “Lenin Memorial”, Lenina Sq., 1, 432017 Ulyanovsk, Russian Federation; Associate Professor, Department of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Lenina Sq., 4/5, 432071 Ulyanovsk, Russian Federation, semiku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7128-1300>

Leonard F. Nedashkovsky, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Archaeology and General History, Kazan (Volga region) Federal University, Kremlyovskaya St, 18, 420008 Kazan, Russian Federation, leonard.nedashkovsky@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7453-9960>

Информация об авторах

Юрий Анатольевич Семькин, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института истории и культуры региона, Областное государственное автономное учреждение культуры «Ленинский мемориал», пл. Ленина, 1, 432017 г. Ульяновск, Российская Федерация; доцент кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, пл. Ленина, 4/5, 432071 г. Ульяновск, Российская Федерация, semiku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7128-1300>

Леонард Федорович Недашковский, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Российская Федерация, leonard.nedashkovsky@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7453-9960>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>

UDC 902.02/903.57
LBC T4(2)34/T4(2)44

Submitted: 01.02.2023
Accepted: 17.04.2023

NEW RESEARCH ON THE BESLAN KURGAN CATACOMB BURIAL MOUND

Dmitry S. Korobov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article publishes the results of archaeological excavations of five kurgans discovered using geophysical methods at the Beslan kurgan catacomb burial ground in the Republic of North Ossetia – Alania. Small-scale excavations in different parts of the vast Beslan necropolis make it possible to draw some conclusions. Firstly, the development of the necropolis proceeded in the east direction from the Zilgi settlement. Traces of an unfortified settlement were revealed 230 m from the eastern outskirts of the settlement which was identified by presence of several household pits. In this study, the eastern boundary of the settlement of Zilgi has demonstrably been traced at the time of its maximum expansion most likely dating back to the 3rd century AD. A total of 5 kurgans surrounded by small ditches and containing 6 burials were excavated. The earliest is the kurgan 878, which can be broadly dated back to the late 2nd and early 3rd century AD in terms of its construction design of the funerary structure. The kurgans 874 and 875 located on the eastern periphery of the necropolis can be dated back to the second or third quarter of the 4th century AD according to the characteristics of the strap set and obviously they reflect a period of maximum expansion of the burial area. In the second half of the 6th century AD, burials again occurred in the part of the necropolis adjacent to the fortress, as evidence by the kurgans 876 and 877 containing objects of that time. It is most likely that the population abandoned Zilgi fortified settlement in the 7th century AD, which is confirmed by both the known finds from the cultural layer of the monument, and the materials from the burial mounds published in this work. The reasons for this phenomenon have yet to be established; for the time being, it can be suggested that it might be connected both with environmental changes and with the military and political situation in the North-Eastern Caucasus at that time.

Key words: North Caucasus, Early Alanian culture, Early Middle Ages, catacomb from under kurgans, Great migration period.

Citation. Korobov D.S., Malashev V.Yu., 2023. Novye issledovaniya Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogil'nika [New Research on the Beslan Kurgan Catacomb Burial Mound]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 258-288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>

УДК 902.02/903.57
ББК Т4(2)34/Т4(2)44

Дата поступления статьи: 01.02.2023
Дата принятия статьи: 17.04.2023

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕСЛАНСКОГО КУРГАННОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА

Дмитрий Сергеевич Коробов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье публикуются результаты археологических раскопок пяти курганов, выявленных геофизическими методами на Бесланском курганном катакомбном могильнике (Республика Северная Осетия – Алания). Небольшие по объему раскопки в разных частях обширного Бесланского некрополя позволяют сделать ряд выводов. Развитие некрополя происходило от Зильгинского городища в восточном направлении. В 230 м от восточной окраины городища выявлены следы неукрепленного посада, который диагностируют несколько хозяйственных ям. Очевидно, нашими исследованиями прослежена восточная граница посада Зильгинского городища в момент его максимального расширения, скорее всего относящегося к III в. н.э. В общей сложности раскопано 5 курганов, окруженных ровиками и содержавших 6 погребений. Наиболее ранним является курган 878, который в широких рамках можно отнести ко второй половине II – первой половине III в. н.э. по особенностям конструкции погребального сооружения. Находящиеся на восточной периферии некрополя курганы 874 и 875 по предметам ременной гарнитуры могут датироваться второй – третьей четвертью IV в. н.э. и, очевидно, отражают период максимального расширения площади могильника. Во второй половине VI в. н.э. снова производятся захоронения в прилегающей к городищу части некрополя, что отражают курганы 876 и 877, содержавшие материалы этого времени. Представляется наиболее вероятным, что в VII в. н.э. население покидает Зильгинское городище. Это подтверждается как известными находками из культурного слоя памятника, так и публикуемыми в данной работе материалами из курганов. Причины этого явления еще предстоит установить; пока можно высказать предположение, что это могло быть связано как с экологическими изменениями, так и с военно-политической обстановкой на Северо-Восточном Кавказе в это время.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура раннего этапа, раннее Средневековье, подкурганные катакомбы, Великое переселение народов.

Цитирование. Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2023. Новые исследования Бесланского курганного катакомбного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 258–288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>

Бесланский курганный катакомбный могильник – один из наиболее известных погребальных памятников раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа II–IV вв. н.э. – является некрополем Зильгинского городища и расположен на северо-западной окраине г. Беслана Республики Северная Осетия – Алания. С 1988 по 2012 г. памятник исследовался Бесланским отрядом Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания под руководством Ф.С. Дзуцева, проводившим охранно-спасательные работы на территории карьера кирпичного завода в южной части могильника, а в 2011 г., при участии Северо-Осетинской экспедиции ИА РАН, – в зоне реконструкции федеральной трассы «Кавказ» [Дзуцев, Малашев, 2015; Малашев и др., 2015]. К 2020 г. – моменту проведения описываемых в данной публикации археологических раскопок – был накоплен огромный материал: раскопано около 850 погребальных комплексов аланской культуры III – конца IV в. н.э., а также более 20 захоронений эпохи бронзы, комплекс раннескиф-

ского времени и 6 погребений II в. до н.э. – I в. н.э.

Следует отметить, что большая часть исследованных захоронений некрополя происходит с одного участка и датируется в узких рамках около середины III в. н.э. Это центральная часть южной окраины Бесланского могильника, разрабатывавшаяся карьером, что прекрасно видно на снимке (от 03.04.2017 г.), полученном посредством космического аппарата WorldView-3 с пространственным разрешением 35 см в одном пикселе изображения (рис. 1). Исходя из анализа данного космического изображения, можно восстановить приблизительные границы могильника и рассчитать с определенной долей вероятности количество курганных насыпей, учитывая их плотность на исследованных раскопками участках памятника. Наш анализ позволяет утверждать, что на видимой на космоснимке территории памятника площадью около 324 га может находиться не менее 13,5 тыс. подкурганных и бескурганных захоронений [Коробов и др., 2021а, с. 158]. Очевидно, что при столь

грандиозных размерах – около 3 км с северо-запада на юго-восток при максимальной ширине в центральной части около 1,4 км – развитие некрополя происходило в восточном направлении от Зильгинского городища, к которому он относился (рис. 1).

Для того чтобы уточнить хронологические рамки существования Бесланского могильника, нами в 2019–2020 гг. было проведено его специальное комплексное исследование. На космическом снимке было намечено два участка некрополя, расположенных в наибольшей близости от Зильгинского городища и на наибольшем от него удалении (рис. 1). На этих участках весной 2019 г. профессором Мюнхенского университета Й. Фассбиндером проведены геофизические исследования методом магнитометрии, в ходе которых были выявлены контуры ровиков, окружавших курганные насыпи. Следует отметить, что на расположенном возле городища участке геофизического обследования № 1 были отмечены в основном ровики подквадратной формы, ранее встречавшиеся на памятнике в единичных случаях, тогда как на удаленном от городища участке № 2 выявлялись исключительно кольцевые ровики, характерные, согласно имеющимся данным, для большинства курганных захоронений Бесланского некрополя. Более подробно методика геофизического обследования и ее результаты опубликованы нами в ряде работ [Коробов и др., 2021а; Korobov et al., 2021].

В настоящей статье публикуются результаты археологических раскопок пяти курганов, выявленных геофизическими методами на участках № 1 (курганы 876–878) и № 2 (курганы 874 и 875). Краткая информация о результатах этих исследований публиковалась в упомянутых выше статьях, нумерация курганов продолжается существующую на памятнике.

Все исследовавшиеся курганные насыпи были полностью распаханы и практически не прослеживались визуально в рельефе, вследствие чего оставалось по одной бровке посередине пространства, ограниченного выявленными с помощью магнитометрии ровиками (рис. 2, 1, 3, 1, 6, 1, 9, 1).

Наблюдаемая стратиграфия всех исследованных насыпей однотипна: верх профилей занимает пахотный слой в виде гумусирован-

ного суглинка черного цвета мощностью 30–40 см, который перекрывает погребенную почву (гумусированный суглинок серо-коричневого цвета с включением карбонатов, мощность 50–75 см). В бровках также фиксировались ровики трапецевидной в сечении формы, заглубленные в материк от 0,75 до 1,3 м. Ширина ровиков в верхней части варьировалась от 0,5 до 0,75 м, по дну – от 0,2 до 0,4 м. Заполнение ровиков – затечный гумусированный суглинок черно-коричневого цвета с вкраплениями материковой глины и включениями карбонатов.

Курган 874 (рис. 2, 1). Находился в СЗ квадрате участка геофизического обследования № 2, незначительно выходя за его пределы [Коробов и др., 2021а, рис. 6]. Курган содержал одно катакомбное захоронение, расположенное в центральной его части, и ровик кольцевой в плане формы. Диаметр ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру – 23,5 м, по внешнему – 24,5 м. Ровик имел две перемычки – с СВ и ЮЗ сторон – шириной 2,35 м. В сечении трапецевидной формы, ширина по дну – 0,25–0,35 м. Ровик заглублен в материк на 0,85 м. Реконструируемая глубина ровика от уровня древнего горизонта ориентировочно составляла до 1,5 м, ширина на уровне древнего горизонта – от 1,0 до 1,5 м. В северной части ровика обнаружено скопление костей животного (№ 1 на общем плане, рис. 2, 1).

Погребение совершено в катакомбе (рис. 2, 2, 3). В древности подверглось ограблению. Входная яма прямоугольной в плане формы с уступом в контуре западного угла, размеры на уровне зачистки 2,96 × 1,56 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. СВ и ЮВ стенки нарушены при ограблении. Уступ в контуре западного угла обусловлен наличием в нем верхней ступеньки, находившейся в слое погребенной почвы. Ниже, из западного угла вдоль СЗ стенки, были сделаны еще девять ступенек высотой от 10 до 70 см, образующие «лестницу» общей длиной 1,6 м. Стенки, кроме ЮЗ наклонной, были вертикальные, хорошо заглажены. Передняя (СВ) стенка на высоту 1,6 м от дна нарушена при ограблении. Дно наклонное, понижается к СВ стенке, ко входу в камеру. В средней части дно было нарушено грабительской ямой, так

что образовалась высокая ступенька по всей его ширине. На уровне дна входная яма прямоугольной в плане формы с выраженными углами, ее длина 2,77 м, шириной у входа в камеру 1,4 м, у задней стенки – 0,49 м. Глубина входной ямы от уровня зачистки у входа составляет 3,53 м. В заполнении грабительской ямы на разной глубине найдены кости и зубы лошади, фрагменты керамических сосудов, кости погребенного, фрагмент бронзового наконечника ремня (№ 1) и фрагменты лощеного сосуда (№ 2).

Вход в камеру находился в СВ стенке входной ямы и был почти полностью разрушен при ограблении. Форма и размеры не реконструируются. Катакомба имела дромос длиной 0,28 м. В камеру из входной ямы вела вертикальная ступенька высотой 38 см. Длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы. Камера трапециевидной в плане формы со слегка скругленными углами и сужением в ЮВ части, размеры 2,32 × 1,56–1,15 м. Свод разрушен при ограблении; судя по сохранившимся участкам у боковых стенок, первоначально был вынесен вверх от входа и, скорее всего, имел стрельчатую форму.

На дне камеры фиксируются остатки посылки древесным углем от сожжения веток на стороне. В заполнении встречались фрагменты костей взрослого погребенного (судя по инвентарю, мужчины). На дне у ЮВ стенки найден фрагмент черепа, что, возможно, свидетельствует о положении погребенного головой направо от входа¹. В заполнении камеры обнаружены небольшие фрагменты кувшина и дерева, кости и зубы животного, а также сохранившийся инвентарь: бронзовая пряжка (№ 3), фрагменты железного ножа (№ 4), железного предмета (№ 5) и нижней части кувшина (№ 6).

Инвентарь

№ 1 – фрагмент бронзового² наконечника ремня. Лицевая пластина декорирована слабо профилированной фасетировкой. Обратная пластина уже лицевой, сильно деформирована. Для фиксации с ремнем – два штифта. Размеры лицевой пластины: сохр. длина – 3,5 см, ширина – 0,6 см (рис. 4,2).

№ 2 – фрагмент стенки лощеного кругового кувшина, орнаментированного вертикальным налепным валиком.

№ 3 – бронзовая пряжка с овальной, незначительно утолщенной в передней части рамкой и прямым язычком с уступом у основания, доходящим в передней части до середины ее сечения. Размеры – 1,2 × 0,9 см (рис. 4,1).

№ 4 – фрагменты железного однолезвийного ножа с прямыми лезвием и спинкой. На лезвии фиксировались остатки деревянных ножен. Размеры: сохр. длина – 4,0 см, ширина лезвия – 1,7 см (рис. 4,3).

№ 5 – фрагменты железного предмета (ножа?) с остатками деревянных ножен. Размеры: сохр. длина – 3,2 см, ширина лезвия – 1,5 см (рис. 4,4).

№ 6 – развал кругового лощеного кувшинчика с отбитым в древности горлом, крутыми плечиками, сфероконическим туловом и плоским дном. Плечики и тулово орнаментированы вертикальными пролощенными линиями. На дне отпечаток оси гончарного круга. Размеры: Нсохр.³ – 12 см, Дг – 13,3 см, Дд – 7 см (рис. 5,1).

Курган 875 (рис. 3,1). Находился к ЮВ от кургана 874, на границе двух квадратов участка геофизического обследования № 2 [Коробов и др., 2021а, рис. 6]. Курган содержал одно катакомбное захоронение, расположенное в центральной его части, и ровик кольцевой в плане формы. Размеры ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру по оси СЗ – ЮВ – 21 м, по оси СВ – ЮЗ – 20 м; размеры по внешнему контуру по оси СЗ – ЮВ – около 21,5 м, по оси СВ – ЮЗ – 23 м. Ровик имел две перемычки – с СВ и с ЮЗ сторон – шириной 2,15 и 2,25 м соответственно. В сечении трапециевидной формы, ширина по дну – от 0,3 до 0,6 м. Ровик заглублен в материк на глубину до 0,6 м. Глубина от уровня древнего горизонта ориентировочно составляла до 1,3 м, ширина на уровне древнего горизонта – от 1,2 до 1,7 м. В заполнении у ЮЗ перемычки найдены кости животного (№ 1 на общем плане, рис. 3,1).

Погребение было совершено в катакомбе (рис. 3,2,3). В древности подверглось ограблению. Входная яма прямоугольной в плане формы с уступом в контуре южного угла, размеры на уровне зачистки 3,2 × 1,4 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Уступ в контуре южного угла обусловлен на-

личием в нем верхней ступеньки, находившейся в погребенной почве. Ниже, из западного угла были сделаны еще пять ступенек, высотой от 10 до 120 см, в виде «колонны», общие размеры 1,3 × 0,9 м. В южном углу находилась нижняя ступенька высотой 60 см. Стенки наклонные, сужаются ко дну, хорошо заглажены. Дно практически горизонтальное. На уровне дна входная яма прямоугольной в плане формы длиной 1,91 м и шириной у входа в камеру 0,9 м, у задней стенки – 0,85 м. Глубина входной ямы от уровня зачистки – 3,25 м. На нижней ступеньке в южном углу находился фрагмент дна кувшина (№ 3). В заполнении грабительской ямы и на дне встречены фрагменты горшка (№ 1), светлоглиняного кувшина (№ 2), фрагмент железной пряжки (№ 9), бронзовое кольцо с зажимом (№ 10), а также частицы древесного угля.

Вход в камеру находился в СВ стенке входной ямы и был разрушен при ограблении; форма и высота не реконструируются, ширина по дну – 37 см. Катакомба имела дромос длиной 0,38 м. В камеру из входной ямы вела ступенька высотой 32 см. Длинные оси входной ямы и камеры сопрягаются под углом, отличным от прямого. Камера прямоугольной в плане формы с выраженными углами, размеры 2,39 × 0,97 м. Свод разрушен при ограблении; судя по сохранившимся участкам у боковых стенок, первоначально был вынесен вверх и имел стрельчатую форму. На дне камеры фиксировался толстый слой древесного угля от сжигания веток и сучьев на стороне, на котором, а также в придонной части заполнения находились сохранившиеся после ограбления предметы погребального инвентаря (№ 2, 4–9). Кроме того, в заполнении встречались разрозненные кости взрослого погребенного (судя по инвентарю, мужчины); ориентировка и положение не восстанавливаются. Возможно, *in situ* сохранились миска (№ 4) у входа в камеру и остатки железного меча или кинжала (№ 6) в сильно фрагментированном состоянии у передней стенки.

Инвентарь

№ 1 – фрагменты горшка с низким, сильно отогнутым наружу венчиком, плавно переходящим в плечики, сфероконическим туловом и плоским дном. Место максимального расширения тулова орнаментировано двумя

широкими смыкающимися горизонтальными желобками. Снаружи местами фиксируются следы нагара и копоти. Реконструируемые размеры: Но – 22,5 см, Дв – 15,3 см, Дт – 22,7 см, Дд – 12 см (рис. 5,2).

№ 2 – тонкостенный кувшин с отогнутым наружу венчиком, цилиндрическим горлом с утолщением в средней части, плавно переходящим в плечики, близким к сферическому туловом и широким плоским дном. Овальная в сечении ручка была отбита в древности, места прилепов зашлифованы: верхним прилепом ручка крепилась к середине горла, нижним – к плечу. Изготовлен с использованием гончарного круга быстрого вращения. Глина бежевого цвета, хорошо отмучена, без видимых примесей. Наружная поверхность местами покрыта ангобом темно-красного цвета, тщательно заглажена и покрыта лощением. Размеры: Но – 26,2 см, Дв – 7,6 см, Дт – 20 см, Дд – 14 см (рис. 5,3).

№ 3 – фрагмент дна кувшина. На дне фиксируются отпечатки досок гончарного круга. Размеры: Нсохр. – 7 см, Дд – 9 см (рис. 5,4).

№ 4 – миска с загнутым внутрь бортиком, плавно переходящим в прямые стенки, и плоским дном. Размеры: Но – 6,5 см, Нб – 2 см, Дб – 21,3 см, Дд – 8,5 см (рис. 4,12).

№ 5 – кольцо серебряное с зажимом. Рамка овальной формы, незначительно утолщенная в передней части. Зажим с лицевой стороны овальной формы. Для фиксации ремня (остатки фиксируются внутри зажима) использовался штифт. Размеры рамки – 1,1 × 0,7 см, размеры лицевой пластины зажима – 1,1 × 0,8 см (рис. 4,7).

№ 6 – фрагменты лезвия меча или кинжала с остатками деревянных ножен.

№ 7 – железный однолезвийный черенковый нож с горбатой спинкой и прямым лезвием. Лезвие и спинка переходят через выраженные уступы в черенок. На черенке и лезвии фиксируются следы дерева, соответственно от рукояти и ножен. На черенке отверстие для фиксации деревянной рукояти, в котором сохранился бронзовый гвоздь. Размеры: длина ножа – 12,3 см, длина лезвия – 9,0 см, ширина лезвия – 2,0 см, длина черенка – 3,0 см, ширина у основания 1,7 см (рис. 4, 11).

№ 8 – железная пряжка с овальной рамкой, утолщенной в передней части, и прямым

язычком с выступом у основания, в передней части почти доходящим до середины ее сечения. Размеры рамки – 3,1 × 2,2 см (рис. 4,6).

№ 9 – два фрагмента рамок железных пряжек; на одном фиксируются насечки (рис. 4,9,10).

№ 10 – кольцо бронзовое с зажимом. Рамка овальной формы с небольшим утолщением в передней части. Зажим с лицевой стороны прямоугольной формы со скругленным краем. Для фиксации ремня использовался штифт. Размеры кольца – 1,0 × 0,7 см, размеры зажима – 0,9 × 0,6 см (рис. 4,8).

№ 11 – пряжка серебряная с овальной, утолщенной в передней части рамкой и прямым, сильно уплощенным язычком без уступа у основания; язычок находился в расстегнутом виде. Щиток овальной формы, края загнуты внутрь, имитируя фасетировку. Для фиксации ремня имеются два штифта. Внутри щитка фиксируется паста белого цвета. Размеры рамки – 2,2 × 1,5 см, размеры щитка – 1,9 × 1,3 см (рис. 4,5).

Курган 876 (рис. 6,1). Находился в ЮЗ части участка геофизического обследования № 1, на границе двух квадратов [Коробов и др., 2021а, рис. 5].

Курган содержал два погребения – захоронение № 1 в катакомбе, находившееся в центре кургана, и подбойное погребение № 2 в западной части кургана, а также ровик квадратной в плане формы, ориентированный сторонами по линиям ССВ – ЮЮЗ и ЗСЗ – ВЮВ. Размеры ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру в направлении ЗСЗ – ВЮВ – 14,5 м, в направлении ССВ – ЮЮЗ – 15,5 м; размеры по внешнему контуру в направлении ЗСЗ – ВЮВ – 16 м, в направлении ССВ – ЮЮЗ – 16,5 м. Ровик имел две перемычки – с ССВ и с ЮЮЗ сторон – шириной 1,15 м и 1,2 м соответственно. В сечении трапецевидной формы. Ширина ровика по дну – от 0,4 до 0,6 м. Глубина ровика от уровня погребенной почвы ориентировочно составляла до 1,3 м, ширина на уровне древнего горизонта – до 1,3 м.

В заполнении ровика, в различных его частях, обнаружены кости и зубы животных, а также фрагменты керамических сосудов (№ 1–5 на общем плане, рис. 6,1). При снятии насыпи в пахотном слое найдены фрагменты костей животных и керамических сосудов,

относящиеся к распаханному (стратиграфически не выделяющемуся) культурному слою периферии посада Зильгинского городища, который диагностируют три хозяйственные ямы, обнаруженные в площади кургана (рис. 6,1).

Погребение № 1 было совершено в катакомбе (рис. 6,2,3). В древности подверглось ограблению. Входная яма узкой трапецевидной в плане формы с расширением в ССВ части, размеры на уровне зачистки 2,73 × 0,69–0,54 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. У задней стенки сделано шесть ступенек, расположенных в шахматном порядке, высотой от 43 до 83 см. Дно горизонтальное. Стенки вертикальные, хорошо заглажены. На уровне дна входная яма узкой трапецевидной в плане формы с расширением в ССВ части, размеры 2,1 × 0,74–0,47 м. Глубина от уровня зачистки – 2,52 м. В заполнении обнаружены кости погребенных, большое количество древесного угля и предметы погребального инвентаря, выброшенные при ограблении из камеры: дно кувшина (№ 1), фрагменты сосудов, мелкие фрагменты золотой фольги (№ 5), деревянного предмета, коралловый бисер (№ 9), фрагменты бронзовых штампованных изделий, среди которых определимы накладки (№ 11–19), серебряная ременная накладка или наконечник (№ 6), щиток пряжки (№ 10) и сердоликовая бусина (№ 20).

В ССВ стенке входной ямы находился арочной формы вход в камеру шириной по дну 53 см и высотой 49 см. В камеру вел дромос длиной 39 см. Дно входной ямы плавно переходит в дно камеры без ступеньки. Камера овальной в плане формы, размеры 2,27 × 1,64 м, ориентирована длинной осью по линии запад – восток. Длинные оси входной ямы и камеры сопрягаются под углом, отличным от прямого. Дно ровное. Свод полусферический, вынесен вверх от входа; реконструируемая высота – 1,07 м. У западной стенки в дне прослежена круглой формы ямка диаметром 18 см и глубиной 3 см. В центральной части камеры фиксируются остатки угольной посыпки и костный тлен. В катакомбе было совершено парное захоронение. В заполнении и на дне камеры обнаружены фрагменты кувшина (№ 1), кружка (№ 2), бронзовая позолоченная пряжка (№ 3), фрагмент железного ножа (№ 4),

фрагменты деревянного предмета (№ 7), игла фибулы (№ 8) и коралловый бисер (№ 9).

Инвентарь

№ 1 – фрагменты чернолощеного кувшина с высоким цилиндрическим горлом, переходящим через сглаженный перегиб в плечики, эллипсоидным туловом и узким плоским дном. Венчик снаружи оформлен в виде валика. Носик-слив закрытого типа, приподнят над плоскостью венчика. Ручка круглая в сечении, верхним прилепом крепится к верхней части горла с помощью штыря через отверстие (замазано с внутренней стороны), нижним – к плечу. Верхняя часть горла декорирована одной, а нижняя – двумя зонами из двух горизонтальных желобков, пространство между которыми заполнено оттисками 3-образного штампа. Еще одна зона оттисков 3-образного штампа ограничивает снизу декор на плечиках в виде заштрихованных треугольников, выполненных узкими пролощенными линиями. На дне фиксируются отпечатки досок гончарного круга. Размеры: Но – 26 см; Дт – 20,5 см; Дг – 8 см; Дд – 10 см (рис. 8,3).

№ 2 – кружка с эллипсоидным туловом, прямым вертикальным горлом и плоским дном. Петлевидная ручка верхним прилепом крепилась к плечу, нижним – к месту максимального расширения тулова с помощью штыря через отверстие в стенке, замазанное с внутренней стороны. Верхний прилеп ручки имеет зооморфное оформление. Верх плечиков декорирован поясом узких вертикальных насечек. Тулово в месте максимального расширения оформлено тремя коническими напелами, которые оконтурены двумя концентрическими пролощенными линиями. На дне фиксируются отпечатки досок гончарного круга. Размеры: Но – 12,5 см; Дв – 10 см; Дт – 14,5 см; Дд – 7,3 см (рис. 8,4).

№ 3 – бронзовая пряжка с корпусом из тонкой пластины, позолоченной снаружи. Изнутри позолота фиксируется на скошенных краях изделия, чуть заходя на основную поверхность этой (оборотной) стороны. На язычке и шпеньках следов позолоты нет. Рамка полая, В-образной формы, с отверстием, близким по форме прямоугольнику, и гранями, разделенными нечеткими ребрами, идущими вдоль периметра рамки. Язычок сегментовидный в сечении, с небольшим уступом у осно-

вания, плотно охватывает рамку. На полом неподвижном щитке, имеющем форму «геральдического» щита с четырехугольными вырезами по бокам, сохранились два штифта для крепления к ремню. С обратной стороны щитка фиксируются остатки пасты белого цвета. Размеры: рамки – 2,9 × 1,5 см, щитка – 1,5 × 1,7 см (рис. 7,1).

№ 4 – фрагмент черенка железного ножа со следами дерева от рукояти. Размеры: длина черенка – 4,2 см, ширина – 1,0–1,8 см (рис. 7,16).

№ 5 – два небольших фрагмента обкладки из тонкой золотой фольги (рис. 7,4).

№ 6 – серебряная штампованная накладка или наконечник с прямыми боками, полукруглой «нижней» частью и обломанной «верхней». По центру сохранившейся части находится вдавленный круг с выпуклой окантовкой, вокруг которого расположен орнамент в виде пуансона, выдавленного с обратной стороны изделия. Размеры – 1,5 × 1,5 см (рис. 7,3).

№ 7 – фрагмент деревянного предмета со следами серебра, размеры – 3,6 × 2,0 × 1,4 см.

№ 8 – бронзовая игла фибулы с пружиной и нижней тетивой; с помощью оси пружина крепится к Т-образной в сечении стойке, согнутой из тонкой прямоугольной пластины. Длина иглы – не менее 4,5 см; размеры основания стойки – 0,7 × 0,55 см (рис. 7,15).

№ 9 – коралловый бисер цилиндрической формы (7 шт.). Размеры: высота – 0,8 см, диаметр – 0,2 см, диаметр отверстия – 0,1 см (рис. 7,14).

№ 10 – фрагмент позолоченного щитка бронзовой пряжки, скорее всего аналогичной пряжке № 3. Щиток «геральдической» формы с вырезами по бокам (сохранился один – менее четкий, чем у пряжки № 3) и округлой (в отличие от пряжки № 3) задней частью; с двумя штифтами для крепления к ремню и остатками пасты белого цвета с обратной стороны изделия (рис. 7,2).

№ 11 – фрагмент деформированной штампованной бронзовой накладки, аналогичной накладке № 12 (рис. 7,7).

№ 12 – фрагмент деформированной серебряной полой штампованной накладки в виде четырехлепестковой розетки с орнаментом в виде круглых вдавлений по бокам основания лепестков; с обратной стороны фик-

сируются следы белой пасты. Размер лепестка – 1–1,2 × 0,5–0,6 см; реконструируемый диаметр розетки – около 2 см (рис. 7,8).

№ 13 – фрагмент серебряной штампованной накладки с орнаментом, аналогичным орнаменту на накладке № 6 (рис. 7,5).

№ 14 – сравнительно толстая прямоугольная пластина со штифтом (вероятно, прижимала изделие, которое крепилось загнутой частью штифта к ремню). Размеры – около 0,4 × 0,5 см (рис. 7,9).

№ 15 – фрагмент деформированной прямоугольной пластины из тонкой листовой бронзы, ширина 0,4 см (рис. 7,11).

№ 16 – фрагмент тонкой штампованной серебряной накладки с орнаментом, аналогичным орнаменту на накладках № 6 и 13, и остатками бронзового штифта (рис. 7,6).

№ 17 и 18 – фрагменты предметов из тонкой листовой бронзы со штифтами (рис. 7,10,12).

№ 19 – четыре фрагмента предметов из штампованной бронзы. Форма не восстанавливается.

№ 20 – бусина сердоликовая шаровидной формы, диаметр 0,6 см (рис. 7,13).

Погребение № 2 было совершено в подбое (рис. 6,4–7). Входная яма трапециевидной в плане формы с расширением в северной части, размеры на уровне зачистки 1,41 × 0,63–0,46 м, ориентирована длинной осью по линии С – Ю с небольшим отклонением. Стенки слабонаклонные, слегка сужаются ко дну, заглажены. Дно ровное, горизонтальное. Размеры ямы по дну – 1,32 × 0,67–0,47 м. Глубина от уровня зачистки – 0,63 м.

Подбойная ниша находилась в западной стенке входной ямы. Вход в нишу узкой прямоугольной формы со скругленными углами, размеры 1,1 × 0,25 м, смещен к северной стенке. Заклад входа сделан в виде глиняной забутовки размерами 1,3 × 0,3 м и высотой 0,6 м. В нишу вела наклонная ступенька высотой 15 см. Ниша прямоугольной в плане формы с сильно скругленными углами, размеры 1,17 × 0,45 м. Свод понижался от входа к передней стенке. Высота свода при входе – 0,33 м.

В камере находился скелет ребенка 4–5 лет. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине головой на север (направо от входа). Череп носит следы искус-

ственной деформации по типу высокой кольцевой. Руки вытянуты вдоль туловища и слегка расставлены в стороны. Ноги вытянуты вдоль оси туловища. Палеоантропологический анализ данного захоронения был проведен М.Б. Медниковой и О.Ю. Четчкиной [Коробов и др., 2021б]. Исследователями отмечался неоднократный физиологический стресс и значительные физические нагрузки, которые испытывал при жизни ребенок; зафиксирована искусственная деформация и трепанация черепа на лобной кости в области брегмы.

Инвентарь

№ 1 – слева у головы стоял небольшой горшок с низким отогнутым наружу венчиком, сфероконическим туловом и узким, слегка выпуклым дном. Место максимального расширения тулова орнаментировано поясом из двух желобков. Снаружи фиксируются следы нагара и копоти. Размеры: Но – 11,3 см, Дв – 9 см, Дт – 12,2 см, Дд – 5,6 см (рис. 8,2).

№ 2 – на шее погребенного находилась массивная бронзовая цепочка, на которой прослеживался органический тлен коричневого цвета (остатки кожаного ремня, скреплявшего крайние звенья?). Цепочка состоит из 16 звеньев овальной формы. Размеры: общая длина цепочки – 20,2 см, размеры звеньев – 1,7 × 0,8 см (рис. 8,1).

Курган 877 (рис. 9,1). Находился в ЮВ части участка геофизического обследования № 1, на границе трех квадратов [Коробов и др., 2021а, рис. 5]. Курган содержал катакомбное погребение, находившееся в его центральной части, и ровик квадратной в плане формы со слегка скругленными углами, ориентированный по сторонам света. Размеры ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру – 11,5 × 11,5 м; размеры по внешнему контуру – 12,5 × 12,5 м. Ровик имел две перемычки – с С и Ю сторон – шириной 1,1 м и 0,5 м соответственно. В сечении трапециевидной формы. Ширина по дну – 0,2–0,3 м. Глубина ровика от уровня погребенной почвы ориентировочно составляла 1,0 м, ширина на уровне древнего горизонта – до 0,8 м.

В СВ части он прорезал кольцевой ровик кургана 878. В восточной части прослеживался меридионально ориентированный ровик кургана, выходивший за пределы раскопанного пространства и не исследованный;

его ширина по дну – 0,3–0,4 м, глубина от уровня погребенной почвы – до 0,7 м, ширина на уровне древнего горизонта – до 0,7 м. Данный ровик нарушил западную часть контура кольцевого ровика кургана 878. В свою очередь, северная часть ровика кургана 877 прорезает ровик неисследованного кургана. Стратиграфическое соотношение ровиков следующее (рис. 9,1): 1) наиболее ранним является курган 878 с кольцевым ровиком (его нарушают два квадратных в плане ровика); 2) позже был сооружен неисследованный курган с квадратным ровиком, прорезавший кольцевой ровик кургана 878; 3) наиболее поздним является курган 877 с квадратным ровиком, который прорезал ровики двух других курганов.

В заполнении ровиков встречались кости животных и фрагменты керамических сосудов (№ 1–7 на плане, рис. 9,1), преимущественно относившиеся к культурному слою периферии посада городища.

Погребение было совершено в катакомбе (рис. 9,2,3). В древности подверглось ограблению. Входная яма трапециевидной в плане формы с расширением в ССВ части, размеры на уровне зачистки 2,31 × 0,69–0,53 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. Боковые стенки наклонные, расширяются ко дну, передняя стенка – вертикальная; все стенки хорошо заглажены. В задней стенке были сделаны три ступеньки высотой от 24 до 79 см: две расположены в шахматном порядке, и одна – по всей ширине задней стенки. Дно слабонаклонное, понижается к ССВ стенке, ко входу в камеру. По дну входная яма трапециевидной в плане формы с расширением ССВ части, размеры 1,87 × 0,93–0,52 м. Глубина входной ямы составляла 1,97 м от уровня зачистки. В заполнении обнаружен фрагмент красноглиняного кувшина, изготовленного в керамической традиции Кавказской Албании.

Вход в камеру находился в ССВ стенке входной ямы и был частично нарушен при ограблении; первоначальная ширина – 56 см, высота – 34 см. Камеру с входной ямой соединял дромос длиной 33 см. В камеру вела нарушенная грабителями ступенька высотой 17 см. Камера неправильной овальной формы с сужением в восточной части, размеры 2,18 × 1,56 м, ориентирована длинной осью по

линии 3 – В. Длинные оси входной ямы и камеры образуют угол, отличный от прямого. Свод был вынесен вверх от входа и был трапециевидной в разрезе формы. Высота свода – 1,0 м.

В заполнении камеры встречались разрозненные кости скелета взрослого индивида, фрагменты керамических сосудов (в том числе небольшой венчик миски), очевидно происходившие из культурного слоя, и рамка железной пряжки (№ 2). На дне камеры, в ЮВ части, находились длинные кости ног, смещенные при ограблении, и рядом с ними бронзовая серьга (№ 1). Положение и ориентировка погребенного не восстанавливаются.

Инвентарь

№ 1 – бронзовая литая калачиковидная серьга с несомкнутыми концами. Размеры: диаметр – 1,3 см, диаметр сечения – 0,3 см (рис. 11,3).

№ 2 – два фрагмента рамки железной пряжки круглой формы, диаметр – 2,0 см (рис. 11,2).

№ 3 – ручка двуручного кувшина с прочерченным по сырой глине на верхнем прилепе знаком в виде косоугольного креста, очевидно происходившая из культурного слоя посада городища (рис. 11,1).

Курган 878 (рис. 9,1). Находился к СВ от кургана 877, в центральной части восточного ряда квадратов участка геофизического обследования № 1. Кольцевой ровик кургана не распознавался на магнитограмме [Коробов и др., 2021а, рис. 5] и был выявлен в процессе работ при зачистке ровика кургана 877.

Курган содержал одно катакомбное погребение, находившееся в центральной его части, а также ровик кольцевой в плане формы, сохранившийся в южной и СЗ частях контура; северная и восточная части не прослеживались, поскольку полностью находились в слое погребенной почвы, западная часть нарушена квадратным в плане ровиком кургана, выходящего за пределы исследованной площади. Диаметр ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру – 9 м, по внешнему контуру – 9,7 м. Ровик, очевидно, имел две перемычки – в ССВ и ЮЮЗ секторах. ССВ перемычка не сохранилась; ширина ЮЮЗ перемычки не восстанавливается, поскольку ее восточная оконечность нарушена ровиком

кургана 877. В сечении ровик трапециевидной формы. Ширина на уровне материка – 0,3 м, по дну – 0,2 м. Ровик заглублен в материк на 0,2 м. На дне восточной оконечности ЮЮЗ перемишки найдены фрагменты миски (№ 8 на общем плане, рис. 9,1). Миска из ровика с загнутым внутрь бортиком, с выраженным переходом через срезанное ребро в прямые стенки и узким плоским дном. Размеры: Но – 8,2 см, Нб – 2 см, Дб – 28 см, Дд – 8,3 см (рис. 10,3).

Погребение было совершено в катакомбе (рис. 10,1,2). В древности подверглось ограблению. ЗЮЗ угол входной ямы частично нарушен ровиком кургана 877. Входная яма широкой трапециевидной в плане формы с выраженным расширением в ССВ части и уступом в контуре ЗЮЗ угла, размеры 2,05 × 1,63–0,72 м, ориентирована длинной осью по линии ССВ – ЮЮЗ. Уступ в контуре ЗЮЗ угла обусловлен наличием в нем верхней ступеньки, находившейся в слое погребенной почвы. Ниже были сделаны еще две угловые ступеньки высотой от 35 до 80 см. У ЮЮЗ стенки была сделана нижняя ступенька высотой 15 см; наклонная поверхность ступеньки связана с ее использованием в процессе сооружения катакомбы. Стенки входной ямы наклонные, выражено сужаются ко дну; хорошо заглажены. Дно наклонное, понижается к ССВ стенке, к входу в камеру. На уровне дна входная яма трапециевидной в плане формы с выраженным расширением в ССВ части, размеры 1,84 × 1,15–0,34 м. Глубина от уровня зачистки – 1,25 м.

Вход в камеру находился в ССВ стенке. Вход округлой формы, был нарушен при ограблении; ширина по дну – 57 см, высота – 52 см. Катакомба имела дромос длиной 42 см. В камеру вела вертикальная ступенька с реконструируемой высотой 40 см и частично нарушенным при ограблении верхом. Камера овальной в плане формы с вогнутой ЮЮЗ стенкой, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ – ВЮВ, размеры 2,04 × 1,16 м. Длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы. Свод понижался от входа к передней стенке камеры. Высота свода – 0,9 м.

На дне камеры, по диагонали, находился скелет погребенного взрослого индивида пло-

хой сохранности, частично нарушенный при ограблении. Погребенный был уложен в вытянутом положении на спине головой на ЮВ (головой направо от входа). В западной части камеры на дне фиксировалось пятно органического тлена коричневого цвета размерами 20 × 50 см.

Инвентарь

Рядом с левой рукой погребенного находилось квадратное в сечении железное шило (№ 4); прямоугольный в сечении черенок расширяется к основанию. Размеры: длина общая – 12,8 см, длина рабочей части – 8,8 см, размеры черенка по сечению – 0,3–0,7 × 0,2 см (рис. 11,5).

У передней стенки стояла миска (№ 1) с загнутым внутрь бортиком, плавно переходящим в прямые стенки, и узким вогнутым дном. На внутренней стороне дна – прочерченное по сырой глине изображение в виде креста. Размеры: Но – 7 см, Нб – 2 см, Дб – 20 см, Дд – 7,5 см (рис. 11,7).

Между правым бедром погребенного и миской были обнаружены железный нож (№ 2) и речная галька. Нож железный однолезвийный с прямыми лезвием и спинкой, плавно переходящими в черенок. На черенке и лезвии фиксируются следы дерева – от рукояти и ножен соответственно. Размеры: длина ножа – 10,8 см, длина лезвия – 7,5 см, ширина лезвия – 1,8 см, длина черенка – 3,3 см, ширина у основания 1,0 см (рис. 11,4).

У левого колена найдена фрагментированная железная пряжка (№ 3) с овальной рамкой, размеры 2,5 × 2,5 см (рис. 11,6).

Погребальный обряд. Исследованные комплексы хорошо вписываются в контекст известных древностей аланской культуры. Для погребального обряда городских некрополей раннего этапа аланской культуры характерны преимущественно подкурганые захоронения в катакомбах типа I (по К.Ф. Смирнову [1972] и М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашеву [1999]), окруженные ровиками, имеющими по две перемишки (разрывы контура), как правило, в северном и южном секторах [Габуев, Малашев, 2009; Коробов и др., 2014; Малашев и др., 2018, с. 197; Малашев и др., 2020, с. 443, 445]. Во второй половине II – первой половине IV в. н.э. преобладают ровики кольцевой формы, при этом уже в первой половине – сере-

дине III в. н.э. изредка встречаются квадратные в плане ровики, которые в дальнейшем чаще используются в конструкции курганов [Коробов и др., 2014, рис. 3; Малашев и др., 2018, рис. 2,2]. Квадратные / прямоугольные ровики практически полностью сменяют кольцевые к финалу IV столетия, и начиная с V в. н.э., последние неизвестны [Габуев, Малашев, 2009, рис. 31; Малашев, 2018, рис. 4: к. 1452, 1462, 1463, 1477, 1478; Малашев, 2019, рис. 1399]. Исследованные раннесредневековые комплексы Бесланского могильника (курганы 876 и 877), продолжая традицию предшествующего времени, совершены в курганах с квадратными / прямоугольными ровиками. В качестве аналогии им укажем синхронные погребальные комплексы курганов 13 и 18 могильника Брут 2, совершенные в катакомбах, окруженных квадратными ровиками [Габуев, Малашев, 2009, рис. 80].

Как правило, захоронения совершались под индивидуальной насыпью, то есть внутри ровика находилось одно погребение. Исключением являются курганные могильники аланской культуры раннего этапа Среднего Терька, объединяемые в самостоятельный вариант культуры, где известны курганы, содержавшие по 2 (в одном случае 3) погребения [Малашев и др., 2018, с. 198–199; Малашев и др., 2020, с. 447–448; Коробов и др., 2020, с. 446, 453], что является локальной особенностью данного варианта. Для памятников раннего этапа культуры равнинно-предгорной полосы, в число которых входит и Бесланский могильник, подобные случаи пока неизвестны. Однако позднее, начиная с эпохи Великого переселения народов, данная обрядовая особенность появляется и здесь: это периферийные захоронения в кургане 11 могильника Брут 1 [Габуев, 2014, рис. 40] и в публикуемом кургане 876 Бесланского могильника.

Основной формой погребальных сооружений аланской культуры, диагностирующей ее памятники, является катакомба типа I (длинная ось камеры перпендикулярна длинной оси входной ямы). Дополнительными признаками следует считать форму и пропорции входных ям, конструкцию ступенек в них, форму камер и свода. Данные признаки, часто работая в сочетании, позволяют проследить эволюцию катакомб в рамках культуры и да-

вать хронологическую оценку их конструктивным особенностям. Ранее одним из авторов уже неоднократно рассматривался вопрос об изменении признаков, касающихся конструкции катакомб аланской культуры в рамках второй половины II – первой половины V в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 146; Малашев, 2010, с. 119–120; Малашев, Торгоев, 2018, с. 39; Коробов и др., 2020, с. 454].

Все исследованные катакомбы имеют меридионально ориентированные входные ямы, камеры находятся у северных стенок, что соответствует обрядовым особенностям памятников равнинно-предгорной полосы, в том числе многочисленной серии самого Бесланского могильника. У всех входных ям зафиксированы ступеньки различной конструкции у задних (южных) стенок.

Наиболее ранней, как по конструктивным признакам (широкая трапециевидной формы входная яма, расположение ступенек по углам у задней стенки, овальная камера, понижающийся от входа к передней стенке камеры свод), так и по планиграфической позиции кургана у периферии городища, является катакомба кургана 878.

Более поздними конструктивными признаками обладают катакомбы из курганов 874 и 875, у которых более узких пропорций прямоугольные входные ямы и прямоугольные камеры с вынесенными вверх стрельчатыми сводами. Показательна и конструкция ступенек катакомбы кургана 874 вдоль боковой стенки в виде «лестницы». Относительно времени появления данных конструктивных признаков ранее уже приходилось высказываться. Более узкие, прямоугольной формы (в отличие от сравнительно широкой трапециевидной формы) входные ямы получают распространение с позднего III в. н.э.; к этому же времени относится появление ступенек вдоль длинной боковой стенки. Вынесенный вверх от входа свод стрельчатой или трапециевидной в разрезе формы вырабатывается во второй половине III в. н.э. Как устойчивое сочетание признаков, данные новации в конструкции катакомб получают распространение в раннем IV в. н.э. и фиксируются до финала столетия.

Наиболее поздние катакомбы (курганы 876 и 877) выделяются узкими, слабо вы-

раженной трапециевидной формы входными ямами и овальной или неправильной овальной формы камерами. Ступеньки у задней стенки расположены по углам в шахматном порядке. По перечисленным конструктивным признакам они близки синхронным катакомбам курганов 13 и 18 некрополя Брутского городища – могильника Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, рис. 82, 89].

Вследствие ограбления положение и ориентировка погребенных достоверно не устанавливаются, исключая захоронение в кургане 878, где погребенный был уложен в вытянутом положении на спине головой на ЮВ, направо от входа. Ориентировка в восточный сектор, направо от входа, является характерной для Бесланского могильника [Малашев, Торгоев, 2018, с. 37]. Обращает на себя внимание положение погребенного по диагонали камеры. Подобное положение не является следствием недостаточности длины камеры и, следовательно, сделано преднамеренно. Данный признак пока не реализовывался в известной на сегодняшний день выборке погребений аланской культуры раннего этапа вследствие небольшого количества ненарушенных ограблением комплексов, а также незначительной серии наиболее ранних погребений, относящихся ко второй половине II в. н.э. При этом он находит прямые соответствия в погребальной обрядности среднесарматской культуры, являясь одним из ее диагностических признаков. Учитывая планиграфическую позицию данного комплекса, отражающую начальную стадию развития некрополя, можно интерпретировать этот факт как сохранившиеся реминисценции обряда среднесарматской культуры, носители которой приняли участие в культурогенезе аланской культуры на раннем этапе и этногенезе северокавказских алан в качестве одного из компонентов [Малашев, 2016, с. 64–65; Малашев, Дзуцев, 2016, с. 181].

Отметим еще такую особенность обряда аланской культуры, как посыпку (иногда до 5–7 см толщиной) дна камер древесным углем, которая эпизодически фиксируется с середины III в. н.э. [Малашев, Торгоев, 2018, с. 39] и широко используется начиная с IV в. н.э. [Малашев и др., 2018, с. 198; Малашев и др., 2020, с. 443], вклю-

чая раннее Средневековье [Габуев, Малашев, 2009, с. 49, 53].

Несколько особняком стоит захоронение в подбое, являющееся периферийным в кургане 876. Подбои являются редкой формой погребальных сооружений, входящих в состав некрополей аланской культуры. Для раннего этапа аланской культуры они чаще встречаются в некрополях Среднего Терека, где составляют около 5 % [Малашев и др., 2018, с. 197–198; Малашев и др., 2020, с. 444], чем в памятниках предгорно-равнинной части. В это время для Бесланского могильника подбои встречены пока только на его периферии в ЮЗ части и количественно не превышают 1 % в исследованной выборке [Джанаев, 2011; Малашев, 2011]⁴; подбойные ниши чаще находятся у ССЗ – СЗ стенок, ориентировка погребенных преимущественно в секторе СВ – ЮВ, что соотносится с ориентировкой захороненных в катакомбах. Следует также отметить, что все подбои Бесланского могильника бескурганные. Учитывая, что погребение 2 кургана 876 является подкурганым периферийным, данное подбойное захоронение, как и погребение из кургана 11 могильника Брут 1, следует, видимо, соотносить с обрядовыми традициями населения локального варианта аланской культуры Среднего Терека предшествующего времени, где дважды встречены периферийные захоронения в курганах, совершенные в подбоях.

Погребальный инвентарь анализируемых погребений, сохранившийся после ограблений, находит многочисленные аналогии в древностях аланской культуры раннего этапа и раннего Средневековья.

Миски с загнутым внутрь бортом являются наиболее распространенной категорией посуды в погребениях раннего этапа аланской культуры [Габуев, Малашев, 2009, с. 116–117]. Образцы из курганов 875 и 878 (рис. 4, 12, 10, 3, 11, 7) достаточно стандартны и пока не дают оснований для сужения датировки в рамках второй половины II – IV в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 116, рис. 127, 1–15]. Обращает на себя внимание прочерченный по сырой глине на внутренней поверхности дна миски знак в виде креста (рис. 11, 7). Практика нанесения знаков в виде креста и др. на внутренней поверхности дна мисок – изредка

встречающийся прием дизайна данной категории сосудов (см., например: [Малашев, 2018, рис. 401, 762,2]).

Представляет интерес находка из кургана 875 тонкостенного светлоглиняного узкогорлого кувшина с утраченной в древности ручкой, место скола которой было зашлифовано (рис. 5,3). Кувшин импортный, закавказского происхождения, который, видимо, представлял ценность для владельца. По профилировке верхней части он близок сосуду из слоя Зильгинского городища [Arzhantseva et al., 2000, p. 242, fig. 18], а также находит аналогии в материалах Жинвальского могильника в Грузии⁵, которые датируются в рамках III – начала IV в. н.э. [Рамишвили, 1983, табл. LXIII, LXV,283].

Горшки (рис. 5,2, 8,2) не часто входят в состав погребального инвентаря, являясь при этом самой массовой категорией керамической посуды из культурных напластований городищ раннего этапа аланской культуры [Габуев, Малашев, 2009, с. 121–122]. Горшку из погребения 2 кургана 876 (рис. 8,2) близок сосуд из кургана 13 могильника Брут 2, инвентарь которого датируется концом VI – первой третью VII в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 122, рис. 85,14]. Форма горшка из кургана 874 (рис. 5,2) типична для древностей аланской культуры раннего этапа и не имеет оснований для узкой датировки.

Чернолощеный кувшин из погребения 1 кургана 876 (рис. 8,3), декорированный по горлу и плечикам оттисками 3-образного штампа, характерного для орнаментации раннесредневековой керамики восточных районов аланской культуры, морфологически близок сосуду из кургана 18 могильника Брут 2, комплекс которого относится к концу VI – первой трети VII в. н.э. [Габуев, Малашев, 2009, с. 120–121, 127–129, 141, рис. 93,14]. Обнаруженная в публикуемом нами комплексе кружка с высокой зооморфной ручкой и тремя коническими напелами на тулове (рис. 8,4) не противоречит этой дате. Она близка к разновидности кружек Кр. 7 (по типологии В.Ю. Малашева) западных районов аланской культуры, которая распространена на протяжении периодов IIб и IIIа Кисловодской котловины, относимых к первой половине – третьей четверти VII в. [Малашев, 2001, с. 13, 31, рис. 53, 67; Гавритухин, 2001, с. 48].

Хорошими хронологическими индикаторами являются детали ременных гарнитур. Небольшая пряжка из кургана 874 (рис. 4,1) с прямым язычком и уступом у основания, достигающим в передней части до середины высоты рамки, относится к разновидности П10 [Малашев, 2000, с. 196, рис. 1, 2], датирующейся второй – третьей четвертью IV в. н.э.⁶ Фрагмент деформированной детали ременной гарнитуры с фасетированной лицевой пластиной, скорее всего, является частью наконечника-подвески с утраченной нижней частью (рис. 4,2) и может быть атрибутирован как Н6, Н7 или Н8 [Малашев, 2000, с. 197, рис. 1, 2]. Двухчастные наконечники Н6 и Н7 разделяются по форме расширения нижней части подвески, которая не сохранилась, что не позволяет датировать рассматриваемую находку уже, чем IV столетием в целом. Хронологическая оценка одночастных наконечников Н8 оценивается от середины IV в. н.э. с заходом в первую половину V в. н.э. В этом случае основанием для датировки комплекса является пряжка.

Серебряная пряжка из кургана 875 с овальной рамкой, имеющая расширение в передней части, прямым язычком без выраженного уступа у основания, не достигающим в передней части до середины высоты рамки, и овальным щитком (рис. 4,5) относится к разновидности П9 [Малашев, 2000, с. 196, рис. 1, 2] и датируется от финала III – рубежа III/IV вв. по первую треть IV в. н.э. Железная пряжка с овальной рамкой, имеющей выраженное утолщение в передней части, и прямым язычком с выступом у основания, достигающим в передней части до середины ее высоты (рис. 4,6), соотносится с ременными застежками П10, датирующимися второй – третьей четвертью IV в. н.э. (см. выше), что определяет хронологическую оценку комплекса. Два небольших кольца с овальным и округлым зажимами (рис. 4,7,8) не противоречат данной датировке.

Находки из кургана 876 подробно рассмотрены в статье И.О. Гавритухина [2023], опубликованной в данном номере журнала. Из них для датировки наиболее пригодны детали ременной гарнитуры. Маленькая В-образная полая пряжка с неподвижным щитком в форме «геральдического щита», имеющего боковые вырезы (рис. 7,1), сделана в вос-

точноевропейских традициях постгуннского (так называемого шиповского) круга с византийским влиянием и может быть датирована около второй половины VI в. н.э. Плоские четырехлепестковые накладки со скошенными краями и имитацией отверстий по бокам основания лепестков (рис. 7,7,8) связаны с традициями Камского региона. Их аналоги появились не позднее середины VI в. н.э. и выходят из употребления во второй половине VII в. н.э. Ближайшие стилистические параллели этим вещам, близкие им и хронологически, представлены в могильнике Брут 2 [Габуев, Малашев, 2009, рис. 84, 92], культурно и территориально близком Бесланскому. Если принять гипотезу о связи изменений в стилистике ремennых гарнитур с периодом господства на Северном Кавказе Тюркского каганата (между 569 и 576 гг.), то дату кургана 876 можно сузить до четвертой четверти VI в. н.э. Игла с пружиной и Т-образной стойкой из кургана 876 (рис. 7,15) принадлежит, скорее всего, двупластинчатой фибуле, сделанной из тонкой пластины, к которой припаивались стойка для крепления оси пружины и приемник. Такие застежки были широко распространены в аланской культуре Северного Кавказа с середины V в. н.э., в VII в. н.э. они выходят из употребления.

Инвентарь кургана 877 практически не сохранился вследствие ограбления. Исходя из планиграфической ситуации в могильнике, формы ровика и конструкции катакомбы, он в целом синхронен кургану 876. Этой датировке не противоречит находка бронзовой литой калачиковидной серьги (рис. 11,3).

Заключение

Небольшие по объему раскопки в разных частях обширного Бесланского могильника позволяют сделать ряд выводов. Развитие некрополя происходило от Зильгинского городища в восточном направлении. Возможно, наиболее ранние погребальные комплексы, располагавшиеся у окраины городища на ранней фазе его развития, могли быть перекрыты культурным слоем неукрепленного посада, который прослеживается на расстоянии не менее 230 м от восточного рва (рис. 1). Именно на этом расстоянии фиксируются хозяй-

ственные ямы, попавшие в площадь ровика кургана 876 (рис. 6,1). Примечательно, что на раскопанном пространстве курганов 877 и 878, расположенных в 35–40 м к северо-востоку, хозяйственные ямы и культурный слой посада не обнаружены, хотя отдельные находки керамики и костей животных там присутствовали, что, видимо, является результатом многолетней распашки. Представляется возможным утверждать, что нашими исследованиями прослежена восточная граница посада Зильгинского городища в момент его максимального расширения, скорее всего относящегося к III в. н.э.

Наиболее ранним из исследованных погребений является курган 878, который в широких рамках можно отнести ко второй половине II – первой половине III в. н.э. по особенностям конструкции погребального сооружения [Габуев, Малашев, 2009, с. 146] – широкой трапециевидной формы входной яме и диагональному положению погребенного в камере, ассоциирующемуся с погребальной обрядностью среднесарматской культуры. В этом случае для датировки данного комплекса можно предложить раннюю часть указанного интервала. Находящиеся на восточной периферии некрополя курганы 874 и 875 по предметам ремennой гарнитуры могут датироваться второй – третьей четвертью IV в. н.э. и, очевидно, отражают период максимального расширения площади могильника.

Впоследствии жизнь на Зильгинском городище затухает, существенно сокращается его жилищно-хозяйственная зона. Это подтверждается результатами охранно-спасательных раскопок 2020 г. в центральной части городища [Чшиев, 2021, с. 16–17, ил. 7, 8, 10, 11], где на территории жилых холмов IV и V обнаружены грунтовые катакомбные захоронения середины – второй половины V в. н.э., впущенные в культурный слой, что свидетельствует об использовании данной части городища под некрополь. Показательно, что ни на наиболее отдаленных, ни на примыкающих к посаду Зильгинского городища участках Бесланского могильника погребения этого времени неизвестны.

Во второй половине VI в. н.э. снова совершаются захоронения в прилегающей к городищу части некрополя, что корреспондиру-

ется с особенностями развития могильника Брутского городища и отражает определенные тенденции исторических процессов на данной территории [Габуев, Малашев, 2009, с. 10, 143]. В отличие от более ранних курганных погребений, для которых характерны кольцевые ровики, наиболее поздние катакомбы окружены ровиками квадратной формы. Эта особенность погребального обряда уже отмечалась в ходе предыдущих исследований на могильниках Брут 2, Левоподкумский 1, Братские 1-е курганы, Октябрьский I, Киевский I [Габуев, Малашев, 2009, с. 36, 48, 52; Коробов и др., 2014; Малашев и др., 2018; Малашев и др., 2020]. Учитывая, что по данным геофизического обследования на участке № 1 вблизи городища прослежено не менее 17 ровиков квадратной формы [Коробов и др., 2021а, с. 159, рис. 5], поздние катакомбы Бесланского могильника не являются единичными, хотя, конечно, и не составляют столь высокой плотности погребений, как в период расцвета жизни на Зильгинском городище, приходящегося на II–IV вв. н.э.

Очевидно, в VII в. н.э. Зильгинское городище покидает его население, что подтверждается как находками из культурного слоя памятника [Гавритухин, 2007], так и публикуемыми в данной работе материалами из курганов 876 и 877. В настоящий момент не представляется возможным дать однозначную историческую интерпретацию этому процессу. Возможной причиной послужили экологические изменения – начавшаяся около рубежа IV/V вв. н.э. аридизация с тенденцией дальнейшего усиления к VII в. н.э. [Хохлова и др., 2009], которая могла стать катализатором резкого уменьшения количества населения на равнинных территориях и, как следствие, освоения носителями аланской культу-

ры горных районов начиная с позднего VI – раннего VII в. н.э. Не исключено, что перемещение населения с равнин было связано и с хазарской экспансией в период становления каганата, однако подтверждение или опровержение этим гипотезам можно будет получить в будущем в ходе дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Палеоантропологические определения кандидата исторических наук С.Ю. Фризена (ИЭА РАН).

² Здесь и далее дается предварительное определение цветных металлов, из которых изготовлены предметы ременной гарнитуры и украшения. Их детальный анализ в настоящий момент проводится под руководством кандидата исторических наук И.А. Сапрыкиной в Центре коллективного пользования Института археологии РАН.

³ Здесь и далее используются следующие сокращения при описании размеров сосудов: Нсохр. – сохранившаяся высота; Но – общая высота; Нб – высота бортика; Дв – диаметр венчика; Дт – диаметр тулова; Дд – диаметр дна; Дб – диаметр бортика; Дг – диаметр горла.

⁴ Сюда включены два погребения в типологически близких погребальных сооружениях в виде катакомб типа IV. Помимо этого, встречено примерно столько же захоронений в ямах, часть которых могла быть неглубокими подбоями с непрслеживающимися входными ямами, находившимися в погребенной почве.

⁵ Выражаем глубокую признательность Д.А. Хазамову за указанную аналогию в публикациях грузинских коллег.

⁶ Морфологически близкие пряжки существуют и позднее, но признаки, характерные для ременных застежек второй половины V – VI в. н.э., на данных образцах отсутствуют. Кроме того, контекст погребальных комплексов курганов 874 и 875 (форма ровиков, конструкция катакомб и остальной инвентарь) не дают оснований для более поздних ассоциаций.

ПРИЛОЖЕНИЯ

0 200 400 800 1200 1600
М

Условные обозначения

А Б В Г

Рис. 1. Зильгинское городище и Бесланский могильник на снимке космического аппарата WorldView-3 (снимок от 3 апреля 2017 г.)

Условные обозначения: А – границы укрепленной части городища; Б – границы могильника;
В – предполагаемые границы посада; Г – участки геофизического обследования

Fig. 1. Zilgi settlement and Beslan burial ground on the WorldView-3 satellite image (taken on April 3, 2017)

Legend: А – boundaries of the fortified part of the settlement; Б – boundaries of the burial ground;
В – assumed boundaries of the unfortified settlement; Г – areas of geophysical survey

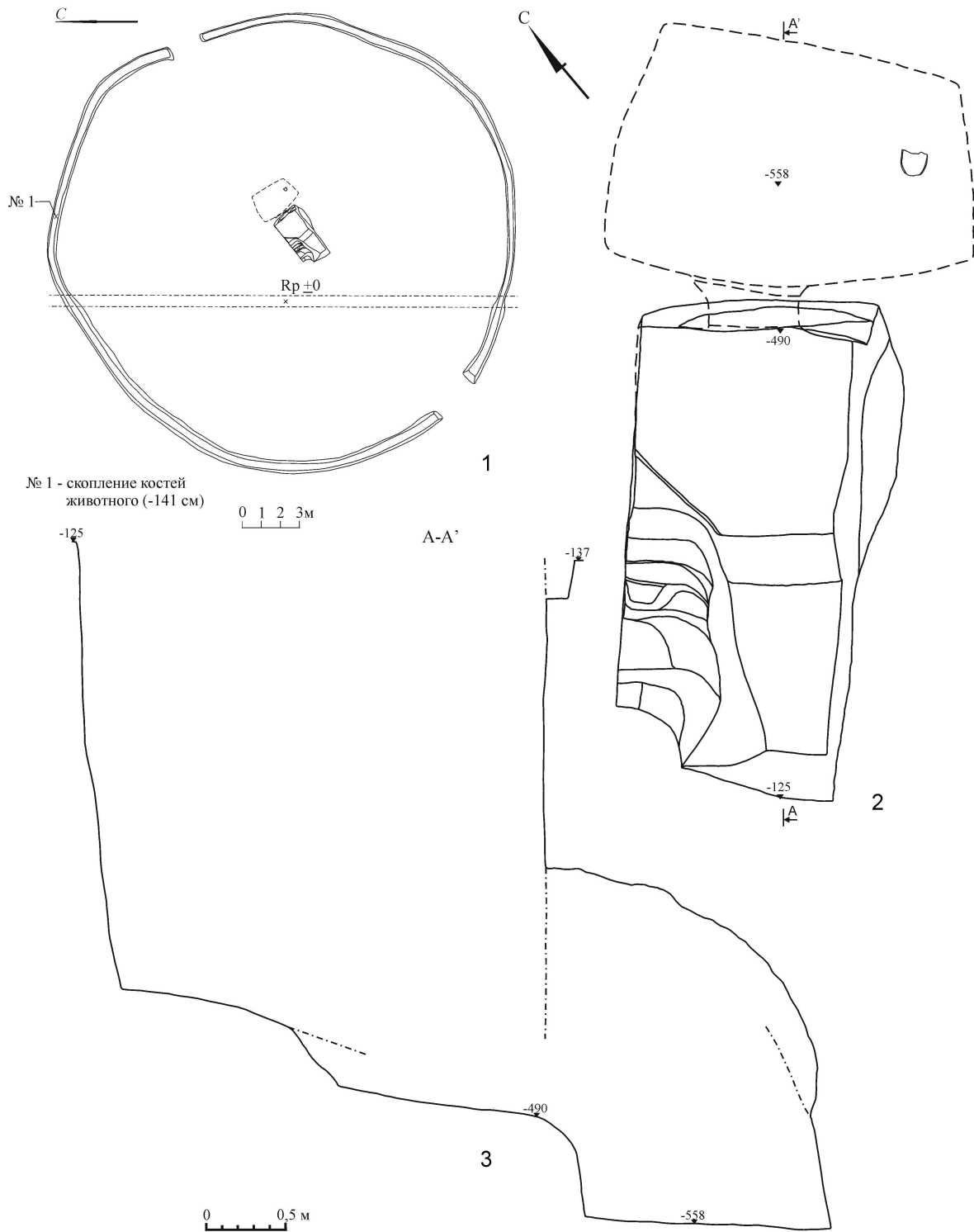

Рис. 2. Курган 874:

1 – общий план кургана; 2 – план погребального сооружения; 3 – разрез погребального сооружения

Fig. 2. Kurgan 874:

1 – general plan of the kurgan; 2 – plan of the burial structure; 3 – section of the burial structure

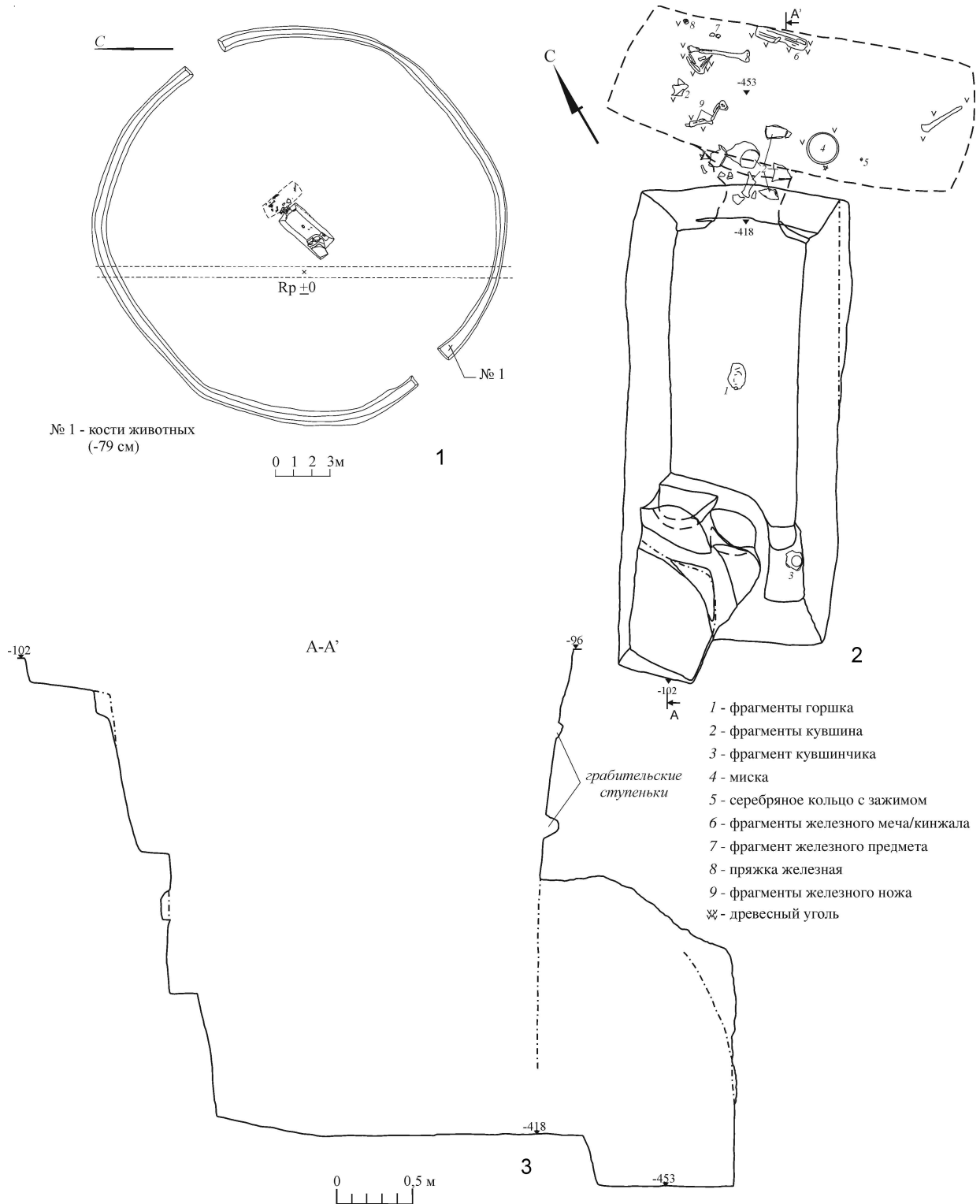

Рис. 3. Курган 875:

1 – общий план кургана; 2 – план погребального сооружения; 3 – разрез погребального сооружения

Fig. 3. Kurgan 875:

1 – general plan of the kurgan; 2 – plan of the burial structure; 3 – section of the burial structure

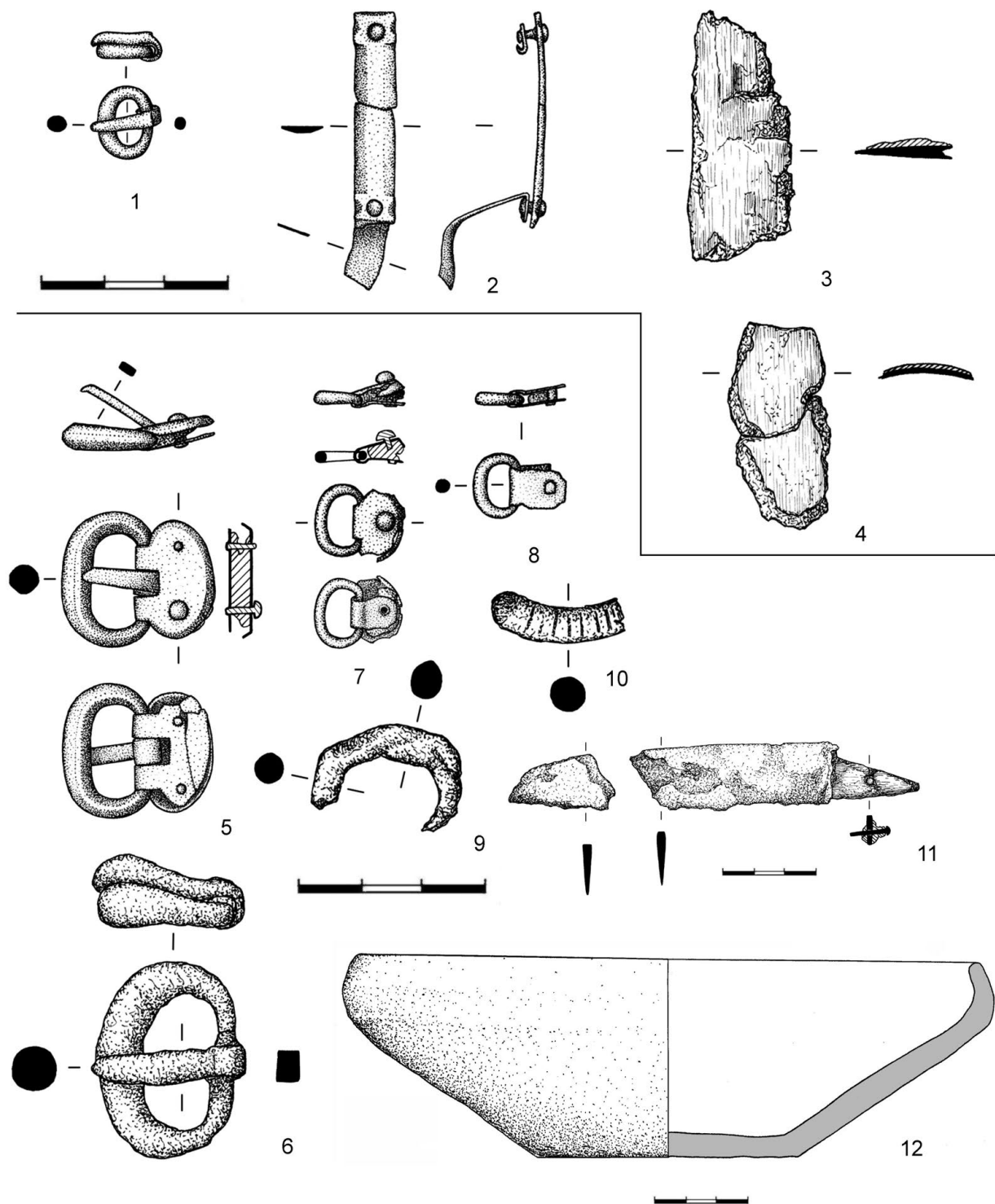

Рис. 4. Погребальный инвентарь курганов 874 (1–4) и 875 (5–12):

1, 5, 6 – пряжки; 2 – наконечник ремня; 3, 4, 11 – фрагменты ножей; 7, 8 – кольца с зажимами; 9, 10 – фрагменты пряжек; 12 – миска. 1, 2, 7 – бронза; 3, 4, 6, 9, 10, 11 – железо; 5, 8 – серебро; 12 – керамика

Fig. 4. The funerary inventory of the kurgans 874 (1–4) and 875 (5–12):

1, 5, 6 – buckles; 2 – belt tip; 3, 4, 11 – knife fragments; 7, 8 – rings with clamps; 9, 10 – buckle fragments; 12 – bowl. 1, 2, 7 – bronze; 3, 4, 6, 9, 10, 11 – iron; 5, 8 – silver; 12 – pottery

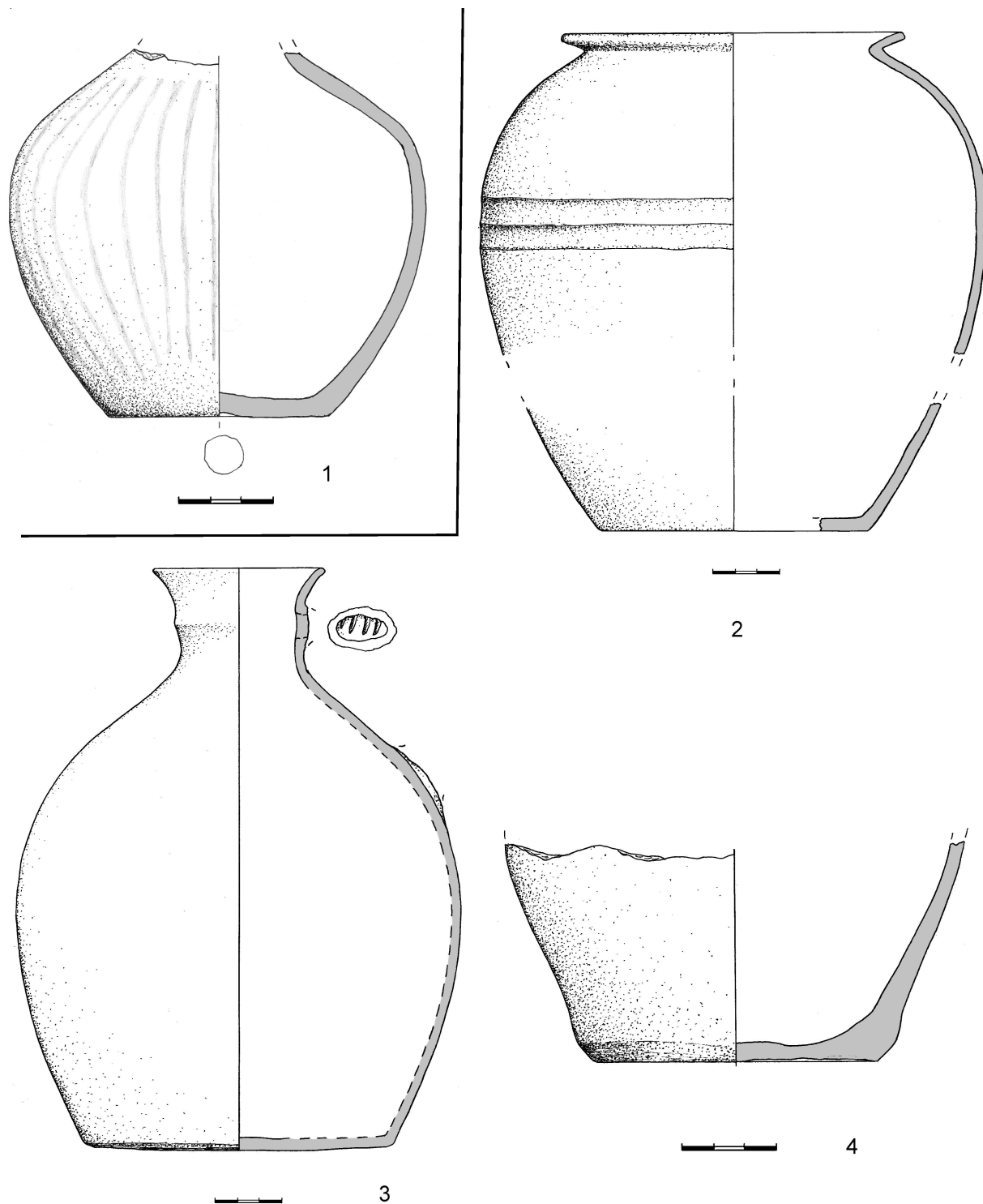

Рис. 5. Погребальный инвентарь курганов 874 (1) и 875 (2–4):

1 – кувшинчик; 2 – графическая реконструкция горшка; 3 – кувшин; 4 – дно кувшина. 1–4 – керамика

Fig. 5. The funerary inventory of the kurgan 874 (1) and 875 (2–4):

1, 3 – jugs; 2 – graphic reconstruction of the pot; 4 – bottom of the jug. 1–4 – pottery

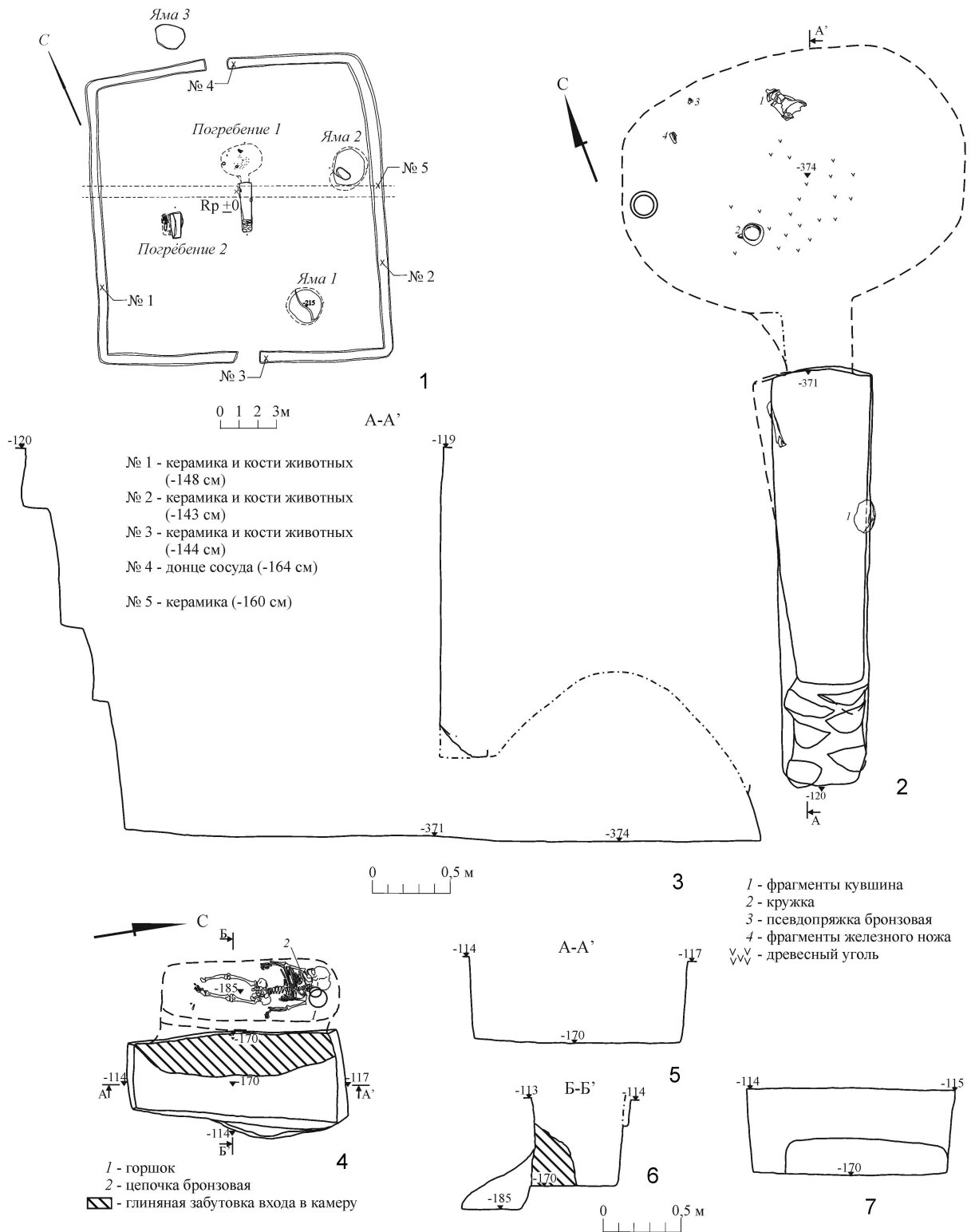

Рис. 6. Курган 876:

1 – общий план кургана; 2 – план погр. 1; 3 – разрез погр. 1; 4 – план погр. 2;
 5, 6 – разрезы погр. 2; 7 – вид на переднюю стенку входной ямы со входом в камеру погр. 2

Fig. 6. Kurgan 876:

1 – general plan of the kurgan; 2 – plan of burial 1; 3 – section of burial 1; 4 – plan of burial 2;
 5, 6 – sections of burial 2; 7 – view of the front wall of the access hole with the entrance to the chamber of burial 2

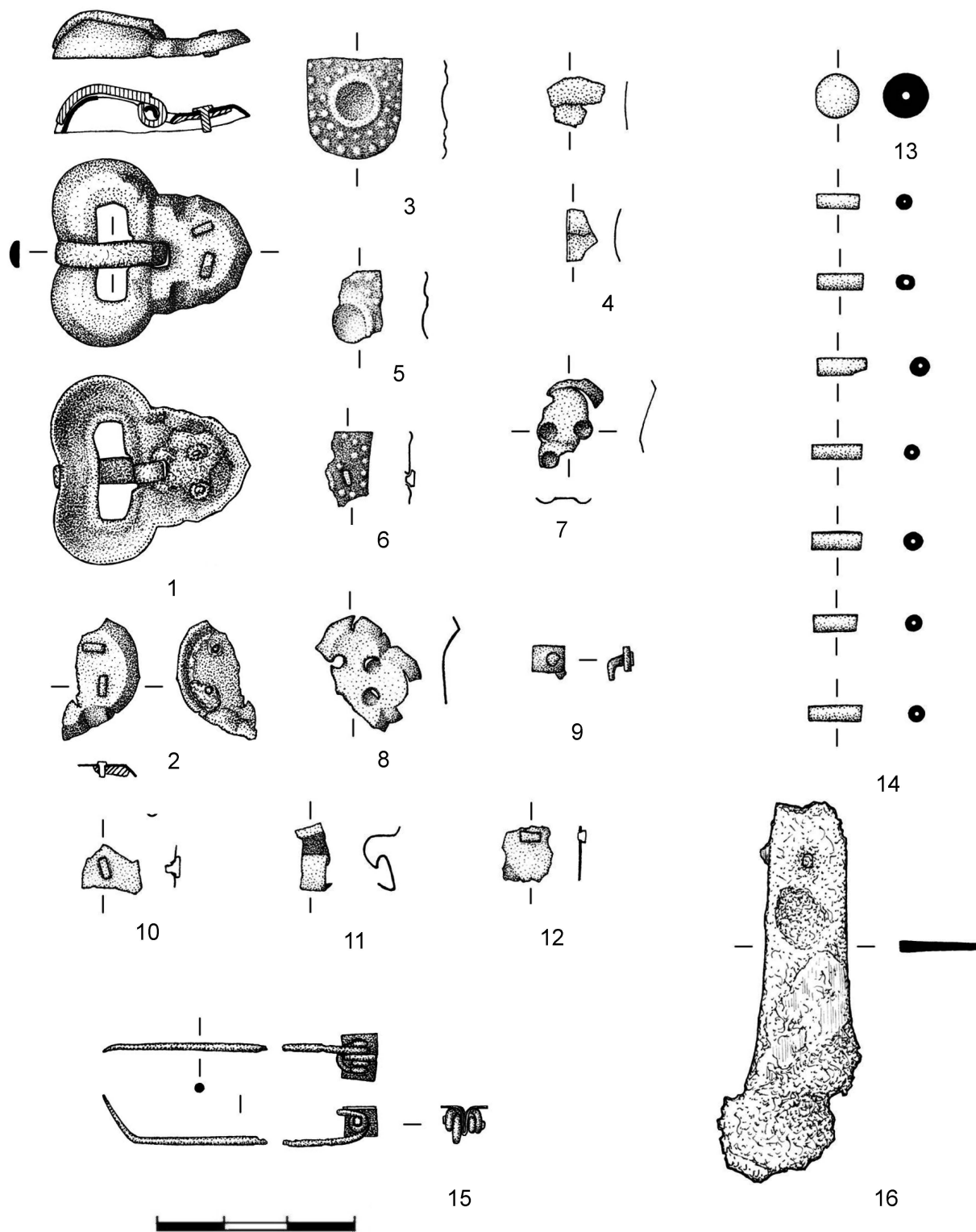

Рис. 7. Погребальный инвентарь погребения 1 кургана 876:

1 – пряжка; 2 – фрагмент щитка пряжки; 3 – накладка; 4 – фрагменты фольги; 5–12 – фрагменты накладок; 13, 14 – бусы; 15 – игла фибулы; 16 – фрагмент ножа. 1, 2 – бронза с позолотой; 3, 5, 6, 8 – серебро; 4 – золото; 7, 9, 10–12, 15 – бронза; 13 – сердолик; 14 – коралл; 16 – железо

Fig. 7. Funerary inventory of the burial No. 1 of the kurgan 876:

1 – buckle; 2 – fragment of the buckle plate; 3 – overlay; 4 – fragments of foil; 5–12 – fragments of overlays; 13, 14 – beads; 15 – needle of a fibula; 16 – fragment of a knife. 1, 2 – bronze with gilding; 3, 5, 6, 8 – silver; 4 – gold; 7, 9, 10–12, 15 – bronze; 13 – carnelian; 14 – coral; 16 – iron

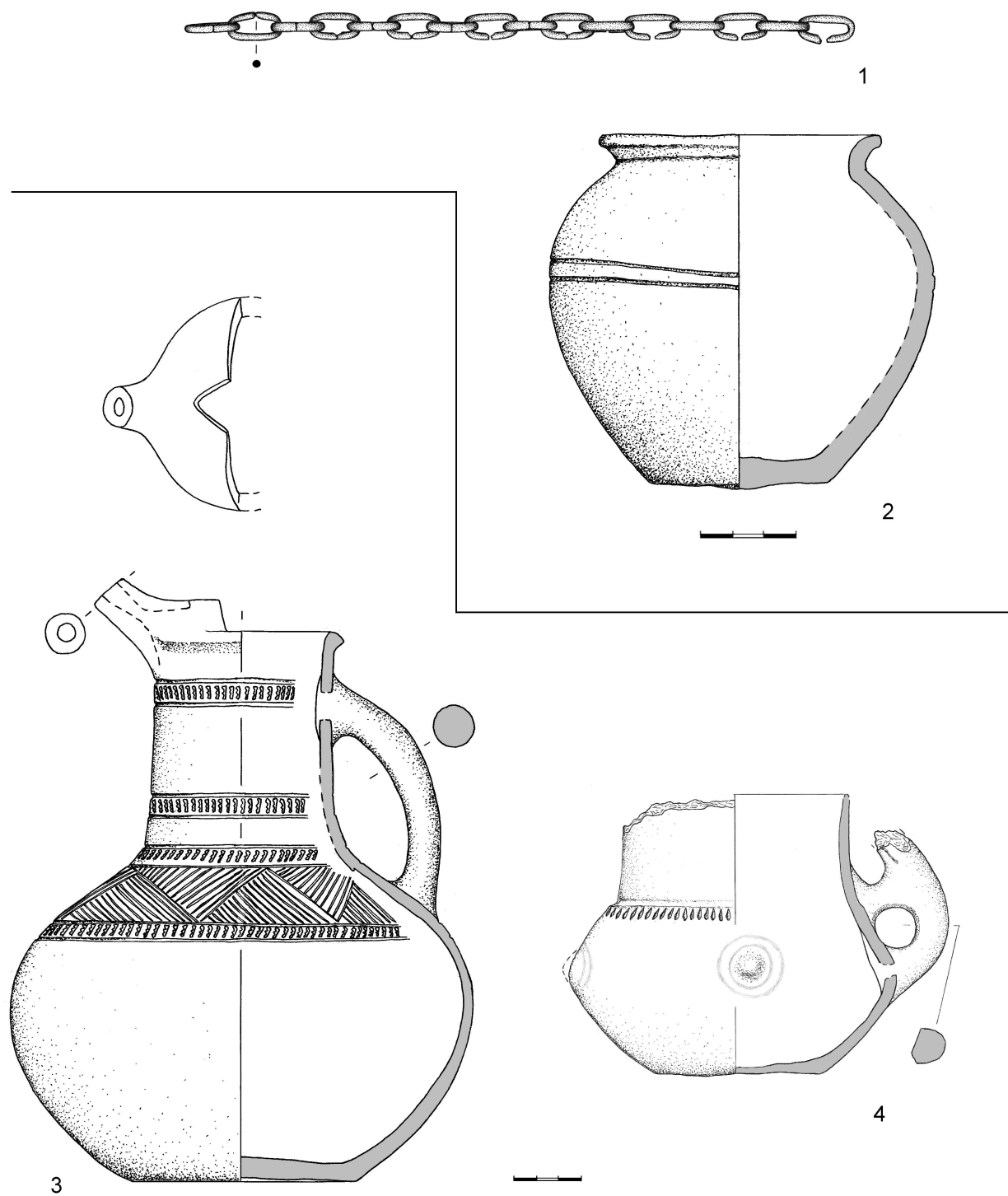

Рис. 8. Погребальный инвентарь кургана 876: погребение 2 (1, 2), погребение 1 (3, 4):

1 – цепочка; 2 – горшок; 3 – кувшин; 4 – кружка. 1 – бронза, 2–4 – керамика

Fig. 8. Funerary inventory of the kurgan 876: burial 2 (1, 2), burial 1 (3, 4):

1 – chain; 2 – pot; 3 – jug; 4 – mug. 1 – bronze, 2–4 – pottery

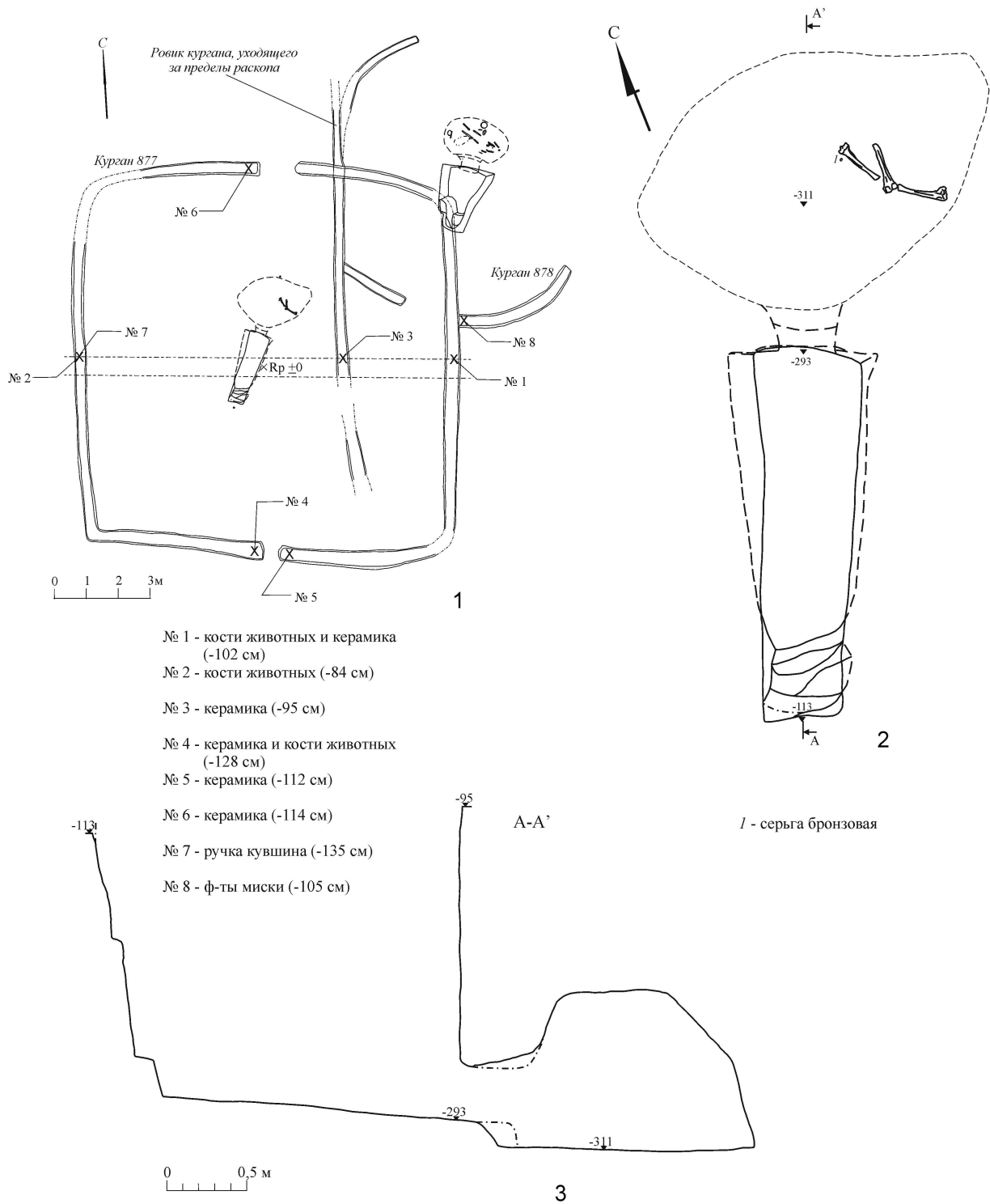

Рис. 9. Курганы 877 и 878:

1 – общий план курганов; 2 – план погребального сооружения кургана 877;
3 – разрез погребального сооружения кургана 877

Fig. 9. Kurgans 877 and 878:

1 – general plan of the kurgans; 2 – plan of the burial structure of barrow 877;
3 – section of the burial structure of barrow 877

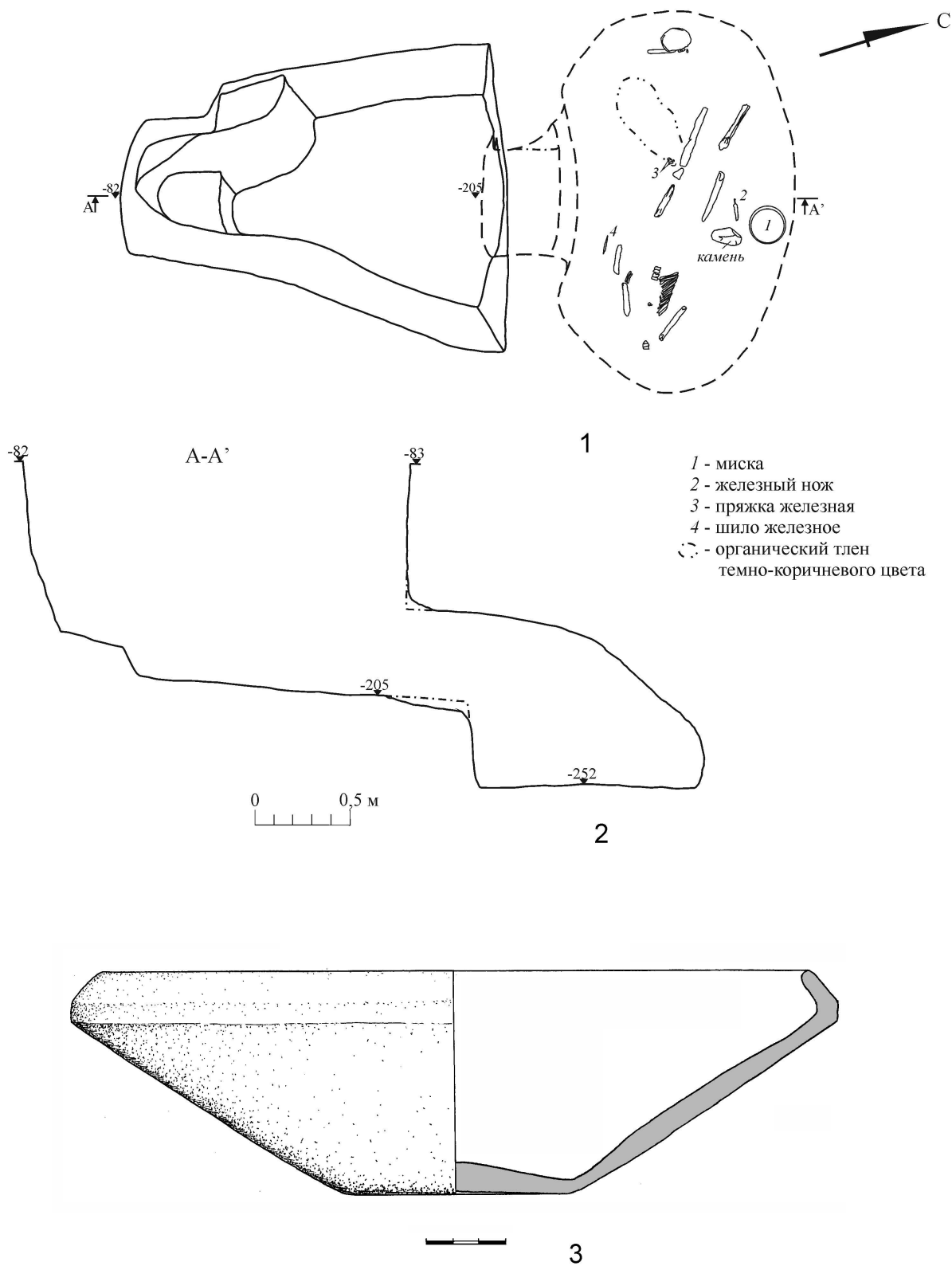

Рис. 10. Курган 878:

1 – план; 2 – разрез погребального сооружения;
 3 – графическая реконструкция фрагмента миски из заполнения ровика

Fig. 10. Kurgan 878:

1 – plan; 2 – section of the burial structure; 3 – graphic reconstruction of the bowl fragment from the ditch

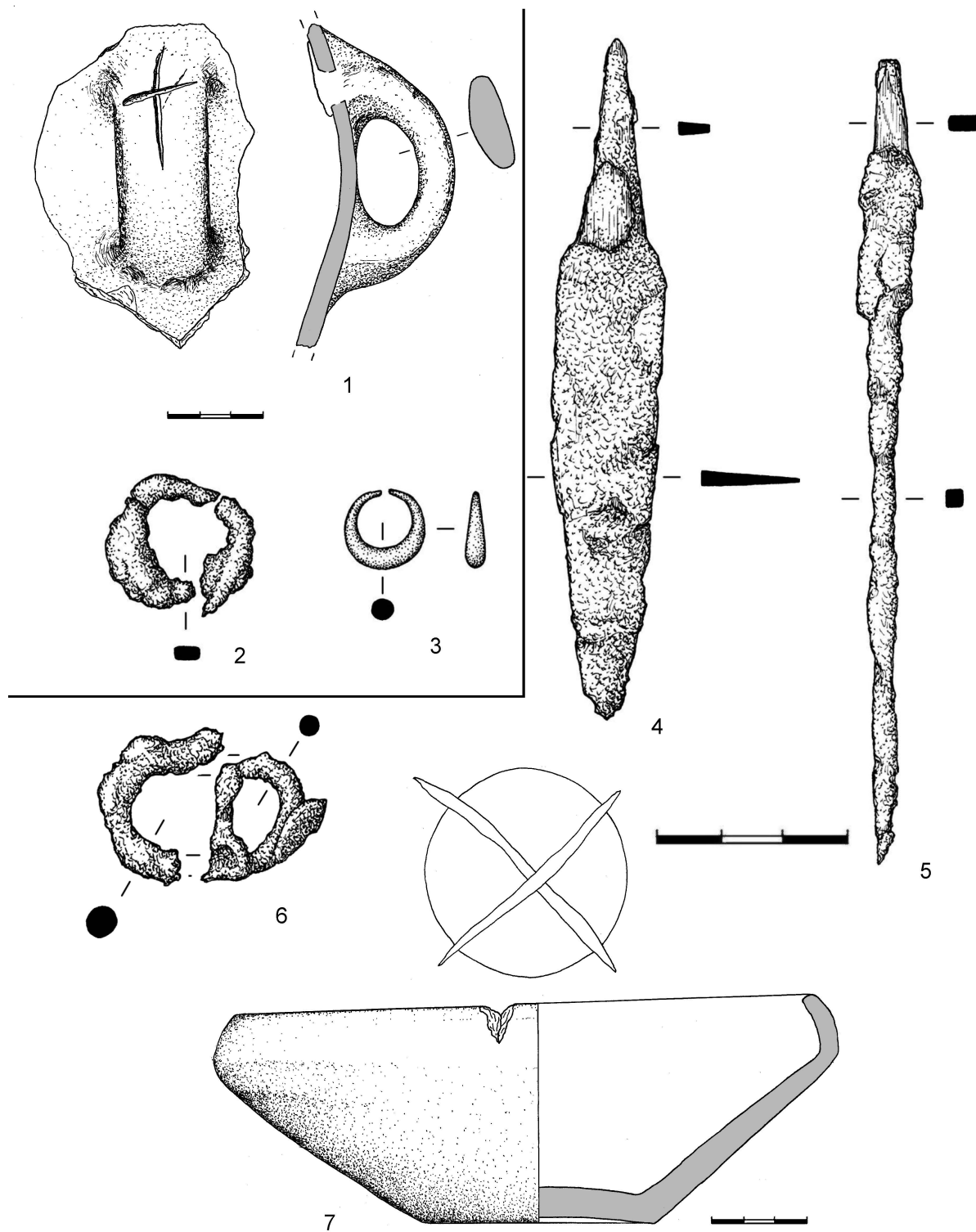

Рис. 11. Погребальный инвентарь курганов 877 (1–3) и 878 (4–7):

1 – фрагмент ручки двуручного кувшина; 2, 6 – фрагменты пряжек; 3 – серьга; 4 – нож; 5 – шило; 7 – миска.
1, 7 – керамика; 2, 4–6 – железо; 3 – бронза

Fig. 11. Funerary inventory of the kurgans 877 (1–3) and 878 (4–7):

1 – fragment of two-handed jug handle; 2, 6 – fragments of buckles; 3 – earring; 4 – knife; 5 – awl; 7 – bowl.
1, 7 – pottery; 2, 4–6 – iron; 3 – bronze

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Габуев Т. А., 2014. Аланские княжеские курганы V в. н. э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ : ИИА РСО-Алании; ГМИНВ. 68 с.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. : Таус. 468 с.
- Гавритухин И. О., 2001. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В. Ю. Керамика Мокрой Балки. М. : ИА РАН. С. 40–49.
- Гавритухин И. О., 2007. К вопросу о верхней дате городища Зилги // Три четверти века. Д.В. Деопику – друзья и ученики. М. : Памятники исторической мысли. С. 482–486.
- Гавритухин И. О., 2023. Комплекс металлических изделий эпохи Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 139–202.
- Джанаев Э. Г., 2011. Отчет об исследовании Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия – Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. Р-1. № 29675–29693.
- Дзудев Ф. С., Малашев В. Ю., 2015. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988–2014 гг.). Владикавказ : Проект-Пресс. 112 с.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 232. С. 120–135.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2020. Комплексное исследование раннеаланских захоронений IV в. н.э. в Северной Осетии // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 260. С. 441–458.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2021а. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М. : ИА РАН. С. 151–171.
- Коробов Д. С., Четчикова О. Ю., Медникова М. Б., 2021б. Детское погребение VII века из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования // Российская археология. № 4. С. 65–81.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2001. Керамика Мокрой Балки. М. : ИА РАН. 149 с.
- Малашев В. Ю., 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 117–142.
- Малашев В. Ю., 2011. Отчет об исследовании Бесланского могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия – Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. Р-1. № 30168–30170.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., 2018. Отчет об охранно-спасательных исследованиях могильника «Братские 1-е курганы» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» в Надтеречном районе Чеченской Республики в 2018 г. (Открытые листы № 410, 411) // Архив ИА РАН. Р-1. № 64940–64949.
- Малашев В. Ю., 2019. Отчет об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников «Октябрьский I» и «Киевский I» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания в 2019 г. (Открытые листы № 2739, 2740) // Архив ИА РАН. Р-1. № 69231–69240.
- Малашев В. Ю., Албегова З. Х.-М., Меньшикова В. А., Габуев Т. А., Фризен (Куринских) О. И., Фризен С. Ю., 2015. Исследования участка Бесланского могильника в Республике Северная Осетия – Алания // Археологические открытия 2010–2013 гг. М. : ИА РАН. С. 387–389.

- Малашев В. Ю., Дзуцев Ф. С., 2016. Парадные сбрыйные наборы III в. н.э. из Бесланского могильника и проблема сложения аланской культуры Северного Кавказа // Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН. С. 164–206.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кривошеев М. В., 2018. Охранно-спасательные исследования могильника «Братские 1-е курганы» на территории Чеченской Республики в 2018 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14, № 4. С. 195–206.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Мамаев Х. М., Кадзаева З. П., 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на Среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия – Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16, № 2. С. 439–460.
- Малашев В. Ю., Торгоев А. И., 2018. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Российская археология. № 4. С. 36–52.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 172–212.
- Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. № 1. С. 73–81.
- Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А., 2009. Приложение 1. Палеопочвенно и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия – Алания // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. С. 309–323.
- Чшиев В. Т., 2021. Зилгинское раннеаланское городище: древний мегаполис на трассе Великого Шелкового пути // Вестник Владикавказского научного центра. Вып. 1. С. 12–18.
- Arzhtantseva I. A., Deopik D. V., Malashev V. Yu., 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden; Boston; Köln: Brill. P. 211–250.
- Korobov D. S., Malashev V. Yu., Fassbinder J. W. E., 2021. Geophysical and Archaeological Survey of the Hillfort of Zilgi and the Barrow Cemetery of Beslan (North Ossetia) // Theory and Practice of Archaeological Research. Vol. 33 (3). P. 162–180.
- რამიშვილი რ. [Рамишвили Р. М.], 1983. ახალი ქიზვალის სამაროვანი და ნამოსახლარი 1971–1973 წწ. [Могильник и поселение в Ахали-Жинвали по раскопкам 1971–1973 гг.] // ქიზვალი არქეოლოგიური კვლევა–ძიება არაგვის ხეობაში [Жинвали. Археологические изыскания в Арагвском ущелье]. Тбилиси: Мецниереба. С. 81–130. (На грузин. яз.)

REFERENCES

- Gabuev T.A., 2014. *Alanskie knyazheskie kurgany V v. n. e. u sela Brut v Severnoy Osetii* [Alanian Princely Burial Mounds of the 5th Century AD near Brut Village in North Ossetia]. Vladikavkaz, IIC of RNO-Alania, Oriental Museum. 68 p.
- Gabuev T.A., Malashev V.Yu., 2009. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alan Monuments of the Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, TAUS Publ. 468 p.
- Gavritukhin I.O., 2001. Periodizatsiya rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny na osnove keramiki v svete izucheniya izdeliy iz metalla [Periodization of the Early Medieval Antiquities of the Kislovodsk Basin based on Ceramics in the Light of the Study of Metalware]. Malashev V.Yu. *Keramika Mokroy Balki* [The Ceramics of the Mokraya Balka]. Moscow, IA RAS, pp. 40–49.
- Gavritukhin I.O., 2007. K voprosu o verkhney date gorodishcha Zilgi [To the Question About the Upper Date of the Zilgi Fortress]. *Tri chetverti veka. D. V. Deopiku – druz'ya i ucheniki* [Three Quarters of a Century. Friends and Disciples to D. V. Deopik]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., pp. 482–486.
- Gavritukhin I.O., 2023. Kompleks metallicheskiykh izdeliy epokhi Tyurkskogo kaganata iz Beslanskogo mogil'nika (Severnaya Osetiya) [The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 139–202.

- Dzhanaev E.G., 2011. Otchet ob issledovanii Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogil'nika v Pravoberezhnom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2011 g. (v zone stroitel'stva avtomagistrali M-29 «Kavkaz» na uchastke obkhoda g. Beslan) [Report on Study of Beslan Kurgan Burial Mound in the Right Bank District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2011 (in the Zone of Construction of the Highway M-29 “Kavkaz” on the Section Around Beslan)]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 29675–29693.
- Dzutsev F.S., Malashev V.Yu. 2015. *Beslanskiy arkhologicheskiy kompleks rannealanskoj epokhi (nekotorye itogi issledovaniy 1988–2014 gg.)* [Beslan Archaeological Complex of the Early Alanian Epoch (Some Results of Research 1988–2014)]. Vladikavkaz, Proect-Press Publ. 112 p.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Faßbinder J., 2014. Predvaritel'nye rezul'taty raskopok na kurgannom mogil'nike Levopodkumskiy 1 bliz Kislovodsk [Preliminary Results from Excavations of the Levopodkumsky Kurgan Cemetery near Kislovodsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS], iss. 232, pp. 120-135.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Faßbinder J., 2020. Kompleksnoe issledovanie rannealanskih zakhoroneniy IV v. n.e. v Severnoy Osetii [The Comprehensive Study of the Early Alan Burials of the Fourth Century in North Ossetia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN* [Brief Communications of the Institute of Archaeology RAS], iss. 260, pp. 441-458.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Faßbinder J., 2021a. Raboty na Zil'ginskom gorodishche i Beslanskom mogil'nike: novye metody obsledovaniya [Investigation of the Zilginskoye Hillfort and the Beslan Burial Ground: New Survey Methods]. *Epokha vsadnikov na Severnom Kavkaze: k 90-letiyu Very Borisovny Kovalevskoy* [The Age of the Horsemen in the North Caucasus: To the 90th Anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya]. Moscow, IA RAS, pp. 151-171.
- Korobov D.S., Chechetkina O.Yu., Mednikova M.B., 2021b. Detskoe pogrebenie VII veka iz raskopok Beslanskogo mogil'nika v fokuse kompleksnogo mezhdistsiplinarnogo issledovaniya [A 7th Century Child's Burial from Beslan Burial Ground in the Focus of Complex Interdisciplinary Research]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 65-81.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of the Late Sarmatian Belted Garlands]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [Sarmatians and their Neighbours on the Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., 2001. *Keramika Mokroy Balki* [Ceramics of the Mokraya Balka]. Moscow, IA RAS. 149 p.
- Malashev V.Yu., 2010. Tsentral'nye rajony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya [The Central Regions of the North Caucasus in the Late Sarmatian Time]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym). Materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov* [Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (According to Archaeological and Natural Science Data). Proceedings of Seminar Held by Center for Sarmatian History and Culture Studies], iss. III. Volgograd, VolSU, pp. 117-142.
- Malashev V.Yu., 2011. Otchet ob issledovanii Beslanskogo mogil'nika v Pravoberezhnom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2011 g. (v zone stroitel'stva avtomagistrali M-29 «Kavkaz» na uchastke obkhoda g. Beslan) [Report on Study of Beslan Burial Ground in the Right Bank District of the Republic of North Ossetia – Alania in 2011 (in the Zone of Construction of Highway M-29 “Kavkaz” on the Section Around Beslan)]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 30168–30170.
- Malashev V.Yu., 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [The Monuments of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and Their Traditions in the Kurgan Burial Sites of the North-Eastern Caucasus in the Second Half of the 2nd – Mid. 5th Centuries AD]. Moscow, IA RAS. 208 p.
- Malashev V.Yu., 2018. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh mogil'nika «Bratskie 1-e kurgany» v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda «Mozdok – Groznyy» v Nadterechnom rayone Chechenskoy Respubliki v 2018 g. (Otkrytye listy № 410, 411) [Report on the Protection and Rescue Survey of the Bratsk 1st Kurgan Burial Ground in the Construction Zone of the Mozdok – Grozny Gas Pipeline in the Nadterechny District of the Chechen Republic in 2018 (Licenses no. 410, 411)]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 64940–64949.
- Malashev V.Yu., 2019. Otchet ob okhranno-spasatel'nykh issledovaniyakh kurgannykh mogil'nikov «Oktyabr'skiy I» i «Kievskiy I» v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda «Mozdok – Groznyy» v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2019 g. (Otkrytye listy № 2739, 2740) [Report on the Protection and Rescue Research of the Burial Mounds “Oktyabr'skiy I” and “Kievskiy I” in the Construction Zone of the

- Main Gas Pipeline Mozdok – Grozny in the Mozdok District of the Republic of North Ossetia – Alania in 2019 (Licenses no. 2739, 2740)]. *Arkhiv IA RAN*, P–1, no. 69231–69240.
- Malashev V.Yu., Albegova Z.Kh.-M., Menshikova V.A., Gabuev T.A., Frizen (Kurinskikh) O.I., Frizen S. Yu., 2015. Issledovaniya uchastka Beslanskogo mogil'nika v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya [Investigations of the Beslan Burial Site in the Republic of North Ossetia – Alania]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 gg.* [Archaeological Discoveries of 2010–2013]. Moscow, IA RAS, pp. 387–389.
- Malashev V.Yu., Dzutsev F.S., 2016. Paradnye sbruynnye nabory III v. n.e. iz Beslanskogo mogil'nika i problema slozheniya alanskoj kul'tury Severnogo Kavkaza [Parade Harnesses from the 3rd Century AD from the Beslan Burial Ground and the Problem of the Formation of the Alanian Culture in the North Caucasus]. Malashev V.Yu. *Pamyatniki srednesarmatskoj kul'tury severokavkazskikh stepej i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e.* [The Monuments of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and Their Traditions in the Kurgan Burial Sites of the North-Eastern Caucasus in the Second Half of the 2nd – Mid. 5th Centuries AD]. Moscow, IA RAS, pp. 164–206.
- Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Krivosheev M.V., 2018. Okhranno-spasatel'nye issledovaniya mogil'nika «Bratskie 1-e kurgany» na territorii Chechenskoy Respubliki v 2018 g. [Rescue Studies of the Bratskie 1st Kurgan Burial Ground on the Territory of the Chechen Republic in 2018]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 14, no. 4, pp. 195–206.
- Malashev V.Yu., Magomedov R.G., Dzutsev F.S., Mamaev Kh.M., Kadzaeva Z.P., 2020. Okhranno-spasatel'nye issledovaniya mogil'nikov rannego etapa alanskoj kul'tury na Srednem Tereke Oktyabr'skij I i Kievskij I v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya v 2019 g. [Rescue Research of the Burial Grounds of the Early Stage of Alanian Culture on the Middle Terek, Oktyabr'sky I and Kievskij I in Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2019]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus], vol. 16, no. 2, pp. 439–460.
- Malashev V.Yu., Torgoev A.I., 2018. T-obraznye katakomby sarmatskogo vremeni Severnogo Kavkaza i Sredney Azii [T-shaped Catacombs of the Sarmatian Period in the Northern Caucasus and Central Asia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 36–52.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebal'nykh sooruzhenij [Chronology and Typology of Sarmatian Catacomb Funerary Structures]. *Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleza i srednevekov'ya* [Scientific Schools of Volgograd State University. Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 172–212.
- Smirnov K.F., 1972. Sarmatskie katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya, Povolzh'ya i ikh otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian Catacomb Burials of the Southern Urals, Volga Region and Their Relation to the North Caucasus Catacombs]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 73–81.
- Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., Gol'eva A.A., 2009. Prilozhenie 1. Paleopochvennoe i mikrobiomorfnoe izuchenie kurgannogo mogil'nika Brut 2 v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya [Appendix 1. Paleosoil and Microbiomorphic Study of the Kurgan Cemetery Brut 2 in the Republic of North Ossetia – Alania]. Gabuev T.A., Malashev V.Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Early Alan Monuments of the Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, TAUS Publ., pp. 309–323.
- Chshiev V.T., 2021. Zilginskoe rannealanskoe gorodishche: drevnij megapolis na trasse Velikogo Shelkovogo puti [Zilginskoye Early Alanian Settlement: Ancient Megapolis on the Great Silk Road Route]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Bulletin of Vladikavkaz Science Centre], vol. 1, pp. 12–18.
- Arzhantseva I.A., Deopik D.V., Malashev V.Yu., 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country. *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age*, Leiden, Boston, Köln, Brill, pp. 211–250.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Fassbinder J.W.E., 2021. Geophysical and Archaeological Survey of the Hillfort of Zilgi and the Barrow Cemetery of Beslan (North Ossetia). *Theory and Practice of Archaeological Research*, vol. 33 (3), pp. 162–180.
- Ramishvili R.M., 1983. Akhali Zhinvalis samarovani da namosakhleri 1971–1973 ts'ts' [Graveyard and Settlement in Akhali Zhinvali Based on 1971–1973 Excavations]. *Zhinvali arkeologiuri k'vleva–dzieba Aragvis kheobashi* [Zhinvali. Archaeological Excavations in Aragvi Gorge]. Tbilisi, Metsniereba Publ., pp. 81–130. (In Georgian).

Information About the Authors

Dmitry S. Korobov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theory and Methodology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, dkorobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9571-0405>

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Scythian and Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Информация об авторах

Дмитрий Сергеевич Коробов, доктор исторических наук, профессор РАН, заведующий отделом теории и методики, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, dkorobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9571-0405>

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14>

UDC 902
LBC 63.444

Submitted: 31.12.2022
Accepted: 28.02.2023

ZUUN HYARYN DENJ 1 BURIAL GROUND OF THE 11th – 13th CENTURIES FROM THE NORTHERN SHORE OF LAKE KHUBSUGUL (MONGOLIA)

Artur V. Kharinskii

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation;
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Samdantsoodol Orgilbayar

Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia

Aleksei M. Korostelev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Dimaadjav Erdenebaatar

Ulaanbaatar State University, Ulaanbaatar, Mongolia

Matvei A. Portniagin

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of a study of three burials of the Zuun hyaryn denj 1 burial ground. It is located in Mongolia, on the northern shore of Lake Khubsugul, in the northeastern part of the village of Turt. The burial materials allow us to outline some stages of the cultural and chronological scheme of the history of the shore of Lake Khubsugul. When creating it, the features of the grave structure, the position of the deceased and the accompanying inventory were taken into account, which correlated with a certain time period. The materials of complexes 1, 2 and 9, the last of which was destroyed in ancient times, are considered. Information is given about the funerary structures, the position of the human skeleton, accompanying inventory and animal bones in them. Radiocarbon dates were obtained for two undisturbed burials. Mid-11th – mid-12th centuries is the construction time of complex 1, whereas late 12th – mid-13th is construction period of complex 2 which are the pre-imperial and the beginning of the imperial period of the history of Mongolia. It should be noted that these burials represent two funeral traditions, replacing one another. They are characterized by the location of the deceased elongated, on their backs in grave pits, which were overlapped from above with flat round-shaped masonry. Fragments of wooden boards and birch bark were found under and above the bones. Together with the deceased, parts of the carcass of a ram were placed in the grave. Most often it was the shin and loin of an animal. In complex 1, an iron arrowhead and a weapon tip with a shaft “palma” were found; in complex 2, iron stirrups, a quiver hook, a buckle, and a birch bark tuesok were found. It is concluded that in earlier burials, the deceased are oriented with their heads to the north and northeast, in later ones – to the northwest.

Key words: northern shore of Lake Khubsugul, pre-imperial period of Mongolia, funeral ritual, accompanying inventory, ram bones.

Citation. Kharinskii A.V., Orgilbayar S., Korostelev A.M., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., 2023. Mogil'nik XI–XIII vv. Zuun Hyaryn Denzh 1 na severnom poberezh'e ozera Hubsugul (Mongoliya) [Zuun Hyaryn Denj 1 Burial Ground of the 11th – 13th Centuries from the Northern Shore of Lake Khubsugul (Mongolia)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 289-307. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14>

МОГИЛЬНИК XI–XIII вв. ЗУУН ХЯРЫН ДЭНЖ 1 НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА ХУБСУГУЛ (МОНГОЛИЯ)

Артур Викторович Харинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация;
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Самданцоодол Оргилбаяр

Улан-Баторский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия

Алексей Михайлович Коростелев

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Димааджав Эрдэнэбаатар

Улан-Баторский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия

Матвей Александрович Портнягин

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты исследования трех захоронений могильника Зуун хярын дэнж 1. Он располагается в Монголии, на северном побережье озера Хубсугул, в северо-восточной части поселка Турт. Материалы захоронений позволяют наметить некоторые этапы культурно-хронологической схемы истории побережья озера Хубсугул. При ее создании учитывались особенности могильной конструкции, положение умершего и сопроводительный инвентарь, которые соотносились с определенным временным периодом. Рассмотрены материалы комплексов 1, 2 и 9, последний из которых был разрушен еще в древности. Приводятся сведения о погребальных конструкциях, положении в них человеческого костяка, сопроводительного инвентаря и костей животных. По двум ненарушенным захоронениям получены радиоуглеродные даты. Время сооружения комплекса 1 соотносится с середины XI по середину XII в., комплекса 2 – конец XII – середина XIII в. – предимперским и началом имперского периода истории Монголии. Отмечено, что эти захоронения представляют две погребальные традиции, сменяющие одна другую. Они характеризуются расположением умерших вытянуто, на спине, в могильных ямах, которые сверху перекрывались плоской каменной кладкой круглой формы. Под костяками и над ними найдены фрагменты деревянных досок и бересты. Вместе с умершим в могилу помещали части туши барана. Чаще всего это была голень и корейка животного. В комплексе 1 найдены железный наконечник стрелы и наконечник древкового оружия «пальма», в комплексе 2 обнаружены железные стремена, колчаный крюк, пряжка и берестяной тусок. Сделан вывод о том, что в более ранних захоронениях умершие ориентированы головой на север и северо-восток, в более поздних – на северо-запад.

Ключевые слова: северное побережье озера Хубсугул, предимперский период Монголии, погребальный ритуал, сопроводительный инвентарь, кости барана.

Цитирование. Харинский А. В., Оргилбаяр С., Коростелев А. М., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М. А., 2023. Могильник XI–XIII вв. Зуун хярын дэнж 1 на северном побережье озера Хубсугул (Монголия) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 289–307. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14>

Введение

Могильник Зуун хярын дэнж 1 располагается в Хубсугульском аймаке Монголии, в северо-восточной части поселка Турт – центра Ханх сума, на ступенчатом уступе, с северо-

востока подступающем к озеру Хубсугул (рис. 1). Высота уступа от уровня озера в районе могильника составляет 95–99 метров. Практически вся северо-западная и центральная часть уступа занята отдельными усадьбами, включающими жилые дома, надворные

постройки и выпасы. Эта часть Турга именуется Зуун хярын дэнж. Первый дом в этом районе был построен около 1973 года.

Могильник включает 9 каменных конструкций. До начала земляных работ для части из них определить функциональное назначение или их искусственное происхождение было невозможно, поэтому в статье они именуется комплексами. Под этим термином объединяются не только каменные кладки, но и расположенные под ними сооружения, остатки погребальных, поминальных действий и артефакты. Посреди могильника находится усадьба Оюндалай, огороженная изгородью. Она делит могильник на две части. В юго-восточной части располагаются комплексы 1–3 и 8, а в северо-западной – 4–7 и 9.

Могильник Зуун хярын дэнж 1 выявлен А.В. Харинским и С. Оргилбаяром в 2017 году. В 2018 г. археологической экспедицией Иркутского национального исследовательского технического университета и Улан-Баторского университета на нем проводились археологические раскопки, в результате которых вскрыты комплексы 1–3 [Оргилбаяр и др., 2018]. В 2019 г. на памятнике исследованы комплексы 8 и 9 [Оргилбаяр и др., 2019]. После раскопок выяснилось, что под каменными кладками комплексов 1, 2 и 9 обнаружены человеческие захоронения, датирующиеся первой половиной II тыс. н.э., а комплексы 3 и 8 являются задернованными скальными выходами. Вероятно, естественное происхождение имеют и комплексы 5–7, земляные работы на которых не производились.

Полученные в результате раскопок материалы дают возможность наметить некоторые этапы культурно-хронологической схемы истории побережья озера Хубсугул. Для ее построения предлагается использовать данные захоронений и прежде всего обратить внимание на особенности могильной конструкции, положение умершего, сопроводительный инвентарь и датировку.

Результаты исследований

Каменная кладка *комплекса 1* вплотную примыкала к изгороди одной из усадеб Зуун хярын дэнжа. На месте кладки комплекса разбит раскоп 5 × 5 м. Кладка плоская, круг-

лая, диаметром 4,5 м, состоит из 1–2 слоев камней. Их размеры от 8 × 10 см до 45 × 45 см. Какой-либо закономерности в расположении крупных и мелких камней не зафиксировано. В средней части отмечена просадка камней кладки на 10–15 см (рис. 2,1). Под кладкой, в ее северной части, найден железный наконечник пальмы с втульчатым насадом, лежавший острием на запад (рис. 2,2).

Под центральной частью кладки, на глубине около 20 см от современной поверхности земли, зафиксированы следы могильной ямы. Она заполнена темно-серым суглинком, который хорошо контрастирует с окружающим яму пространством, представленным бурым суглинком с камнями. Контуры могильного пятна овальной формы с узким северным и более широким южным концом. Оно ориентировано по линии север – юг. Размер пятна 1,1 × 2,7 м. Сверху могильная яма заполнена камнями размером от 10 × 16 см до 40 × 58 см. Наиболее крупные из них располагались в южной части ямы. Некоторые камни находились за пределами ямы, с ее восточной стороны. Большая часть камней располагается наклонно. Свое горизонтальное положение они утратили в результате проседания в яму. У северо-восточного края ямы зафиксировано два зольных пятна, вытянутых с севера на юг. Северное размером 16 × 35 см, южное – 15 × 44 см. Их мощность около 5 см (рис. 2,2).

В заполнении могильной ямы обнаружено несколько камней, которые вытянулись вдоль нее цепочкой с севера на юг. Размеры камней от 4 × 12 см до 30 × 42 см. Рядом с камнями найдены отдельные человеческие кости. В северной части ямы фаланга, в западной – коленная чашечка, в восточной – две фаланги. В южной части могилы зафиксированы фрагменты бересты (рис. 2,3).

Дно могильной ямы имело овальную форму, плавно расширяясь к северной части. Ее длина 2,5 м, ширина в южной части 0,6 м, в северной – 0,9 м. Глубина могильной ямы 0,75 м (рис. 2,4). В южной части могильной ямы располагалась плоская каменная плита размерами 20 × 25 см (рис. 3,1).

На глубине около 80 см от поверхности земли в могильной яме зафиксирован человеческий костяк (рис. 2,3). Он принадлежал мужчине в возрасте около 44–49 лет. Все его зубы

выпали еще при жизни. У некоторых позвонков шеи и поясничного отдела фиксируются остеофиты, характерные при заболевании артритом. Тяжелая форма артрита наблюдалась в суставах левой ладони погребенного¹.

Погребенный был уложен на дно могилы, в ее средней части. Он располагался вытянуто, на спине, верхней частью туловища ориентирован на север (рис. 3,1). Скелет не был потревожен. Отсутствовали лишь кости стопы левой ноги и правая коленная чашечка. Левая рука погребенного вытянута вдоль тела, фаланги пальцев располагались на верхнем эпифизе бедренной кости. Правая рука была согнута в локте. Ее кисть покоилась на локтевой кости левой руки. Череп повернут глазницами вверх, нижняя челюсть заняла горизонтальное положение. Под скелетом фиксировались фрагменты древесины, возможно, это была доска или несколько досок. Их первоначальную ширину установить не удалось.

У западной стенки ямы, на 16 см выше черепа, найден железный наконечник стрелы, направленный острием на север (рис. 2,3). В 35 см к югу от наконечника, у стенки ямы, обнаружены установленные вертикально, развернутые нижней частью вверх, пяточная и большая берцовая кости барана. Во время захоронения берцовая кость находилась в сочленении с пяточной.

К западу от правой руки погребенного, у стенки могилы, к югу от вертикально стоящей большой берцовой кости барана располагалось еще несколько бараньих костей – крестец с примыкающим к нему с южной стороны поясничным позвонком и 8 хвостовыми позвонками, находящимися с северной стороны от крестца (рис. 3,1).

На основании остатков фрагментов бересты и древесины можно предположить, что сверху покойник перекрывался четырьмя уложенными вдоль могильной ямы деревянными досками шириной около 15–18 см. Доски, располагавшиеся к востоку, слегка налегали западным краем на доски, находившиеся к западу от них (рис. 2,3). С южной стороны конструкция из досок накрывалась полотнищем бересты, длиной 1,2 метра. Значительный его фрагмент, скрутившийся трубочкой, зафиксирован у восточной стенки ямы.

Комплекс 2 находился в 17 м к северо-востоку от комплекса 1. Он вплотную примыкает к изгороди усадьбы Оюндалай. На месте комплекса 2 был разбит раскоп 4 × 4 м. Кладка комплекса 2 круглая, курганообразная диаметром 4,5 м. Часть камней с северо-западной стороны кладки уходила за забор усадьбы. В центре кладки находилась насыпь высотой до 30 см из мелких камней размером от 3 × 5 см до 10 × 17 см. Она образовалась за последние 30 лет, благодаря деятельности местного населения. В центр надмогильной кладки помещали мелкие камни и остатки хозяйственной деятельности (кости животных, фрагменты посуды и одежды и т. д.).

После снятия верхнего слоя камней обнажилось основание кладки. Оно образует круглую конструкцию диаметром 3 м, сложенную из горизонтально уложенных камней размером от 7 × 9 см до 28 × 38 см (рис. 4,1). В центральной части кладки камни слегка просели. В результате этого некоторые из них приобрели наклонное положение.

Под центральной частью кладки на глубине около 30 см от современной поверхности земли зафиксированы следы гумусированного темно-серого пятна, расположенного на месте могильной ямы. В плане оно яйцевидной формы и направлено узкой частью на северо-запад. Размер пятна 75 × 125 см. Сверху пятно перекрывалось камнями размером от 10 × 10 см до 32 × 40 см. С двух сторон от гумусированного пятна зафиксированы угольные пятна мощностью до 5 см. Одно из них овальной формы примыкало к нему с юга. Его размеры 70 × 135 см, ориентировка по линии северо-запад – юго-восток. Второе угольное пятно ромбовидной формы. Его размеры 35 × 70 см, вытянуто по линии север-юг.

Дно могильной ямы имело овальную форму, плавно расширяясь в северной части. Его длина 2,36 м, ширина в южной части 0,58 м, в северной – 0,82 метра. Глубина могильной ямы 0,75 м (рис. 4,2). На глубине около 66 см от поверхности земли обнаружены человеческие кости. Костяк принадлежал мужчине 45–50 лет. Еще при жизни погребенный утратил коренные зубы. Сохранились резцы, клыки и по два премоляра с каждой стороны. В костных останках погребенного наблюдаются патологические изменения.

Они связаны с разрушением костной ткани метастазами рака предстательной железы [Byambadorj et al., 2022].

Погребенный занимал западную и среднюю части могильной ямы. Он располагался вытянуто, на спине, верхней частью туловища ориентирован на ЗСЗ (рис. 5,1). Скелет был не потревожен. Отсутствовали кости стопы правой ноги и кости кисти правой руки. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, фаланги пальцев располагались на берцовых костях. Череп повернут лицевой частью направо. Под левой частью костяка фиксировались фрагменты досок, возможно, изначально они застлали дно могилы и на них был уложен умерший. Их первоначальную ширину установить не удалось.

В восточной части могилы найдено два железных стремена. Одно из них со сломанной дужкой располагалось на боку (№ 1), другое со следами ремонта (№ 2) находилось за ним у восточной стенки и опиралось на подножку (рис. 5,1). Между стременами и костями стопы погребенного был обнаружен железный колчаный крюк, располагавшийся на боку и развернутый изогнутой частью в сторону стремян (рис. 5,1).

Справа от черепа погребенного найден берестяной туюсок (рис. 5,1). Его верхняя часть под весом грунта было сильно деформирована. Дно туюска состоит из 6 фрагментов бересты различной формы, которые крепились друг к другу и к тулову изделия посредством сшивания, на это указывают регулярные небольшие отверстия вдоль краев.

К югу от костей правой руки погребенного располагалось берестяное изделие подпрямоугольной формы. Один из его торцов прямой, другой немного скошен (рис. 5,1). Изделие имеет следующие параметры: максимальная длина – 37 см, минимальная длина – 34 см; ширина прямого торца – 13 см, ширина скошенного торца – 14 см; толщина изделия в уплощенном виде – около 1 см. Изделие состоит из одного куска бересты, продольно сложенного в два раза. Говорить о сшивании краев не представляется возможным, так как регулярных отверстий не зафиксировано в силу частичной утраты первоначального вида изделия. Впрочем, возможно, что их и не было изначально. Однозначно опреде-

лить назначение изделия не удалось, хотя внешне оно напоминало колчан. На берестяном изделии, ближе к юго-восточному его торцу, была обнаружена железная пряжка, а под ним найдены кости задней ноги барана, сохранившие свой анатомический порядок – большая берцовая кость с таранной и пяточной костями. Верхним эпифизом большая берцовая кость ориентирована на запад.

Под тазовой костью погребенного располагались два находившихся в сочленении поясничных позвонка барана, развернутых передней частью на запад.

Комплекс 9 локализовался в 80 м к северо-западу от комплекса 1. Он имел каменную кладку неправильной подчетырехугольной формы. В центре наблюдались понижение уровня почвенного покрова, а также низкая концентрация камней и их меньший размер. Размеры конструкции 4,0 × 3,5 м. Кладка ориентирована длинной осью по линии север-северо-восток – юг-юго-запад (рис. 6,1). Больше всего целостность конструкции нарушена в северо-северо-западной части. Ниже основной конструкции обнаружен второй уровень каменной кладки, перекрывающий сверху могильную яму. Юго-западный конец конструкции приостретен, а северо-восточный расширяется. В юго-восточной части кладки была найдена левая подвздошная кость барана.

Ниже камней перекрытия стали проявляться контуры могильной ямы, сужающейся к юго-западу и имеющей разнородное заполнение с камнями. На глубине 40 см от поверхности земли, в слое желтого плотнотспрессованного суглинка, в северо-восточной части могильной ямы, обнаружены кости барана – берцовая, плюсневая и позвонки, а также человеческий зуб. В юго-западной части ямы найдена человеческая кость, лежащая перпендикулярно могильной яме (рис. 6,3). Ближе к средней части ямы найдены зуб человека и железный стержень, расширяющийся на одном из концов. Возможно, это изогнутый черешок наконечника стрелы (рис. 6,2). Ниже него располагались кости барана.

Останки погребенного обнаружены на глубине 60 см от поверхности земли, на глубине 37–41 см относительно уровня заложения могильной ямы. Погребенный лежал вытянуто на спине. Анатомический порядок ко-

стей в целом не нарушен, за исключением отсутствующего черепа и костей левой руки. Погребение было потревожено еще в древности, о чем свидетельствуют следы грабительской ямы. Сохранность оставшихся костей плохая – практически полностью утрачены ребра, таз. Костяк принадлежал мужчине старше 35 лет. Погребенный был ориентирован верхней частью на северо-восток (рис. 6,3). Под правым тазобедренным суставом обнаружено три сочлененных шейных позвонка барана.

В ногах погребенного найдены остатки деревянной конструкции или деревянного изделия. В засыпке могильной ямы и около ее северо-восточного края на уровне древней поверхности отмечено скопление углей. Дно ямы имело форму овала, с широким северо-восточным и узким юго-западным краем. Ее размеры 80 × 265 см, ориентировка длинной осью по линии ЮЗ – СВ. Ее глубина составляла в юго-западной части 45 см, а в северо-восточной, приуроченной к более высокому участку склона – 65 см. Дно могильной ямы горизонтальное (рис. 6,4).

Анализ материалов

В 2018 и 2019 гг. на могильнике Зуун хярын дэнж 1 вскрыто три грунтовых погребения, перекрытых сверху плоскими каменными надмогильными сооружениями. Могильные ямы захоронений овальные с вертикальными стенками. Погребенные располагались вытянуто, на спине. Их ориентировка была различной, погребенный в комплексе 1 ориентирован на север, в комплексе 2 – на запад-северо-запад, в комплексе 9 – на северо-восток. Сопроводительный инвентарь захоронений отличался по своему составу. В комплексе 1 он представлен наконечниками пальмы и стрелы, в комплексе 2 стрелами, пряжкой, туеском и колчаным крюком, в комплексе 9 обнаружен лишь железный стержень.

Найденный под камнями кладки комплекса 1 железный наконечник пальмы имел длину 20,7 см (рис. 3,3). Он состоит из двух конструктивных элементов – насада (полувтулки-накладки) и клинка. Наконечник цельнокованный и не имеет следов кузнечной сварки. Длина клинка 11,2 см, длина втулки 9,5 см.

Клинок с прямым обушком, сужающийся со стороны лезвия. Ширина основания клинка 1,4 см. Толщина обушка от 0,5 см у основания до 0,1 мм у острия. Заточка клинка односторонняя. Насад у пальмы оформлен в виде открытой с одной стороны втулки. Основание втулки, стыкующееся с клинком, шириной 1,4 см. Ширина конца втулки 2,5 см. Втулка трапециевидной формы, сужается к основанию. Края стенок втулки не загибаются внутрь.

Предварительно время бытования этого вида вооружения в Байкальском регионе можно определить концом VIII – серединой XII века. В XIII–XIV вв. оно уже не встречается на этой территории [Харинский, 2020], но фиксируется в более позднее время в других частях Северной Евразии. На Золоторевском поселении (Среднее Поволжье) оно датируется серединой XIII в. и связывается с появлением здесь монгольских завоевателей. Первоначально этот вид вооружения интерпретировался Г.Н. Белорыбкиным как пальма – разновидность древкового оружия [Белорыбкин, 2001, с. 145; Белорыбкин, 2003, с. 414]. Впоследствии авторы, изучавшие оружейный комплекс поселения, называют подобные изделия ножами с втульчатой рукояткой, хотя не исключают их крепления и на древко [Белорыбкин и др., 2020, с. 42–44, рис. 20]. В междуречье Лены и Амги в Центральной Якутии наконечник пальмы с несомкнутой втулкой обнаружен на поселении Кытанах Маллата и датируется XIV–XV вв. [Гоголев, 1990, с. 23, табл. IX,5].

Найденный в комплексе 2 наконечник стрелы по классификации Ю.С. Худякова [Худяков, 1980] относится к классу железных, отделу черешковых, группе плоских, типу удлиненно-ромбических (рис. 3,2). Черешок круглый в поперечном сечении, постепенно сужающийся к окончанию, в 2 см от которого он имеет изгиб. Общая длина черешка составляет 7 см. В основании пера наконечника располагается конусовидный в продольном сечении упор, от которого отходят вогнутые плечики длиной 1,5 см. В поперечном сечении перо плоское. По центральной-продольной линии фиксируется слабовыраженное ребро жесткости, которое теряется к острию. Стороны пера прямые, плавно закругляющиеся к острию. Длина пера от основания упора до

острия 6 см. Общая длина наконечника составляет 13 см.

Черешковый плоский удлиненно-ромбический наконечник стрелы (рис. 3,2) имеет значительное число аналогий на просторах Евразии. К числу наиболее ранних образцов подобных изделий относятся наконечники из захоронений, расположенных в долине Амурса. На Корсаковском могильнике самые ранние удлиненно-ромбические наконечники отмечены в захоронениях VII в. Встречаются они и в более поздних погребениях, датирующихся VIII – началом IX в. [Медведев, 1982, табл. XI,10,16, XIII,14–25, XXXIII,6, 7,14, XXXIV,4–10, XLII,3–5, XLIII,1,2, XLV,6, LXXV,3,4, XCV,26; 1991, с. 26–27, табл. XVI, 18,24,25, LXXII,2,26,27]. На территории Монголии один из самых ранних подобных наконечников обнаружен на памятнике Баин-Даванэ-Аман, датированном Ю.С. Худяковым IX–X вв. [Худяков, 1986, с. 147, 148]. Три схожих наконечника были обнаружены при раскопках Кара-Корума – столицы Монгольской империи. Они датируются XIII в. [Киселев, Мерперт, 1965]. Пять подобных наконечников обнаружено Ю.С. Худяковым в составе коллекций, хранящихся в Иркутском краеведческом музее и происходящих из Тункинской долины, граничащей с Северным Прихубсугульем. Они охарактеризованы исследователем как плоские эллипсоидные и датируются XIII–XIV вв. [Худяков, 1983]. Плоские удлиненно-ромбические наконечники обнаружены и в захоронениях ундугунского типа из Восточного Забайкалья, которые датируются в пределах XII–XV вв. [Кириллов, 1983]. В Туве плоский удлиненно-ромбический наконечник обнаружен в кургане 51 могильника Уюк-Тарлык, относящемся к эйлигхемскому периоду (конец X – XI в.) малиновского этапа аскизской культуры [Кызласов, 1983, табл. XX,23]. В более позднее время схожие наконечники стрел фиксируются в Волго-Камском регионе и датируются XI–XVII вв. [Руденко, 2002].

Стремя № 1, обнаруженное в комплексе 2, сломано в месте перехода подножки в дужку (рис. 5,5). Верх дужки приострен. В нем имеется прямоугольная петля для путлища. Подножка овальной формы. Ширина стремени – 12,5 см, примерная высота – 14 см. Ширина подножки – 6 см. У стремени № 2 к вер-

хней части дужки с противоположных сторон крепятся металлические пластины прямоугольной формы, скрепляющие две части сломанной дужки. Их размеры – 4,4 × 1,5 см. К дужке они прикрепляются с помощью двух заклепок, расположенных с противоположных сторон пластины (рис. 5,4). Одна из дужек имеет разлом в месте перехода в подножку. Подножка овальной формы. Высота стремени – 13,5 см, ширина – 14 см. Ширина подножки – 7 см.

Стремена с петлей для путлища, расположенной в верхней приостренной части дужки, обнаруженные в комплексе 2, имеют значительный круг аналогий на всем протяжении евразийских степей. Подобные стремена были обнаружены в комплексе № 4 могильника Ногоон Гозгор 1, расположенном в 8,2 км к северу от могильника Зуун хярын дэнж 1 и датирующимся в пределах середины XI – середины XIII вв. [Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 114, рис. 5,2,3]. В Предбайкалье схожие стремена найдены в погребении 1 могильника Хужиртуй 3, датирующемся концом IX – началом XI вв. [Харинский, 2001, с. 113, рис. 52,4,5] и на могильнике Усть-Талькин, относящемся к XII – началу XIII [Николаев, 2004, с. 158, рис. 20,1,2]. В Юго-Восточном Забайкалье они обнаружены в захоронении XIII–XIV вв. могильника Чиндант 1 [Асеев и др., 1984, табл. XXXIX,4], на памятниках аскизской культуры Хакасско-Минусинской котловины подобные стремена датируются XI – началом XIII вв., а в Канско-Красноярском районе XIII–XIV вв. [Кызласов, 1983, табл. XVI]. На Алтае стремена с приостренной верхней частью дужки соотносятся с усть-бийкенским этапом культуры монгольского времени и датируются XIII–XIV вв. [Тишкин, 2009, рис. 35, 42, 75, 117, 137]. В Среднем Причулымье стремена с заостренной вершиной дужки найдены в захоронениях X–XIII вв. [Беликова, 1996, с. 72, рис. 49,13, 59,4,5]. В Томском Приобье, по мнению Л.М. Плетневой, они датируются в пределах XII–XIV вв. [Плетнева, 1997, с. 86–87, рис. 54,1,2]. В Барабинской лесостепи на могильнике Сопка 2 подобные стремена встречаются в погребениях развитого средневековья и монгольского времени (XIII–XIV вв.) [Молодин, Соловьев, 2004, рис. 7,а, 8,а, 54,п, 66,с].

Железный колчаный крюк из комплекса 2 имел пластину ассиметрично-ромбической формы, плавно переходящую непосредственно к крюку. Ее ширина 2,2 см, длина 5,6 см (рис. 5,2). В верхней части пластины, чуть ниже верхнего угла находится заклепка со шляпкой овальной формы. В нижней части пластины, ближе к боковым углам также имеются две, установленных напротив друг друга заклепки. Ниже пластина плавно сужается и загибается в виде крючка. К концу крючка крепится круглая кольцеобразная шайба диаметром 1,4 см. Длина колчанного крюка – 6,5 см, средняя толщина – 0,3–0,4 см.

Железная пряжка из комплекса 2 (рис. 5,3) состояла из рамки и подвижного язычка. Рамка имела «колоколовидную» форму. Язычок цельный. Один из краев оканчивается петелькой, которая охватывает рамку. Толщина рамки и язычка – 0,3–0,4 см.

Колчаный крюк и пряжка, найденные в комплексе № 2, прямых аналогий к настоящему времени не находят, что позволяет надеяться на то, что они станут хорошими культурно-хронологическими индикаторами в случае их обнаружения на других археологических объектах.

Обнаруженные на могильнике Зуун хярын дэнж 1 предметы немногочисленны и имеют довольно широкий период бытования, в связи с чем установить узкие хронологические рамки отдельных комплексов довольно проблематично. Для определения возраста могильника, по костным останкам погребенных из двух непо потревоженных комплексов в Лаборатории радиоуглеродного анализа Оксфордского университета (Великобритания) проведены радиоуглеродные анализы (см. таблицу 1)². По фаланге пальца погребенного из комплекса № 1 получена дата 930 ± 17 (OxA39271), с учетом калибровки (95,4 %) она соответствует 1038–1156 годам³. Дата 832 ± 17 (OxA39272), полученная по зубу погребенного из комплекса № 2, с учетом калибровки (95,4 %) оно соответствует 1169–1254 гг.

Судя по показателям $d15N$ обитатели побережья озера Хубсугул не так активно употребляли в пищу рыбу, как, например, жители байкальского побережья в период неолита-бронзового века, где этот показатель составляет в среднем 14–15 [Weber et al., 2012,

p. 145; Weber et al., 2016]. Незначительное употребление в пищу или вообще неиспользование в рационе питания обитателей озер и рек, что является характерной чертой для значительной части монгольских скотоводов и по сей день, значительно уменьшает вероятность влияния на результаты датирования резервуарного эффекта. В связи с этим дополнительная корректировка калиброванных дат с могильника Зуун хярын дэнж 1 не проводилась.

По целому ряду показателей захоронения, раскопанные на могильнике Зуун хярын дэнж 1 схожи между собой. Основное различие заключается в ориентировке умерших. В комплексе 1 она северная, в комплексе 2 – западная-северо-западная, в комплексе 9 – северо-восточная. Связаны ли эти особенности погребального ритуала с сезонными отклонениями при ориентировке, учитывающей положение небесных тел, или имеют иные основания?

Разница при ориентировке погребенных, обусловленная сезонными отклонениями, имеет небольшое значение, укладываемое, как правило, в пределы 45° . В захоронениях же из могильника Зуун хярын дэнж 1 она больше этого показателя. В комплексе 1 костяк ориентирован по азимуту 10° , в комплексе 2 – 295° , в комплексе 9 – 63° . Учитывая разницу в возрасте комплексов 1 и 2, можно предположить, что изменение ориентировки в 75° у обнаруженных там захоронений, обусловлено новыми тенденциями в погребальном ритуале, которые произошли в середине – конце XIII века. Обратимся к материалам из других могильников Северного Прихубсугуля, чтобы определить, насколько устойчивы эти изменения.

Помимо Зуун хярын дэнжа 1 смена ориентировки погребенных фиксируются и на других могильниках этого района Монголии. На некрополе Ногоон Гозгор 1 в захоронениях, датирующихся первой половиной XIII в. (№ 3 и 4), погребенные ориентированы головой на север [Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011], а в захоронениях XIV в. (№ 5 и 6) – головой на северо-запад [Харинский и др., 2018]. На могильниках Урд-Хяр 1 и Урд-Хяр 2 захоронения с северной и северо-восточной ориентировкой встречаются только до второй половины XIII в., после чего фиксируется лишь се-

веро-западная ориентировка умерших [Оргилбаяр и др., 2019; Kharinskii et al., 2019]. Возможно, указанные изменения в погребальном ритуале связаны с появлением в этом районе нового населения, сменившего туматов, часть из которых после целого ряда антимонгольских восстаний была переселена в Западную Монголию, а другая, вероятно, вместе с булагчинами и кэрэмучинами откочевала в Приангарье [Харинский, Эрдэнэбаатар, 2019].

Выводы

Захоронения, исследованные на могильнике Зуун хярын дэнж 1, характеризуются расположением умерших вытянуто, на спине в могильных ямах, которые сверху перекрывались плоской каменной кладкой круглой формы. Размеры могильной ямы примерно на треть превышали длину погребенного в ней человека. Остатки досок, обнаруженных в захоронениях, указывают на то, что ими выстилалось дно могилы. Сверху погребенный перекрывался несколькими продольными досками, которые покрывались берестой. Вместе с умершим в могилу помещали части туши барана. Чаще всего это была голень и корейка животного. Четких закономерностей их расположения в захоронениях установить не удалось.

Материалы комплексов 1 и 2 представляют изменение традиций, фиксируемых в

погребальном ритуале этой части Монгольской империи. Время их появления определено благодаря радиоуглеродному датированию костных останков могильника Зуун хярын дэнж 1 и других погребальных комплексов Северного Прихубсугуля. Для более раннего времени в этом районе характерна ориентировка покойников головой на север или северо-восток. Со второй половины XIII в. у жителей Северного Прихубсугуля преобладающей ориентировкой становится северо-западная. Основываясь на этих особенностях погребального ритуала, комплекс 9, в котором умерший ориентирован на северо-восток, правомерно датировать в пределах XI – первой половины XIII века. Обнаруженные изменения в ориентировке погребенных в настоящее время зафиксированы только на северном берегу Хубсугула и имеют локальный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антропологические определения сделаны магистрантом кафедры антропологии и археологии Монгольского государственного университета Б. Бьямбадоржем и профессором М. Эрдэнэ.

² Авторы статьи выражают признательность профессору университета Альберты (Канада) Анджею Веберу за радиоуглеродную датировку образцов из могильника Зуун хярын дэнж 1.

³ Даты и их промежутки погрешностей были калиброваны в программе Oxcal 4.2 [Bronk Ramsey, 2009].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного анализа образцов из могильника Зуун хярын дэнж 1

Table 1. Results of radiocarbon analysis of samples from the burial ground Zuun hyaryn denj 1

Код лаборатории	№ даты	№ компл.	Дата	+/-	Калиброванный возраст	%Yld	%C	d13C	d15N	CN
ОхА	39 271	1	930	17	1038–1156	18	44,5	-19,1	11,0	3,2
ОхА	39 272	2	832	17	1169–1254	15,6	44,5	-18,7	10,3	3,2

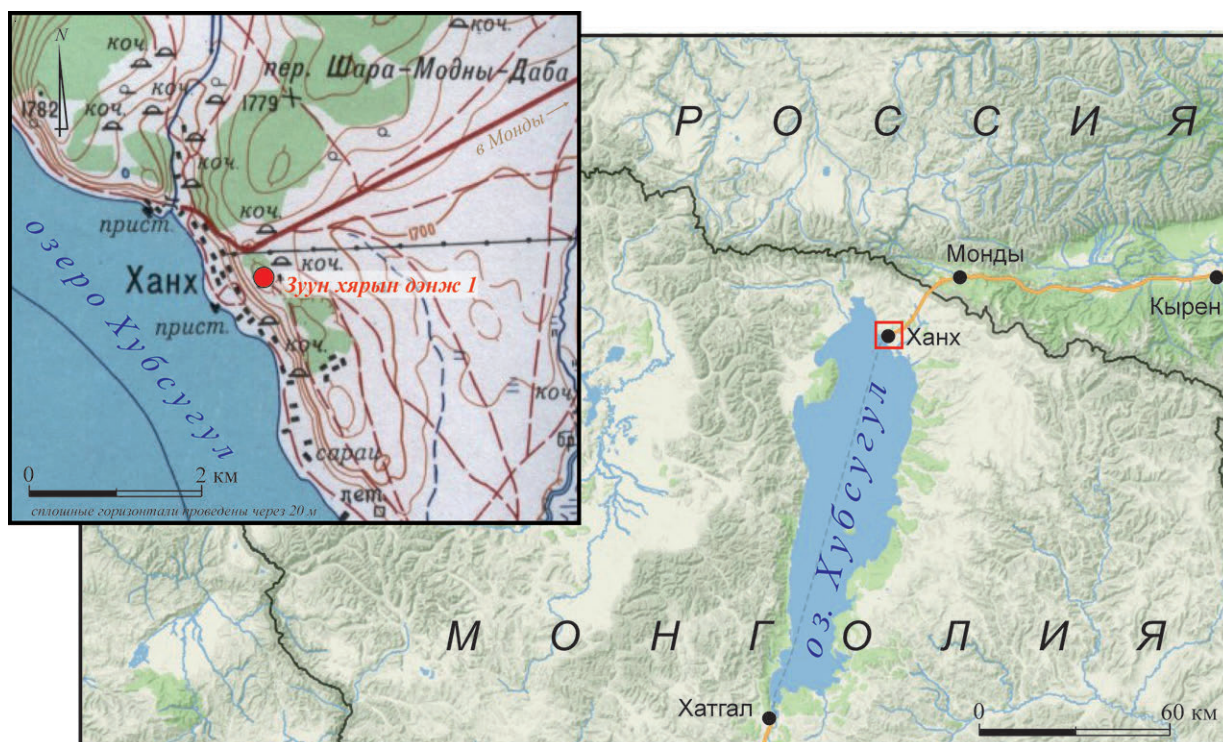

Рис. 1. Карта расположения могильника Зуун хярын дэнж 1
 Fig. 1. Map of the location of the Zuun hyaryn denj 1 burial ground

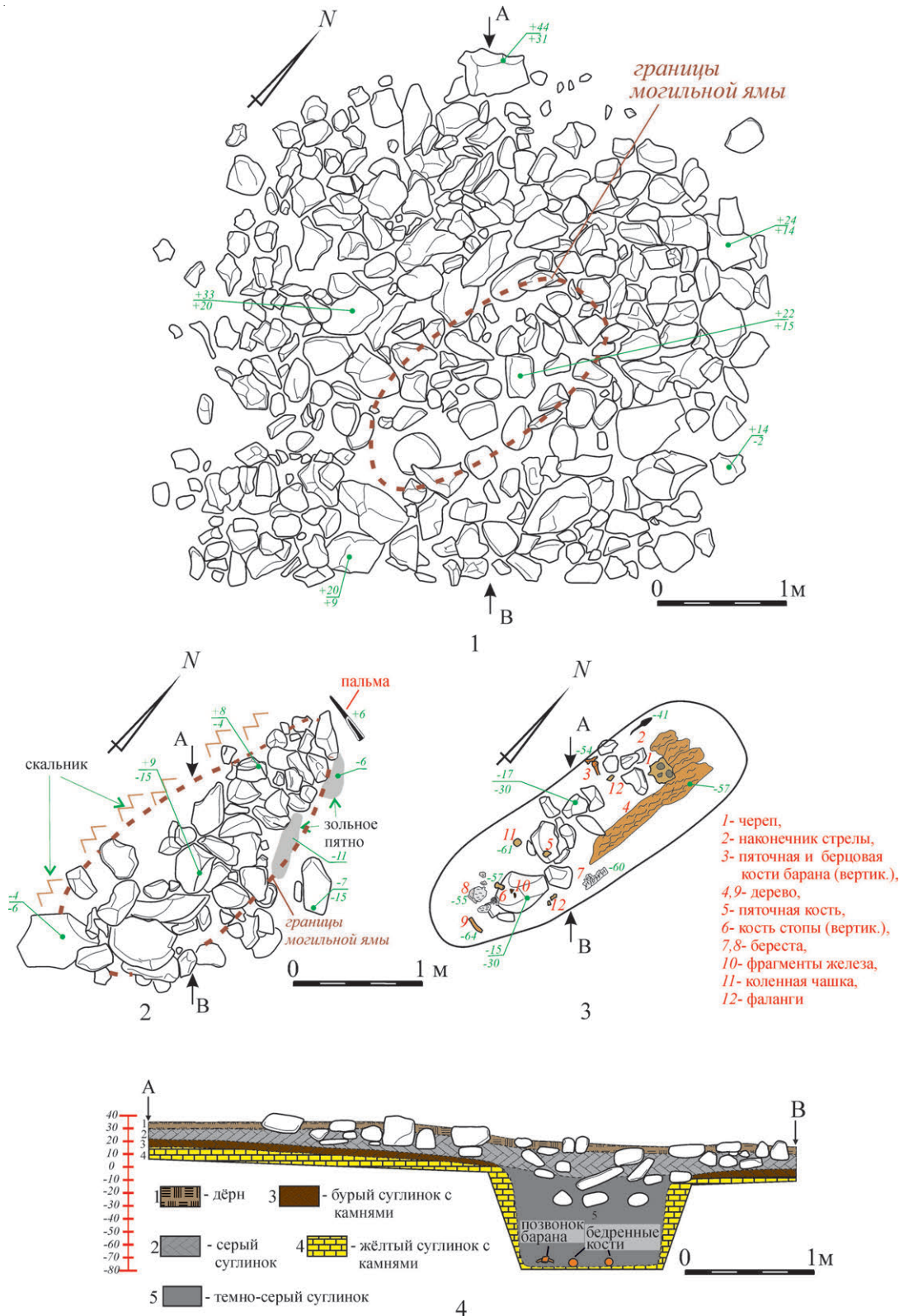

Рис. 2. Зуун хярын дэнж 1. Комплекс 1:

1 – надмогильное сооружение после расчистки; 2 – перекрытие могильной ямы;
 3 – заполнение могильной ямы; 4 – разрез комплекса

Fig. 2. Zuun hyaryn denj 1. Complex 1:

1 – gravestone structure after clearing; 2 – overlap of the grave pit; 3 – filling of the grave; 4 – section of the complex

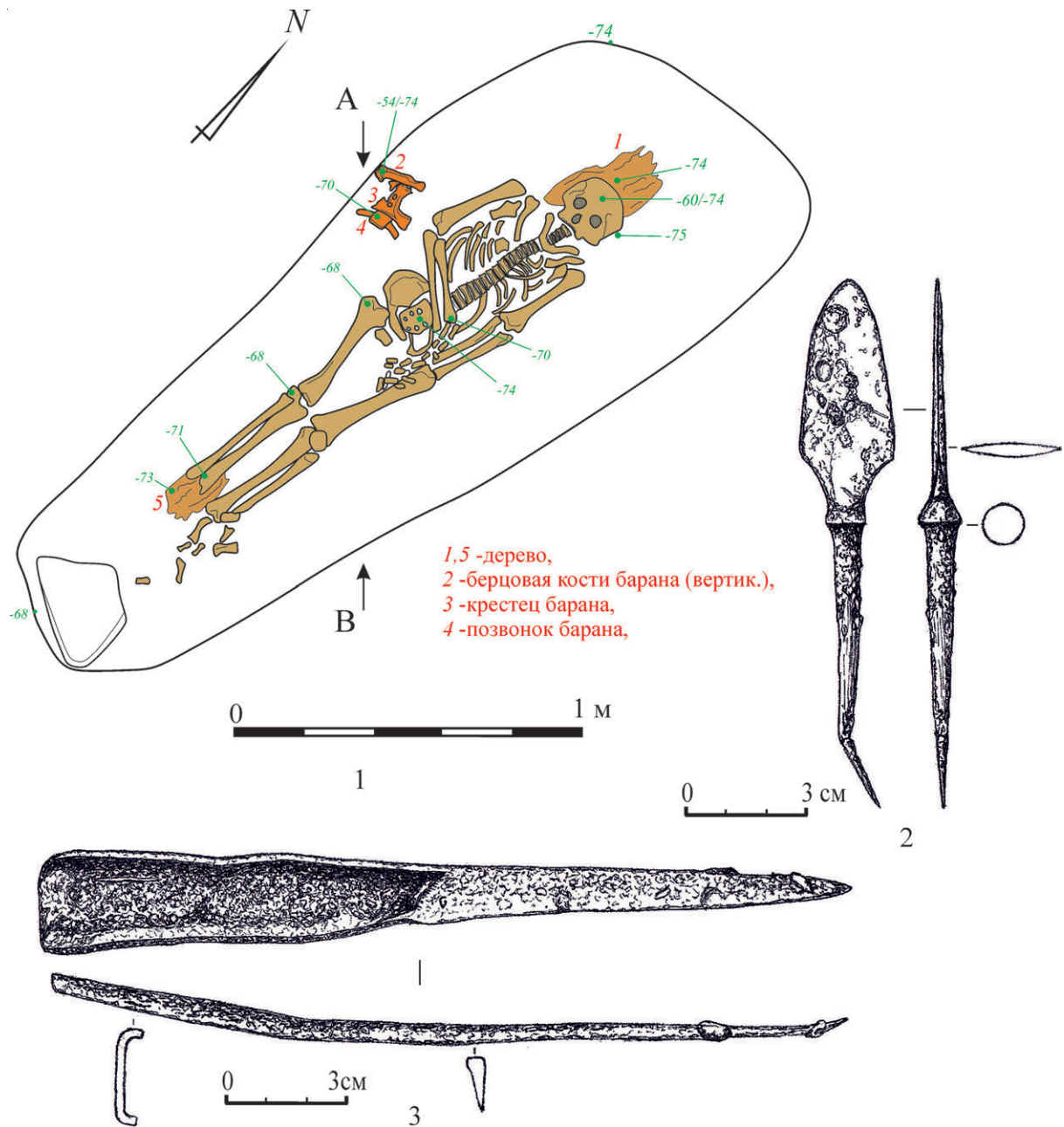

Рис. 3. Зуун хярын дэнж 1. Комплекс 1:

1 – план погребения; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – железная palma

Fig. 3. Zuun hyaryn denj 1. Complex 1:

1 – burial plan; 2 – iron arrowhead; 3 – iron palma

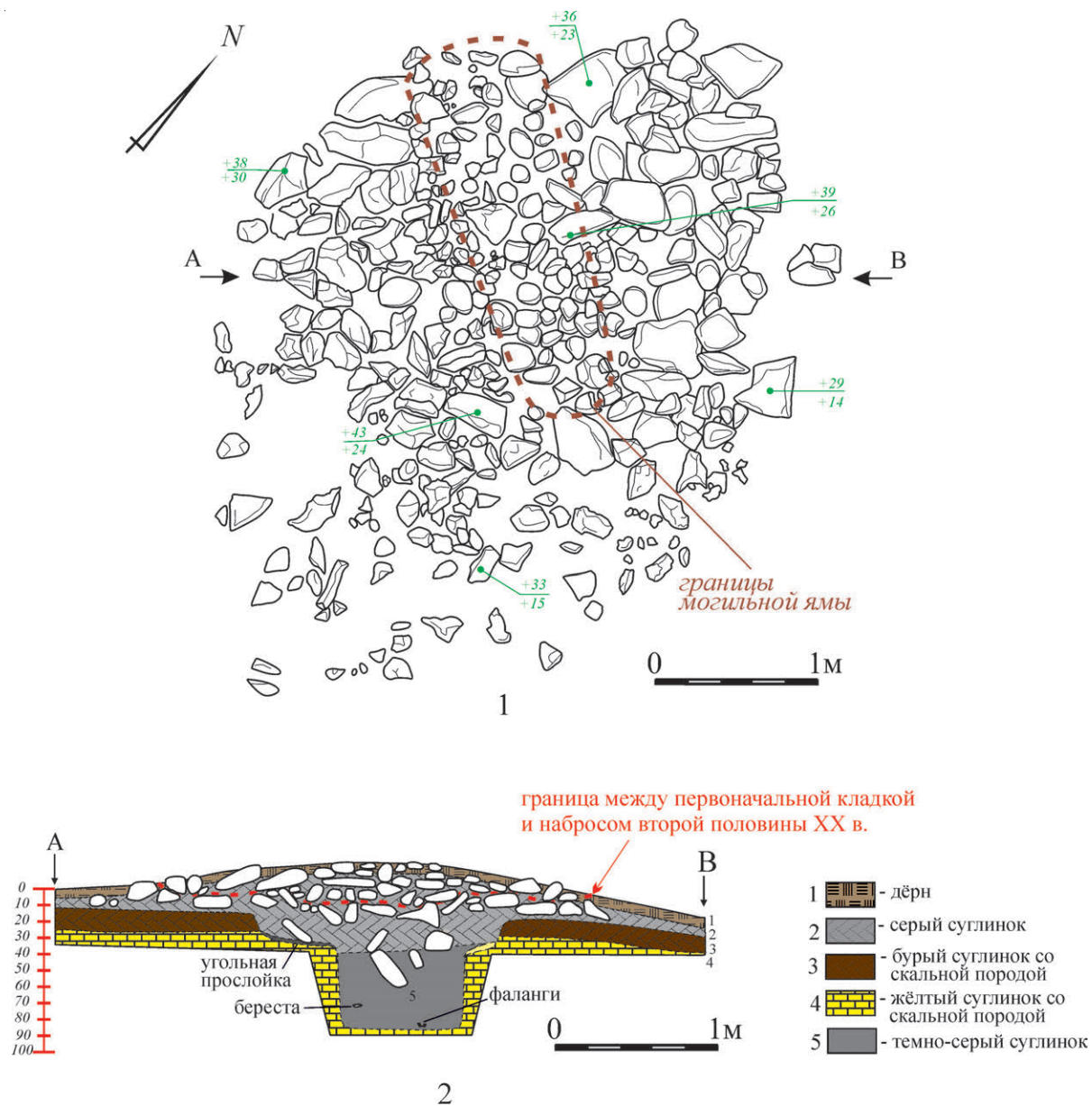

Рис. 4. Зуун хярын дэнж 1. Комплекс 2:

1 – надмогильное сооружение после расчистки; 2 – разрез комплекса

Fig. 4. Zuun hyaryn denj 1. Complex 2:

1 – gravestone structure after clearing; 2 – section of the complex

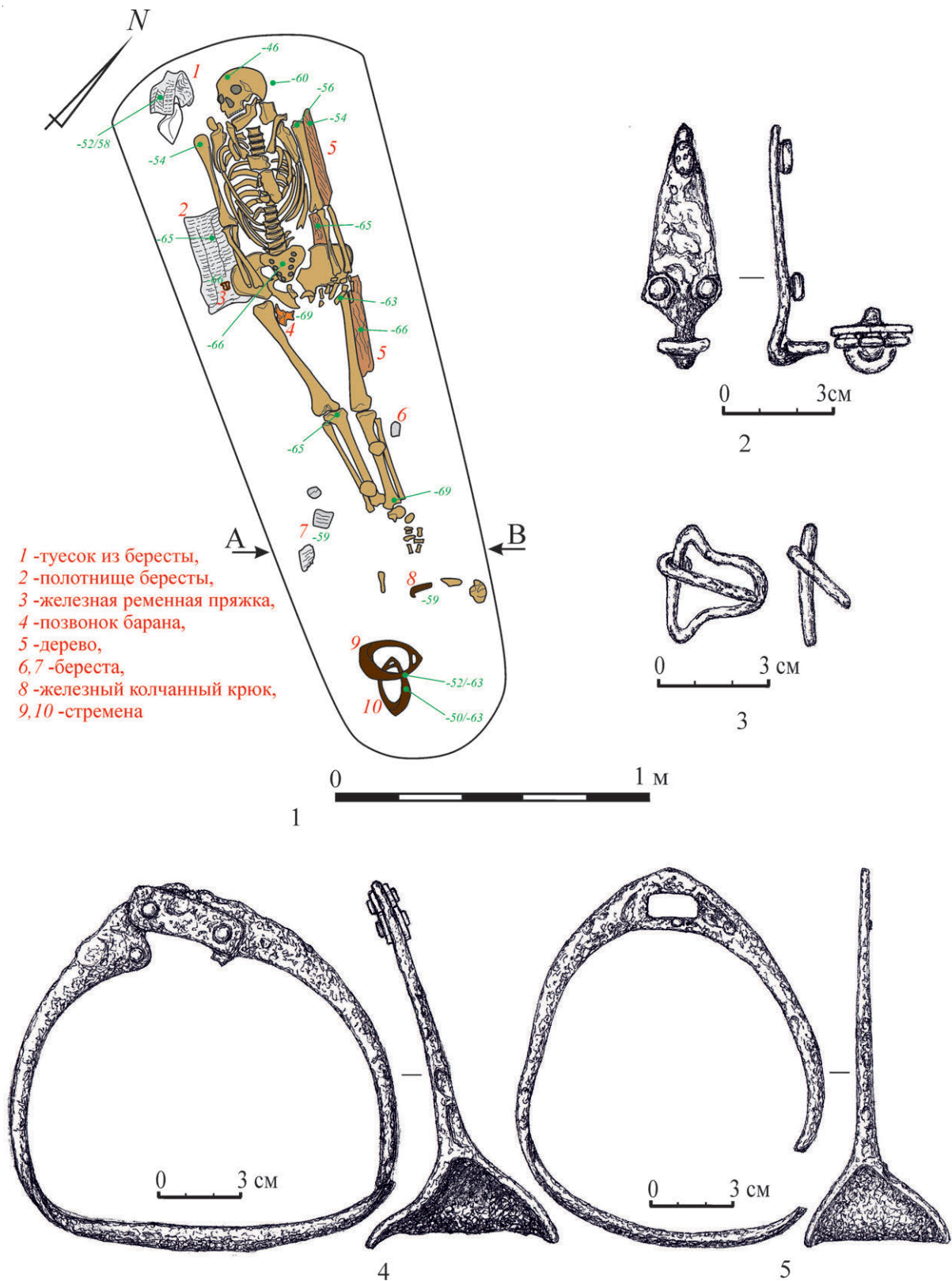

Рис. 5. Зуун хярын дэнж 1. Комплекс 2:

1 – план погребения; 2 – железный колчаный крюк; 3 – железная пряжка; 4, 5 – железные стремена

Fig. 5. Zuun hyaryn denj 1. Complex 2:

1 – burial plan; 2 – iron quiver hook; 3 – iron buckle; 4, 5 – iron stirrups

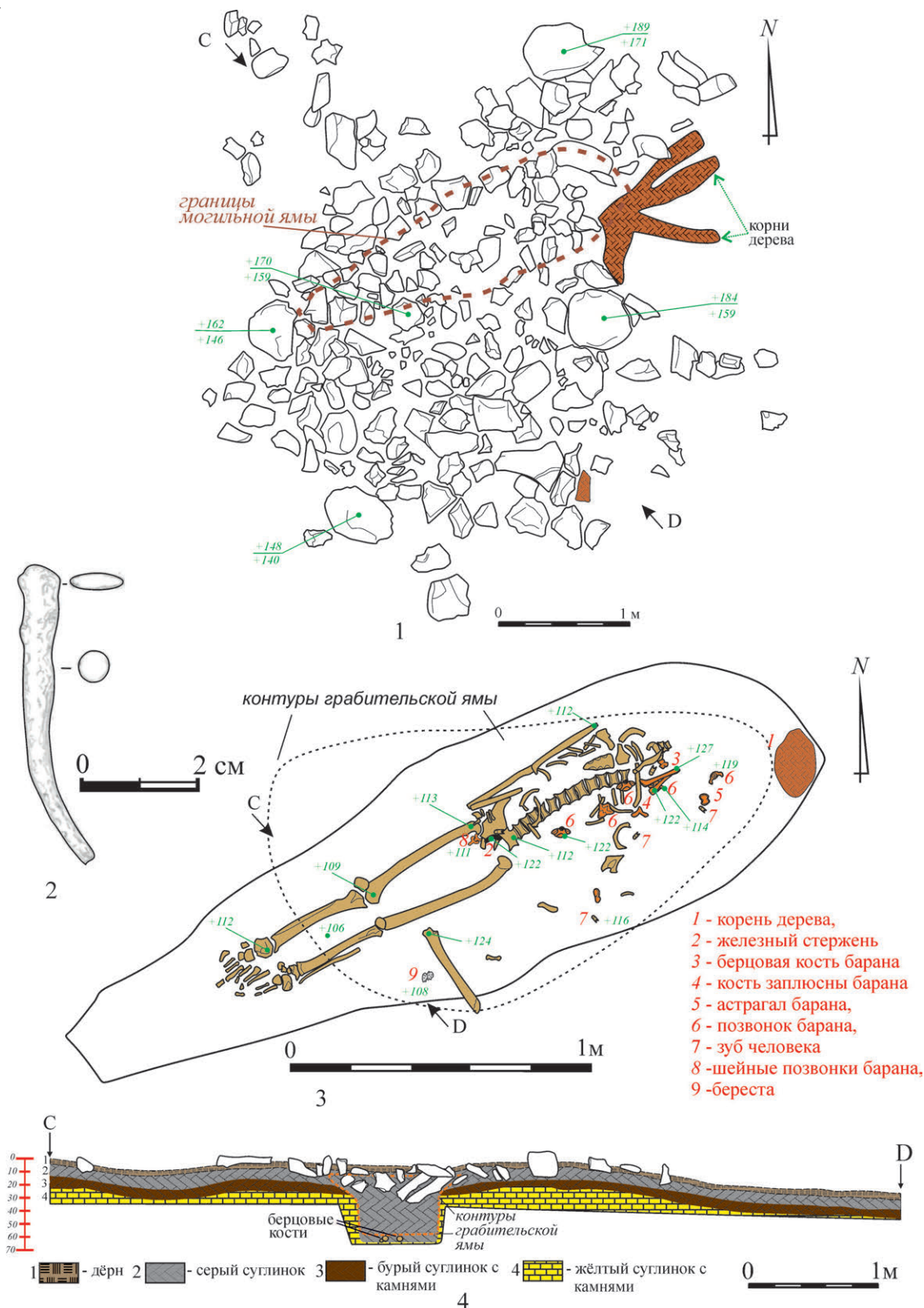

Рис. 6. Зуун хярын дэнж 1. Комплекс 9:

1 – надмогильное сооружение после расчистки; 2 – железный стержень; 3 – план погребения; 4 – разрез комплекса

Fig. 6. Zuun hyaryn denj 1. Complex 9:

1 – gravestone structure after clearing; 2 – iron rod; 3 – burial plan; 4 – section of the complex

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асеев И. В., Кирилов И. И., Ковычев Е. В., 1984. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука. 201 с.
- Беликова О. Б., 1996. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск : Изд-во Том. ун-та. 272 с.
- Белорыбкин Г. Н., 2001. Золотаревское поселение. СПб. ; Пенза : Изд-во ПГПУ. 198 с.
- Белорыбкин Г. Н., 2003. Новые материалы Золотаревского поселения // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза : Пенз. гос. объедин. краевед. музей ; ПензГПУ. С. 410–432.
- Белорыбкин Г. Н., Гусынин В. А., Измайлов И. Л., 2020. Вооружение населения Юго-Западной Булгарии (X – середина XIII века) // Археология евразийских степей. № 1. С. 5–204.
- Гоголев А. И., 1990. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та. 189 с.
- Киселев С. В., Мерперт Н. Я., 1965. Железные и чугунные вещи из Кара-Корума // Древнемонгольские города. М. : Наука. С. 188–215.
- Кириллов И. И., 1983. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск : Наука. С. 123–138.
- Кызласов И. Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. : Наука. 127 с.
- Медведев В. Е., 1982. Средневековые памятники острова Уссурийского. Новосибирск : Наука. 217 с.
- Медведев В. Е., 1991. Корсаковский могильник : хронология и материалы. Новосибирск : Наука. 175 с.
- Молодин В. И., Соловьев А. И., 2004. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 184 с.
- Николаев В. С., 2004. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках : усть-талкинская культура. Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН. 306 с.
- Оргилбаяр С., Эрдэнэбаатар Д., Харинский А. В., 2018. Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологи» төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан хээрийн шинжилгээний ажлын товч үр дүнгээс // Монголын археологи – 2017. Улаанбаатар : Монгол Улсын Их Сургууль. С. 120–123.
- Оргилбаяр С., Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсүрэн Н., 2019. Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шинжилгээ-1» төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи – 2018. Улаанбаатар : Монгол Улсын Их Сургууль. С. 140–146.
- Плетнева Л. М., 1997. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та. 350 с.
- Руденко К. А., 2002. Наконечники стрел XVII в. из Предуралья. Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та. С. 98–105.
- Тишкин А. А., 2009. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул : Азбука. 208 с.
- Харинский А. В., 2001. Приольхонье в средние века : погребальные комплексы. Иркутск : Изд-во ИрНИТУ. 238 с.
- Харинский А. В., 2020. Пальмы с втульчатым наконечником из Байкальского региона и их поздние модификации // Археология евразийских степей. № 6. С. 366–378.
- Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., 2011. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 107–124.
- Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М. А., Оргилбаяр С., Кичигин Д. Е., 2018. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор1 в Северном Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 14, № 2. С. 93–120.
- Харинский А. В., Эрдэнэбаатар Д., 2019. Население Северного Прихубсугулья (Монголия) в XIII–XIV вв. : по письменным и археологическим данным // Азак и мир вокруг него : материалы Междунар. науч. конф. Азов, 14–18 октября 2019 г. Азов : Изд-во Азов. музея-заповедника. С. 212–216.
- Худяков Ю. С., 1983. Коллекция железных наконечников стрел из Тункинской долины в фондах Иркутского музея // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск : Наука. С. 138–149.

- Худяков Ю. С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск : Наука. 176 с.
- Худяков Ю. С., 1986. Вооружение средневековых кочевников южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука. 267 с.
- Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // *Radio-Carbon*. Vol. 51 (1). P. 337–360.
- Byambadorj B., Erdene M., Orgilbayar S., Kharinsky A. V., 2022. A Possible Case of Secondary Bone Cancer in Human Remains from the Medieval Period (XII–XV AD) of Mongolia // *Asian Journal of Paleopathology*. P. 1–9.
- Kharinskii A. V., Orgilbayar S., Portniagin M. A., Erdenebaatar D., 2019. Funeral Ritual of the Inhabitants of the Khuvs gul Region (Mongolia) in the X–XIV Centuries // *Ancient Cultures of Mongolia, Transbaikal Siberia and Northern China : Materials of 10th International Research Conference, Beijing, 2019 October 19th to 22nd*. Beijing : Renmin University of China. P. 84.
- Weber A. W., Goriunova O. I., McKenzie H. G., Lieverse A. R., 2012. Kurma XI, a Middle Holocene Hunter-Gatherer Cemetery on Lake Baikal, Siberia: Archaeological and Osteological Materials. Edmonton : Canadian Circumpolar Institute Press. 276 p.
- Weber A. W., Schulting R. J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V. I., 2016. Biogeochemical Data from the Shamanka II Early Neolithic Cemetery on Southwest Baikal: Chronological and Dietary Patterns // *Quaternary International*. Vol. 405. P. 233–254.

REFERENCES

- Aseev I.V., Kirilov I.I., Kovychev E.V., 1984. *Kochevniki Zabaykal'ya v epohu srednevekov'ya* [The Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ. 201 p.
- Belikova O.B., 1996. *Srednee Prichulym'e v X–XIII vv.* [Middle Chulym Region in the X–XIII Centuries]. Tomsk, TSU. 272 p.
- Belorybkin G.N., 2001. *Zolotarevskoe poselenie* [Zolotarevskoe Settlement]. Saint Petersburg, Penza, PSPU. 198 p.
- Belorybkin G.N., 2003. *Novye materialy Zolotarevskogo poseleniya* [New Materials of the Zolotarevskoe Settlement]. *Arheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the East Eurasian Forest-Steppes]. Penza, Penza State United Local History Museum, PSPU, pp. 410–432.
- Belorybkin G.N., Gusynin V.A., Izmaylov I.L., 2020. Vooruzhenie naseleniya Yugo-Zapadnoy Bulgarii (X – seredina XIII veka) [Armament of the Population of South-Western Bulgaria (10th – Mid-13th Centuries)]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 1, pp. 5–204.
- Gogolev A.I., 1990. *Arheologicheskie pamyatniki Yakutii pozdnego srednevekov'ya (XIV–XVIII vv.)* [Archaeological Sites of Yakutia of the Late Middle Ages (XIV–XVIII Centuries)]. Irkutsk, ISU. 189 p.
- Kiselev S.V., Merpert N.Ya., 1965. *Zheleznye i chugunnye veshchi iz Kara-Koruma* [Iron and Cast Iron Items from Karakorum]. *Drevnemongol'skie goroda* [Ancient Mongolian Cities]. Moscow, Nauka Publ., pp. 188–215.
- Kirillov I.I., 1983. *Undugunskaya kul'tura zhelezного veka v Vostochnom Zabaykal'e* [Undugun Culture of the Iron Age in Eastern Transbaikalia]. *Po sledam drevnih kul'tur Zabaykal'ya* [In the Footsteps of Ancient Cultures of Transbaikalia]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 123–138.
- Kyzlasov I.L., 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv.* [Askiz Culture of Southern Siberia of the X–XIV Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.
- Medvedev V.E., 1982. *Srednevekovye pamyatniki ostrova Ussuriyskogo* [Medieval Monuments of the Island of Ussuriysky]. Novosibirsk, Nauka Publ. 217 p.
- Medvedev V.E., 1991. *Korsakovskiy mogil'nik: hronologiya i materialy* [Korsakov Burial Ground: Chronology and Materials]. Novosibirsk, Nauka Publ. 175 p.
- Molodin V.I., Solov'ev A.I., 2004. *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi T. 2: Kul'turno-hronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov epohi srednevekov'ya* [Monument Sopka-2 on the Om River. Vol. 2. Cultural and Chronological Analysis of Burial Complexes of the Middle Ages]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 184 p.
- Nikolaev V.S., 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kочевников yuga Srednej Sibiri v XII–XIV vekah: Ust'-tal'kinskaya kul'tura* [Burial Complexes of Nomads in the South of Central Siberia in the XII–XIV Centuries: Ust-talkin Culture]. Vladivostok, Irkutsk, Institute of Geography SB RAS. 306 p.

- Orgilbayar S., Erdenebaatar D., Kharinskii A.V., 2018. Mongol-Orosyn hamtarsan “Tov Azijn arheologi” toslijn Hovsgol ajmgijn Hanh sumyn nutagt yavuulsan heerijn shinzhilgeenij azhlyn tovch ur dungees. *Mongolyn arheologi – 2017*. Ulaanbaatar, Mongol Ulsyn Ih Surguul’, pp. 120-123.
- Orgilbayar S., Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Mandalsyren N., 2019. Mongol-Orosyn hamtarsan “Tov Azijn arheologijn shinzhilgee-1” toslijn Hovsgol ajmgijn Hanh sumyn nutagt yavuulsan maltlaga sudalgaany azhlyn ur’dchilsan ur dungees. *Mongolyn arheologi – 2018*. Ulaanbaatar, Mongol Ulsyn Ih Surguul’, pp. 140-146.
- Pletneva L.M., 1997. *Tomskoe Priob’ e v nachale II tys. n.e. (po arheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob Region at the Beginning of the II Millennium AD (According to Archaeological Sources)]. Tomsk, TSU. 350 p.
- Rudenko K.A., 2002. Nakonechniki strel XVII v. iz Predural’ya [Arrowheads of the XVII Century from the Urals]. *Voennoe delo nomadov Severnoy i Tsentral’noy Azii* [Military Affairs of the Nomads of North and Central Asia]. Novosibirsk, NSU, pp. 98-105.
- Tishkin A.A., 2009. *Altay v mongol’skoe vremya (po materialam arheologicheskikh pamyatnikov)* [Altai in the Mongolian Time (Based on the Materials of Archaeological Sites)]. Barnaul, Azbuka Publ. 208 p.
- Kharinskii A.V., 2001. *Priol’ hon’ e v srednie veka: pogrebal’nye komplekсы* [Priolkhonye in the Middle Ages: Burial Complexes]. Irkutsk, IrSRTU. 238 p.
- Kharinskii A.V., 2020. Pal’my s vtul’chatym nakonechnikom iz Baykal’skogo regiona i ih pozdnie modifikatsii [Palmas with Sleeve Tips from the Baikal Region and Their Later Modification]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 6, pp. 366-378.
- Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., 2011. Severnoe Prihubsugul’ e v nachale II tys. n. e. [The Northern Prihubsugulye at the Beginning of the II Millennium AD]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research], iss. 6. Barnaul, ASU, pp. 107-124.
- Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portnyagin M.A., Orgilbayar S., Kichigin D.E., 2018. Zhenskie pogrebeniya XIII–XIV vv. mogil’nika Nagoon Gozgor 1 v Severnom Prihubsugul’ e [Female Burials of the 13th–14th Centuries Burial Ground Nagoon Gozgor 1 in the Northern Khubsugul]. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologiy* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies], vol. 14, no. 2, pp. 93-120.
- Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., 2019. Naselenie Severnogo Prihubsugul’ya (Mongoliya) v XIII–XIV vv.: po pis’mennym i arheologicheskim dannym [The Population of the Northern Khubsugul (Mongolia) in the 13th–14th Centuries: According to Written and Archaeological Data]. *Azak i mir vokrug nego: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Azov, 14–18 oktyabrya 2019 g.* [Azak and the World Around It. Proceedings of International Scientific Conference. Azov, 14-18 October, 2019]. Azov, Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, pp. 212-216.
- Hudyakov Yu.S., 1983. Kolleksiya zheleznykh nakonechnikov strel iz Tunkinskoy doliny v fondah Irkutskogo muzeya [Collection of Iron Arrowheads from the Tunka Valley in the Funds of the Irkutsk Museum]. *Po sledam drevnih kul’tur Zabajkal’ya* [In the Footsteps of Ancient Cultures of Transbaikalia]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp.138-149.
- Hudyakov Yu.S., 1980. *Vooruzhenie eniseyskikh kyrgyzov* [Armament of the Yenisei Kyrgyz]. Novosibirsk, Nauka Publ. 176 p.
- Hudyakov Yu.S., 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov yuzhnoy Sibiri i Central’noy Azii* [Armament of Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ. 267 p.
- Bronk Ramsey C., 2009. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates. *Radio-carbon*, vol. 51 (1), pp. 337-360.
- Byambadorj B., Erdene M., Orgilbayar S., Kharinsky A.V., 2022. A Possible Case of Secondary Bone Cancer in Human Remains from the Medieval Period (XII–XV AD) of Mongolia. *Asian Journal of Paleopathology*, pp. 1-9.
- Kharinskii A.V., Orgilbayar S., Portniagin M.A., Erdenebaatar D., 2019. Funeral Ritual of the Inhabitants of the Khubsugul Region (Mongolia) in the X–XIV Centuries. *Ancient Cultures of Mongolia, Transbaikal Siberia and Northern China: Materials of 10th International Research Conference, Beijing, 2019 October 19th to 22nd*. Beijing, Renmin University of China, p. 84.
- Weber A.W., Goriunova O.I., McKenzie H.G., Lieverse A.R., 2012. *Kurma XI, a Middle Holocene Hunter-Gatherer Cemetery on Lake Baikal, Siberia: Archaeological and Osteological Materials*. Edmonton, Canadian Circumpolar Institute Press. 276 p.
- Weber A.W., Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., 2016. Biogeochemical Data from the Shamanka II Early Neolithic Cemetery on Southwest Baikal: Chronological and Dietary Patterns. *Quaternary International*, vol. 405, pp. 233-254.

Information About the Authors

Artur V. Kharinskii, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Lermontova St, 83, 664074 Irkutsk, Russian Federation; Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University, Karla Marksa St, 1, 664003 Irkutsk, Russian Federation, kharinsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Samdantsoodol Orgilbayar, Master of Historical Sciences, Lecturer, Department of History and Archaeology, Ulaanbaatar State University, Bayanzurkh St, 5th khoroo, 13343 Ulaanbaatar, Mongolia, orgiob@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5492-2164>

Aleksei M. Korostelev, Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, Lermontova St, 83, 664074 Irkutsk, Russian Federation, alex-korostelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

Dimaadjav Erdenebaatar, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ulaanbaatar State University, Bayanzurkh St, 5th khoroo, 13343 Ulaanbaatar, Mongolia, erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0030-064X>

Matvei A. Portniagin, Laboratory Assistant Researcher, Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia, Irkutsk National Research Technical University, Lermontova St, 83, 664074 Irkutsk, Russian Federation, matirk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Информация об авторах

Артур Викторович Харинский, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, 83, 664074 г. Иркутск, Российская Федерация; профессор кафедры мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет, ул. Карла Маркса, 1, 664003 г. Иркутск, Российская Федерация, kharinsky@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Самданцоодол Оргилбаяр, магистр истории, преподаватель кафедры истории и археологии, Улан-Баторский государственный университет, ул. Баянзурх, 5-й хороо, 13343 г. Улан-Батор, Монголия, orgiob@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5492-2164>

Алексей Михайлович Коростелев, старший преподаватель кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, 83, 664074 г. Иркутск, Российская Федерация, alex-korostelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

Димааджав Эрдэнэбаатар, профессор, заведующий кафедрой археологии, Улан-Баторский государственный университет, ул. Баянзурх, 5-й хороо, 13343 г. Улан-Батор, Монголия, erdenebaatar@usu.edu.mn, ediimaajav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0030-064X>

Матвей Александрович Портнягин, лаборант-исследователь лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, ул. Лермонтова, 83, 664074 г. Иркутск, Российская Федерация, matirk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.15>

UDC 903'1(470):903.2

LBC 63.442.7(235.7)-41

Submitted: 25.01.2023

Accepted: 17.04.2023

FOLLOWING THE RESEARCH

Part I

Irina P. Zasetskaya

State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. This article is the first part of a critical review of the works from Vol. 18, no. 2 of the Lower Volga Archaeological Bulletin, dedicated to the Scythian-Sarmatian period and the coverage of the categories of material culture of this era. The issue was published in 2019 and was dedicated to the anniversary of Prof. Irina P. Zasetskaya.

Key words: the fall of Scythia, “Kuban Type” helmets, early Sarmatian mirrors, metal rings of the “Zubovskyy-Vozdvizhenskaya Type”, glass skyphos, nomad hunting, silver bowls of the Sadovy kurgan, non-standard burials, bracelet from Salamatino.

Citation. Zasetskaya I.P., 2023. Po sledam issledovaniy. Chast' I [Following the Research. Part I]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 308-328. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.15>

УДК 903'1(470):903.2

ББК 63.442.7(235.7)-41

Дата поступления статьи: 25.01.2023

Дата принятия статьи: 17.04.2023

ПО СЛЕДАМ ИССЛЕДОВАНИЙ

Часть I

Ирина Петровна Засецкая

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья представляет собой первую часть критического обзора работ из Т. 18, № 2 Нижневолжского археологического вестника, посвященных скифо-сарматскому периоду и отдельным категориям предметов материальной культуры этой эпохи. Номер вышел в 2019 г. и был посвящен юбилею И.П. Засецкой.

Ключевые слова: гибель Скифии, шлемы «кубанского типа», раннесарматские зеркала, металлические кольца «зубовско-воздвиженского типа», стеклянные скифосы, охота кочевников, серебряные чаши кургана Садовый, нестандартные погребения, саламатинский браслет.

Цитирование. Засецкая И. П., 2023. По следам исследований. Часть I // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 308–328. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.15>

В 2019 г. вышел в свет Т. 18, № 2 журнала Нижневолжский археологический вестник, посвященный моему 90-летию, в создании которого приняли участие как мои эрмитажные коллеги, так и сотрудники из различных государственных музеев, высших учебных заведений, а также мои друзья-коллеги из Франции и Венгрии. Особо я хочу поблагодарить всех сотрудников редакции журнала, которые сделали к моему юбилею такой прекрасный подарок. Большое Вам спасибо, друзья мои! Я с огромным интересом познакомилась с вашими исследованиями и мне захотелось высказать свои мысли по поводу прочитанного, так и родилась идея этой работы. Представленные в вышеупомянутом номере журнала работы охватывают хронологический период от VII в. до н.э. до VI в. н.э. В связи с этим я разделила все статьи на две части: в первую – вошел обзор работ, связанных со скифо-сарматским периодом (часть I), а во вторую – ее я надеюсь завершить в недалеком будущем – с эпохой Великого Переселения народов (часть II).

Рассматриваемый номер журнала открывает статья «К дискуссии о причине гибели Скифии» Анатолия Степановича Скрипкина, глубокого исследователя и замечательного педагога, воспитавшего не одно поколение историков [Скрипкин, 2019]. Несмотря на относительно небольшой размер, данную работу можно рассматривать как краткий обзор фундаментального многопланового исследования по истории расселения и исчезновения скифской этнической общности. Однако в целом статья носит дискуссионный характер, она направлена против версии С.В. Полина о гибели Скифии в результате климатических изменений [Полин, 2018, с. 267–287], о чем свидетельствует, по его мнению, отсутствие здесь памятников скифской культуры III в. до н.э.

А.С. Скрипкин, опровергая версию С.В. Полина, опирается как на письменные, так и на археологические данные. В частности, он обращается к Диодору Сицилийскому, который писал: «Эти последние (савроматы = сарматы. – И. З.), много лет спустя сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребив побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod., II, 43, 7). Описания Диодора

Сицилийского свидетельствуют о том, что данное нашествие сарматов относится к тому виду миграции, при котором пришлое население уничтожает предшествующее племенное объединение. Аналогичное явление мы наблюдаем в эпоху гуннского нашествия в Европе, о чем писал Аммиан Марцеллин: «неукротимый народ, пылающий неудержимую страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседских народов, дошел до земли Аланов, прежних Массагетов» (Amm. Marc., XXXI, 2, 12). Такого рода миграции приводили к опустошению захваченных территорий, что находит отражение в отсутствии археологических памятников, которые могли бы датироваться непосредственно временем появления захватчиков на этих землях. И только после установления на данных территориях геополитических объединений археологические памятники вновь получают массовое распространение. На наш взгляд, это является одним из важных доказательств причастности сарматов к гибели Скифии (в будущем их самих и памятники их культуры ждет та же судьба – они будут уничтожены гуннами).

Среди публикаций в Нижневолжском археологическом вестнике выделяется группа статей, каждая из которых посвящена исследованию одной группы археологических памятников скифо-сарматской эпохи. Так, например, статья Андрея Юрьевича Алексева посвящена происхождению бронзовых шлемов, так называемого «кубанского типа» [Алексеев, 2019]. В частности речь идет о находке шлема из Келермесского кургана 15 во время раскопок 1993 г. (см. рис. 1).

В статье рассматриваются наиболее значимые работы на эту тему, в том числе и публикация 1985 г. Людмилы Константиновны Галаниной, которая представляет собой свод известных на тот момент шлемов «кубанского типа» [Галанина, 1985]. Тогда их насчитывалось 16 экземпляров, но к настоящему времени их количество несколько увеличилось, расширив ареал их распространения от Приднепровья до Монголии (см. рис. 2).

Как отмечает А.Ю. Алексеев, к настоящему времени сформировались три концепции происхождения этих шлемов: северокавказская, переднеазиатская и центрально-ази-

Рис. 1. Бронзовый шлем из кургана 15 Келермесского могильника (по: [Алексеев, 2019, с. 227, детали рис. 1])
Fig. 1. Bronze helmet from kurgan 15 of the Kelermes Cemetery (after: [Alekseev, 2019, p. 227, detail of fig. 1])

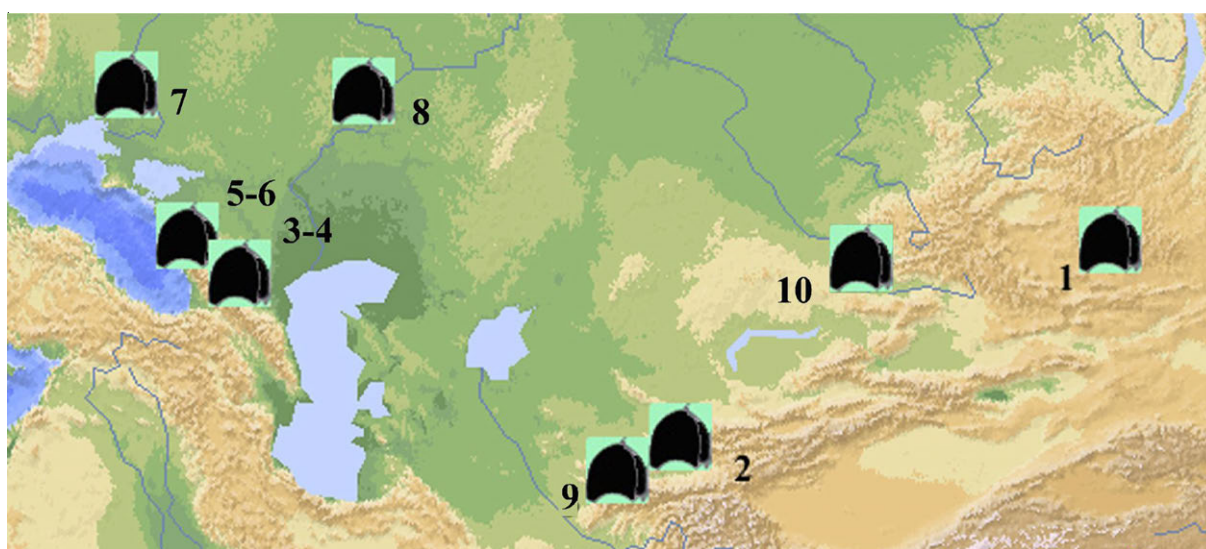

Рис. 2. Карта-схема ареала шлемов «кубанского» типа (по: [Алексеев, 2019, с. 230, рис. 4])
Fig. 2. Map-scheme of the area of helmets of the “Kuban Type” (after: [Alekseev, 2019, p. 230, fig. 4])

атско-северокитайская. Второй из них придерживалась Л.К. Галанина, рассматривая китайские находки через призму подражания «древневосточной основе» [Галанина, 1985]. Ее поддерживали М.В. Горелик [1982] и Н.Л. Членова [1993]. В отличие от вышеуказанных ученых, А.Ю. Алексеев склоняется к точке зрения о происхождении данного типа шлемов с территорий Центральной Азии и севера Китая в эпоху Западного Чжоу. Он отмечает, что так называемые «кубанские шлемы» обладают такими характерными чертами чжоуских образцов, как техника литья, петля в верхней части, фигурный лицевой вырез, вырез в затылочной части, гребень на макушке и др. Однако следует отметить, что, несмотря на все приведенные А.Ю. Алексеевым аргументы, вопрос о происхождении шлемов «кубанского

типа», по моему мнению, в настоящее время по-прежнему остается открытым.

Статья Вячеслава Петровича Глебова «Зеркала раннесарматской культуры Нижнего Подонья» [Глебов, 2019] посвящена классификации и хронологии зеркал, найденных на территории Нижнего Подонья в погребальных комплексах, одну часть которых автор датирует II–I вв. до н.э., а другую – I в. до н.э. – I в. н.э. В.П. Глебов подчеркивает, что зеркала – археологические памятники разных эпох – не раз становились объектом исследования ученых, поскольку являлись не только предметами материальной культуры, но, возможно, и атрибутами, связанными с различными магическими представлениями и ритуальными практиками. Данное предположение мне представляется совершенно верным.

Выделяя в отдельный тип крупные зеркала диаметром от 16 до 18 см с валиком по краю и без ручки и со штырем для ручки (рис. 3), автор справедливо относит их к раннесарматской культуре, но ограничивает их дату II–I вв. до н.э.

Несмотря на то что я не могу проверить даты всех комплексов Нижнего Подонья, в которых были найдены подобные зеркала, я согласна с В.П. Глебовым, что основная масса погребений с такими находками относится действительно к указанным им датам. Хотелось

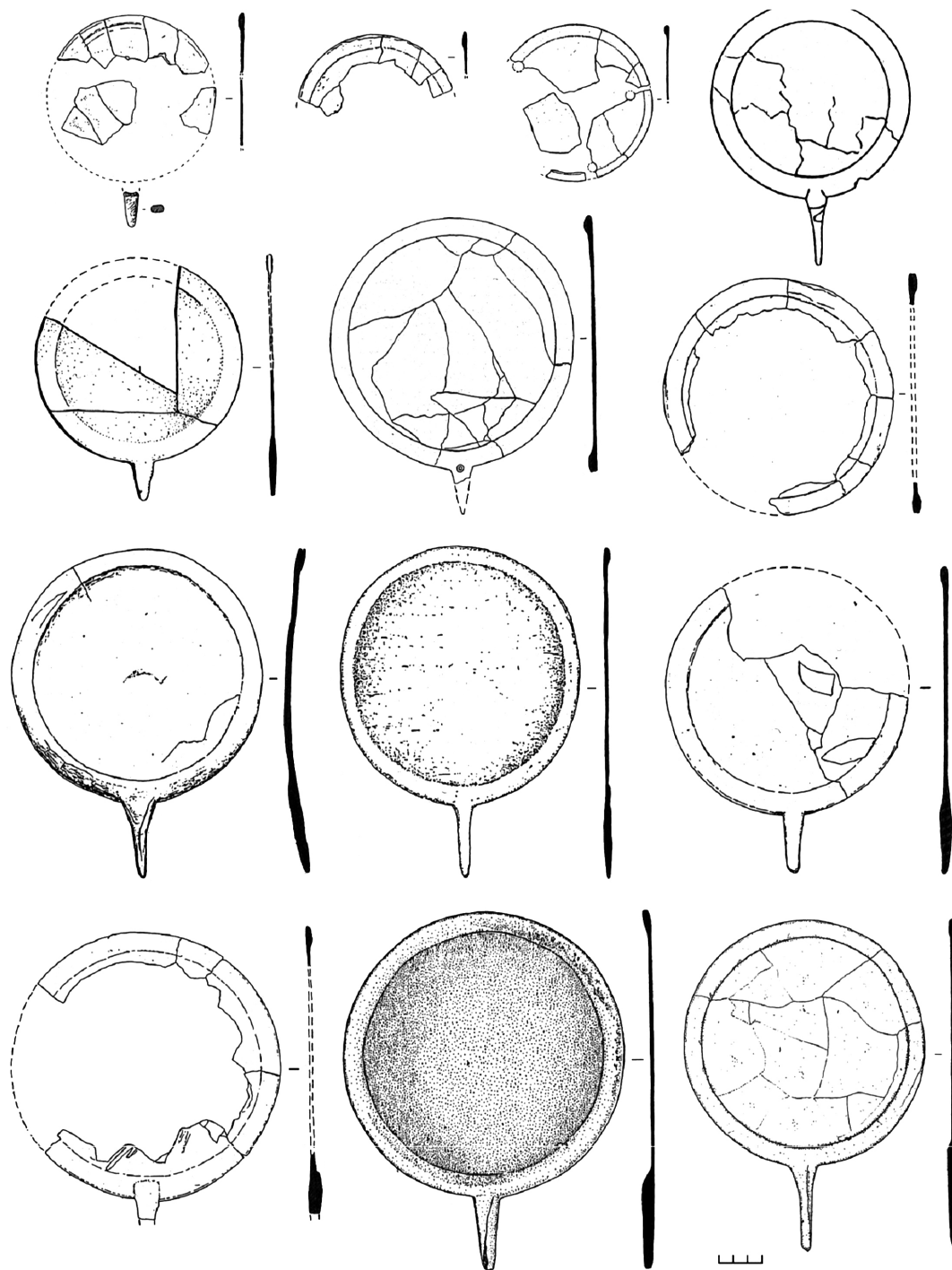

Рис. 3. Зеркала и фрагменты зеркал отдела 2 (по: [Глебов, 2019, с. 95, рис. 2])

Fig. 3. Mirrors and fragments of mirrors of department 2 (after: [Glebov, 2019, p. 95, fig. 2])

бы только отметить, что вышеупомянутые зеркала, характерные для раннесарматской культуры Нижнего Поволжья и Приуралья III в. до н.э., а значит, не исключено, что какая-то часть нижнедонских находок должны относиться именно к этому времени, что соответствует историческим событиям, а именно появлению сарматов на территории нижнедонских степей и гибели скифского царства.

Далее автор подробно рассматривает особую роль зеркал в ритуальных магических действиях у древних племен, в частности у сарматов, о чем писали многие другие исследователи. Он справедливо отмечает, что основная масса зеркал была найдена в женских погребениях. Кроме целых экземпляров в могилах было обнаружено множество их фрагментов, которые как бы олицетворяли собой целый предмет. Дальнейшая часть статьи посвящена ритуальному действию, связанному с порчей предметов, в частности зеркал, на которых мы фиксируем зарубки. Подобного рода манипуляции учеными объясняются как желание носителей культуры, участников похорон, облегчить переход души усопшего в мир иной, а также, добавлю, возможно, воспрепятствовать возвращению его обратно. Напомню, что до сих пор в Европе сохранился обычай, восходящий к древней обережной магии, завешивать все зеркала в доме, после смерти проживавшего в нем человека.

Нужно отметить, что порче подвергались не только зеркала, но и другие вещи, сопровождавшие умершего: оружие, украшения, посуда и прочие предметы обихода. Например, в знаменитом погребении Хохлач подобного рода порча предметов наблюдается на дорогих высокохудожественных золотых изделиях, как, например, гривна или чаша с ручкой в виде лося [Засецкая, 2011, с. 84, кат. 2, с. 160, кат. 8]. Подобное ритуальное «умерщвление» вещей бытовало у отдельных народов Евразии вплоть до конца XX в.: «Обычай порчи одежды покойника зафиксирован и у нижнеобских хантов, которые также «отмечали» погребальный инвентарь: в посуде делали дыры, от деревянных вещей отстругивали щепку. Информанты объясняли это представлениями о том, что в загробном мире все наоборот: в мире людей одежда и вещи поврежденные, а в мире мертвых – целые» [Мартынова, 2009, с. 56–61].

Несомненный интерес представляет работа Сергея Вячеславовича Воронятова «О металлических кольцах “зубовско-воздвиженского типа” со скульптурными антропо- и зооморфными изображениями» [Воронятов, 2019], посвященная группе оригинальных находок – бронзовым кольцам со скульптурными изображениями животных, мужских голов и столбиков (см. рис. 4).

Такие кольца, как правило, представлены парой изделий одинакового размера (5,5–6 см в диаметре), исполненных в одной технике литья, при этом фигурки сделаны отдельно (литье по восковой модели) и припаяны к кольцам. Большинство из них представляют собой зооморфные изображения, преимущественно, козлов, верблюдов, мулов, а также мужских голов (по три на каждом кольце) или столбиков, сгруппированных также по три штуки (при этом в каждой группе утрачено по одному из столбиков). Последние были найдены в погребении из могильника у аула Хатажукай вместе с парой колец с тремя головами мулов [Гущина, Засецкая, 1989, табл. VII, кат. 62, 63].

Главный вопрос, который возникает перед авторами публикаций этих находок, является их назначение. К сожалению, ни в одном случае нам неизвестно точное расположение этих колец в могиле относительно погребенных. Одни полагали, что кольца могли быть навершиями [Засецкая, 1979, с. 110], другие считали, что кольца служили деталями конского снаряжения [Отчет ... , 1902, с. 49; Медведев, Сафонов, 2006, с. 81]. Этой точки зрения придерживается и С.В. Воронятов. Однако конструктивные особенности самих предметов и обстоятельства, при которых они были найдены, противоречат подобной гипотезе. Если мы обратимся к украшениям конского снаряжения сарматской эпохи, то увидим, что и крупные фалары наплечных и нагрудного ремней, и бляшки от уздечных ремней представлены изображениями животных, сделанных в низком рельефе [Засецкая, 2019, табл. XV, XXVII–XXIX].

И конечно, необходимо указать, что данные кольца были найдены в основном только в женских погребениях, причем, судя по сопутствующим им золотым изделиям, усопшие были представительницами знат-

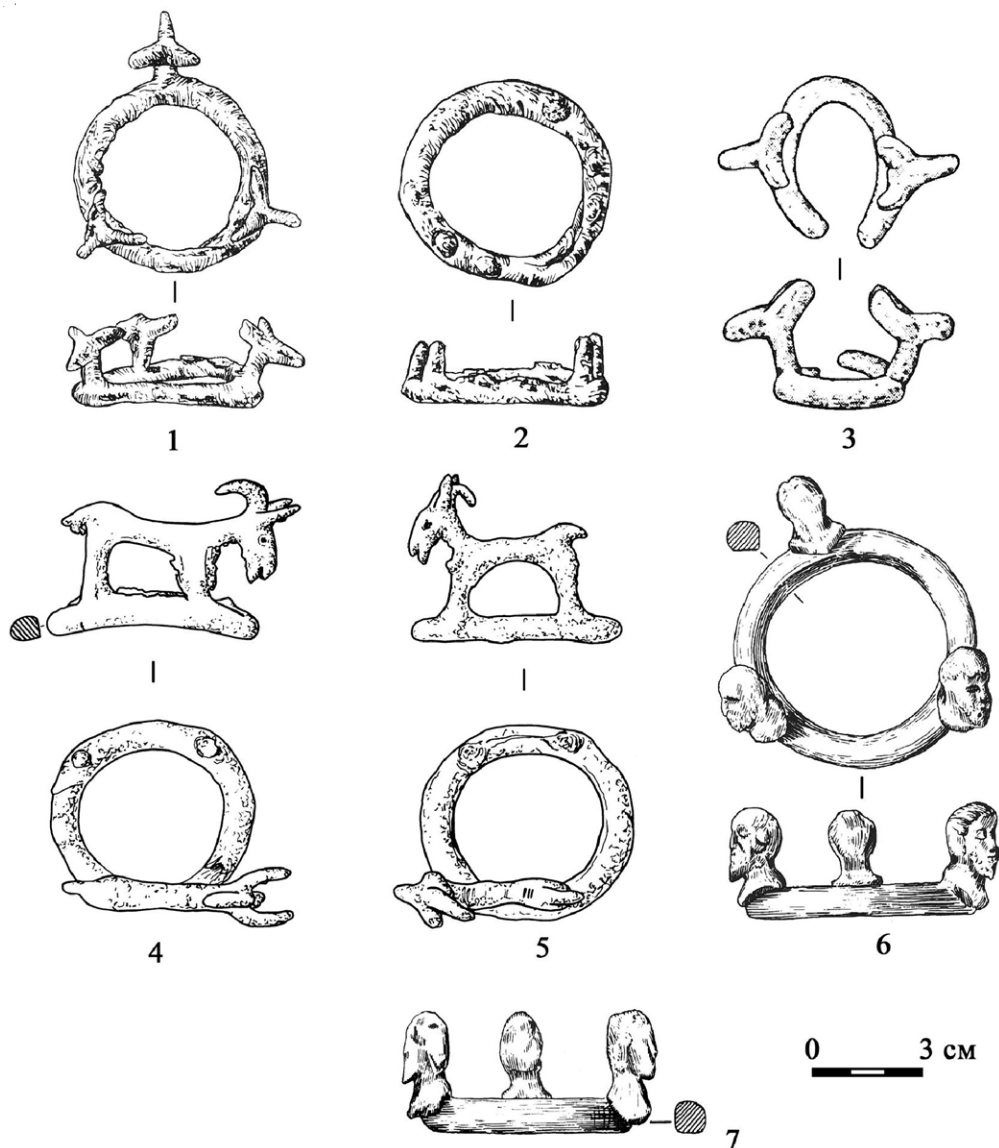

Рис. 4. Бронзовые кольца со скульптурными изображениями
(по: [Воронятов, 2019, с. 150, рис. 1, с аннотациями автора]):

1, 2 – Хатажукаевский (по: [Гущина, Засецкая, 1989, табл. VII,62,63]); 3 – «Садовый», Воздвиженская, кург. 2
(по: [Беглова, 2007, рис. 5,1]); 4, 5 – Тифлисская, кург. 50 (по: [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 16,153]);
6 – Усть-Лабинская, кург. 33 (по: [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 42,386]); 7 – Усть-Лабинская, кург. 38
(по: [Гущина, Засецкая, 1994, табл. 45,425])

Fig. 4. Bronze rings with sculptural images (after: [Voronyatov, 2019, p. 150, fig. 1, Annotated by the Author]):

1, 2 – Khatazhukaevsky (after: [Gushchina, Zasetskaya, 1989, pl. VII,62,63]); 3 – “Sadovyy”, Vozdvizhenskaya, kurgan 2
(after: [Beglova, 2007, fig. 5,1]); 4, 5 – Tiflis, kurgan 50 (after: [Gushchina, Zasetskaya, 1994, pl. 16,153]);
6 – Ust-Labinskaya, kurgan 33 (after: [Gushchina, Zasetskaya, 1994, pl. 42,386]); 7 – Ust-Labinskaya, kurgan 38
(after: [Gushchina, Zasetskaya, 1994, pl. 45,425])

ных родов. Данный факт отмечает и С.В. Воронятов, но почему-то игнорирует его при построении своей доказательной базы. Между тем ни в одном мужском погребении зубовско-воздвиженской группы, как и в погребениях из «Золотого кладбища» подобных колец никогда не было обнаружено [Гу-

щина, Засецкая, 1989, табл. V, XI; Гущина, Засецкая, 1994, табл. 7, 14, 29, 40, 43, 49, 56]. На мой взгляд, парные кольца, возможно, служили украшениями наверший таких изделий, как, например, жезлы, и использовались во время ритуальных действий, в которых именно женщине отводилась главная

роль (рис. 5). Данная версия представляется более логичной, в контексте анализа находок из вышеупомянутых погребений. Тем не менее вопрос о функциональном назначении этих колец по-прежнему остается дискуссионным, как и многое другое в историко-гуманитарных науках.

К группе публикаций, посвященных исследованию одной категории вещей скифо-сарматской эпохи, можно отнести и статью Натальи Юрьевны Лимберис и Ивана Ивановича Марченко «Меотские погребения со стеклянными скифосами зубовского типа» [Лимберис, Марченко, 2019]. Они относят эти сосуды к типу Шб варианта 2 по классификации И.П. Засецкой и И.И. Марченко, опубликованной в Археологическом сборнике Государственного Эрмитажа 1995 г. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 90–104]. В основу данной статьи вошли исследования авторов, проходивших независимо

друг от друга еще в 1980-х годах. Случилось так, что Иван Иванович Марченко пришел в Эрмитаж к Ирине Петровне Засецкой – хранителю прикубанских древностей, попросить разрешения опубликовать стеклянные скифосы в связи с подготовкой статьи по данному материалу. Однако оказалась, что И.П. Засецкая готовит эти же находки к публикации. Из дальнейшего разговора двух ученых выяснилось, что выработанные авторами типологии стеклянных скифосов и сосудов, их датировка и метод, который использовался для выявления этой классификации были тождественны, что и послужило причиной для дальнейшего совместного исследования. И мне очень приятно было узнать, что наша работа, как отмечают Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, до сих пор используется моими коллегами-археологами, в том числе самими авторами в рассматриваемой статье, в которой речь идет о датировке

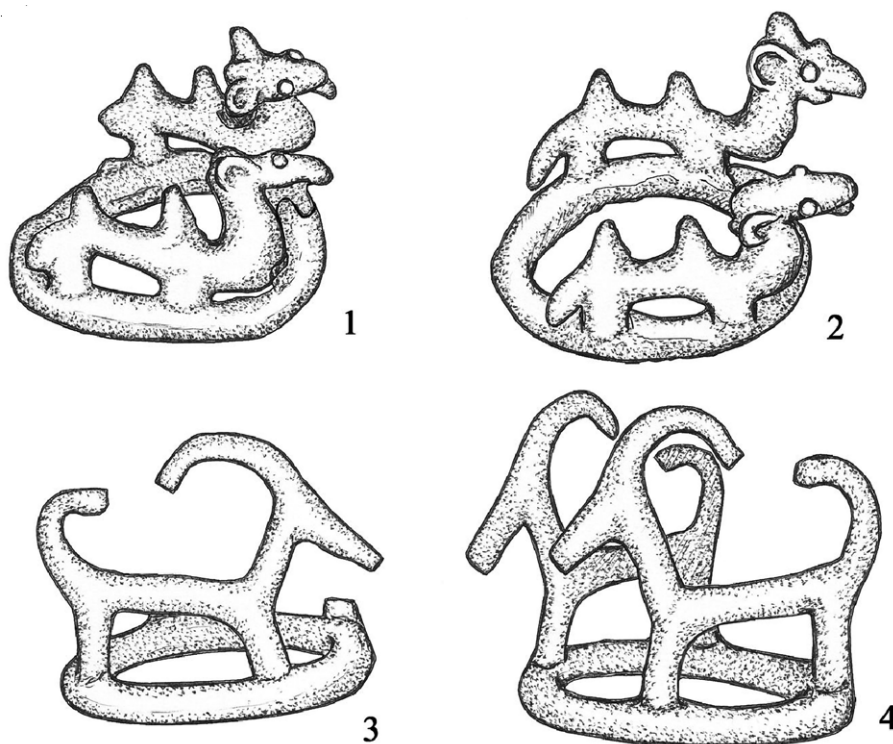

Рис. 5. Бронзовые кольца со скульптурными изображениями (по: [Воронятов, 2019, с. 152, детали рис. 3, с аннотациями автора]):
 1, 2 – Больше-Дмитриевский, кург. 96 (рисунки автора, без масштаба);
 3, 4 – Никольский, кург. 2 (по: [Засецкая, 1979, рис. 14], без масштаба)

Fig. 5. Bronze rings with sculptural images (after: [Voronyatov, 2019, p. 152, details in fig. 3, Annotated by the Author]):
 1, 2 – Bolshe-Dmitrievsky, kurgan 96 (drawing by the author, not to scale);
 3, 4 – Nikolsky, kurgan 2 (after: [Zasetskaya, 1979, fig. 14], not to scale)

двух погребений из Прикубанья, где были найдены стеклянные скифосы зубовского типа. Материал этих погребений дает широкую дати-

ровку I в. до н.э. – I в. н.э., но присутствие в них таких скифосов позволяет сузить хронологические рамки до первой половины I в. н. э (рис. 6).

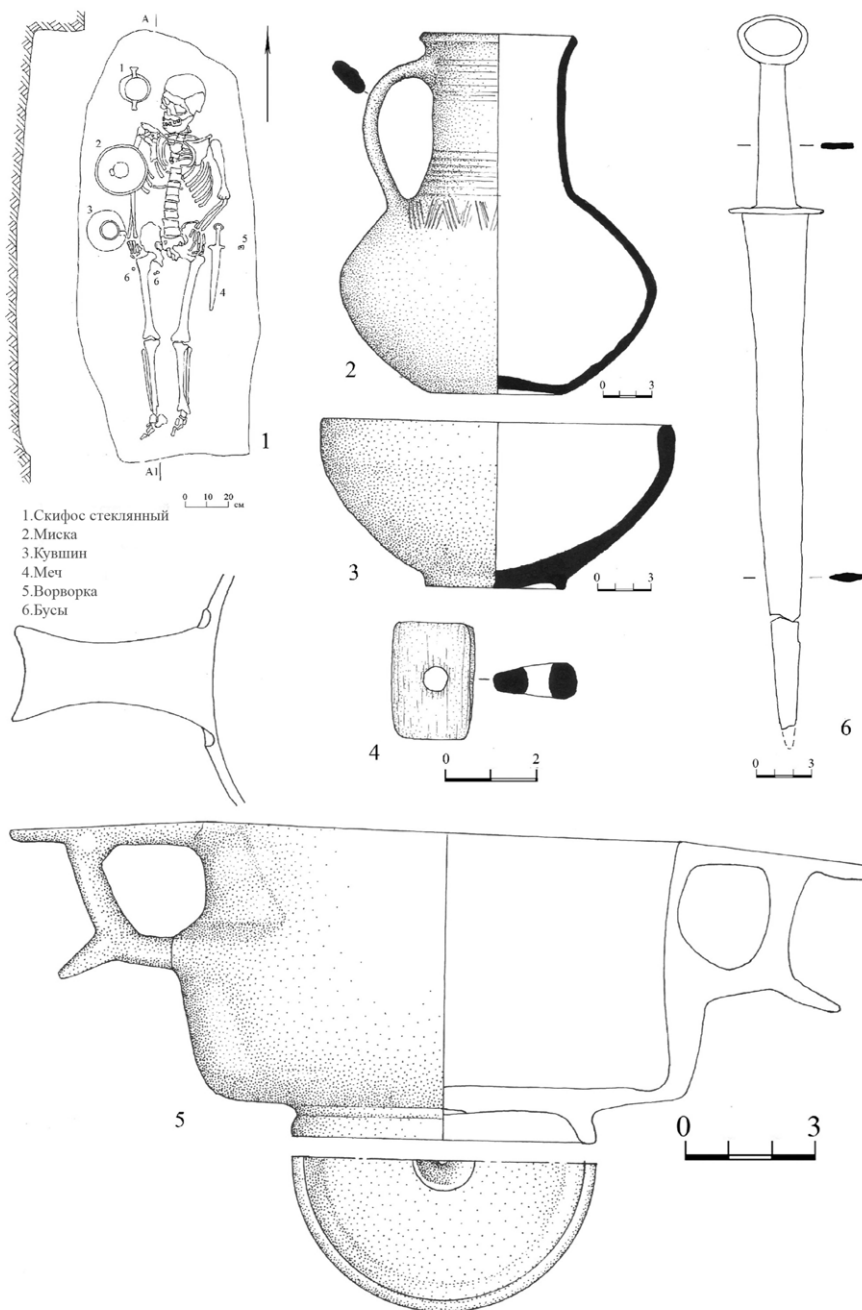

Рис. 6. Могильник Старокорсунского городища № 2, погр. 28в
(по: [Лимберис, Марченко, 2019, с. 242, рис. 3, с аннотациями авторов]):

1 – план и разрез могильной ямы; 2 – кувшин сероглиняный; 3 – миска сероглиняная;
4 – темляк костяной; 5 – скифос стеклянный; 6 – меч железный

Fig. 6. Burial ground of the Starokorsunsky settlement no. 2, burial 28в
(after: [Limberis, Marchenko, 2019, p. 242, fig. 3, Annotated by the Authors]):

1 – plan and section of the grave pit; 2 – gray clay jug; 3 – gray clay bowl;
4 – bone lanyard; 5 – glass skyphos; 6 – iron sword

Особый интерес у меня вызвала работа Сергея Ивановича Лукьяшко «Охота степных кочевников Причерноморья в раннем железном веке» [Лукьяшко, 2019]. Прежде всего, следует отметить, что археологи обращаются к данной теме очень редко, поэтому эта публикация сразу же привлекла к себе мое внимание.

В основе работы лежат как археологические, так и письменные источники. В частности автор обращается к Публию Вергилию Марону [1971, с. 140–141, 368–376, 410]. К археологическим источникам относятся как костные останки диких животных на поселениях и городищах скифской эпохи, так и изображения на предметах торевтики.

Сергей Иванович выделяет несколько видов охоты, которые применялись кочевыми племенами, в том числе скифами. Основными коллективными способами охоты были загонная и облавная (на парнокопытных, оленей, лосей и др.), но в то же время автор отмечает существование и индивидуальной охоты.

Для меня основной интерес этой статьи заключается в том, что автор для подтверждения своих доводов обращается к предметам

изобразительного искусства скифской эпохи. Так, например, рассматривая золотую бляшку из кургана Куль-Оба, на которой изображена охота на зайца, можно увидеть всадника с дротиком в руках, нацеленным на жертву, зайца, поза которого явно свидетельствует о том, что он спрятался или притаился (рис. 7).

Бляшку автор рассматривает как доказательство существования индивидуальной охоты, что, несомненно, верно. Однако в то же время это не просто изображение реального действия, а отражение мифологического мышления древних кочевников. Из письменных источников и заключений исследователей можно сделать вывод, что заяц воспринимался скифами как некий защитник, подтверждением чему может служить сообщение Геродота о помощи, якобы оказанной зайцем, появление которого предотвратило битву между скифами и войсками Дария (Геродот, IV, 134). Особому семиотическому статусу зайца, почитавшегося залогом благополучия в скифском обществе, и потому являвшимся ценным жертвенным животным, посвятил часть своего исследования Д.С. Раевский в

Рис. 7. Золотая бляшка из кургана Куль-Оба (по: [Лукьяшко, 2019, с. 69, рис. 1])

Fig. 7. Golden plaque from the Kul-Oba kurgan (after: [Lukyashko, 2019, p. 69, fig. 1])

работе «Модель скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э.» [Раевский, 1985, с. 63]. Он полагал, что изображение охоты на зайца подразумевает желание охотников добыть заветного зверька, для последующего принесения его в жертву.

Примером псовой охоты С.И. Лукьяшко считает сцену на серебряной чаше из кургана Солоха, где представлена охота на льва и на фантастическую львицу с козлиными рогами. Действительно, данная композиция, поскольку в ней присутствуют собаки, может считаться весомым аргументом в пользу гипотезы о существовании псовой охоты, но вместе с этим это изображение, по моему мнению, также является отражением традиционных мифологических представлений, бытовавших у древних этнических общностей.

Кроме того, С.И. Лукьяшко ставит вопрос и о существовании у скифов охоты с использованием ловчих птиц. И, хотя мы не имеем прямых доказательств о существовании такого рода промысла у скифов, костные останки хищных птиц: беркутов, ястребов, соколов и др., найденные на скифских поселениях, позволяют предположить его существование.

Автор описывает ряд золотых пластин из сибирской коллекции, в которых присутствуют сцены нападения хищных птиц на других животных. На одной из них – птица, терзающая яка. На другой – борьба за добычу (тушку парнокопытного животного) между волком-собакой, тигром и хищной птицей. По моему мнению, именно хищным птицам на этих пластинах отводится главная роль (рис. 8).

Далее С.И. Лукьяшко характеризует еще две золотые пластины: одну из Семибратнего кургана, на которой мы видим сцену нападения хищной птицы на животное, и вторую из Сибирской коллекции, где изображена птица уже с добычей в когтях (см. рис. 9).

В этой связи интересно было бы проанализировать сюжет композиции, украшающей ножны кинжала из богатого воинского погребения, обнаруженного в Горгиппии (I–II в. н.э.), где также имеется изображение нападения (охоты) хищной птицы на зайца (см. рис. 10).

Сцены охоты на золотых пластинах и на других скифских предметах: бляшках, сосудах, возможно, навеяны реальными событиями, на что может указывать, во-первых, главенствующее положение птиц в композициях, а во-вторых, особая детализация их внешне-

Рис. 8. Пряжка из Сибирской коллекции Петра I (по: [Лукьяшко, 2019, с. 71, рис. 5])

Fig. 8. Buckle from the Siberian collection of Peter I (after: [Lukyashko, 2019, p. 71, fig. 5])

Рис. 9. Пластины со сценами охоты хищных птиц:

- 1 – Семибратный курган (по: [Лукьяшко, 2019, с. 71, рис. 6]);
2 – Сибирская коллекция Петра I (по: [Лукьяшко, 2019, с. 72, рис. 7])

Fig. 9. Plates with hunting scenes of birds of prey:

- 1 – Semibratny kurgan (after: [Lukyashko, 2019, p. 71, fig. 6]);
2 – Siberian collection of Peter I (after: [Lukyashko, 2019, p. 72, fig. 7])

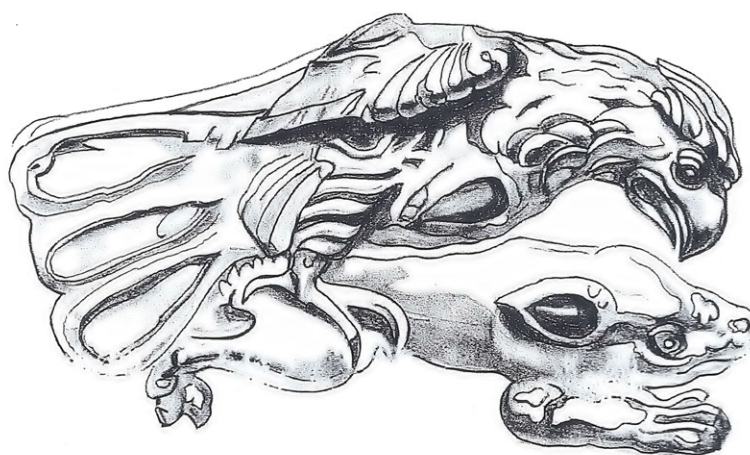

Рис. 10. Сцена нападения хищной птицы на зайца – деталь композиции на золотых ножнах кинжала из Горгиппии (по: [Засецкая, 2015, рис. 23])

Fig. 10. The scene of a bird of prey attacking a hare – a detail of the composition on the golden scabbard of a dagger from Gorgippia (after: [Zasetzkaya, 2015, fig. 23])

го вида, которая предполагает непосредственный контакт человека с птицами, а значит и вероятность существования ловчей охоты с их использованием. Таким образом, наблюдения С.И. Лукьяшко позволяют по-новому осмыслить сцены охоты, сохранившиеся на вышеперечисленных предметах скифской торевтики.

Статья Бориса Ароновича Раева «Эрот и Психея на медальонах чаш из Садового кургана: новые данные» [Раев, 2019] посвящена анализу медальонов на двух серебряных чашах из сервиза, обнаруженного в кургане Садовый в 1962 г., а также происхождению и времени бытования ритуальных серебряных сосудов типа экземпляра, найденного в кургане Хохлач в 1864 году.

Сравнительный анализ чаш показал, что они сделаны разными мастерами: одна из них отличается небрежностью в исполнении [Раев, 2019, с. 77]. Медальоны же представляют собой одинаковые композиции, центральным элементом которых является колонна, к которой в одном случае привязан Эрот, а в другом – Психея. В обеих сценах наверху колонны изображены ритуальные сосуды, турибулы.

Именно их автор справедливо сравнивает с сосудом из кургана Хохлач (рис. 11).

Чтобы проследить хронологию этих сосудов автор обращается к исследованиям М.Ю. Трейстера [Treister, 2004] и А. Саковски [Sakowski, 1998]. В результате Б.А. Раев приходит к выводу, что эти сосуды могли бытовать в течение эллинистического и римского времени.

Рис. 11. Турибулы – ритуальные сосуды:

- 1 – изображение на медальоне чаши РОМК, инв. КП 2544 (по: [Раев, 2019, с. 82, рис. 3–2]);
2 – сосуд из кургана Хохлач (по: [Засецкая, 2011, с. 224, ил. 118])

Fig. 11. Turibula ritual vessels:

- 1 – detail of the bowl medallion, Rostov Regional Museum of Local History, КП 2544 (after: [Raev, 2019, p. 82, fig. 3–2]);
2 – a vessel from the Khokhlach kurgan (after: [Zasetskaya, 2011, p. 224, ill. 118])

В заключении автор затрагивает вопрос о месте изготовления как серебряных чаш, так и сосуда из кургана Хохлача, полагая, что все они были созданы в мастерских одного региона. По мнению Р. Петровски, это могла быть Аттика [Petrovszky, 1996, S. 328, 336], а с точки зрения М.Ю. Трейстера таким регионами являлись Малая Азия, Сирия или Египет [Мордвинцева, Трейстер, 2007, с. 35]. Однако Борис Аронович, хотя и склоняется к версии М.Ю. Трейстера, полагает, что дальнейшие исследования помогут сузить предполагаемый ареал их производства.

Статья Елены Федоровны Корольковой «Саламатинский браслет: проблема идентификации звериных образов» [Королькова, 2019, с. 156–168], разумеется, не могла оставить меня равнодушной, поскольку Саламатинскому комплексу было посвящено мое первое научное исследование, построенное на археологических материалах Эрмитажа, поэтому я позволю себе сделать небольшое отступление и рассказать о том, как появилась моя статья по Саламатинскому погребению.

Я поступила на работу в Эрмитаж в феврале 1953 г. в отдел археологии, который тогда назывался Отдел истории первобытной культуры, в сармато-готскую секцию. Во главе этой секции стояла Кира Михайловна Скалон. Будучи главным хранителем нашего отдела, Кира Михайловна исполняла также обязанности хранителя древностей сармато-готского времени. Она то и предложила мне сделать публикацию саламатинского комплекса, в который, в том числе, входил и золотой спиральный браслет (рис. 12,1).

Следует отметить, что в целом 1953 г. для Эрмитажа был ознаменован появлением большого количества молодых сотрудников, выпускников исторического факультета Ленинградского университета, а также – искусствоведов, окончивших Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Данное обстоятельство обусловило организацию Молодежной научной сессии, состоявшейся в 1954 году. Именно на ней я и выступила с докладом по Саламатинскому погребению, а затем, превратив этот доклад в статью, сдала ее в Сообщениях Эрмитажа, но, к сожалению, статья была опубликована только в 1959 г. [Берхин, 1959], поскольку в 1954 г. известный археолог-исследователь Валентин Павлович Шилов, ведя раскопки на знаменитом большом Калиновском

могильнике у с. Калиновка в Волгоградской области, нашел женское погребение с золотыми украшениями: гривной, серьгами и спиральными браслетами с зооморфными изображениями на концах. Данные находки он передал в Эрмитаж и одновременно со мной направил свое сообщение в редакцию. Естественно, его работе было отдано предпочтение, и она была опубликована в 1956 г. [Шилов, 1956].

А теперь, после краткого экскурса в историю изучения Саламатинского комплекса, вернемся к статье Елены Федоровны Корольковой [Королькова, 2019], которая, как и большинство ее публикаций, является не узко специальной работой по археологии, а скорее культурологическим исследованием. Она рассматривает формирование стилистических особенностей изобразительного искусства скифо-сарматской эпохи, в контексте истории межэтнических контактов и взаимовлияния между «культурами постакеменидского Ирана, Китая и миром евразийских кочевников» [Королькова, 2019, с. 163].

Оставляя в стороне затронутые ею проблемы, связанные с этнокультурными традициями скифского общества и стереотипами их мифологического мировоззрения, которые требуют отдельного анализа, обратимся к главной цели, поставленной автором – «идентификации звериных образов» на саламатинском браслете (см. рис. 12,2) и прежде всего к их якобы китайскому происхождению. Это мнение было высказано Вадимом Зуевым, который утверждает, что на саламатинском браслете изображен китайский мифологический зверь – Ци-Линь, сын дракона [Зуев, 2017, с. 67–68]. В частности, В.Ю. Зуев предполагает, что знак на плече животного является крылом, традиционным для китайского дракона, однако в искусстве сарматов при создании образов крылатых существ на гривнах или браслетах, крылья изображались полностью (см. рис. 13).

Более того, для сарматского звериного стиля характерно отчетливое акцентирование разными способами мышц мускулатуры плеч или бедер. Часто это делалось при помощи цветных вставок, но также и графическими линиями. Например, на фигуре козла с золотой обкладки из сарматского погребения I в. н.э. у с. Барановка Волгоградской области, бедро выделено с помощью спиральной линии в технике гравировки (см. рис. 14).

Рис. 12. Браслет из погребения у с. Саломатино:
1 – общий вид; 2 – деталь (по: [Засецкая, 2019, табл. VIII,а])
Fig. 12. Bracelet from a burial near the village Salomatino:
1 – general view; 2 – detail (after: [Zasetskaya, 2019, table VIII,а])

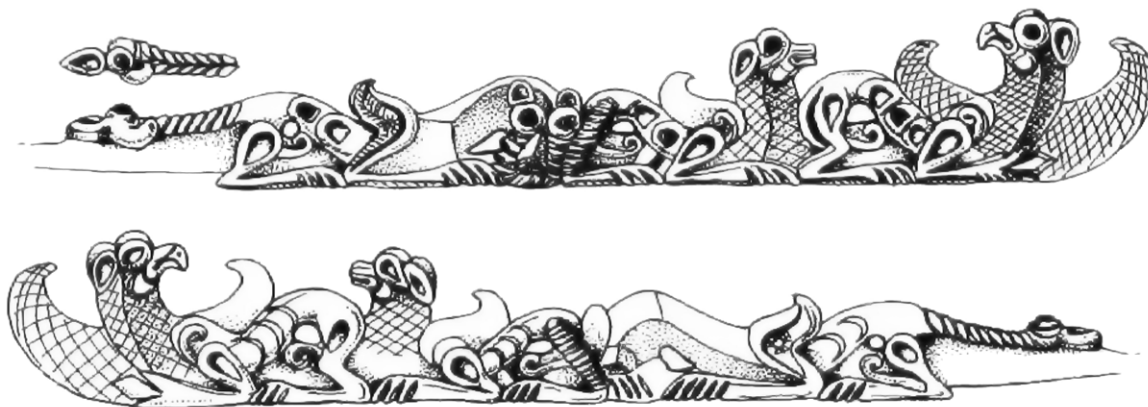

Рис. 13. Декоративные детали гривны из Ногайчинского кургана (по: [Засецкая, 2019, с. 138, табл. VI,б])
Fig. 13. Decorative details of the hryvnia from the Nogaychinsky kurgan
(after: [Zasetskaya, 2019, p. 138, table VI,б])

Рис. 14. Пластина из погребения из Барановки (по: [Засецкая, 2019, табл. XXXI,а])
Fig. 14. A plate from the Baranovka village burial (after: [Zasetskaya, 2019, Pl. XXXI,а])

Кроме плеча на саламатинском браслете при помощи графических линий воспроизведены и ребра, что также является типичным для изображений сарматского звериного стиля. Все вышеперечисленные стилистические особенности были традиционны для Переднеазиатского, а не китайского ювелирного искусства. Так, например, подобные черты мы можем наблюдать на серебряной ручке сосуда в виде дикого козла из Амударьинского клада, плечо которого выделено дуговидными полосами, бедра – кругами, выполненными в низком рельефе, а ребра – прямыми графическими линиями (рис. 15).

Кроме того, поза козла с поджатыми передними лапами и вытянутыми задними ногами характерна для изображения копытных животных в сарматском искусстве, что мы и наблюдаем в фигуре животного на саламатинском браслете.

Елена Федоровна справедливо отрицает тождество китайского Ци Линя и саламатинского зверя, приводя ряд доказательств, опровергающих точку зрения В. Зуева, однако она соглашается с возможностью влияния китайского искусства на рассматриваемый нами звериный образ, при этом не уточняя, что конкретно она имеет в виду. Одновременно с этим Елена Федоровна не согласна и с моими предположениями о том, что на саламатинском браслете изображена фигура козла. В качестве одного из аргументов она приводит изображение морды зверя, заканчивающегося, по ее мнению, «пяточком», то есть кружком, на котором расположены ноздри и широкий рот животного. Для меня осталось неясным, что подразумевается в рассматриваемой статье под определением «пяточок». Обычно таким образом называют вздернутый

Рис. 15. Серебряная ручка сосуда (по: [Зеймаль, 1979, с. 34, кат.10])

Fig. 15. Silver handle of a vessel (after: [Zeimal, 1979, p. 34, cat. 10])

нос с широкими ноздрями у поросенка или кабана, которым тот роет землю. Свиной пяточок имеет определенную форму, отличную от изображения на морде саламатинского животного. На мой взгляд, здесь мы сталкиваемся со схематичным изображением, сделанным мастером, что свидетельствует о небрежности в работе, на что, кстати, указывает и Елена Федоровна. Фигура выполнена в технике литья, причем рога и длинные уши были сделаны отдельно, и позднее вставлены в специально вырезанные для них мастером отверстия. Удлиненный нос был обрезан или не сформирован до конца, вследствие чего и образовалась та плоская поверхность, на которую, однако, мастер схематично нанес две ноздри и линию рта. Интересно отметить, что подобный круглый срез мы наблюдаем на стилизованных фигурах козлов на бронзовых кольцах из Никольского могильника Астраханской

области [Засецкая, 1979, рис. 14] (рис. 5,3–4). При всем моем уважении к Елене Федоровне, я не могу согласиться с ее выводами [Королькова, 2019, с. 163] и остаюсь при своем мнении, что в основе образа на саламатинском браслете лежит изображение козла, о чем свидетельствует парнокопытность животного – деталь, которую тщательнейшим образом подчеркнул мастер изделия, его поза, о чем мы писали ранее, наличие рогов и длинных ушей. Однако длинный хвост хищника, не свойственный копытным, говорит и о некоторой фантастичности образа. К сожалению, мы никогда не узнаем, почему львица на серебряной чаше из кургана Солоха изображена с козлиными рогами (рис. 16), а козел на саламатинском браслете – с длинным хвостом.

Особое значение имеет статья Марии Афанасьевны Балабановы и Евгения Владимировича Перервы «Special Rituals, Rites and

Рис. 16. Изображение львицы на сосуде из кургана Солоха (по: [Алексеев, 2012, с. 157])
Fig. 16. Image of a lioness on a vessel from the Solokha kurgan (after: [Alekseev, 2012, p. 157])

Customs of Treatment of Human Bodies (A Case Study of Sarmatian Cultures)» [Balabanova, Pererva, 2019], посвященная особенностям погребального обряда на основе антропологических материалов из сарматских погребений I–IV вв. н.э. Наряду с традиционным положением умерших на спине, авторы выделяют ряд погребений, в которых покойники были положены на живот, лицом вниз. В некоторых случаях руки и ноги у них были связаны. По мнению М.А. Балабановой и Е.В. Перервы, это останки приговоренных к смертной казни. Большинство погребений на животе относятся к позднесарматскому времени и датируются III–IV вв. н.э., хотя встречаются и в более раннее время.

Значительная часть статьи посвящена манипуляциям с черепами в захоронениях, среди которых встречаются погребения с обезглавленными покойниками, где черепа лежат рядом, и отдельные захоронения черепов. К тому же авторы указывают на наличие ряда черепов, несущих следы различных травматических действий, совершенных как при жизни, так и после смерти (деформация, трепанация). Нарушения традиционного погребального обряда, по мнению авторов, могли быть обусловлены причинами разного рода: во-первых, существованием обычаев, таких как человеческие жертвоприношения или ритуальное умерщвление старых людей, а во-вторых, причастностью покойного к практикующим вредоносную магию (колдунам) либо к «преступному миру».

В связи с вышеизложенным следует упомянуть загадочность погребения в знамени-

том кургане Хохлач, расположенном на окраине г. Новочеркаска на Нижнем Дону, в котором были обнаружены тайники с золотыми изделиями, устроенные в глинистом слое – выкиде из могилы, в то время как самого погребения в могильной яме обнаружено не было. Не было и следов разграбления могилы, при котором, как в самой могиле, так и в засыпи обычно встречаются обломки костей умерших. Этому факту и подобным искажениям традиционной погребально-похоронной обрядности была посвящена конференция 2016 г. «Древние некрополи и поселения: поспогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления». В сборнике материалов этой конференции особый интерес представляет статья М.А. Очир-Горяевой [Очир-Горяева, 2016], в которой дается описание особого ритуала – изъятия погребенного из могилы, с целью снятия с мертвеца драгоценностей, который, по ее мнению, существовал у кочевников южнорусских степей [Засецкая, 2020, с. 726]. Возвращаясь к статье М.А. Балабановой и Е.В. Перервы, хотелось бы подчеркнуть актуальность и значимость рассматриваемой ими темы, отражающей некоторые важные аспекты мировоззрения носителей сарматской культуры.

В заключение этого обзора я еще раз хотела бы поблагодарить всех, кто принял участие в номере журнала, посвященном моему юбилею. Разносторонность тематики представленных статей показывает, насколько широка сфера интересов исследователей, занимающихся скифо-сарматской проблематикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. Ю., 2012. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб : Изд-во Гос. Эрмитажа. 271 с.
- Алексеев А. Ю., 2019. Шлем «кубанского» типа из Келермесского могильника (раскопки 1993 г.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 221–234. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.14>
- Берхин И. П., 1959. Сарматское погребение у с. Саломатина // Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. XV. С. 37–41.
- Воронятов С. В., 2019. О металлических кольцах «зубовско-воздвиженского типа» со скульптурными антропо- и зооморфными изображениями // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 145–155. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.9>
- Галанина Л. К., 1985. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока. Л. : Наука. С. 169–183.
- Горелик М. В., 1982. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // Вестник древней истории. № 3. С. 90–105.

- Глебов В. П., 2019. Зеркала раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 86–104. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.6>
- Гущина И. И., Засецкая И. П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. М. : ГИМ. С. 71–141.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.
- Засецкая И. П., 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XX. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 87–113
- Засецкая И. П., 2011. Сокровища кургана Хохляч. Новочеркасский клад. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 328 с.
- Засецкая И. П., 2015. О стилистических особенностях трех кинжалов сарматской эпохи I века до новой эры – II века новой эры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 40. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 189–231.
- Засецкая И. П., 2019. Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Симферополь : Антиква. 184 с.
- Засецкая И. П., 2020. К вопросу об исследовательской этике. Рецензия на: Клейн Л. С. Первый век : Сокровища сарматских курганов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXV. С. 720–754
- Засецкая И. П., Марченко И. И., 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. СПб. : Государственный Эрмитаж. С. 90–104.
- Зеймаль Е. В. 1979. Амударьинский клад. Каталог. Л. : Искусство, Ленинград. отделение. 94 с.
- Зуев В. Ю., 2017. Саламатинский дракон Ци Линь (из истории раннесарматского искусства) // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства : материалы Междунар. науч. конф. СПб. : СПбГУ. Институт истории. С. 62–69.
- Королькова Е. Ф., 2019. Саламатинский браслет: проблема идентификации звериных образов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.10>
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Меотские погребения со стеклянными скифосами зубовского типа // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 235–244. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.15>
- Лукьяшко С. И., 2019. Охота степных кочевников Причерноморья в раннем железном веке // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.4>
- Маргынова Е. П., 2009. Угорско-самодийские параллели в погребальном обряде надымских ненцев // Сибирский сборник. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий : в 2 кн. Кн. 2. СПб. : МАЭ РАН. С. 56–61.
- Медведев А. П., Сафонов И. Е., 2006. Золотой Бестиарий Липецкого кургана // Liber Archaeologicae. Краснодар ; Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 80–88
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. Т. 1. Симферополь ; Бонн : Тарпан. 312 с.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1902 год (Публ. 1904 г.). 199 с.
- Очир-Горяева М. А., 2016. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. СПб. : ИИМК РАН. С. 113–128.
- Полин С. В., 2018. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) // Древности. Исследования. Проблемы : сб. ст. в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев ; Тирасполь : Stratum plus. С. 267–288.
- Публий Вергилий Марон, 1971. Буколики. Георгики. Энеида. М. : Худож. лит. 462 с.
- Раев Б. А., 2019. Эрот и Психея на медальонах чаш из Садового кургана : новые данные // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 75–85. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.5>
- Раевский Д. С., 1985. Модель скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М. : Наука. 256 с.
- Скрипкин А. С., 2019. К дискуссии о причине гибели Скифии // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 2. С. 8–24. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.1>

- Членова Н. Л., 1993. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. Вып. 7. СПб. : Фарн. С. 49–77.
- Шилов В. П., 1956. Погребения сарматской знати I в. до н.э. (предварительное сообщение) // СГЭ № 9. С. 42–45.
- Balabanova M. A., Pererva E. V., 2019. Special Rituals, Rites and Customs of Treatment of Human Bodies (A Case Study of Sarmatian Cultures) // The Lower Volga Archaeological Bulletin. Vol. 18, № 2. P. 125–144. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.8>
- Sakowski A., 1998. Darstellungen von Greifenkesseln // Bulletin Antieke Beschaving. № 73, pp. 61–82.
- Treister M., 2004. Silver Vessels from the Khokhlach Barrow // The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26–31, 2003. Bucharest : Editura Cetatea de Scaun. P. 451–467.
- Petrovsky R., 1996. Die Bronzegefäße von Mahdia. Nachträge und neue Überlegungen // Bonner Jahrbücher. Bd. 196. S. 321–336.

REFERENCES

- Alexeev A. Yu., 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha* [The Gold of the Scythian Kings in the Hermitage Collection]. Saint Petersburg, The State Hermitage. 271 p.
- Alekseev A. Yu., 2019. Shlem «kubanskogo tipa» iz Kelermesskogo mogil'nika (raskopki 1993 g.) [Helmet of the “Kuban” Type from Kelermes Burial Ground (Excavated in 1993)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 221–234. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.14>
- Berkhin I.P., 1959. Sarmatskoe pogrebenie u s. Salomatina [Sarmatian Burial near the Village Salomatino]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Reports of the State Hermitage]. Iss. XV, pp. 37–41.
- Voroniato S.V., 2019. O metallicheskih kol'tsah «zubovsko-vozdvizhenskogo tipa» so skul'pturnymi antropo- i zoomorfnyimi izobrazheniyami [About Metal Rings of the “Zubovsky-Vozdvizhenskaya Type” Adorned with Sculptured Anthropomorphic and Zoomorphic Images]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 145–155. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.9>
- Galanina L.K., 1985. Shlemy kubanskogo tipa (voprosy khronologii i proiskhozhdeniya) [Kuban Type Helmets (Issues of Chronology and Origin)]. *Kulturnoe nasledie Vostoka* [Cultural Heritage of the East]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 169–183.
- Gorelik M.V., 1982. Zashchitnoe vooruzhenie persov i midyan ahemenidskogo vremeni [Protective Weapons of the Persians and the Medes of the Achaemenid Period]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 90–105.
- Glebov V.P., 2019. Zerkala rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Podon'ya [Mirrors of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 86–104. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.6>
- Gushchina I.I., Zasetskaya I.P., 1994. «Zolotoe kladbishche» Rimskoy epokhi v Prikubanye [“Golden Cemetery” of the Roman Age in the Kuban Region]. Saint Petersburg, Farn Publ. 172 p.
- Zasetskaya I. P., 1979. Savromatskie i sarmatskie pogrebeniya Nikol'skogo mogil'nika v Nizhnem Povolzh'e [Sauromat and Sarmatian Burials of the Nikolsky Burial Ground in the Lower Volga Region]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the State Hermitage], iss. XX. Leningrad, The State Hermitage, pp. 87–113
- Zasetskaya I.P., 2011. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novoчеркасский клад* [Treasures from the Khokhlach Barrow. Novoчеркасс Hoard]. Saint Petersburg, The State Hermitage. 328 p.
- Zasetskaya I.P., 2015. O stilisticheskikh osobennostyah trekh kinzhalov sarmatskoy epokhi I veka do novoy ery – II veka novoy ery [On the Stylistic Features of Three Daggers of the Sarmatian Era of the 1st Century BC – 2 Century AD]. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage], iss. 40. Saint Petersburg, The State Hermitage, pp. 189–231.
- Zasetskaya I.P., 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. – nachalo II v. n.e.)* [Art of the Animal Style of the Sarmatian Era (2nd Century BC – Early 2nd Century AD)]. Simferopol, Antikva Publ. 184 p.

- Zasetskaya, I. P., 2020. K voprosu ob issledovatel'skoy etike. Retsenziya na: Kleyn L. C. Pervyy vek : Sokrovishcha sarmatskikh kurganov [To the Question About Research Ethics (Review: Klein L. S. Pervyi vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov. Saint Petersburg, Evrazia Publ., 2016, 224 p.]. *Mateiraly po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], vol. 5, pp. 720-254.
- Zasetskaya I.P., Marchenko I.I., 1995. Klassifikatsiya steklyannykh kanfarov pozdneellinisticheskogo i rannerimskogo vremeni [The Classification of the Glass Kantharoi of the Late Hellenistic and Early Roman Period]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The State Hermitage Collection of Articles on Archaeology], iss. 32. Saint Petersburg, The State Hermitage, pp. 90-104.
- Zeymal' E.V. 1979. *Amudar'inskiy klad. Katalog* [Amu Darya Treasure. Catalog]. Leningrad, Iskusstvo, Leningrad. otdelenie Publ. 94 p.
- Zuev V. Yu., 2017. Salamatskiy drakon Tsi Lin' (iz istorii rannesarmatskogo iskusstva) [Dragon Qi Lin from Salamatino (from the Pistory of Early Sarmatian Art)]. *Ranniye zheleznyye veky Evrazii ot rubezha er do serediny I tys. n.e. Dinamika osvoeniya kul'turnogo prostranstva: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Early Iron Age of Eurasia from the Turn of the Ages to the Middle of the 1st Millennium AD. The Dynamics of the Development of Cultural Space. Proceedings of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, SPbSU. Institute of History, pp. 62-69.
- Korolkova E.F., 2019. Salamatskiy braslet: problema identifikatsii zverinykh obrazov [Bracelet from Salamatino: Problem of Identifying Zoomorphic Images]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 156-168. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.10>
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2019. Meotskie pogrebeniya so steklyannymi skifosami zubovskogo tipa [Maeotian Burials with Glass Skyphos of the Zubovsky Type]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 235-244. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.15>
- Lukyashko S.I., 2019. Ohota stepnykh kochevnikov Prichernomor'ya v rannem zheleznom veke [Hunting of Steppe Nomads of the Pontic Region in the Early Iron Age]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 62-74. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.4>
- Martynova E.P., 2009. Ugorsko-samodiyskie paralleli v pogrebal'nom obryade nadymskih nentsev [Ugric-Samoyed Parallels in the Funeral Rite of the Nadym Nenets]. *Sibirskiy sbornik. Pogrebal'nyy obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy: v 2 kn. Kn. 2* [Siberian Collection. The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. In 2 books. Book 2]. Sain Petersburg, MAE RAS, pp. 56-61.
- Medvedev A. P., Safonov I. E., 2006. Zolotoy Bestiariy Lipetskogo kurgana [Golden Bestiary of the Lipetsk Kurgan]. *Liber Archaeologicae*. Krasnodar, Rostov on Don, SSC RAS, pp. 80-88.
- Mordvintseva V.I., Treister M. Yu., 2007. *Proizvedeniya torevniki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e* [Toreutics and Jewelry in North Black Sea Region]. Vol. 1. Simferopol, Bonn, Tarpan Publ. 312 p.
- Otchet Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1902 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1902] (Published in 1904). Saint Petersburg. 199 p.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2016. Sledy postpogrebal'nykh obryadov v kurganakh skifskoy epohi stepey Evrazii [Traces of Post-funerary Rituals in the Scythian Burials of Eurasian Steppes]. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zahoroneniya i ogrableniya. Trudy IIMK RAN* [Ancient Cemeteries and Settlements: Post-Burial Rites, Symbolic Interments, and Grave Plundering], vol. 46. Saint Petersburg, IHMC RAS, pp. 113-128.
- Polin S.V., 2018. Sarmatskoe zavoevanie Severnogo Prichernomor'ya (sovremennoe sostoyanie problemy) [Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (Current Studies)]. *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy: sb. st. v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova* [Antiquities. Studies and Issues. Essays in Honour of Nicolai Telnov on the Occasion of his 70th Birthday]. Kishinev-Tiraspol, Stratum Plus Publ., pp. 267-288.
- Publius Vergilius Maro, 1971. Bukoliki. Georgiki. Eneida [Bucolicele. Georgicele. Eneida]. Moscow, Khud. lit. Publ. 462 p.
- Raev B.A., 2019. Erot i Psiheya na medal'onah chash iz Sadovogo kurgana: novye dannye [Eros and Psyche on the Medallions of Silver Bowls from Sadovy Kurgan: New Data]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 75-85. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.5>
- Raevskiy D. S., 1985. *Model' skifskoy kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnykh narodov evraziyskikh stepey I tysyacheletiya do n.e.* [Model of the Scythian Culture. Problems of the Worldview of the Iranian-Speaking Peoples of the Eurasian Steppes of the 1st Millennium BC]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.

- Skripkin A.S., 2019. K diskussii o prichine gibeli Skifii [To the Discussion About the Cause of the Scythia Fall]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 2, pp. 8-24. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.1>
- Chlenova N.L., 1993. O stepeni skhodstva komponentov material'noy kul'tury v predelakh "Skifskogo mira" [On the Degree of Similarity of the Components of Material Culture within the "Scythian World"]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik* [Saint Petersburg Archaeologicheskii Vestnik], vol. 7. Saint Petersburg, Farn Publ., pp. 49-77.
- Balabanova M.A., Pererva E.V., 2019. Special Rituals, Rites and Customs of Treatment of Human Bodies (A Case Study of Sarmatian Cultures). *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik*, vol. 18, no. 2, pp. 125-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.2.8>
- Sakowski A., 1998. Darstellungen von Greifenkesseln. *Bulletin Antieke Beschaving*, no. 73, pp. 61-82.
- Treister M., 2004. Silver Vessels from the Khokhlach Barrow. *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, Organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26–31, 2003*. Bucharest, Editura Cetatea de Scaun, pp. 451-467.
- Petrovsky R., 1996. Die Bronzegefäße von Mahdia. Nachträge und neue Überlegungen. *Bonner Jahrbücher*. Bd. 196. S. 321-336.

Information About the Author

Irina P. Zasetskaya, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, State Hermitage Museum, Dvortsovaya Emb., 34, 194000 Saint Petersburg, Russian Federation, krokochka1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1313-3502>

Информация об авторе

Ирина Петровна Засецкая, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, 194000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, krokochka1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1313-3502>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.16>

UDC 903'1(470)

LBC 63.442.7(235.7)

Submitted: 22.05.2023

Accepted: 13.06.2023

**11th ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
“PROBLEMS OF SARMATIAN ARCHAEOLOGY AND HISTORY”**

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Kseniya S. Kovaleva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir I. Moiseev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Alexander N. Dyachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article summarizes the results of the All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archaeology and History” dedicated to the memory of Prof. Anatoly S. Skripkin. The leading theme of the conference is “Chronology and periodization of the Sauromat and Sarmatian cultures: Regional features”. The conference was held in Volgograd in May 2023 on the base of Volgograd State University.

Key words: Sarmatians, archeology, conference, VolSU, Sarmatian archeology.

Citation. Krivosheev M.V., Kovaleva K.S., Moiseev V.I., Dyachenko A.N., 2023. XI Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» [11th All-Russian Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 329-332. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.16>

УДК 903'1(470)

ББК 63.442.7(235.7)

Дата поступления статьи: 22.05.2023

Дата принятия статьи: 13.06.2023

**XI ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ»**

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ксения Сергеевна Ковалева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Иванович Моисеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Николаевич Дьяченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье подведены итоги XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной памяти Анатолия Степановича Скрипкина. Ведущая тема конференции – «Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур». Конференция прошла в Волгограде в мае 2022 г. на базе Волгоградского государственного университета.

Ключевые слова: сарматы, археология, конференция, ВолГУ, сарматская археология.

Цитирование. Кривошеев М. В., Ковалева К. С., Моисеев В. И., Дьяченко А. Н., 2023. XI Всероссийская научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории» // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 329–332. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.16>

В г. Волгограде на базе Волгоградского государственного университета 15–19 мая 2023 г. состоялась XI Всероссийская научная конференция с международным участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященная памяти Анатолия Степановича Скрипкина. Ведущая тема конференции – «Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур».

Данная конференция один раз в три года собирает ведущих специалистов в области археологии и истории кочевников раннего железного века. В Волгограде конференция прошла в очном и дистанционном форматах. В ней приняли участие 63 ученых из 19 городов России, Кыргызстана, Германии. Было озвучено 44 доклада, из них 7 онлайн.

Пленарное заседание открыл проректор по учебной работе ВолГУ Д.Ю. Ильин, посвятивший свой доклад становлению и развитию археологии в Волгоградском государственном университете и Анатолию Степановичу Скрипкину – основателю волгоградской школы сарматской археологии. Личности Анатолия Степановича также посвящен доклад А.Н. Дьяченко и В.М. Клепикова «Вспоминая Учителя и Друга».

Тематика представленных докладов и обсуждение предлагаемых вопросов вышли далеко за рамки традиционных археологических подходов. Внушительным блоком были представлены доклады, посвященные различным аспектам изучения древностей «филипповского круга» в Южном Приуралье, которые являются очень яркими памятниками кочевой элиты. О.В. Аникеева провела анализ бус и предложила свои наработки в изучении бус как хроноиндикаторов. Оживленный ин-

терес вызвал доклад Н.С. Савельева «Церемониальный меч из Филипповки». Свою интерпретацию знаменитых фигур оленей из Филипповки предложила Е.Е. Нечвалода. Антропологический аспект изучения элитных захоронений могильника Филипповка был представлен А.А. Хохловым, Е.П. Китовым, В.Н. Мышкиным.

Острую дискуссию вызвало выступление С.И. Лукьяшко, посвященное проблемам этногенеза ранних кочевников.

Стоит сказать про широкий спектр тем докладов по раннесарматскому времени. Обсуждались и вопросы вооружения (С.Ю. Николаев), и кубанские импорты в кочевнических погребениях (Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко), и детали конской сбруи в предкавказских памятниках (Ю.И. Прокопенко).

Среднесарматскому времени были посвящены доклады С.В. Демиденко, А.П. Медведева. Тему человеческих останков в качестве трофеев затронул С.Э. Зубов. О современном состоянии проблемы изучения сарматских тамг говорил С.А. Яценко. Позднесарматская тематика была представлена в докладах А.А. Васильева, В.Ю. Малашева и М.В. Кривошеева, Е.В. Вдовченкова, С.А. Володина и А.А. Шевченко.

География тем, предложенных в докладах на конференции, ярко демонстрирует круг интересов исследователей, занимающихся проблемами савромато-сарматских культур. Помимо традиционных материалов из регионов урало-волго-донских степей, представлены исследования в Средней Азии (доклады К.С. Окорокова, А.С. Балахванцева, Е.П. Китова), в Крыму (доклады И.Н. Храпунова, А.А. Стояновой), в степях Северного Причер-

номорья (доклады В.В. Кропотова), в лесостепной зоне Западной Сибири (доклад С.В. Шараповой), в лесостепной зоне Волго-Уралья (доклад С.Э. Зубова), в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы (О.А. Радюш), на Северном Кавказе (К.Б. Шаушев).

Междисциплинарный подход все более востребован в археологической науке. И этому были посвящены доклады по антропологии (М.А. Балабановой, А.А. Хохлова, Е.В. Перервы, Е.П. Китова, М.Б. Медниковой и А.А. Та-

расовой), молекулярно-генетическим исследованиям (Е.В. Вдовченкова, И.В. Корниенко, О.Ю. Арамовой, Д.К. Леоновой), палеоклиматическим реконструкциям (М.В. Кривошеева и А.В. Борисова), исследованию содержимого сосудов из погребений (С.В. Шараповой, А.Я. Труфанова, Д.В. Киселевой).

Материалы конференции изданы в сборнике материалов [Региональные особенности ... , 2023] и размещены в свободном доступе на портале eLIBRARY.RU.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А. С. Скрипкина, г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г., 2023. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 307 с.

REFERENCES

Regional'nye osobennosti hronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskih kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii», posvyashch. pamyati A. S. Skripkina, g. Volgograd, 15–19 maya 2023 g. [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archaeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023, Volgograd], 2023. Volgograd, VolSU. 307 p.

Information About the Authors

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of A.S. Skripkin Laboratory for Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Kseniya S. Kovaleva, Laboratory Assistant, A.S. Skripkin Laboratory for Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

Vladimir I. Moiseev, Researcher, A.S. Skripkin Laboratory for Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, v.moiseev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5110-733X>

Alexander N. Dyachenko, Researcher, A.S. Skripkin Laboratory for Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

Информация об авторах

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Ксения Сергеевна Ковалева, лаборант лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062, г. Волгоград, Российская Федерация, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

Владимир Иванович Моисеев, научный сотрудник лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, v.moiseev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5110-733X>

Александр Николаевич Дьяченко, научный сотрудник лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
- оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
- организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
- развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
- обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
- поддержание высокого уровня научных публикаций.

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of the world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
- present research findings to end users in the most useful way;
- create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
- develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
- review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
- maintain the high level of academic publications.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://nav.jvolsu.com> («Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").